

ИРОИ

КОМИ
ЧЕСКАЯ

ПОЭМА

ИРОИ
КОМИЧЕСКАЯ
ПОЭМА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. ГОРЬКОГО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. ГОРЬКИЙ, И. А. ГРУЗДЕВ,
Б. Л. ПАСТЕРНАК, В. М. САЯНОВ,
А. П. СЕЛИВАНОВСКИЙ, Н. С.
ТИХОНОВ, Ю. Н. ТЫНЯНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

ИРОИ-КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА

**РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Б. ТОМАШЕВСКОГО**

**ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
В. А. ДЕСНИЦКОГО**

№ 295

Отпечатано для Издательства писателей
в Ленинграде в количестве 3500 экз. —
48⁵/₈ л. 2-ой типогр. «Печатный Двор».
Ленинград, Гатчинская, 26. Заказ № 285.
Ленгортит № 1145. Рисунок переплета и
супер-обложки М. Курнарского. Сдано в на-
бор 13/X 1932 г. Подписано к печати 29/VI
1933 г. Формат 82×110 см. Порядковый № 34.
71232 тип. зн. в 1 бум. л. Бум. л. 24³/₄ л.
Ответственный редактор В. Сянов.
Технический редактор Д. Бабкин.
1933

Василий Иванович Майков
с портрета масляными красками, принадлежавшего
Российской Академии

(Музей ИРЛИ).

Настоящий сборник объединяет главнейшие произведения, относящиеся к жанру «комической поэмы» и написанные в пределах пятидесяти лет: с 1763 по 1814 г.

Произведения эти резко разделяются на два класса: на эпос прои-комический и эпос «перелицованный».

Однако, это жанровое деление на две группы не вполне совпадает с историческим развитием общего жанра комических поэм. Исторически мы имеем три группы произведений: прои-комические поэмы 1763—1771 г. (Майков, Чулков), перелицованные поэмы 1790-х годов (Осипов и его подражатели) и поэмы 1811—1814 гг. (В. Пушкин, Шаховской).

В словаре, помещенном в конце книги, разъяснены устаревшие слова, а также даны сведения по мифологии, необходимые для понимания поэм, в которых упоминание древних богов и героев было традиционным. Чтобы приблизить современного читателя к условиям восприятия поэм, бывшим в момент их появления, мифологические сведения даны, где это было возможно без ущерба для краткости словаря, в форме цитат из современных поэм книг, преимущественно же из работ Чулкова, автора, представленного своими поэмами в настоящем сборнике.

Комментарий к отдельным местам поэм дан в примечаниях, напечатанных в конце книги.

Текст поэм проверен по всем изданиям, выходившим при жизни авторов (рукописи этих произведений до нас не дошли). Отступления от оригинала делались только в порядке замены старой орфографии на новую. Впрочем, там, где подновление орфографии разрушало произношение (особенно в рифме), оставлено старое начер-

тание. Так например, сохранялось окончание «ой» вместо современных «ий» и «ый» в именительном падеже прилагательных мужского рода. Подвергались некоторому обновлению и знаки препинания, но и здесь полного обновления не достигнуто, так как часто самое строение фразы таково, что оно не может быть выражено знаками препинания, расставленными по правилам нашего времени.

Таким образом, устраняя то устарелое в орфографии и знаках препинания оригиналов, что могло служить ненужным препятствием для современного читателя, мы стремились к тому, чтобы своеобразие языка поэм при этом не пострадало.

Б. Томашевский

О ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

I

Если марксистское изучение русского литературного процесса XIX в. находится у нас пока только в начальной стадии, если здесь приходится бороться и с буржуазными течениями в литературной науке, и с различного рода искажениями, извращениями марксизма-ленинизма (переверзианство, троцкизм, беспринципный эклектизм и т. д.), то с изучением литературы XVIII в. дело обстоит неблагоприятно в еще большей мере.

В работах по истории литературы XVIII в. до сих пор находят преимущественное выражение или формалистические установки на выключение литературных явлений из общего исторического процесса, или социологизирование в духе традиций буржуазного культурно-исторического метода, или даже претенциозные суждения эстетского порядка.

Так например, Б. М. Эйхенбаум статью о Державине закончил следующими словами: «Ледяной XVIII век принял, в его поэтике, вид лилейной мечты и утвердил власть света и любви над тьмою смерти и холодом рассудка». ¹

Представители тех или иных вариаций буржуазного социологизма продолжают «осмыслять» литературу XVIII в. как введение в «героический» период русской литературы XIX в., как движение и развитие идей, осуществляемое силами внеклассовой интеллигенции.

---

¹ Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу, «Academia», Лнгр. 1924, стр. 36.

В опытах «марксистского» изучения литературы XVIII в. мы, правда, не найдем перепевов эстетской «лилейной» мечты, но повторение положений буржуазного социологизма, в большей или меньшей мере переведенных на «материалистический» язык, составляет основное содержание и «марксистских» работ.

В этом смысле весьма показательны статьи по истории литературы XVIII в. в «Литературной энциклопедии». Для иллюстрации беру основную статью из V тома (в составе редакции, его выпустившей, уже не было В. Перверзева) — «Классицизм в России». Написана она Д. Благим.

Как эта работа построена? В основу ее положены следующие утверждения: «европеизация... всех сторон культурной жизни, в том числе и литературы», как определяющая характерная черта русского исторического процесса XVIII в., «вторичность (? — В. Д.) русского экономического и культурного развития», «подражательный в основном характер русского классицизма (классицизм Ломоносова — копия с копии)». «В русском классицизме, — утверждает Д. Благой, — буржуазия, не подпускаемая дворянством к управлению страной, голоса не имела: стиль русского классицизма выражал психоидеологию... высшего феодально-крепостнического дворянства, учитывавшего (? — В. Д.) потребности экономического развития»; «в эпоху классицизма литература строится на... принципе правительственного «ободрения», покровительства, который характерен для направления всей хозяйственной экономической жизни того времени»... Д. Благой декретирует «прямую и четкую социальную «заданность» литературы классицизма»; «писатели призываются на службу экономическими и политическими хозяевами страны», утверждает он.

В результате таких буржуазно-меньшевистских установок и получается двусмысленное, противоречивое понимание литературы XVIII в. С одной стороны,

буржуазия в русском классицизме «голоса не имела», с другой — «рассудочная нормативность классической поэтики... нашла себе полное соответствие с общими рационалистическими тенденциями эпохи Просвещения». «Стиль русского классицизма носит резко выраженный дворянский, аристократический характер». И рядом: «дворянство ведет ожесточенную классовую и внутриклассовую борьбу», и это «обуславливает динамику классического стиля на протяжении столетия».

В классическую литературу с «резко выраженным... аристократическим характером» затискиваются все литературные жанры XVIII в.: «на ряду с «высокими жанрами» в классицизме получили пышный расцвет жанры так называемой «легкой поэзии» — галантная любовная песенка, эклога, анакреонтическая ода, стихотворная «повесть» («Душенька» Богдановича, написанная для того, «чтоб в час прохлад, веселья и покоя приятно рассмеялась Хлоя»), «бурлескная» поэма («Елисей» В. Майкова и др.), водевиль, равно как и чисто зрелищные театральные представления — оперы».

Автором руководящей статьи фетишизируется таинственное «рядовое дворянство», «среднее дворянство». За счет этого «рядового дворянства» (? — В. Д.) заносится Державин, «снижающий жанр торжественной оды»; тому же «рядовому дворянству» ставится в счет «расцвет сатирических журналов». Единственным буржуазным «врагом» классического аристократического стиля в XVIII в. оказывается одна только «мещанская драма», «слезная комедия». Но «одновременно, — утешает Д. Благой, — классический стиль подтачивается изнутри нововозникающим стилем сентиментализма, несущего в себе выражение психоидеологии среднепоместного буржуазизирующегося дворянства».

Такая маловразумительная «философия» литературы XVIII в. подкрепляется в другой руководящей статье того же V тома «Энциклопедии» («Русская критика»

Валерьяна Полянского). Здесь мы находим изумительное, можно сказать — классическое, осмысление русского литературного процесса XVIII в.: «Поскольку русская литература XVIII в. была целиком подражательной и переносила в русскую жизнь французское начало, чуждое нам, она неизбежно вызывала оппозицию». И еще: «Французские и английские влияния придавали нашей критике классический (? — В. Д.) характер; немецкие, наоборот (! — В. Д.), делали ее философски-моралистической. Начавшись со споров о языке, о грамматических правилах, русская критика к началу XIX в. приобрела эстетически-стилистический характер, поднявшись на значительную высоту».

Правда, почтенный автор руководящей статьи в «марксистской энциклопедии» любезно сообщает, что «критик — не человек науки, он даже не публицист», что «спокойствие, так называемая объективность... — гибель критика», что критика «низвергают в бездны... и побивают камнями, когда он горит, когда он боец». В. Полянский «боец» несомненный и «горит» нестерпимо ярко; он так определяет задачи современной литературной критики: «Сейчас критик анализирует отношение писателя к коллективизации сельского хозяйства... Сейчас критик бьет писателя за правый уклон, за левые загибы». Похоже на то, как будто автор напрашивается на то, чтобы его «побили камнями», но это его личное дело...

Откуда идет такая путаница, откуда такая беспомощность в анализе литературных явлений XVIII в., принимающая в конечном счете явно меньшевистские очертания? Ведь и положение Д. Благого и развязные суждения «не человека науки и не публициста» снимают, в сущности, проблему генетики литературы XVIII в., анализа в ней классовой борьбы, сводят весь культурный процесс к борьбе за «европеизацию», единственным двигателем которой являются «аристократическое дворянство» и самодержавное правительство, выдвигают на

первый план бесклассовую, национальную «подражательность» литературы, объявляют ее состоящей на службе правительства и выполняющей его задания...

Причины такой беспомощности коренятся, полагаю, в том, что авторы цитированных статей в суждениях о литературе XVIII в. опираются на Г. В. Плеханова, который в своей меньшевистской концепции русского исторического (и литературного тем самым) процесса смыкается, в свою очередь, с либерально-буржуазной историко-литературной наукой.

Если мы раскроем I том плехановской «Истории общественной мысли», то найдем там ряд таких положений и формулировок, которые нашли свое выражение и развитие в тех статьях «Литературной энциклопедии», о которых мы говорили выше.

«Новая культура, — пишет Плеханов, — после петровской реформы проникшая с Запада в Россию, долго имела дворянский отпечаток. Это особенно заметно в том, что составляло лучший плод этой культуры: в литературе». И он, оставаясь на поверхности общественных явлений, трактуя движение культуры как последователь культурно-исторического метода И. Тэна, декретировал для русского общества XVIII в. культурный «разрыв между верхним, более или менее глубоко европеизированным классом, с одной стороны, и народом — с другой, который был результатом петровской реформы» (т. I, стр. 115). Для Плеханова даже «взрыв 1905—1906 гг. был следствием европеизации России». Сплошной «дворянский» характер русской литературы, по Плеханову, только в половине XIX в. сменяется «разночинным».

Плеханов при осмыслении русской культуры XVIII в. не идет от конкретного анализа классовых отношений, он не изучает сложного и драматического процесса классовой борьбы, нашедшего себе выражение и в литературе. В своем стремлении подчеркнуть русскую

культурную отсталость Плеханов, отрываясь от анализа конкретных исторических явлений, утверждает: «Некоторые деспотии Востока — древний Египет или древняя Халдея... были более цивилизованы, нежели Московская Русь XVII в.» (т. I, стр. 119). Поэтому для него, поклонника «цивилизации» вообще, «вполне естественный антагонизм между купечеством и дворянством создал... еще одно препятствие для европеизации России» (т. I, стр. 122). По его мнению, «наша борьба классов, чаще всего остававшаяся в скрытом состоянии, в течение очень долгого времени не только не колебала существовавшего у нас политического порядка, а, напротив, чрезвычайно упрочивала его» (т. I, стр. 110).

Поэтому для Плеханова, — ко времени написания «Истории общественной мысли» окончательно ставшего на меньшевистские позиции классового соглашательства, буржуазной «национальной» революции, которая должна превратить Россию в «европейскую» страну, — и в русском историческом прошлом дороги прежде всего «европеизированные представители русской общественной мысли» (т. I, стр. 117). Ибо они именно, не выводя классовой борьбы из ее «скрытого состояния», так или иначе «колеблют господствующий политический строй», колеблют самодержавную власть, поставленную Плехановым над классами.

Отсюда у Плеханова и в XVIII в. трактовка феодального дворянского сословия не столько в плане изучения его классовой борьбы (борьбы с закрепощенным крестьянством, борьбы с развивающейся буржуазией), сколько в плане проявления преимущественного внимания к борьбе дворянства только с «правительством», которое является как бы надклассовой организацией. Отсюда — идеализация «европеизированных представителей общественной мысли», как бы во имя «европеизации» поднявшихся выше своих эгоистических классовых интересов; отсюда — занесение на счет «европеизирован-

ного» дворянства всего движения культуры в XVIII в. Эта культура, таким образом, не продукт и не выражение перипетий и результатов классовой борьбы, а, наоборот, следствие того, что эта борьба была притуплена, была «в скрытом состоянии».

Г. В. Плеханов пишет: «Продолжая быть, в известных отношениях, «барами» до конца ногтей, молодые дворянские идеологи становились в отрицательные отношения к наиболее грубым проявлениям дворянского сословного эгоизма. Так, уже в XVIII в. они резко нападали на злоупотребления крепостным правом, а некоторые из них заговорили и о полном его уничтожении. Скажу более: вышедшие из дворянской среды передовые люди выставляли иногда такие социально-политические требования, осуществление которых означало бы полную отмену привилегий благородного сословия» (т. I, стр. 126—127).

Как исходившее из этих отравных плехановских меньшевистских установок, получало теоретическое обоснование и троцкистское заявление Г. Е. Горбачева, что Радищев, в сущности, «выпадает из XVIII в.». Таким же образом и для многих литературоведов «марксистов» литература XVIII в. является не отражением и выражением сложной классовой борьбы, а продуктом длительного культурного процесса «европеизации» господствующего сословия; отсюда у них и гиперболизация момента «подражательности», взятого механистически, как единый надклассовый поток усвоения «общечеловеческого». Для них нет вопроса: что, почему, как это, какой общественный класс отбирает и усваивает или иные элементы западноевропейской культуры, переводит, читает, перекраивает на свой классовый лад те или иные произведения разно-классовой, с различной социальной направленностью, мировой литературы.

Явления «заимствований», «влияния» просто регистрируются, описываются, а не анализируются; усвоение

западноевропейской культуры берется в плане тэновского «движения идей», оно не вскрывается как процесс сложных классовых взаимоотношений. Это движение идей только «социологизируется» по Плеханову (общность экономических предпосылок, близость культур, «вторичность» страны подражающей и т. д.), но оно не раскрывается как процесс сознательного классового действия и борьбы на фронте культуры и литературы.

В классовом обществе нет единого потока мировой культуры и литературы; нет единого всепоглощающего русла, нет и единых, нерасчлененных национальных культур и литератур. Не только в наши дни, когда во всем мире литература строится открыто по классовому камертону, но и в прошлые исторические эпохи классовые установки, классовые тенденции рвали не существовавшее никогда в действительности идеальное «единство» национальных культур и литератур. Литературные влияния и заимствования идут не по единой линии единых национальных литератур, а в процессе классовой переклички через государственные, национальные и языковые границы; литературные влияния сближают не нации, а классы, единство интересов которых (пролетариата, буржуазии разных стран) заставляет их забывать и языковое единство с классом-врагом и различие в языке с классом-другом.

Литература французской эмиграции в эпоху Великой революции, литература французской реставрации — были литературой общеевропейской реакции, а не только французской. Эта литература была близка и дорога феодальной аристократии; но развивающаяся буржуазия в странах «вторичной» культуры, выражаясь языком Д. Благого, искала и находила во Франции другие имена и другие произведения, а не те, которые нравились феодальной знати Европы.

Так и в XVIII в.: английские сатирические журналы, комедии Бомарше, романы Лесажа, Дефо, приключения

Картуша, в русских переводах и «заимствованиях» читали не те лица, которые заполняли библиотеки в своих родовых имениях собраниями сочинений Расина, Корнеля, Делиля, Дора и т. п.; владельцы родовых имений даже и не нуждались для «усвоения» французских авторов в переводе их на русский язык, так как французский язык и для русских «бояр» XVIII в. стал уже общим языком европейской феодальной аристократии. И Вольтера читали совсем по иному русские родовитые «вольтерьянцы» XVIII в., начиная с Екатерины II и кончая Дмитриевыми-Мамоновыми, Струйскими, чем третьесословные русские поклонники и почитатели Вольтера и буржуазной французской философии.¹

Но не только Плеханов своей меньшевистской концепцией русского исторического процесса дезориентирует литературоведов, — не оказывают им достаточной помощи и ортодоксальные историки-марксисты.

Покойный М. Н. Покровский в своих работах подверг убедительной критике плехановскую философию русской истории и вскрыл в русском историческом процессе, как его определившие, противоречия и столкновения классовых интересов. В то же время он показал моменты становления капиталистических начал в русском

---

¹ Вот, напр., как отозвался Сумароков на русский перевод буржуазной комедии Бомарше «Евгения» (вышел в Москве в 1770 г., пер. Н. Пушкинова, 2-е изд. в 1788 г.): «Ввелся новый и пакостный род слезных комедий: ввелся там (во Франции): но там не исторгнутся семена вкуса Расинова и Молиерова: а у нас по Театру почти еще и начала нет; так такой скаредной вкус, а особливо веку Великия Екатерины не принадлежит. А дабы не впустить оногo, писал я о таковых Драмах к Г. Вольтеру: но они в сие краткое время вползли уже в Москву, не смея появиться в Петербурге: нашли всенародную похвалу и рукоплесканье, как скаредно ни переведена Евгения... А сие рукоплескание Переводчик оныя драмы какой то подъячий до небес возносит, соплетая зрителям похвалу и утверждая вкус их. Подъячий стал судиею Парнаса, и утвердителем вкуса Московской публики... Конечно скоро представление света будет» (Из предисловия А. Сумарокова к трагедии «Димитрий-Самозванец»).

историческом прошлом, начальные этапы развития промышленного капитализма в XVIII в. В частности, он убедительно показал, что уже в XVIII в. интересы буржуазии становились в противоречие с интересами помещичьего дворянства, что помещики не прочь были сделать своей сословной привилегией и право владения фабриками, обрабатывающими сырье, полученное в сельскохозяйственном производстве (лен, пенька, хлеб на винокуренных заводах), что помещики претендовали и на монополию оптовой торговли хлебом. В своей «Русской истории» М. Н. Покровский указывает, что пеньковые и льняные изделия, железо, а не хлеб, были главными статьями русского вывоза за границу во второй половине XVIII в, что в эту пору Россия была главным поставщиком железа для Западной Европы. Он показал, что в XVIII в. Россия была страной развитых международных торговых отношений. Но он мог бы сказать больше.

Россия второй половины XVIII в. — страна с значительными предпосылками к развитию капиталистической промышленности. И нам кажется, что только быстрый ход великого промышленного переворота на Западе, сделавший, в частности, Англию передовой промышленной страной, отбросил феодальную крепостную Россию на позиции страны, вывозящей преимущественно хлеб, произведенный в помещичьих латифундиях. Нам кажется, что не только крепостное право задерживало развитие русского капитализма; нам кажется, что пар, новый мощный двигатель в промышленности, каменный уголь, пришедший на смену древесному топливу, отодвинули, напр., на задний план уральскую железнорудную промышленность в XIX в. И только советская власть с ее лозунгом «догнать и перегнать» поднимает Урал с его громадными естественными богатствами на то место, предвестия которого были даны в развитии уральской промышленности конца XVIII в. Паровая машина, каменный уголь, быстрое развитие

фабрично-заводской техники, переход к постройке морских судов из железа — лишили русское железо, пеньку, лен, лес того места в европейской промышленности и мировой торговле, которое они заняли к концу XVIII в.

Приведем несколько цифр, характеризующих русский экспорт во второй половине XVIII в. Разумеется, эти цифры не дают нам полного представления о развитии промышленности, о соотношении разных классов в производстве страны, ибо в них не выражены отношения внутреннего рынка. Но и они все же в достаточной мере показательны: в свете их мы не можем представлять Россию второй половины XVIII в. производящей продукты только сельского хозяйства и ими, без промышленной переработки, торгующей.

По таблицам Шторха, русский вывоз в 1793 г. по всем портам империи, за исключением портов Каспийского моря, дал общую сумму в 37 328 192 руб. В том числе: железа полосового и сортового вывезено на 5 159 692 р. (2 995 332 пуд.); пеньки и пакли на 6 066 615 руб.; (2 774 728 пуд.); льна и пакли на 4 504 100 руб.; (1 146 125 пуд.); парусины, холста, грубых тканей на 2 408 670 руб.; мачт, балок, досок и всякого леса на сумму в 1 744 208 руб., льняных тканей и салфеточного полотна на 1 678 701 руб., сала и сальных свечей на 4 449 000 руб.; (1 069 253 пуд.); воску и восковых свечей на 378 303 руб.; канатов и веревок на 259 590 руб.; рогожи на 248 557 руб.; юфти и кожи на 2 249 701 руб.; и т. д.; хлеба зернового (рожь, пшеница, ячмень, овес) и муки на 3 123 005 руб. Давая более детальную спецификацию, Шторх сообщает, что сортового железа было вывезено на 901 464 руб. (491 575 пуд., около 20% всего вывоза), тонких льняных тканей на 85 544 руб. (486 144 арш.), фламандского льняного полотна на 1 158 788 руб.; (55 853 шт.) и т. д. Выделяя из предметов вывоза «фабрикаты или продукты, которые подверглись промышленной переработке (*eine künstliche Zubereitung*),

Шторх определяет их общую стоимость в 19 443 273 руб. (свыше 50% всего вывоза).

Дает он и сведения относительно роста вывоза во второй половине XVIII в., приводя сравнительную стоимость отдельных статей его для 1768 и 1793 гг. Эти цифры: для железа — 1 443 000 и 5 159 000 руб.; для льна — 1 683 000 и 4 504 000 руб.; для пеньки — 2 795 000 и 6 066 000 руб.; для сала — 750 000 и 4 279 000 руб.; для парусного полотна — 281 000 и 846 000 руб., для сальных свечей — 64 000 и 169 000 р., для канатов и веревок — 85 000 и 259 000 руб. и т. д. Он указывает, что повышение стоимости вывоза 1793 г. объясняется, кроме роста его, также и повышением цен на европейском рынке; но и при учете этого момента рост вывоза остается значительным.¹

Любопытный перечень предметов русского вывоза в XVIII в. в Азию мы находим у С. Плещеева. Он пишет: «Главные товары, отпускаемые в Азию, собственные российские и частью покупаемые из Европейских государств, состоят в мягкой рухляди и юфти; прочие же суть: сукно, байка, бура, бутылки, выбойки, железо и разные вещи из него сделанные, каламенки, караея, клей рыбный и мездринный, конценел, индиго, лавра, мишура, мыло, всякое оружие, как-то: пистолеты, ружья, сабли, разные полотна, крашенина, пестредь, тики, брань, хрящ и проч.»²

Как мы видим, товары, требующие промышленной переработки, занимают главное место.

Для характеристики значительности русской железоделательной промышленности в XVIII в. приведем сравнительные данные. В то время как один русский вывоз же-

¹ См. Н. Storch, Statistische Uebersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturerhältnissen, Riga, 1795, стр. 124 и далее.

² Сергей Плещеев, Обзорение Российския Империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. СПб. 1787, стр. 20.

леза в 1793 г. достиг вышеуказанной цифры (2 995 000 пуд.), в Англии в с я выплавка чугуна, опустившаяся в 1740 г. до 1 093 000 пуд., в 1788 г. достигает только до 3 860 000 пуд.¹ Любопытно, что даже в XIX в. «железо Уральских заводов, по своей доброте, так уважалось в Леванте, что англичане должны были класть на свое железо русские к л е й м а, чтобы успешнее продавать его в том крае».²

Но в XIX в. картина резко меняется. Для XVIII в. сравнительные цифры вывоза железа из России и Англии следующие: в 1767—1769 гг. средний годовой вывоз из России — 1 951 464 пуд., из Англии — 693 000 пуд., 1803—1806 гг. — из России — 2 147 592 пуд., из Англии — 1 764 000 пуд. В том числе в Англию Россия вывезла в 1796 г. 1 873 593 пуд., в 1798 г. — даже 2 345 287 пуд. Но уже к 40-м годам XIX в. вывоз в Англию падает до 100 000 пуд. в год (в среднем), и весь вывоз не превышает за время с 1843 г. по 1846 г. 450 000 пуд. В то же время в Англии мы видим быстрый рост выплавки чугуна и вместе с тем рост вывоза железа: в 1806 г.—250 000 тонн (свыше 15 000 000 пуд.), в 1820 г. — 400 000 тонн, в 1829 г. — 1 250 000 тонн, в 1842 г. — 1 330 000 тонн, или около 83 000 000 пуд.; один отпуск железных товаров в 40-х годах XIX в. поднялся до 11 000 000 пуд.³

Упал в XIX в. вывоз также и ряда других предметов русской обрабатывающей промышленности. Вот, напр., сравнительные цифры вывоза сальных свечей и мыла (в пудах) за время с 1767 по 1846 г.

Отпущено:	сальных свечей	мыла
1767 — 1769 г.	23 800	32 720
1793 — 1797 »	35 900	59 580

¹ В. Полетика, О железной промышленности в России. СПб. 1864, стр. 51 и др.

² Гр. Небольсин, Статистическое обозрение внешней торговли России, СПб. 1850, т. II, стр. 232.

³ Там же, т. II, стр. 224.

Отпущено:	сальных свечей	мыла
1824 — 1828 г.	23 811	9 683
1829 — 1833 »	53 241	8 935
1834 — 1838 »	27 962	5 916
1839 — 1843 »	18 540	4 533
1844 — 1846 »	17 478	3 874 ¹

Любопытны приводимые Шторхом сравнительные цифры густоты населения в отдельных русских губерниях и в западноевропейских государствах для последнего десятилетия XVIII в. Так, в Московской губ. на 1 кв. милю приходилось 2 403 жителя, в Англии (всей) — 2 366, в Австрии — 2 385; — в Московской губ. без Москвы — 1 770, столько же, сколько в Голштинии; в Тульской — 1 759, столько же, сколько в Тюрингии; в Ярославской — 1 108, более чем в Сардинии (955) и т. д.

Городское население для всей страны Шторх определяет в 11%, Герман (для 1790 г.) — в 10%.

При всей относительной достоверности и точности приводимых Шторхом статистических данных (о плотности населения, о городском населении), они все же показательны.

К. Герман в «Материалах для российской статистики» дает подробные сведения о промышленных предприятиях в Ярославской губ., относящиеся к 1806 г. Всего в губернии в 1806 г., сообщает он, было «82 фабрики и мануфактуры и 73 фабрикантских малых заведений, вообще 155, которые с 17 винокурями составят 172 заведения». В число 82 «фабрик и мануфактур» входило: «14 полотняных, 5 шелковых, 2 ситцевых, 2 волоочильных, 5 бумажных 1 благовонных масляных, 3 купоросных, 2 белильных, 1 фарфоровая, 14 юфтяных и сыромятных, 30 кожевенных, 3 шляпных». На Большой Яковлевской мануфактуре (в г. Ярославле с рыбинским и крапивнинским отделениями) на 862 станах работали 3224 человека, из них вольнонаемных 692, в том числе

¹ Небольсин, т. II, стр. 447.

609 женщин. На 10 уездных мануфактурах, из которых 4 работали исключительно на вывоз, — 1406 рабочих, из коих только 103 человека крепостных, а все прочие вольнонаемные. На 7 юфтяных фабриках работали только вольнонаемные рабочие — 174 человека. На 7 сыромятных также только вольнонаемные рабочие — 56 человек. На пяти шелковых мануфактурах — 449 крепостных и 251 вольнонаемных рабочих.¹

В бытовом отношении русская буржуазия XVIII в. нередко воспринималась и властью и господствующим сословием весьма почтительно. В этом отношении весьма показательно посещение в 1763 г. Екатериной II Ярославля, одного из крупных промышленных центров России XVIII в. Из собора и от архиерея Екатерина, «в сопровождении всего дворянства», отправляется прежде всего на полотняную фабрику купца Затрапезнова; у него же она в приготовленном для нее доме и останавливается. «Вслед за дворянами допущены были к руке Ее Величества фабриканты, заводчики и купечество». Осматривала в Ярославле Екатерина II не только фабрику Затрапезновых, но и фабрики Гурьевых, Колосовых и других, всеми ими «осталась весьма довольна, хвалила старание и прилежность фабрикантов и поощряла их к большому усовершенствованию изделий», «изъявила желание построить в Ярославле собственный императорский дворец» и т. д.²

Сосредоточив свое внимание на расслоении дворянства, на истории капитализации сельского помещичьего хозяйства, М. Н. Покровский не придал надлежащего

¹ Статистический журнал, т. II, изд. К. Германом, СПб. 1808, ч. 2. Статистическое описание Ярославской губ., соч. К. Германом, стр. 114—298. В том же году «Описание» было издано отдельной книгой.

² «Ярославский литературный сборник», 1850 (2-й год), Ярославль, 1851, стр. 7 и др.; сведения взяты из очерка редактора сборника С. Серебряникова, Екатерина II в городах Ярославской провинции в 1763 и 1767 гг.

значения образованию промышленной буржуазии, сильно преувеличил экономическую и культурную отсталость России XVIII в. Поэтому только он, подчеркнув роль фабрично-заводского уральского пролетариата в Пугачевском восстании, указав на то, что в Ярославской губ. в конце XVIII в. «более $\frac{1}{3}$ взрослого мужского населения занималось неземледельческими отхожими промыслами», отметив, что Екатерина II сильно беспокоилась, как бы Пугачев, пробравшись в Москву, не наделал какой-нибудь «пакости... фабричными или барскими людьми», мог в то же время поставить такой, далеко не риторический только, вопрос по поводу социальных отношений России второй половины XVIII и начала XIX в.: «Какую роль вообще мог играть промышленный капитал: что значили сто, даже двести тысяч фабричных рядом с девятью миллионами душ крепостных крестьян, занятых почти исключительно земледельческим трудом». ¹ Новое в истории России XVIII в. — это не «набег торгового капитализма на Россию», а новое в производстве и производственных отношениях.

Такое суммарное, нерасчлененное представление о русском XVIII в., о тенденциях экономического развития, о расстановке классов и борьбе их приводило — и до сих пор нередко приводит — литературоведов к тому, что целый ряд моментов экономического, социально-политического и культурного порядка из жизни XVIII в. попадает в ряд «эпизодов», драматических и интересных, но не определявших исторический процесс. Историю XVIII в., правда, уже не пишут как историю войн, дворцовых переворотов и дворянских «затеек», но «историческим» деятелем по-старому, в сущности, все же изображается исключительно дворянское сословие в его реакционном (закрепощение крестьян) и прогрессивном (элементы буржуазной культуры) проявлениях.

---

¹ М. Покровский, Русская история, т. III, изд. 7-е, стр. 235.

В ряд «эпизодов» попадают и развитие промышленности в XVIII в., давшее стране громадные торговые возможности, и крестьянская революция с заметным участием в ней фабрично-заводского пролетариата, и екатерининская комиссия 1767 г., с достаточной ясностью и резкостью выявившая классовые противоречия эпохи накануне Пугачевского восстания, и колониальная политика на Дальнем Востоке, в Азии и в Америке, давшая российской торгово-промышленной буржуазии своих Кортесов и Пизарро. В ряд «эпизодов» попадает и расцвет журналистики в конце 60-х и начале 70-х годов, а также в 90-х годах, и литературная деятельность таких лиц, как Новиков, Радищев, Чулков, Комаров, Крылов и др., и зарождение бытового романа, развитие комедии, сатирической литературы, и выход на поверхность культуры «фольклорного» материала, и прокрашивание насквозь, якобы, аристократического классицизма элементами буржуазного рационализма.

Такое осмысление русского историко-культурного процесса XVIII в. — как ряда драматических, подчас загадочных «эпизодов» на фоне нашей общей «отсталости»¹, концентрация внимания на одном «благородном» сословии, торгующем и не торгующем дворянстве, как едва ли не единственном двигателе исторического процесса, — дает и донныне право и возможность и буржуазным историкам литературы свой буржуазный социологизм, свой идеалистический метод объяснения явлений культуры подносить читателям под маркой марксистской материалистичности.

Так, П. Н. Сакулин во 2-й части своей «Русской литературы» следующим образом характеризует «новое» в истории русской культуры от половины XVII до середины

¹ «Сходство того, что происходило в России начала XVIII в., с тем, что знакомо западноевропейской истории XVI в., — иногда фотографическое» (М. Н. Покровский, Русская история, т. II, стр. 304.)

XVIII столетия: «Складывается в России новый стиль культуры по европейскому образцу. После эпохи средневековья (в византийской его интерпретации) наступает эпоха европейского гуманизма, Возрождения (Ренессанса). На компактный массив старо-русской культуры лег теперь новый пласт западной культуры и придавил его книзу: то, что раньше было вершиною культуры, стало достоянием менее культурных кругов... Социальные верхи пошли по пути европеизации, а низы в значительной степени продолжают жить прежней жизнью» (II, 19). Таким образом безболезненно реставрируется старая пьпинская схема борьбы старо-русских (византийских) начал с западноевропейскими, носителями которых являются «лучшие люди» из среды дворянства (интеллигенция у Сакулина).

Но П. Н. Сакулин — «марксист» в истории «Русской литературы». И он, так умело пользующийся для утверждения своего «марксизма» ссылками на не-диалектические, не-марксистские элементы в системах Плеханова, Луначарского, Бухарина (см. особенно богатую такими «удачными» использованиями его книгу «Социологический метод»), и здесь в подкрепление своих установочных положений о XVIII в. пытается опереться на М. Н. Покровского.

Характеризуя «итог преобразовательной эпохи», он пишет: «Совершенно прав М. Н. Покровский, набрасывая следующий итог преобразовательной эпохи: «Чем дальше от дворца, тем перемена чувствовалась меньше. Уже служилый человек, довольно охотно надев на себя немецкий костюм и несколько менее охотно сбрав бороду, сидя в учрежденной по заморскому образцу коллегии, не прочь был по старине поместничаться со своим соседом, дома же держал себя всё по старому чину... Ниже служилых шла плотная масса «раскольников и бородачей», которых перемена не коснулась даже внешним образом и которые на полтора столетия, до романов

Печерского и комедий Островского, сохранили свой «быт» во всей его неприкосновенности. И уже совсем никакой перемены нельзя было заметить во многомиллионной мужицкой массе... Употребляя старофранцузские термины, «двор» изменился сильнее, чем «город», а деревня совсем не изменилась» («Русская литература», ч. II, стр. 19—20).

Сакулин смело и решительно рассовывает литературные явления XVIII в. по трем «ярусам»: два «продолжают традиции литературной старины («поэзия народных масс» и «мещанская литература»), а верхний, новый — «литература европейского стиля, стиля классицизма!»» Снова отдавши дань «марксизму» («в каждом пласте есть свой «к л а с с о в ы й с т е р ж е н ь!»»), он заключает: «Но в культурном отношении к нему примыкают и другие классовые группировки, что делает каждый пласт своего рода культурным объединением. Значит, ярусы — ступени культурного развития».

Таким образом благополучно снимается проблема классовой борьбы как начала, организующего движение литературы; история литературы изучается как взаимоотношение и борьба культур и идей, как «ступени культурного развития» в самом себе замкнутого; снова решается проблема «борьбы» Запада и Востока: «во всей остроте перед Россией встала проблема Запада и Востока как двух мировых стихий» («Русская литература», ч. II, стр. 105).

2

Крепостное крестьянство и русское третье сословие — крупная торгово-промышленная буржуазия, городская мелкая буржуазия и служилая интеллигенция, городское и сельское белое духовенство, свободное крестьянство, фабрично-заводский и ремесленный пролетариат, — стоявшие в целом и в отдельных своих классовых группах в тех или иных формах и степенях

противоречия к господствующему дворянскому сословию и к сохранившим кое-что от своего феодального величия «князьям церкви», — должны были иметь — и, несомненно, имели — свое выражение в литературе. Элементы буржуазной культуры, находившие себе выявление не только в исторической, но и в художественной литературе до XVIII в. (в устном творчестве, в повести XVI—XVIII вв. и т. д.), не были убиты в XVIII в., а должны были найти дальнейшее движение и новое оформление в меру развития экономики и классовых противоречий. И линия западноевропейских влияний, в частности, шла в XVIII в. не только по руслу дворянской культуры, но и культуры третьесословной. «Европеизация» России и в XVIII в. носила на себе более или менее резко выраженные классовые черты, имевшие свою основу в социально-экономических противоречиях.

В противовес типам «верховой» дворянской культуры складывались типы и третьесословной культуры; складывались они в быту, искали себе выражения и в искусстве. В этом смысле любопытное явление новой капиталистической хищной культуры представляют ранние (XVIII в.) русские «колонизаторы» Дальнего Востока, все эти Шелиховы, Ореховы, Барановы, Пановы, Киселевы, Деларовы, выходцы из «купцов» Европейской России и Сибири, а также ярославские, уральские, московские, нижегородские и иные «фабриканты» и «заводчики». Вот, напр., как один из современников передает свои впечатления от «героической» личности Баранова, главного правителя колоний Российско-американской компании: «...Мы были приглашены к нему обедать. В заключение праздника явились на сцену песельники, которые чтобы позабавить своего бывшего начальника не жалели своих горл и наших ушей. Когда запели собственного его (Баранова) сочинения песню: «У м р о с с и й с к и й п р о м ы с л ы з а т е я л», то 80-летний Баранов не мог не последовать привычке, которую он имеет уже

20 лет. Он встал в кружок любимцев своих, чтобы провозгласить вместе с ними общие их подвиги в Новом свете... Он встает рано, ест один раз в день и положенного для этого времени нет... Я уверен, что Баранов не подражал никому никогда, исключая может быть Пизарро или Кортесу». ¹

Третьесословные буржуазные тенденции находили себе выражение и в художественной литературе XVIII в.; «купеческие» чувства проникали даже в оду, специфически дворянский жанр по преимуществу. Так, напр., в «Оде» З. Г. Чернышеву, поднесенной ему «градским главой Демидом Мещаниновым с Московским купечеством», Игнатий Богданов, автор оды, «того же общества сочлен и Московского Университета студент», гордо заявляет:

Коль здесь купечество блаженно...
Голландцы с Англией дивятся,
Во всем подобными что зряся
Российских им права купцов. ²

Если в начале XIX в., с ростом товарности сельскохозяйственной продукции дворянских имений, с падением удельного веса русской промышленности в международной торговле, дворянская классовая культура достигает своего высшего расцвета, то это еще не дает оснований преувеличивать ее значение в XVIII в., не видеть в литературе XVIII в. выражения классовой борьбы, которая не осталась без влияния и на дворянскую литературу

---

¹ П. Т и х м е н е в, Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании, СПб., 1861, ч. 1, стр. 245. О Баранове см. также: К. Х л е б н и к о в, Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке, СПб., 1835. Не лишним считаю напомнить, что в 1802 г. правителем дел Охотской конторы Компании был назначен курский купец А. Е. Полевой, отец братьев Полевых, Н. и К., литературных деятелей XIX в.

² «Ода... графу З. Г. Чернышеву, Москва, в Унив. Типографии, у Н. Новикова, 1782», стр. 9.

XIX в. Литература XVIII в. должна быть подвергнута коренному пересмотру; в ней должны быть четко вскрыты ведущие и борющиеся классовые линии.

Если ноты классовой гордости буржуазии, звучащие в песне Баранова, не нашли громкого отзвука в первой четверти XIX в.; если преуспевавшие российские купцы и промышленники, откупщики и заводчики, мирясь с отсутствием буржуазных прав и вольностей, недурно уживались с господствующим сословием, вливались в него, усваивали его культуру — что имело место и в XVIII в. — и протравливали в свою очередь дворянский «классицизм» тонами буржуазного рационализма, — то совсем иначе обстояло дело с мелкобуржуазными тенденциями в литературе, находившими себе прямую или косвенную опору в настроениях свободного и закрепощенного крестьянства. Линия мелкобуржуазного радищевского яacobинизма была далеко не так тонка и прерывиста в истории русской культуры, не так социально беспочвенна, как это обычно изображается. Если ода долгое время в жизни и в литературе была придавлена, то не нам утверждать, что ее и не было, что с ней не боролись беспощадно в XVIII и начале XIX в.

В программной заметке «Полярной Звезды», органа либеральной буржуазии, выходившего в 1905 г. под редакцией П. Струве, близкий к легальному марксизму Д. Овсянико-Куликовский писал о Радищеве: «Радищев признается родоначальником «отщепенцев», всех тех, в ком русская действительность вызывала чувства скорби и негодования, кто не мог примириться с ее безобразиями, кто так или иначе протестовал и против крепостного права и против политического бесправия». «Отщепенство» Радищева Овсянико-Куликовский погружает в «сентиментализм», занесенный, как «эпидемия», с Запада и который «внедрял в умы и сердца гуманность» («Полярная Звезда» № 1, 1905, стр. 90).

Такая идеалистическая точка зрения на XVIII в.,

в сущности, стала, как мы видели, достоянием и тех «марксистов», которые целиком или отчасти в своей концепции русского историко-литературного процесса сошлись с либеральной буржуазией.

Мы не утверждаем, что русская торгово-промышленная буржуазия и тем более крестьянство нашли в литературе XVIII в. полное выражение своих социальных чаяний. Но тенденции классового становления в литературе разных групп третьего сословия несомненно имели место, поскольку имела место классовая борьба.

И, разумеется, к выявлению противопоставленных в литературе классовых линий правильно подойдем мы только тогда, когда вопрос о классовой обусловленности и социальной направленности того или иного произведения будем решать не ссылкой на паспорт его автора (Новиков, Радищев, Крылов — дворяне, следовательно...), а анализом действительности, в нем нашедшей выражение, анализом художественного метода, выявленного в произведении. Классовый же метод художника находит свое выражение в отношении к действительности, в отборе жизненного материала, в идейной направленности, в языковых тенденциях, в способах обработки словесного материала.

Было бы также грубейшей методологической ошибкой подходить к литературе XVIII в. с какими-либо особыми установками, напр., такого порядка, что всякого рода «полемика» в ранний период оформления новой русской литературы и литературной критики была только спором отдельных личностей, столкновением различных «вкусов». Нет, так же, как и в наши дни, в иных формах и не всегда с полной четкостью, и в этих «личных» высказываниях писателей XVIII в. проступают определенные классовые тенденции — даже тогда, когда речь идет о грамматических категориях. Так, для Сумарокова сказать ты человеку, «имеющему благородство, или чин, или в чем-нибудь от подлого народа отличность», значит «сказать противно грамматике... Ты только для подлости осталось,

напр.: для холопей, для мужиков, для извошников, для трубочистов, для друзей». ¹

В основе этих «грамматических» суждений, нет сомнения, лежат те же классовые предпосылки, которые заставили Сумарокова петь о Пугачеве:

Противен род Дворян ушам его и взору:
Сей враг отечества ликует их губив;
Дабы повергнуть престола сим подпору,
Дворянство истребив.²

Дворянским злорадством по случаю казни «злодея» пропитаны и сумароковские «Стихи на Пугачева»:

...В наши предан ныне руки:
То мало, чтоб тебя сжечь,
К отмщению невинных муки.
Но можно-ль то вообразить,
Какою мукою разить,
Достойного мученья вечна.³

Те же классовые воспоминания о тяжелых для дворянства днях Пугачевского восстания, надо полагать, заставили некоего Ав[рамия] В[олкова] восклицать в 1794 г. по поводу Французской революции:

Слова какие слышу дерзки.
Не глас людской, но ревы зверски
Мой слух сквернят и оскорбляют,
Мой Дух теснят и уязвляют,
И ветхий мой состав трясут;
Все жилы, мышцы востягают,
Меня на брань, на бой несут.

«Оттуда зло течет реками», скорбит старец и молит своего бога:

Вели: и Ангел истребитель,
Асирских древле войск губитель,
Со пламенным мечом предстанет.

¹ А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, т. VI, Москва, 1781—1782, стр. 312—313.

² А. П. Сумароков, т. IX, Станс городу Симбирску на Пугачева, стр. 93—98.

³ Там же, стр. 179.

Да ни один от них восстанет,
Исчезнут все и пропадут,
Низринутся во пропасть ада;
Там вечна мука им отрада,
Туда злодейства их ведут.

И старец призывает Екатерину II к интервенции:

...Пролей на них Свой гнев;
Смяти их яростью Твоею
Объятых лютостью своею;
Един услышим стон и рев.
.....
В полях как класы перезрели
Изломаются и ниспадут;
Их гром и молнии утихнут,
Когда во ужасе воскликнут:
«На нас се Россы уж грядут».¹

Таких прямых и откровенных высказываний по социально-политическим вопросам, какие могло позволить себе дворянство, мы, разумеется, не найдем в третьесловной литературе, если не считать «плача холопов», радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» с одой «Вольность». Это и вполне естественно как по причине незрелости этих общественных групп, так и по характеру их взаимоотношений с феодальным дворянством, в руках которого была государственная власть. Но, как во Франции кануна революции, так и в русской жизни XVIII в. мы видим зарождение новых литературных форм, видим нарастание тех идей и робкое их усвоение и выражение, которые в совокупности своей и дали содержание эпохе просвещения на Западе.

Повторяю, эти идеи в русской третьесловной литературе не развернуты широко, но не видеть их или

¹ Характерно заглавие этого дворянского отзвука на события Великой французской революции: «Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенной», Москва, 1794.

целиком относить за счет дворянства — значило бы продолжать традиции буржуазной историографии.

Не останавливаясь на широко известных высказываниях по вопросам экономики, культуры, социально-политическим в сатирических журналах (и не только новиковских) середины и конца XVIII в., в произведениях Радищева, Крылова и др., процитируем авторские предисловия к комедиям В. Лукина.

Вот в предисловии к комедии «Мот» Лукин, называющий «вольность драгоценной вещью», возбужденно полемизирует с «пересмешниками», утверждающими, что «слуги наши никаких книг не читают»: «Неправда, всезнающие господа, сказал я им несколько разгорячась, очень многие читают; а есть и такие, которые пишут лучше пересмешников. А мыслить все люди могут, потому что каждый из них с мыслями, кроме вертопрахов и дураков, родится».

Или в «письме к г. Ельчанинову» (посвятительном при комедии «Щепетильник»), высказав сожаление, что «в разговоре крестьянском... наречия крестьянского не мог изобразить... живо», так как «не имея деревень, с крестьянами живал мало и редко с ними разговаривал», он немедленно, как бы полемизирует сам с собой: «Полно, у нас не все те крестьянский язык разумеют, которые наделены деревнями... Есть довольно и таких, которые от чрезмерного изобилия о крестьянах инако и не мыслят, как о животных для их сладострастия созданных... Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев».

Характерно, что в этих любопытных «предисловиях» В. Лукина мы находим определенные указания на ту социальную среду, которую автор считает себе близкой и как писатель и как человек. Это — читающие «слуги», очевидно, из тех дворовых, из среды которых вышел мелкобуржуазный писатель XVIII в. Матвей Комаров,

которые в передних своих знатных господ читали и переписывали произведения «мецанской», «лубочной» литературы, ¹ писали и сами; это те «слуги», над которыми, в лице карикатурного Петрушки, так зло смеялся еще в XIX в. Гоголь, идеолог распадающейся феодальной культуры. Это — актеры молодого русского театра, которому начало положила ярославская буржуазия. Актеры для В. Лукина — свои люди, которым он «лицы действующие сочинял свойственно их способностям» и которые «а более игравшие купцов» — «по естественному подлинникам своим подражанию, похвалу заслуживают». Аудитория Лукина — писательская среда с родственными вкусами и установками, как, напр., драматург Ельчанинов, которого Лукин избирает своим «меценатом» и «приписывает» ему, а не знатному вельможе, комедию «Щепетильник». Среда Лукина — наборщики академической типографии, они же и актеры, играющие на «всенародном театре на Морской», которых Лукин противопоставляет приезжим из чужих краев актерам, «надменным своим мнимым достоинством» и в то же время «подлым низкопоклонникам и гнусным шакальщикам», свои «поносные желания» прикрывающим «излишним унижением». ² Это та среда, которая смотрела игру наборщиков в «Скупом» Мольера: «народу было очень много,

---

¹ Титульный лист рукописи XVIII в. из моей библиотеки: «Сказка о золотой горе, или чудные приключения Идана восточного царевича. Писал оную сказку в селе Титове его сиятельства князя Дмитрия Михайловича Урусова служитель ево василей иванов сын анпилогов».

² О наборщиках, переплетных и иных дел подмастерьях (Buchdrücker, Buchbinder und andere Lehrjungen) как исполнителях комедий в театре на Мойке, говорит и Я. Штелин в очерке «Zur Geschichte des Theaters in Russland». Он сообщает также, что «актерам за каждый спектакль и одну репетицию (накануне спектакля) выплачивалось по 50 коп. полицией, которая осуществляла и надзор за «простонародным» театром. См. I. I. Haigold's *Beilagen zum Neuveränderten Russland, Erster Theil, Riga u. Mieltau, 1769, S. 426.*

почти вся чернь, купцы, подьячие и прочие им подобные». Театральная аудитория Лукина — это та городская мелкая буржуазия, тот «ниския степени народ», который «столь великую жадность» проявил к театру, открытому «на пустыре за Малою Морскою», что «оставя свои другие забавы... ежедневно на оное зрелище сбирался». «Сия народная потеха, — с надеждой сообщает Лукин, — может произвести у нас не только зрителей, но со временем и писцов (писателей), которые сперва хотя и неудачны будут, но вследствие исправятся». О себе Лукин заявляет, что он пишет для таких своих «одноземцев», которые «с добрым намерением за книгу принимаются». «Я для таких только и тружуся, а не для тех, кои книгами стараются комнатные украшения сделать, а о том и не думают, что книги и души и головы наши украшают». В. Лукин знает и своих врагов, врагов своей «мещанской комедии». Вот как он описывает в «предисловии» к «Моту» первое представление этой комедии, на которое явились «противники» его, заполнившие с 5 часов «почти весь партер», а «ложи и того ранее»: «Началась комедия. Первое действие до конца прошумели, прокашляли, просморкали и табак пронюхали; а два главные, языка своего ненавистники, Пустозвяков и Чужехватов разносили по партеру прошлогодние ведомости, сказывая зителям, что веселее их читать, нежели представляемой вздор слушать».¹

Не один В. Лукин знает свою собственную, классово ему близкую аудиторию. Так и М. Чулков понимает, что «всякая выдумка не принимается народом единодушно, но разными мнениями и разными голосами и на разных местах».² И он в очерке «Продается стихотворец

¹ В. Лукин, Сочинения и переводы, чч. I и II, СПб, 1765. Все цитаты из В. Лукина даны по этому изданию.

² «Парнасской Щепетильник», ежемесячное издание 1770 г., июль, СПб, стр. 101. Нет сомнения, что в «критических» опытах Чулкова мы найдем отражения «личных» его отношений к писателям XVIII в., в частности к Ф. Эмину («Трапезонтский Паша»), но для нас важно

Лирический» дает волю своему третьесословному чувству, осмеивая поместного стихокропателя, который «страдает парнасскою горячкою и, будучи в великом жару, так высоко бредит, что нередко карабкается на облака и, считая за крепкую твердь, хочет расположиться на них так, как Трапезонтский паша на бархатной софе. Судьба одевает его теперь в новую одежду, а купеческая рука насыпает полные карманы денег». «Многим покажется удивительно, — продолжает он, — что стихотворец имеет участие в богатстве, но надобно каждому разуметь, что не стихи его питают, а обогащают крестьяне, которых он одного за другим, хотя и без очереди, однако каждый день продает, понеже воспитан он на вареных французских конфектах, без которых ни одной минуты пробыть не умеет; впрочем, может быть, привыкнет и ко ржаному хлебу, но того еще не видно. Сочинения его еще не освещало солнце, город не видал, а граждане не читали, и так лежат они в деревенской библиотеке. Стихотворец часто прочитывает их своему поверенному, которому не кажутся они для того, что писаны не приказным порядком, и не канцелярским штилем, и от сего бывает у них ужасный спор».¹

Высмеивает Чулков и «стихотворца драматического», стихи которого «ни острые, ни замысловаты, и таковы точно, как итальянские ноты, проигрываемые на русском гудке»; этот «стихотворец» «часто шатается по улицам единственно только для того, что поправляет грамматические погрешности в мужицких разговорах, и сражается с ними, защищая премудрость ладонью и кулаками».²

Перекличка писателя со своей социальной средой, с желательной для автора аудиторией, притом далеко не

не это: сатирические инвективы Чулкова пропитаны определенными третьесословными чувствами и настроениями, которые только, разумеется, и воспринимались демократическим читателем «Парнасского Щепетильника».

¹ «Парнасский Щепетильник», май, стр. 15—16.

² Там же стр. 12—13.

с дворянской, совсем не редкое явление в XVIII в. Напоминая об ориентации на третьесословную аудиторию, — кроме Лукина, Чулкова, — у Новикова, Комарова, приведу любопытный образчик из ранней русской провинциальной печати.

Вот как начинается «приношение» печатавший свои «труды» (исключительно переводы) только в Калуге некий Никанор Облеухов: «Тебе, бедный народ всея земли, бедные хлебопашцы, художники и работники, мужчины и женщины, старые и юные, вам всем приношу я сию книжку. Сей простой разговор между человеком вашего состояния, откупщиком и его господином, о прямом щастии в жизни и о средстве, как оного достигнуть» и т. д.¹

Такого рода поиски писателями XVIII в. широкой сословной аудитории еще не изучены в достаточной мере. А между тем они в значительной мере помогли бы шире взглянуть на литературу XVIII в. как на комплекс более сложных противоречивых явлений, чем это обычно изображается. Тогда и Радищевы и Новиковы не повисли бы в воздухе как не имеющие своей социальной среды и аудитории.

Повторяем, русская торгово-промышленная буржуазия была не в силах противопоставить себя помещному дворянству, имевшему в своих руках аппарат государственной власти; разгром крестьянской революции только еще усилил дворянский характер русского самодержавия, носительница которого, Екатерина II, объявила себя казанской помещицей в тяжелые для дворянства дни побед Пугачева. Буржуазия смыкается в своем политическом и культурном становлении с теми слоями помещного крупного землевладения, которые наиболее были захвачены процессом капитализации сельского хозяйства.

---

¹ «Разговор откупщика с господином и т. д.». Сочинение, приспособленное ко всякому состоянию людей. Пер. с французского, Калуга, 1794.

Но классовые тенденции буржуазии не исчезли совершенно в едином дворянском потоке культуры. И в этом смысле разгром декабрьского восстания был поражением не только либерального капиталистического дворянства, но и торгово-промышленной буржуазии, для которой Сперанский изучал буржуазный кодекс Наполеона и проектировал разные «вольности», необходимые для «просвещенного» дворянства.

Нам кажется, что фигура К. Рылеева, правителя дел Российско-американской компании, как одного из вождей восстания на севере, далеко не случайна; он был выразителем интересов и настроений торгово-промышленной буржуазии, в состав которой входили и русские Кортцы и Пизарро, протягивавшие руки на Дальнем Востоке не только к Аляске, но и к Калифорнии, и к Сандвичевым островам.

Не даром Рылеев, певец крестьянской неволи, явился и певцом буржуазной хищнической колонизации Сибири. Я имею в виду его думу «Смерть Ермака», в которой «громозвучная слава» героев «крепкотелых, осанистых и широкоплечих» противопоставлена низости Кучума, который как «тать презренный, прокрался тайною тропею» и не силой, а хитростью сгубил «героев». Но герои «свое дело совершили»: «Сибирь царю покорена и мы не праздно в мире жили». В сущности, и вся книжка «Дум» Рылеева (1825 г.), с ее посвящением Н. С. Мордвинову, близкому к делам Российско-американской компании, одному из кандидатов северных декабристов в члены временного правительства, не что иное, как буржуазный поэтический опыт русской истории с мечтами о царях и воинах-героях, как защитниках «народа» и «отечества», непрестанно охраняющих и расширяющих границы государства.

Любопытно, что в своих литературных вкусах и симпатиях Рылеев перекликается с XVIII в., притом положительно оценивая как раз такие произведения, которые в век господства «классицизма» намечали линии

буржуазной культуры в художественной литературе. Так, в письме К. Рылеева А. С. Пушкину (20 марта 1825 г.) мы читаем: «Майкова Елисей прекрасен; но был ли бы он таким у Державина — не знаю, несмотря на превосходство его таланта перед талантом Майкова». Здесь показательно, в частности, признание своеобразия «таланта» В. Майкова, противопоставленного Державину: «У каждого свой дар, своя муза», говорит Рылеев в том же письме.¹

Линии классового выражения интересов и настроений мелкой буржуазии не замирали так решительно и в начале XIX в., как это имело место в отношении торгово-промышленной буржуазии. «Якобинизм» городской мелкой буржуазии, с ориентацией на миллионные крестьянские массы, находил, хотя и бледное, выражение и в литературе александровского времени. Достаточно указать на деятельность писателей из круга Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, до сих пор не изученной как следует ни в его составе ни в литературной продукции.

Как и все культурные явления «второстепенного» порядка, жизнь Вольного общества не вызвала серьезного интереса у исследователей литературы начала XIX в., все свое внимание сосредоточивших на великой пре Беседы и Арзамаса, шишковистов и карамзинистов. А между тем в деятельности молодых людей из Вольного общества (Пнина, Попугаева, Радищева-сына и др.) мы усматриваем прямое и непосредственное продолжение и развитие идей А. Н. Радищева и его круга в области политики, культуры и литературы.

С другой стороны, для нас, вероятно, будет более разумителен и социально-политический смысл упорной борьбы за «язык» между шишковистами и карамзинистами,

¹ К. Рылеев, Сочинения и переводы, под ред. Ефремова, СПб, 1874, стр. 207.

если мы учтем, что борьба шла при молчаливом взаимном учете борющимися тех настроений многомиллионных «безъязычных» масс крестьянства и городской мелкой буржуазии, которые в первые «либеральные» годы александровского царствования находили себе некоторое выражение и в литературе, и в возникновении всякого рода кружков и обществ, и в оживлении «прожекторской» деятельности представителей разных групп третьего сословия. «Прожекторами» так богато первое десятилетие XIX в., что в русском прошлом параллели ему могут быть указаны в «прожекторах» петровского времени и в депутатских «наказах» Большой екатерининской комиссии 1767 г.

Ведущие группы господствующего сословия боролись в александровскую эпоху за язык далеко не только в плане расхождений по вопросам чистой общечеловеческой культуры и литературной эстетики. Об этом говорят и демагогические ростопчинские афиши; говорит тот факт, что для редактирования манифестов и указов во время борьбы с Наполеоном (и с революцией, с ее идеями в то же время) Александр I сознательно избрал не кого-либо из близких ему по духу «карамзинистов», а самого А. С. Шишкова. Славяно-русский язык Шишкова для этой цели (борьбы с революцией) оказался более ценным идеологически, чем язык «европеизированных» карамзинистов, ибо его «архаизмы» (религия, церковь, фразеология самодержавной власти, четко соблюденная социальная дистанция классов и сословий и т. д.) должны были для широких народных масс превратить войну против Наполеона в войну патриотическую, всенародную якобы, за всенародные идеалы и ценности.

Социально-политические чаяния мелкой буржуазии, нашедшие себе яркое выражение и в движении декабристов (Общество соединенных славян, сознательное участие в восстании солдат и матросов и т. д.) и в кружках петрашевцев, отражены были и в литературе. Отражены

они были и в отборе литературного материала для «подражания», в усвоении западноевропейских влияний совершенно иного порядка, чем у дворянской интеллигенции и интеллигенции торгово-промышленной буржуазии (мелкобуржуазные увлечения в эпоху 30—40-х годов утопическим социализмом, романами Жорж Занд и т. д.).

Шишковское преодоление «буйства» народного через принесение дани особенностям якобы истинно народного языка и идеологическое тем самым руководство «думами» эксплуатируемых классов имеют себе дальнейшие параллели и в языковой «архаичности» славянофилов и в борьбе носителей дворянской культуры за мелкобуржуазную интеллигенцию, за подчинение ее дворянской культуре. Скромная и почтительная к самодержавной власти и благородному сословию поэзия «крестьянских» и «мещанских» поэтов (Слепушкина, Алипанова, Суханова и иных) должна была демонстрировать терпимость и широту «всенародной» культуры господствующих классов. И характерно, что блестящий идеолог русской радикальной мелкой буржуазии В. Белинский так упорно отвыкает у дворянской культуры одного из талантливейших поэтов «мещанской» городской мелкой буржуазии («крестьянского» поэта А. Кольцова).

3

Новые общественные классы, выступая в литературе против господствующего социально-экономически, политически и культурно класса, пытаются дать выражение своим устремлениям и в плане положительного развертывания классовой идеологии и в различного рода нападениях на специфические, свойственные врагу, формы культуры. Положительное раскрытие своей идеологии для вступающего в борьбу нового класса обычно весьма затруднено: с одной стороны — потому, что и для него самого эта идеология только еще слагается и нелегко поддается сжатым, точным, доступным для масс формулировкам;

с другой — раскрытие новой формулирующейся идеологии чрезвычайно затруднено тем гнетом физического и морального воздействия, которое господствующий класс и своей культурой и аппаратом классовой государственной власти оказывает на все общество.

Отсюда — громадное значение в эти исторические моменты приобретают разного рода виды и формы сатирического изображения и показа действительности. И только промышленный пролетариат, самими условиями своего бытия поставленный в возможности научного диалектико-материалистического познания и изменения действительности и в условиях капиталистической эксплуатации создавший уже основные элементы своей классовой культуры, ведет свою борьбу за бесклассовое социалистическое общество под знаменами не только с лозунгами критики, но и с широко развернутой программой строительства новой действительности.

Классовые чаяния, классовая борьба разных групп третьего сословия в литературе XVIII в., естественно поэтому, нашли свое выражение прежде всего в сатирическом показе действительности, в развитии тех литературных жанров, которые наиболее пригодны для такого показа: сатирического журнального очерка, комедии, басни, бытового романа и т. д. Тем же целям послужила и ирои-комическая поэма XVIII в., явившаяся жанром буржуазным по преимуществу и в этом плане оставшаяся до сих пор почти не обследованной.

Мы не будем останавливаться на любопытном в социальном отношении составе той писательской среды, которая создавала третьесословные произведения литературы XVIII в., в частности и ирои-комические поэмы.¹ Все эти авторы — В. Майков, Чулков, Осипов и др. — люди «малого чина», люди близкие к непривигированным

¹ Об авторах ирои-комических поэм читатель найдет исчерпывающие сведения, для данного состояния наших знаний по XVIII в., во вводных очерках Б. В. Томащевского.

сословиям, выходцы и члены мелкой буржуазии. Ее представители не отличались социально-политической устойчивостью, и русская мелкобуржуазная интеллигенция XVIII в. сплошь и рядом связана в той или иной мере с носителями государственности и дворянской культуры; отдельные ее представители нередко идут на поклон к «вельможам» и влиятельным меценатам.

Но нас эта сторона — биографическая — в данный момент интересует мало. Колебания всегда характерны для мелкой буржуазии, особенно в такие эпохи, когда пути личного благополучия неизбежно ведут мелкобуржуазного интеллигента или в переднюю знатного вельможи, или в канцелярию государственного учреждения, или, в редких сравнительно случаях, в контору большого торгового или промышленного предприятия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Н. Осипов свою «Виргилиеву Энеиду, вывороченную на изнанку» посвящает «милостивому государю Ивану Степановичу Шешковскому», сыну знаменитого охранителя дворянской государственности. Да и соображения цензурного порядка могли иметь место в данном случае.

Буржуазная сущность ирои-комической поэмы XVIII в. дана нам не в паспортах ее создателей, а в ее общей социальной направленности, в ее стилевых особенностях, противопоставленных всему духу господствующей классовой культуры XVIII в.

Если исходить от понятия «жанра» в формалистической его интерпретации, то, разумеется, и с ирои-комической поэмой можно остаться в пределах единого «классического» дворянского стиля, ибо ирои-комическая поэма была «включена» в этот стиль на Западе, откуда она и была «перенесена» в русскую литературу. Но, по существу, этот момент формальной жанровой общности, иногда совершенно условный и бессодержательный, объединяющий несоединимое и противоположное, должен быть последним, а не первым в историко-литературных работах.

Разумеется, для XVIII в., с экономическим и политическим господством феодально-поместного дворянства, его культура, а также и литература— господствующие культура и литература, литература «всего общества». Но это «господство» имеет свое место только в процессе и результатах классовой борьбы, как ее выражение, а не как некое пред-указанное, заранее заданное гармоническое единство и соответствие «эпохе». Не от единого стиля нужно идти к его классовым разветвлениям (буржуазно-социологическая постановка вопроса, к сожалению, так основательно усвоенная покойным В. М. Фриче), а от литературных линий различных общественных классов, борющихся и в литературе, к господствующему стилю конкретной исторической эпохи, выражающему конкретное соотношение борющихся исторических сил, а не к стилю абстрактной социально-экономической категории. Тогда и в господствующем стиле мы найдем диалектические выражения борющихся классовых тенденций (буржуазные моменты в русском классицизме XVIII в. в частности).

Предпосылкой бытования ироико-комической поэмы в западноевропейском «литературном» смысле, собственно, и не было в русской действительности XVIII в., поскольку русское господствующее сословие не выросло в традициях классической греко-латинской образованности, поскольку и героические поэмы древности и европейские подражания Гомеру и Виргилию не были традиционными элементами русской культуры, в том числе и аристократической. Для высшего русского дворянства они стали таковыми позднее, к концу XVIII и началу XIX в.; до того же времени они входили в культуру преимущественно верхов духовного сословия, в семинариях и академиях приобщавшихся к этой культуре из первоисточника, на греческом и латинском языках.

Классическая культура высшим русским дворянством XVIII в. была воспринята и широко использована для

классового обособления преимущественно в ее внешних символических выражениях.

Поэтому ирои-комическая поэма могла и должна была восприниматься русским третьесословным читателем прежде всего в ее социальных сатирических устремлениях, в ее отзвуках на явления реальной действительности. Если она и звучала «литературно» направленной, то направленной против общего характера дворянской литературы, против ее идеологии и основных норм ее классовой эстетики, а не против какого-либо определенного литературного жанра. Такое чисто «литературное» восприятие могло иметь место только в узком кругу писателей и в ограниченном круге читателей, которые могли воспринимать ирои-комическую поэму как «литературно» противопоставленную поэме героической, классической и западноевропейской и ее русским вариациям.

Сатирическая бытовая направленность ирои-комической поэмы XVIII в. дана прежде всего в ее непочтительном отношении к «героическому» началу, идейно организовавшему дворянскую классовую литературу, в пародическом отношении к «героям» и «богам», к мифологическому и легендарно-историческому материалу, включенному в высокую дворянскую литературу. В этом пародическом тоне был несомненно глубокий социальный смысл.

Дворянство создавало свою классовую «национальную» героическую историю в одах, поэмах, трагедиях, обособлялось и в религии от «подлого» народа, жившего со своими или языческими божествами или наивными сельскохозяйственными, торговыми и ремесленными святыми «низкой» православной церкви, которые в XVIII в. не пользовались уважением у «вольтерьянской» знати, а являлись предметом «культурного» издевательства или презрительного снисхождения к простительной грубости невежественной черни.

Классическое оформление в дворянской культуре давалось носителям самодержавной власти (Екатерина II —

Минерва, Фемида, Паллада), в классических сравнениях и уподоблениях шли в литературе и культурном общении представители власти гражданской и военной (сыны Феиды, Марса). Даже в хвалебных «песнях» князьям церкви поэты XVIII в. прибегали к сокровищнице классической древности, нисколько не смущаясь тем, что вся античная культура — языческая — в корне чужда и враждебна христианской.

Вот, например, как воспеваает студент Александро-невской лавры своего «пастыря», Амвросия, митрополита С.-Петербургского и Новгородского, в день его именин:

Для ней (церкви. — *В. Д.*) — Ты то же, что и щит;
Для паствы — милостивый Тит;
Для муз — Ты Августа щедрее;
Для нас — Ты Ангела милее и т. д. ¹

Государственные учреждения, самое понятие монархической власти, сословные права и привилегии идеологически осмыслялись и внешнее символическое оформление получали в классических образах, сравнениях, уподоблениях, эпитетах. Этой цели служила не только литература, но и другие искусства: архитектура, живопись, скульптура. Античная мифология, классическое оформление «героического» в жизни государства, проводившие грани культурного отъединения господствующего класса и монархической власти от широких народных масс, демонстрировались столичной «черни» в триумфальных сооружениях, в фейерверках, в народных гуляниях по случаю коронаций, торжественных въездов, побед и одолений.

¹ Торжественные песни, которые... Амвросию... посвящает Александро-невская академия 1801 г. декабря 7 дня, СПб. 1802, стр. 21. Курьезно, что на экземпляре «песен», которыми я пользовался, какой-то читатель-современник (надо полагать студент той же академии, а может быть и сам автор) дал цитированному стихотворению такую «концовку»:

О тщетных суета! безмозглых плод голов!
Без вещи суета дермо — пустой звук пышных слов.

Во второй половине XVIII в., к концу ее, греческая и римская литература, античная мифология становятся обязательными элементами общего образования для высшего и среднего дворянства. Об этом говорят многочисленные переводы классиков на русский язык; широчайшее распространение получают курсы «мифологии» на французском языке, издаются такие пособия и на русском языке с параллельным французским текстом, чем подчеркивается учебный массовый (в дворянской среде) характер этих изданий.

В свете такой обособленности, культурной замкнутости верхних слоев общества не только пародийный сатирический подход к античной культуре с ее мифологией, героикой, нормами стиля, но даже интерес к доморощенному российскому суевию (чулковская «Абевега суеверий»), интерес к народному творчеству, к фольклору приобретал классовый характер.

«Снижение» образа «героя» — воина, полководца, основателя монархии, пародирование «подвигов», воинской доблести, в которой находили себе оправдание сословные привилегии дворянства, осмеяние идеала борьбы за дворянство — монархическое «отечество» — все это были моменты несомненного третьесословного развенчивания культуры господствующего сословия.

Сама «муза» третьесословной поэзии принимает совсем иной облик, чем в дворянской «высокой» поэзии. Майковские воззвания к «музе», которая обычно прославляла монархов, гром побед русских сынов Марса, — воспеть пьяного ямщика, — звучали не только в «литературном» плане, но и как выражение социальных настроений. В них выражались устремления к новой эстетике, к новому пониманию самого искусства поэзии и его задач, звучал отказ от почтительного отношения к внешним символам феодальной дворянской культуры.

Майковская муза, повествующая о «подвигах» Елисея, не поет, а «ворчит с похмелья». Муза Чулкова, если

и «поет», то поет «плачевным гласом, таким, как волк поёт в лесу пред смертным часом». Такой «плачевный глас» нужен музы Чулкова,

Чтобы мать сыра земля услышала твой стон,
И был бы на гумнах крестьянских вянтен он. ¹

Разве этот «плачевный глас», волчий предсмертный «стон» не символизирует крестьянскую безысходную тоску в условиях феодальной крепостнической эксплуатации? И разве нет в этом «поэтическом» образе XVIII в. предвосхищения некрасовского крестьянского «стоны», его музыки «скорби и печали»?

Едва ли, конечно, глас чулковской музыки дошел до крестьянских гумен, но важно отметить самый факт ориентации на новую аудиторию, важен факт поисков нового поэтического языка, языка третьесословных масс, важны поиски новых форм выражения. В. Майков прямо заявляет, что ему нужна «посредственная речь», а не «высоких слов наборы».

Учет этих языковых исканий, которые были так показательны и для В. Лукина, свяжет третьесословную литературу XVIII в. с буржуазной литературой XIX в., покажет, что и «классическая» литература XIX в. (Пушкин и др.) в своих поисках «народного» языка шла не только от основной линии литературного развития (дворянского «классического»), но и от третьесословной поэзии, письменной и устной. ²

---

¹ Этот чулковский образ «музы» вошел в стилевой инвентарь третьесословной поэзии XVIII в.; встретим мы повторение его у Н. Осипова, у Я. Орлова и др.

² Для иллюстрации один пример возможного отзвука иронико-комической поэмы XVIII в. в «сказках» Пушкина:

Из речи Кумской Сивиллы в VI песне осиповской «Энеиды»:

В лесу густом, непроходимом,
На дереве одном любимом
Мертвеческой земли богам,

Для языка Майкова, Чулкова, Осипова — в лексике, в конструкции фразы — характерна ориентация на разговорную речь третьесословного города, на крестьянские элементы языка устного творчества. Через эту «свободу» языка, не связанного суровыми требованиями рационалистического классицизма, с его предписаниями стилистического порядка и их детализацией применительно к отдельным жанрам, ирои-комическая поэма выходит за рамки господствующего дворянского стиля, выпадает из «классицизма», является своего рода лабораторией формирующейся буржуазной идеологии и новых литературных жанров.

Лексика, например, «Энеиды» Осипова раскрывает перед нами такой мир, которому совершенно не было места в литературе господствующего сословия. Мы выходим здесь из дворцов царей и знатных вельмож, выходим за пределы дворянского литературного мира. Вместе с автором и его героями мы попадаем в «книжный фабрики завод», к «печатальщикам» книг, в среду бурсаков с их макароническим языком, к «крючкотворцам» (судейским чиновникам),

---

Растут отменно наливные
Садовы яблоки большие;
Увидишь, подивишься сам.
Знай, те деревья не простые,
Какие в наших здесь садах;
На них все ветки золотые
Растут на гладеньких сучках и т. д.

Из речи поварихи в «Сказке о Царе Салтане» Пушкина:

Знайте, пот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд и т. д.

Осиповскому четырехстопному ямбу у Пушкина соответствует четырехстопный хорей.

к «кулачным бойцам», к «бурлакам», к «матросам», которые «сварганили селянку, поевши принялись за склянку... забыли грусти все и скуки, и прежние свои все муки сивухой стали заливать». Осиповский «Орфей», «певец на лире многозвучной», черпает свое вдохновение и подбирает песни для исполнения в кабаках на Пресне, на Балчуге, в Бутырках, где поэту и певцу знати и бывать совсем не полагалось.

Перед нами в поэме разворачивается целый ряд бытовых картин, которые реалистически рисуют жизнь разных групп третьего сословия, жизнь крепостного крестьянства. Эти картины имеют не только литературную, но и значительную историко-культурную ценность, поскольку ни художественная ни мемуарная дворянская литература XVIII в. в этот быт нас не вводит.

Вот пародия на роскошь убранства дворцов вельмож и в то же время показ вкусов купца или богатого мужика:

С Бутырок, Балчуга, Неглинной,
Зацепы, Пресни, Плетешков,
Со Красной площади предлинной,
С Рожек всех, из-под шатров,
У Троицы на рву с погосту,
Со Спасского из лавок мосту
Набрали разные листы,
На коих лучшие картины
И размалеванны личины
Цветут как в рощице кусты.
В иной там небылица в лицах
Чертами изображена;
В другой вся роспись о девицах
В таблицах расположена;
В иной Савоська с Парамошкой
За винною поспорясь плоской
Друг друга рыцарски тузят;
В иной kota хоронят крысы;
В иной прекрасны Мирикрисы
Бову к себе в любовь манят,
В иной там Семика встречают,
Дежурия дружно в кабаках,

И масляницу провожают
С гудком и дудкой на свиньях
Досушивая бочки пива.

(*Виргилиева Енейда на изнанку, песнь VII.*)

Вот бытовая сцена посещения дома «богатого мужика» учеными семинаристами или студентами академии, пере-сыпающими свои хвалебные вирши латинскими речениями:

К тебе, как мужику богату,
Пришли мы, *Серениссиме*.

.....
Пришли просить мы хлеба-соли;
И от твоей зависим воли
Любя тебя *ин Номине*.
Пожалуй не оставь нас бедных,
И милостию не покинь.

(*Песнь VII.*)

Находим и картины трудовой жизни. Вот деревенская бабья жизнь в условиях крепостного права:

...Бабы податью стягченны
Раненько в деревнях встают,
От теплой печи отвлеченны,
Не медля пряслицу берут,
И мразной ночи в половину
Воткнув в нощник себе лучину,
Щелкают все веретеном.

(*А. Котельницкий, Енейда, песнь VIII.*)

Вот картины труда «циклопов», фабрично-заводских рабочих, металлистов XVIII в.:

Ужасные повсюду звуки,
Шипенье, хлопок, визг и лом,
Брызг искр, от млатов тяжких стуки
Ерошат волосы дыбом:
Там печи адскою гортанью
Огнь мечут к дальню расстоянью,
Металл краснеет и кипит...
.....
Циклопы тамо обнаженны,
.....
Все пылью, грязью искаженны,
.....

Стучат большими молотами,
И сплющивают все блинами,
Вертят в колечки медь и сталь,
В небесный ставят двор игрушки,
Наперсточки, ножи, гремушки,
И что бы кто ни заказал.

...Циклопы взбеленились,
По всем взметались углам,
Вертя металлы, надсадились,
Толпились взапуски к котлам;
Жилисты руки распрямили,
С размаху все замолотили,
Пошла повсюду стукотня;
Кипят котлы, чрез край хлебещут,
Фонтаны разноцветны мещут,
Слышна от мехов трескотня.

(Енейда, песнь VIII.)

«Комический» характер поэмы вводит в нее такие образы и сентенции, которые звучат как социально направленные, как сатирическое отношение к действительности.

Вот образ «царя» Ромула: он «забияка... разбойник, хват, урвач, гуляка, боец кулачный и борец... сберет он воровскую шайку и свет весь... запрячет в Римский свой карман». Или образ Урсиллы, дела которой, автор (Котельницкий) верит, «послужат всем к забаве за тем, что баба то была». И читателю, в памяти которого свежи были воспоминания дней Минервы XVIII в. Екатерины II, и других коронованных амазонок, надо полагать, не чужд был соблазн почувствовать в «мифическом» образе дыхание живой действительности:

Урсилла, если знать угодно,
Была изрядной офицер...
У ней не каска на макушке —
Наколка черная была,
На коей в ленточной картушке
Был герб безногого орла...
Пунцовый шпензер¹ был на них,
На место юбок панталоны,

¹ Лиф с рукавами.

А на губах усы локоны
И бакенбарды у иных.

(Енейда, песнь XI.)

Без всякого сочувствия дано в поэме господство «одних мужчин все холостых» (папы и католическое монашество), которые «всех под ноготь свой прижмут» и власть которых «дотоле продолжится... доколе слепота продлится». Но и православные отцы церкви, монахи и епископы, могли бы узнать себя в образе «жрецов» Енея:

Жрецы ж опять своим порядком
То знай, что режут, бьют, палят,
Народным расточив достатком,
Скотин премножество коптят
И откачнувшись средь дымочку,
Похлебывают по глоточку.

Правда, это вольномыслие идет у Осипова и Котельницкого от первоисточника, от Блюмауера, воинственно настроенного против католической церкви, но показательно и то, что черты религиозного свободомыслия оставлены в поэме, не вытравлены из нее до конца.

В такую же смешанную социальную среду, третьесословную, как в «Энеиде» Осипова и Котельницкого, вводит нас и «Елисей» В. Майкова. Социальная среда «Елисея»: чумаки, поднощики и откупщики, бурлаки, сапожники, портные и ткачи, ямщики, купцы, подьячие, художники, крестьяне, спасские школьники, «вольные» женщины в рабочем исправительном доме и т. д.

И у Майкова найдем мы ряд бытовых картин, которые реалистически изображают нам жизнь низших общественных классов в дворянском феодальном государстве.

Вот «темничные юдоли», куда попадает пьяный Елисей, но куда крестьяне и городские мастеровые люди попадали не только за пьянство:

Там зрелися везде томления и слезы,
И были там на всех колодки и железы.

Там нужных не было для жителей потреб,
Вода их питье, а пища только хлеб.
Не черновидные стояли тамо ложи,
Висели по стенам цыновки и рогожи,
Раздранны рубища всегдашний их наряд,
И обоняние единый только смрад;
Среди ужасного и скучного толь дома
Не видно никого в них было эконома:
Покойно там не спят и сладко не едят:
Все жители оттоль как будто вон глядят,
Лишенны вольности напрасно стон теряют
И своды страшные их стон лишь повторяют,
Их слезы, их слова не внятны никому.

Вот в комических тонах данная, но в то же время весьма
жизненная картина земельных отношений подгородных
валдайских крестьян; здесь и нечеткость юридических
отношений, и право сильного, и судейское крючкотворство:

Уж мы под ячмени всю пашню запахали.
По сих трудах весь скот и мы все отдохали,
Уж хлеб на полвершка посеянной возрос,
Настало время нам итти на сенокос.
А наши пажити, как всем сие известно,
Сошлись с Валдайскими задами очень тесно,
Их некому развесть опричь межевщика:
Снимала с них траву сильнейшая рука
И так она у нас всегда бывала в споре.

Дано описание праздничной веселой крестьянской ра-
боты — сенокоса:

...Пошли мы на луга
И взяли молока, яиц и творога,
Обременилися со квасом бураками,
Блинами, ситными, вином, крупениками.

Но трудовой праздник кончается дракой с валдайцами,
которые, пока не было проведено межевание, силой сни-
мали сено с луга крестьян. И как следствие малоземелья и
юридической беспомощности — отхожий промысел Елисея:

Пять лет как я кнутом лошадок погоняю:
Ежжал на резвых я, ежжал на усталых,
Ежжал на смирных я, ежжал на удалых...
.....

Я в Питере живу без собственна подворья,
А в Питер перешел я жить из Зимогорья,
Откуда выгнан я на станцию стоять
За тем, что за себя не мог я там нанять
Другова ямщика...

И беспросветная, тяжелая солдатчина — естественное завершение жизненного пути майковского героя.

Весьма реалистично описание рабочего Калининского дома, в который сажали «распутных жен за сластолюбие» и где их «исправляли» принудительной тюремной работой:

Единые из них лен в нитки превращали,
Другие кружево из ниток тех плели,
Иные кошельки с перчатками вязали...

На работу их ставит начальница, едва лишь «заря румяная восходит».

Характерно для социальной направленности поэмы, что Елисей, попавший переодетым в этот «рабочий дом», в котором он «весь пост великий пропостился», принимает его за монастырь и считает начальницу его — игуменьей, а «красных девушек» монахинями. В результате опять реалистическая картина жизни женского монастыря, которая настолько соответствовала действительности и не только XVIII в., что в переизданиях майковской поэмы XIX в. (в ефремовском собрании сочинений В. Майкова, в венгеровской «Русской Поэзии») от слов монастырь, монахиня — осталась только стыдливая первая буква М.

Чулков вводит в поэзию «экономическую географию», науку торгово-промышленной буржуазии. Он перечисляет русские города с их промыслами: «Замками славна Тверь... гусями Арзамас... река Яик (Урал) икрой... ружьем и шпагами Тула снабдевает... из Красного села набойка к нам идет... из Павловска (села Павлова) ножи и ножницы» и т. д.

Показательно для XVIII в., что этот буржуазный «географический» момент в поэзии находит себе место не у одного Чулкова. Так, любопытную вариацию его, вводя-

щую нас в буржуазно-патриотические настроения городского человека XVIII в., находит мы в обширном стихотворении (в «оде», если угодно) «Россия» Якова Орлова, «Нижегородской главной школы учителя Истории Натуральной, Истории гражданской и Географии». Начав свою «оду», совсем выпадающую из норм «классицизма», восторженными возгласами:

Небесная краса Российская страна!
О! сколь пред всеми ты Творцом предпочтена!
О! сколь пространна ты! и т. д.

Нижегородский поэт так мотивирует свой патриотизм:

Славна Фрисландия полотнами своими:
Но не сравнится ли и Ярославль наш с ними?
.....
Ты не гордись, Прованс, здесь маслом деревянным:
Богаты мы своим льняным и конопляным.
Не отпускаем ли семян мы за моря?
Природу мать свою ты, Русь, благодаря,
Хвались канатами и славься парусиной,
Торговли своея как главную причиной.
.....
Сам (Вулкан) золото и серебро из гор льет как фонтан,
Рифейски (Уральские) рудники, Нерчинские заводы
Отечеству несут великие доходы.
Здесь золота ли нет, серебра ль не достает?
Нерчинск и Колывань нам миллионы шлет.
Свинцу иль меди нет, железа ли природа
Довольно не родит для Росского народа?
.....
Каменно-уголья при Тетюшах и Томе
Не добываются ль куски в большом изломе?
Гордишься ты, Китай, гордится и Мейсен,
Смотря на свой фарфор, — иль наш не совершен?
Давно ль основаны у нас свои заводы:
Однак им и теперь завидуют народы.

На ряде страниц поэт-учитель развертывает курс торгово-промышленной географии России, повторяя частично Чулкова и значительно расширяя его сведения:

Владимирец себя прославил вишневодством.
Шлет в море Черное Теплинской Харьков дуб;
Деревья мачтовы туда же Стародуб;

Град Глухов глиною фарфоровой пленяет
А Ромен табаком рты, носы привлекает...
Из древня Галича художники выходят,
В Петрополь и Москву они работать ходят и т. д.

Старательно перечисляет Я. Орлов также племена и народности, населяющие европейскую и азиатскую Россию, давая сведения о промыслах и религиозных верованиях некоторых из них, наиболее ему знакомых по Нижегородскому краю (черемисы, чуваша, вотяки и др.). В его «поэтический» перечень входят:

Ливонец, Финн, Лопарь, Чуваш, Корел, Естлянец,
Пермяк, Остяк, Манси, Уд, Черемис, Шаманец,
Татарин, Мещеряк, Нагаец, Теленгут,
Бораб, Белтар, Якут, Кумык, Трухман, Башкурт,
Черкес иль Кабардин, Абхаз, Кист, Осетинец и т. д.¹

Рядом бытовых картин ирои-комическая поэма смыкается с сатирическими журналами, осмеивавшими недостатки различных классов общества XVIII в. Так В. Майков осмеивает «подьячих»:

Не все то деньгами подьячие дерут,
Иные овсецом и сахаром берут,
Иные платъецом, винцом и овощами,
И мягкой рухлядью и разными вещами.

Он же, в развитие буржуазной сатиры XVIII в. на дворян-петиметров и барынь-щеголих, одевающихся по последней парижской моде, зло нападает на дворян-

¹ Я. Орлов, Мое отдохновение для отдыху другим. Печатана в типографии Нижегородского губернского правления иждивением сочинителя 1799 г. О своей родной Нижегородской губернии Я. Орлов в примечании к стихотворению «Россия» сообщает, что в ней «есть железные, поташные, мыльные и соленые заводы, также крупяные, солодовые и пивоварные; есть в самом Нижнем прекрасные прядильни, толоконные, кожевенные и кирпичные заводы». В «Разговоре с Эхом о Нижнем городе» патриот-нижегородец восхваляет исключительно третьесословных «героев»: Миллина, авантюриста Баранщикова, самоучку-изобретателя Кулибина (последнего при жизни его).

путешественников, которые ездят во Францию не за тем, чтобы

Узнать, чем Франция обильна, чем скудна,
И без других держав пробудет ли она?
Какие ремесла, какие в ней науки...

Нет, сообщает он:

...Ездят туда щеголи не ради скуки,
А есть ли весело там время проводить;
Так должно по домам кофейным походить,
Узнать, в какие дни там зрелища бывают,
Какие и когда кафтаны надевают,
Какие носят там тупеи и виски:
Какие тросточки, какие башмаки,
Какие стеклышки, чулки, манжеты, пряжки;
Чтоб выехав оттоль одеться без промашки
И тем под суд себе подобным не подпасть.
Умети изъяснить свою бесстыдно страсть,
Вертеться, вздор болтать, по самой новой моде,
Какая только есть во ветреном народе.

Дает в сатирическом показе ирои-комическая поэма и представителей третьего сословия, образ жизни которых не соответствует основам формирующейся буржуазной идеологии. Подвергаются осмеянию праздность и лень, невежество, пьянство. В борьбе с недостатками и пороками третьего сословия В. Майков, напр., иногда поднимается до учительного патетического тона. Таково возмущение Майкова против недостойных, с его точки зрения, народных развлечений — травли медведей и кулачных боев:

О утешение, от скуки позевать,
Как псы невинного там зверя будут рвать,
Иль над подобными глумиться дураками,
Как рыцарствуют бясь взаимно кулаками.
Там несогласие стоит уже давно,
И злорада там бойцам разносит всем вино,
Невежество над всем там власть свою имеет;
А мудрость в сих местах явиться не посмеет.

Нередко в поэмах встретим превосходные портретные зарисовки представителей разных общественных классов.

Вот, напр., купец, откупщик, поставляющий водку на целый уезд:

Сей был купец охвата в три и ростом был высок,
Едал во весь свой век хрен, редьку и чеснок,
А ежели ершей он купит за копейку,
Так думал, что проест тем женню телогрейку.
Год целый у него бывал великий пост,
Лишь только не был скуп давать он деньги в рост.
И упражняяся в сей прибыльной ловитве,
Простаивал насквозь все ночи на молитве,
Дабы Господь ему того не ставил в грех,
Казался у церквей он набожнее всех.
А едакие все ханжы и лицемеры,
Вдруг христианския, а после никакия веры.

Отталкиваясь от эстетических канонов высокой дворянской поэзии, третьесословная ироикомическая поэма XVIII в. не столько вливается в общий поток литературы дворянского «классицизма», сколько воспринимается в борьбе с ней как ей противопоставленная, как формирующая элементы какого-то нового классового стиля.

Это становление элементов нового стиля находит себе яркое выражение в движении к новому языку, к новым формам «украшенной» речи. В этом отношении для ироикомической поэмы особенно характерны эпитеты, сравнения, полагающие начало словарному богатству для последующего развернутого материалистического изображения действительности в литературе XIX в. Показательна бытовая, реалистическая, нередко производственная содержательность этих форм «украшенной» речи.

Приведем для иллюстрации несколько примеров.

У В. Майкова — «как будто петухи задорные дерутся, так бились меж собой... озорники».

У Чулкова «бег стихотворцев на Олимп» развернут в такую картину:

Не грозная в тот час всходила с громом туча,
Не гнусной саранчи летела в поде куча,
Не адские божки на воздух поднялись,
е раскольничьи скиты тут занялись,

Не души их в избах смоленых закурились,
Не бороды огнем в Гегене задымились,
Не дети их вижжат, не девки их горят,
Не свиньи хрюкают, не бабы говорят,
Которые, в раскол вводя старуху, плачут;
Но стихотворцы тут к Олимпу борзо скачут.

У Осипова Еней душил героев, как «волк овец», буря «играет кораблями, как ткач за станом челноком». У него же троянцы идут смотреть коня, оставленного греками:

В торговой тесной будто бане,
Или как кашица в горшке,
В пивном как бродит гуща чане,
Или как муравьи в мешке,
Так люди тесно там толпились.

У того же Осипова: с Енея «лил пот... ручьями, как будто в бане на полку»; «троянцы кучами лежали, как с барок у реки дрова»; у Кумской Сивиллы «раздулись ноздри, как весной у молодого жеребца; взъерошился рогатый волос, как будто иглы у ежа».

Бегство Енея с золотым чудесным сучком Осипов дает в развернутом сравнении гоголевского типа:

Читателям, я мню, случалось,
В мясном ряду когда бывать;
И там частенько удавалось
Собачьи хитрости видеть.
Из них котора посмелее
И в бойкости поудалее
Когда мосол подтенетит;
Тогда проворно без оглядки
С добычей той во все лопатки
Уйти скорей оттоль спешит.
Так точно нашему Енею,
Случилось тогда бежать.

.....
И рыло в сторону задравши,
Пустился как лихой рысак,
Лишь пятки только вверх сверкали и т. д.

В образе Харона дана картина современной поэту нищеты:

Лицо чернее голенища,
Нечосанная бородища,
Вся в колтунах и завитках.
.....
В сермяжном старом зипуне;
Заплаты по куску большому
На всех боках и на спине;
Запачкан грязью весь и салом,
Обвязан из куля мочалом,
С узлами, вместо кушака;
Протоптаны все башмачонки,
А под кафтаном рубашонки,
Ни на полушку лоскутка.

4

Элементы реалистического воспроизведения действительности настолько многообразны и социально-значимы в ирои-комической поэме XVIII в., что они позволяют говорить об ином мироотношении, об ином художественном методе, чем тот метод, в основном идеалистический, который определяет теорию и практику аристократической литературы.

Разумеется, в ирои-комической поэме, как и в других жанрах третьесословной литературы XVIII в., еще нет до конца оформленного материалистического мировоззрения. Сами общественные классы, включенные в третье сословие, в условиях непоколебленной феодальной общности и государственности, в условиях медленного нарастания в рамках феодализма новых производственных и социально-экономических качеств, были еще только в начале своего идеологического становления.

Разгром крестьянской революции, закрепощение новых слоев крестьянства и увеличение феодальной его эксплуатации, усиление позиций дворянства, внутренние классовые противоречия в недрах самого третьего сословия (наполовину, если не больше, крепостной труд

на фабриках и заводах, просьба купечества и духовенства в комиссии 1767 г. о предоставлении и им крепостных людей, хотя бы для личных домашних услуг и т. д.), несомненная техническая отсталость русской промышленности — все это не создавало условий для решительной ликвидации феодализма, которая — в конце века — имела место во Франции и с большими или меньшими результатами и в других странах Западной Европы. Наличие обширного внутреннего рынка, фактическая торговая монополия в сопредельных с Россией странах Азии, исключительные естественные богатства страны — все это создавало благоприятные условия для молодой русской промышленности во второй половине XVIII в., ставило ее в выгодные позиции на международном рынке. Но в условиях роста товарности русского крепостного сельского хозяйства, в условиях промышленного переворота и технической революции на Западе, русская промышленность и молодая русская буржуазия, оформлявшаяся в условиях еще мощного феодализма, были задержаны в своем поступательном движении. И в первые десятилетия XIX в. мы не чувствуем в русском историко-культурном процессе того движения буржуазии, которое намечалось во второй половине XVIII в., когда к концу его, напр. в области литературы дворянства, ее линия сильно была сдвинута почти на второй план линией третьесословной, находившей себе опору в движении западноевропейской общественной мысли.¹

¹ Для последнего десятилетия XVIII в. и начала XIX в. показателен даже некоторый как бы уход верхушек дворянства с фронта борьбы за русский литературный язык. Именно в эту пору заметно увеличивается в России дворянская литературная продукция на французском языке, языке французской эмиграции. Печатаются в России многочисленные литературные упражнения эмигрантов. На французском языке печатаются пособия и книги для чтения учащихся в привилегированных дворянских учебных заведениях. Воспеваает российских монархов и вельмож Viridet («Citoyen de Genève»), напечатавший в 1793 г. у Брейткопфа в СПб свои

Но и для XVIII в. мы имеем моменты подъема и ослабления третьесословных тенденций в литературе, причем эти тенденции находят себе различное оформление или в направлении реалистического показа действительности, или в направлении сентиментально-моралистического восприятия и художественного ее изображения. И то и другое направления, естественно, имели своими предпосылками разные классовые тенденции не только в третьем сословии, но и в недрах дворянского сословия, в меру вторжения капиталистических отношений в сельское крепостное хозяйство.

Проследить в деталях разные классовые линии, организовавшие литературу второй половины XVIII в., нам пока едва ли бы удалось: для выполнения такой задачи мы пока не обладаем достаточным материалом, ибо в этом направлении литература почти не изучалась, да и в области изучения пока не включен еще громадный

«Delassements», посвятивший их графу П. Строганову; Dalmas («Le nouveau Siècle», 1800 г.), восхваляющий Павла; Spada напечатанный в 1811 г. у Плюшара нелепый сборник «Сентенций и максим» по отделам из поэм, трагедий, комедий и т. д. Пишут на французском языке и представители русской знати: Белосельский-Белозерский (Epître aux Français, Dianologie и др.), З. Волконская, некая Sophie de S. свои «Contes et anecdotes», в том числе и о «сарафане», посвящаящая графине Ланской; на немецком языке у Всеволожского печатает свои «Poetische Versuche» герцог Ольденбургский. На французском языке воспевают знать свои замкнутые в узком аристократическом кругу увеселения: L'hommage sincère, petit divertissement champêtre, праздник, данный Екатерине II в имении Л. Нарышкина Левендаль; Bataille de Strélna, разыгранная в 1808 г. в саду у графа С. Потоцкого и в которой принимали участие Соковнин, Тагищев, Потоцкий, Палицкий, Толбузин, Лукин, Голицыны и др. Эта дворянская, не русская, литература совсем не обследована, но отметить ее расцвет конца XVIII и начала XIX в. следует, ибо он свидетельствует не только о «галломании» русской знати, но, в известной мере, характеризует и ее отношение к состоянию русской литературы, к ее неприемлемым для знати тенденциям, характеризует классовую замкнутость, ее отказ от русского языка, пропитанного началами «всесословности».

материал и рукописный (одни сборники песен в этом отношении представляют громадный интерес) и печатный (комедии, романы, песенники и т. п.). Не в достаточной мере изучено и воздействие на литературу средствами классово-организованно-государственного давления — через цензуру, закрытие типографий и т. п. А между тем и в XVIII в. эти меры воздействия дворянской государственности на литературу третьесословную имели весьма широкое применение.

Если расцвет сатирической журналистики в конце 60-х и начале 70-х годов был, несомненно, выражением антидворянских социально-политических и культурных устремлений, если и сама Екатерина II и как литератор («Всякая Всячина») и как политический деятель (Комиссия 1767 г., Наказ) пробовала быть, в известной мере, выразительницей этих третьесословных устремлений людей «среднего» чина, то катастрофическое, загадочное прекращение выхода сатирических журналов в годы Пугачевского восстания и его подавления должно быть понято как момент классовой борьбы, как поражение той социальной линии, которая начала получать заметное выражение и в художественной литературе.

В этом плане классовых взаимоотношений надо рассматривать и историю ирои-комической поэмы XVIII в. Ее наиболее яркие и социально-значимые проявления (поэмы В. Майкова, Чулкова) несомненно явились в какой-то степени отражением третьесословных настроений, нашедших себе выражение и в Комиссии 1767 г., и в Пугачевском восстании.¹ Обеднение же социальными мотивами поэмы конца XVIII и начала XIX в. (Осипов,

---

¹ Из речи к Екатерине II от лица депутатов Комиссии в 1767 г.: «Когда мысленно воззрим на минувшее время, дух в нас еще трепещет и падение Империи живо представляется воображению... Не столпы только правления колебались, но и самое основание оного потрясалося. Государственные доходы истощились, потеряна была доверенность и угнетена торговля» и т. д. П. С. Законов, т. XVIII,

Ллюценко, Котельницкий, Наумов), надо полагать, находит себе объяснение и в более внимательном полицейском отношении к литературе со стороны дворянской государственной власти.

С другой стороны, полагаю, нет оснований рассматривать русское литературное движение 80-х и 90-х годов в отрыве от общего европейского движения эпохи Великой французской революции. Эта связь, вызвавшая в России резкий поворот в отношениях дворянской аристократии и Екатерины II к западноевропейской культуре Просвещения, в то же время нашла свое выражение не только в деятельности А. Н. Радищева, но и в новом оживлении журнальной деятельности («Беседующий Гражданин», 1789 г.; журналы Крылова, «С.-Петербургский Журнал» И. Пнина, 1798 г. и др.).

Эти связи, не говоря уже о «Путешествии из Петербурга в Москву», и в других произведениях третьесловной литературы конца XVIII в. привели к большей четкости и оформленности «просветительных» идей, чем это имело место раньше.

Отметив, что и литература конца XVIII в. под этим углом зрения не останавливала на себе внимания исследователей (инвентаризация идей, характеристика литературно-переводческой деятельности, анализ западноевропейских влияний в русской литературе, в частности в журналистике этой эпохи), остановимся для иллюстрации наличия в русской литературе идей просвещения на журнале «Беседующий Гражданин». Журнал выходил в 1789 г.; есть все основания предполагать участие в нем А. Н. Радищева.

Характерно для журнала прежде всего motto, как бы

№ 12, стр. 978. Крестьянское недовольство лишением представительства в Комиссии 1767 г. нашло себе выражение в «Плаче Холопов», впервые опубликованном Н. Тихонравовым:

В свою ныне пользу законы пременяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают.

аффицистически данная программа, предусмотрительно при-
том формулированная словами екатерининского «Наказа»,
со ссылкой на него: «Мы ничего лучше не делаем, как
то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природ-
ной нашей склонности». Курьезно, что этот эпиграф — про-
граммный лозунг — помещен на обороте титульного листа,
на месте обычного указного дозволения или цензурного
разрешения, как бы в замену его.

В очерке «Придорожная гостиница или нечаянная бе-
седа» автор перечисляет разные группы дворянства, ко-
торые не вызывают его сочувствия. Одни, пишет он,
«в зеленых рощах, при звучном роге, сопутствуемы псами,
гоняют робких зверей, всегда однако домогаясь жадно
носить тежь знаки отличия, которыми израненная герой-
ская грудь достойно украшается»; другие «дремлют на
мягком одре праздности, подкрепляемом стяжанием сво-
их предков» и т. д. «Беседующий Гражданин», ч. I, стр. 18).

В «басне» «Две птички» птица вольная сидящей в клетке
птице и довольной своей судьбой читает такую мораль:

Ты в тюрьме нашла покой,
Обожая зоб лишь свой...
Можно-ль об тебе жалеть,
Коль свободу ты забыла,
То, дружок мой, заслужила,
Чтобы вечно тут сидеть.

(Ч. I, стр. 294.)

В «сонете» «Придворная жизнь» автор так рисует при-
дворную жизнь екатерининской эпохи:

Быть предану Властям, и оным лишь служить,
Зависеть от других и воли не иметь...
Любимцам следовать, при том их не любить,
То, чем гнушаешься, из силы всей хвалить...
С Вельможей льстиву речь искусно продолжать...
Лобзати всякого, а друга не иметь...
Казать веселый вид, спокойствия ж не зреть,
Вот кратко: при Дворе как должно ныне жить.

(Ч. I, стр. 296.)

В «Завещании дворянина своим детям», «сообщенном» издателям журнала лицом, подписавшимся «К. р. Н. Л. б. н. в. ч.»¹ («сообщенным» в журналистике XVIII в. «сплошь и рядом назывался материал самой редакции»), встречаем такие далеко не дворянские мысли: «Не одни дворяне и благородные человеки, — мещане, купцы и крестьяне все имеют в себе образ божий... Крестьяне все равны нам... Многие ныне из дворян грабя своих крестьян пресыщают собак... О, жестокость, я видел примеры жестокости, и теперь содрогаюсь... Один из наших соседей почти до смерти засек было своего бедного повара за то, что ненарочно обварил немного любимую гончую его собаку... Не жалко было молодому дворянину за один визг собаки заставить человечество стонать целые два часа под ужасными ударами».

(Ч. II, стр. 234.)

В плане развертывания классовых противоречий в русской действительности и развития классовой борьбы нужно расценивать наличие социальных третьесословных мотивов в «переводной» и «подражательной» «Энеиде» Н. Осипова; в этом же плане надо рассматривать и появление в русской литературе произведений такого типа, как «Душенька» Богдановича, которая, оставаясь, якобы, в рамках единого «жанра» ирои-комической поэмы, имеет совсем иную социальную направленность, чем, напр., майковский «Елисей» и даже осиповская «Энеида».

В XVII в. французский писатель L. Richer, посвящая свои «бюролескные» перелицовки метаморфоз Овидия графу Сент-Эньяну, для «своего времени» мотивировал это посвящение произведения необычного для «высокой» аристократической литературы жанра следующим образом: «Ныне, — писал он, — первые персоны государства снисходят до престонародных развлечений, свидетельствуя тем любовь, которую они питают к своим подданным»

¹ Вероятно Корн. Лубьяновичем.

(в подлиннике: «pour témoigner l'amour qu'ils portent à leurs Sujets»)¹.

Нет сомнения, что и русская «Душенька», и литературные упражнения такого типа, как «Незлюбивая Жизнь» Федора Козельского, и комические поэмы XIX в. (В. Пушкина, Шаховского), нося совершенно иной социальный смысл, чем поэмы В. Майкова, Чулкова, были, в известной мере, выражением той же «любви» дворян к своим «подданным», что и языковые «архаизмы» Шишкова.

Дворянская классовая комическая поэма XIX в., при всей своей «литературности», в сущности явление иного «жанра», иного художественного метода, чем третьесловные поэмы XVIII в. И для нас они представляют неизмеримо меньший интерес в сравнении с поэмами XVIII в. Ибо в дворянской литературе начала XIX в. ирои-комическая поэма является только одним из второстепенных и многообразных проявлений классовой борьбы на литературном фронте, между тем как в третьесловной литературе, да и во всей литературе XVIII в. произведения Майкова, Чулкова, Осипова должны занять видное место. И их изучению должно быть посвящено такое же серьезное внимание, как и другим жанрам — буржуазной, крестьянской, мелкобуржуазной — литературы XVIII и начала XIX в. — комедии, роману, драме, сатире, песне, журнальному очерку и т. д.

Без правильного марксистско-ленинского понимания литературы XVIII в. мы не сможем осмыслить характер и направление расцвета русской литературы первой половины XIX в. Без учета падения удельного веса торгово-промышленной буржуазии, проходившей свои детские годы в условиях феодальной общественности и государственности, мы не поймем, почему буржуазные тенденции

---

¹ L. R i c h e r, L'Ovide travesty, ou les Metamorphoses burlesques. A Paris, chez E. Loyson, 1659, Epistre.

в первой половине XIX в. находили свое преимущественное выражение в литературе капитализирующегося поместного дворянства. Только при учете сложности и противоречивости классовых интересов второй половины XVIII и первой половины XIX в. мы поймем, почему буржуазный лозунг крестьянской свободы так слабо звучал в русской литературе первой половины XIX в.: он стал монополией аграрной поместной буржуазии, он ставился капитализирующимися элементами поместного дворянства только в меру его классовых и сословных интересов. Русская торгово-промышленная буржуазия, развивавшаяся в условиях опеки со стороны феодальной государственности, продала свое право первородства — революционного вождя всего третьего сословия, вождя крестьянства в его борьбе за свободу, в решительной и последовательной борьбе с феодализмом. Предпосылки «прусского» пути русского капиталистического развития слагались уже задолго до реформы 1861 г.

Поэтому задача изучения литературы XVIII в. является одной из первоочередных, поскольку мы хотим осмыслить процесс русского литературного развития XIX в., век «расцвета» литературы. Марксистам пора перейти к этой работе, пора положить конец безраздельному засилью на этом участке представителей буржуазных школ литературной науки. Пора, конечно, перейти и к марксистскому осмыслению и более ранних (до XVIII в.) периодов русской литературы, тех эпох, в изучении которых до сих пор царит непоколебимо академическое бесстрашие регистраторов-дьяков, «к добру и злу постыдно равнодушных».

В работе по XVIII в. литературоведы должны опираться на тщательное изучение общего исторического процесса, и можно думать, что интерес словесников к XVIII веку углубит и внимание историков и экономистов к деталям классовой борьбы этого периода русской истории. Надо надеяться, в частности, что развертывающаяся работа по истории фабрик и заводов поставит в поле

зрения историков русской экономики и русского быта и те вопросы, освещение которых так важно для историков литературы.

А для историка литературы в тесном смысле слова открывается ряд таких задач, которые могут и должны быть разрешены только им.

Это, прежде всего, работа архивного порядка, изучение того материала, к которому буржуазная наука не имела интереса и вкуса. Нужно изучить рукописные сборники песенного и иного содержания, в которых до сих пор погребены, возможно, поэтические высказывания крепостного крестьянства, различных групп третьего сословия.

Нужно подвергнуть тщательному пересмотру и печатную продукцию XVIII в., оригинальную и переводную, изучить печатные песенники, посвятить более серьезное внимание «второстепенным» и «третьестепенным» писателям, пересмотреть традиционные оценки «классиков» XVIII в.

Необходимо внимательно изучить практику классового и государственного давления на литературу низших классов (цензура, закрытие типографий, стеснение торговли книгами и т. п.). Подвергнуть пересмотру работу по истории русской журналистики XVIII в., так как она шла преимущественно по линии изучения единого «движения идей», без внимания к той классовой борьбе, которая в ней нашла несомненное выражение. Нужно переиздать ряд памятников литературы XVIII в., в том числе и журнальной, ибо в большинстве случаев они стали недоступны не только для широкого читателя, но и для рядового, в особенности провинциального, исследователя литературы.

К русскому «классицизму» XVIII в. нужно подойти более углубленно — вскрыть в нем элементы становления буржуазной культуры, носителями которой были и определенные слои дворянства, подвергшиеся процессу буржуазного перерождения, и верхушечные группы

торгово-промышленной буржуазии, смыкавшиеся с феодальной аристократией.

Линию становления третьесословной литературы взять как одну из ведущих линий литературного процесса XVIII в.; как момент конкретизации и более четкого классового осмысления — вскрыть классовые тенденции крестьянства, городской ремесленной и торговой мелкой буржуазии в третьесословной литературе. Нужно отказаться от традиционной установки на изучение в литературе XVIII в. только «основного» ее потока — «дворянского классицизма», нужно отказаться от «нелитературности», второстепенности «мещанской», «лубочной», «простонародной» литературы. Нужно более строго относиться и к самой этой терминологии, ибо она несет в себе дворянское и буржуазное отношение к литературе низших классов, неправильно ориентирует нас в проблеме культурного наследия, ибо в эту терминологию включены классовые оценочные моменты, которые, благодаря своей традиционности, не стали научными и для пролетариата приемлемыми.

Необходимо более четко ставить и разрешать проблему «влияний» и «заимствований»: изучать не «единую» линию усвоения и перенесения на русскую почву западноевропейских идей и литературных произведений; в «подражательности» русской литературы вскрыть не внешние моменты сходства, не ограничиваться простым констатированием «заимствования», а определить генезис каждого заимствования как явления местного, послужившего литературным выражением конкретного положения того или иного класса, его места и характера участия в классовой борьбе. Необходимо брать факты «заимствований» не только и не столько в плане «подражания», сколько в плане установления единства движущих сил исторического процесса. Ведь, повторяем, и в XVIII в., как и всегда — в разных формах и степени, в разном качестве — перебрасываются нити связей не столько между

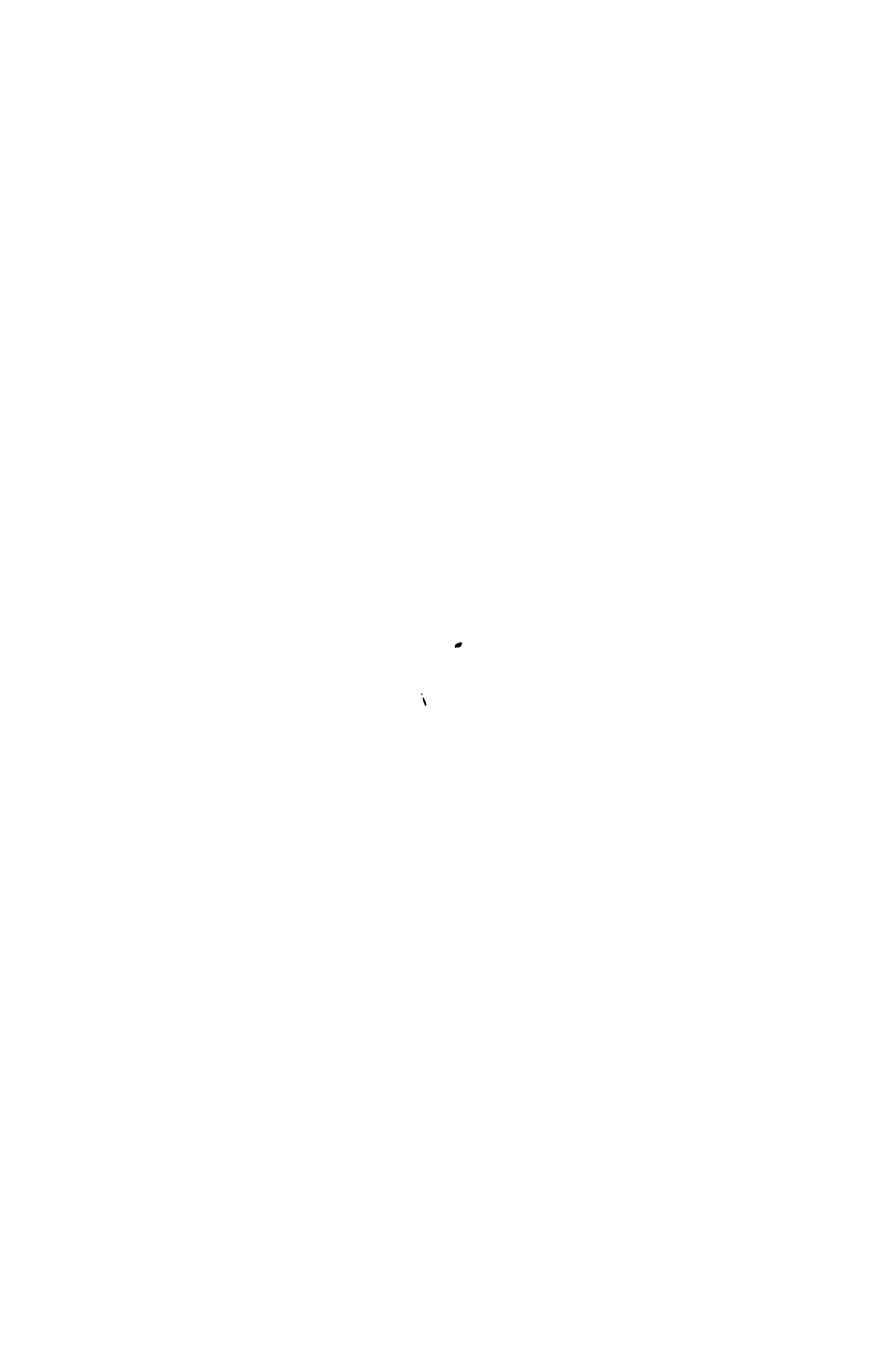
«нациями» и их культурами, сколько между культурами разных классов тех или иных наций.

Нужно отказаться, и в отношении к литературе XVIII в., от не критического формалистического оперирования терминами традиционной поэтики; нужно подходить к «специфике» литературы в плане раскрытия художественного метода писателя, в плане изучения моментов становления нового классового стиля в его творчестве, стиля как движения мировоззрения того или иного класса, а не тушить все своеобразие нового с отнесением его к традиционной категории того или иного жанра, включенного навсегда в определенный стиль.

Будем надеяться, что серия изданий по русской литературе XVIII и XIX вв., начатая Издательством писателей по инициативе А. М. Горького, одним из первых выпусков которой и является сборник «ирои-комических поэм», снабженный обстоятельным комментарием Б. В. Томашевского, послужит началом пробуждения научного интереса к русскому XVIII в. Это тем более желательно, что и наши высшие учебные заведения и исследовательские институты, сосредоточив все свое внимание на современной литературе и — в меньшей уже мере — на литературе XIX в., забыли про XVIII в. и более ранние эпохи. И едва ли это целесообразно: укорачивать и обеднять историю русской культуры и русской литературы победившему пролетариату, наследнику всего ценного в историческом прошлом побежденных классов, нет решительно никаких оснований.

**ПРОИ-КОМИЧЕСКАЯ
ПОЭМА**

Официальную генеалогию ирои-комическая поэма ведет от «Налоя» Буало 1674 года. Приверженцы древности пытались возводить ее к «Войне мышей и лягушек» или, по крайней мере, к «Похищенному Ведру» — итальянской поэме Тассони. Но сопоставлять эти произведения с поэмами XVIII в. вряд ли законно: они возникли в совершенно иных исторических и литературных условиях и непосредственного влияния на позднейшие поэмы не имели. Другое дело — поэма Буало, канонизированного поэта, изучавшегося в качестве литературного совершенства. Сам Буало ощущал свою поэму как новый жанр. О возникновении ее он говорил в предисловии к первому изданию: «Эта поэма обязана своим существованием странному случаю. Недавно в обществе, где я был, зашел разговор о героической поэме. Спросили мое мнение, и я повторил то, что сказал в своей Поэтике: что хорошая героическая поэма не должна быть перегружена событиями; дело поэтического воображения поддержать и развить ее. Это мнение сильно оспаривалось. Спорщики разгорячились, но после обмена доводами за и против произошло то, что обычно происходит в подобных спорах: никто никого не убедил и каждый остался решительно при своем мнении. Когда пыл спора несколько поостыл, заговорили о другом и принялись смеяться собственной горячности при обсуждении столь незначительной вещи. Поговорили о человеческом заблуждении, которое заставляет всю жизнь серьезно заниматься сущими пустяками и придавать огромное значение совершенно безразличным вещам. Здесь кстати один провинциал рассказал об известной ссоре, происшедшей в маленькой провинциальной церкви между казначеем и певчим, которые в этой церкви являются важными персонами, по вопросу о том, где стоять налою. История показалась смешной. Тогда один из присутствующих обратился ко мне с вопросом, не напишу ли я героической поэмы на тему об этом споре, столь бедном происшествиями, раз я утверждал,

что в поэме должно заключаться возможно меньше событий. «Почему бы и не написать», отвечал я немедленно, не слишком задумываясь над вопросом. Это вызвало взрыв смеха, и я сам смеялся, не думая, что когда-нибудь сдержу слово. Однако, вечером на досуге я подумал об этом и, задумав общий план издаваемой ныне шутки, я набросал двадцать первых стихов, которые прочитал друзьям. Это начало им понравилось, и так постепенно и понемногу я написал до девятисот стихов... В мои намерения входило создать на нашем языке новый род бюрлеска; ибо вместо того, чтобы, как в прежнем бюрлеске, Дидона и Эней говорили подобно селедочницам и крючникам, здесь часовщица и часовщик говорят подобно Дидоне и Энею. Не знаю, насколько моя поэма собственными своими качествами удовлетворит читателя, но льщу себе тем, что в ней имеется достоинство новизны...»

Из этого несколько пространного объяснения можно сделать два основных заключения: во-первых, Буало писал в намерении противопоставить героико-комическую поэму жанру бюрлеск, то есть всем «вывороченным наизнанку» поэмам, о которых нам придется поговорить подробнее в дальнейшем и которые предшествовали «Налою»; во-вторых, по его мнению комическая поэма строилась совершенно по тому же рецепту, как и героическая, и комизм рождался только от «низкого» сюжета. Оппозиция бюрлеску была вполне сознательна. Как пишет один комментатор Буало, «негодую на успех бюрлескной поэзии, он решил указать источник шутки более тонкой и благородной: грубому стремлению принизить высокое он решил противопоставить искусство возвышенно трактовать комический сюжет» (*Oeuvres de Boileau Despréaux, avec les commentaires revus, corrigés et augmentés par M. Viollet le Duc. Paris 1823, p. 6*). И в самом деле, Буало и Скаррона, «главу бюрлеска»,¹ резко разделяли исторические судьбы их поэзии. Литературная фронда Скаррона не могла быть по душе Буало, являвшемуся почти официальной опорой существующего строя—монархии Людовика XIV. Скаррон обращался к оппозиции, к тем, кто

---

¹ О Скарроне см. стр. 710.

оттиснут был от правящих слоев. Буало обслуживал нового читателя, тот крепкий слой, на котором строил Людовик свою монархию и опираясь на который он вел борьбу с крупными феодалами. И этот новый читатель, любитель возвышенного, готов был иногда поразвлечься, но и в развлечении он стремился соблюдать правила; он был важен и торжественен и в часы досуга.

Таково было задание Буало. Таково было и намерение его подражателей, в роде англичанина Попа, написавшего героико-комическую поэму «Похищенный Локон». Но в XVIII веке уже не существовало того нового читателя, на которого рассчитывал Буало. Не было его во Франции, не было его и в России. И подражания Буало становятся по существу чем-то далеким от оригинала. Сходство становится формальным, литературная зависимость сводится к сохранению какой-то внешней формулы, по существу довольно скудной.

Формула эта сводится к следующему:

1) Сюжет поэмы должен быть «низким», то есть должен быть взят из современности, и герои должны принадлежать к классу, с точки зрения автора поэмы недостойному серьезной литературной разработки. Понятие «низкого» раскрывалось каждым в зависимости от исторических условий момента.

2) В поэму должны были быть введены элементы героической эпопеи. Это сводилось преимущественно к введению классического «чудесного», то есть богов древней Греции. Сводилось это также к тому, что поэмы в построении и отдельных эпизодах повторяли гомеровские поэмы или, чаще, «Энеиду» Вергилия.

3) Внешняя словесная форма бралась у героической поэмы. Сюда относился александрийский стих, напыщенный язык героев, обязательные формулы (обращение к музе и т. п.).

Но на основе этих формул могли возникать литературные произведения по существу весьма различные. Так, для русской ироико-комической поэмы XVIII века характерно то, что падает противопоставление ироико-комического жанра бюрлеску. Скаррон—вовсе не одиозное имя для авторов ироико-комической поэмы. Они вызывают именно к нему, а не к Буало. И в результате язык героев вовсе не является

возвышенным и в речах Елеси не всегда звучит торжественный «язык богов».

Вот как определял ирои-комическую поэму русский теоретик, следовавший классическому канону:

«Сим именем называется некоторый род поэмы, состоящий в том, когда поэт высоким слогом, приличным эпосе, описывает действие простое, обыкновенное и почти всегда смешное. В рассуждении расположения сии поэмы требуют правил поэмы эпической. Чудесное в них заключается во введении какого-нибудь языческого божества, или аллегорического лица, и словом: чем более такая поэма по форме своей походить будет на эпическую, тем более имеет достоинства. Поэма Буалова «Налой» (le Lutrin) почитается превосходнейшим в сем роде образцом; на русском языке принадлежат к оному поэмы Майкова, из коих лучшая есть «Елисей или раздраженный Вакх» и «Расхищенные Шубы» соч. князя Шаховского». («Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым», ч. I. СПб, 1821, стр. 185). Однако, процитировав «Елисея», Остолопов сразу заметил, что поэма не укладывается в его определение: «Г. Майков... весьма часто употреблял в своих поэмах слог не только обыкновенного разговора, но самый низкий, и не всегда сохранял правила благопристойности» (стр. 188).

Таким образом, «высокой» герои-комической поэме Буало противостоит относительно «низкая» русская ирои-комическая поэма, которая не имеет точных границ с «вывороченным наизнанку» эпосом.

Начало русской ирои-комической поэмы правильнее всего считать с поэмы Майкова «Игрок Ломбера», появившейся в 1763 году и имевшей такой успех, что при жизни автора понадобилось три издания (второе — 1765 г., третье — 1774 г.). Однако эта поэма не может считаться образцом жанра. Она, пожалуй, более обязана своим успехом теме — описанию игры в ломбер. Тем не менее именно она подготовила прием читателями второй поэмы В. Майкова «Елисей».

Дата появления «Игрока» очень близка к другой дате, к дате переворота, возведшего Екатерину II на престол. И это совпадение не случайно. Этого факта не могли обойти и прежние исследователи творчества Майкова. Так,

Л. Н. Майков, написавший в 1867 году биографию нашего поэта, до сих пор являющуюся лучшей, принужден был отметить: «Кратковременное правление Петра III не привлекло к себе общественного сочувствия... Но общество стало уже смелее: кружки недовольных образовались в разных его слоях... Этими явлениями подготовлялся успех переворота 28 июня 1762 г., и когда переворот совершился, общественное мнение громко выразило свое сочувствие к нему... Эту смену настроений мы можем проследить и в В. И. Майкове: две его оды, написанные во второй половине 1762 г., свидетельствуют, что в правление Петра III он принадлежал к числу недовольных и с искреннею радостью встретил вступление на престол имп. Екатерины II. С этим событием совпадает заметный переворот в жизни русского общества. С восшествием на престол Екатерины II на поприще государственной и общественной деятельности выступили новые люди, благодаря которым значительно подвинулось общественное развитие. Эта смена общественных деятелей должна была иметь выгодное влияние на судьбу многих отдельных лиц. Так, повидимому, было и с Майковым» (Сочинения и переводы В. И. Майкова, СПб 1867, стр. XVI—XVII). Не только характер деятельности, но и личная биография Майкова подтверждают тот факт, что он принадлежал к тому слою среднего дворянства, из которого вышли господа положения в период, который условно можно назвать «до-потемкинским». Но этот слой получил господство не без боя, и положение свое не чувствовал прочным.

Эти исторические условия показывают не только сходство, но и различие в обстановке возникновения поэм Буало и Майкова. Оба обслуживали «новых людей», но эти новые люди были различной социальной природы.

Не одинаковы были культурные условия читательской аудитории Буало и Майкова. Для читателя Буало знакомство с античной литературой было почти обязательным. Знание латинского языка как культового, судебного и университетского было достаточно распространено. Мифологию зубрили как катехизис. Не то в русской обстановке XVIII в. Сам автор комических поэм не знал ни одного языка кроме русского. Мифология была чем

то вроде собрания сказочных сюжетов, знакомство с которыми было поверхностным, новым, наивным. Пародировать мифологию было уж не так интересно; в лучшем случае ее можно было «забавно» рассказывать.

Вторая поэма Майкова «Елисей» появилась в период расцвета русской сатирической журналистики. Вышла она в свет в ноябре 1771 г., а писалась, вероятно, раньше — в 1770 г. А за год, в 1769 г., появилась «Всякая Всячина» Екатерины II, а вслед за ней «Трутень» Новикова, «И то и сё» Чулкова и «Адская Почта» Эмина. Началась сатирическая и литературно-полемиическая война. Майков не остался в стороне. Он выступил сотрудником журнала Новикова как верный соратник группы поклонников А. Сумарокова. Врагами этой группы явились В. Лукин, М. Чулков, В. Петров.

В. Лукин, представитель елагинского кружка, пропагандист буржуазной драмы, стал в оппозицию Новикову и его кружку как отступник сумароковской драматической системы. Против него ведется ожесточенная кампания почти во всех сатирических журналах, причем полемика не удерживается в литературных рамках и часто переходит на личную почву: осуждаются не только особенности его драматического стиля, велеречие его обширных предисловий, но и заносчивость, злоязычие и т. п. М. Чулков, представитель более «низовой» литературы, чем Новиков, выдерживает нападение как хулиатель Эмина, сотрудника журналов Новикова и его личного друга. В. Петров является представителем высокой придворной «потемкинской» лирики, диаметрально противоположной по своему устремлению нарочито упрощенной шутиливой поэзии Майкова. Полемика развивается в разных направлениях, и не всегда ее острота определяется глубиной идеологического расхождения.

Полемика 1769 г. отразилась в поэме Майкова. Зато его приветствовали единомышленники. Новиков писал в своем «Опыте исторического словаря о русских писателях» 1772 года: «сочинил он (Майков) прекрасную поэму «Игрок ломбера» и другую в пяти песнях «Елисей или раздраженный Вакх» во вкусе Скарроновом, похваляемую больше первья тем паче, что она еще первая у нас такая правильная шутиливая издана поэма».

«Елисей» действительно — первая «правильная» шутовская поэма, с развитым сюжетом, с живыми персонажами, с яркой обрисовкой обстановки; в этом она далеко оставляет за собой холодного «Игрока», представляющего собой растянутую аллегорическую и ряд принужденных олицетворений. По своей веселости она не потеряла интереса до сего дня. Когда в 1823 г. Бестужев в «Полярной Звезде» принизил ее, написав: «В шутовском роде (burlesque) известны у нас Майков и Осипов. Первый оскорбил образованный вкус своею поэмою «Елисей». Второй, в «Энеиде наизнанку», довольно забавен и оригинален», — Пушкин немедленно вступился за Майкова. Он писал Бестужеву 13 июня 1823 г.: «зачем хвалить холодного однообразного Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

«Я мню и о тебе, исподняя одежда,
«Что и тебе спастись худа была надежда!

«А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

«Когда для пирогов она у ней топилась
«И тем подобною Дидоне учинилась.

«А разговор Зевеса с Меркурием, а Герой, который упал в песок

«И весь седалища в нем образ напечатал.
«И сказывали те, что ходят в тот кабак,
«Что виден и поднесь в песке сей самый знак,—

всё это уморительно. Тебе, кажется, более нравится благовещенье,¹ однако ж Елисей смешнее, следовательно полезнее для здоровья». В черновике письма Пушкин цитировал в качестве образцового эпизод из I песни, где крестьяне побивали Нептуна.

---

¹ Под этим словом, как обычно полагают, Пушкин имел в виду свою поэму «Гавриилиада», в которой пародируется евангельский рассказ о «благовещении».

Необходимо, впрочем, учесть, что самого Пушкина в это время занимали такие сюжеты, как «Братья разбойники» и в том же письме Бестужеву он пишет об этой поэме и об «отечественных звуках: харчевня, кнут, острог», которые могут «испугать нежные уши читательниц».

Майков нужен был Пушкину как поэт реализма, своей грубостью контрастирующего с светской поэзией начала XIX века. Этот характерный реализм, выразившийся в тяготении к демократическим героям, рисуемым в неприглядной и отнюдь не «светской» обстановке, и составляет существенное свойство юмора Майкова. По поводу этой черты Л. Н. Майков писал, указывая, что на русской почве прои-комическая поэма и бюрлеск смешивались между собою: «оно и естественно, так как в основе того и другого лежала барская насмешка над бытом простонародья. В литературном же отношении и в том и в другом роде можно видеть протест, хотя бы и не совсем сознательный, против односторонней торжественности искусственной эпопеи в пользу реализма в искусстве». Можно согласиться со вторым утверждением, но в таком случае отпадает первое, находящееся с последним в прямом противоречии. Это утверждение Майков заимствовал, повидимому, у Кулиша, когда-то сказавшего нечто подобное по адресу Котляревского и его перелицованной «Энеиды».

Понятно, нельзя ожидать от дворянина Майкова, чтобы он проникся психологией ямщика Елеси. Это он и доказывает, сдавая в конце поэмы, по правилам своей морали, буяна-Елесю в солдаты. И всё же это не мешает тому, что комический Елесь фигурирует отнюдь не как объект издевательства и надругательства. Дело в том, что «новые люди» чувствовали себя носителями демократического принципа. Отсюда и литературный протест против парадной литературы, «высокой» не только стилистически, но и социально. Отсюда — обратная крайность: противопоставление высокому в литературе — предельно «низкого», хотя бы это «низкое» и находилось далеко за пределами их класса. Этот «грубый» реализм был символическим показателем сдвига в сторону демократии. Но поскольку он исходил из среды далеко не демократической по

собственной природе, то оправданием служил юмор. Не забудем, что юмор часто предшествует протесту, а демократические герои, прежде чем стать объектом патетического стиля, обычно проходили длинный путь юмористического и сентиментального бытия в литературе. Формула «барской насмешки» несправедлива была по отношению к Котляревскому, несправедлива она и по отношению к Майкову.

Одновременно с «Елисеем» появлялись на свет и сатирические поэмы М. Чулкова. Это был не только журналист с полемическим задором, но и один из первых собирателей русского фольклора. Оба эти качества отразились в его поэмах. В них во всех доминирует литературная злоба на противников: на Эмина и на В. Майкова. Поэмы Чулкова всё время полемически перекликаются с поэмами Майкова. С другой стороны в них мы видим описание народных гуляний и обрядов, вплоть до вставки в поэму текста народных песен. Будучи литературно слабыми, поэмы Чулкова являются оригинальной формой шутливого эпоса. Их полемическая заостренность превращает их в живой комментарий к литературной истории поэм Майкова. Не даром наличие множества общих мотивов явилось причиной того, что поэмы Чулкова были включены в собрание сочинений Майкова, изд. 1809 года. Издатель, очевидно, не заметил полемического смысла этих параллелизмов.

После поэм Майкова и Чулкова ирои-комическая поэма почти исчезла из русской поэзии. «Низкую» школу Майкова сменила была школа Богдановича, Хераскова, Хемницера, претендовавшая на большее изящество. Следующим этапом комической поэмы была «Душенька» Богдановича. Однако традиции ирои-комической поэмы не исчезли бесследно. В той же «Душеньке» можно найти следы знакомства со стилем Майкова.

Доказательством того, что и в этом новом поэтическом кругу традиции Майкова чтислись, является, например, помещение в «Собеседнике любителей русского слова» 1783 г. рядом с произведениями Богдановича, Державина, М. Муравьева стихотворения, явно имитирующего майковского «Елисея». В виду краткости этого шутливого произведения, привожу его целиком:

НАРОДНЫЙ ОБЕД

ПОЕМА

в семидесяти стихах, сочиненная в Левендале.¹

Пою я шумный день и подвиги героев,
Что прежде славились среди кулачных боев,
А ныне с яростью терзающих быка.

Я зрю Ахиллу тут, подобна мясника;

Он первый изо всех среди мясных сечи
На верх быка вскочил и сел ему на плечи.

К тебе, о муза! днесь я глас мой воссылаю,
Спугнись с горних мест, тебя я умоляю,
Повеждь мне все дела в те страшные часы,
В которые скулы страдали и власы!

Начальник страж давно по месту развезжал,
И пушечного там удара ожидал;

Десятские с тростями вокруг скотов стояли,
Казаки кнутьями всем дерзким угрожали,
В глубокой тишине народ весь пребывал,
Желанием горя он на быков взирал.

Услыша громкий знак отсюда побежали,
И красную камку на части растерзали.

Един, урвав клочок, спешит спасти живот,
Другой отнять за ним бежит разиня рот.

Меж тем от мясника атака устремленна,
И утка первая была военнопленна.

Ужаснейший Евсей прославиться алкал,

Вспрянув как воробей жаркое оседлал,

И засучи рукав он нож свой вынимает,

По правилам быка на части разделяет;

Артель его внизу, а он вверху шумит,

Делить съестное он сообщникам велит;

Те внемля глас его швыряют кур, гусей,

И хором все гласят: да здравствует Евсей.

Теперь мы к новому герою обратимся

И описать дела преславные потщимся.

Самсону там стоял подобный виномет,

Всем горьким пьяницам приятнейший предмет.

Он виноградными струями наполнялся,

Из недр земных шумящ на воздух воздымался.

В пространнный виноем потом себя вливал,

И се то был театр, где Гришка куликал.

Герой сей был чумака из красного кружала,
Которого одна полиция пужала.

¹ Левендаль — дача Л. А. Нарышкина (1733—1799 г.). Здесь описывается бесплатное угощение «для народа» во время одного из празднеств, до которых Нарышкин был большой охотник. См. описание подобного празднества 29 июля 1772 г. в «Московских Ведомостях».

Великодушный муж на мясо не взирал,
Но к виномету лишь желанье устремлял.
В деснице медный ковш всем очи омрачает,
Им черпая вино он пьяниц призывает.

Подобно как Атрид аргисцев устроил,
Так Гришка чумаков вокруг себя сбирал.
Стремятся все к нему, его в миг окружили,
На раменах своих его вверх возносили.

Но может ли герой когда довольным быть?

Великий Александр хотел моря преплыть.
Подобно и чумак на всё, что есть, дерзает,
Оставя он хребты на макушку влезает.
И черпая вино багряною рукой,
Льет его на всех, кропит им как росой.
Но лзя ли описать все подвиги героев,
Ужасные дела, стремление их строев,
Движенья страшные? — Сей окорок держал,
Другой набравши кур от места прочь бежал.
Иной поверженный лишь испускает эх,
И другу говорит: меня попутал грех.
Сей друга не узнав за ус его таскает,
Десятский чтоб разнять трубою поливает.
Иной кувшином в лоб тут кума поразил,
А тот хотел бы встать, да силами стал хил.
Там целые толпы чуть на ногах держались,
Другие ослабев кряжами повалились.

Прославились в сей день отменно мясники,
Бычачью мчат главу; другие ж мужики
Со удивлением героев провождают.
Завидуют — но все их славу разглашают.

Н. М. и товарищи

(«Собеседник любителей русского слова»,
ч. II, 1783 г. Стр. 51—53.)

В. И. МАЙКОВ

В. И. МАЙКОВ

Василий Иванович Майков был сын ярославского помещика, капитана л. г. Семеновского полка, Ивана Степановича Майкова. Родился он в Ярославле в 1728 году. Образование он получил чрезвычайно скудное: некоторое время он обучался в академической гимназии в Петербурге, куда он поступил в марте 1740 года, но курса не кончил. Четырнадцати лет он был записан в Семеновский полк и в январе 1743 года отпущен домой в Ярославль. Очевидно на этом и окончилось его образование. Впоследствии у него не было случая восполнить этот недостаток. Так, он не знал языков, в чем постоянно упрекали его более образованные современники.

По этому поводу Д. И. Хвостов в своей рукописной статье «Нечто из биографии Вас. Ив. Майкова» 1813 года (арх. Хвостова в ИРЛИ, книга 27, лист 381) пишет: «Сумароков, будучи приятель Майкова, часто забавлялся на счет его малого сведения в словесности и знания иностранных языков, то говоря, что Майков 13-ый апостол, приобрета так же как и они по благодати дар слова, то рассказывал, что при начале случая к. Потемкина, когда сей вельможа приглашая к себе всех стихотворцев особливо ласкал давно любимого им переводчика «Энеиды» Вас. П. Петрова, и называл его для отличия от прочих *Maxime Petroff*, то есть великий Петров, то будто Майков, подошед тогда с сердцем к Сумарокову, сказал: «Зачем ты меня уверил, что Петрова зовут Вас. П.; слышишь ли, что князь его называет Максимом». Но пусть творец Семиры и первенец российского Пинда иногда мог издеваться над недостатком просвещения в нашем пиите, но никогда не имел права шутить над дарованиями Майкова, кои были столько блистательны, что сам Сумароков принужден был сказать: тебе на верх горы один остался шаг».

Другой младший современник Майкова, знавший его в годы своего детства, Александр Палицын, писал в «Послании к Привете» 1807 года:

Любовь к отечеству питаю,
Язык природный сильно зная,
И к музам страсть горя излить,
Уверил Майков нас не ложно,
Что без чужих языков можно
Хорошим стихотворцем быть.

В 1747 году В. Майков явился в полк, в котором оставался до 1761 года. Однако служба мало его связывала: он постоянно уезжал в отпуск в деревню, где подолгу оставался. Во время таких отпусков он познакомился с ярославской труппой Волкова, заинтересовался и театром и предлагал для постановок помещение в доме своего отца.

К литературной деятельности Майков обратился выйдя в отставку, в 1762 году. Первые его стихи появились о журнале «Полезное увеселение» (январь 1762 г.), издававшемся в Москве Херасковым. Сам Майков в эти годы жил в Москве и Ярославле. Он сблизился с литературным кружком, во главе которого стоял Херасков, и принял деятельное участие в издававшихся Херасковым журналах: в названном «Полезном Увеселении» и в заменивших его в 1763 году «Свободных Часах». Литературным учителем Майкова был Сумароков. Об этом писал Майков в «Оде о вкусе»:

О ты, при токах Ипокрены
Парнасский сладостный певец,
Друг Талии и Мелпомены,
Театра русского отец,
Изобличитель злых пороков,
Расин полночный, Сумароков!

.....
И се твоим приятным тоном
И жаром собственным влеком,
Спознался я со Аполлоном
И музам сделался знаком;
К Парнаксу путь уже мне сведом:
Твоим к нему иду я следом.

Майков оставался верным Сумарокову до самой его смерти. В литературных группировках он всегда принадлежал к лагерю сумароковских учеников и сторонников, ополчаясь на скептиков, имевших немалую по тому времени смелость критиковать «полночного Расина».

Известность Майкову доставила поэма «Игрок Ломбера», вышедшая в 1763 году. Об успехе поэмы можно судить по тому, что при жизни Майкова она выдержала три издания (второе в 1765 г. и третье в 1774 году). Успех этот основан на том, что это была первая русская комическая поэма; кроме того в ней трактовалась игра в ломбер, а карточная игра в эти годы имела чрезвычайное распространение в русском обществе: попытки правительства бороться с азартными играми, которые по выражению Екатерины «ни к чему более не служат, как только к действительному разорению дворянских фамилий и к обогащению фабрикантов», — не приводили ни к какому результату. Поэма на такую тему, как карточная игра, естественно привлекла к себе внимание.

В том же 1763 году появились на страницах журнала «Свободные Часы» переложения «Превращений» Овидия. Не зная латинского языка, Майков переложил в стихи русский прозаический перевод. Это переложение послужило в дальнейшем объектом сатирических выпадов, направленных против Майкова.

В 1766 году Майков определился на службу в качестве товарища московского губернатора. В 1768 году он принимал участие в работах екатерининской комиссии по составлению нового уложения. В том же году он перебрался на жительство в Петербург. Здесь он сблизился с кружком Новикова, оказавшего на него в дальнейшем сильное влияние. В 1769 году он принял участие в журнале Новикова

«Грутень», что вовлекло его в журнальную полемику. Его противниками были с одной стороны, М. Чулков, нападавший на него в журналах своих «И то и сё» и «Парнасский Щепетильник», с другой стороны—лирик В. Петров. Если с Чулковым разделяли Майкова какие-то личные отношения, то с Петровым он расходился в основном понимании задач поэзии. Майков определенно заявил себя сторонником «чистого и ясного слога» и противником стихотворной пышности и грома. Петров же был типичным представителем этой пышности. В обстановке обостренной литературной полемики 1769—1770 гг. определились литературные взгляды Майкова.

В 1769 году он выступил в качестве драматурга: им написана и поставлена трагедия «Агриопа». Сохранился нелицезный отзыв о ней Фонвизина, сообщенный впоследствии Юсуповым Пушкину (см. письмо Пушкина Вяземскому в начале 1831 года).

В 1770 году Майков снова поступил на службу прокурором военной коллегии. Тогда же он был избран членом Вольного экономического общества.¹ Экономические вопросы интересовали его не только теоретически. Идея промышленного процветания, характерная для деятелей 70-х годов, привлекала его еще раньше. В оде своей «На случай избрания депутатов для сочинения проекта нового уложения» он так изображал идеальные задачи царствования Екатерины:

Там классы на полях желтеют,
Где прежде тернии росли,
Там люди о трудах радеют,
Туда художества внесли;
Где прежде звери обитали
И птицы хищные летали,
Где дикая была земля, —
Теперь народы там селятся,
И нимфы в рощах веселятся,
Узрев прекрасные поля.

В 1770 г. он даже завел в Москве полотняную фабрику, но предприятие окончилось неудачно.

Производство парусного холста в эти годы было доходным предприятием, так как этот холст являлся одним из важных предметов экспорта (главным потребителем этого холста была Англия). На производстве парусного холста выросли такие огромные мануфактуры, как костромской «Полотняный завод» Гончарова.

Судьба предприятия Майкова обрисована им самим в прошении на имя Потемкина (об адресате можно догадаться из содержания прошения):

«Милостивый государь! Никогда бы не осмелился утруждать ваше высокопревосходительство, если б не самая крайность меня к тому принудила. Но, милостивый государь, если прямо войти позволите

---

¹ Избрание состоялось 29 сентября 1770 г. Майков был активным членом общества. За 1771—1774 годы он трижды избирался в члены комитета и дважды в «очередные» члены (избрание производилось на треть года).

В мое бедственное состояние, то конечно помощь мне подать не укажите, ибо великие души обитают в людях чувствительных и милосердых:

«После покойной матери моей осталось на мне долгу 4 000 рублей, который, дабы заплатить, завел я полотняную фабрику в 1770 году, от которой начал было и прибыль получать.

«Но по причине случившегося несчастья от моровья язвы (эпидемия чумы 1770—1772 г. в Москве.—*Б. Т.*), в тот год и моя фабрика претерпела убыток, первое что работники принуждены были разойтись, и снесли с собою много задатков, второе, что в тот год на конторы полотен не принимали, и третье по несчастью моему в том же году сгорела пряжеварня и с пряжею, в которой работано на 4 котла, в каждом котле суровой пряжи варилось по 100 пуд. а пряжа тогда была в покупке по 3 р. по 25 коп. пуд, отчего мне убытку более 2 000 руб. причинилось; но по сем я, заняв денег, вновь построил и паки начал продолжать работу. И уж не только было поправился; но известная аглицкая Клифернова контора пришед в упадок все аглицкие конторы привела в расстройку, почему и от меня полотна на конторы не приняты и я принужден их с величайшим мне убытком держать целый год здесь в анбаре, а на другой продать за бесценок.

«А потом от известного (вора) Пугачева в саранском уезде имевшаяся моя деревня, от которой получал оброк по (далее вырван кусок бумаги.—*Б. Т.*) была разорена и как за прошлый так и за нынешний год я оброку не получал и так от разных сих несчастий, а притом воспитывая шестерых детей моих, для обучения их держу и нанимаю учителей, пришел в неоплатимый долг, а именно 12 000 рублей; и так на zapлату процентов большая половина моих доходов выходит, и тем принуждает еще входить в новые долги, а наконец и в самое бедное состояние.

«Милостивый государь. Ежели захотите мне сделать милость, то: должен я в государственном банке 7 000 рублей, да в том же банке жена моя 2 000 р., всего 9 000 рублей. Если бы оные старанием вашим милосердая государыня указать соизволила мне пожаловать взаимны зачтя самую ту же сумму впредь на десять лет без процентов, то бы состояние мое много поправилось.

«Милостивый государь, вам напасть моя открыта, осталось вам учинить мне вспоможение вашим предстательством. Помогите, милостивый государь, человеку наичувствительнейшему и благодарному и обяжите с прочими прославлять ваши благодеяния и милости к честным людям».

Прошение это повидимому было направлено через генерал-прокурора А. А. Вяземского (ср. Стихи Вяземскому 6 янв. 1773 г.) на имя Потемкина, и сопровождалось просительными стихами (Г. А. Потемкину 1774 г.).

Полотняный завод связал Майкова с Вольно-экономическим обществом. В эти годы многие русские писатели так или иначе связаны с деятельностью Вольно-экономического общества. Общество это было создано по инициативе Екатерины в 1765 г. и являлось попыткой осуществления идей физиократов, то есть, в обстановке России конца XVIII в., — организации дворянского сельского хозяйства на

промышленный лад. Общество сразу стало ареной борьбы двух течений: мелкодворянского и буржуазного с одной стороны, представленного сильной группой немцев, старавшихся перенести на Россию социально-экономический опыт Западной Европы, и феодально-дворянского — с другой. Особенно ясно это сказалось в 1767 г., когда в Обществе обсуждался предложенный анонимно Екатериной вопрос: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?» В этом вопросе заключалась сущность вопроса о крепостном праве.

Служебная карьера Майкова протекала под покровительством З. Г. Чернышева. Вероятно Чернышев ввел Майкова и в Вольно-экономическое общество. Здесь Чернышев занимал позицию сторонника смелых социальных преобразований и выступал вместе с группой, составлявшей оппозицию феодально-дворянскому большинству (что выразилось при обсуждении вопроса о напечатании премирванного сочинения на вопрос о собственности крестьян. Сочинение это содержало указание на необходимость отмены крепостного права. Чернышев голосовал за напечатание). Майков был горячий сторонник переворота, возведшего Екатерину на престол и передавшего власть в руки среднего дворянства. Новые политические и экономические идеи, отражавшие стремления приходящей к власти западноевропейской крупной буржуазии, встречены им были с полным сочувствием. Отразилось это и на его литературной деятельности. Опрощение литературных форм, снижение сюжетов, противопоставление «чистого и внятного» вкуса парадной пышности предшествующей поэтической школы характерно для его творчества шестидесятых годов. Кроме упомянутых уже произведений к этим годам относятся несколько од, сборник «Нравоучительных басен» (1766) и переложение в стихи прозаического перевода поэмы Фридриха «Военная Наука», сделанного другом Майкова А. И. Бибиковым.

В 1771 г. появилось главное произведение Майкова — поэма «Елисей или раздраженный Вах».

В начале семидесятых годов Майков, под влиянием Новикова, вступил в масонскую ложу Урании. Увлечение его масонскими идеями было серьезным. В 1775 г. он был уже великим провинциальным секретарем Великой провинциальной ложи. Идеи филантропического масонства стали проникать в его оды.

В том же 1775 г. произошло изменение в его служебном положении. После Пугачевского восстания усилилась дворянская реакция, ознаменовавшая «потемкинский» период царствования Екатерины. Чернышев был удален; вместе с ним ушел и Майков и переселился в Москву. Здесь он служил в конторе мастерской и оружейной палаты, с производством в чин бригадира. Это был род почетной отставки. В Москве Майков сблизился с литературными кругами. Центром литературной жизни Москвы было университетское Вольное российское собрание. В члены этого собрания Майков был избран 20 июня 1775 г. В том же году в члены собрания были избраны Херасков (25 апреля) и Фонвизин. Несколько позже в число «авскультантов» общества принят был дальний родственник Майкова граф Д. И. Хвостов, которому суждено было в XIX в. стать типомагистром

минувшего века и посмешищем в глазах литературной молодежи. Здесь, в Москве, Майков познакомился между прочим с молодым писателем М. Н. Муравьевым. Впоследствии Муравьев написал следующую характеристику Майкова: «Василий Иванович Майков целый день бывал занят забавами общества и никогда не заговаривал сам о стихах. Но наедине и с людьми, которые показывали старание пользоваться его знаниями и вкусом, охотно любил он разговаривать о стихотворстве. Он был чувствителен к прелестям похвалы. В лице его было чистосердечное выражение добродушия и любви его к стихотворству. В искусстве своем имел он некоторые собственные мнения, которые защищал он с живостью. Обхождение самое светское, знакомство знатных заставляло его краснеть от имени стихотворца. Ему казалось обидеть кого-нибудь, чтоб не обязать его. Сказочки его были прекрасны. Какая веселость! Какая светлость сердца и разума!»

Муравьеву Майков адресовал сонет, в котором рекомендовал ему «употребить свое тщание».

Чтоб был подобен слог певцов приятных слогу,
Как Сумароков всем к тому явил дорогу.

В 1776 г. Майков вступил в масонскую ложу, основанную Н. Н. Трубецким. В эту ложу Майков ввел И. Е. Шварца, с которым познакомился в том же 1776 г. Увлечение масонством особенно отразилось на произведениях последних двух лет жизни Майкова. В 1777 г. он усердно сотрудничает в журнале Новикова «Утренний свет».

Одним из последних произведений Майкова была пьеса «Деревенский праздник или увенчанная добродетель», пастушеская драма с музыкой. Задумана эта пьеса как пастораль, но аркадские пастушки перенесены в крепостную Россию. Социальные симпатии помещика Майкова к крепостному укладу выразились в этом произведении в полной мере. Вот отрывок из первого явления второго действия:

Г о с п о д и н. Да в том то и состоит прямое домостроительство, чтоб крестьяне не разорены были. Ведь они такие же люди; их долг нам повиноваться и служить исполнением положенного на них оброка соразмерного силам их, а наш — защищать их от всяких обид, и, даже, служа государю и отечеству, за них на войне сражаться и умирать за их спокойствие. Вот такая наша с ними обязанность.

Х о р
Мы руками работаем
И за долг себе считаем
Быть в работе таковой.
Дав оброк, с нас положенный,
В жизни мы живем блаженной
За господской головой.

Г о с п о д и н
Коль крестьяне мной довольны
Сам собой доволен я.
Коль они богаты, вольны,
В том утеха вся моя.

Х о р
Мы своей всегда судьбою
Все довольны и тобою;
Лошадей, коров, овец
Много мы имеем в поле,
И живем по нашей воле;
Ты нам барин и отец.

Эта помещичья идиллия на основе оброчной системы (через два года после казни Пугачева) чрезвычайно характерна для помещика, живущего в Москве и наезжающего в свое имение лишь изредка.

Майков скоропостижно скончался 17 июня 1778 г., оставив семью в составе вдовы (Татьяны Васильевны, ур. Мельгуновой), двух сыновей и четырех дочерей.

Майков не был первым поэтом, написавшим сатирическое произведение: у него были предшественники. (Так, Штелин сообщает, что «в 1753 г. явились в Москве различные остроумные и колкие сатиры, написанные прекрасными стихами, на глупости новейших русских поэтов под вымышленными именами»; Штелин приписывает эти сатиры Баркову, более известному впоследствии в изобилии приписывавшимися ему порнографическими одами). Но он первый создал крупное, удержавшееся в памяти произведение комического жанра. Будучи по литературному воспитанию и по положению представителем дворянской литературы, он в то же время своими поэмами начинает новую страницу мещанской поэзии. Этим объясняется судьба его произведений у читателей. В момент появления это было произведение большой литературы, имевшее распротраживание среди избраннейших знатоков литературы. Но затем оно стало достоянием более демократических слоев. Сменившее Майкова поколение стало смотреть на его произведения как на «низкий жанр». Так, Хемницер написал следующую эпиграмму:

Что Майков никогда писав не упал,
Ты правду точную сказал.
Я мненья этого об нем всегда держался:
Он сколько ни писал, нигде не возвышался.

Позднее представитель литературного снобизма, М. А. Дмитриев, писал:

«Майков никогда не считался на ряду с лучшими поэтами; он имел особый, не высший круг читателей. Впрочем его шутливая поэма «Елисей, или раздраженный Вах» показывает много воображения и непритворной шутивности, хотя и не отличается благородством вкуса» («Мелочи из запаса моей памяти», 1869 г., стр. 28). Дмитриев сообщает здесь представление о репутации Майкова, сложившееся к концу XVIII в. Несомненно, что в 70-х годах на дело смотрели иначе и, наоборот, считали невеждами тех, кто не читал Майкова. Так, в журнале «Вечера» 1772 г. анонимный автор, нападая на немелких лириков, иронически восклицал:

Пиши поэмы ты и оды *пушым* слогом,
То будешь возглашен меж всех парнасским богом.

Чем будет более затменных мыслей в ней,
Тем более хвалы услышишь от людей.
Лишь только подражать Хераскову блюдишься,
А Майкову во след совсем идти стыдишься:
Не в моде между всех невежд писатель сей —
Какой превздорный им в свет издам «Елисей»!

Майков имел своего читателя, хотя и не «высшего круга», до начала XIX в. В 1809 г. вышло собрание его сочинений, изданное книгопродавцем Иваном Заикиным. Далее он был полузабыт, при чем, если его вспоминали, то всегда как поэта дурного тона. Реабилитация Майкова относится к 60-м годам XIX века, когда он стал явлением не столько литературного, сколько библиографического характера. В 1867 г. вышли его «Сочинения и переводы» под редакцией П. А. Ефремова, с обширной вступительной статьей Л. Н. Майкова. Статья эта до наших дней остается единственным исследованием жизни и творчества Василия Майкова. С некоторыми изменениями она перепечатана автором в его сборнике статей «Очерки истории русской литературы XVIII и XIX столетий» 1889 г. (перепечатано Венгеровым в качестве вступительной статьи к сочинениям Майкова в «Русской Поэзии» вып. II, 1893 г.).

В «Старой Записной Книжке» Вяземского сохранилась следующая шарада, сочиненная, вероятно, им самим около 1830 г. Шарада эта с разгадкой «Май-ков» дает нам образ поэта в представлении читателя начала XIX в.

Известно, климат наш больших похвал не стоит.
Здесь слогу первому второй он часто строит.
А целое мое — поэт и весельчак.
Теперь забвение в гробу его покоит,
Но в старину и он был славен кое-как.
Он нас в кулачный бой заводит и в кабак,
И боек стих его и много в нем размаху,
Живописует нам он красную рубаху
И православный наш кулак.

В. И. Майков
(по гравюре И. Розанова)

ИГРОК ЛОМБЕРА

ПОЭМА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стремится дух воспеть картежного героя,
Который для игры лишил себя покоя;
Бессонницы, труда, и голоду, и слез,
И брани, и побой довольно перенес;
От самой младости в игре что обращался,
И в знак достоинства, венцем от карт венчался,
Сплетенным изо всех украшенных мастей,
Из вин и из жлудей, из бубен и червей.

Уж три дни игроки за ломбером сидели,
Уж три дни, как они не пили и не ели;
Три раза солнца луч в игре их освещал,
И три раза их мрак вечерний покрывал;
И утомленные веселою работой,
Три раза спорили со гладом и с дремотой:
Уж счастье, над игрой держащее весы,
Три краты их ко всем склоняло в те часы:
Но наконец когда к Леандру их склонило,
Искусство счастьем верх победы уступило.

Спешат к Леандру все на помощь короли,
Манильи и тузы за ними ж в след текли.
И се уж зрят его дремотой полны взоры
Грядущие к нему три главны матедоры:
В начале баста, ей последует маниль,
Потом предстала к ним великая шпадиль.
Леандр, приявши их, просить уж воли мыслит,
И плату с игроков за них заране числит.
Три матедора взять утеха не мала,
Затем что винна масть в игре у них была
Почтеннее других, которые тут были,
А вины преферанс у игроков сих слыли.

Хотел уж покупать на винных козырях,
Как понту с королем увидел на руках,
Которым следуя манилия бубнова
Причиной сделалась несчастья игрокова.
Он мнит, что на червях санпрандер пребогат,
Затем что был Леандр дремотою объят.
Бубновую маниль червонною считает,
И с гордостью в них санпрандер возглашает.
Он был перед рукой... но, о лютейший час!
Лишь только испустил он в гордости сей глас,
Какое вдруг его несчастье постигло!
То привидение из глаз его погибло.
Он зрит уже тогда бубновую маниль,
С которой проиграть нельзя, чтоб не кодиль.
Так точно кто почтен фортуною бывает,
Он часто истинной мечты одни считает.
О истинна! ты всех доброт прямая мать:
Не должно никогда тебя пренебрегать.
Ты нашей совести правдивое зеркало;
Тебя нам оставлять не надобно ни мало.
Ты в злополучьи щит, и в счастья краса;
С тобою сносно ждать и смертного часа.
Ты в малых и в больших вещах равно сияешь,
И ты от бедствия и пагубы спасаешь.
Уже Леандр узрел, что гибнет он с игрой:
Манилья у него, но масти лишь не той,
В которой он вскричал санпрандер толь спесиво.
Уж поздно узнает, колико счастье лживо!
Он к пущей горести меж карт своих узрел,
Что и король к нему виновный в них пришел,
С которым мог бы быть санпрандер и виновной.
Леандр тут в горести себя находит новой:
Грызенье совести, отчаянье, боязнь
О! коль великую ему наносят казнь.
Трепещет, прогневав виновную манилью,
Трепещет проиграть с санпрандером кодилью.
Не столько и Орест в тот час терзаем был,
В который мать свою он злобно умертвил,
Как здесь Леандр грустит, мятется и стонет,
И вздохи тяжкие в отчаяньи пускает.

Но уж нельзя ему свой рок переменить;
Повинен к игрокам он картой подходить.

Тогда из рук его Давид¹ на стол вступает,
Которого злой хлап червонный поражает;
Влечет его во плен, копьё в его вонзя:
Леандр то зрит, но что? помочь уже нельзя.
Потом и Цесарь² сам свой важный вид являет,
И в гордости маниль бубнову похищает:
Влечет с собою в плен подобно как Плутон
Цереры красну дщерь влек в ад без оборон.

И се Юдифу³ в брань как бурный ветер выносит;
Единоборца та себе гордяся просит:
«О! есть ли, вопиет, меж карт такой герой?
«Да выступит со мной отважась в смертный бой:
«Не утрашусь его я в поле сем широком».
Тут Карл⁴ воздвигнут был своим несчастным роком,
Он храбро на нее напал и поразил,
И казнь достойную Юдифе учинил,
Которая дотоль разила Олоферна:
Сама побеждена, но рана несмертельна
Была, хоть храбрый Карл весь меч в нее вонзил;
На что и сам Леандр, в восторге быв, смотрил,
Любуясь своего победою героя.
Но тут другой игрок, ему ков хитрый строя,
Он руку своего чела превыше взнес,
Подобно как вносил прехрабрый Ахиллес
Победоносную с мечем свою десницу,
Багря в крови врагов и меч и колесницу,
В которой на троян яряся нападал,
И смерть в противничи шёлки с нее бросал:
Так зрел тогда Леандр манилью игрокову,
Которая, спустясь с руки, творит брань нову.
Но утомленный был своей победой Карл,
Сражен манильею червонной, мертв упал.

¹ Король виновный.

² Король бубновый.

³ Краля червонная.

⁴ Король червонный.

И се уж Александр¹ спешит на помощь к войску,
Златой обременял щит длань его геройску,
На коем начертан был льва ужасный вид.
От скорого его прихода стол дрожит;
И карты и свечи и деньги встрепетали,
И с ужасом с стола на землю все ниспали.
Вид белыя брады и свет его венца
Блеснул в четыре все столовые конца,
Повергся с высоты ручной на стол с размаху.
Сама шпадилия содрогнулась от страху,
И баста потряслась, и понта на руках;
Леандра ж самого сугубый обнял страх.
Старается укрыть Аргину² он напрасно,
Котору Александр из рук исторгнул властно,
Победою своею и добычью гордятся,
Три раза белыми кудрями он потряс,
На раменах своих с веселием уносит.
Леандр едва-едва печаль такую сносит,
Вослед Аргине зря, потеет и дрожит,
И следующие слова он говорит:
«Увы! избавиться нет средства никакого;
«Прогневал я тебя, манилия виннова,
«Прогневал я тебя», еще он повторял,
И только лишь сию он речь окончивал;
Как вдруг и Огиер³ с ужаснейшим Цербером
Стремится, ободрен толь храбрейшим примером,
Который Александр пред ним лишь оказал.
Сей двойку винную тотчас из рук отъял;
Ведет окованну во плен с собой стелящу,
Леандру в след ее с прискорбностию зрящу.
Не могут помощи и сами дать тузы
Среди такой беды, среди такой грозы;
Леандру лишь одна надежда остается,
Что тот лабет с стола кодилъей не берется:
Но сделан был ремиз в игре у них тройной.
Леандр, оставшия в надежде таковой,
Что будущей игрой лабет свой поворотит,

¹ Король жлудовый или крестовый.

² Краля жлудовая.

³ Хлап виновный.

И игроков самих и с деньгами поглотит:
Но он обманут был надеждою такой;
Хотя играл игру и на лабет двойной,
Однако ж проиграв кодилей десять сряду,
Лишился денег всех, лишился и наряду.
Уже он ни на что дерзает покупать,
Проигрывает всё, лишь с чем начнет играть.
И тако проиграв он всё свое именье,
Повергся и заснул, и в сладком том забвеньи
Лишился чувств, и все напасти позабыл,
Колико он в игре несчастлив много был.

Конец первой песни

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

О! вы, все игроки, на песнь мою спешите.
И гласу лирному в молчании внимлите;
Внимлите, что игра возможет произвести:
Игра нередко нас и в бедство может ввесть.
Судьбу Леандрову из действия примечайте,
И счастью лестному себя не поручайте.
В ком нет уменья, тот страсть к картам утиши:
Игра без мастерства, как тело без души,
Иль без кормила как корабль носим в пучине.
Внимлите, игроки, внимлите все вы ныне.

Когда Леандр игру несчастьем окончал,
Повергся в одр, и в нем отчаян быв, лежал,
Воображая в мысль свое несчастье злое.
«О! время, говорил, о! время дорогое,
«В которое имел я деньги в кошельке.
«О! деньги, он твердил сто раз в своей тоске,
«О! деньги, вы всего на свете сем дороже.
«Кто не имеет вас, тот всех, тот всех убоже.
«Вы все таланты в нас рождаете собой,
«И кто имет вас, имеет и покой».

Так горестно Леандр о деньгах вспоминая,
И карты и игру нещадно проклиная,
Страдал, стенал, вздыхал, грустил и унывал:

Хотел заснуть, но сон от глаз его бежал.
Мutilась кровь его, и сердце трепетало,
И ко отыгрышу Леандра побуждало.

Тогда сим сжалился мучением Морфей,
Влетел, и легкою одеждою своей
Покрыл Леандровы томящиеся очи,
Которые без сна уже три были ночи.
Как море пременясь по буре в тишину,
Подобную стеклу являет глубину,
И звезды и луну в себе изображает,
И взор пловущего тогда увеселяет:
Подобно и Леандр по проигрыше вдруг
Заснул, и уж имел в себе спокойный дух:
Но мысль блудящая сон сладкий всколебала,
И странное ему виденье представляла.

Внезапу у одра раскрылись завеса
И растворилися над спящим небеса.
Но если смею я сказать ужасно дело,
Се матедоры три, приявши дух и тело,
Грядут ко игроку во светлых облаках:
О! чудо странное, случившись в наших днях.
Он зрит подобно так, как зрел Парис в пустыни
Пришедшие к себе три красные богини,
Отдавшиеся в суд подобно как царю,
Дабы он разрешил меж их ужасну прою.

Но здесь не для суда предстали матедоры:
Гласите вы со мной, моря, леса и горы;
Внемли с молчанием, пространный воздух весь:
Се баста и маниль спускаются с небес,
Меж коими шпадиль сияюща лучами,
Подобно как луна в ночи между звездами,
Представилися вдруг Леандровым глазам.
Леандр со ужасом повергся к их ногам,
И в трепете своем едва сие вещает:
Не сон ли мя теперь несчастного прельщает?
Я зрю перед собой прекраснейших светил,
Трех повелительниц картежных храбрых сил.
Но тут шпадилиа свою простерла руку.

Леандру подая, «прерви, сказала, муку,
«Которую теперь ты строго так томим;
«И верь, Леандр, ты верь словам неложным сим,
«Что не прельщаются твои мечтою взоры:
«Стоят перед тобой три главны матедоры,
«И те, которых ты имел вчера в руках.
«Отвергни от себя смятение и страх!
«Мы те, которые всем ломбером владеем,
«И силой в нем себе подобных не имеем.
«Мы те, что игроков победою дарим,
«И мы, что выигрыш и проигрыш чиним.
«Не будь в отчаяньи прошедшею игрою:
«Утешу я тебя и обе сии со мною».
Притом к манилии и к басте обратясь,
Рекла им те ж слова, всем ломбером клянясь:
«Мы наградим тебе, Леандр, твое несчастье;
«Посыплет на тебя серебро, как дождь в ненастье.
«Пребудь в надежде сей, несчастливый игрок!
«Уж минул твоя судьбы жестокий рок».
Шпадилия сие с величеством вещала,
И руку игроку с усмешкой подавала:
«Восстани, о! Леандр, восстани, ободрись,
«И нам себя вручить нимало не страшись.
«Мы поведем тебя в храм Ломбера преславно,
«Где ты увидишь всю судьбу игравших явно».
Леандр сим ободрен, восстал и к ним спешит;
Уже на облаках с богинями летит.

Но что тогда его представилося взору!
Он видит пред собой превысочайшу гору,
Котора внесена на облака главою,
И вокруг ее со всех сторон был лес густой,
На коем он не зрел нигде плода инова,
Как только масть была червонна и бубнова;
А вместо чтобы зреть на ветвях листы,
Висели все на них и вины, и кресты.
Леандр, в восторге быв, дивится нову чуду,
Что зрит на древесях сей странный плод повсюду.
Осмелясь, спросил соспутников своих:
«Вы-ль обитаете, Богини, в рощах сих?
«Иль ино божество сим местом обладает?

«И кто от сих дрeвeс плоды сии вкушает?
«О! еслиб я возмог от вас сие узнать,
«И как могу сие я место называть?»
На то ему маниль и баста отвечали:
«Названия сих мест: веселье и печали,
«А плод сей назван так: и счастье, и напасть.
«Вкусив, узнаешь их и горесть ты и сласть».
Леандр сорвав плодов, в уста свои влагает.
И прежде горести он сладость ощущает.
Но только лишь его в гортань он пропустил,
По сладости тогда он горесть ощутил,
Котора ни к чему казалась не примерна:
Лишь горесть то была и горесть пребезмерна.

Но чтоб мне ломберный ясней представить храм,
О! муза, ты придай красы моим стихам.
Как снежная гора пред тучею белеет,
И белизне своей примера не имеет,
Так храм позадь лесов священнейших стоял,
Украшен равными металлами блистал.
От трех сторон его три стены окружали,
И трои ворота вход разный подавали.
Единые врата из злата зрились быть,
Пятью степенями к ним должно приходить.
Вторые ворота все серебряные были,
И приходящих взор не столько веселили,
Как первые, где всё лишь злато и пироп,
И к сим уже вратам не столько было стоп,
Но по четверем к ним всходити было должно,
И без вожатого войти почти не можно.
На третьих воротах была едина медь;
И должно к ним по трем степеням вход иметь,
Которые хотя казалися и низки,
Но столь углажены, и столько были слизки,
Что все, кто шел по них, катилися назад;
А многие ниспав свергалися во ад.
Леандр, узрев сие чудесное мечтанье,
Богинь о том спросить пришло ему желанье:
В которые врата войти им должно в храм?
Шпадилия его ответ дала словам:
«О! смертный, счастлив ты пред всеми многократно

«Откроется тебе вся тайна, слушай внятно:
«Леса сии и храм толь красно вещество,
«Превосходящее всё в свете естество,
«Не смертною оно рукой сооруженно,
«И обиталище для тех определено,
«Кто может в ломбере с воздержностью играть;
«И если так себя кто может воздержать,
«Что без четырех игр и карт не покупает,
«А без пяти в свой век санпрандер не играет.
«Вторые хоть врата и в тот же храм ведут,
«Но многие, желав войти в них, вниз падут.
«А третьи врата для тех сооруженны,
«Кто ломберной игрой как страстью зараженны,
«Но тужат проиграв имение свое.
«И если ты, Леандр, послушен будешь мне,
«Не приходи во храм вратами ты иными;
«Входи в него всегда ты больше золотыми.
«Старайся мой совет полезный не забыть;
«Ты можешь, о! Леандр, всегда счастливым быть».
По сих речах они ко храму уж приспели,
На первых воротах такую надпись зрели:
«Не сквозь сии врата кто хочет в храм войти,
«Тот тщетно себя надеждою не льсти,
«Дабы возмог узреть толь здание прекрасно;
«Во храм лишь сим путем приходят безопасно».
Леандр прочтя сие, и начал рассуждать,
Что если станет впредь воздержнее играть,
То может быть в игре счастливей нежели прежде;
И входит он во храм, оставшись в сей надежде.

И се открылася завеса вдалеке,
Услышался и шум подобный быть реке,
Которая с горы в стремнину упадает,
Беседующих речь что шумом заглушает.
Сей шум происходил от спору игроков,
Которые сидя вокруг множества столов,
О ломберной игре законы составляли,
И вшедших игроков к ним споры разбирали.

Один пред них предстал с санпрандерной игрой:
«Решите! возопил, решите спор вы мой!

«Се не несчастье мне очи ослепило:
«Но можно-ль не играть санпрандера мне было?
«Имел в моих руках я восемь козырей,
«Без матедоров лишь, притом без королей.
«Но восемь козырей! чего желати боле?
«И я ж притом играл санпрандер поневоле.
«Кто был перед рукой, тот воли попросил;
«А я санпрандером ту волю перебил.
«Но о! несчастье, мой дух еще бунтует;
«Тот с матедорами четыремя пашует.
«Я в тех же стал играть, в которых он хотел;
«В покупке, ах! к нему и тот король пришел,
«Котора у меня не козырь быть случилась;
«Игра моя чрез то худою учинилась.
«Четыре раза я хотя и козырял,
«Но тщетно было всё: кодилью проиграл». Тогда все сжав плечьми, главами покивали, И в утешение сие ему сказали:
«Хотя ты с сей игрой кодилъ и проиграл,
«Однако ж правильно санпрандер ты сказал».. Потом игрок предстал с отменною игрою, Который выиграл санпрандер пред рукою, И кою он еще держал в своих руках. Три было короля там с тройкою в винах, Которая была и козырь лишь едина, И с ней случилась жлудовая Аргина. Все удивилися отважной толь игре, И чтоб ту выиграть, в ужасной были пре. Но он ответствовал: «поверьте мне не ложно,»
«Что выиграть с такой игрой не невозможно.
«Но чтоб вы верили, порядок весь скажу,
«И выигрыш ее на деле покажу.
«Я был перед рукой, итти мне надлежало: }
«Пошел я королем, вот сей игры начало!
«Итак я отобрал три масти корольми;
«Но кралю лишь мою убили козырьми.
«Потом кто взял игру, пошел с туза бубнова,
«Та масть у игрока случилась и другова;
«Но не было ее лишь боле у меня.
«Четверту получил игру чрез то и я;
«А после игроки делилися играми,

«Затем, что уж они остались с козырями.
«В одной руке король и баста и маниль,
«В другой семерка, хлап и краля и шпадиль:
«Итак я выиграл игру, как битву воин.
«Скажите ж мне, каких я почестей достоин?»
Сказали все ему: «коль счастье сберегло,
«Ты выиграл ни с чем, и прав ты как стекло.¹
«А кто и впредь играть с играми будет сими,
«Такие по миру находятся нагими».
Подобных сим Леандр судов тут много зрил:
Иной был обвинен, что он не так ходил,
С которой подходить ему бы надлежало;
Иной, что козырял не так, иль очень мало.
И если б описать мне всех здесь игроков,
О! коль бы стоило великих то трудов.
Но песнь мою теперь я сим лишь скончеваю,
И Музу к будущей на помощь призываю:
И ежели она устроит лирный глас,
Потщусь еще, потщусь взойти я на Парнас.

Конец второй песни

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Се Муза днесь сама мне лиру настроает,
И возгласити песнь сию повелевает.
Но если грубо что кому возмнится быть,
Тот должен на нее и пени приносить.
«Ужель, Леандр, твои насытились взоры?
«Ужель ты видел храм, вещали матедоры,
«Тот храм, где игроки себе награды ждут?
«Но ах! Леандр, еще не всё ты видел тут.
«Не утрашись еще последовать за нами:
«Пойдем отсель, пойдем мы медными вратами,
«Которы в царство нас подземное сведут,
«Где добродетели награда, злобе суд».
По сих словах они к вратам тем приступили,
Которы игроков к Плутону низводили.

---

¹ «И прав ты как стекло», присловица, которая меж многими в употреблении.

По трем степеням вниз их лествица вела,
Неплодоносная долина где была.
Засохши древеся вокруг ее стояли
И скуку вечную собою представляли,
Где зрилась пропасть быть, сводящая во ад,
Из коей исходил огонь, пепел, дым и смрад.
Вкруг пропасти совы и Гарпии¹ летали,
Именье игроков и кости поядали.
Леандр, увидя то, ужася и робел,
И к устью той итти пещеры не хотел;
Но матедоры дух Леандров ободряли,
И к сходу адскому итти повелевали.

Но только лишь Леандр в жилище тьмы вошел,
Он множество духов и теней там узрел.
Там множество ему санпрандеров встречалось,
И касок, поляков и воль ему мечталось.
Мутился тамо Стикс, и Флегетон пылал:
Слезами игроков Коцит² там протекал.
Когда ж они к брегам Стигийским приближались,
На мрачных берегах тьмы теней им казались,
Которые сидя к себе Харона ждут.
Узнал он множество себе знакомых тут.
Они Леандра, так как он их, все узнали,
И обступив его толпами, вопрошали:
«Давно ли ты, Леандр, исшел от жития?
«И как вселилася во ад к нам тень твоя?»
Но не успел Леандр ответить ни слова,
Уж ладия была Харонова готова,
Где с матедорами Леандр, вошедши, сел,
И к царствию царя подземного пошел.
Там зрит он во вратах треглавного Цербера:³
Потом к ним в ярости стремилась и химера,⁴

¹ Адские хищные птицы.

² Три адские реки, из коих Флегетон огненная.

³ При выходе из Хароновой лодки, а при входе в ад, встречался адский пес треглавный и вместо шерсти покрыт змеями; сей пес называется Цербер, и по баснословию караулил он адские врата, куда он всех пропускал, а назад никого.

⁴ Химера, изрыгающая пламень, имеет голову львиную, утробу козью, а хвост змеин, которую Беллерофонт убил.

Рыкая растворив свою ужасну пасть:
И еслиб не шпадишь, то б мог Леандр пропасть.
Потом они едва коснулись только суши,
Увидели тут всех игравших в ломбер души,
Которые идут со ужасом пред трон,
Где председательство имеет Радамон,
И судит всех дела с Миноем и Еаком,¹
Смущая всех сердца единым только зраком.
Там зрел он игроков пришедших к сим судьям,
Которые, ответ дая своим делам,
Нелицемерное решенье получали,
Иные в радости, другие шли в печали.

И се с десной страны предстал пред трон игрок,
Которого низверг в то царство злобный рок.
Он житие свое вещая всё подробно
«О! есть ли, возопил, где зло сему подобно,
«Которо возвестить я вам теперь пришел.
«На свете в ломберну игру ввели раскол,
«И вместо каски тот в игре употребляют,
«А ересь поляком бесстыдно называют».
На что тут Радамон, Миной рек и Еак:
«Ты смеешь называть расколом тот поляк,
«Поляк, что в ломбере прямое совершенство?
«Кто выдумал его, тот примет здесь блаженство;
«А ты постраждешь так, как страждет Иксион.²
«Поди и испускай во аде вечный стон».
По сих словах к нему три фурий прилетели:
Змеи на их главах ужасно зашипели;
Уже несчастного на злую казнь влекут.
Леандр содрогнулся, увидя строгий суд.

Потом тень старья жены тут к ним приспела,
«Я век свой, вопиет, за ломбером сидела,
«Я часто по три дни ни ела, ни пила,
«Не вставывала я для нужд и не спала:

¹ По баснословию когда души войдут во ад, то надлежало им дать отчет в делах своих трем адским судьям: Миною, Радамонту и Еаку, у которых в руках смертоносная урна; и по их определению определяются души в поля Елисейские, или на муки.

² Иксион, привязанный к колесу змеями, которое непрестанно вертится; он осужден за то, что хотел изнасиловать Юнону.

Но в жизнь мою всегда над сей игрой трудилась
По самый злой тот час, как к вам переселилась.
Но думаю, что вы, о! адские судьи,
«За толь несносные в игре труды мои
«Здесь не осудите меня на муки строги».
На те ее слова восстали сами боги,
Восстав и начали тень стару обнимать:
«Прими возмездие, прими, о! наша мать».
Таким ее судьи названием почтили,
И в Елисейские поля потом вселили.

Еще идет игрок в цепях окован весь;
«Отколе ты пришел, и к нам явился здесь?»
Так адские судьи в свирепстве закричали,
И что он делал в жизнь сказать повелевали:
«Как в карты ты играл? несчастный! говори!»
«О правосудные бессмертные цари»,
Сказал несчастливый, свои потупя очи:
«За ломбером я дни просиживал и ночи;
«А в ломбер на земли я сорок лет играл:
«Но счастлив никогда до тех пор не бывал,
«Доколе подбирать я карт не научился.
«Но кто бы мастерством толь легким не прельстился?
«И чем возможно так добра кому достать,
«Как если карты кто умеет подбирать?
«Подбор не воровство, подбор одно уменье,
«Чтоб можно доставать у ближнего именье.
«Иль могут быть дела безбожны и мой?
«Коль многи за сукном сидящие судьи
«Приличные к делам приказы подбирают;
«И много ли они тем делом погрешают?
«Не через то ль слывет искусный всяк судья?
«Иль виновен я один, что так искусен я?»
Но грозные судьи воззрели грозным взглядом:
«Поди, злодей, и тай как Тантал¹ тем же гладом;
«И лакомы судьи такую ж примут часть,
«Когда и в них с тобой была едина страсть».

Но только с игроком суд строгий совершился,
Как пред судьями вновь игрок еще явился,

¹ Тантал мучится гладом и жаждою, при избытии всего.

Которого была еще подлее страсть.
Как карты он умел и деньги также красть;
И если с кем имел казну в игре едину,
Из выигрышных крал он денег половину.
«О! страсть негодная, о! всем негодствам мать,
«О! хищник, о! злодей, о! ты преподлый тать»,
Так адские судьи во гневе закричали,
И в тартар мучиться навек его послали.
Леандр со трепетом на все те казни зря,
Как вдруг все на него воззрели три царя:
«О! юноша, вещай, отколе ты явился?
«И как в подземное ты царство преселился?
«Не сходит к нам никто, с душой не разлучась:
«Един лишь Геркулес места сии потряс,
«От коего страшась содрогнулась химера,
«И Тизифона вдруг, Алекта и Мегера¹
«Почувствовав его приход, воздвигли стон:
«В опасности тогда был ад и сам Плутон.²
«Но ты, о! смертный, как дерзнул вступить к нам ныне?
«Погибнешь как челнок ты в грозной сей пучине:
«Спеши отсель! скораяй спеши! Леандр, спеши!
«Но прежде житие свое нам расскажи.
«Давно ли ты живешь меж смертными на свете?
«И от рождения на коем начал лете
«Ты картами играть? и днесь играешь как?»
Леандр тут вздохнув, и повесть начал так:
«О! правосудные цари, бессмертны боги,
«Хоть лета я живу на свете и немноги;
«Но только много я фортунною гоним,
«И нет премены, ах! всем бедствиям моим.
«Я в ломбер уж играть лет десять научился,
«А на восьмом году играл, как я родился.
«Но мой родитель был ко мне безмерно строг,
«Затем я никогда играть нигде не мог,
«Как только разве что с вернейшими рабами;
«Я в карты игрывал украдкою ночами.
«Но после как отец мой к вам сюда сошел,

---

¹ Три фурии, они ж называются и Евмениды, которых должность мучить влых людей.

² Плутон — бог подземного царства.

«В имени и в себе я власть уж возымел;
«Имение его мое быть после стало,
«Играть желанье мне великое припало.
«Не хаживал я в те беседы и пиры,
«Которые живут без карточной игры;
«Где нет ее, мне там всегда бывает скучно.
«И с тех пор с картами всегда я неразлучно.
«Но ах! бессмертные, мне счастья в картах нет».
Леандру таковой бессмертных был ответ:
«Отныне будешь ты играть, Леандр, счастливо;
«Поди, уж счастье тебе не будет лживо.
«Поди, и только лишь воздержнее играй,
«Но поляка отнюдь расколом не считай».

Меж тем уже заря румяная сияла
И солнцев скорый в мир приход предвозвещала,
Пред коей Люцифер все звезды с неба гнал;
Зефир, любуясь, листочки лобызал,
Как вдруг Леандрово окончилось виденье:
Вспрянул он ото сна, и с час был в изумленье;
Потом опомнясь, мне виденье всё сказал,
А я что слышал, то на лире заиграл.

Конец третьей и последней песни

ЕЛИСЕЙ ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ

ПОЕМА

К ЧИТАТЕЛЮ

Благосклонный читатель! я хотел было написать к сей поэме преогромное предисловие, в котором намерен был подробно изъяснить побуждающую меня к сочинению ее причину; но рассудил, что как бы ни важна была причина даже до того, что хотя бы я наконец и поклепал¹ какого-нибудь почтенного мужа, что он меня принудил к сему сочинению, сказав мне: не смотри де ты всех критиков и пиши де то, что тебе на ум взбредет, ты де пишешь хорошо. Однако ж всё сие нимало не украсило бы моего сочинения, буде бы оно само по себе не заслужило от благосклонного читателя похвалы. Я ж знаю и то, что не только по совету какого-либо почтенного мужа, но ниже по самому строжайшему приказу скаредный писец ничего хорошего во век свой не напишет, так как и лягушка, сколько ни станет надуваться, равна с быком не будет.

---

¹ Клепать всякого смело можно, зная, что в таком поклепе никого на очную ставку не позовут.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЭМЫ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вакх раздражен будучи гордостью откупщиков, гневается на них, что по причине дороговизны вина, пива и меду стало число пьяных менее; приезжает в питейный дом, где увидя ямщика именем Елисея, радуется, что он нашел такого человека, который по виду кажется ему, что может служить орудием ко отмщению его. Между тем Елисей просит у чумака вина в пивную чашу, и выпивает ее одним духом, чрез то Вакх и более в надежде своей утверждается. А Елисей, выпив вино, ударил чумака в лоб чашею и сделал в кабаке драку, которую услышав объездной капрал зашел и Елисея взяв под караул, повел в полицию, а Вакх поехал к Зевесу просить, чтоб он свободил Елисея из-под караула. Зевес ему сказывает, что на самого его дошла к нему просьба от Цереры, будто бы от того, что все крестьяне спились, земледелие упадает, и повелевает Ермию собрать всех богов на Олимп для разобранья ссоры между Вакхом и Церерою, и после идти в полицию и оттоль свободить Елисея из-под караула.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Ермий приходит в полицейскую тюрьму и там Елисея перерядя в женское платье, переносит в Калинкинский дом, где тогда сидели под караулом распутные женщины. Елисей пробуждается, дивится, как он там очутился, и думает, что он в монастыре. Между тем начальница того дома вставши будит всех женщин и раздает им дело. Но увидя Елисея скоро его узнала, что он не женщина, ведет его в особый покой, где он ей о себе открывает, что он есть ямщик, а потом рассказывает ей о побоище, бывшем у Зимогорцев с Валдайцами за сенокос.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Окончание повествования Елисеева. Любовь начальницы с Елисеем. Собрание богов на Олимп по повелению Зевесову. Суд у Вакха с Церерою и решение Зевесово. Между тем, когда Елисей готовился с начальницею ночевать, начальник стражи пошел довором, увидел у начальницы Елисея в женском платье и думая, что он есть девка, но пришлая, спрашивает, откуда она и для чего ее у него нет в реестре. Хотя начальница и оправдывается, но сей строгий начальник не приемля оправдания, велит взять мнимую девку под караул. Откуда его паки освобождает Ермий, и дает ему шапку невидимку, в которой Елисей опять забрался к начальнице, и пробыл несколько месяцев. Но наскуча ее любовию, уходит вон из

дома. Начальница тоскует о его уходе. Командир в самое то время входит, и видит оставшие после Елисея вещи, гневается на нее, хочет ее сечь; но скоро провором ее быв уличен с нею помирился.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Елисей вышедши из Калинкинского дома, пошел в город и утомясь лег в лесу спать. Но вдруг проснулся он от крика одной женщины, которую два вора хотели ограбить. Он ее от них избавляет и находит в ней жену свою. Она ему рассказывает свое похождение после того, как с ним рассталась. Он ее отпускает в город, а сам остается в лесу, где ему явись Силен ведет его в дом одного богатого откупщика, чтоб он тут пил сколько хочет, а сам отходит на небо к Вакху. Елисей искав погреба зашел нечаянно в баню, где тогда откупщик с женою своею парился. Он их оттуда выгоняет, а сам выпарясь оделся в откупщицкое платье, приходит в своей шапке невидимке в палаты откупщицковы, и забившись под его кровать, лежал до тех пор, как откупщик, бывши встревожен случившеюся тогда грозою, встал с постели, а он, вышед из под оныя, лег с его женою спать. По окончании грозы откупщик, приметя странное движение жены своей, думает, что ее давит домовой, хочет на утро послать по ворожею, которая бы выгнала вон из его дома сего домового чорта. Ямщик услыша то убоялся прихода ворожеи, выходит вон из палат и ищет погреба, где думает утолить вином свою жажду.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Елисей забравшись в откупщиков погреб, обретает в нем много напитков и радуется. Тут к нему явился Вакх с своею свитою, и сделав погребу разгром, уходят Вакх и Елисей пустошить погреба у других откупщиков. По утру же когда откупщик проснулся, посылает по ворожею. Она приходит, а в самое то время прибегает его ключник, рассказывает о опустошении погреба. Откупщик с печали обмирает, просит ворожею, чтоб она чертей из дома его выгнала. Та обещается сие сделать; но по многим разговорам откупщик с нею поссорился, и выгнал самое ворожею от себя вон. Между тем Зевес видит, что Елисей многих откупщиков разоряет, призывает паки богов и делает над ним суд. Наконец определяет ему быть отдану в солдаты, что с ним и последовало.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою стаканов звук, пою того героя,
Который во хмелю беды ужасны строя
В угодность Вакхову, средь многих кабаков,
Бивал и опивал ярыг и чумаков;
Ломал котлы, ковши, крючки, бутылки, плоски,
Терпели ту же часть кабацкие окошки,
От крепости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и все откупщики,
Которы и тогда сих бед не ощущали
Когда всех грабили, себя обогащали.
О муза! ты сего отнюдь не умолчи,
Повеждь, или хотя с похмелья проворчи,
Коль попросту тебе сказати невозможно.
Повеждь: ты ведаешь вину сего не ложно,
За что пьянства бог на всех откупщиков,
Устроя таковой прехитростнейший ков,
Наслал богатыря сего не очень к стати
Любимую свою столицу разоряти.

А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон!
Оставь роскошного Прияпа пышный трон,
Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку,
Чтоб я возмог тебе подобно загудить,
Бурлаками моих героев нарядить;
Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий шальной детица,
Нептун как самая преглупая скотина,
И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.

Против Семеновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими вороты,
До коего с Тьчка ¹ не близкая езда;

---

¹ Кабак на Петербургской стороне.

По Смоленской губернии, по тому делу
который бо хмлю слово уже сибиряк
~~порт вольности~~ ~~указом~~ ~~вступит~~ ~~исполнит~~
~~свобод~~ и ~~отврат~~ явил и ~~в~~ ~~ма~~ ~~на~~ ~~ва~~
~~порт~~ сибирь вилхмю уцрлти, вступит набого
бываи и описвал явил вдумбана

Первые строки «Елисея». Автограф из собрания Государственной публичной библиотеки

То был питейный дом названием Звезда,
В котором Вакхов ковш хранился с колесницей,
Сей дом был Вакховой назначен быть столицей;
Под особливым он его покровом цвел,
В нем старый сам Силен раскиснувши сидел;
Но злых откупщиков противно Вакху племя
Смутило к пьянству им назначенное время,
Когда они на хмель лишь цену наднесли:
Ужасны из того беды произрали:
Вино со водкою соделались дороже
И с пивом пенистым случилось само то же;
Дороже продавать и сладкий стали мед.
Тогда откупщики взгордясь числом побед,
На Вакха в гордости с презрением смотрели,
И мнят, что должен он плясать по их свирели.
Но Вакх против того иное размышлял:
«Иль мне оставить то?» с похмелья закричал,
«Какие из сего вперед я вижу следства!
«Лишусь я моего дражайшего наследства:
«На водку, на вино цена уж прибыла,
«Для пьяниц за алтын чарчоночка мала,
«И если бы в таком случае несчастливом
«Хотел бы пьяница какой напиток пивом?
«К несчастью его дороже и оно.
«Не станет действовать ни пиво, ни вино.
«Не большая-ль теперь случилась мне обида,
«Как нежели была Юноне от Париды?
«Или я не могу повергнуть сих затей?..»
Уже он закричал: «робята, дай плетей!»
Но вдумал, что сие бессмертным не пристойно,
Хоть дело по его плетей сие достойно,
Но сан ему его дурить не позволял,
Он инако отмстить обиду помышлял;
И рек: «когда я мог ругавшуюся мною
«Достойно наказать прегорду Алкиною,
«Презревши некогда мой праздник, сам Пентей
«Отведал и дубья, не только что плетей;
«Не едакие я безделки прежде строил
«Над теми, кто меня в пьянстве беспокоил».
При сих речах его смутился пьяный зрак;
Он сел на роспуски, поехал на кабак,

Неукротиму месть имея в мыслях рьяных.
О стеночке лепясь, приходит в шайку пьяных.
Тогда был праздный день от всех мирских сует:
По улицам народ бродил лишь чуть был свет,
Вертелися мозги во лбах у пьяных с хмеля,
А именно была то сырная неделя.
Как мыши на крупу ползут из темных нор,
Так чернь валила вся в кабак с высоких гор,
Которы строило искусство, не природа
Для утешения рабочего народа;
Там шли сапожники, портные и ткачи
И зараженные собою рифмачи,
Которые стихи писавши в нос свой дуют,
И сочиненьями как лаптями торгуют:
Там много зрелось расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий отирал свои замерзлы губы,
Четвертый исчислял не все-ль пропали зубы,
От поражения сторонних кулаков.
Там множество сошлось различных дураков;
Меж прочими вошел в кабак детина взрачный,
Картежник, пьяница, буян, боец кулачный,
И словом был краса тогда Ямской он всей,
Художеством ящик, названьем Елисей;
Был смур на нем кафтан и шапка на бекрене,
Волжанный кнут его болтался на колене,
Который пьяный дом лишь только посетил,
Как море пьяных шум мгновенно укротил;
*Под воздухом протер свой ход веселый чистым,
Поехал как Нептун по вод верхам пенистым.*
Прости, о муза! мне, что так я захотел
И два сии стиха неистово воспел;
Тебе я признаюсь, хотя в них смысла мало,
Да естество себя в них хитро изломало,
Через них то может быть хвалу я получу,
Отныне так я петь стихи мои хочу;
Мне кажется, что я тебя не обижаю,
Когда я школьному напеву подражаю.
Но если их пером ты действуешь сама,
Не спятила ль и ты на старости с ума?
Ах! нет, я пред тобой грешу, любезна муза,

С невеждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперсники твои знакомы между нас;
Едино из них вмещает днесь Парнас,
Другие и теперь на свете обитают,
Которых жителями Парнасскими считают.¹
Итак полезнее мне мнится самому
Последовати их рассудку и уму.

Уже напрягнув я мои малейши силы
И следую певцам, которые мне милы;
Достигну ли конца, иль пусть хотя споткнусь,
Я оным буду прав, что я люблю их вкус;
Кто-ж будет хулить то, и тем я отпускаю;
И к повести своей я мысли обращаю.

Уж Вахх пьяного увидел ямщика,
В нем радость разлилась по сердцу как река;
Уж мысленно себе успех свой предвещает;
К Силену обратясь и так ему вещает:
«Не се ли вышняя судьбы теперь предел,
«Что я уж то нашел, чего искать хотел?
«Детина оный дюж мне кажется по взору,
«На нем созижду я надежды всей подпору,
«Он кажется на то как будто и рожден,
«Что будет всякий им ярыга побежден,
«И он меня в моей печали не покинет,
«Он всё то выпьет, что лишь глазом ни окинет.
«Я весь оставлю страх, чем был я возмущен;
«Уже я радуюсь, как будто отомщен:
«Не ясно ли моя мне видится победа,
«Когда возлюбленный мой пьян и до обеда?
«И ежели тебя еще смущает страх,
«Возри, то у него всё видно на очах;
«Ланиты то его являют мне зарделы,
«Что если попушу, превзойдет он пределы,
«И выпьет более вина, чем выпьешь ты».
Силен было сие почел за пустоты;
Но сей пьяница Силена в том уверил,
Что он его провор своим аршином мерил;

---

¹ Каков г. Сумароков и ему подобные.

Он за ворот схватя за стойкой чумака,
Вскричал: «подай вина! иль дам я тумака.
«Подай, иль я тебе нос до крови расквашу!»
При сем он указал рукой пивную чашу;
«В нее налей ты мне анисной за алтын,
«Или я подопру тобой кабацкий тын».
Чумак затрепетал при смерти очевидной,
А Вакх вскричал: «о мой питомец непостыдной!
«Тобой я все мои напасти прекращу,
«Тобой откупщикам я грозно отомщу.
«Противу прать меня весь род их перестанет,
«Как купно воевать со мной кулак твой станет.
«Польются не ручьи здесь пива, но моря».
Вещает тако Вакх отмщением горя.

7
Меж тем ямщик свою уж чашу наливает,
Единым духом всю до суха выпивает,
И выпив, ею в лоб ударил чумака:
Удар сей раздался в пространстве кабака;
Попадали с полиц ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей все брызнули в окошки,
Меж стойкой и окном разрушился предел,
Как дождь и град смешаь из тучи полетел,
Так плошечны тогда с стеклянными обломки
Летели возвестить его победы громки.
А бедненький чумак за стойку прикорнул;
Ошалоумленный кричит там: «караул!
«Ай, братцы, грабят! быют!» сам вверх лежит спиною.
Сие досадою казалось герою;
Он руку в ярости за стойку запустил
И ею чумака за порты ухватил,
Которых если бы худой гайтан не лопнул,
Поднявши бы его герой мой о пол тропнул;
Но счастием его, иль действием чудес,
Сей тягости гайтан тогда не перенес,
И перервавшись к геройской неугоде,
Оставил чумака за стойкой на свободе;
Которого уж он не мог оттоль поднять,
Он тако стал его отечески щунять:
«Коль мой кулак не мог вдохнуть в тебя боязни,
«Грядущия вперед ты жди, мошенник, казни».

Когда сии слова герой сей говорил,
Капрал кабацку дверь внезапно отворил;
Над полицейским сей начальник был объездом,
Услыша в кабаке он шум тот мимоездом,
Хоть не был чумаку ни сват, ни брат, ни кум,
Вступился за него, спросил: «какой здесь шум,
«Не сделалось ли здесь меж кем какия драки?»
Тут все попятились задами вон как раки,
Никто ответствовать на то ему не смел;
Но он к несчастью знать острый взор имел,
Увидел ямщика, стояща очень смело,
«Я вижу, брат, сказал, твое конечно дело?
«Конечно ты, сокол, кабак развоевал?»
Тогда чумаку уж рот смелее раззевал.
Встает и без порток приходит ко капралу;
«Отмсти, кричит, отмсти, честной капрал, нахалу,
«Который здесь меня безвинного прибил».
Капрал сей был угрюм, и шуток не любил.
«Кто бил тебя? скажи!» нахмурясь вопрошает,
Чумаку ему на то с слезами отвечает:
«Сей пьяница мой все ребра отломал»,
При сем на ямщика он пальцем указал;
«Наделал и казне и мне при том убытку;
«И коль запрется он, готов терпеть я пытку;
«Пивною чашею он лоб мне расколол,
«И иворвал на мне все порты и камзол».

Тогда явился вдруг капрал сам-друг с драгуном,
И резнул ямщика он плетью как перуном;
Хотя на ней столбец не очень толстый был,
Однако из руки капральской ярко бил.
Ямщик остолбенел, но с ног не повалился,
За то служивый сей и более озлился,
Что он не видывал такого мужика,
Которого б его не сшибла с ног рука;
Велел немедленно связать сего героя,
Который принужден отдаться был без боя.
Не храбрости ямщик иль силы не имел,
Но знать с полицией он ссориться не смел.
И бывшим вервием рукам его скрепленным,
Ведется абие в тюрьму военнопленным.

Тогда у Вакха весь надежды луч погас
И во отчаяньи как в море он погряз;
Выходит из сего пияного жилища,
Подобно так как зверь быв поднят с логовища,
И более он тут, не медля ни часа,
Поехал с дядькою своим на небеса;
Летит попрытче он царицы Амазонской,
Что вихри быстротой предупреждает конской,
Летит на тиграх он крылатых, так как ветер,
Восходит пыль столбом из под звериных бедр,
Хоть пыль не из под бедр восходит, всем известно,
Но было оное не просто, но чудесно.

Он ехал в небеса и тигров погонял,
Власы кудрявые ветр тонкий возвевал,
Колени тучные наруже были видны
И узлом связаны воскрилия хламидны,
Багрян сафьян до икр, черкесски чеботы
Превосходили все убранства красоты,
Персидский был кушак, а шапочка соболья,
Из песни взят убор, котору у приволья
Бурлаки Волгские напившись поют,
А песенку сию Камышенкой зовут,
Река, что устьцом в мать Волгу протекает.
Искусство красоты отвсюду извлекает.

Уже приехал Вакх к местам тем, наконец,
В которых пьянствует всегда его отец,
И быв занесен туда зверей своих услугой,
Увидел своего родителя с супругой,
Юнона не в венце была, но в треухе,
А Зевс не на орле сидел, на петухе;
Сей голову свою меж ног его уставя,
Кричал: какореку! Юнону тем забавя.
Владелец горних мест, меж облачных зыбей
Заснул, и подпустил Юноне голубей,
От коих мать богов свой нос отворотила
И речью таковой над мужем подшутила,
Возведши на него сперва умильный взгляд:
«Или и боги так как смертные шалят?
«Знать слишком, батька мой, нектарца ты искушал?»

Зевес ее речей с приятностию слушал;
И божеский ответ изрек ей на вопрос:
«Знать не пришибен твой еще, Юнона, нос?»
При сих словах ее рукою он погладил.
Тут Мом пристав к речам и к шутке их подладил,
С насмешкою сказал: «О сильный наш Зевес!
«Я вижу, что и ты такой же Геркулес,
«Который у своей Омфалии с неделю,
«Оставля важные дела, и прял куделю.
«Но что я говорю? Таков весь ныне свет:
«Уже у модных жен мужей как будто нет;
«Я вижу всякий день глазами то моими,
«Мужья все простаки, владеют жены ими».
Юноне речь сия казалася груба.
Сказала: «слушай, Мом, мне шутка не любя;
«Ты ею множество честных людей обидишь,
«Как будто ты мужей разумных уж не видишь?
«Послушай, бедный Мом, ты слова моего:
«Мужья женам своим послушны для того.
«То правда иногда и жены пред мужьями...
«Но что... Не сыплется сей бисер пред свиньями.
«На что мне с дураком терять мои слова?
«Не может их понять пустая голова».
Тут Мом хотел было насмешкою защищаться,
И видно что бы им без ссоры не расстаться
И быть бы согнанным им с неба обоим,
Но воспрепятствовал приездом Вакх своим.

Имея очеса слезами окропленны,
Вещает так: «о ты, правитель всей вселенны!
«Воззри ты на мои потоки горьких слез,
«Воззри и сжался ты на скорбь мою, Зевес!
«Ты мощию своей всем светом управляешь,
«И ты в напастях нас всегда не оставляешь.
«Какою мерзостью тебя я прогневил,
«Что ты откупщиков на хмель восстановил,
«И отдал в руки ты вино таким тиранам?
«Ты не был столько строг во гневе и Троянам,
«Какоко лют теперь являешься мне,
«Не согрешившему ни в пьяне, ни во сне:
«Я кровь твою, тобой я жизнь мою имею,

«Вспомни ты свою любезну Семелею;
«И ежели она к тебе еще мила,
«Склонись и не входи ты в пьяные дела,
«На что тебе в дела сторонние мешаться?
«Твой долг есть, отче мой, пить, есть и утешаться,
«Но ты теперь пути к пьянству заградил.
«По обещанию ль меня ты наградил?
«Ты клялся некогда, что в будущие лета
«Сопьются жители всего пространна света,
«И что продлится то до познейших времен.
«И как твой стал обет, мой отче, пременен?»

Тогда отец богов сыновни речи внемлет
И отягченные вином глаза подъемлет,
Такой с усмешкою на Вакха взор возвед,
Какой имел как шел с Юноной на подклет,
Облобызал его и так ему вещает:
«Я вижу, что тебя печаль твоя смущает.
«Но ты останься здесь и больше не тужи,
«И просьбу такову до утра отложи,
«А утро вечера всегда помудренее;
«Ты-ж видишь что я сам тебя еще пьянее,
«Ты видишь подлинно, что я сие не вру,
«Я завтра всех богов в присутствие сберу.
«О важных я делах один не рассуждаю
«И пьяный никого ни в чем не осуждаю;
«Коль надобен тебе, мой сын, правдивый суд,
«Бессмертные твое всё дело разберут.
«Я слышал, некогда Церера здесь просила
«И вот прошения ее какая сила:
«Что весь почти спился на свете смертных род.
«И хлебу от того великий перевод:
«Купцы, подьячие, художники, крестьяне
«Спились с кругу все и нас забыли в пьяне;
«А сверх того еще от сидки винной дым
«Восходит даже к сим селениям моим.
«И выкурил собой глаза мои до крошки,
«Которы были, сам ты помнишь, будто плошки;
«А ныне, видишь ты, уж стали как сморчки;
«И для того то я ношу теперь очки.
«Церера ж во своем прошеньи пишет ясно,

«Что быть свободному вину не безопасно;
«Коль так оставить, то сопьется целый свет,
«А земледелие на веки пропадет».

Тогда Зевесу Вакх печально отвечает:
«Коль земледелию пьянство, — рек, — мешает,
«Я более теперь о том не говорю.
«Пусть боги разберут меж нас с Церерой прю;
«Я это потерпеть до завтра умею,
«А ныне просьбу я поважнее имею:
«Ямщик на кабаке теперь лишь в драке взят,
«А он возлюбленный наперсник мой и брат;
«Его уже теперь в полицию хмельнова
«Ведут или свели, где цепь ему готова.
«Ты можешь, отче мой, сие предупредить
«И друга моего от кошек свободить:
«Я знаю, на него там все вознегодуют
«И кошками ему всю репицу отдуют.
«Полиция уже мне стала дорога,
«И в ней-то точного имею я врага:
«Она всех забияк и пьяниц ненавидит
«И более меня, чем ты, еще обидит;
«От ней-то к пьянству все пресечены пути.
«Помилуй, отче мой, вступишь и защити!»

Тогда Зевес к себе Ермия призывает,
Призвав, и тако он ему повелевает:
«Послушайся меня, возлюбленный мой сын!
«Ты знаешь сам, что мной рожден не ты один:
«Сераль побольше я султанского имею,
«И ежели теперь похвастаться я смею,
«От непрестанных забавы в прежни дни
«Побольше всех богов имею я родни:
«Итак не должен ли о детях я печися?
«Сему то у меня, Ермиюшка, учися,
«Не чудно, что я вам столь многим есмь отец,
«Хитро, что мой поднесь не баливал хрестец».

Се так разоврался отец бессмертных оный
И наврал бы еще он слов сих миллионы,
Когда бы тут его супруга не была;

Сия из-под бровей взор косо возвела,
И тем перервала его пустые речи,
Каких бы он наклат Ермию полны плечи,
Отяготя сего разумного посла,
И сделал бы его похожим на осла.
Но вдруг что заврался, он сам то ощущает
И пустословие оставя, так вещает:
«Послушен будь, Ермий, приказу моему,
«Возможно всё сие проворству твоему.
«Услуги мне твои давно уже известны;
«Оставь ты сей же час селения небесны
«И слову моему со тщанием внимли,
«Ступай и на пути ни мало не дремли,
«Неси скорее всем бессмертным повеленье,
«Скажи, что есть на то мое благоволенье
«Едва покажется заря на небеса
«И станет овлащать и горы и леса,
«Доколе Феб с одра Фетидина не вспрынет,
«Да на Олимп ко мне бессмертных сонм предстанет,
«А если кто из них хоть мало укуснит,
«Тот будет обращен воронкою в зенит,
«А попросту сказать, повешу вверх ногами,
«И будет он висеть как шут между богами,
«Не сорвется во век, кто б ни был как удал,
«Но я еще не весь приказ тебе мой дал:
«Коль будет всё сие исполнено тобою,
«Подщися ты потом помочь тому герою,
«О коем Вакх меня с покорностью просил,
«Ступай и покажи своих ты опыт сил;
«А сей герой ямщик, который за буянство
«Сведен в полицию и посажен за пьянство,
«И если ты его оттоль не свободишь,
«Так сам ты у меня в остроге посидишь».
Тогда Ермий приказ Зевесов строгий внимлет;
Он, крылья привязав, посольский жезл приемлет,
Спускается на низ с превыспренных кругов,
Летит, и ищет всех, как гончий пес, богов,
Находит их с трудом в странах вселенной разных,
И всех находит он богов тогда не правдных:
Плутон по мертвецю с жрецами пировал,
Вулкан на Устюжне пивной котел ковал,

И звать, что помышлял он к празднику о браге;
Жена его была у жен честных в ватаге,
Которые собой прельщают всех людей;
Купидо на часах стоял у лебедей:
Марс с нею был тогда, а Геркулес от скуки
Играл с ребятами клюкою длинной в суки;
Цибела старая во многих там избах
Загадывала всем о счастье на бобах;
Минерва, может быть то было для игрушки,
Точила девушкам на кружево коклюшки;
Нептун с предлинною своею бородой
Трезубцем, иль сказать яснее, острогой,
Хотя не свойственно угрюмому толь мужу,
Мутил от солнышка растаявшую лужу,
И преужасные в ней волны воздымал,
До тех пор, что свой весь трезубец изломал,
Чему все малые ребята хохотали,
Снежками в старика без милости метали;
Сей бог ребяческих игрушек не стерпел,
Озлобился на них и гневом закипел,
Хотел из них тотчас повытаскать все души;
Но их отцы вступясь ему нагрели уши,
И взашей, и в бока толкали вод царя,
При всяком так ему ударе говоря:
«Не прогневись, что так ты принят неучтиво,
«Ты встарь бывал в чести, а ныне ты не в диво;
«Мы благодатию господней крещены
«И больше пращуров своих просвещены,
«Не станем бога чтить в таком как ты болване».
Так православные кричали все крестьяне.
Ермий, приметя то, скорее прочь пошел,
Немного погодя других богов нашел:
Гоняла кубари на льду бичом Беллона,
Не в самой праздности нашел и Аполлона,
Во упражнении и сей пречудном был:
Он у крестьянина дрова тогда рубил,
И высунув язык, как пес уставши, рея,
Удары повторял в подобие хоря,
А иногда и ямб и дактиль выходил;
Кругом его собор писачек разных был.
Сии, не знаю что, между собой ворчали,

Так знать они его удары примечали,
И выслушавши все удары топора,
Пошли в свояси все, как будто мастера;
По возвращении ж своим они оттоле
Гордились, будто бы учились в Спасской школе:
Не зная каковой в каких стихах размер,
Иной из них возмнил, что русской он Гомер,
Другой тогда себя с Вергилием равняет,
Когда еще почти он грамоте не знает;
А третий прославлял толико всем свой дар,
И почитал себя не меньше как Пиндар.
Но то не мудрено, что так они болтали,
Лишь только мудрено, что их стихи читали,
Стихи, которые не стоят ничего
У знающих, кроме презренья одного;
Которые сердцам опаснее отравы.
Теперь я возглашу: «о времена! о нравы!
«О воспитание! пороков всех отец,
«Когда явится твой когда у нас конец,
«И скоро ли уже такие дни настанут,
«Когда торжествовать невежды перестанут?
«Нет, знать скорей судьба мой краткий век промчит,
«Чем просвещение те нравы излечит,
«Которые вранья с добром не различают,
«Иль воскресения уж мертвых быть не чают,
«И не страшатся быть истязаны за то,
«Что Ломоносова считают ни за что?
«Постраждут, как бы в том себя ни извиняли,
«Коль славного певца с плюгавцем соравняли.
«Но мщенья, кажется, довольно им сего,
«Что бредни в свете их не стоят ничего.
«У славного певца тем славы не умалит,
«Когда его какой невежда не похвалит;
«Преобратится вся хула ему же в смех.
«Но и твердить о сих страмцах мне мнится грех;
«А славнейших певцов стихи пребудут громки,
«Коль будут их читать разумные потомки».

Постой о муза! ты уж сшиблася с пути,
И бредни таковы скорее прекрати,
В нравоученье ты некстати залетела;

Довольно про тебя еще осталось дела.
Скажи мне, что потом посланник учинил?
Боюсь я, чтобы он чего не проронил
И не подвержен был он гневу от Зевеса.
Болтлива ты весьма, а он прямой повеса.

Тут более Ермий промедлить не хотел,
Он встрепенувшись к Церере полетел;
Всю влагу воздуха крылами рассекает,
И наконец Ермий Цереру обретает.
Не в праздности сия богиня дни вела,
Но изряднѣхонько и домиком жила:
Она тогда восстав со дневным вдруг светилом
Трудилась на гумне с сосновым молотилом,
Под коим охали пшеничные снопы.
Посол, узрел ее, направил к ней стопы
И дело своего посольства отправляет.
Отвесь ей поклон, то место оставляет,
И прямо от нее к полиции летел,
Во врана превратясь, на кровлю тамо сел:
Не зная, как ему во оную забраться,
Десятских множество, и если с ними драться,
Они его дубьем конечно победят,
И как озорника туда же засадят.

Подобно как орел, когда от глада тает,
Над жареной вокруг говядиной летает,
Котора у мордвы на угольях лежит;
Летая так Ермий, с задору весь дрожит
И мнит, коль ямщика он в добычь не получит,
Тогда его Зевес как дьявола размучит;
Он рек: «готов я сам в полицию попастьь,
«Чем от Зевесовых мне рук терпеть напастьь,
«И прямо говорю, каков уж я ни стану,
«Тебя я, душечка моя, ямщик, достану».
Пустые он слова не долго продолжал,
Подобно как ядро из пушки завизжал:
Спустился он на низ и трижды встрепенулся,
Уже по прежнему в свой вид перевернулся,
Он крылья под носом как черный ус кладет,
Одежду превратил в капральский он колет,

А жезл в подобие его предлинной шпаги:
И тако наш Ермий исполнен быв отваги,
Приходит с смелостью на полицейский двор,
Быв подлинно тогда посол, капрал и вор.

Конец первой песни

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Итак уже Ермий капралу стал подобен,
А обмануть всегда и всякого способен;
Не только чтоб цыган или коварный грек,
Не мог бы и француз провесть его во век.
Такие он имел проворства и ватей,
Каких не вымыслят и сами иудей.

Когда утухнула вечерняя заря,
Покрылись темнотой и суша и моря,
По улицам шуметь буяны перестали
И звезды частые по небу возблистали,
Тогда посланник сей темничну дверь отверз,
И вшел не яко тать, но яко воин влез;
Тут петли у дверей хотя и заскрипели,
Но караульные разиня рты храпели;
Ермий однако же, чтоб их не разбудить,
В темницу лестницей тихонько стал сходить,
Иль красться, ежели то вымолвить по-русски;
К несчастью лестничны ступени были узки,
И тако сей тогда проворный самый бог,
Споткнулся, полетел, упал и сделал жох,
А попросту сказать, на заднице скатился,
Чем сырной всей конец неделе учинился.
И если б не Ермий, но был бы сам капрал,
Конечно бы свою он спину изодрал
И сделал позвонкам не мало бы ущерб;
Не обойтись бы служивому без герба,
А попросту сказать, не быть бы без тавра,
И не дочесться бы девятого ребра;
Но он как божество не чувствовал сей боли,
Скатился без вреда в темничные юдоли,
Где скука, распротря свою ужасну власть,
Предвозвещала всем колодникам напасть;

Там зрелися везде томления и слезы,
И были там на всех колодки и железы;
Там нужных не было для жителей потреб,
Вода их питье, а пища только хлеб,
Не чермовидные стояли тамо ложи,
Висели по стенам цыновки и рогожи,
Раздранны рубища всегдашний их наряд,
И обоняние единый только смрад;
Среди ужасного и скучного толь дома
Не видно никого в них было економа;
Покойно там не спят и сладко не ядят;
Все жители оттоль как будто вон глядят,
Лишенны вольности напрасно стон теряют,
И своды страшные их стон лишь повторяют;
Их слезы, их слова не внятны никому:
Сей вид ужасен стал Ермию самому.
И се увидел он собор пияниц разных,
Но всех увидел он друг другу сообразных:
Однако ж ямщика багровые черты
Не скрылись и среди ночныя темноты;
Встревоженная кровь от хмеля в нем бродила
И будто клюква вся наружу выходила.

По знакам сим Ермий Елесю познает,
Тихохонько к нему на цыпочках идет,
Уже приблизился к без памяти лежащу,
И видит подле бок его молодку спящу,
Котора такожде любила сильно хмель.
И ведая, что ей не пить уж семь недель,
Она тот день в себе червочка заморила,
И тем великий пост заране предварила:
Сия тогда была без всяких оборон,
И был расстегнут весь на ней ее роброн,
Иль внятнее сказать, худая телогрея.

Тогда Ермий его пославша волю дея,
Старается оттоль исторгнуть ямщика:
Толкает спящего и взашей и в бока,
Но пьяного поднять не могут и побои.
Елеська тако спит, как спали встарь герои,
Что инако нельзя их было разбудить,
Как равне по бокам дубиной походить.

О вы преславные творцы «Венециана»,
«Петра златых ключей», «Бовы» и «Ярослана»!
У вас-то витязи всегда сыпали так,
Что их прервати сна не мог ничей кулак:
Они-то палицу соделанну из стали
Пуд слишком в пятьдесят за облако метали.
Теперь поверю я, что вы не врали век,
Когда сыскался здесь такой же человек,
Которого Ермий восстати как ни нудит,
Толкает, щиплет, бьет; однако не разбудит.

Когда Ермий не мог Елесю разбудить,
Тогда он вздумал их с молодкой прерядить;
Со обоих тотчас он платье скидает,
Молодку в ямщиков кафтан передевает,
А ямщика одел в молодушкин наряд:
Сим вымыслом Ермий доволен был и рад,
Что он не разбудил, бия Елеську прежде.
Елеська на себя не схож уж в сей одежде
И стали скрыты все татьбы его следы:
Ямщик был без уса, ямщик без бороды,
И словом счесть сего нельзя за небылицу,
Чтоб не был Елисей не схож на молодицу.
Тогда то всё Ермий искусство показал;
Елесе голову платочком повязал
И посадил к себе храпящего на лоно,
Уж стала не нужна и дверь во время оно.
Ермий уж как божок то делал что хотел.
В минуту порх в окно, взвился и полетел:
Не держат кандалы Ермия, ни запоры;
И можно-ль удержать, где есть такие воры,
Пред коими ничто и стража и замки,
Ведь боги Еллински не наши мужики!

Где речка Черная с Фонтанкою свилися
И устьем в устье Невы реки влилися,
При устии сих рек на самом месте том,
Где рос Калинов лес, стоял огромный дом;
По лесу оному и дом именовался,
А именно сей дом Калинкин назывался;
В него-то были все распутные жены
За сластолюбие свое посажены;

Там комнаты в себя искусство их вмещали;
Единые из них лен в нитки превращали,
Другие кружева из ниток тех плели,
Иные кошельки с перчатками вязли,
Трудились тако все, дела к рукам приближа,
И словом был экстракт тут целого Парижа:
Там каждая была как ангел во плоти.
Затем, что дом сей был всегда на заперти.

Еще завесу ночь по небу простирала
И Фебу в мир заря ворот не отворяла,
И он у своя любезной на руке
Еще покоился на мягком тюфяке,
Когда Ермий с своим подкидышем принесся,
Подкидыш был сей лет осмнадцати Елеся,
А может быть уж он и больше в свете жил;
Принес и бережно его он положил
В обители девиц по нужде благочинных,
А может быть не так как думают и винных:
Снаружи совести трудненько постигать;
Вольно ведь например подъячих облыгать,
Что будто все они на деньги очень падки,
А это подлинно на них одни нападки,
Не все-то деньгами подъячие дерут,
Иные овсецом и сахарцом берут,
Иные платьецом, винцом и овощами,
И мягкой рухлядью и разными вещами.
Но шасни мы сии забвенью предадим
И повесть к своему герою обратим.

Красавицы того не ведают и сами,
Что между их ямщик, как волк между овцами,
Лишь только овчею он кожей покровен;
Голубки, не овца лежит меж вас, овен!
Тогда уже заря румяная всходила,
Когда начальница красавиц разбудила
Глася, чтоб каждая оставила кровать,
И стала ремесло им в руки раздавать,
Теперь красавицам пришло не до игрушки;
Из рук там в руки шли клубки, мотки, коклюшки;
Приемлет каждая свое тут ремесло,
Работу вдруг на них как бурей нанесло;

От шума одного Елеся пробудился,
Но как он между сих красавиц очутился,
Хоть ты его пытай, не ведает он сам,
Не сон ли, думает, является глазам?
И с мыслью вдруг свои глаза он протирает,
Как бешеный во все углы их простирает;
Везде он чудеса, везде он ужас зрит
И тако сам себе с похмелья говорит:
«Какой меня, какой занес сюда лукавой,
«Или я напоен не водкой был, отравой,
«Что снятся мне теперь такие страшны сны?
«Конечно действие сие от сатаны».
Так с пьяна Елисей о деле рассуждает,
И виновен бывши сам, на дьявола пеняет.

Но наконец уже и сам увидел он,
Что видит наяву ужасный етот сон;
Теперь, он думает, теперь я понимаю,
Что я в обители, но в коей, я не знаю;
Он красных девушек монахинями четет,
Начальницу в уме игуменьей зовет;
Но с нею он вступить не смеет в разговоры,
Лишь только на нее возводит томны взоры,
Из коих он свой страх начальнице являл
И думать о себе иное заставлял:
Уже проникнула сия святая мати,
Что на девице сей не девушкины стати,
И также взорами дала ему ответ,
Что страха для него ни малого тут нет.
О чудо! где он мнил, что прямо погибает,
Тут счастье перед ним колена подгибает
И прямо на хребет к себе его тащит.
Начальница ему надежной стала щит,
Она ему стена, теперь скажу я смело,
Понеже купидон вмешался в ето дело:
Он сердце у нее внезапно прострелил,
И пламень внутрь ее неистовый вселил.
Она уж хочет знать о всей его судьбине,
И хочет обо всем уведать наедине;
Рукою за руку его она взяла
И в особливую комнатку повела,

Потом, когда она от всех с ним отлучилась,
Рекла: «я в свете сем довольно научилась
«Прямые вещи все от ложных отличать,
«Итак не должен ты пред мною умолчать,
«Скажи мне истину, кто есть ты и отколе?»
Елесья тут уже не стал таиться боле.

«О мать! он возопил: хоть я без бороды,
«Внемли, я житель есмь Ямския слободы;
«Пять лет как я сию уж должность отправляю,
«Пять лет как я кнутом лошадок погоняю;
«Езжал на резвых я, езжал на усталых,
«Езжал на смирных я, езжал на удалых:
«И словом для меня саврасая, гнедая,
«Булана, рыжая, игреня, вороная,
«На всех сих для меня равнёхонька езда,
«Лишь был бы только кнут, была бы лишь узда!

«Я в Питере живу без собственна подворья,
«А в Питер перешол я жить из Зимогорья,
«Откуда выгнан я на станцию стоять
«Затем, что за себя не мог я там нанять
«Другого ямщика... Но ты услышишь вскоре
«О преужаснейшей и кроволитной ссоре,
«Которая была с валдайцами у нас.
«Прости ты сим слезам лиющимся из глаз;
«Я ими то тебе довольно возвещаю,
«Какую и теперь я жалость ощущаю,
«Когда несчастье мое вспомяну:
«Я мать тут потерял, и брата, и жену.

«Уже мы под ячмень всю пашню запахали,
«По сих трудах весь скот и мы все отдыхали,
«Уж хлеб на полвершка посеянный возрос,
«Настало время нам итти на сенокос.
«А наши пажити, как всем сие известно,
«Сошлись с Валдайскими задами очень тесно;
«Их некому развесть опричь межевщика:
«Снимала с них траву сильнейшая рука;
«Итак они у нас всегда бывали в споре:
«Вот вся вина была к ужасной нашей ссоре!

«Уже настал тот день, пошли мы на луга
«И взяли молока, яиц и творога,
«Обременилися со квасом бураками,
«Блинами, ситными, вином, крупениками;
«С снарядом таковым лишь мы явились в луг,
«Узрели пред собой напасть свою мы вдруг;
«Стоят с оружием там гордые валдайцы.
«Мы дрогнули и все побегли яко зайцы,
«Бежим, и ищем им подобного ружья,
«Жердей, тычин, шестов, осколков и дубья;
«Друг друга тут мы взять шесты предускоряем,
«Друг друга тут мы все ко брани предваряем.

«Начальник нашей Ямския слободы,
«Предвидя из сего ужасные беды,
«Садится на коня и нас всех собирает,
«Лишь собрал, взял перо, бумагу им марают:
«Хоть не был он француз и не был также грек,
«Он русский был, но был приказный человек,
«И был коришневым одеян он мундиром.
«Не дай бог быть писцу военным командиром!
«Он вынувши перо и пишет имена,
«Тогда как нашу боль уж чувствует спина
«От нападения к нам каменного града.
«И можно ль чтоб была при писаре Паллада:
«Он пишет имена, а нас валдайцы бьют,
«Старухи по избам на небо вопиют,
«Робята малые, все девки, бабы, куры,
«Забились под печи и спрятались в конуры.
«Мы видим, что не быть письму его конца,
«Не стали слушаться мы более писца.

«Как вихри ото всех сторон мы закутились,
«И сжавшись кучею ко брани устремились!
«Плетни ни от воды, не могут нас сдержать,
«Валдайцам лишь одно спасение бежать:
«Однако против нас стоят они упорно,
«И действуют своим дреколием проворно.
«Не можем разорвать мы их порядка связь:
«Летят со обеих сторон камень, грязь,
«Неистовых людей военные снаряды;
«Мараем и разим друг друга без пощады.

«Но наши так стоят, как твердая стена,
«Прости, что я теперь напомним имена,
«Которые сюда вносить хотя б не к стати,
«Однак без них нельзя б победы одержати;
«Хотя бы наш писец еще мудрее был,
«Но он бы лбом своим стены той не разбил,
«Которую едва мы кольем раздробили.

«Уж мы камнями друг друга больно били,
«Как первый Стёпка наш, ужасный озорник;
«Хотя невзрачен он, но сильный был мужик.
«Сей с яростию в бой ближайший устремился,
«И в кучу толстую к валдайцам проломился;
«Бьет уразиной, восстал меж ими крик,
«А Стёпка действует над ними как мясник.
«Потом тотчас его племянник, взяв дубину,
«Помчался, оробел, и дал им видеть спину,
«Где резвый на него валдаец наскочил,
«И верх над нашим сей героем получил.
«В середине самая кровопролитной сечи
«Вскочил ко нашему герою тот на плечи,
«И превознесся тем над всею он ордой,
«Он начал битвою, а кончил шахордой.
«Но шутка такова окончилась бедою,
«Валдаец не успел поздравить нас с ездою,
«Племянник Стёпкин взяв валдайца за кушак,
«И тропнул о землю сего героя так,
«Что нос его разбил и сделал как плющатку;
«С тех пор он на нос свой кладет всегда заплатку.
«И се увидели мы все тогда вдали,
«Несется человек замаран весь в пыли;
«То был прегордый сам валдайцов предводитель;
«Сей скот был нашему подобный управитель;
«Свирепствуя на нас, во внутреннем огне,
«Он скачет к нашему герою на коне.
«Все мнили что они ужасною борьбою
«Окончат общий бой одни между собою;
«Все смотрим, все стоим, и всех нас обнял страх,
«Уже съезжаются герои на конях.
«Но вдруг тут мысли в них совсем переменялись;
«Они не билися, но только побранились,

«Оставля кончить бой единым только нам,
«Их кони развезли обеих по домам.

«Меж тем уж солнушко, коль хочешь это ведать,
«Сияло так, что нам пора бы и обедать;
«И если бы не бой проклятый захватил,
«Я может быть куска б уж два-три проглотил:
«Но в обстоятельстве, в каком была жизнь наша,
«Не шли на ум мне щи, ниже крутая каша.

«Когда начальников лошадки развезли,
«Тогда прямую мы войну произвели;
«Не стало между всех порядка никакого,
«И с тем не стало вдруг большого ни меньшого,
«Смесилися мы все и стали все равны;
«Трещат на многих там и порты и штаны,
«Восходит пыль столпом, как облако вьется,
«Визг, топот, шум и крик повсюду раздается,
«Я множество побой различных тамо зрел:
«Иной противника дубиною огрел,
«Другой поверг врага, запяв через колено,
«И держит над спиной взнесенное полено,
«Но вдруг повержен быв дубиной, сам лежит
«И победителя поматерны пушит;
«Иные за виски друг друга лишь ухватят,
«Уже друг друга жмут, ерошат и клокотят.
«Хотя б и бритый к нам татарин подскочил,
«И тот бы, думаю, ерошки получил.
«А вы, о бороды! раскольничье убранство!
«Вы чувствовали тут всех большее тиранство:
«Лишь только под живот, кто даст кому тычка,
«Ан вдруг бородушки не станет ни клочка,
«И в ней распишется рука другого вскоре.
«И так с валдайцами мы долго были в споре,
«Непреставаячи друг друга поражать,
«Кому приличнее победу одержать.
«Но наконец мы их проворству уступили,
«И тыл соперникам неволей обратили:
«Побегли мы чрез дол, — о дол, плачевный дол!
«У каждой женщины в зубах мы зрим подол,
«Бегут и все творят движение различно.
«Но мне тебе сего вещати не прилично,

«Скажу лишь то, что мы их зрели много тел.
«Вдруг брат мой в помощь к нам как ястреб налетел,
«Смутил побоище как брагу он в ушате.
«Но не поставь мне в ложь, что я скажу о брате:
«Имея толстую уразину в руках,
«Наносит нашим всем врагам он ею страх:
«Где с нею он пройдет, там улица явится,
«А где повернется, там площадь становится.
«Уже он близ часа валдайцов поражал,
«И словом от него там каждый прочь бежал,
«Как вдруг против его соперник появился,
«Вдруг подвиг братнин тут совсем остановился;
«Валдаец сей к нему на шею вдруг повис
«И ухо правое у брата прочь отгрыз.
«И тако братец мой, возлюбленный Илюха
«Пришел на брань с ушьми, а прочь пошел без уха:
«Тащится как свинья совсем окровавлен,
«Изъеден, оборван, а пуще острамлен:
«Какая же, суди, мне сделалась утрата,
«Лишился уха он, а я лишился брата!
«С тех пор за брата я его не признаю.
«Не мни, что я сказал напрасно речь сию:
«Когда он был еще с обеими ушами,
«Тогда он трогался несчастливых словами,
«А ныне эта дверь совсем затворена
«И слышит только он одно, кто молвит «на!»
«А «дай», сего словца он ныне уж не внемлет,
«И левым ухом просьб ничьих он не приемлет:
«В пустом колодые не скоро найдешь клад,
«А мне без этого не надобен и брат.

«По потереянии подвижника такого
«Не стало средства нам к победе никакого:
«Валдайцы истинный над нами взяли верх;
«Разят нас, бьют, теснят и гонят с поля всех;
«Пришло было уж нам совсем в тот день пропасти,
«Но Стёпка нас тогда избавил от напасти:
«Как молния он вдруг к нам сзади забежал,
«И нас уже совсем бегущих удержал,
«— Пойдите, — вопиет, — робятушка, пойте,
«Сберитесь в кучу все и нову рать устройте. —

«Всё пременялось, о радостнейший час!
«Сбираются толпы людей на Стёпкин глас.
«Сбираются, бегут, противных низвергают
«И бывшу в их руках победу исторгают;
«Сперлися, сшиблися, исправя свой расстрой,
«Жарчае прежнего опять был начат бой:
«Уже противников к селу их прогоняем,
«Дреколия у них и палки отнимаем,
«И был бы брани всей конечно тут конец,
«Когда б не выехал на помочь к ним чернец;
«Сей новый Валаам скотину погоняет,
«За лень ее своей дубиною пеняет;
«Но как он тут свою лошадушку ни бьет
«Лошадушка его не суется вперед;
«Он въехал кое-как на холм; и нас страшает,
«И изо уст святых к нам клятву испущает,
«Но нас не токмо та: не держит и дубье:
«Летим мы на врагов и делаем свое.
«Сей благочинный муж, увидя в нас упорство,
«Сошел с коня и ног своих явил проворство,
«Поспешнее того, как к нам он выезжал,
«Явил нам задняя и к дому побежал.

«Уже явилася завеса темной ночи.
«И драться более ни в ком не стало мочи.
«Пошли мы с поля все, валдайцев победив;
«А я пришел домой хоть голоден, да жив».

Конец второй песни

ПЕСНЬ ТРЕТЯЯ

«Уже утихло всё, и ночь свою завесу
«Простерла по всему ближайшему к нам лесу,
«Покрыла землю всю и с нею купно нас:
«Настал спокойствия желанный всеми час;
«Покоилися мы, покоились валдайцы,
«А на побоище бродили только зайцы,
«И там же на рожках играли пастухи;
«А дома не спали лишь я да петухи,
«Которы песнь свою пред курами кричали,
«А куры им на то по курьи отвечали.

«Лишь в дом я только вшел, нашел жену без кос,
«А матушку прошиб от ужаса понос:
«Она без памяти в избушке пребывала
«И с печи в дымовник как галочка зевала,
«Перебирая всех по памяти святых:
«Всех пятниц, семика, сочельников честных,
«Чтобы обеих нас в сраженьи сохранили
«И целых к ней домой с Илюхой возвратили;
«Однако ж по её не сталося сие:
«Отгрызли ухо прочь у дитятка ее,
«А с нею и сего рок пуций совершился:
«Лишь только вшел я в дом, безмерно устранился,
«Увидя мать мою лежащую в кути;
«Она увидевши меня, ворчит: -- Прости,
«Прости, мое дитя, я с светом расстанюся, —
«Она сие ворчит, а я слезами льюся.
«Приходит мой и брат с войны окровавлен,
«Смерть матерня и вой обеих наших жен
«Ко жалости сердца и наши преклонили;
«Крепились мы, но ах! и мы как бабы взвыли:
«Уж тело старое оставила душа,
«А тело без души не стоит ни гроша,
«Хотя б она была еще и не старуха;
«Я плачу, плачет брат, но тот уже без уха.
«И трудно было всем узнать его печаль,
«Старухи ли ему, иль уха больше жаль;
«Потеря наша нам казалась невозвратна,
«Притом и мертвая старуха неприятна.
«На завтре отдали мы ей последнюю честь:
«Велели из дому ее скорее несть,
«Закутавши сперва холстом в сосновом гробе,
«Предати с пением ее земной утробе.
«Сим кончилась моя последняя беда.
«Потом я выслан был на станцию сюда,
«О чем уже тебе я сказывал и прежде.
«Но как я зрю себя здесь в девичьей одежде,
«Того не знаю сам, и кем я занесен,
«В обитель оную, в число прекрасных жен,
«Не знаю, по христе.....» тут речь перерывает
Начальница, и так ему повелевает:
«Когда ты хочешь быть здесь весел и счастлив,

«Так ты не должен быть, детинушка, болтлив;
«Молчание всего на свете сем дороже:
«Со мною у тебя едино будет ложе,
«А попросту сказать, единая кровать,
«На коей ты со мной здесь будешь ночевать;
«Но чтоб сие меж нас хранилось без промашки,
«Возьми иголочку, садись и шей рубашки».
В ответ он ей: «о мать! я прямо говорю,
«Что шить не мастер я, а только я порю,
«Так если у тебя довольно сей работы,
«Отдай лишь только мне и буди без заботы:
«Я это дело всё не мешкав сотворю;
«Хоть дюжину рубах я мигом распорю!»
Она увидела, что есть провор в детине.
Немножко побывла еще с ним на едине,
Потом оставила в комнаточке его,
Пошла, и заперла Елесю одного,
Не давши ни одной узнать о том девице.
И так уже он стал в приятнейшей темнице.

Меж тем уже Зевес от хмеля проспался,
И только чаю он с Юноной напился,
Как вестник вшед к нему в божественны чертоги
Сказал, что все уже сидят в собраньи боги;
А он, дабы дела вершить не волоча,
Корону на лоб бух, порфиру на плеча,
И взявши за руку великую Юнону,
Кладет и на нее такую же корону.
Уже вошел в чертог, где боги собрались,
Они узря его все с мест приподнялись,
И тем почтение Зевесу оказали;
Все сели, говорить Церере приказали.
Сия с почтением к Зевесу подошла,
И тако перед ним прошение начала:

«О сильно божеество! Зевес, всех благ рачитель,
«Наставник мой, отец и мудрый мой учитель!
«Ты ведаешь, что я для нужнейших потреб
«Живущих на земли учила сеять хлеб.
«Сие мне удалось, я видела успехи,
«Когда пахали хлеб без всякия помехи;

«А ныне Вакх над мной победу получил,
«Когда сидеть вино из хлеба научил:
«Все смертные теперь ударились в пьянство,
«И вышло из того единое буянство;
«Земля уже почти вся терном поросла,
«Крестьяне в города бегут от ремесла,
«И в таковой они расстройке превеликой,
«Как бабы все почти торгуют земляникой,
«А всякий бы из них пахати землю мог,
«Суди теперь о сем ты сам, великий бог!»
Все боги меж собой тут начали ворчати,
Но Зевс им повелел всем тотчас замолчати,
А Вакху повелел немедля отвечать,
Когда он может чем Цереру уличать.

Сей начал говорить себе во оправданье:
«Такое ль ныне мне, о боги! воздаянье,
«Что я с Церерою стою на сей среде?
«И мне ли, молодцу, быть с бабою в суде!
«Или вменяете и то вы мне в безделье,
«Что свету я открыл душевное веселье?
«Когда в нем человек несчастливо живет,
«Он счастлив, ежели вино он только пьет;
«Когда печальный муж чарчонку выпивает,
«С чарчонкой всю свою печаль он забывает;
«И воин водочку имеючи с собой,
«Хлебнувши чарочку, смелее идет в бой;
«Невольник, на себе нося свои железы,
«Напившись вина, льет радостные слезы.
«Но что я говорю о малостях таких?
«Спросите вы о том духовных и мирских,
«Спросите у дьяков, спросите у подьячих,
«Спросите у слепых, спросите вы у зрячих;
«Я думаю, что вам ответствуют одно,
«Что лучший в свете дар для смертных есть вино:
«Вино сердца бодрит, желудки укрепляет,
«И словом, всех оно людей увеселяет:
«Не веселы бы им все были пиршества,
«Забав бы лишены все стали торжества,
«Когда бы смертные сего не знали дара:
«Не пьют его одни лишь турки и татара,

«Спроси же и у них, не скучно ли и им?»
Он кончил речь свою последним словом сим,
Умолкнул, и потом не хочет видеть света.
На то Зевес им рек: «послушайте ответа,
«Какой я на сие теперь вам изреку».
И медоточную пустил из уст реку,
Которой не было витийствию примера:
«Послушайте меня, ты Вахх, и ты Церера,
«Тебе противен хмель, ему откупщики;
«Но судите вы так, как частные божки,
«А я сужу о всем и здраво и правдиво.
«Я думаю, что вам и ето будет в диво:
«Почто к женам своим ревнует басурман,
«А жид, француз и грек способны на обман?
«Почто ишпанец горд, почто убоги шведы,
«И для чего у них россияне соседы?
«Почто голанец груб, британец верен, тверд,
«Германец искренен, индеец милосерд,
«Арапы дикие сердца имеют зверски,
«Италиянцы все и хитры и продерзки;
«Почто поляк своим словам не господин,
«И правды в век цыган не молвит ни один?
«Почто во всех вселил я нравы столько разны?
«Поверьте, что мои в сем вымыслы непраздны:
«Я Трою низложил, дабы воздвигнуть Рим,
«И вам ли знать конец намереньям моим!
«Я сделаю, что вы с ней будете согласны,
«И будете от днесь вы оба безопасны:
«Премудрость возведу я некогда на трон,
«Она соделает полезнейший закон,
«Которым пресечет во откупах коварство,
«И будет тем ее довольно государство;
«Не будет откупщик там ратаю мешать,
«А ратай будет им себя обогащать,
«И будут счастливы своею все судьбою,
«Не ссорьтесь же и вы теперь между собою».
Сим словом их Зевес обеих усмирил
И сына своего с Церерой помирил.

Когда Зевес изрек богам что надлежало,
А солнце между тем в свой дом уже въезжало,

И там ему жена готовила кровать,
На коей по трудах ему опочивать,
И также жен честных начальница и мати
Готовилась итти с Елесей ночевати,
Но чтобы малому товар продать лицом,
Натерлася она настоенным винцом,
Искусною рукой чрез разные затеи
Поставила чепец поперех своей тупеи;
А чтобы большия придать себе красы,
Пустила по плечам кудрявые власы,
Которы цвет в себе имели померанцов;
Потратила белил и столько же румянцов:
Дабы любовника к забавам возбудить,
Подщилася себя получше снарядить,
И думала пробыть всю ночь она в покое,
Но вот случилось с ней несчастье какое:

Внезапно тутошней всей стражи командир
Вздевает на себя и шпагу и мундир;
Он хочет обойтись по комнатам дозором,
И хочет девушек своим увидеть взором.
А в етом деле он не верил никому,
Не только чтоб другим, сержанту самому.

Он был лет сорока, или уже и боле,
Служил он двадцать лет, а всё служил он в поле;
Морщливое чело, нахмуренная бровь,
Являли в нем уже застылую любовь;
Хотя он некогда в сей школе и учился,
Но так уже он весь в строях изволочился,
Что всю любовную науку позабыл,
И словом больше он солдат, чем щеголь был;
Но стоячи у сих красавиц на стороже
Почувствовал в себе, почувствовал... и что же?
В какую старичок повергнулся напасть!
Сей муж почувствовал в себе любовну страсть.
И то бы ничего, что он воспламенился,
Но кем? О ужас! он начальницей пленился.
Внезапно на него блажной наваял час,
Хоть совесть не один ему твердила раз:
«Мужчина в двадцать лет красавицам любезен,
«И в тридцать может быть для них еще полезен;

«А ежели кому пробило сорок лет,
«Тот не зван никуда не ездит на обед:
«Домашним буди сыт; пей, ешь, живи, красуйся,
«А к женщинам отнюдь с амурами не суйся.
«Твоя уже чреда любиться протекла!»
Так совесть собственна ему тогда рекла,
Но он толь правильным речам ее не внемлет,
К начальнице в покой вломиться предприемлет;
Вещает сам себе: «во что б ни стало мне,
«А я пробуду с ней всю ночь наедине,
«Не ужели она в сем даре мне откажет,
«Что на кровать свою уснуть со мной не ляжет?»
«Ведь я еще себя чрез то не погублю,
«Когда скажу я ей, что я ее люблю;
«И ежели она со мной не хочет вздорить,
«Так будет ли о сей безделице и спорить?»
Се тако командир с собою рассуждал,
И тако он себе удачи ожидал;
В нечистом помысле приходит к той комнатке,
В которой бабушка со внучком на кровати.
Она за полчаса пред ним туда пришла
И Елисея в ней храпящего нашла;
Дрожащею рукой его она толкает,
И тихим голосом Елесею раскликает,
Касаяся ему, по имени зовет:
«Проснися, Елисей, проснися ты, мой свет!»
Елесея пробудясь, узрел святую мати,
Подвинулся и дал ей место на кровати.

Но только он на верх блаженства возлетел,
Как грозный командир во дверь итти хотел;
Толкает тростию и настеж отворяет,
Елеська наверху блаженства обмирает,
И с оногo тотчас как бешеный скочил.
Об етом командир худое заключил,
И стал допрашивать Елеську очень строго:
«Отколе ты пришла, одета столь убого?»
«И для чего тебя в моем реестре нет?»
«Скажи, голубушка, откуда ты, мой свет?»
Тогда не знал он, что на это отвечать,
Хоть не было на рту замка и ни печати;

Однако ж Елисей потупяся молчит,
А командирина шурмует и кричит.
Начальница себя от бедства избавляет,
С учтивостью сему герою представляет,
Чтоб он не гневался напрасно на нее;
Что видит пред собой племянницу ее,
Которая пришла сей день к ней только в гости,
Но опасаяся людей лукавых злости,
Не смела поздно так домой она отбыть,
За тем, чтоб жертвою насильствия не быть,
И что зачем он сам столь поздно к ней приходит?
Таковыми петлями свой след она отводит.
Но командир ее не внемлет лстивых слов,
За ето он хотя в удавку лезть готов,
Что речь ее пред ним единые обманы;
Обыскивает все у девушки карманы,
Не приличится ли виновною она:
В карманах не было у девки ни рожна,
И не было того, что б можно счесть за кражу;
Однако ж он велел отвести ее под стражу.

Возможно ли сие постигнути уму?

Елеська через день попал опять в тюрьму,
И в етой бы ему не быть уже без казни,
Когда бы Вакх к нему не чувствовал приязни.
К Зевесу он; Зевес Ермия нарядил,
Чтоб паки он его от уз освободил.

Сей тотчас прилетел к нему несом как ветром,
Но был уже Ермий одаян петиметром;
Высокая тупе, подправлены виски;
Уже он снял с себя капральские уски,
И также не был он одаян и колетом;
Ермий со тросточкой, Ермий мой со лорнетом,
В которой чваняся на девушек глядел.

Тогда на ямщика он шапочку надел;
А дар в себе такой имела шапка ета:
На чью бы голову была она ни вздета,
И кто покроется покровом лишь таким,
Исчезнет абие, и будет невидим.

И тако быв покрыт покровом сим Елеся,
Вторично в комнату к начальнице принесся
И с нею целу ночь в забавах проводил.
Меж тем уж утра час девятый приходил,
Когда разгневанный любовник пробудился
И арестованной колодницы хватился:
Тогда в глазах его блистали гнев и месть,
Велит немедленно к себе ее привести;
Но караульные ее не обретают
И девку мнимую ушедшею считают:
Сержант ко своему начальнику бежит,
И весть ужасную сказать ему дрожит,
Однако ж наконец побег ее доносит,
А строгий командир кафтан и шпагу просит.
Лишь только выбежал одевшись во двор,
Вскричал тотчас: «к ружью!», велел ударить в сбор.
«Кто девку упустил, на чьих часах то было?»
Кричит, и всякого толкает в ус да в рыло.
Однако ж сколько он кого ни истязал,
Служивый ни один того не показал,
Кто выпустил ее, и где она девалась.
Хоть с домом девушка отнюдь не расставалась,
Но думают, что сам ее лукавый бес
Укравши на себе из дома вон унес.
Итак весь оный шум окончен сей войною:
Сержант отдулся тут за всех своей спиною;
Хотя и не был он нимало виноват,
Лишь грешен разве тем одним, что он сержант.

Елеся между тем в забавах пребывает
И шапки с головы отнюдь не скидает,
Невидимый никем под чудным сим шатром,
Выходит иногда он вон и из хором;
Гуляет, пьет и ест в том доме и ночует,
А командир его не видит и не чуёт.

Но наконец уж он наскучил сим житьем,
Хотя доволен был он пищею и всем;
Но Вахх вселил в него уйтить оттоль охоту
И сделать на него взложенную работу,

Дабы откупщиков немного пощунять;
А Елисей сие был мастер исполнять.

Во время сна сея несчастная старушки,
Оставил Елисей постелю и подушки,
Оставил он свои и порты и камзол,
Оставил и ее во сне, а сам ушел.

Лишь только поутру начальница проснулась,
Зевнула, и на ту сторонку обернулась,
На коей Елисей возлюбленный лежал,
Ан след уже простыл, любовник убежал.
Подушку хватъ рукой, нашла подушку хладну,
Подобно так Тезей оставил Ариадну
И также изменил любовнице Еней,
Как сделал со своей старушкой Елисей.

Собрав остаток сил, собрав всю крепость духа,
Сначала думала несчастная старуха,
Что с нею Елисей нарочно пошутил,
И что из комнаты он вон не выходил;
Встает и по углам как бешеная рыщет,
По стульям, по столам его руками ищет;
Но как ни суется, Елеси не найдет,
Упала на кровать, вскричала: «ах мой свет!
«Куда, Елесенька, куда ты отлучился?
«И где обманывать людей ты научился,
«Что ты и самое меня тем превзошел,
«Куда, Елесенька, куда, мой свет, ушел?
«Где скрылся от меня и где ты пребываешь?
«Или ты у какой негодной обитаешь,
«Которая, собой пленив твой нежный взор...»
Старухе между тем хотелось на двор;
Она трепещущей рукою таз достала,
И только исполнять свою лишь нужду стала,
Узрела на полу и порты и камзол,
«Теперь я чувствую, — вскричала, — сколь ты зол!
«Ты пуще мне тоски и бедствия прибавил,
«На что ты порты здесь, на что камзол оставил,
«Или на то, чтоб я была обличена?
«Не сам ли в том тебя наставил сатана!

«Ну если командир зайдет сюда дозором,
«Не скроешь етыя ты рухляди пред взором,
«Который ежели захочет примечать!
«И что пред ним тогда я буду отвечать?
«Не ясная ли мне последует улика?
«Хоть как ни рассуждай, напасть моя велика!»
Когда она сие в печали вопиет,
Ан глядь уж командир к ней в комнату идет:
Она тут затряслась и вдруг оторопела,
Портков схватить с собой с камзолом не успела,
Вскочила на кровать, а тот уже вошел,
Мерещутся ему и порты и камзол;
Приблизился потом как бешеный к постеле,
Увидел на полу камзол он в самом деле,
И также видит он лежащие портки.
«О небо! закричал: здесь в доме мужики!»
Приспичивает он ее в сем деле тесно,
Кричит: «живут ли так, моя голубка, честно?»
«Какой я у тебя увидел здесь мундир,
«На то-ль над вами здесь поставлен командир,
«Чтоб только вы его словами лишь ласкали?
«А ночью спать с собой сторонних допускали?
«Позору я себе такого не хочу,
«Я первую тебя батошьем укрочу».
Она туда сюда хвостиком помотала,
Подъехала к нему, и тотчас уласкала;
Уже мой командир пред бабою погас,
Утихнул и закис как будто ячный квас;
Хотя ей постегать он спину и ярился,
Однако ж наконец с старушкой помирился;
Тут не было меж их Гимена и любви,
И также пламени в застылой их крови.
Но им и не было большия нужды в етом,
Затем, что не зимой сие уж было, летом,
Они между собой спокойствия делят,
Без жару старички друг друга веселят.
Уж стала заживать ее любовна рана,
Когда ей командир стал другом из тирана.
Хотя прошло еще тому не много дней,
Как отбыл от сея Дидоны прочь Еней;
Но она не так как прежняя стенала

И с меньшей жалостью Елесю вспоминала;
Она уже о нем и слышать не могла,
Портки его, камзол в печи своей сожгла,
Когда для пирогов она у ней топилась;
И тем подобною Дидоне учинилась.

Конец третьей песни

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Уж Феб чрез зодиак Близняток проезжал,
Когда мой Елисей от бабушки сбежал,
Хотя и редкие из низкой столь породы
Любуются красой приятныя природы,
Но сей как в малом том Парижце побывал,
Он мыслил инако, и инак рассуждал:
Он знал уж например, что в свете есть амуры,
Что постоянные одни лишь только дуры;
Он знал, как надобно к кокеткам подбегать,
Он знал, как надобно божиться им и лгать;
Когда ж бы побывал в великом он Париже,
Конечно б был еще к дурачеству поближе.
Но шутка ль и в прямом Париже побывать,
Чтоб только на одни безделки позевать,
И только высмотреть живущих в оном моды,
Не тщася рассмотреть их права и доходы;
Узнать, чем Франция обильна, чем скудна,
И без других держав пробудет ли одна?
Какие ремесла, какие в ней науки.
Но ездят щеголи туда не ради скуки.
А если весело там время проводить,
Так должно по домам кофейным походить,
Узнать в какие дни там зрелища бывают,
Какие и когда кафтаны надевают,
Какие носят там тупей и виски,
Какие тросточки, какие башмаки,
Какие стёклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтоб выехав оттоль одеться без промашки,
И тем под суд себе подобным не подпасть,
Умети изъяснить свою бесстыдно страсть,
Вертеться, вздор болтать по самой новой моде,

Какая только есть во ветренном народе.
Подобно и ямщик сим ум свой наострил;
С манерными он сам манерно говорил.
Коль женщина б каким вертушкой ослепилась,
Елеса бы сказал: «она им зацепилась»,
А если бы он сам за кем таскаться стал,
Он множество бы слов манерных наболтал,
Которые когда б не очень тут приличны,
Так это от того, что слишком политичны.
И как об нем уж кто теперь ни полагай,
А он теперь совсем ученый попугай.

Уже пленил свой дух ямщик весны красами,
Пошел ко Питеру не улицей, лесами,
В которых множество росло тогда грибов,
И он бы набрал их хоть десять коробов;
Но не было при нем и маленькой плетюшки
Затем, что наскоро он отбыл от старушки,
Оставя у нее и собственный убор;
Он идет, веселя природою свой взор,
А солнце уж тогда с полудни своротило
И луч умеренный на землю испустило:
И так уж ямщика не очень больно жгло,
Там воды ясные, как чистое стекло
Между зелеными кустами извиваясь,
То инде меж собой в един ручей сливаясь,
Как сонные в берегах излучистых текли,
И образ над собой стоящих древ влекли,
И роза и нарцисс себя в них также зрели;
Там слышатся везде пастушески свирели,
Которы стерегли овец от зверей;
Там также слышался приятный соловей,
Который, пленник став прекрасная Венеры
Высвистывал любовь чрез разные манеры;
Тут стука не было от дятловых носов,
И также не было там филинов ни сов,
Казалось, что тут вся природа отдыхала;
Одна лишь горлица о милом воздыхала,
Которого в тот день лишилася она;
Елеса молвил тут: «вот так моя жена,
«Я думаю, меня теперь воспоминает,

«И будто горлица о мне она стенает.
«Хотя она без кос, но мне она мила»,
Такую мысль ему та птица родила.
Он лег на бережок под ветвия зелены,
Желая тем свои покоить томны члены,
Возлег и скоро он на нем тогда заснул;
Но криком женским быв встревожен воспрянул,
И се увидел он сквозь связь кустов сплетенну,
Бегущу женщину к нему окровавленну;
Она была собой изрядныя красы;
Расстеганная грудь, растрепанныя власы
Довольно бедствия ее предвозвещали,
И долго размышлять его не допускали;
Потом ямщик узрел бегущих двух мужчин
И уж касается одежд ее один,
Другой кричит: «постой! от нас ты не избудешь
«И нашей жертвою сей день конечно будешь».
Тогда Елеса, быв подвигнутый на гнев,
Стал легок яко конь, а силен яко лев:
Встает, и бывши сам невидим, нападает.
Подобно как орел на птицу налетает,
И вдруг озорнику такой вlepил удар,
Что разом кинуло в озноб его и в жар;
Другому дал тычка в живот своим коленом,
От коего он пал, как будто бит поленом;
Потом ударов им десяток рассовал;
Хотя он не был врач, и также коновал,
Но выпустил из них не мало лишней крови,
Подбил им обоим глаза, скулы и брови.
Но как он их щелкал, сам быв им невидим,
Чрез что помстилося буянам обоим,
Что будто подрались они с собою сами:
Схватилися, и ну меняться волосами,
Друг друга в рыло бьют и тычут по носкам;
Досталосся щекам, затылкам и вискам;
То вдруг расскочатся, то вдруг опять сопрутся
Как будто петухи задорные дерутся;
Так бились меж собой сии озорники:
Трещат их волосы, кафтаны, кушаки.
Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда.

Но наконец у них дошло и до того,
Не знаю, не драли они бы тут чего:
Досталось всему, и так они избились,
Что будто пьяные без чувства повалились.
Тогда ямщик мой тут промедлить не хотел,
Он с женщиной от них проворно улетел!
О радостный восторг! куда он духом всходит,
Ямщик в сей женщине жену свою находит.
Услуга днесь твоя, ямщик, награждена,
Ты спас молодушку, а в ней твоя жена!
Невинность часто рок от бедствия спасает,
А добродетель верх над злобой получает.

И тако наконец ямщик жену узнал,
Он снявши шапочку ее поцеловал.
Тогда весь плач ее на радость обратился.
«Не с неба ль, мнит она, мой муж ко мне скатился»;
Но он ей бывшее с собою рассказал
И повелительно ей тоже приказал,
Дабы она ему взаимно объявила,
Какая занесла ее в тот случай сила,
И за собой каких воров она влекла?
Она заплакала, вздохнула и рекла:
«Как только от меня ты в Питер отлучился,
«Тогда со мною весь несчастья верх случился:
«Твой брат не стал меня в дому своем держать,
«А я принуждена к тебе сюда бежать.
«И наконец когда я в Питер дотащилась,
«Тогда моя кошма совсем уж истощилась;
«Пришла в Ямскую я, тебя в Ямской уж нет,
«Все мнили о тебе, что умер ты, мой свет,
«А я осталася вдовою горемышной;
«Пристанищем моим мне стал завод кирпичной.
«У немца тамо я в работницах жила;
«И может быть, чтоб тут я счастлива была,
«Когда б его жена не столь была брюзглива,
«А больше етого она была ревнива;
«Но барин был ко мне как к ниточке игла:
«Однажды вечером, как спать уж я легла,
«А барин тихо встал со женщиной кровати,
«Пришел ко мне и стал по барски целовати.

«Проснулась жена, потом рукою хватъ,
«Ан стала бѣз мужа пустѣхонька кровать.
«Мы с ним лежим, а та с своей постели встала,
«И нас в другой избе лежащих с ним застала.
«Подумай, муженѣк, к чему бы ревновать,
«Что муж ее пришел меня поцеловать?
«Ведь он еще чрез то нисколько сделал худа,
«Что кушанья того ж поел с другого блюда.
«Он начал было тут жену свою ласкать,
«А та взбесилася и ну меня таскать;
«Как бешеная мне она глаза подбила,
«И в полночь самую меня с подворья сбила.
«Пошла я, а за мной пошла моя напасть;
«Боялась очень я в полицию попасть:
«Однако же сея беды не миновала,
«Попалася в нее и тамо ночевала,
«Но случай вдруг меня пречудный свободил;
«Не знаю, кто меня в кафтан перерядил.
«И тако по утру мне выбив палкой спину,
«Пустили из нее на волю как детину...»
Елеся у нее тут речи перебил,
«Ах, жонушка! я сам в ту ночь в полицьи был;
«Так выпущена ты в моем оттоль кафтане,
«Затем что я и сам вон вышел в сарафане,
«Но только кто меня одел в твой сарафан,
«Не знаю, для того, что был я очень пьян.
«Потом в Калининном я доме очутился;
«В котором весь я пост великий пропостился». На то ему опять рекла его жена:
«Когда я из тюрьмы была освобождена,
«Не знала, где в муском деваться мне кафтане:
«Пошла и пробыла ту ночь в торговой бане;
«Потом я перешла жить в дом к секретарю,
«Которого еще поднесь благодарю:
«Приказного казна на всякий день копилась,
«А с тем и жизнь моя по радостям катилась.
«Но вдруг несчастье наваяло на нас,
«Когда о взятках в свет лишь выпущен указ,
«Которым разорять людей им запрещали,
«А казнь преступникам строжайшу обещали:
«Тогда к поживкам он уж средства не нашол,

«Доволен прежним быв, в отставочку ушол.
«С хищением своим и с Питером расстался,
«Затем, что на себя не очень полагался;
«А я сегодня встав почти с зарею вдруг,
«Попалася на сих мошенников я двух.
«Они мне давеча навстречу лишь попались,
«Взглянули на меня и тотчас приласкались;
«Хотели для житья мне место показать.
«Но нечего тебе мне более сказать,
«Ты видел их самих намеренье безбожно,
«От коего бы мне избежать невозможно,
«Когда бы от него не ты избавил сам,
«И тако я должна тебе и небесам».

Когда бы Елисей не светский был детина,
Так много бы труда имела тут дубина,
Которою бы он хозяйку пощунял:
Но он уже как весь поступок светский знал,
Словесный выговор он ей употребляет,
И более ничем ее не оскорбляет,
Спросил лишь у нее: имеет ли пашпорт,
А та его вопреки: «зачем, мой свет, без порт?»
И оба как они друг другу изъяснились,
Скорее, нежели бы кто думал, помирились.
С пашпортом он велел немедля ей итти
По прямо бывшему ко Питеру пути,
И тамо ей велел в Ямской хотя пристати,
Дабы возмог ее со временем сыскати,
А сам простясь с ней остался в том леску,
Где думал утолить и ревность и тоску,
Которые его тревожили безмерно,
Что сердце женнино ему не очень верно,
Хотя он сам вовек не спускавал куме;
Однако ж у него всё немец на уме.

Когда мой Елисей о немце размышляет,
В то время Вакх к нему Силена посылает,
Дабы он утолил Елесину тоску,
Отведши прямо в дом его к откупщику,
Который более был всех ему досаден:
А Елисей и пить и драться очень жаден.

Уже его Силен за рученьку берёт,
И прямо в дом к купцу богатому ведёт,
Который на уезд какой-то водку ставил:
Привел, и в нем его единого оставил,
Сказав ему, чтоб он то делал, что хотел,
А сам ко пьяному дитяте полетел.
Елеся мой стоит и о попойке мыслит,
И водку в погребе своей купецку числит.
Сей был охвата в три и ростом был высок,
Едал во весь свой век хрен, редьку и чеснок,
А ежели ершей он купит за копейку
Так мнил, что тем проест он женню телогрейку.
Год целый у него бывал великий пост:
Лишь только не был скуп давати деньги в рост;
И упражняяся в сей прибыльной ловитве,
Простаивал насквозь все ночи на молитве,
Дабы господь того ему не ставил в грех,
Казался у церквей он набожнее всех.
А едакие все ханжи и лицемеры
Вдруг христианския, и никакия веры.

Умолкните шуметь дубравы и леса,
Склони ко мне свои, читатель, ушеса;
Внимая моя веселой лиры гласу,
Подвинься несколько поближе ко Парнасу
И слушай, что тебе я в песни расскажу;
Уже на ямщика как будто я гляжу:
Солгал бы пред тобой теперь я очевидно,
Когда б о ямщике сказал я столь бесстыдно,
Что будто задняя вся часть его видна,
По крайности его одета вся спина;
А только лишь одно седалище наруже;
Но эта часть его была привычна к стуже.
Когда одет ямщик был образом таким,
Он видит всех, никем сам бывши невидим;
Восходит полунаг в купечески палаты,
Подобно как пиит в театр без всякой платы;
Вошел и в доме он не видит никого
Не только что рабов, хозяина самого,
Лишь только на окне он склянку обретает;
Придвинулся, и ту в объятие хватает,

Тут скляница как мышь, а он как будто кот,
Поймал и горлушко к себе засунув в рот,
И тут уже он с ней как с девкою сосался,
Немедля в бывшей в ней он водке расписался.
То первая была удача ямщику.
Но он не для того пришел к откупщику,
Чтоб только едакой безделкой поживиться.
Он бродит там везде и сам в себе дивится,
Не обретаючи в покоях никого,
«Неужто, говорит, пришел я для того,
«Чтоб только скляночку мне ету лишь похитить,
«Я целый в доме сем могу и погреб выпить».
Сказал, и из палат как ястреб полетел,
Не найдет ли еще он в доме жидких тел;
Но он на задний двор зашел и обоняет,
Что тамо банею топленою воняет;
В ней парился тогда с женою откупщик,
Прямехонько туда-ж забился и ямщик;
Но в бане видит он уж действия другие,
А именно он зрит два тела там нагие,
Которы на себя взаимно льют водой:
То сам был откупщик с женою молодой;
Не знаю отчего пришла им та охота.
Но я было забыл: была тогда суббота,
А етот у купцов велик в неделе день.
Тогда ямщик вступил в палаческу степень:
Он, взявши в ковш воды, на каменку кидает.
Там стало, что ямщик обеих их пытается:
Переменяется приятный в бане пар
На преужаснейший, и им несносный жар,
Который для купца немножечко наскучил:
Он думал, что его то сам лукавый мучил
За многие его при откупе грехи.
Уже оставили полочные верхи,
На нижние они с превыспренних слетают:
Но что? и тамо жар подобный обретают!
Во всей вселенной их единый стал климат:
В ней прежде был Едем, а ныне стал в ней ад.
Нельзя с невидимой им властью стало драться,
Приходит обоим из бани убираться:
Забыл мужик кафтан, а баба косники,

Он только на себя накинул лишь портки,
А жонка на себя накинула рубашку,
И оба через двор побегли на опашку.
Алцеста тут жена, а муж стал Геркулес.
На ту беду у них был в доме дворный пес,
Который обоих хозяев не узная,
Вдруг бросился на них как Цербер адский лая
И прямо на купца он сзади тотчас скок,
Влепился к новому сему Ираклу в бок
И вырвал из боку кусок он как из теста.
Укушен Геркулес, спаслася лишь Алцеста.
На крик откупщиков сбегается народ.
О жалкий вид очам! о странный оборот!
Узрели нового тут люди Геркулеса;
Таскает по двору домашняя повеса,
А древний адского дубиной отлощил
И взявши за уши из ада утащил.
Однако ж кое-как героя освободили
И в дом препроводя на скамью посадили.
Он стонет, иль сказать яснее, он кричит,
И меж стенанием слова сии ворчит:
«Ты, жонушка, меня сегодня соблазнила,
«Что баней мужика ты старого вздразнила,
«Не сам ли в том тебя наставил сатана?
«Ах нет! не он, но ты виновна в том одна».
Так старый муж свою молодушку щуняет,
Виновен бывши сам, напрасно ей пеняет:
Неужли ей искать чужого мужика!

Но мы оставим их, посмотрим ямщика.
Хозяев выжив вон, ямщик помылся в бане,
И вышел из нее в купеческом кафтане.
Так стал Елесья мой совсем теперь одет,
Однако ж в шапочке его как будто нет.
Купчина был велик, ямщик был средня роста,
Так стал в кафтане он как в рясе поп с погоста.
Невидимый никем, выходит он на двор,
Бросает он по всем местам свой жадный взор,
Он только что о том намерен был стараться,
Каким бы образом до погреба добраться:
Однако ж в этот дець его он не нашел

И паки в дом купца как в свой Елесея вшел.
Меж тем уже покров свой ночь распростирала
И чистый весь лазурь как сажей замарала,
А тучи к оному чинили большой мрак.
Елесея в дом заполз в кафтане будто рак
И прямо под кровать купецку завалился.
Купец тогда и сам с женою спать ложился;
Кладя раскольничьи кресты на жирной лоб,
Читал: «неужели мне одр сей будет гроб?»
Жена за ним тогда то ж самое читала
И мужу одного с усердием желала.
Лишь только откупщик на одр с женою лег,
Тогда ужасный вихрь со всех сторон набег;
Остановилася гроза над самым домом,
Наполнился весь дом блистаньем и громом,
Над крышкою его во мраке страх повис,
Летят и дождь и град и молния на низ.
Премена такова живущих в ужас вводит:
Не паки ли Зевес в громах к Данае сходит?
Не пакиль на нее он золотом дождит,
Да нового на свет Персея породит?

Не Зевс, но сам ямщик встает из-под кровати
Идет с купецкою женою ночевати.
Когда хозяина треск грома разбудил,
Он вставши со одра и свечку засветил,
Отводит тучу прочь молитвами от дома;
Но гром не слушает такого иконома,
Который животы неправдою сбирал,
И откупом казну и ближних разорял.
Хозяйка между тем сама не поживает,
Но только тянется в одре и поведает,
Елесея для себя удобный час обрел,
Он встал и на одре хозяйку узрел;
Меж глаз ее сидят усмешки и игорки,
Пониже шеи зрит две мраморные горки,
На коих также зрит два розовы куста;
Приятное лицо и алые уста
Всю кровь во ямщике к веселью возбуждали
И к ней вскарабкаться на ложе принуждали.
Не мысля более, он прямо к ней прибеж

И вместе на кровать с молодушкою лег.
Она не зрит его, лишь только осязает,
В ней кровь тогда кипит и купно замерзает,
В единый час она и тлеет и дрожит,
И во объятиях невидимых лежит;
Что делается с ней сама того не зная,
И тем-то точная она была Даная.
Меж тем уже гроза ужасная прошла
И ночи прежнюю приятность отдала:
Тогда пришел купец к жене своей обратно,
Зовет по имени хозяйку многократно:
«Проснися, душенька, проснися ты, мой свет!
«Все тучи прочь ушли, и страха больше нет».
Жена ему на то с запинкой отвечает,
А старый муж ее движенье примечает;
Толкнул ее рукой тихошенько он в бок,
Елеся с сим толчком тотчас с кровати скоч;
А баба будто бы в то время лишь проснулась,
И к мужу на другой бочок перевернулась.
Тут муж спросил по том любезную жену:
«Конечно видела во сне ты сатану,
«Что тело всё твое от ужаса дрожало?»
Тогда ей говорить всю правду надлежало:
«Голубчик муженёк! я видела во сне,
«Как будто что лежит тяжелое на мне».
А этот суевер немедля заключает,
Что будто домового его с ней разлучает.
Ворчит ей: «жонушка, на свете сем всё есть.
«Я завтра же велю старушку в дом привести,
«Котора сделаться умеет с сатаною:
«Теперь не бойся ты и спи, мой свет, со мною».
Ямщик услыша то и сам как суевер
Не хочет над собой увидеть сей пример,
Чтоб из дома его как чорта вон погнали,
Встает и из палат выходит в злой печали,
Что старый чорт его с хозяйкой разлучил,
Конечно сам его в том дьявол научил.
Что хочет он послать назавтра по старушку,
А эта бабушка сыграет ту игрушку:
Она сюда сзовет чертей и целый ад,
Которые меня изгонят из палат,

Я лучше к погребу его позаберуся,
Войду и изнутри замком я в нем запруся;
Пускай же выживет оттоль меня она,
Где много для меня и водки и вина.

Конец четвертой песни

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

О муза! умились теперь ты надо мною,
Расстанься хоть на час с превыспренней страной;
Накинь мантилию, насунь ты башмаки,
Восстани и ко мне на помощь притеки.
Не школьник у тебя об этом просит Спасский,
Но требует ее себе певец Парнасский,
Который завсегда с тобой в союзе жил
И со усердием сестрам твоим служил.

И се! я слышу глас с ее высока трона:
«Послала я к тебе давно уже Скаррона;
«Итак не льстись теперь на помощь ты мою,
«Я битву Чесмскую с Херасковым пою:
«Он мною восприяв настроенную лиру
«Гласит преславную сию победу миру;
«Я ныне действую сама его пером,
«И из-под рук его исходит важный гром;
«Но ежели и ты сим жаром воспылаешь,
«И петь оружие России пожелаешь,
«Тогда сама к тебе на помощь притеку,
«И всех подвижников деянья изреку.
О муза! лишь всели ты жар в меня сердечный,
Прейдет через меня то в роды бесконечны.
Приди и ободрю охоту ты мою,
Тогда на лире я песнь нову воспою.

А ныне паки я гудочик мой приемлю,
И паки голосу певца Скаррона внемлю;
Уже он мысль мою во след себе влечет,
Уже и слог его здесь паки потечет.

Лишь только Елисей до погребца доскрёбся,
Уже он живо в могиле сей погрёбся;

Хотя и заперт был он Павловским замком,
Но он его сразил с пробоев кулаком,
И смелою рукой решетку отворяет,
Нисходит в хлябь сию и тамо озирает
Расставлены везде боченки по стенам,
Там склянки видит он, бутылки видит там,
Он видит бочки там с вином сороковые,
Любуется узря предметы таковые,
Летает как сокол над стадом робких птиц,
Он видит лебедей и галок и синиц.
Лишь к первой он тогда бутылке прилетает,
Уж первую ее в объятия хватает,
Как глазом мгнуть, так он затычку ототкнул
И в три глотка сию он пташку проглотнул;
Потом придвинулся к большой он самой бочке,
Откупорил и рот приставил к средней точке,
Из коея вино текло ему в гортань.
Елесенька, уймись, опомнись, перестань;
Ведь бочка не мала, тебя с нее раздует.
Но он сосет, речей как будто и не чувствует.
Он после сказывал, и если он не лгал,
Что будто бы ему сам Вакх в том помогал,
Который со своей тут свитою явился
И обще с ним над сей работою трудился;
Что будто сам Силен бутылки оттыкал,
И будто сам из них вино в себя глотал;
Что духи Вакховы мертвецки были пьяни,
Кормилица, и все вино тянули няни.
Какой тогда всему был погребу разгром,
Клопочут скляницы, бутылки все вверх дном,
Трещат все обручи, вино из бочек льется,
И в них ни капельки его не остается.
Уже окончен был преславный етот труд;
Ушли из погрба, оставя винный пруд.
А откупщик, сего не ведая разгрома,
Покоится среди разграбленного дома;
Но только лишь с своей постели он восстал,
Работника как пса к себе он присвистал,
И тотчас оногo к старухе посылает,
С которой гнать чертей вон из дома желает;
Такая-то ему пришла на мысли пыль!

Уже сия идет опершись на костыль,
Имея при себе бобы, коренья, травы,
И многие притом волшебные приправы.
Громы стрелки тут, иссохлы пауки,
Тут пальцы чортовы, святошны угольки,
Которых у нее в мешке с собой немало;
И в сем-то знанье сей Медеи состояло.

Лишь только в дом она ступила чрез порог,
Повергла на скамье чиненой свой пирог,
В котором были все волшебные приборы,
Бобы и прочие тому подобны вздоры.

Уже мой откупщик навстречу к ней течет,
И с благочинием он бабушке речет:
«Помилуй, бабушка! на нынешней неделе
«Всем домом у меня здесь черти овладели;
«Вчера меня один из бани выгнал вон,
«Другой нанес жене ужасный самый сон,
«Сие случилось прошедшей самой ночи,
«Помилуй ты меня, а мне не стало мочи!»
Лишь он сие изрек, ан ключник прибежал,
Который был в слезах и с ужаса дрожал:
О бывшей в погребѣ беде ему доносит.
Купец ряхнувшись попа в безумстве просит,
Дабы ему в своих грехах не умереть
И вечно во огне геенском не гореть.
О подлая душа! к чему ты приступаешь?
И сею ли ценой ты небо покупаешь?
Когда обиженны тобою сироты
На оное гласят, чтоб был во аде ты.
Такое ли тебе довлеет покаянье?
Да будет ад твой дом, и мука воздаянье.
Сперва обиженным ты щедро заплати,
И после прямо в рай на крыльях тех лети,
Которые туда честных людей возносят,
А на тебя тобой обиженные просят.

Но наконец его оставил смертный страх,
Опомнился купец у бабушки в руках,
И просит, чтоб она ему поворожила,

Откуда истекла сих бед ужасна жила.
Старушка говорит на то ему в ответ:
«О дитяtko мое! лихих людей не нет;
«Я знаю, что тебе злодеи то поместили,
«И ето на тебя по ветру напустили:
«Я всё тебе сие на деле покажу,
«Бобами разведу, и ето отхожу;
«Не станут больше здесь водиться в доме черти;
«Я выгоню их вон, иль всех побью до смерти.
«Третьёва дни меня просил один рифмач,
«Дабы я испекла такой ему калач,
«Который бы отшиб к стихам ему охоту;
«И я с успехом ту исполнила работу:
«Лишь только он рожок в желудок пропустил,
«С рожком свою к стихам охоту проглотил,
«И ныне больше сим дурачеством не дышет,
«Хотя не щегольски ж да прозою уж пишет.
«О если бы сему подобны рифмачи
«Почаще кушали такие калачи,
«Конечно б петь стихи охоту потеряли,
«И слуха нежного других не оскорбляли.
«Другой меня просил, чтоб был он стиходей,
«Он съел лишь корешок по милости моей,
«С тех пор спознался он и с небом вдруг и с адом,
«И пишет множество стихов дурным лишь складом;
«Однако ж кажется хорошим для него:
«Мне это сотворить не стоит ничего,
«Пропажа ли в дому какая где случится,
«Иль старый вздумает за девкой волочиться,
«Не празден никогда бывал еще мой труд.
«Купцы, подьячие со всех сторон бредут:
«Одни, что будут ли на их товары падки,
«Другие, — выдет ли указ, чтоб брать им взятки,
«Я всем с охотою бобами развожу,
«И никому из них неправды не скажу.
«Вчерась лишь одному врачу я отгадала,
«Что скоро свет его почтет за коновала,
«То предвещание немедленно сбылось,
«Сегодня в городе повсюду разнеслось,
«Что от лечьбы его большая людям трата:
«И так он сделался палач из Иппократа.

«А если пьяница хотя бы он какой,
«Я страсть с него сию снимаю как рукой!»
Тут всю свою болезнь купец позабывает,
И речь старушкину своею прерывает:
«Помилуй, бабушка, не делай ты сего,
«Чрез ето есть ущерб дохода моего,
«И едак откупы мне будет брать не сходно:
«А вот бы для меня что было лишь угодно;
Чтоб пьяницами весь соделался народ,
Чрез что ты сделаешь великий мне доход.
Тут бабушка ему: «я ето разумею,
«Но делать, дитяtko, я худа не умею».
На то ей откупщик: «так слушай же, мой свет,
«Не надобен такой мне вредный твой совет,
«Когда пияниц ты от пьянства отвращаешь,
«Так сим против меня ты чернь всю возмущаешь.
«А мне лишь надобно, чтоб больше шло вина:
«Так мне твоя теперь и помощь не нужна,
«Не верю как тебе, я бахарю такому;
«Возьми свои бобы и ну скоряй из дому,
«Доколе я тебя батожьем не взварил».
Се тако откупщик во гневе говорил,
А та как ласточка из дому полетела;
И множество чертей наслатъ к нему хотела,
Которые к нему как галки налетят
И весь его припас и выпьют и съедят;
За что купец велел нагреть старухе уши.
Се так поссорились тогда две подлы души!
Когда уже ямщик сей дом вина лишил,
Ушел, и погреба другие пустошил,
Тогда Зевес другим богам сие вещает:
«Вы зрите, как ямщик купцов опустошает
«И если я теперь им помощи не дам,
«Так сильного руке бессильных я предам,
«Вещайте вы: что мне творить бы с ним довлело?»
Тут всё собрание как море восшумело,
И шум сей был меж их поболее часа,
Потом ударились все в разны голоса;
Однако ж все они хоть разно рассуждали,
Но все его за то согласно осуждали.
Тогда отец богов сию предпринял речь;

«По-вашему его, я вижу, должно сжечь;
«Но я не соглашусь казнить его столь строго,
«Понеже шалунов таких на свете много,
«И если мне теперь их жизни всех лишить,
«Так должен я почти весь свет опустошить.
«Когда б и я, как вы, был мыслей столь нестройных,
«Побил бы множество я тварей недостойных,
«Которые собой лишь землю тяготят;
«И первых бы с нее льстецов я свергнул в ад,
«Жестокосердых всех, и всех неблагодарных,
«Неправедных судей, воров, друзей коварных;
«Потом не миновал и тех бы мой указ,
«Которые ползут без просу на Парнас.
«Помыслите же вы, чему я свет подвергну,
«Когда я тварей сих в дно адово низвергну?
«Послушайте меня: оставим месть сию,
«Я время каждому исправиться даю.
«Не столько виноват ямщик, как вам он зрится,
«Так ныне инако он мною усмирится;
«Чрез два дни у Руки кулачный будет бой,
«Где будет воевать сей новый наш герой;
«Он многих там бойцов ужасно завоюет;
«За братскую любовь носки им всем рассует.
«И се какой ему предел я положил:
«Хочу чтоб он один за нескольких служил;
«Вы узрите, чего сей будет муж достоин.
«Он был худой ямщик, а будет добрый воин».
Сие Зевес богам со важностью сказал,
И всем разехаться им в дома приказал.
Когда бы смертные все тако помышляли,
Дабы по склонности к делам определяли,
Тогда бы может быть негодный самый врач
Престал людей лечить, и добрый был палач;
Судья, который дел совсем не понимает,
И только за сукном лишь место занимает,
Он мог бы лучше быть, когда б он был кузнец.
Приемлют за серебро ошибкой и свинец.
Бывает добрый муж худой единоборец,
Порядочный дьячок прескверный стихотворец:
Итак когда бы всяк в степень свою попал,
Давно б в невежестве уж свет не утопал.

Уже настал тот день, стал слышен рев медвежий,
На рев сей собралось премножество невежей,
Стекается к Руке со всех сторон народ,
Там множество крестьян, приказных и господ:
Одни между собой идут туда сражаться,
Другие травлю медвежей забавляться.
О утешение! от скуки позевать,
Как псы невинного там зверя будут рвать;
Иль над подобными глумиться дураками,
Как рыцарствуют бясь взаимно кулаками.
Там несогласие стоит уже давно,
И злоба там бойцам разносит всем вино,
Невежество над всем там власть свою имеет;
А мудрость в сих местах явиться не посмеет.

Уже к сражению стояли две стены,
И славные бойцы вином напоены,
Которые сию забаву составляли,
Вытягивались, и руки поправляли;
Один снимал с себя и шапку и кушак,
Другой навастривал на ближнего кулак,
Иной до пояса спустя свою рубашку
Примеривался как итти ему в размахку,
И как сопернику за братскую любовь
Спустити из носу его излишню кровь,
Или на личике фонарь кому поставить,
Чем мог бы всех на то смотрящих позабавить.

Меж тем Зевес окно в зените отворил,
И тако всем тогда бессмертным говорил:
«Да будет, боги, вам сие известно ныне.
«Выглядывать отсель лъзя богу и богине,
«Как некогда со мной вы зрели с сих же стран
«На битвы страшные меж греков и троян;
«Но вы меня тогда нередко облыгали,
«Украдкой обоим народам помогали.
«А ныне ежели кто помочь дать дерзнет,
«Тот гнева моего никак не ускользнет.
«Помощник целый год как гладный пес порыщет,
«Ни в банях, ни в тюрьмах убежища не сыщет;
«Хотя бы посреде он скрылся кабака,

«И там велю ему натывать я бока,
«Доколе не пройдет сие урочно время.
«Как хотите, а вы не суйтесь в его стремя».
Тогда они свои потупили глаза
И ждали как сия минует их гроза,
Смирнѣхонько вокруг Зевеса все сидели,
И только как сычи в окошечко глядели.

И се настал уже жестокой битвы час:
Сначала стал меж их ребячий слышен глас;
И в воздух раздались нестройные их крики,
А его было тут в подобие музыки.
Как туча помрачив чистейший оривонт,
Облегшись тягостью своей на тихий понт,
Ужасной бурей на влагу лишь подует,
Престанет тишина и море возбунтует,
Потом ударит гром из темных облаков.
Подобный оному стал стук от кулаков,
И с пыли облака густые в верх вьются,
Удары громкие по рожам раздаются,
Льетса из носов кровавая река,
Побои чувствуют и спины и бока,
И от ударов сих исходят разны звоны;
Разносятся везде пощечин миллионы.
Один соперника там реанул под живот,
И после сам лежит повержен яко скот;
Другой сперва пошел на чистую размахку,
Нацелил прямо в нос; но сделавши промахку,
Отверз свободный путь другого кулакам,
А тот как по торгу гуляет по щекам.
Иной тут под глаза очки другому ставит,
Иной соперника схватя за горло давит,
Иному сделали лепѣшку из лица,
А он пошел в кабак, и выпив там винца,
Со прежней бодростью на битву устремился,
И лучше прежнего сквозь стену проломился.

Се тако билися безмозглы мужики:
С одной страны купцы, с другия ямщики,
Как вдруг с купеческой страны герой выходит,
И спорника себе меж всеми не находит.

Подобно яко лев расторгнув свой запор,
Рыкает и бежит, бросая жадный взор
Ко стаду робкому пасущейся скотины,
В середине мягких трав прохладныя долины,
Где бедненький его увидя пастушок,
Из рук трепещущих повергнув посошок,
Единым бегствием живот свой избавляет,
А стадо хищнику на добычь оставляет.
Так новый сей Аякс, иль паче Диомид
Имея на челе своем геройский вид,
Вломился и делит кулачные удары:
Побегли ямщики как робкие татары,
Когда на их полях блеснул российский меч:
Так должны ямщики тогда все были бечь...
Но слог сей кудреват и здесь не очень кстати,
Не попросту ль сказать, они должны бежати,
А грозный тот герой как коршун в них летит
И кулаками их бегущих тяготит.
Смутились все как прах пред тучи грозной зраком;
Один падет стремглав, другой ползет там раком,
А третий как медведь пораненный рычит,
Четвертый яко бык ударенный мычит.
О бой, ужасный бой! без всякия корысти,
Ни силы конские, ни мужеские лысти,
Не могут быстроты геройския сдержать...
Всё хочется словам высоким подражать.
Уймися мой гудок, ведь ты гудишь лишь вадоры,
Так надобно ль тебе высоких слов наборы,
Посредственная речь тебе теперь нужна,
И чтобы не была надута ни нежна;
Ступай своим путем последуя Скаррону,
Скорее может быть достанешь ту корону,
Которую певцам Парнасский бог дает.

Герой купеческий ямских героев бьет
И нумерит им всем на задницах пашпорты,
Трещат на ямщиках рубашки там и порты.
Все думали, что он в руках несет перун,
И что он даст бойцам последний карачун:
Но вдруг лишился бой сего ужасна вида,
Когда пришел герой под сению Егида,

Сокрытый им от всех зрителей очей.
То был под шапкою своею Елисей;
Невидим никому он бой переменяет,
Смутил в единый час купцов и прогоняет,
Трясется от него их твердая стена,
А он на них кладет кровавы знамена.
От кулаков его все на розно делятся,
Не сотни перед ним, но тысячи валятся!
Победа к ямщикам прешла в единый миг,
И Елисей уже бойца того достиг,
Который воевал как чорт меж ямщиками:
Уже разит его Елеська кулаками,
И множество ему тычков в глаза вlepил,
Которыми его разбил и заслепил,
Свалился яко дуб секирою подсечен,
Лежит Елесею разбит и изувечен;
Три кpаты он себя с песку приподымал,
Три кpаты на него он паки уpaдал,
И наконец на нем лежит и чуть-чуть дышет
И Елисееву победу тамо пишет,
А попросту песок он задницей чертил,
Но встать с него в себе он сил не находил.
Движенья таковы всех к жалости подвигли.
Товарищи его тот час к нему достигли,
Полмертвого бойца в кабак перенесли,
И там ему вина на гривну поднесли,
Которым дух его ослабший ободрили
И паки тем ему дыханье возвратили.

Исправился купец, идет из кабака,
Вторично он в бою попал на ямщика;
Тут паки на него насунулся Елесья,
И паки раз ему десятка два отвеся
Сильные прежнего он дал ему толчок,
Он паки задницей повергся на песок;
Но так уже ямщик купца туда запрятал,
Что весь седалища в нем образ напечатал,
И сказывают все, кто ходит в тот кабак,
Что будто и поднесь в песке тот виден знак.
Ямщик, сразя его, разить всех начал стречных,
Умножа за собой побитых и увечных,

Загнал в тpущобу всех купеческих повед,
И словом он тогда был храбр, как Ахиллес.

Но можно ли кому с свирепым спорить роком!
Не знаю, кто с него сшиб шапку ненароком,
А он с открытою главою стал как рак.
Хотел было бежать с побоища в кабак;
Но тут его свои бегущего схватили,
Свели во свой приказ и на цепь посадили.
Сбылася истинна Зевесовых речей,
Елесеньке весь лоб подбрили до ушей:
Какой бы это знак, куда Елесю рядят,
Неужели его и впрям во службу ладят?
Увы то истинна! был сделан приговор:
«Елеська как беглец, а может быть и вор,
«Который никакой не нес мирския платы,
«Сведен в военную и отдан там в солдаты».

Конец пятой и последней песни

М. Д. ЧУЛКОВ

Михаил Дмитриевич Чулков

М. Д. ЧУЛКОВ

Биография Михаила Дмитриевича Чулкова, как и многих писателей XVIII в. мало известна. Неизвестен даже год его рождения. Традиционно указывается 1740 г.,¹ но, повидимому, он не соответствует действительности и назван как приблизительный. Немецкая редакция первого известия о Чулкове «Nachricht von einigen russischen Schriftstellern», появившаяся в Лейпциге в 1768 г., сообщает, что Чулкову около 30 лет (er erst gegen 30 Jahre alt ist). Это дает приблизительную дату рождения 1738 г. Но существует документ, опровергающий эти даты. К сожалению, документ этот двусмысленный. Это бронзовая дощечка для надгробного памятника Чулкову. Привожу ее полностью:

«Кого сей памятник печальный покрывает,
«Увы Чулкова прах под сим опочивает,
«Чулкова — друга муз, защитника сирот,
«Кто кроткия души трудов бессмертных плод
«Принесши облетел, как древо сил лишенно.
«Но где награда?... там... здесь всё мечта, всё тленно.

«Здесь погребено тело раба божия Михаила, молившего бога в жизни своей об отпущении грехов всем человеком, а ныне просит воззрящего на сие молити господя бога об отпущении его грехов: ибо кто человек еще жив будет и не согрешит.

«В жизни своей был он надворный советник, прозванием Чулков; жил 49 лет.

«Писано им самим на возвратном пути из Санктпетербурга в городе Вышнем Волочке 1783 года Декабря 20 дня, а преставился в Москве 1792 года Октября 24 дня».

Естественнее всего было бы предположить, что эта дощечка указывает действительный возраст Чулкова в момент его смерти. Это дает дату 1743 г. (или конец 1742 г.). Но возможно и другое:

¹ На основании «посемейного списка» от 4 августа 1785 г., где возраст Чулкова определен в 45 лет (см. «Книговедение» № 7—8, 1894 г., 3 сентября, стр. 16). Существует еще определение возраста Чулкова: в предисловии к «Пересмешнику» (1766) автор пишет о себе: «отроду мне двадцать один год», что дает 1745 г. (или конец 1744 г.) как год рождения. Однако, автор, обрисованный в предисловии «Пересмешника», очевидно — литературный образ, и последней датой можно пренебрегать. Такого же характера, очевидно, заявление Чулкова в 46 неделе журнала «И то и сё» (ноябрь 1769 г.), что ему исполнилось 25 лет; это дает дату — 1744 год.

вся надпись до черты принадлежит самому Чулкову и написана им в 1783 г. В таком случае датой его рождения будет 1734 г. Как мы увидим, это предположение ближе к вероятию.

Каково было его детство? Рассказывая в своем журнале «И то и сё» историю одного мальчика, отец которого был «слишком скуп, и когда попросил сын своего родителя, чтобы он нанял ему учителя, тогда отец несколько подсаживал, или откровенно вымолвить совсем рассердился и положил увещание свое на спине сыновней изрядною ремённою плетью», — Чулков к этому прибавляет: «Я сам тот, который говорю, имел почти равную участь с етим высеченным молзцом. Мой отец был не тароватее его на деньги и награждал меня розгами и плетью столько изобильно, что без стыда сказать... а что такое, о том сам господин читатель изволь догадаться и не поспесивсья» («И то и сё» 1769 г., январь, вторая неделя; ср. четвертая неделя «Письмо от странствующего молодца»: «[мой отец был] достаточен так, как олонецкий мужик, а нетароват как раскольник. Я жил в его доме больше невольником, нежели сыном, от рождения моего до пятнадцати лет не имел случая никогда рассмеяться, и совсем не знал, что то есть человеческое увеселение. По утрам готовился к побоям, после обеда страдал под розгами или под плетью, половину ночи плакал, а другую спокойно опочивал на том боку, на который можно мне было без боли опереться, а причиною тому была охота моя упражняться в словесных науках, которых отец мой столько не любил, как морового поветрия, и говорил, что кто много знает, тот уже отцу и матери не кормилец». Статьи в сатирическом журнале, понятно, не могут являться бесспорным биографическим источником, однако этим автобиографическим признаниям можно поверить.¹

Первым фактом биографии Чулкова, о котором сохранились свидетельства, является его участие в ярославских спектаклях, организованных Федором Волковым, в той группе молодежи, деятельность которой по традиции считается началом русского театра. В 1750 году Ф. Волков составил труппу, исполнившую на первом публичном спектакле драму «Эсфирь» и пастораль «Эвдон и Берфа». По этому поводу А. А. Шаховской писал: Федор Григорьевич Волков «начал обучать музыке, живописи и актерству своих меньших братьев Григория и Гаврилу, и некоторых соседских детей, одушевляя их способности пламенной душою вдохновенного артиста и составил

---

¹ Ср. подобную же картинку из детских воспоминаний: «Я вырос в том городе, в котором родился, а родился тут, где и воспитан. Учил меня русской грамоте российский мастер, у которого от утра и до вечера каждый день пропевал я аз, буки, веде и проч. как будто бы по ногам и кричал с ребятами во весь голос; ибо в нашем городе такое обыкновение, что крик от учеников можно услышать и в другом приходе. От чего к вечеру выходили мы от мастера так, как шальные, раскричим себе головы и кажемся добрым людям такими, которые недавно освободились от сильного угару. Однако сие не мешало нам препроводить остаток дня в реавости и гулянье, а домой приходили мы всегда вместе с ночью» («И то и сё», 42 неделя — октябрь).

первую русскую театральную общину; в ней отличались Михаил и Алексей Поповы, Михаил Чулков, Иван Нарыкин (Дмитревский) и родственник его Иван Соколов» («Летопись русского театра» в журнале «Репертуар», 1840 г., кн. VI, стр. 4). В примечании Шаховской отмечает, что речь идет именно о писателе Чулкове. Об участии Чулкова в труппе Волкова осталось одно весьма неточное по своей природе известие: водевиль Шаховского «Ф. Г. Волков или День рождения русского театра». По свидетельству автора, этот водевиль (в котором изображается первый спектакль труппы Волкова), «написанный со слов Дмитревского, представляет, сколько можно ближе к истине, это происшествие» («Репертуар», 1840 г., кн. VI, стр. 4). В водевиле Чулков назван молодым семинаристом, подобно Михаилу Попову. Роль ему отведена небольшая. Он расчесывает парики, играет в «Эсфири» наперсника, для чего наряжается в высокую турецкую чалму. Есть намеки на то, что уже тогда он не отличался драматическим талантом. Во втором действии он сообщает Волкову, что забыл себе заготовить бороду, но так как возраст наперсника не определен, то и просит разрешения играть безбородого. Волков отвечает: «Будь молод или стар, только знай свою роль». На это Чулков произносит реплику: «Постараюсь — *(уходя)* если могу».

Каков был возраст участников? Волков родился в 1729 г., но он был старше своих товарищей. Дмитревский родился в 1734 г. или близко к этой дате.

Таким образом из двух возможных дат: 1743 и 1734 за год рождения Чулкова надо признать 1734. Допуская правильность первой даты, мы приходим к маловероятному предположению, что семилетний Чулков играл в труппе Волкова вместе с 16-летними товарищами.

Вероятно к этому времени относится первое знакомство Чулкова с Майковым. Греч в «Историческом взгляде на русский театр до XIX столетия» («Русская Талия» 1825 г., стр. 19) сообщает, что театральная деятельность Волкова развивалась «при пособии г. Майкова, предложившего на устройство театра дом отца своего». Названный здесь Майков, конечно, поэт Василий Иванович. Таким образом дружба Майкова с актерами ярославской труппы, с Дмитревским и другими, начинается еще с 1750 г. Возможно, что с этого же времени начинается и вражда Чулкова с Майковым.

В 1752 году Елизавета выписала в Петербург ярославскую труппу Волкова. Труппа прибыла в составе 12 человек 3 февраля и в первый раз играла 18 марта. Как пишет В. Всеволодский, «Братья Волковы, Шумский и Чулков и др. играли в это время то «на имевшемся в Большой Морской Немецком театре», то в доме Головкина. 16 декабря 1752 года двор уехал в Москву, с ним уехали и эти последние актеры (Общ. Арх. Гл. Шт., оп. 119, св. 39.)» («Ежегодник имп. театров», вып. I, 1912, стр. 22).

В начале 1754 года московская труппа лишилась Ф. Волкова, который был направлен на обучение в Петербургский шляхетский кадетский корпус. В мае того же года двор уехал в Петербург, и судьба московских артистов неизвестна. Повидимому они не последовали за двором в Петербург.

В 1755 г. основывается Московский университет. Университет был не только высшим учебным заведением: при нем была гимназия из двух отделений — для дворян и для разночинцев. В следующем же году при университете учрежден был театр, в котором играли студенты и воспитанники гимназии под руководством директора М. М. Хераскова. Очевидно к этому времени относится и привлечение в университет артистов бывшей ярославской труппы Михаила Попова и Михаила Чулкова. В своей автобиографии Чулков пишет, что «в младенчестве» обучался в Московском университете. Очевидно речь идет о гимназии. Сохранились учебники Чулкова; на одном из них — рукописной риторике — надпись на латинском языке: Ann: D: 756 in Ann: 757 Sunt ex libris Michaelis Czulkoff (1756—1757 гг., из книг Михаила Чулкова). Это дает приблизительно время пребывания Чулкова в университете. Оставался он там недолго. В 1756 году был основан придворный театр в Петербурге с Сумароковым во главе. Основным ядром новой труппы явились ярославские артисты. Можно предположить; что Попов и Чулков были затребованы из Мссквы. К сожалению, о пребывании Чулкова в придворной труппе дошло до нас мало сведений. Кое-какие данные дают афиши, помещенные в «Хронике русского театра» Носова, но самая хроника внушает мало доверия к себе: в ней совершенно перепутаны даты, а иногда и самое содержание афиш. Имя Чулкова встречается в афишах 1757, 1759 и 1763 годов. Приведена и одна более поздняя (не позднее осени 1765), но она не датирована. ¹ Повидимому Чулков был не из удачливых актеров. Известна эпиграмма на его игру в трагедии Сумарокова «Синав и Трувор»:

Восплачь, Чулков! твоё вчерашне представленьё
У зрителей ввело тебя во омерзенье,
О смерти Трувора ты очень гнусно выл;
Достоин твоего герой сей плача был,
Игранием твоим покойник остыл,
Но более его псаломщик осрамился. ²

---

¹ В книге В. Шкловского «Чулков и Левшин», вышедшей в свет после написания настоящего очерка, приведены документы, из которых явствует, что Чулков был еще в гимназии в мае 1758 года, что актером придворного театра он стал в марте 1761 г., а придворным лакеем был зачислен в феврале 1765 года с окладом «по сороку рублей в год».

² Эпиграмма эта написана актером Соколовым. Чулков отвечал на нее:

Престань, о понамарь! других ты обижать;
И можно ли тебе о людях рассуждать,
Когда родился ты скотом преузорочным,
И имя хочешь то на веки сделать прочным?
Вспомни ты свое в трагедьи представленьё
И вообрази себе тогдашне посрамленьё;
Единодушно так тебя все осмевали
И кучером тебя негодным называли.

Очевидно смерть Волкова в 1763 г. явилась одной из причин конца артистической карьеры Чулкова. Правда, уйдя из театра, он сохранил хорошие отношения с администрацией, что видно по посвящению «Краткого мифологического лексикона» в 1767 г. директору придворного театра В. И. Бибикову. Однако, вероятной причиной ухода Чулкова была его неспособность на артистическом поприще. Во всяком случае, в 1766 г. мы его застаем в звании придворного лакея. Так он подписался на заявлении своем в Академию Наук по поводу печатания книги его «Пересмешник, или Словенские сказки». Так же называет его Н. Новиков на расписке в получении экземпляров этой книги.

Чулков не вспоминает впоследствии о своем актерском прошлом. Его позднейшая чиновничья карьера не соответствовала первым его шагам в жизни. Поэтому даже возникало сомнение: тот ли это Чулков был актером. Не разные ли лица Чулков-писатель и Чулков-актер? ¹ Между тем актерство Чулкова несомненно. Сохранился автограф его подписи «Актер Михайло Чулков», воспроизведенный под его портретом, приложенным к изданию его песен 1913 г. Эта подпись совершенно тождественна с подписью под явлением в Академии (воспроизведено в издании «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» Семенникова, 1915 г., стр. 135). Писателя Чулкова отождествлял с ярославским актером Шаховской, ссылавшийся на Дмитревского, товарища Волкова, дожившего до 1821 г. Точно также Арапов в «Летописи русского театра», сообщая штаты русской

Пожалуй, ты теперь названья не теряй!
Ослом скажися ты всем людям поскорей,
Чтоб от тебя того не требовали строго,
Чего от дурака и так уж слишком много,
Что кучером царя прескаредно сыграл.

На это Соколов ответил потоком брани:

В оглоблю вышины хоть рост ты и имеешь,
Но сколь велик, столь глуп, стилия не разумеешь.
Чертополох, верблюд, балабан, ротозей,
Одер, осел, брыле, верзила, фалалей,
.....
Воронье пугало! престань бесчинно врать,
Ведь не болото здесь: престань, дурак, орать!

(См. «Библиографические записки» № 17, 1859 г. стр. 522, А. Н. Афанасьев, «Образцы литературной полемики».)

¹ М. И. Лонгинов был такого мнения. См. «Русский Архив» 1870 г., стр. 1364, и 1873 г. II, стр. 2042. То же утверждает автор биографии Чулкова в «Русском биографическом словаре» Ястребцев. На том же настаивают В. Шкловский и Н. Хаджиев (см. В. Шкловский «Чулков и Левшин»), отрицая участие Чулкова в Ярославской труппе Волкова и считая точной дату рождения 1743 г., с которой, по их мнению, согласуются и автобиографические показания Чулкова.

труппы 1767 г., делает примечание: «К этому же времени принадлежал актер Михайло Чулков, тоже сотоварищ Фед. Гр. Волкова; он оставался не долго на сцене и сочинил небольшую комедию: «Как хочешь назови». Актер Чулков сделался особенно известным изданием Пересмешника» (стр. 83). Арапов мог знать это от того же Дмитревского: «Дмитревский много рассказывал мне о своем театральном поприще и о эрмитажных спектаклях» говорит, Арапов, сообщая о своем знакомстве с этим артистом в 1814 г. (стр. 230).

Ко времени актерства относятся первые литературные опыты Чулкова. Им была написана коротенькая комедия «Как хочешь назови». Пьеса эта имела успех и долго не сходила со сцены. В анонимном, появившемся в 1768 г. на немецком языке, «Nachricht von einigen russischen Schriftstellern»¹ сообщается, что это, «очевидно, слабая критика на комедии Лукина». Если это так, то, вероятно, «критика» заключалась в утрированном образе болтуна Мамонта, претендента на руку героини комедии Ефимии. В таком случае объектом критики является комедия Лукина «Пустомеля», поставленная в 1765 году.

Если доверять сообщениям Носова, то можно подозревать, что Чулков был автором еще двух комедий: «Именинник, или пришли на обед да замку поклонились» (январь 1763 г.) и «О времена! о век! и это человек!» (1765(?) г.).

Переход из состояния актера в состояние лакея был, очевидно, вынужденным. Лакеем Чулков оставался недолго. Два документа о его лакействе датированы 1 февраля и 5 апреля 1766 г. В это время он печатает своего «Пересмешника». Когда книга вышла в свет, автор ее в лакеях уже не состоял: в рапорте о том, что «Пересмешник» напечатан, 3 ноября 1766 г. Чулков назван «двора Е. И. В. отставным лакеем» (Семенников, «Материалы», стр. 74 и 132).

Звание лакея причиняло Чулкову и в дальнейшем неприятности. Так, печатая в 1770 г. «Собрание разных песен», он имел неосторожность внести в произведение Сумарокова некоторые изменения. Сумароков обиделся. Декламируя в 1771 г. в предисловии к «Дмитрию Самозванцу» против падения русской литературы, выразившегося, по его мнению, в том, что в литературу пришли не дворяне, он писал: «Подъячому (переводчику «Евгении» Бомарше, Николаю Пушкинову, восторженно отозвавшемуся об этом специфически буржуазном произведении) соплетать похвалы вкуса княжичей и госпожичей московских толь маловместно, коль непристойно лакею, хотя и придворному, мои песни, без моей воли, портить, печатать и продавать».

---

¹ Автором этого перечня русских писателей с краткими данными о них считался, после работ Сухомлинова, Дмитревский. В настоящее время гипотеза Сухомлинова отвергается. Автором называют А. Волкова или Домашнева. Во всяком случае это было лицо, хорошо знакомое с театром (см. «Известия Академии Наук СССР», VII серия, Отделение общественных наук, 1931 г. № 8, статьи П. Н. Беркова, А. И. Лященко и Д. Д. Шамрая). Возможно, что это был В. Лукин (см. дальше, комментарий к «Елисею»).

В следующем 1767 г. Чулков уже является придворным квартирмейстером (так он подписался на заявлении о печатании «Краткого мифологического лексикона», в феврале).

Как видим, о служебной карьере Чулкова узнаем мы из документов, свидетельствующих о его литературных трудах. Его литературные работы доставили ему успех. «Пересмешник» имел особенную удачу у читателей. Вышло всего пять частей этой книги (содержащей 100 «вечеров», в течение которых рассказываются всякие новеллы; им предшествуют десять вводных глав); первые части вышли при жизни Чулкова третьим изданием.

Изданием книги «Пересмешник» Чулков заявил себя как крупный прозаик-новеллист. Чулков-прозаик — явление чрезвычайно любопытное и требующее особого изучения. Он уже привлекал внимание исследователей. Из последних работ можно назвать статью В. С. Нечаевой, Русской бытовой роман XVIII в. М. Д. Чулков («Ученые записки Института языка и литературы», том второй, М. 1928 г.). Сообщаем здесь общий вывод автора: «Разночинная писательская масса выделила в третьей четверти XVIII века небольшую группу писателей, которая осознала господствующий литературный стиль как чуждый и враждебный себе и сделала попытки, отталкиваясь от него, создать свое литературное направление. Чулков, Матвей Комаров, Василий Майков, Михаил Попов выступили как снижатели высокого классического стиля, его сознательные вульгаризаторы и создатели стиля бытового, натуралистического. В прозе исключительно почетное место в этом отношении принадлежит Михаилу Чулкову. Пародируя героический и рыцарский роман, он противопоставлял ему роман бытовой, воспроизводящий современную ему русскую жизнь. В поисках новых форм и стиля он обращается к разным литературным источникам, западноевропейским и национальным, но главным образом ему помогала его наблюдательность в сфере окружавшей действительности. Он создал бытовую новеллу и бытовой роман. В центре их он поставил несколько излюбленных образов, объясняющих социальное происхождение нового литературного жанра. Это прежде всего образ умного симпатичного бедняка, делающего карьеру, благодаря своей ловкости, приспособляемости к окружающей среде. Во-вторых, это образ бедняка-неудачника, обиженного жизнью, являющегося жертвой существующего порядка вещей. В-третьих, это образ представителя враждебного двум первым категориям социального слоя: образ дворянина или дворянки, соединяющих в себе все порочные качества. По преимуществу это дворяне недавнего происхождения, потомки вчерашних чиновников-взяточников. Но и древняя аристократия находит свое сатирическое отображение в романах Чулкова. Все перечисленные образы, так же как и художественные приемы, язык, каким они изображены в произведениях Чулкова, глубоко противоречили современным литературным традициям» (стр. 40).

Возвращаемся к фактам биографии Чулкова. В сентябре 1767 г. мы застаем его в Москве. Поездки его в Москву, очевидно, происходили часто. Вероятно объясняется это тем, что по своему социальному составу Москва была в большей степени потребительницей книг Чулкова и туда он ездил по делам продажи своих

изданий. В октябре 1768 г. появилось уже цитировавшееся «Известие» на немецком языке, доставленное редактору лейпцигского журнала русским путешественником. В этом известии Чулков назван «придворным парикмахером» (в статье о нем самом и вторично в статье о М. Попове, где указывается на вероятное сотрудничество этих двух авторов). Неясно, следует ли это понимать как указание на действительное состояние Чулкова в 1768 г., или как намек на его лакейское прошлое, или, наконец, просто как сатирический выпад против Чулкова, в котором автор «Известия» видел антагониста уважаемого им Лукина. Чулков, умалчивающий вообще о своем прошлом, слишком часто возвращается к теме о парикмахерском искусстве в своем сатирическом журнале «И то и сё»: «человек добрый обещался поучить меня... человек он взрослый и весьма искусный парикмахер», писал он в первом номере журнала, и неоднократно возвращался к этой теме. Вряд ли писал бы он в этом тоне, если бы известие Лейпцигского журнала было совершенно точно. С другой стороны, свидетельство Шаховского в «Волкове» как будто подтверждает тот факт, что Чулков был театральным парикмахером (подобные пьесы писались с нарочитыми анахронизмами: женитьба Дмитревского вместо 1758 г. отнесена к 1750 г., Чулков назван «пересмешником» и тем предвосхищено название изданного им только в 1767 г. сборника; Шаховской совершенно сознательно мог по ходу действия приписать Чулкову функции, которые тот принял на себя, может быть, значительно позднее).

Как бы то ни было, но сложная карьера Чулкова служила, вероятно, пищей для разговоров. В третьем номере журнала «И то и сё» он писал: «многие граждане, те которые великие охотники переговаривать о других, то есть переливать из пустого в порожнее, сделали привычку говорить обо мне и то и сё. Иные рассуждают о моем состоянии, другие о поведении, а некоторые о моих сочинениях, и переговаривая таким образом, придерживаются сей пословицы: *Красно поле с розью, а речь с ложью*. Таким образом от самого моего рождения, как начал я себя чувствовать, привык уже к разным переговорам, и ко всему тому, чем награждают нас друзья, приятели, недруги и злодеи».

С 1769 г. началась журнальная деятельность Чулкова. Год этот ознаменован в русской журналистике появлением ряда сатирических журналов. «Всякая Всячина» Екатерины II легализовала этот род литературы. Появились «Трутень» Новикова, «Адская Почта» и «Смесь» Эмина. Чулков предпринял журнал под названием «И то и сё», выходивший еженедельно по вторникам. Журнал этот заполнялся преимущественно произведениями самого издателя, однако были у него и сотрудники. Так, принимал в нем участие товарищ Чулкова Михайло Попов; в первых номерах печатался Сумароков (ему принадлежит целиком шестой номер; впоследствии Сумароков разошелся с Чулковым; связаны они были, очевидно, еще со времени службы Чулкова в придворном театре, во главе которого стоял Сумароков). Сатирическое направление журнала обычно выражалось в личной полемике. Противниками Чулкова были Эмин и Майков. Высмеиванию этих двух писателей уделялось много места в журнале. Здесь же Чулков напечатал свои

сатирические поэмы. Кроме сатирического материала журнал содержал и разнообразный, преимущественно анекдотический, материал для чтения. Рассчитан был журнал на демократического читателя, о чем свидетельствует его цена: 2 копейки за номер.¹

Журнал прекратился с концом года. На следующий год, в мае, Чулков предпринял новый, ежемесячный журнал «Парнасский Щепетильник». Первоначально журнал был задуман как литературно-сатирический, но в дальнейшем он превратился в сборник разнообразного материала, в котором печатались, например, «Экономические примечания о пользе огородных корнеев» (сентябрь) или переводы исторических известий (декабрь). Несмотря на дешевую цену (15 коп. за номер), журнал успеха не имел и принес издателю только убыток. Этому журналу Чулков уделял, вероятно, меньше внимания. В журнале печатались Василий Рубан; были и другие сотрудники, например некий сенатский протоколист Стеф. Прок. Колосов (см. «Русское Обозрение» № 9, 1896 г., стр. 335—343, Д. Языков, «Любопытные книги»). Главной причиной неуспеха «Щепетильника» были, очевидно, новые цензурные условия, вследствие которых принуждены были прекратиться все сатирические журналы 1769 г. Дольше других журналов просуществовал «Трутень» Новикова, но и он прекратился в апреле 1770 г., причем издатель писал, обращаясь к читателям: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь». В предпоследнем номере Новиков отметил гибель сатирических журналов: «Всякая Всячина» протислась, «И то и сё» в ничто превратилось, «Адская Почта» остановилась, а «Трутню» также пора лететь на огонёк в кухню. Извещая о прекращении журнала, Новиков отмечал, что поколение еженедельных 1769 года сочинений с ним пресекается».

От журнальных работ Чулков перешел к романам. Но здесь он не имел удачи и вероятно по тем же цензурным условиям. Еще в 1769 году он напечатал мифологический роман «Похождение Ахиллесово». Роман этот был не в жанре чулковской бытовой прозы, и он решил перейти на нравоописательные романы. В том же 1769 году он собирался печатать сатирический роман «Бесстрашный гражданин», но роман этот не появился в свет. В 1770 году вышла часть 1 романа «Пригожая повариха, или похождение развратной женщины». На экземпляре этого романа, принадлежавшем М. Лонгинову, этот библиограф сделал следующую надпись: «Библиографическая редкость. У Сопикова не упоминается; у Смирдина в каталоге помещена под № 8435. Автор ее — М. Чулков. Вышел один только том; второй был запрещен и в свет никогда не выходил. Книга эта была из любимых у генералиссимуса знаменитого князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского. (Об этом романе Лонгинов писал в «Современнике» 1856 г., кн. 7.) Хотя интрига этого романа и заимствована из французского анекдота о любовнике, притворившемся убитым на дуэли, чтобы удалить соперника,

¹ Цены на журналы того времени вообще были низкими. Еженедельный «Трутень» стоил 4 коп. номер, «Смесь» — 2½ коп., «Ни то ни сё» — 2½ коп.; дешевле других была «Всякая Всячина» — 1½ коп. Ежемесячная «Адская Почта» стоила 20 коп., «Пустомеля» — 25 к.

испугавшегося преследования за мнимое убийство, но на основе этого анекдота дана сатирическая картина русского быта.

Но писательское ремесло приносило мало дохода. Необходимо было думать о карьере, тем более что незадолго до этого времени Чулков обзавелся семьей (он был женат на Анне Гавриловне Баталиной, и в 1766 г. у него родился сын Владимир). На этот раз обстоятельства сложились удачнее. Чулков стал чиновником. Первое известие об этом находим в словаре Новикова 1772 г., где Чулков именуется коллежским регистратором, находящимся при Правительствующем Сенате.¹ В месяцеслове на 1774 г. он значится коллежским секретарем. В Сенате он занялся изучением русского законодательства и составлением юридического справочника. Это доставило ему большую известность в чиновнических кругах. Кроме того, в согласии с тенденциями 80-х годов он посвятил внимание экономическим вопросам. В результате он составил некоторое состояние и приобрел даже имение. В наставлении малолетнему сыну, вступающему на службу, Чулков призывает его быть «достойным наследником отцовского имения, приобретенного неусыпными трудами» (помечено: 1785, мая 9 дня, село Коквино).² Издавая «Записки Экономические», Чулков упоминает в предисловии о своих «небольших деревнишках» и называет себя «мелкопоместным вотчинником». За эти годы характер его деятельности изменился. Об этом пишет Болховитинов: «Около 20 лет возраста своего отличал он уже себя многими изрядными стихотворениями и романами, а наипаче склонен был к критическим и сатирическим сочинениям. Но в созрелых летах обратил всё свое внимание к законоведению и трудился над сочинением сего рода нужных книг». Особенно много им напечатано было в 1788 году. К этому, приблизительно, времени относится его автобиография, которая и приводится здесь целиком.

ИЗВЕСТИЕ

«В книге, названной «Опыт Исторического Словаря о Российских писателях», напечатанной в 1772 году, под буквой Ч. напечатанная статья Чулков Михайло, коллежский регистратор и прочая, надлежит быть поправлена и напечатана так:

«Чулков Михайло Дмитриевич, надворный советник и Правительствующего Сената Секретарь, в младенчестве обучался в императорском Московском университете, и изучив одно токмо начальное основание словесных наук, взят был из оного с прочими по

¹ Перед этим в службе Чулкова, вероятно, произошел перерыв. В журнале академической комиссии, по поводу расчетов за «Краткий Мифологический Лексикон» в июне 1770 г. Чулков именуется «бывшим придворным квартирмейстером».

² Сын его служил в 1785 г. регистратором в Сенате. Имение было куплено в 1783 г. Оно находилось в Московской губ., Дмитровского округа, Каменского стану в сельцах Коквино и Бутово и дер. Поповской и состояло в 76 душах крестьян и 63 душах жецкого пола («Книговедение» 1894 г. № 7 — 8, стр. 16).

именному указу и определен в службу, в которой находясь сочинил и напечатал следующие книги: 1. Исторического описания российской торговли 7 томов, состоящие в 21 книге; оные напечатаны по высочайшему повелению на счет кабинета. 2. Краткий Мифологический словарь. 3. Словарь русских суеверий. 4. И то и сё, еженедельное сочинение. 5. Парнасский щепетильник, ежемесячное сочинение. 6. Славенских сказок или Пересмешника 5 частей. 7. Собрания разных песен 4 части с прибавлением. 8. Похождение Ахиллево под именем Пирры до Троянския осады 1 часть. 9. Пригожая повариха, 1 часть. 10. Плачевное падение стихотворцев, сатирическая поэма. 11. Наставление необходимо нужное для купцов, а особливо для молодых людей, 1 часть. 12. Краткая история о российской коммерции, 1 часть. 13. Словарь учрежденных в России ярмарок. 14. Экономические записки для всегдашнего исполнения в деревнях приказчику. 15. Сельский лечебник, или словарь врачевания болезней, бываемых в роде человеческого, в роде скотском, конском и птиц домашних 3 части. 16. Перевод прозаический с французского языка писем Петрарка к любовнице его Лоре переложил в стихи. *Сочинены, но не напечатаны:* 17. Словарь законов, временных учреждений, указов, суда и расправы Российского государства. 18. Юридический словарь с 1762 года юлия 28 дня. 19. Проект трактата между европейскими государствами для вечного истребления в Европе войны. 20. Краткие примечания об экономических крестьянах, обитающих около Москвы, во отношении нерадения их к хлебопашеству. 21. Словарь земледелия, скотоводства и домостроительства, 3 части. 22. Самозванец Гришка Отрепьев, сатирическая поэма в девяти песнях. 23. Проект для заведения купеческого банку при Санктпетербургском порте, которого сумма раздаваема быть должна купцам, претерпевшим несчастные приключения, и тем, кои за понижением цены при порте не могут продать привезенных товаров. 24. Две комедии, первая Добродельно нерадивый в 3 действиях, которой сочинено 1 токмо действие и утрачено; вторая Как хочешь назови, представленная в Санктпетербурге на Придворном театре неоднократно. 25. Лексикон или Словарь российского языка, сочиняем был обще с Михайлом Поповым, сочинителем книг под названием «Досуги», которого словарь до несколько тысяч вокабулов собрано было, то есть имен и глаголов и прочих частей грамматических славенского и русского языка; но как в Университетской типографии напечатан был лист словаря российского языка, и при том и объявлено, что уж и весь оный сочинен, и мы увидя из того листа, что расположение в нем было точно так, как мы свое сочинение расположили, того ради оставили сие дело и истребили его на всякие ненужности, и можно сказать, что много стоило труда истребить его, следовательно сочинить и еще того больше. 26. И еще многие мелкие сочинения, напечатанные в разных книгах». ¹

¹ Приведу даты и исправленные заголовки упомянутых Чулковым произведений: 1. Москва 1781—1788 гг. 2. Краткий мифологический Лексикон. СПб. 1767. 3. СПб. 1782 второе изд. Абевага русских суеверий. М. 1786. 6. 1766—1789. 7. 1770—1776. 8. СПб.

Уже один этот перечень достаточно характеризует автора и его симпатии. Чулков явно тяготел к купечеству, среди которого он, очевидно, находил читателя.¹ Характерно и его тяготение к буржуазно-либеральной публицистике Запада; об этом свидетельствует его неопубликованный проект вечного мира, очевидно заимствованный у аббата Сен-Пьера. О том же говорит список книг, которые он рекомендовал своему сыну. Вот этот список: «*Руссо*, Рассуждение о человеке; *Поппий*; Опыт о человеке; *Сократ*, Нравоучение; *Ениктет* Енхиридион и апофтегмы; *Кевит*, Картина света (эти два произведения пользовались распространением в среде франк-масонов); *Витобе*, поэма Иосиф; *Мармонтель*, Велизарий».

1769. 9. СПб. 1770. 10. СПб. 1769. 11. М. 1788. 12. М. 1788. 13. М. 1788. 14. 1788, второе изд. 1790. Ко второму изданию приложена настоящая автобиографическая заметка. 15. 1789—1790; пятая часть вышла после смерти автора в 1803 г. 16. Издание неизвестно. 17. Издано под названием: Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы 5 частей. М. 1791—1792. Остальные произведения остались неизданы. Евгений Болховитинов приписал Чулкову «Русские сказки» в 10 частях. СПб. 1780—1783 гг., указав на участие в этом издании Попова. Кроме того он же приписал М. Чулкову книгу «Древние сказки славян», 6 частей, М. 1787 г. Между тем эти сказки писаны Вас. Левшиным. См. Биографию Левшина в Русском биографическом словаре.

¹ Для определения круга знакомств Чулкова характерно посвящение вышедшей в 1782 году книги «Словарь русских суеверий». Книга посвящена М** С**** Г***; обращаясь к этому лицу Чулков называет себя его «приятелем» и человеком «много одолженным» им. В посвящении перечисляются заслуги М. С. Г. перед делом распространения технического образования в России, выразившиеся в жертвованиях на это дело, в отправке двух академических учеников в Англию для завершения образования, в проекте училища на юге России и т. д. Одолжения Чулкову заключаются в распространении его «Истории российской торговли» (рассылке по всем магистратам и ратушам), а главное в отправке в 1782 г. сына Чулкова в числе трех молодых людей в лучший европейский университет. Самая книга, посвященная М. С. Г., издана за его счет. По упоминанию Чулкова, что М. С. Г. — член Вольного экономического общества, легко определить что это — Михаил Сергеевич Голиков (1747—1788), богатейший курский купец, содержавший сперва сибирские питейные откупа, а с 1779 до 1783 г. — петербургские и московские. Голиков известен в литературе, так как его воспел Державин в оде 1780 г. «К соседу моему Г.» («К первому соседу»). В 1783 г. дела Голикова пришли в расстройство. Он был член Вольного экономического общества с 1778 года. С этого года он обязался ежегодно вносить 300 руб., с тем чтобы на 100 руб. приобреталось экономических книг. Державин, комментируя свою оду, писал: «Сей первый сосед был купец Михайло Сергеевич Голиков, содержавший в сем году с.-петербургские питейные сборы на откупу и сделавшийся по худому своему оным

Служебная карьера Чулкова протекала благополучно. В 1789 г. он подал в Московское депутатское собрание прошение о вписании его в дворянские книги (вероятно для укрепления за собой права на владение поместьем). Характеристику его как чиновника дала Екатерина в письме к Ник. Петр. Архарову 1 ноября 1791 года: «По разным поручениям от нас кабинету строениям, зная расторопность и проворство находящегося при вас надворного советника Чулкова, повелели мы числить его при кабинете нашем и употреблять как по оным строениям, так и по другим надобностям, которого и отправьте к нашему действительному тайному советнику Стрекалову» («Русский Архив» 1864 г., стр. 907).

Чулков умер через год, 24 октября 1792 г.

управлению и роскошной жизни несчастлив, что отдан был под суд за недозволенный провоз французской водки». Николай Полевой, дальний родственник Голикова, так характеризует его: «Роскошный, великодушный богач этот содержал на откупе Сибирь, Москву, Петербург, обладал миллионами, жил вельможески, изумлял своими пирами, весельем и умер не оставив детей. После него дела найдены в расстройстве, но и остатками обогатились все его родственники... Последние годы *Соседа* были отравлены болезнями, горестями, неблагодарностью знатных и изменою близких людей...» («Очерки русской литературы», СПб. 1839 стр. 51).

СТИХИ НА КАЧЕЛИ

Скажи, о Муза, мне, как должно начинать,
Когда о чем-нибудь писатель хочет врать,
Чтоб выдати он мог за правду небылицу,
И сделал невзначай из вдовушки девицу;
Мы любим золото получше как серебро,
А если злата нет, то нам и то добро,
Коль бритвы негде взять, тогда и шило бреет
И нужда никогда законов не имеет.
Теперь намеренье идет мое к тому,
Чтоб знанием моим повеселить куму,
Которая стихов доброту точно знает,
Имеет нежный вкус и всякий день читает,
Не ставит высоко писца она того,
Который поучась, не знает ничего:
Хороши выдумки и замыслы высоки,
В поэзии не мнит принять их за пороки,
Не только рифмою одной в конце стихов.
Но услаждается и важностью слов,
Я автор ныне сам, и знаю аз и буки;
В Египет незачем мне ездить для науки:
Я смышлю всё, всю прозу уморю.
И храброго «Бову» в поему претворю.
«Петра златых ключей» сказание не складно,
Но с рифмами его в стихи поставлю ладно:
«Евдона Берфу» я в поэзию вмещу,
И дактилем об них иль ямбом возвещу;
Во всей подсолнечной не найдется примера,
Каким стихом пойдет «Арсас» и с ним «Размера».
Превысит красота стихов Парнасский тон,
Коль в виршах будет весь прехрабрый «Герийон»,
«Усыня богатырь» с тремя своими братья,
Не в прозе уж войдут к красавице в палаты,
В угодность кумушке голубушке моей,
Я всех переложу в стихи богатырей.
И виршами сплету «любовны вертоград»,

Которы строены без ведома Паллады.
Романы, сказки все стопами зазвонят
И больше прежнего читать себя взманят,
Чтоб сими повестьми в день скуку проводила,
А в вечеру б меня за то благодарила;
Но прежде, нежели я ими услужу,
Послушай-ка, кума, что я теперь скажу.
Читала ль ты когда во описаньи света,
Что бездною земля как ризою одета:
Ей служит Океян, как дому фундамент,
А реки выкладкой, как модный позумент,
Леса опушкою, а пуговицы горы,
Которы с тучами имеют часты ссоры,
Которые делают вершиной облака,
И льется с них вода как быстрая река:
Такой-то высоте я некогда коснулся,
И думаю сошел с ума тогда, рехнулся,
А страсти удержать не мог тогда мой ум,
И захотел быть вдруг твой стихотворцем кум.
Когда же малу часть Парнасса я наследил,
В то время на стихах и с виршами забредил,
Не ведая земли, коснулся облаков,
И врютился тогда я в шайку дураков,
Мой дух был восхищен, и я в восторг попался!
Прости, сказал земле, и к небу вдруг помчался,
Метал я облака в Ефире, как хотел,
И с ними как Икар стремглав и сам летел,
Но стихотворной кто наукой заразится,
То тот падения нимало не боится:
Он сам определит бессмертие себе,
Хотя угодно то иль нет его судьбе.
Он род свой поведет от музы и докажет,
И крылья сам себе без спросу всех привяжет.
Где кстати было мне, там горы рассыпал,
Мосты через моря и лавы полагал,
Дремучие леса передвигал в долины,
У многих славных рек я отнимал вершины,
И течь им запрещал, куда они текли,
Но чтоб стремление ко мне свое влекли,
Вселенной овладел моими я стихами,
И думал, что уже живу под небесами.

Потом я затащил в харчевню весь Парнасс,
Минервин на гумне послышался мне глас;
Церера на грядках крапиву во щи полет,
Юпитер на дворе дрова из платы колет,
Сатурн под окошком сквозь зубы чуть мичит,
Что ж делает он тут? старухам ворожит;
В трактире подгуляв Беллона зла с размаху
Французу пьяному дала такую вяху,
Что он оконницу затылком всю разбил,
Того для Ескулап тотчас его обрил,
Прехрабрый Геркулес с купцом из доброй ряды
Копает у него на огороде гряды:
Дияна ловлею увеселяет дух
И ловит не зверей, но ловит сидя мух,
На льду в Аравии Аврора рвет цветочки,
А Бахус в кабаке перемывает бочки:
Юнона на реке колотит холст вальком,
Нептун из пролубли выходит гогольком,
В ямщичьей шапке Марс на одноколке рыщет,
Буянит он, кричит, и по-бурлацки свищет.
Торгует выжигой по площади Плутон,
В волюнку на мосту играет Аполлон,
Виргилий и Гомер и вся ученых свита,
Меж лавок мелочных на рынке в кучу сбита.
О рае там они и Лазаре поют,
И что ни выпоют, то в кабаке пропьют.
Певцов сих рынок весь, кто криком оглушает,
Там Сафо о треске стихами возглашает.
Нелепость такову, которую я врал,
Без хвастовства сказать и сам не понимал;
Однако перестал сим бредом скучить миру,
И громогласную оставил вовсе лиру,
Но рифмотворная охота весела
По степеням меня к дурачеству вела,
Оставивши трубу, взялся я за свирелку,
Котору также все вменяют не в безделку,
Без нужды разогрел мою холодну кровь,
И на досуге я впустил в себя любовь.
Затеял всякий час стопами въздыхати,
Мне вздумалось в стихах для рифмы умирати:
Я в сутки раза три иль больше в ад сходил,

Нередко и свою любовницу водил,
Иль так, простившись с ней во гробе затворюся,
Но если плача нет опять и возвращуся.
Языком говорю, чего не знает ум,
И сердце ей даю без всех любовных дум,
Всего себя вручить намерен был ей смело,
Но только чтоб в стихах сие лишь было дело.
Овидия себе наставником избрал,
Который никогда как думаю не врал,
Писал он хорошо, остро, замысловато,
А я переводил гораздо плоховато,
И так нехорошо, что сей великий муж
Толико сделался по-русски неуклюж,
Колико в собственном наречии прелестен.

Латынский мне язык и русский неизвестен,
Других не знаю я, а прочих не учил;
Однако лишь перо в чернило омочил,
То вздумал о себе, что есть во мне примета
Такая, что мне быть учителем полсвета,
Так должно ли же в чем последовать кому?
Я дал свободный путь пространному уму,
Надулся как хомяк, хоть был и многих тише,
Грудь выставил вперед и поднял нос повыше,
Не шел дорогою, а вздумал целиком,
И в сем дурном пути не думал ни о ком,
Учиться не хотел, как выступить мне в люди
И бубны принимал не ведая за жлуди.
Гордиться может всяк, но всяк повинен знать,
Что должен первенство стихоткачу в том дать.
И так: последуя во всем своей я воле,
Как только выбрался на стихотворно поле,
То начал я искать средину во кругу
И каждый стих без прав, как ольху гнул в дугу.
Понес я на Олимп и моды и манеры,
Принудил всех богов взбеситься паче меры,
Богиню красоты в корнет я нарядил,
А Марсу шпагою французской угодил,
Минерва ослепясь обулась в черевички,
Которы были ей и долги и велики,
Почтенный Юпитер французский вздел кафтан,

И разных аромат наклал себе в карман,
И словом весь Олимп тогда перебесился,
По воле он моей по моде нарядился,
Вертится тамо Марс как модный петиметр,
Цепляет шпагой всех и платье рвет как ветер,
За блонды, кружева ефесом задевает,
Манжеты, выкладки и всё он раздирает,
За что-то Мома он, не знаю, зацепил,
Так тот его за то пощечиной снабдил,
А как сражение пошло сие в огласку,
Так после дал ему и Марс уже потаску,
Пошло сражение за моды каждый день,
Богини ссорились и ввали дребедень;
Юпитер усмотря такое в них нестройство,
И прежде утвердить желая там спокойство,
С Олимпа приказал тотчас меня согнать
И на дорбгу мне тузов с десятков дать,
Направивши мои к походу скоры ноги.
Узнал же я тогда, что мастера и боги
В затылок провожать и треухи кроить.

Такой поступок был удобен отвратить
Меня совсем уже от стихотворна слова;
Однако вздумалось мне завираться снова:
Еклоги были мне за первый в том предмет,
Я ими удивить намерился весь свет,
Зимою украшал долины я цветами,
Медведи за овец паслися там стадами,
А волки пастухи, свирели их хвосты,
Но мало тут еще изящной красоты,
Пастух под деревом на стуле заседает,
На место всех забав он лапти ковыряет,
Иль челобитную старается сплести,
Несклонну хочет он пастушку в суд вести,
Гражданскую во всем он наблюдает форму,
Дает своим овцам через неделю корму,
И если прибегут и станут есть просить,
То скажет так: я завтра буду вас кормить,
Ответ приказному служителю приличный,
А овцы к голоду гораздо необычны,
И так в Еклоге я как с час поговорю,

То сотни с три овец иль больше уморю,
Во время же сие пастушки разбредутся.
И как ни говори, так в рифму не кладутся,
Не мог я поймать в весь век мой ни одной,
И всякий у меня пастух был холостой.
Удачи не было и в сем стихотворенье,
И только лишь пришел у всех во омерзенье.
Охота смертная, но участь столь горька,
Что вздумал продавать стихи я с молотка,
Когда уж нет на них нималого походу,
И вижу, что они не надобны народу.
Торгуй-ка ты, кума, цена им ровно грош!
С подушкой ты даешь, твой выговор хорош,
Спасибо-су, кума, изрядная ты дама,
Из матерей ты мать, или милые мама,
От слова доброго восхитился мой ум,
И с сотню слишком уж имею разных дум,
Во-первых, я зачну в теченьи сей недели
С почтением взирать на круглые качели;
А чтобы лучше мне на оные глядеть,
Потщуся на Олимп! того для возлететь:
Спрошу Кастальского источника я тамо,
Умоюсь из него, и буду зрети прямо,
На все те площади, где страшный оборот,
И где вертится наш непудренный народ.

Земля от топоту шатающихся стонет,
И всякий мещанин в вине и пиве тонет.
Тюльпаны красные на лицах им цветут,
И розы на устах поблѣклые растут,
Тут царствуют игры, приятности и смехи,
Началом их любви каленые орехи,
Бросает Адонид с качели ими вниз:
С улыбкой говорит: «сударушка, склонись»,
А та отвечает ему приятным взором,
Когда же подтвердит любовь и разговором,
Тогда на целый день беседку он наймет
Красавицу качать, и первенство возьмет;
Иной к услугам льва кокетке представляет,
И на прямую он качель ее сажает,
Тут нежность действует побольше прочих мест;

И дама всякая изюм и клюкву ест.
Иная менует без музыки танцует,
Другая арии Сирен козлогласует,
Усердный к празднеству веселый гражданин
Упившись забыл порядок, строй и чин,
Идет в собрание, где дамы веселятся,
Которы никаких раздоров не боятся,
Толкает их плечом, иных сражает лбом,
Других ладонью бьет и многих кулаком,
Кутит компанией, мешает веселиться,
И тем принудит дам порядочно озлиться;
К сражению бы тут причина хороша,
Но правду вымолвить нимало не греша,
Хмельная женщина не сделает от века,
Дабы обидеть ей чужого человека;
Руки она своей не простирает в брань,
И в случае таком не платит Марсу дань;
Имея кротостью наполненную душу,
А что ж до языка, то выгонит на сушу;
И целый океан, слова ее как град,
Скорее и меча отвагу поразят.
Чинят ему отпор и приступают строго,
Кричат и говорят и слишком и немного;
Смягчаются, молчат, и оставляют бой,
Но в тот же самый час бегут, яряся, в строй,
Секут и рубят, жгут противника словами,
Но что ж потом? увы с слезящими глазами,
На ратном месте сем, где рок их оскорбил,
И где нетрезвый Марс бессильных победил,
Собирают чепчики, платки и разлетаи,
Приводят в прежний вид и кофты и шугаи,
Защитнику тогда довлеет приступить,
Чтоб дерзкому тому злодею отомстить,
Который, несмотря на лица и наряды,
Попортил все у них торжественны обряды;
Как древний богатырь, но только без коня,
Без лат, без шишака, и что то есть броня,
Не знает он о том, но славно хоробрится,
И вместо рыцарства в кулачки хочет биться;
Не требуется тут щита и копия,
Наш рыцарь держится ухватки своя;

Разит его в лицо и помрачает очи,
Соперник на земле лежит уже без мочи:
Не чувства он лишен, но силы только нет,
И лежа на земле отважно вопиет:
«Постой, он говорит, я дам тебе то знати,
«Как должно рыцарей по правам поражати»;
Но победитель благ не слушает грозы,
И щедро в спину он дает ему тузы.

Потом от винных туч весь воздух загорится,
И молния из уст хмельных людей родится;
Отверзет чрево Вакх, или питейный дом,
Ударит из него к качелям страшный гром;
Бегут с дубинами различные народы,
Мутят они людей и воздух, грязь и воды;
В сраженьи уже нет пощады никакой,
И всякий гражданин валится с ног долой;
Как храбрый витязь даст удар кому в размашку,
То сделает и рот нередко на распашку;
По правилам ли бой, или без правил он,
Для пользы общества негоден без препон;
Хмельные без ума другим дают потаску,
И для того сего не пустим мы в огласку;
Хоть прозой хоть стихом, однако примирим,
И праздник провести в веселье им дадим.
Целуйтесь, друзья, горячими устами,
И дружбу делайте сердцами иль словами;
Не искренность теперь потребна ваша нам,
Когда вы ходите по разным кабакам;
Дремлите, идучи, бранитесь иль кричите,
Иль пьяный пьяного вы за руку ведите;
Сидите за вином, друг друга упоя,
И будьте вы тогда всесветные друзья;

Но что еще я зрю? какая ето туча?
Великая лежит яиц в народе куча.
С пригорка покатит веселый молодец,
Разбито яйцо добьет его в конец;
По грязи без скорлуп катают и марают,
Куда же яйца сии употребляют;
О том не знаю я, иль честь имею знать,

Однако не скажу, чтоб их не осмеять;
О вкусе молодцы не рассуждают строго,
В Санктпетербурге же воды гораздо много;

Когда с предивных и страшной высоты,
Возрело солнышко на наши красоты;
Глубокие снега растаяли во граде,
Пастух нам предвестил рожком своим о стаде;
Тогда наполнились каналы все водой,
Однак нечистою, но грязной и худой;
Увы, любезные цветные епанечки,
Различные фаты и перстни и колечки;
Я часто вас видал поверженных в бедах,
Как вы купались в нечистых сих водах;
О рок! о случай злой! чего ты не наносишь,
Ты женщин и мужчин в таких канавах топишь;
Ни лет ни пола ты не тщишься разбирать,
Старух и стариков дерзаешь погружать;
Ничто того уже не может быть хуже,
Как в праздник сей лежать поверженному в луже;
Однако, весельчак, отваги не теряй,
В грязи ты, лежучи, кричи: не замарай.

Восточный Фаетонт на севере явился,
Не в колесницу он, но в одноколку вбился;
Не пламенных коней он правит во Ефир,
По улице летит и давит пьяный мир;
Без нужды мычится направо, влево, прямо,
Понятие его не постигает само;
Куда ему поспеть ненадобну нигде,
И поручает он во всем себя судьбе:
Попустит вожжи вниз, и даст коню свободу,
На злую пагубу веселому народу;
Слетится Фаетонт с таким же молодцом,
Иль лошадь в стену где хмельной направит лбом;
Немного припрыгнув оставит одноколку,
Стремглав он полетит через коневью холку;
Не с неба Фаетонт, но щеголь с двух колес,
Хотел по глупости припрыгнуть до небес.
На камнях лежучи умильно вздыхает,
И ток кровавых слез без пользы проливает.

В сем месте пал один, в другом упали три,
Везде падение, куда ни посмотри;
Во время праздников толико Фаетонов,
Колико во стихах негодных Аполлонов.

По баснословию старинного народа,
Была такая же равно, как ныне мода:
Ходить за дамами и их в любовь склонять,
Юпитер первое изволил место взять;
И был из волокит первейшим волокитой,
Манер его любви пред светом всем открытой.
Он верности не знал, обманывал жену,
И делал каждый день любовницам меню:
Горел любовью, но верность ненавидел,
И на театре лишь одном ее и видел;
Последуя во всем нестрастному уму,
Скучнее ничего не зрелось ему,
Как два дни воздыхать перед одной красоткой,
Пред девушкою ль то, или перед молодой.
Любовный календарь он точно наблюдал,
Минуты в страсти сей годами полагал;
И для того скорей любовь скончати тщился,
Весь век, как слышно нам, сим образом любился;
Выдумывал всегда, как лучше изменить,
В различных образах вину старался скрыть.
Менял любовниц в час, играл он ими в жмурки,
И был бессовестней бессовестного турки;
Обманами бы мог китайца победить,
Иль, может, тщился он и тех превосходить.
Развратному сему последуя в том богу,
Вступили в оную молодчики дорогу.
В день праздничный они не думают о том,
Чтоб небу угодить и сердцем и умом,
Но только ото сна взглянув на свет очами,
Во первых мажутся пахучими водами,
Гнут волосы в крючки, и чудный тут манер,
Премножество кудрей узришь различных мер.
Природа никогда такую не бывала,
Чтоб чудным образом виски нам завивала.
Обычай, правда, есть и к пользе он нам дан,
Однако не такой, чтоб сделался баран

Из умного из всех в природе человека,
Того не слышано, иль слышно уж от века.
Потом касаются сурмилами бровям,
Румян и горсть белил бросают по щекам;
Сердечки из тафты железом выбивают,
И подклеив, на перст для моды прилепляют.
Который в старину именовался врач,
А так его нарек какой-то стихоткач,
Когда распространить потщуся я наряды,
И все любовничьи в сем случае обряды,
То скоро попаду в несносную беду,
В такую, что себе убыток наведу.
Цена сему листу гораздо невелика,
Старинных денежек четыре только лика,
А петиметерских нарядов миллион:
Так вряд ли изъяснит и самый Аполлон,
Сказал же я тебе из оных только крошку,
За денежку стихов дается понемножку,
Когда б я прозою с тобою говорил,
Любезная кума, я б больше и открыл.
Теперь одетого представим волокиту,
И выпустим мы с ним наряженную свиту,
Куда, кто думает, стремится он теперь?
Проводником ему Юпитерова дочь,
Она теперь одна в уме его летает,
Свидания, игры, гульбища представляет,
Хотя не ведает Венера ворожить,
Однак безумием удобна окружить,
Смятет смятенного любовною судьбою,
И сделает себе навек его слугою,
Проводит праздник он в любовных суетах
Равно, как день простой в различных хлопотах.
Спокойство для любви меняет на неволю,
И всякий час клянет свою несчастну долю,
Скучна ему вся жизнь, несносен каждый день,
Ступает по стопам Венериным, как тень.

Взнесись мой дух теперь, взнесися в небеса,
Пусть пляшут под тобой дремучие леса,
А реки и моря пускай вспевают хоры,
И радуются все пригорки, холмы, горы,

Зефиры иль Борей, кто хочет, тот и дуй,
Мути иль не мути в Неве прозрачных струй,
Природу принуждать не думаю нимало,
И сил во мне к тому нисколько не достало,
Что есть, тому всегда в природе должно быть,
Так для чего ж мне сей порядок помутить,
Хотя со льдинами здесь реки протекают,
Однак намеренья во мне не пресекают,
Куме я покажу в стихах кулачный бой,
И выведу на свет, кто первый тут герой.
Откуда ж мне занять витийственного слова,
А надобно искать в премудрости покрова.
Постой, я знаю, где сыскать себе пример,
Слышал я, кто-то был разумный муж Гомер,
Еще Virgiliya во многом прославляют,
Мальгерба, Пиндара подобно похваляют,
Велики, говорят, велики те мужья,
О бедная же ты головушка моя,
Что ты не знаешь их и случай упустила,
Почто знакомости ты с ними не сводила.
Пространен мир, всего не можно переплыть,
Не всякому ж опять в игумнах старцу быть.
Кто ж Пиндару знаком, пускай тот возьмет лиру
И громко и умно да возвещает миру,
Что солнце из шаров горящих состоит,
И что оно собой всё здание живит,
Лучи его во всей вселенной раздаются,
И тучами они иль вихрями секутся.
Луна не светит нам, но солнце ей велит
И несколько лучей в ночную тьму делит,
От солнечных лучей и темна твердь сияет,
Подобно как араб под золотом блистает,
Или как новый свет поутру восстает,
Пресветлый нам титан рожденье знать дает,
А я не для того касаюсь эфиру,
Чтоб взять вмещенную между звездами лиру,
Что прибыли мне в ней: не знаю как играть,
Так следовательно ненадобно и брать,
Без лиры и без струн стихи писати можно,
Мне нужды нету в них, скажу сие не ложно,
На некакий писец стремится Геликон

И часто говорит: «здорово, Аполлон,
«Приди и помоги, ученнейшая муза,
«С тобою я ищу с единою союза».
Что ж за люди сии, когда его спросить,
То правду вымолвить, греха не утаить,
Писатель отвечать помешкает немного
И знание в том его покажется убого,
Для пышности стихов наставит разный звон,
Кричит он в них Орфей, Морфей и Амфион,
Елена, Менелай, Юпитер там и Леда,
Улис и Тилемах, Персей и Андромеда,
Моря, пучины, волны, рев и водный стон,
Нева, Двина, Дунай и Висла, Волга, Дон.
Такой нелепостью в стихах своих трезвонит,
Желая тем взнестись, но сам себя уронит.
Не сеял где писец, собирает там плоды,
И рвется за людьми, плывя против воды.
Суди, моя кума, я речь мою склоняю
И к исполинам я на время обращаю,
Которые хотят не горы потрясти,
И не к Юпитеру судьбу свою взнести,
Но быти на земле и получить славу;
В кулашную они впускаются забаву:
Во всяком молодце военна кровь кипит,
Но нет сражения, и Марс еще их спит.
Однако есть к тому довольные признаки,
И ходят к бою тут готовы забияки.
К началу приступить не думает буян,
Он честь всегда ведет, как был бы он ни пьян.
Против военных прав мальчишки начинают,
Друг друга по щекам ладонями щелкают;
Не в зубы юноша, но метит парня в глаз,
А отрок отроку дает получше раз.
В минуту славное сражение явится,
Не рвется воздух тут и солнышко не тмится.
Щелкание, тузы валятся так, как град,
Ланиты, носы, рты, и зубы зазвонят:
Не огнестрельное оружие пылает,
Тут витязь кулаком противных поражает;
Как даст кому туза нечаянно в разбор,
Падет на землю тот, и драться уж не спор.

Как храбрый Ахиллес вступает некто в драку,
Приамовичу он такую перебряку
От щедрости своей военная послал,
Что без порядку тот несчастный зазевал,
И пал от буйственной и сильная размашки,
Не просит уж вина, ни пива и ни бражки.
Потом сия война жестоце разгорится
И сильный сильному противу становится;
Когда ж свирепствуют в неправильных полках,
Тогда и женщину возьмут на кулаках,
Бросать перед собой, ярясь, на место с места,
Она же не пирог, родилась не из теста,
Мантилию на ней и кофту раздерут,
И после из круга без жалости пихнут.
Восстанет скоро Марс иль Воложенин дружный
И как бы ни были противники услужны,
Смятет их скоро всех, и приведет в раздор,
Рука его людей съядает так, как мор:
За ним торжественны трофеи становятся,
С побитых башмаки и шапки повалятся,
Со всех ему сторон большая похвала,
Кричат торжественно: «ступай, ступай, взяла».
Но как известно всем, что счастье военно
Во время ратное и ломко и премоно,
Нередко на войне из тьмы родится свет,
Восстанет тот опять, который упадет.
Внезапно чувствует глас бодрый пленных уxo,
Встает от их страны, и выступает брюхо,
Претолстый муж Бузник, как чудный тот стрелец,
Который было съел всех греков наконец,
Приведши оных в страх, принудил всех бежати,
Без защищения и жизнь свою теряти.
Машина такова хоть вышел без меча,
Но мочью своего огромного плеча,
Расправив нежную свою на воздух ручку,
Дал Марсу, не шутя, такую нахлобучку,
Что храбрый воин сей к сырой земле присел,
И арию весьма нескладную запел,
Увы он не вопил, и аха не касался,
Однак и без того всем жалок показался.
Пошел по брюху звон, как в добрый барабан,

Тузят со всех сторон, однак Бузник не пьян,
Стучит по головам, разит он в само темя,
Валится перед ним задорно к бою племя,
Изменников тут нет, но храбрые сердца,
Единодушно все дерутся до конца.
Наскакивают все на витязя тут прямо,
Который их валит и семо и овамо.
Победа перешла к поверженной стране;
Но места надобно довольно Сатане,
В сердца сраженных он нелепость полагает,
Орясинами их тотчас вооружает,
И нудит славный бой безумству покорить;
И в драку рыцарство дурную превратить;
Оглоблями уже размахи учиняют,
Троих, не одного на землю вдруг валяют.
Смесится весь народ и только за любовь,
Тузятся меж собой и перебьются в кровь.
Хоть после пять недель от брани отдыхают,
Однак с охотою опять в битву вступают;
Охотно мучатся, но если ночь наста,
Тогда и их раздор, как прочих брань, преста.
Крылья, Бузники, московские герои;
Не здесь они; но там бурлацки водят строи,
В Санктпетербурге ж я о бузнике сказал,
Сим славным именем других именовал.
Не надлежало бы так скоро скончевати,
Такой веселости, что можно год писати;
Но впрочем вдруг всего не можно показать,
И для того, кума, не лучше ль перестать,
Для первого сего случаю с нас довольно,
Однак и впредь писать, как думаю, мне вольно.

Сие с почтением тебе я приношу,
И если и другим угодно, то прошу
Принять мои стихи, издание без правил,
Причина такова, что оных я не ставил,
Как многие у нас без разума писать
Привыкли уж давно и в свет то издавать,
Лишь только б рифмами снабдить свое сложенье;
Но я имею в том великое сомненье,
И буду силы все к тому лишь прилагать,

Чтоб лучше как могу и правильней писать,
К услугам общества себя препоручаю,
И за великое я счастье считаю,
Когда хоть малым чем народу угодил,
Служа моей куме, я обществу служил.

СТИХИ НА СЕМИК

Не смейся, Муза, мне, а я не хохочу,
Что из пустого класть в порожнее хочу.
Намеренье мое горох лепити в стену,
Берёзкам положить в семик привозным цену.
Чтоб красны девушки поутру пробудясь
И лучше, как они умеют, нарядясь,
Без торгу брали их и ставили в кружечек
Сбираясь на берег иль инде на лужечек,
Но прежде нежели плясать они начнут,
Я мысленно еще слетаю в Волхов пруд,
Что мутная река сперва именовалась,
И после Волховом она уже назвалась.
Рассыплю на берегу наметанный бугор,
Где спит тот князь и волхв и с ним богов собор,
Которых прежде здесь славяне почитали,
И кои уж давно почтенье потеряли.
Как молвить например: Перун громовый бог,
Которого они дубьем свалили с ног,
И бросили в реку навеки там купаться,
Чтоб перестали их невежеству смеяться.
Второй степенный бог Волос или Велес,
Из храма своего чуть ноги лишь унес,
Как начали тузить в бока и в лоб и в зубы,
Завыли Лада, Дид, Белбоги и Дашубы,
Догода, Коляда, Купало и Услад,
Святович деланный весьма на чудный склад,
Ягая баба, Чур, Полкан и Симаергла
Ужасный Чернобог, что в ад судьбина свергла,
Летели из домов как черти с небеси,
Пощады не было хоть сколько ни проси,
Очистили они и улицы и храмы,
Невежество богов, и всё повергли в ямы.
Язычество сие мещане здесь клянут:
Незнаньем же к нему довольно льнут.
Семик веселый день, его не пропускают,

И в песнях тех богов почасту вспоминают.
О том-то предлежит сегодня речь моя,
Хотя и не совсем успею в оном я,
Понеже неучён, понеже я не знаю,
Во вторники рожусь, а в среды умираю
И бытие мое имею с Января,
Однак уж знаю все и реки и моря,
Деревни, города и степи, буераки.
В Санктпетербурге есть и устерсы и раки,
В Москве с полдюжины дают за гривну дынь,
И ведаю опять, чем славится Медынь.
Клин город лаптями, а Муром колачами,
Замками славен Тверь; а Новгород сыртями,
Гусями Арзамас, а Углич толокном,
Россия малая волами и вином,
Валдай баранками, еще гористым местом,
Калуга грешневым с духами жидким тестом,
Река Яик икрой, Ростов же чесноком;
А Глухов древний град папушным табаком,
Из Вязьмы пряники, из Шуи крепко мыло,
Из Вологды свечи иль сальное светило,
Белозерские всех славнее снятки,
Олонец нитяны пускает к нам мотки;
А Псков сушонными снятками нас питает,
Ружьем и шпагами, то Тула снабдевает,
Арбузы Астрахань; а Боров лук дает,
Из Красного села набойка к нам идет,
Елец рождает соль, а Кашин град белилы,
Миноги Нарвские, а не други нам милы,
Козлами, лошадьми прославился Казань,
А из Украины всех лучшая Рязань,
Из Павловска ножи и ножницы оттуда,
Из Соловецких стран приходит сёмги гряда,
Архангелогородские селёдки к нам
Хоть в бочках, но плывут как рыба по водам.
Я сам себе дивлюсь, что столько разумею
И слишком тысячу пересчитать умею,
По нужде разбирать и календарь могу,
И что я так умен, то истинно не лгу,
А в доказательство едино представляю,
Что прозой и стихом бумагу я мараю;

С Парнасса вниз я одами дышу
Без действия души и разума пишу,
Стараюсь вечность я достать себе стихами,
Кроплю мои труды Парижскими духами,
Чтоб запах таковой читатель мой внуша
Сказал, что выдумка довольно хороша,
За вкус я не берусь, а что же горяченько,
То сделаю тотчас, и несколько смешненько.
Известие сие во первых я даю,
Что авторство мое за деньги продаю:
Копейка мадригал, с полушкой эпиграмма,
Три денежки рондо, а пять копеек драма,
Елегия алтын, пять денежек сонет,
Идиллия хоть грош, полушка за билет,
Дешевле всех стихов спускаю с рук я оды,
Причина такова, что оные уроды
Ни смысла доброго, ни правильных стихов
Ни должной похвалы, ниже завистных строф,
С начала до конца в сложеньи не имеют
И денежку давать за оных мне жалеют;
Что ж дешево стихи мои я продаю,
Так знайте все, что я без мерки их крою,
Еклоги, в коих я всех более тружуся,
Беру по всячине и долго не ряжуся,
Понеже выключю премножество стихов,
Не только разума, не сыщешь годных слов.
Елегии опять искусно так мараю,
Что в оных напишу, то, право, сам не знаю.
Трагедии писать хотелось было мне;
Но как пригрезилось сражение во сне,
В котором страшные славенские герои
Водили по степям неустрашимы строи,
Так некто разъярясь весь полк мечом пожрал,
Я чуть было тогда с постели не упал;
От страху сердце всё с неделю трепетало,
Так действию писать желание пропало.
Комедию еще подщился я скроить,
Обшил и обметал, но как ее сслонить,
Поистинне сказать, не смышлю и не знаю,
И для того еще в продажу не пускаю.
Когда прославился в приходе я пером,

То Слава под моим воскликнула двором,
Иные говорят, ища стихам урона,
Что будто каркала не Слава то, ворона,
Предвестница у нас дождливья поры;
Однако я как крот, стремлюся из норы,
Нет нужды, что пою теперь я гласом диким,
Однакомышлю быть писателем великим,
И думаю я так, что я уже не мал,
И чуть-чуть до неба рассудком не достал,
Стихами я пишу, и рифму ставлю ту же:
Так чем же я людей великих в знанье хуже?
Я также как они скрыплю моим пером,
И слов не вырубит никто и топором.

Я мимоходом дам читателю приметить,
Как дьявол злясь людей старается осетить,
Как римлянин и грек и древний славянин,
Все веровали так, как веровал один,
Лягушку божеством и рака почитали,
Пред деревом они колена преклоняли,
И реки божью честь носили на себе,
И словно жило всё в почтеннейшей судьбе,
Болванчики в печи иль в устьях обитали,
И сажу как муку несчастные зобали,
Такой замаранный богов увидя сорт,
Конечно б я сказал, что это черный чорт,
И вместо чтоб иметь к сему почтенье богу,
Я б тотчас указал из горницы дорогу,
Но суеверство их в дурачество ввело,
Что чтили иногда лохань и помело,
Ухваты, кочерги, скребки и с ними вилы.
Им рыбы так, как нам, довольно были милы,
Однако вытащить боялись завсегда,
Из рек их божества не ели никогда,
Хоть слюнка и течет, что рыбка там играет,
Однако он реку как бога почитает.
Пришедши в огород египтянин другой
Бойтся согрешить пред всякою травой,
Чеснок их бог, и лук их чтится завелико
Цветки, бобы, горох, хотя и слышать дико,
Однако божеством считалися они

Во все прошедшие до, православья дни,
Куда бы ни хотел ступить ты ногою,
Везде бы наступил на святости их тою.
С презрением сие внимаем мы теперь,
Нам к просвещению отверста ныне дверь,
Однако песенки старинны попеваем
И древних тех богов частенько величаем,
Из коих несколько поставлю я в пример,
Пусть видит свой порок усердный суевер.

*Во ржи береза зелененька стояла,
Ой Дид и Лада! зелена кудревата,
Под той под березой соловейко щекочет,
Ой Дид и Лада! молодой щекочет!*

и проч.

*И я выду молода
За новые ворота;
Дидо калина!
Лелью малина.*

*

*И я выпущу
Сокола из рукава,
Дидо калина!
Лелью малина!*

и проч.

Да что ж за крик такой народы затевают?
Неужто песенки к берёзке припевают!
Ведь только что теперь во граде рассвело
И солнце из-за гор недавно как взошло,
Я чаю многие от сна не пробудились,
Которые вчерась по рощам веселились,
Трактирщики теперь еще ложатся спать.
Хоть целовальникам вы дайте, матки, встать,
Постойте, девушки, ведь рано забавляться.
Позвольте с разумом и мне друзья собраться,
Не слушаете вы, крича, разинув рот,
И вижу, вас идет ужасный коровод,
Да что же личики уж ваши покраснели,
Конечно от того, что рано вы запели,
Однако осмотраюсь прощения прошу,
И извинение девицам приношу.

Я баб почол за них, не зная в етом моды,
Что рано девушки не ходят в короводы,
А вы веселые приятельницы нам,
Вы пьете ввечеру, и пьете по утрам,
Вино и сердце в вас и дух увеселяет,
И совесть, думаю, совсем не зазирает.
Берёзка шествует в различных лоскутках,
В тафте и в бархате и в шелковых платках.
Вина не пьет она, однако пляшет,
И ветвями тряся, так как руками машет,
Пред нею скоморох неправильно кричит,
Ногами в землю он, как добрый конь стучит,
Танцует и пылит иль грязь ногами месит,
Доколе хмель его совсем не перевесит.
Там дама голосит сивухой нагрузясь,
В присядку пляшучи валится скоро в грязь,
Потом другая вмиг то место заступает,
Которая плясать вельми искусно знает,
Танцует голубца, танцует и бычка;
Но если хватит вдруг ржаного молочка,
То скоро плясея изрядная схилится,
И также как и та, на землю повалится.
Ходя по городу, вспевая целый день,
Ко вечеру они шатаются как тень,
Разлуку сделают берёзке со платками,
Останется она с одними лоскутками,
Платки по одному с несчастной той сберут,
И в разных кабаках при песенках пропьют.

Хоть город и один, но разные обряды,
Подобно как у нас различные наряды,
В семик, в почтенный день на рынок я ходил
И там противные обряды находил,
Лишь только хмель один согласен был с собою
И баба всякая пила своей рукою.
Там сделан огород, берёзки все в кругу,
Верхушки же у них согнуты все в дугу,
В середине стол стоит, без скатерти поставлен,
Но только кушаньем казался мне задавлен,
Что хлеб-соль хороша, тому свидетель я.
Ватрушки были тут, подовые с огня,

Оладьи, колачи, блины, пирог и пышки,
И можно так сказать, все праздничны излишки,
Баханки таковы попляшут, покрошат,
Приступят ко 'столу и множество съядят.
Но только кушают, казалось мне, без вилки;
Однако с помощью наполненной бутылки,
Как кушанье они до крошки поплеют,
То нового опять на стол настаноят,
Частенько на кабак с бутылкой посылают,
В складчинку все ее сивухой наполняют,
Народ их обступив разинув рот глядят,
А тут карманы их и мошны порознят,
А если кто возьмет плясавицу в охапку,
То потеряет тот кафтан, камзол и шапку.

Колико написал в сем листике я слов,
Толико, думаю, пропьют в семик платков,
Толико ж плясунов, плясавиц произвольных,
И столько ж пьяных есть веселых и довольных,
И столько же еще порубленных берёз
Убыток лесу сей семик честной нанес.
Прощай, честной семик, скажите человеки,
И бросьте поплясав берёзочки вы в реки,
Пускай к своим местам обратно поплывут,
Авось хороший плод и срубленны дадут.

ПЛАЧЕВНОЕ ПАДЕНИЕ СТИХОТВОРЦЕВ

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЕМА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Воспой, о Муза, ты теперь плачевным гласом!
Таким, как волк поет в лесу пред смертным часом,
Чтоб мать сыра земля услышала твой стон,
И был бы на гумнах крестьянам внятен он.
Подвигни и меня с тобой поплакать ныне;
Понеже я стремлюсь к Парнасской твердыне,
Которую пиит в стихах поколебал,
И в ипокренский он источник наплевал.
Смутил в нем чистые и ясные он воды,
В сии текущие и памятны нам годы.
Чтоб лучше описать несчастье сие,
Влеку ж теперь в восторг понятие мое;
Тащи меня на верх врачебного Парнасса,
Чтоб тамо стройного послушати мне гласа.
Как дуется пузырь, надуй меня ты так,
И ясно покажи какой в поемах смак:
Какие замыслы, какие басни тамо,
Всё ль ложно в них гласят иль правду пишут прямо?
Поддай мне ковш воды Кастальской, иль такой,
Которой рушится честных людей покой;
Вертится голова; а разум колобродит,
И коя смертных род в дурачество приводит.
Я от роду воды Кастальской не пивал,
И пить ее боюсь, что с ног бы не упал,
Для подкрепления ж восторженного духа,
Мне лучше кажется российская сивуха.
Не всякий здесь пиит Кастальски воды пьет;
Однако рифмами как бурный ветр орет,
Стихами общество как пудрой осыпает,
Чертит без шабаша; устатку в том не знает.
Не просит никогда врачебных росы,
И знает без нее поэзии красы.
Такой писатель мне примером должен быти

Который всячину не отречется пити;
А русское вино в нас сердце веселит,
И без Парнасса быть разумными велит.
Врачебных оных вод хотя не презираю,
Однако и без них я пети начинаю.

Внезапно тишина в полудни прервалась,
И пыль на улицах столпами поднялась.
Смутилось стройное течение природы,
Бегут со всех сторон различные народы:
Робята малые, седые старики,
Подьячие, дьячки, купцы и мужики;
Все, словом, жители сего престольна града.
Гласи со мною ты, премудра Илияда,
К чему стекается толпами наш народ;
Бегут без памяти, разинув каждый рот.
На кровли и на верх заборов возлезают,
И с нетерпением чего-то ожидают.

Народная молва гласила в мире так,
Что выдет из-за туч небесный вскоре знак,
Новорожденная появится планета,
Которая у нас прибавит много света.
Слова народные немедленно сбылись,
Крестьянски бороды внезапно потряслись,
Усы припрянули, природа обновилась,
И всеми жданная планета нам явилась.
Ужасно зрелище открылось наконец,
Явился зрителям пречудный молодец,
Из недр природы он прегордо выступает,
И будто бы со сна, разинув рот, зевает.
Во-первых, говорит, родился я на свет,
Для удивления народов и планет.
Вселенной принесу и пользу и забаву,
Себе же приобщу бессмертную тем славу,
Жилище будет мне Парнасс и Геликон,
Служити должен мне бессменно Аполлон;
А Музы на часы должны ко мне ходити,
И в сочинениях пером моим водити.
Я дам свободный путь пресветлому уму,
И следовать ни в чем не буду никому.

Во всех писателях велики зрю пороки,
Они неправильно свои водили строки.
Один был рифмами гораздо неуклюж,
В высоких замыслах другой не очень дюж;
А третий нехорош, четвертого бросаю,
Мне пятый досадил, шестого я ругаю,
Седьмой в стихах бурлит, негоден никуда;
Я лучше сам себе последую всегда.

Такие словеса народу хоть невнятны,
Однако сделались они ему приятны.
Герой тщеславие такое продолжал,
И ближе отчасу он к людям подъезжал.
Когда ж народное способно было око
Взирати на его понятие глубоко,
Тогда молчание повсюду разлилось,
И удивление высоко вознеслось.
Сей витязь шествовал не пешими ногами;
Но ехал на осле с предлинными ушами,
Который без узды непрямо выступал;
Понеже на Парнасс дороги он не знал,
А всадником своим гораздо величался;
Однако идучи частенько спотыкался.
На лбу его был знак, всяк видел то из нас;
Подписано на доске, *крылатый сей Пегас*.
Но крыльев не видав, мы долго толковали,
И заключили так, что мыши их сожрали.
На левой стороне один светился глаз;
А правый выколол сей всадник, осердясь,
И в ухе у него перо воткнуто было,
В другом же налито, казалось нам, чернило.
В добавок к оному пречудный сей осел
С неделю кушанья в желудке не имел;
Но недостаток сей герой наш награждает,
И тощую собой скотину украшает.

Во-первых надлежит сказать мне о том,
Какой на голове имеет он шелом.
Подобен ли чалме турецкого Имама,
Иль как бутырская в корнете наша дама,
Похож ли тот шелом на гребень петуха,

Или подобие имеет треуха,
В котором дряхлые старухи наши бродят,
И древне щегольство на память нам приводят;
Однако красоты геройской я не съем,
И прямо вымолвлю каков его был шлем.

Когда печатники бумагу замарают,
Тогда ее на двор как сор они бросают.
Вулкан материю такую собирал,
И витязю шелом из оных сковал.
Под Етною огонь в то время не курился,
Шелом без молота и без гвоздей клеился.
Не видно было тут Циклоповой руки,
Паяли тестом шлем из пшенины муки.
Фетида к кузнецу хотя не приходила,
И об оружии Вулкана не просила,
Однако сей герой без помощи богов
Рядился в шишаки, и взнуздывал ослов.
Глава его как пень в полуночи блистала,
И слава в облаках над оною летала;
Но только без трубы, а был у ней рожок,
Пастух зовет коров в который на лужок.
На правой стороне сего ужасна шлема
Подписано, я зрел, по-гречески *Поэма*.
На левой набрано из самых крупных слов
Наука трудная сложения стихов.
Перёд латинскими украшен был словами,
Стояло *longa*¹ сзади, *brevis* под крылами,
Которы приданы шелому для красы,
Чтоб моднее прикрыть геройские власы.
Не у Меркурия они заняты были,
И вместо оных тут гусиные служили.
Торчали по бокам над буквами они,
И красили шелом те крылышки одни.
Для храбрости, или чтоб не взяли уроки,
То вместо сеточки смотрел герой сквозь строки,
Как губы, так и нос, глаза и с ними рот
Прикрыл строками наш пречудный Дон Кишот.

¹ *Longa et brevis*, по-русски долгая и короткая, так называются стопы в сложении стиха, например: *зёмля даёт плодѣ*. √ сей знак короткий; — а сей долгий.

Прехрабрый Ахиллес как к Трое расказакался,
Не столько страшен он и силен всем казался.
Оружие его ковал искусный бог,
Которым всякого валял он вскоре с ног,
Смертельную копьем давал он перебяку,
И для того никто не смел вступать с ним в драку.
Но храбрость вся его не стоит ничего,
Противу витязя престрашного сего.
Здесь латы не рука Вулканова сплетала,
Бумага тут одна без всякого металла;
Однако дождь и снег, ни бурный ветер, ни град
Героя нашего в сих латах не вредят,
И столько крепкие им сделаны пределы,
Пройти не могут в них Юпитеровы стрелы;
Ниже лесной стрелок, искусный Аполлон,
Которым поражен ужаснейший Пифон,
Не в силах их пробить. Такая тут громада;
Не трусит богатырь и самого в них ада.
Романов тысяча изрезаны в куски,
И с тестом кладены в железные тиски,
Потом под молотом с полмесяца страдали,
И после латами именоваться стали.

Когда судьба ему велела воевать,
Сей славный человек не думал подражать
Пресладкому в стихах мужей великих тону.
Не следовал он им, ни с ними Аполлону.
Тут лира не нужна и не потребен лук,
И вместо стрел держал в руках он перьев пук.
В другой Кадуцей отломленный кусочек,
Хвосты лишь от змиев и маленький брусочек,
Который изъявлял бесчестие тому,
Сей жезл уже давно принадлежал кому.
Меркурий будто бы до пьяна где напился,
И драться с кем-нибудь хмельной сей бог сцепился,
Кадуцеем того он в спину колотил,
И божеский сей знак так глупо изломил.
Мне кажется Ермий не промах сам детина,
И ведает опять, что строгая судьбина
За шалости его проучит наконец,
И если сведает сие богов отец,

Что так Ермий дурит, уймет сего детину,
И розгами ему тотчас распишет спину.
Откуда ж сей герой отломок подцепил?
Конечно на войне с Гигантами он был,
Когда против небес уроды воевали
И жезл Меркуриев в то время изломали;
А он посланником Юпитеровым был,
И уговаривать Гигантов приходил.
Как великаны те под гору подступили,
И брани не начав, там кашицу варили,
Иной лупил чеснок, иной его толлок,
Иной посаливал там хлеба ломоток;
Понеже воевать хотели с сытым брюхом,
И не боялися, хоть треснут их обухом.
В то время подошел Меркурий к ним послом,
То некто из бойцов хватил его мослом,
И трафил в самый лоб. Кость костью повредилаь,
И шапочка с того посланника свалилаь,
Меркурий как козел в то время заблеял,
И бросившись от них, свой знак тут потерял.
Гиганты, взяв его, куда девать не знали,
Мутовки не имев, им кашицу мешали;
И с небрежением стучали в край котла,
Так тут испорчен он буянами до тла.

Ослова конника краса усугублялась,
И сзади спанча как парус раздувалась.
На крылах ветренных шаталась и тряслась,
И по ослу назад далеко раздалась.
Цвет черный был на ней, и с белыми краями,
Исписана же вся летучими мышами.
Хотя не ездят так верхом и на ослах,
Однако рыцарь наш сидел на нем в туфлях,
Которых швение неизъясненно было;
Искусство существо во всем превосходило.
Сучила дратовки Арахнина рука,
За что обращена Минервой в паука.
Сребром по бархату три Грации водили,
Узорами они по карте туфли шили.
Прикраивал Вулкан, Меркурий их строчил,
И после в них Гомер грамматику учил:

По смерти же того ученнейшего мужа,
Когда наследников его пристигла нужда,
То выступцы сии променены жидам,
Которые везли на почте туфли к нам;
А здесь великий муж, ословый оный конник,
До всяких редкостей ужаснейший охотник,
Купил их у жидов, за деньги или нет,
О том еще до днесь не известился свет.
Хотя и многое старание имели,
Но только из того одно уразумели,
Чего не слыхано доселева у нас.
На них изображен был с музами Парнасс,
И оба каблука исписаны стихами,
Которы Нума пел пред градскими богами.

В сей час Парнасская девица мне предстала,
И тако зрящему на витязя сказала:
«Когда удобен ты исчислити древа,
«То глупость Автора велика такова.
«Он только написать умеет аз и буки,
«И смыслит взять перо очиненное в руки.
«Забродному уму пределов не кладет,
«И рифмой и стихом весьма задачно врет.
«Имея замыслы по глупости высоки,
«Не смысла ничего, чертит под рифму строки.
«Оставь то исчислять твой разум невысок,
«Не можно изочечь на дне морском песок;
«А по предписанной тебе от нас судьбине,
«Поди за мною ты на верх Парнасса ныне.
«И тамо будучи невинность защищай,
«И нападение буяна отвращай.
«Прими геройску мысль и будь ему гонитель,
«Я буду помогать, ты будешь победитель».

Как только Муза мне слова сии рекла,
Как быстрая река с гор в доли потекла,
Или как бурный вихрь от севера поднялся,
Которым тихий понт как ад восколебался.
Так бросился писец скакати на Парнасс,
Куда и я тогда направил правый глаз.
Народ в сомнении простившийся остался,
И с нетерпением победы дожидался.

Во время ратное минута дорога,
Когда у ног не зрят поверженна врага.
По истинной душе всех правда поборает,
И праведник всегда невреден пребывает.

Конец первой песни

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Как алчный зверь в лесу рыкает на тельца,
Кулачный как боец стремится на бойца,
Или разгневанна Дияна мечет стрелы,
Не в темные леса, в поваренны пределы,
Стучит ухватами, колотит кочергой,
Хмельного мужика поверженна судьбой,
Или как тот хмельной, исправившись и вставши,
За печкой булаву Ираклиеву взявши,
Долбит у ней горшки, чинит ужасный гром,
От храбрости его трясется бедный дом:
Так основание Парнасса всколебалось,
Как чудище сие под оным показалось.
За ним, о ужас! страх! собрание людей,
Коров, козлов, ослов, волов, чудских свиней,
Ужасный визг и рев повсюду раздавался,
И всякий стихоткач чудовищем казался.
Иной кричит: «поди, чтоб быстрый мой Пегас,
«Храбрясь, не потоптал всех жителей в сей час».
Пегас его визжит, вздымается щетина,
И едет на свинье разумный сей детина.
Другой в своем уме скрывается от зла,
И держит за рога бегущего козла;
Но мнит, что досягнул Пегаса он за холку,
И будто имать власть запрячь и в одноколку.
Ко всем издалека махает он рукой,
«Мне первенство иметь назначено судьбой,
«Нет тверже никого меня в российском слове,
«Мне снится Савская царица на корове».
Хоть не было тогда селитренных дымов,
Но топот поднялся ужасный от скотов.
Коровы мураву Парнасску пожирали,
А свиньи гору ту отвсюду подрывали,
Ломали берега источника ослы,

Наверх карабкались неистовы козлы,
Быки ужасный рев, тут стоя, подымали,
Конечное горе паденье предвещали,
Вносился до небес такой нелепый стон,
Трухнул наук всех бог, премудрый Аполлон,
Однак прекрасных муз от страху ободряет,
И быстрого коня к Олимпу посылает,
Чтоб оный возвестил вторую в мире рать:
«Гиганты, поднявшись. Парнасс хотят попать,
«Оставивши Олимп, стремятся на науки,
«Скрежещут зубом все, и засыкают руки.
«Чтоб царь богов в сей час изволил мне сказать,
«Чем должно дураков по правам наказать?»

Как из лука, стрела путившись завизжала,
И во мгновение до облак досязала,
Так быстрый конь Пегас, по окончаньи слов,
Взлетел как молния превыше облаков,
Спустившись на Олимп Юпитеру доносит,
И защипения наукам тамо просит.
Великий царь богов, услышавши о том,
Хотел в тот злейший час пустить на землю гром,
Восстал он посреде, где боги и богини
В то время кушали привозные к ним дыни,
И только лишь кусок он дыни прожевал,
Чувствительно тогда Юпитер задрожал.
Подумали: Аммон конечно рассердился,
Но он арбузною корою подавился,
Которая ему попалась с дыней в рот,
Пространство же во рту не Курятных ворот
Имеет Юпитер. В погрешность бог попался,
И в запыльчивости того не догадался.
Закашлялся наш Дий и сильно покраснел,
И тут-то гневаться он прямо захотел,
Престрашное чело морщинами покрылось,
И пламя на глазах ужасное явилось.
Суровый вид его всю ярость возвещает,
И не доев кусок Юпитер оставляет,
Однако починать арбузов не велит,
Доколе казнь и смерть писцам определит.
Восходит в горний дом, что молнии где блещут,

Которых стихачи несмысленны трепещут,
Всё здание сие, и всё, что было в нем,
Объято зрелось и пламем и огнем,
Сверкали молнии претрашные оттоле,
Перун, дымясь, лежал на огненном престоле.
Как только в пещь сию Юпитер лишь вошел,
Тогда уже и он вид пламенный имел,
Берет он пламенник или перун в десницу,
Возводит на Парнасс суровую зеницу,
И хочет поразить людей великих строй;
Но разум возгласил Юпитеру: «постой,
«Не должен вылететь сей гром из горня дома,
«Не люди пред тобой, но ломкая солома,
«Вели ты Момусу огонь из труду вздуть,
«И спичку серную в стопы сии пихнуть,
«В минуту от того вспыхнут и задымятся,
«Без грома твоего как прах они сваятся».

Юпитер, глас ума услышавши, утих,
И после возгласил такой он Мому стих:
«Ко осажденному поди теперь Парнассу,
«И Музам всем скажи, чтобы сего же часу
«Пришли они ко мне и с ними Аполлон,
«А войску ты тому хороший дай трезвон.
«Возьми ты для сего пастуший посох в лапу,
«И вздень к тому еще пастушескую шляпу.
«Будь добрым пастырем несмысленным скотом,
«Гони к Олимпу их пастушеским кнутом.
«Я здесь им покажу, чего они достойны,
«И будет Аполлон и Музы с ним спокойны».

Пошел наш Мом, а Дий между богами сел,
И с ними он еще арбузов, дынь поел.
Потом собранию изрек такое слово,
Чтоб было оное совсем в поход готово.
А как не ведало собрание пути,
Далеко-ль будет им назначено итти,
Тогда задумали готовить запасы,
Наприклад хлебы печь и разводить квасы.
Богини пирожков хотели замесить,
Чтобы далекий путь удобнее сносить.
Но Юпитер хлопот толиких не желает,

И так как добрый вождь всю правду объявляет,
Что лагерь будет их под тою же горой,
Где боги и теперь имеют свой покой.
Услышавши сие и боги и богини
Опять и принялись прикушивати дыни.
Решета прибрали и ситы все в чулан,
И стали ожидать, чтоб им приказ был дан.

Не грозная в тот час всходила с громом туча,
Не гнусной саранчи летела в поле куча,
Не адские божки на воздух поднялись,
И не раскольничьи скиты тут занялись,
Не души их в избах смоленых закурились,
Не бороды огнем в Гегенне задымились,
Не дети их визжат, не девки их горят,
Не свиньи хрюкают, не бабы говорят,
Которые, в раскол вводя старуху, плачут;
Но стихотворцы тут к Олимпу борзо скачут,
Понеже сзади Мом пугает их кнутом,
Подобно как цыган на игрище жгутом,
Без милосердия насмешник оный хлещет,
И всякий стихоткач жгута его трепещет.
Животные сии хоть бегать и не злы,
Но ноги подняли и свиньи и козлы.
Частенько плетью Мом скотину наделяет,
Бежит она, визжит, кричит, ревет, лягает.

С Олимпа слышен глас, как будто грянул гром,
То сделался тогда между богов содом.
Увидевши сие, все вдруг захохотали;
Животики они, там стоя, надрывали;
А наши витязи летели как стрела
От жидкого того жгута иль помела.
Юпитер приказал в порядок их поставить,
Чтоб славы им еще иль смеху бы прибавить.
Потом с Олимпа он на землю к ним сошел,
И также всем богам с собой итти велел.
Стихотропатели в то время надувались,
Чтоб зрителям они важнее показались;
Сидели на скотах, поднявши вверх носы,
Как будто напились Кастальския росы.

Премудрый Аполлон как муж великодушный,
И разуму всегда и кротости послушный,
Оставил им вину и Дия не просил,
Чтобы за дерзость сим вралям он отомстил,
Но Клио, обозрев в них первого героя,
Который навсегда лишил ее покоя,
Слезами залилась и Дию так рекла:
«Колико долго я на свете ни жила,
«Бесчестия себе такого не видала,
«Каким я за сего уroda пострадала.
«Когда, о Юпитер! тебе потребна я,
«Наука важная коль надобна моя,
«Я к правосудию престола прибегаю,
«И милости твоей просить теперь дерзаю,
«Как Ахелоеву ты племени отомстил,
«И поругаться нам тогда не попустил,
«Отмсти теперь сему неистову уроду,
«И покажи его свиньею ты народу».

Юпитер милосерд, поняв ее слова,
С прискорбностью сказал: «хоть просьба такова
«Конечно требует отмстительныя дани,
«Но к гневу простирать царю не должно длани.
«Мне согрешающих потребно исправлять.
«Потщимся мы с тобой сей образ показать,
«Раскаяние в нем увидим мы конечно,
«Чего желаю я ему чистосердечно.
«Теперь послушаем, что в жизни сделал он,
«Скажи нам про себя ты, смертный Аполлон».
Однако сей герой уста не отверзает,
И Дию ничего на то не отвечает,
Но Мом, проворный бог, вступился за него,
И совестно открыл героя нам всего.
Он всех разумнее природу превращает,
И в святки на полях здесь розы насаждает,
Заборы говорят, что дуж теперь мороз,
Хладеет в жилах кровь, у дамы зябнет нос;
А он в своих стихах о лете воспевает,
И снега рифмою своей растаекает,
Гуляет на горах Валдайских без препон,
И хочет виноград садити тамо он,

Валдайских девушек он в нимфы превращает,
Из Зимнегорских баб Помону выбирает,
Из Яжелбиц дьячка Вертумном он нарек,
И мыслит смастерить источники из рек,
Чтоб там Италия народу показалась,
И с нимфами в ручьях Дияна бы купалась,
И чтоб слышали вторичный оный стон,
Который испускал несчастный Актеон.
Но здесь не так, мой друг, когда твоя Дияна
Появится сюда, то даст в затылок жбана,
Иль доброго туза российский Актеон,
Не жалуют ведь здесь волшебных забабон,
И ежели плеснет водою на детину,
То он поправит ей тотчас поленом спину.
О превращениях забыли здесь давно,
Что Артемида нам, что девка, всё равно,
Не жертвою, девиц любовью здесь тешут,
А ежели не то, так за волосы чешут.
Волшебницы у нас людей не поморят,
Понеже розгами с народом их мирят.

Имеючи же он понятие высоко,
Вносился до небес, прищуривая око,
Чтоб лучше разобрать вселенную он мог,
Котору предпринял умом свалити с ног.
Архиву разума неспешно разбирает,
И будто таинство открыти нам желает,
Наморщил прежде лоб и палец закусил,
И мыслит, что он всю премудрость проглотил.
Задумчивость его нам много обещает,
Однак гора сия слепня теперь рождает,
Сей мудрый человек нам море обещал;
Однако обществу бессовестно солгал,
Идет из бездны вод не кит, сонная щука,
И не рублевая, копеешная штука.
Не нимфы из воды к нам на берег идут,
Лягушки, квакая, из тины в куст ползут.
Французских авторов как кисло тесто месит,
И совесть у людей безменами он весит.
Сперва читателей он много удивил,
Понеже не собой, но Галлом говорил;

А ныне как занёс по своему сей бахарь,
Так вылился тотчас из Аполлона пахарь.
Сладка была уха, как рыба в ней велась,
А если рыбы нет, отставь ее от нас.
Хотя и не совсем, однако вкус мы знаем,
Пустого ничего и с ложкой не хлебаем,
На сусле пива мы не тщимся узнавать;
Но окончания привыкли ожидать.
Пословицы такой мы долго не забудем,
Чем тише едем мы, тем дале, друг мой, будем.
Пожалуй не сули нам в небе сокола,
Синицу в руки дай нам, даром что мала.
Когда тебя, хитрец, мы в первый раз узрели,
Нам мнилось тогда, что виноград мы ели;
А ныне клюквою ты подбиваешь нас,
Конечно на тебя взглянул негодный глаз.

Еще он издал в свет предание такое,
Чтобы держали всех свиной теперь в покое,
И лучшее бы к ним почтенье всяк имел,
Под образом ее отца бы разумел,
Иль бабушку, иль мать, иль брата, иль сестрицу,
Или любовницу прекрасную девицу,
Хоть безопрятен зверь, сказал домовый сей,
Но может в нем душа любовницы моей.
О преселении уже сомненья нету,
Понеже издал я, а не другой кто свету.
Еще и прозою прелестною сказал,
Что в Риме часто был, и папу там видал,
В Ерусалиме жил, Египет точно знает,
О коем завсегда в простых людях болтает,
Пекин ему знаком, известен Испагань,
Видал он город Крым, видал и Астрахань,
В Царьграде продавал подовые на рынке,
Которы нашивал в лукошке он и в крынке,
Турецким языком горячие кричал,
И каждый он пирог по левку продавал,
Паши и Визири подовые едали,
И тут-то все его придворные узнали,
Имамам по утрам горячие носил,
У них и Алкоран на память заучил.

Константинополь весь в то время ужаснулся,
Как он, с лукошком шед, на камень спотыкнулся,
Рассыпал пироги, разбил тогда горшок,
Понеже в спину он почувствовал толчок,
А как озрелся взад, совместника увидел,
Которого пред сим недавно он обидел,
Супружницу его в любовь к себе склонил,
И пару пирогов за то ей подарил.
Он в суд его водил, а тамо присудили,
Чтоб ноги по земле его уж не ходили,
Хотели сжечь огнем, но Дервиши ягня,
Пришедши, вырвали из самого огня,
И заперли в чулан, в котором он спасался,
И тако жив и цел на свете сем остался.

Еще он множество романов сочинил,
В которых с вольностью великой говорил;
Маркизы у него торгуют часто мясом,
Принцессы хлеб ядят ржаной и с ячным квасом;
Гороховый кисель министры продают,
Солдаты без ружья блины про мир пекут.
Он тако говорил; я всё собой украшу,
Сварю я в миг один и из алмазов кашу.

Где было хорошо, он там поставит вздор,
Чтоб лучше обратить к себе народный взор;
И любит смешивать негодное с пригожим,
И думает, что мы не лучше расположим,
Когда покроются долины все снежком,
То Нимфы у него там бродят босиком,
Сие с намереньем он свету предлагает,
Понеже красное наш больше взор пленяет.
Как ноги озябут, то краска в них ала,
И больше всех она писателю мила.
Еще же я могу его и больше славить,
Понеже к азбуке старался букв прибавить,
В стихи перелагал почтовый календарь,
Вот он-то может быть в поэзии янтарь,
И подлинно зерно бесценное во свете,
А летами еще в весеннем самом цвете.
Рождение его мы знаем было где,
Угодно было то не сведомой судьбе,

Чтоб мудрый отрок сей от прочих отличился,
В неведомой земле — в Хохландии родился.

В сей час захохотал Меркурий над глупцом,
Кой был вооружен Пегасовым концом.
Вулкан, взглянув на шлем, искусно улыбнулся,
Под рыцарем осел в то время спотыкнулся,
Понеже грянуло по шлему молотком,
Хотя не востреньким, однак тупым носком,
И если бы тогда не уняли Пегаса,
То дал бы он ослу такого тулумбаса,
Что врютился бы он и по уши в песок,
Стремглав бы полетел и храбрый тот седок,
За надпись, что осла Пегасом означала,
И на безмозгом лбу прилеплена торчала;
Но Юпитер сие смятенье прекратил,
И благосклонный взор к уродам обратил,
Велел им учредить ристание без спору,
Чтобы по одному карабкались на гору.
«Гора сия, он рек, хотя не Геликон,
«И здесь присутствуем мы все и Аполлон,
«Однако посмотреть хочу я вашей силы,
«Что будете ли вы прелестным музам милы».

Единогласно все Юпитеру рекли:
«С охотою бы мы на гору потекли,
«Когда бы тут стоял бессмертныя храм славы,
«И будто б чрез реку наклали бы мы лавы,
«Не кованы у нас Пегасы никогда,
«Сухой нам труден путь, но лучше, как вода.
«Гора сия Олимп мы ето точно знаем;
«Но быти мы на ней ни мало не желаем,
«А просим, Юпитер, помиловати нас,
«И поместити всех на важнейший Парнасс».
Бог грома не хотел их просьбы совершити;
Но начали его богини все просити
С условием таким, что если все писцы
Согласны будут им достати образцы:
С французских чепчиков, корнетами зовомых,
У философок дам, писателям знакомых.
И также выкройки с робронтов, юбок, роб,
И чем левкаются и натирают лоб,

Позже скучила им старая одежда,
В которой гибнет их любовная надежда.
От века голые являются на свет,
Как будто бы у них уже и юбок нет.
Их часто иль всегда ничем не прикрывают,
Так видны и грехи нередко их бывают.
Кабакские у нас ярыги как ни пьют,
Дерут у них лицо с одеждою, как бьют;
Однако завсегда хоть серый кафтанишко
Имеет на себе ярыжное плечишко;
А сей исполненный прелестных качеств род
Как будто больше уж ярыжных наших пьёт,
Что нет у них чепца, ни нижняя юбчонки,
И ходят голые, как маленьки девчонки.
Того для вздумали Парижу подражать,
Чтоб хахалям себя им лучше показать.
Писатели стихов схватили тут привычку,
И рядят для того Венеру в бабью кичку,
Юнону наподхват описывают так,
Что будто бы платок повязан на колпак.
Юпитер в сапогах со скобками гуляет,
Меркурий лошадей свистя кнутом стегает,
Вулкан из кузницы к станку в лаптях идет,
Не стрелу Йовишу, подкову он несет.
Великое число писателей премудрых,
Вещающих о сих материях пречудных.
Довольно для меня, коль я скажу о том,
Как божеский тому возрадовался дом,
Когда писатели контракты заключили,
Чтоб голые с сих пор богини не ходили.
«Мы будем одевать, они сказали так,
«И тотчас изъясним, какой в одежде смак».
Богиням Юпитер бесспорно угождает
И муз он на Парнасс в то время посылает.
«Поди, он говорит, пресветлый Аполлон,
«Вели писцам сим петь, каков их будет тон,
«По оному свое мы мнение расположим,
«Убавим сраму их, иль может быть умножим,
«Когда противу нас дерзнути кто хотел,
«То должен казнь приять по мере славных дел».

Конец второй песни

ПЕСНЬ ТРЕТЯЯ

Когда приходит брак невестою желанный,
Тот день ей кажется порфирию венчанный,
Светлее солнышко восходит из-за гор,
Природа прелестей являет ей собор,
Приятнее тогда зефиры нежны дышут,
И боги счастье ее на небе пишут,
Жених ей кажется складнее всех людей,
Получше у него причесан и тупей,
Умильненький носок и аленькие щочки,
Как будто бы хватил он чарочку из бочки,
Прелестно нюхает из перстиков табак,
И важен так во всем, как древний думный дьяк.
Парнасс тогда в таком восторге находился,
Как славный Аполлон на оном появился,
Восстала музыка из разных тамо лир,
По коей бы плясать пошел в присядку мир,
Когда б услышали согласие такое,
Что с музыкой текло тут время золотое.
Во-первых Аполлон амбросии поел,
Понеже дальний путь к Олимпу он имел,
И не взял про запас с собой ни ломоточка,
А тамо не дали и хлебца ни кусочка,
Понеже, говорят, там хлеба недород,
И затхлою мукой питается народ.
Все боги пьют вино, богини часто пляшут,
И в роскошах таких земли они не пашут,
На нивах их растет природна красота,
Крапива и репей, курячья слепота,
Которыми они наружность украшают,
И щевелем себя как дивии питают.
Потом всем жителям Парнасским он изрек,
Что прибыл в общество их мудрый человек,
Который всё, что есть на свете, разумеет,
И тысячу умов в главе своей имеет,
Все люди родились, но оный не рожден,
Хотя во образе он смертном совершен.
Не в давни времена, в прошедшие дни века,
Фортуна вздумала создать человека,
В Италии она сперва украдала нос,

Который все носы гораздо перерос,
В Мадрите у осла отрезала два уха,
В Париже заняла картушева фунт духа,
Украдала сердце там, где ближнему вредят,
Где вои пленников изжаривши ядят,
За мозгом ездил к Дияниному храму,
Где славный Герострат зарыт иль брошен в яму,
Из мудрой сей главы взяла она кусок,
И врютила его не в череп, но в висок,
Глаза подтяпала у злейших Медузы,
Котору проклинали от века славны музы,
Украдала и язык в чухонской стороне,
У пьяного чухны лежаща на гумне,
Составила главу из сих частей различных,
Которы набрала у смертных политичных,
Потом стараяся из разных также стран,
Достала рамена и руки, ноги, стан,
Но только разума достати где не знала,
Того для в тварь сию его и не влияла,
Когда же привела махину всю к концу,
Тогда движение дала сему глупцу.
Как только вышел он на свет из темной ночи,
И ненавистные открыл свои лишь очи,
Тогда на всех людей разинул страшну пасть
И предпринял он всем готовить напасть,
Но сколько он писать охоты ни имеет,
Однако ничего понынь не разумеет,
И нет надежды в том, чтоб смыслил он когда,
Того для и вредить не может завсегда,
Однако думает, что делает обиды,
Испорчены, кричит, на русском Енеиды,
И нынь Анакреонт украинец, не грек.
Но сей премудрый муж ученый человек,
Не только Енеид, не смыслит и Евдона,
Понеже он у нас похуже и Прадона,
Хотя и говорит, что он с Мосохом жил,
И будто у него гофмейстером служил.
Таковую правду мы все в свете презираем,
И путешествия его мы не читаем;
Он сроден наяву так бредить как во сне,
Однак пора его к себе призвати мне.

Ступай, великий муж, на верх теперь Парнасса.
Пришпорь ты своего престрашного Пегаса,
Пустьись во весь опор, вспрыгни поспешно к нам,
И всем себя яви, что ты велик и сам.
Не филины в пустых хороминах запели,
И не чухонские телеги заскрыпели.
Не ветер окнами в казармах застучал,
Но витязь наш на верх Парнасса поскакал,
И все за ним писцы карабкались туда же,
Никто не видывал сего на свете гаже;
Позорище сие родило столь утех,
Что слышен был тогда между звездами смех.
Пииты, восходя, карабкались руками,
И кто оборвался, летел уж вверх ногами,
Иной катился вниз так скоро, как кубарь,
И словом, всякая марательная тварь
Затылок, зубы, нос и губы повредили,
Но несмотря на то, на гору восходили.
Взобрался на Парнасс нестройный маскарад,
Запели стихачи на свой негодный лад,
Смутились тогда ученые там души,
А музы, Аполлон заткнули тотчас уши,
Свирепый как Пегас копытом застучал,
Так всякий стихоткач в то время задрожал;
Но славный витязь мой того не понимает,
И тако о себе, поднявши нос, вещает:
«Стихами я богат, а прозой нажил дом,
«Сатирами купил карету со стеклом,
«Романами себя вознес теперь высоко,
«И славу пространил весьма мою широко.
«Кто может в знании со мною стати в спор?
«Я знаю, что Гомер писал лишь только вздор,
«Там пухлые стихи, где хвалит он Зевеса,
«А инде бешенство прегорда Ахиллеса,
«Рассказы, бред, что мелет Одиссей,
«Там может ли мне быть писатель равен сей.
«Мой слог и мысль сама премудрость созидает,
«И разум мой теперь вселенну всю питает.
«Из божеской главы Минервой я рожден,
«Так можно ль, чтобы я был смертным побежден».

Слова сий из уст как только излетели,
То вихри буйные ужасно заревели,
Спиральсь облака и скрылся дневный свет,
Покрыла небо мгла и воздух в части рвет,
Вороны в деревьях под кровлями скрывались,
Подобно воробьи сей бури испужались;
Потом из грозных туч ударил сильный гром,
Сильные, как мужик в пень тяпнет топором,
Сверкали молнии в Парнасском горизонте,
И так же свет блистал на Ипокренском понте,
Град сильный шел тогда белее молока.
Потом разверзлись густые облака,
Явился Юпитер, прогневанный писцами,
Как будто кучер чей с предлинными усами,
И сидя на орле, спускался на Парнасс.
Как только он сошел, то в тот же молвил час:
«Как смеешь ты богов толико порицати,
«И к ним себя в родню так дерзко приплетати,
«Ты Диевым сынком себя теперь нарек,
«И может ли то быть, чтоб враль не человек
«С богинею на свет премудрости родился.
«Я вижу, что, писец, ты разума лишился,
«Поэзия тебя в дурачество ввела,
«Что мелешь ты тебе несведомы дела,
«Желая описать великого Могола.
«Но что касается до божеска престола,
«Когда рассудок твой толико много слаб,
«То лучше б ты писал про пьяниц, подлых баб;
«Терпение мое скончалось над вами,
«Принужу я вас петь другими голосами».
Юпитер за ногу писца сего схватил,
И в землю головой в минуту обратил,
Швырнул он бедняком, как камушком с Парнасса,
Пиит наш полетел, как мельница вертяся,
Упал в пустом лесу на срубленный пенёк
И проломил, бедняк, ватылок и висок.
Юпитер, рассердясь, помахивал писцами,
Как добрый лавошник дурными огурцами,
Иной летел стремглав, иной еще дрожал,
Чтоб брошенный в реку на камень не упал;
Но Юпитер хоть строг и много рассердился,

Однак от таковой работы утрудился,
С десятков он писцов с Парнасса побросал,
И руку оными довольно намахал.
Попалася ему, не знаю где, дубина.
Увы несчастье! о строгая судьбина!
Так начал он щелкать вралеи по головам,
В минуту весь Парнасс очистил по краям.
Тут повалилися худые стихотворцы,
Несмысленны писцы, чернильны раторборцы,
Катятся вниз горы, их головы стучат,
И зубы оттого как камышки звенят.
Завыли на стихах, на рифмах возрыдали,
И в сем падении Елегии писали.

Во время злобное в сей час, в сей злейший час,
Коликое число взмоглось на Парнасс,
Плачевное сие паденье все вкусили,
И вместо всех скотов они уж сами выли.
Всяк чувствовал себя, что сделался урод,
Однако к пению не затворяли рот;
К несчастью нашему проказы их возрастают,
И ныне хуже все, но больше воспевают.

Когда очистился от язвы сей Парнасс,
И музы собрались победой веселясь,
Великий Дий тогда всем жителям изрек,
Что всякий тут жилец премудрый человек,
Отныне Иовишем пребудет вечно знаем,
Утешен, ободрен и всеми почитаем,
Такую милость он торжественно сказал,
И севши на орла в свояси поскакал;
А я из-под горы в то время показался,
Как неприятельский весь скот уже убрался,
На чистом поле я немного погулял,
На славный тот Парнасс дивяся, позевал,
Увидя тамо муз, учтиво поклонился,
И с страшной брани сей невреден возвратился.

Конец.

ПОЭЗИЯ НАИЗНАНКУ

Комические поэмы Майкова и Чулкова не создали литературной традиции в русской поэзии. Развитие комического жанра шло скачками. В 1775 г. появляется «Душенька» Богдановича — гиперболизированный стихотворный пересказ «Психеи» Лафонтена. Богданович создал особый стиль шутливого пересказа мифологических сюжетов; но, несмотря на некоторые мелкие подражания, «Душенька» остается одиноким произведением. Позднейшие комические поэмы не являются дальнейшим развитием юмора Богдановича. Отразив в себе некоторые его черты, они всё же в основе восходят к старым западноевропейским образцам.

Новый этап в истории русской комической поэмы начинается с появившейся в 1791 году «Виргилиевой Енейды на изнанку».

Тип «поэм на изнанку», «перелицованных» или «травестирированных», восходит к деятельности «бюролескных» поэтов Франции — Дассуси и, особенно, Скаррона. Поэзия стиля «бюролеск» (от итальянского *bugla* — шутка) начинается появлением в 1648 году нескольких травестирированных поэм и продолжается до 1660-х годов, когда быстро приходит в упадок. Но около 15 лет эта поэзия пользовалась необычайным успехом. В основе травестирированная поэзия состоит в том, что берется какое-нибудь героическое эпическое произведение или какой-нибудь античный миф и излагается шутовским образом, причем персонажам придают черты обывателей нового времени и их язык воспроизводит систему просторечия, резко контрастирующего с «высокой» темой повествования. Таковы поэмы Дассуси «Суд Париса» (1648), «Веселый Овидий» (1653), «Похищение Прозерпины» (1653) и др. Но особенный успех имела «Энеида» Виргилия в переработке Скаррона, который с 1648 г. по 1652 г. выпустил восемь песен перелицовки. Вообще «Энеида», как наиболее популярная эпическая поэма древности вызвала наибольшее количество перелицовок. В ближайшие после 1648 годы появилось

около семи травестированных «Энеид» на французском языке; вслед за ними начали выходить травестированные «Энеиды» на диалектах, ознаменовавшие характерное пробуждение окраинных провинциальных литератур и наречий. Таковы «Энеиды», вышедшие в Тулузе, в Дижоне и др.

Поэмы Дассуси и Скаррона вышли в год революционного брожения, известного под именем Фронды, во время которой для борьбы с королем и придворными кругами объединилась судебная магистратура (парламент) с парижской буржуазной демократией (торговцами центрального рынка). Скаррон был деятельным участником Фронды и написал несколько «мазаринад», направленных против руководителя королевской политики министра-кардинала Мазарини. Таким образом Скаррон не был чужд духу политического протеста. Его «Энеида» («*Virgile travesti*») есть результат такого же протеста в литературной сфере. Скаррон последовательно и ядовито высмеивает формы высокого эпоса. Его поэма — последовательная критика Вергилия, настойчивое обнаружение и показывание недостатков и искусственности латинской поэмы. В этом отношении Скаррон проявил высокую литературную культуру. Он внимательно выискивает все невязки и непоследовательности Вергилия, все натяжки и невероятности приключений и положений героев, и с особенным упорством пародирует «благочестие» и плаксивость Энея. Язык поэмы — сниженно разговорный, с обилием жаргонных словечек. Стих — не торжественно высокий стих эпических поэм, отличавшийся широкой декламационной амплитудой (к этому времени уже александрийский двенадцатисложный стих вытеснил старый десятисложник, воспринимавшийся как стих шутового или старомодного повествования); Скаррон взял короткий восьмисложный стих (соответствующий русскому четырехстопному ямбу), употреблявшийся в высокой лирике, но в повествовательной поэзии производивший комическое впечатление ритмической краткостью и разговорной пестротой речевых интонаций. Короткие, язвительно-иронические, шутовские и нарочитовульгарные стишки Скаррона получили огромный успех. Об этом успехе свидетельствует Буало в «Стихотворном Искусстве», определяя также и социальный состав сторонников и противников бюрлеска (шутовского стиля).

Сам Буало был враждебно настроен по отношению к бюрлеску и позднее в противовес этому стилю создал героико-комическую поэму. Вот стихи Буало в старомодном переводе Тредиаковского:

Что ни писали б вы, стрегитесь подлы быть:
Возможет низкий сам слог благородно плыть.
Стиль шутовской, презрев рассудность головою,
Сперва всех обманул своею новизною.
Без *шильца*¹ вот нигде уж не было стихов.
Парнасский стал язык на площади каков.
Катится без узды стих вольно всяк горохом:
И Апполлин тогда сам стал быть скоморохом.
Проказа перешла сия вдаль к областям,
С подъячих и граждан пристала ко властям.
Прескверный самый шут хвалу сыскал премногу;
И Дасусий² привлек чтецов к такому ж слогу.
Но наконец уже то усмотревши двор
Все сумасбродство сих презрел стихов и здор:
Простое отменил от смехотворна звона
И в дивность городам оставил в век Тифона,³
Чтоб не сквернил сей склад нимало ваших дел;
Нам красота игры в пример Марот как пел,
Игрищам отдадим мы шутовство харь гнусно.

Здесь ясно противопоставлен торжественный двор любителей бюрлеска подъячим и гражданам (*le clerc et le bourgeois*), столица — городам и областям (*provinces*), где изгнанный из придворных сфер Скаррон нашел горячий прием и длительный успех. Имел Скаррон успех и за пределами Франции: в 1664 г. его *Виргилий* был переведен на английский язык Коттоном.

Травестированные поэмы Скаррона имеют один крупный недостаток, который вероятно чувствовал сам автор и который преодолевался только неограниченным досугом читателей того времени: это чрезвычайная растянутость повествования, необычайная длина поэмы. Скаррон написал свыше 20 тысяч стихов и не довел дело до конца,

¹ Так Тредиаковский перевел франц. *pointe* — острота: заключительная мысль в шутовском произведении, обычно состоящая в неожиданной игре словами, каламбуре и т. п.

² Негодный пиит, который перевел шутовскими стихами превращения Овидиевы. Перевод сей есть сбор изображений самых подлых и грубых. (Прим. В. Тредиаковского.)

³ Шутовская поэма: автор ее славный Скаррон: она названа *Гигантомэхиею*. Тифон в ней есть самое главное лицо. (Прим. В. Тредиаковского.)

бросив «Энеиду» в середине восьмой песни. За Скаррона поэму оканчивали другие. Из всех окончаний наиболее известно напечатанное в 1706 г. окончание Ж. Моро де Бразе, известного авантюриста, служившего между прочим впоследствии, в 1711 году, в русской армии. Этот Моро известен нам своими записками, которые были приготовлены к печати Пушкиным, снабдившим их предисловием, в котором дается характеристика этого «наемного храбреца», «ищущего фортуны». Личность Моро де Бразе, этого случайного, непристроенного человека, весьма характерна для той среды, которая увлекалась бюрлескными, травестированными поэмами.

Теория бюрлеска создавалась не сразу. Правда, в момент его появления вышел в свет латинский трактат ему посвященный (*De ludicria dictione* Вавассёра, 1648); на ту же тему написано критическое письмо (29-е) Гезе Бальзака. Но теоретическое осознание жанра явилось позднее, когда Буало противопоставил бюрлеску героико-комическую поэму. С этого момента началось различие жанров двух комических поэм и строгое разграничение их особенностей. Это разграничение хорошо знали русские теоретики, хотя на практике граница между двумя родами комического повествования и разрушалась. Так различает оба рода Сумароков в своей «Епистоле о стихотворстве»:

Еще есть склад смешных геройских поем,
И нечто помянуть хочу я и о нем:
Он в подлу женщину Дидону превращает,
Или нам бурлака Енеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк,
Итак, таких поем шутливых склад двояк,
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку,
Гектор не на войну идет, в кулачный бой,
Не воинов, бойцов ведет на брань с собой.
Зевес не молнию, не гром с небес бросает,
Он из кремня огонь железом высекает,
Не жителей земных им хочет утратить,
На что-то хочет он лучинку засветить,
Стихи владеючи высокими делами
В сем складе пишутся пренизкими словами.
В другом таких поем искусному творцу
Велит перо давать дух рыцарский борцу.
Поссорился буян: не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.

Замаранный кузнец в сем складе есть Вулкан,
А лужа от дождя не лужа — океан.
Ребенка баба бьет: то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна: то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела.

Но это оставалось голой теорией. Как мы видели на примере поэм Майкова, чистой героини-комической поэмы («второго склада») у нас не было; зато замечалось тяготение к бюрлеску.

Имя Скаррона пользовалось большой популярностью в русской литературе XVIII века. «Душечка, возлюбленный Скаррон», взывает к нему Майков и неоднократно упоминает его имя, заявляя, что он следует Скаррону. Новиков прямо характеризует «Елисея» как поэму «во вкусе Скарроновом». Теми же словами характеризует Котельницкий поэму Осипова. И между тем необходимо признать, что Скаррон оказал весьма малое влияние на русскую комическую поэму; имя его было пустым символом, которым оперировали иногда только по наслышке.

Майков во всяком случае не был знаком с Скарроном. Не зная языков, он не мог читать его в подлиннике, а на русском языке в то время имелся только перевод его «Комического Романа» («Шутливая Повесть», пер. В. Теплова, 1763 г.); но этот прозаический роман ничего общего с травестированными поэмами не имеет. Да повидимому у Майкова даже не было верного представления о характере поэзии Скаррона. Он считал его порнографом («Оставь роскошного Приапа пышный трон, Оставь писателей кощунствующих шайку»), едва ли не путая его с Пироном.¹ Русские травестированные поэмы также не восходят к Скаррону. Осипов в своей переделке обратился к незадолго до того появившейся немецкой травестированной «Энеиде» Блюмауера. Поэма Блюмауера представляла собой сатирическое произведение, весьма отличное от бюрлеска Скаррона. Пламенный франк-масон Блюмауер задался целью написать антипапскую поэму, в которой подвергалось бы

¹ Такой же характер в поэзии Скаррона позднее усматривал А. Палицын, упрекавший Баркова за то, что он «пресмыкался след Скаррону» («Послание к Приветам», 1807 г.).

сатирическому осмеянию римское духовенство и католические монашеские ордены. Травестиrowание было лишь приемом для осуществления сатирических заданий. Осипов, который в начале довольно слепо шел за Блюмауером, перенес в первую песнь кое-что из сатирических выпадов немецкого оригинала (см. строфы 30 и 31 первой песни), но вскоре убедился, что следовать за антиклерикальной сатирой на русском языке невозможно, и в дальнейшем старался сочетать наиболее комические пассажи Блюмауера с собственным пародированием Virгилия.

Поэма Блюмауера отличается от Скаррона и формой. Вместо восьмисложного стиха парной рифмовки, как во французской обработке, Блюмауер ввел особую, «балладного» типа, строфу в семь стихов, в которой сочетались строки четырех- и трехстопного ямба, а последний стих выделялся тем, что ни с чем не рифмовал.

Чтобы показать сравнительный характер обработки Скаррона и Блюмауера, приведу начальные строки седьмой песни. Если сличить эти стихи с обработкой Осипова, то приблизительно ясен будет и характер его заимствования: пятая строфа Блюмауера соответствует 15-й строфе той же песни у Осипова.

С К А Р Р О Н

Et vous aussi, dame Caëtte,
En laissant le mortel squelette
Sur ces rivages sablonneux,
Vous les avez rendus fameux:
Enéas fit ce sacrifice
Pour le repos de sa nourrice,
Qui lui revint à vingt écus,
Quelque chose encore de plus.
J'ai déjà dit, ou j'ai dû dire,
Qu'il fut prodigue, le beau sire,
Et qu'il avait le nez tourné
A mourir un jour ruiné.
La cérémonie achevée,

Et la lune s'étant levée
Qui rendit les flots inconstants,
A ce qui semblait, tremblotants,
Les vaisseaux du port démar-
rèrent,
Les vents dans les voiles souff-
lèrent,
Et firent aller les vaisseaux
Aussi vite que les chevaux.
Les plus hardis Troyens blémirent
Al'aspect d'une île qu'ils virent:
C'était l'île à dame Circé,
Grande sorcière au temps passé.

Б л ю м а у е р

Inhalt

Wie der fromme Held Aeneas endlich in Welschland anlandet, und wie sich ob einem frommen Traum des Königs und einem gottlosen Hündlein ein blutiger Krieg entspinnen thät.

Eh sich der Held von hier begab, Vierfüß'gen Amme, deren Grab
Liess er noch seiner alten, Hier war Exequien halten:

Die Ziege war ein gutes Tier,
Drum hatt' Aeneas sich an ihr
So lämmchenfromm gesogen.
Die nächste Nacht, da Meer und
Wind

Ein Bischen quiescirten,
Ging unser Held und sein Gesind
Zu Schiff. Es convoirten
Zephyre den Trojanerschub,
Der Mond ging als Lanternenbub
Vorán mit der Lanterne.
Auf einmal sah der Schiffertross
Auf seiner nassen Fährte
Ein Eiland, und ein prächtig
Schloss,

Das Circen zugehörte:
Frau Circe nannt' es *Mon Bijou*,
Das Eiland aber selbst war *Trou*
Madame zubenamset.
Hier travestirt die Zauberin
Die Herren Passagiere,
Die hin nach diesem Eiland ziehn,
Zum Spass in lauter Tiere:

Da ist kein Volk, kein Menschen-
stand,
Den sie mit zauberischen Hand
Nicht metamorphosiret.
Hier singt sein Goldschmidbub' als
Fink

Ein junger Engelländer,
Dort schimpfet als ein Rohrsper-
ling

Ein toller Niederländer,
Als Windspiel läuft hier ein Fran-
zos,

Dort bittet ein Holländertross
Als Frösch' um einen König.
Hier kommt als Truthahn stolz
ein Don

Hidalgos angeschritten,
Ein Deutscher als Chamleon
Schnappt dort nach fremden Sit-
ten,

Als Faultiers schläft ein Römer hier,
Verwandelt in sein Murbeltier
Tanzt dort ein Savoyarde.¹

Если сличить французскую и немецкую обработку Виргилия с одной стороны, а поэму Осипова с другой, то сразу выясняется различие между русской и западно-европейской перелицовками. Начнем с внешних форм. Осипов,

---

¹ Вот соответствующее место «Энеиды» Виргилия в переводе В. Петрова 1770 г.

И ты, вождь юности Енеевой Каета,
Ты тако ж от сего переселеньем света
Прославила наш брег; поныне знаменит
Мыс оный, под собой кой пепел твой хранит;
И, если состоит во оном кая слава,
Надгробие твое чет Рима вся держава.

Еней последний долг Каете заплатя
И прах ее костей гробницею почтя,
Утихшу морю, флот ко бегу направляет,
Подъемлет парусы и пристань оставляет.
Дыханья нежные под вечер стали дуть;
Луна, препятствуя ему текущу в путь
Прекрасные лучи со неба долу мечет;
Под зыблющимся понт ее сияньем блещет.
Уже крылатые по морю корабли
Летят близь Циркиной опасныя земли,
Где песни солнца дочь вспевая громогласны,
Вкруг полнит оными дубравы преужасны...

обратившись к Блюмауеру, не заимствовал от него его стихотворной формы. Его строфу он однажды воспроизвел в стихотворении, вошедшем в серию «Овидиевых любовных творений», под заголовком «Меркурий женского рода»:

Послушайте, что я скажу
О славной чудодейке,
И въявь на деле покажу,
К сей старой как злодейке
Валятся все, как пчелы в рой,
Кусочек сладенькой с собой
Чтоб от нее подтяпать.

Я побыл сам в ее руках
И видел очень ясно,
Как в лакомых она сердцах
Шурмует ежечасно.
Я знаю то собою сам.
Внемлите все моим словам!
Имей слух да слышит.

Но в перелицовке «Энеиды» Осипов пошел по другому пути. Заимствовав у Блюмауера самую идею строфы, он обратился к той строфе, которая имела большое применение за пределами эпической поэзии, — к строфе торжественных од. Одические десятистишия четырехстопного ямба звучали в комическом повествовании совершенно иначе, чем в высокой лирике. Выбор размера оказался удачен, и после Осипова десятистишия четырехстопного ямба стали обязательны в русской травестированной поэме. Вообще применение четырехстопного ямба к повествовательной поэме стали твердо связывать с именем Осипова. Этому не мешало появление других, правда весьма немногочисленных, поэм того же размера (напр. некоторых песен «Бахарианы» Хераскова, 1803 г.). Этим объясняется, почему при появлении «Руслана и Людмилы» Дмитриев сравнил поэму Пушкина с «Энеидой» Осипова, обратив, очевидно, внимание на размер стиха.¹

Впрочем, именно «Руслан» и заставил забыть о четырехстопных ямбах Осипова.

Выбор Осиповым четырехстопного ямба и одической строфы далеко не случаен. В основе этого выбора лежит глубокое родство пародийной поэмы Осипова с шуточной и сатирической одой. Я разумею сейчас не «вздорную оду» Сумарокова, относящуюся к гораздо более раннему периоду, и не «Фелицу» Державина, по дате сравнительно

¹ Письмо Дмитриева не дошло до нас, но о нем мы узнаем из письма Карамзина Дмитриеву 7 июня 1820 г.: «ты, по моему мнению, не отдаешь справедливости таланту или поэжке молодого Пушкина, сравнивая ее с Энеидою Осипова». (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, 1866 г., стр. 290.)

близкую к поэме Осипова (1782 г.). «Энеида наизнанку» обнаруживает родство не с парадной литературой верхов, а с низовой литературой, возникавшей не в литературных кружках дворян дилетантов или обслуживавших «светское» общество профессионалов, а в среде грамотеев из «низов», из разночинцев, из податных сословий, в среде бурсаков и студентов. Читателями их были неискушенные в литературе люди, далекие от изысканной культуры верхов. Осипов сам определяет своих читателей:

Я мню, что чуть не половина
Читак моих такого чина,
Что учены по старине
И мифологии не знают.

(Энеида, песнь седьмая)

Низовая литература развивалась на простом отталкивании от литературы парадной, которая была чужда ей по тону и по теме. Там, где парадный поэт находил материал для выпренных парений, там поэт низовой видел лишь повод для издевки и глумления. Темы, кававшие для придворного одописца священными, являлись предметом жестокого осмеяния и сатиры. Шутки низовых поэтов были грубоваты с точки зрения литературных салонов, и их произведения часто не рассчитывали на печать. В XVIII в. рукописная литература имела большое распространение: книга еще не победила окончательно рукописную тетрадь. Наиболее популярные «народные» романы ходили в рукописях (напр. «Евдон и Берфа»). Рукопись имела то преимущество, что избегала всякого контроля, всякой цензуры. Шутливые оды Баркова распространялись в рукописях и имели широкую известность и чрезвычайный успех. Этот нецензурный заборный поэт упоминается во всех справочниках и словарях писателей XVIII века в качестве именно автора «сатирических сочинений, переворотов, и множества целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, к чему веселый его нрав и беспечность много способствовали», при чем «все сии стихотворения не напечатаны, но у многих хранятся рукописными» (Новиков, «Опыт исторического словаря о русских писателях», 1772 года). Барковские оды в 70-х и особенно 80-х годах становятся достоянием массового «низового» читателя, и на их основе возникает домашняя рукописная сатира,

которая могла иметь и очень узкое распространение (сатира школьная, полковая и т. п. на учителей, сослуживцев, ближайшее начальство) и более общее значение, преследуя своей насмешкой те явления и те социальные слои, которые пользовались особой охраной в пределах печатной литературы: судьба Радищева достаточно свидетельствует о характере этой охраны.

Насколько эта сатирическая литература близка по стилю к осиповской поэме, можно показать на примере. Этот же пример покажет и социальные симпатии автора, а следовательно и социальную природу той среды, в которой подобные произведения имели успех; этот же пример покажет и литературные приемы анонимного автора, отличающие в нем грамотея-бурсака или студента. Вот несколько цитат из одной рукописной сатиры того времени, имеющей оригинальное название «Планиграфия» («описание заблуждений»). Греческая этимология этого заголовка показывает, что ее автор хотя бы поверхностно был знаком с греческим языком, что естественно для бурсака.¹

Автор начинает:

Всего пространного здесь мира
Хочу я нравы описать,
Но ода ль будет иль сатира,
О том не буду толковать.
Пускай прочетши как кто хочет
Об этой малости хлопочет,
Я то лишь наперед скажу:
Судья, монах, бояре, бедны
Все будут мною не забвенны,
Про всех с почтеньем расскажу.

Для исполнения задания поэт обращается к музе:

Но чтобы поступать нам смело
И чтоб с успехом окончатъ
Сие немаловажно дело,
Нам нужно древним подражать.

¹ Данная ода-сатира написана, вероятно, позднее «Енейды». В ней, между прочим, с точностью, доступной только семинаристу, описана тяжба двух кандидатов на место священника: дьячка и семинариста; здесь же указано, что ныне порядок распределения священнических мест изменен и передан в ведение архиереев. Это произошло в 1797 году. Таким образом приводимый образец показателен только для характеристики жанра и социальной природы той среды, в которой он жил. Но корни сатирической оды

Не вод напьемся Гиппокренских,
Чтобы народов грубых, дерзких
Умять как вялую траву:
Возьмем-ка, муза, с тобой в руки
Мы добрый ковшичек сивухи
Иль сельской бражки ендову.

Затем поэт приступает к обличению намеченных лиц. Первые идут судьи. Для того рассказывается история о том, как помещик заперол до смерти восемь крепостных «за потеряние борзашки», был судим и оправдан, так как подарил судьям двадцать душ.

Нет, муза, нет, судей не трогай!
Но если хочешь, похвали
За их кротчайший суд не строгой,
Смотри, как барин! — ежели...
Конечно древние бы *istum*
Давно сослали бы *ad Istrum*.¹

старше поэзии наизнанку. Подобные оды имели распространение еще в 70-х и 80-х годах XVIII века. Уже тогда определился стиль и словарь подобных од. Вот две строфы из оды 1781 года, направленной против Аблесимова и приписывавшейся Лукину (см. оду полностью «Ежегодник имп. театров» 1893—1894 гг. Приложения, книга 2-я, стр. 144—146, сообщ. Н. Тупиков).

Подай мне, муза, балалайку
Хочу я оду отодрать
И в стихотворческую шайку
Себя намерен записать.
Иду не на Парнас, на Пресню
И петь хочу похвальну песню
Премудра Мельника творцу,
Пускай, хоть я не *ворозища*,
Однако ж топнув *кови пивища*
Хвалу свахляю молодцу.
Свою оперой прекрасной
Кинольту дал ты тулумбаз
И *Метастазию ужасный*
Ты ею же *отвесил раз*.
Фавар с тобой не входит в *спорец*,
Ведь ты у нас не *однодворец*,
Тягаться лзя ли всем с тобой?
Ты купишь добрую *плетищу*
Да подрумянишь им спинущу.
Так спор они забудут свой.

(Курсивом автор выделяет слова, заимствованные у Аблесимова.)

¹ Переписчик сопроводил латинские слова их русской транскрипцией: «истум» и «ад иструм»; однако не перевел: *istum* значит «такого», *ad Istrum* — на Истр (Дунай) — намек на место ссылки Овидия.

Моли сей бога господин,
Не в те что времена судился,
В которые в суде гордился
Обёл Калигулом один.

Здесь характерно макароническое смешение русского с латинским, заставляющее предполагать в сатире бур-сацкое происхождение.

Далее, остановившись на деталях искания священнических мест, автор переходит к обличению монахов. От невежественного, корыстолюбивого и развратного тунядца монаха автор переходит к монахиням и священнику, именуемому «надменной долгогривой тварью». После этого сатирик переходит к главному своему сюжету:

Отцы почтенны святославцы!
Прошу в том злобы не иметь,
Что больше мне точить балясы
Признаться, с вами время нет.
Хоть посидел бы я подоле,
Да подчивать не время боле,
Прошу опять напредки вас,
Итак прощай, отец мой родный:
Теперь боярин благородный
Ко мне пожалует сейчас.

Переходя к этой ответственной теме, автор просит свою музу «Талию любезну» быть «скромней как можно». Тем не менее картинки барских нравов оказываются совсем не скромные. Вот «лет во сто старичище» зовет крепостную девушку, чтобы «скотскую похоть утолить»:

А если та не согласится
С чудовищем на гнусну страсть,
Как тигр сей идол разъярится
И учинит тиранску власть.
Я чаю, все затмятся солнца,
Как он ее запялит в кольца,
Бичами станет кожу драть.
Коль это истина нагая,
О боже!.. Талия драгая!
Престань сим дух мой колебать!

Здесь автор ставит вопрос о праве барина:

Но и куда как это странно!
Какое право продавать
Имеет ближних тварь им равна!
Чем земледелец виноват?

Иль тем, что прадедов их сыны
Взошли на дальные долины
И случаем попали в плен?
Или что потом и трудами
Господ питают стерледами.
А сами кушают лишь хрен?

Иной лишь то одно и знает
В трактире в билиард играть,
Пьет водку, бедных угнетает;
Но и не смей его замать!
Кричит: «Я двести душ имею».
Такому варвару-злодею
За что век рабствует народ,
И бедненький не видит света?
Не знаю, если не за это,
Что он не человек, а скот.

Далее автор обрушивается на барынь; затем появляется более традиционный в сатире тип скупца; после него сатирик собирався было обличать богача,

Кто для прожорливой мамоны
Преарел вопль ближнего и стоны,
Да опасаясь судей:
Как надарит им злата меру,
То судьи прямо на галеру
Меня отправят без затей.

Сатира кончается более мелкими типами, которые толпой идут к поэту за сатирической бражкой. Но бражка кончается. Едва удастся поднести подьячему, крючкодею и взяточнику; остаются без обличения «кокетка, плут, ярыга, петиметр, щеголь, замотыга». Сам поэт едва успевает «куликнуть» остатки.

Наличие серьезного сатирического элемента в этой «оде» не мешает характерному балагурству, роднящему это произведение с травестийной поэмой Осипова.

Это родство говорит о происхождении и мотивах выбора строфы «Энеиды». Когда перед Осиповым возникла проблема пародийной стихотворной формы, он обратился к уже готовому виду стихотворной пародии — к сатирической оде, имевшей обращение именно в той социальной среде, к которой принадлежал Осипов. Оригинальность Осипова состоит лишь в том, что он перенес пародийную форму, сложившуюся в стихотворной сатире на травестийное повествование. Но и то и другое было оппозицией парадной,

барской литературе. Только сатира резко обнаруживала свою социальную природу, а в травестийной поэме то же самое проявлялось лишь инстинктивно, подсознательно. Идеологически Осипов был далек от сатирического обличения господствующих классов, и если и почитывал Радищева, то не остановился перед тем, чтобы предложить свои услуги тайной экспедиции, этому наиболее мрачному органу екатерининской государственности. И «Энеида» поэтому пошла в печать и даже дождалась третьего издания.

Особая, «низовая», демократическая аудитория предопределила и самый характер травестирования. Об Осипове невозможны те споры, которые велись по поводу Скаррона: способствует ли его пародия пониманию Вергилия, не является ли она своеобразным истолкованием римского эпоса. Эти тонкости литературного порядка чужды были Осипову. Он обращался не к латинистам, не к литературным гурманам. И если идеологически он далек от социально родственного ему сатирика, то от филолога, смакующего пародическую обработку римского поэта, он еще дальше и социально и литературно.

При травестировании Энея Осипов вовсе не думал ни о литературной пародии на Вергилия, ни о политической сатире. Его задачей было нагромождение комических положений. Следуя за Блюмауером, Осипов размазывал его рассказ, отличающийся относительной краткостью (в девяти песнях, травестированных Блюмауером, немного более пяти с половиной тысяч стихов; Блюмауер не окончил своей перелицовки: окончание к его поэме написал Шабер). Стремясь к тому, чтобы поэма вышла как можно потешнее, Осипов до предела снижал язык и бытовую обрисовку персонажей. «Низкий» стиль переходил в стиль кабацкий, или — по терминологии того времени — «бурлацкий». Герои преимущественно пьют сивуху и обмениваются «тулумбасами». В их речах преимущественно господствуют разного рода «забобоны».

Мы не знаем точной литературной ориентации Осипова. Если он сохранил связи со Львовым (а упоминание имени Львова в поздних книгах Осипова дает основание это допускать), то он не остался без влияния кружка Н. Львова и Державина. Львов сам был любителем буффонады и мог

толкнуть Осипова на путь травестирования. Но вероятнее — литературная беспринципность Осипова, литературного ремесленника. Значение его поэмы более определялось читательской аудиторией, чем авторскими намерениями. Аудитория эта должна была быть достаточно демократической. «Енейда» вероятно имела большое распространение в среде читателя-приказного, купца, в среде мелкого духовенства и провинциального дворянства. Во всяком случае поэма имела именно читательский успех.

Но оказала она свое влияние не только на читателей. Она оставила свой след и на писательских группах. Не забудем литературной обстановки того времени, когда появилась поэма Осипова. Тот же Львов участвовал в «Московском Журнале» Карамзина, где в это время печатались и «Письма русского путешественника», и «Бедная Лиза», и чувствительные романы Дмитриева. В майской книжке журнала за 1792 год Карамзин поместил рецензию на первую часть осиповской поэмы. В виду особого интереса этой рецензии привожу ее целиком:

«Никто из древних поэтов не был так часто *травестирован*, как бедный Виргилий. Француз Скаррон, англичанин Коттон и немец Блумауер хотели на счет его забавлять публику, и в самом деле забавляли. Те, которые не находили вкуса в важной Энеиде, читали с великою охотою шуточное переложение сей поэмы и смеялись от всего сердца. Один из наших соотечественников вздумал также позабавиться над стариком Мароном, и нарядить его в шутовское платье. При всем моем почтении к величайшему из поэтов Августова времени, я не считаю за грех такие шутки, — и Виргилиева истинная Энеида останется в своей цене не смотря на всех французских, английских, немецких и русских пересмешников. Только надобно, чтобы шутки были в самом деле забавны; иначе они будут несносны для читателей, имеющих вкус. По справедливости можно сказать, что в нашей *вывороченной наизнанку* Энеиде есть много хороших и даже в своем роде прекрасных мест. Я приведу здесь некоторые из них. Юнона просит Эола, чтобы он возмутил море и погубил Троянцев.

Эол ей тихо поклонился,
Мешок поспешно развязал,

(см. далее стр. 281 до стиха:

Кипело море в той ночи.)

Ревела буря громогласно;

(см. далее стр. 281 — 282 до стиха:

На дно за раками пошел.)

(И л и :

Зевес тогда, с постели вставши,

(см. далее стр. 284 до стиха:

Ах, батюшка, сударик мой! и проч.)

И л и :

На креслах штофных с бахрамою
Разнежившись сидел Эней,
И хвастать начал он собою
Перед Дидоною своей.
Все вдруг замолкли, занишкнули,
К рассказам уши протянули,
И слушали разинув рот.
Эней то видя восхищался,
Как можно больше лгать старался,
Весь надседая свой живот.

«Если бы вся Энеида была так травестирована, то я поздравил бы русскую литературу с хорошим, и весьма хорошим комическим произведением; но, к сожалению, много и слабого, *растянутого*, слишком низкого; много также нечистых или противных ушам стихов — например:

Был мрак и днем так как в ночи. — —
Облизываясь как кот, и проч.

«О приписании или дедикации в стихах... не скажу я ни слова».

(«Московской Журнал», часть VI, 1792, май, стр. 205—208.)

Из этой рецензии видно, что стиль осиповской перелицовки Карамзин не считал чуждым новому литературному направлению. В нем его привлекало, вероятно, то же, что и в «Душеньке» Богдановича: «приятная шутливость», «игривость», «простота». Но произведение это не вполне отвечало требованиям карамзинского «вкуса»; ему претили растянутость, стилистические шероховатости и чрезмерная «низкость». Наконец, уже не только как писателя,

либерального Карамзина покорило низкопоклонное посвящение Шешковскому.

Литературно и социально приказный Осипов и его аудитория не совпадали, понятно, с аудиторией «Московского Журнала», но в каких-то условиях между ними мыслим был союз. Более сильным было направление Карамзина: оно было исторически продуктивнее и явилось началом крупных литературных явлений (вплоть до Пушкина); Осипов в этом союзе был слабой стороной: ему грозило скорее забвение; с прошлым он был связан больше, чем с будущим.

Однако поэма Осипова прошла не бесследно. За ним пошли подражатели. Здесь мы приводим две таких подражательных поэмы: «Ясона» и «Похищение Прозерпины». Но пожалуй наиболее значительным фактом подражания Осипову является переделка его перелицовки на украинском языке, сделанная Котляревским.¹ Украинская версия во многом превосходит русский оригинал. В композиционном отношении Котляревский выиграл, сократив до семи тысяч стихов около двадцати двух тысяч русского оригинала. Достоинством поэмы Котляревского является и этнографическая красочность. Хотя поэма Котляревского уже выходит за пределы русской литературы,² приведу здесь для сравнения конец первой части (соответствующий концу четвертой песни):

Так бідна з горя говорила
Дидона, жизнь свою кляла;
І Ганна що їй не робила,
Ніякой ради не дала.
Сама з царицей горювала
І сльози рукавом втирала,
І хлипала собі в кулак.
Потім Дидона мов унишкла,
Звеліла, щоб і Гандзя вийшла,
Щоб їй насумоватись в смак.

Довгенько так посумовавши,
Пішла в будинки на постіль;
Подумавши там, погадавши,
Проворно скочила на піл.
І взявши з запічка кресало,
И клоччя в пазуху чимало,
Тихенько вийшла на город.
Нічною се було добою
І самою тихою порою,
Як спав хрещений весь народ.

¹ Переделывая Осипова, Котляревский обращался и непосредственно к Вергилию и к перелицовке Скаррона. См. Стещенко, Поэзия И. П. Котляревского, Киев 1898 г., и его статью «Енеїда Котляревського и Котельницького в порівнанні з іншими текстами» в «Записках українського Наукового товариства в Києві» 1912 г., кн. IX.

² Впрочем, зависимость Котляревского от русской традиции еще ошутительна. Не даром Шевченко писал о ней: «Енеїда добра, а все таки сміховина на московський штальт».

Стояв у неї на городі
В кострі на зиму очерет;
Хоть це не по царській породі,
Та де ж взять дров, коли все степ;
В кострі був зложений сухенький
Як порох був уже палкенький,
Його й держали на підпал.
Під ним вона огонь кресала.
І в клоччі гарно розмахала
І розвела пожар чимал.

Кругом костер той запаливши,
Зо всей одежі роздяглась,
В огонь лахміття все зложивши,
Сама в огні тім простяглась.
Вкруг неї полум'я палало,
Покійниці не видно стало,
Пішов од неї дим і чад!—
Енея так вона любила,
Що аж сама себе спалила,
Послала душу к чорту в ад.

Перелицовка Котляревского послужила в свою очередь образцом белорусской переделке, приписываемой В. П. Ровинскому и написанной в 10-х годах XIX века. Эта перелицовка уступает своему оригиналу, хотя не менее его богата местным колоритом. От нее до нас дошел лишь отрывок в 300 стихов. См. статью Е. Ф. Карского «Белорусская Энеида на изнанку» («Сборник Харьковского Историко-Филологического Общества, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова», Харьков, 1908 г. Ср. Ул. Дзяржынскі, «Выпісы з беларускае літаратуры XIX і XX ст.» Менск — 1926, стр. 10 — 14).

Подобно Скаррону и Блюмауэру Осипов не закончил своей перелицовки *Виргилия*. Он остановился на седьмой песни. Последние пять песен перелицевал уже после его смерти Александр Котельницкий, тот самый, который до этого трагестировал вместе с Люценко по Овидию «*Похищение Прозерпины*».

Судьбы русской поэзии наизнанку имеют некоторое соответствие с западноевропейским отношением к этому жанру. Буало резко осудил его и тем предопределил длительное пренебрежение классиков к Скаррону. Вольтер, который в литературных вкусах часто придерживался традиции, рассматривает Скаррона как автора «плоских гнусностей». Так продолжалось до конца XVIII в. Но когда возникла сильная оппозиция Буало со стороны либерально-буржуазных «энциклопедистов», тогда произошла переоценка *бюреска*. Идеолог этого направления Мармонтель горячо вступился за Скаррона: «Те, кто серьезно восставали против *бюреска*, ломались в открытую дверь доказывая очевидное и всем известное. Сами авторы произведений этого жанра не сомневались в том, что они нарушают нормы благоразумия и здравого вкуса. Но смешно

упрекать человека, надевшего для маскарада причудливый костюм, в том, что он наряжен не по моде. Автор «Комического Романа» отлично знал, что он делал, выворачивая наизнанку «Энеиду». Но есть хорошие и плохие шутники: а под видом бюрлеска часто может скрываться много разума и остроумия. Нравственная цель подобных произведений в том, чтобы показать не только лицевую, но и обратную сторону предмета. Горделивое спокойствие человека нарушается тем, что самые великие и серьезные вещи обнаруживают свою смешную и низменную сторону: привычные убеждения оказываются основанными на обманчивой внешности. Этот контраст великого и мелкого, в их постоянном противопоставлении, производит на умы, обладающие чувством смешного, такое внезапное, быстрое и живое впечатление неожиданности и веселости, что самый грустный человек даже наедине не может удержаться от взрыва хохота... Доказательством того, что эта душевная встряска, производимая бюрлеском, происходит в силу контраста, — это то, что чем лучше читатель знает *Виргилия* и чувствует его красоты, тем забавнее ему читать перелицовку, созданную необузданной и насмешливой фантазией *Скаррона*. «Перелицованная *Энеида*» не что иное как маскарад; но этот маскарад не так уродлив и причудлив, как это обычно думают. Боги и герои переряжены парижскими мещанами; но все сохраняют свой характер, смешную сторону которого *Скаррон* схватывает верно и остроумно. Так, *Юпитер* стал простаком, *Юнона* — сварливой кумушкой, *Венера* — податливой и снисходительной мамашей, *Эней* — слезливым святошей, трусоватым и глуповатым, *Дидона* — скучающей вдовой, которой надоело вдовство, *Анхиз* — болтливый стариком и т. д. Сам автор принял образ наивного рассказчика, невежественно путающего времена и нравы, приписывающего действующим лицам язык своих ближайших соседей» («Начала Литературы», 1787 г.).

Таков панегирик *Скаррону* и бюрлеску, исходивший из либеральных кругов. Обратное, *Лагарп*, отразивший в своем «Лицее» (1799—1805) социальную и политическую реакцию, во всем своем 17-томном курсе нашел возможным сказать о *Скарроне* только следующее: «Перелицованный *Виргилий* — это такая плоскость, которая ста-

новится невыносимой после двух прочитанных страниц». И Лагарп доказал свое мнение тем, что сам не читал Скаррона: цитируя в одном месте будто бы «Перелицованного **Виргилия**», он в действительности приводит стихи из аналогичной перелицовки Перро (см. «Лицей» XVIII в., кн. I, гл. I, часть II).

Так на вопросе о перелицованном эпосе столкнулись представители оппозиции и реакции.

Н. П. ОСИПОВ

Мы располагаем весьма скудными сведениями о Николае Петровиче Осипове. Почти всё, что нам о нем известно, сводится к сведениям, сообщаемым Евгением Болховитиновым в его словаре русских писателей. Родился он в 1751 г. «от отца приказной службы»; получил образование сперва дома, а затем «в пансионах». Образование, по тем временам, было достаточным: с ранних лет Осипов знал два языка: французский и немецкий. В 1769 г. он поступил в Измайловский полк (в Петербурге) солдатом; в 1771 г. «приведен капралом». Ко времени службы в полку относятся первые литературные занятия Осипова. Этот эпизод его жизни еще не был известен. В эти же годы посещал полковую школу бомбардирской роты Измайловского полка Николай Львов. Литературные интересы сблизили Осипова и Львова, и они, при участии еще двух товарищей, братьев Ермолаевых, решили издавать рукописный журнал «Труды разумных общников». Журнал этот, переименованный сотрудниками на более скромный лад «Труды четырех общников», стал заполняться с 17 марта 1771 г. Н. Осипов был самым деятельным его сотрудником. Журнал открывался следующим акростихом Осипова, названным им на античный манер «Эпиграммой»:

Во что труды употребить?
Писать желанье коль имею.
О муза! тщишь в том пособить.
Люблю тебя, сказать то смею,
Знать хочешь: делать то на что?
Увидишь с слов начальных то.

Начальные слова дают нам девиз: «В ползу». Руководимый стремлением к «пользе» и, повидимому, поощряемый своим товарищем Львовым, Осипов усердно заполнял страницы этого журнала, поместив в нем около сорока стихотворений и несколько прозаических отрывков. Это были преимущественно мелкие стихотворения; среди них много переводов с французского (из Фенелона и Буало) и немецкого (из Геллерта и Каница). Журналу не суждено было долгое существование. В мае сотрудники перессорились по поводу эпиграммы П. Ермолаева на Львова, на которую Львов отвечал резкой «сатирой». До тех пор журнал заполнялся с промежутками от одного до семи дней (в среднем раз в четыре дня). После литературной перебранки в заполнении журнала наступает перерыв. Он возобновляется после 14 мая (день появления сатиры Львова) только 28 июня и повидимому продолжается силами одного Осипова. Это единоличное издание журнала не принесло удовлетворения автору, и 22 июля журнал прекратился.¹

¹ «Труды четырех общников» не изданы. Подробное описание этого журнала подготовил к печати Б. И. Коплан.

В 1773 г. Осипов перешел в армию в чине прапорщика, а в 1781 году вовсе оставил военную службу. После этого у него началась, повидимому, трудная жизнь мелкого литературного работника. Вероятно он зарабатывал выполнением различных переводов. Долгое время не выходило ни одной книги за его подписью, и только в 1789 г. его имя встречается в числе других переводчиков в русском издании сочинений Фридриха, короля прусского. К 1790 г. мы его находим живущим «у Владимирской, по улице от кабака ведерного, против первого двора Зеленова, в худеньком домике».

Этот 1790 г. был переломным в жизни Осипова. Повидимому здесь сыграло свою роль следующее обстоятельство. В этом году вышло в свет «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Немедля, по приказанию Екатерины, ее следователь и палач С. И. Шешковский учиняет розыски. Допросы начались с самого Радищева и с книгопродавца Зотова. Книгопродавец среди покупателей «Путешествия» назвал «какого-то сочинителя Николая Петрова». Так как в показаниях Зотова этот сочинитель фигурировал несколько раз, то Екатерина приказала его розыскать и допросить. Николаем Петровым оказался Н. П. Осипов, который дал следующие письменные показания:

«1790 года, июля 17 дня. Отставной поручик Николай Петров сын Осипов, на вопрос действительного статского советника Шешковского, объявил: Назад тому недели три или четыре приходил он в квартиру коллежского ассесора Петра Богдановича для прошения имеющегося на нем долга за переводы с французского и немецкого на российский язык им, Осиповым, книг. И в то время Богданович спросил его, Осипова, нет ли у него книги, называемой «Путешествие из Петербурга в Москву». На что он, Осипов, ему сказал, что у меня та книга была, но он для прочтения отдал ее господину генерал-поручику Николаю Ивановичу Ладыженскому. Богданович спросил: «где ты книгу достал?» На что Осипов отвечал ему, что купил ее в книжной лавке у купца Зотова за 2 р. 40 к. Богданович сказал на сие, что посылал к нему в лавку, но ее не достал; также спрашивал и в доме у Радищева, но и там ее не получил. Между тем говорил, что слышал он, будто та книга в Лейпциге на немецком языке — не помню — печатается или переводится. И после того он, Осипов, будучи в книжной лавке у купца Зотова, после того, как он, продаваши несколько дней, явился, между разговорами пересказал ему слышанное им от Богдановича о печатании той книги в Лейпциге на немецком языке. Оная книга здесь или в других городах печатается или нет, он, Осипов, не знает и ни от кого не слышал. Но судя по великому любопытству публики к той книге нельзя не сомневаться, что бы ктонибудь из корыстолюбивых и завистливых типографщиков не вздумал ее печатать. Службу он, Осипов, продолжал сначала лейб-гвардии в Измайловском полку солдатом и капралом; потом выпущен в Володимирский пехотный полк прапорщиком, где был и подпоручиком. А после того в 1781 году, за болезнями отставлен на свое пропитание с награждением поручицья чина. Обучался на своем коште французскому и немецкому языкам, математике и архитектуре. О сем, исполняя волю ее императорского величества, никому во всю свою жизнь

объявлять не будет, в чем и подписуюсь поручик Николай Петров сын Осипов».

Допрос этот, видимо, произвел благоприятное впечатление на начальство, и в том же 1790 г. Осипов устроился на службу. «По выздоровлении, — пишет Болховитинов, — вступил он, с 1790 г., декабря 24, опять на службу Главного почтового правления, где, в 1793 г., пожалован в титулярные советники, а в 1796 г., декабря 16, в коллежские ассессоры и определен к Секретной почтовой экспедиции и в Тайной канцелярии переводчиком. Он скончался 1799 г., мая 19, в С.-Петербурге». К 1790 г. относятся и первые печатные труды Осипова, появившиеся за его именем. Это были переводные романы, компиляции по домоводству (в роде «Старинной русской ключницы и стряпухи»), по коноводству и сельскому хозяйству, даже по карточной игре («Новый и совершенный расчетистый картежный игрок» 1791 г.). Очевидно, Осипова интересовала преимущественно прибыльность его литературных предприятий. Перед нами типичный литературный труженик, добывающий себе пропитание любым литературным заработком.

В следующем 1791 г. Осипов начал печатать свою перелицованную Энеиду (две первые части), посвященную автором Шешковскому-сыну.¹ Поэма имела большой успех, и в 1794 г. Осипов выпустил третью часть, а в 1796 г. — четвертую.² Осипов успел издать только эти четыре части, заключающие в себе 7 песен; вторым изданием эти четыре части вышли в 1800 г., а третьим, меньшего формата (обозначенным на титульном листке *вторым*), — в 1801 г. Закончил «Энеиду» Котельницкий, выпустивший пятую часть в 1802 г. и шестую — в 1808.

Перелицованная Энеида собственно является единственным оригинальным поэтическим произведением Осипова. После его смерти появились в 1803 г. относящиеся к 1798 г. «Овидиевы любовные творения, переработанные в Энеевском вкусе», но собранные в этом сборнике 13 шуточных «Любовных од» ничего общего с перелицованной «Энеидой» не имеют и большого литературного интереса не представляют.

Так как некоторые произведения Осипова появились уже после его смерти, очевидно после него остались наследники. Этим, вероятно, объясняется недоразумение, возникшее в литературе по вопросу о годе смерти Осипова. Им был предпринят в 1798 г. еженедельный журнал «Что-нибудь от безделья на досуге», заполнявшийся исключительно статьями издателя. Журнал этот прекратился на пятом номере. Однако в 1800 году появился комплект

¹ Иван Степанович Шешковский, сын Степана Ивановича, был бригадиром; родился в 1763 г., умер в 1818: повидимому интересовался литературой, как об этом можно судить по эпизоду, рассказанному в «Русской Старине» 1913 г., февраль стр. 409.

² Известность Осипова как автора Энеиды скоро упрочилась. В «Описании столичного города Санктпетербурга» 1794 г. в списке проживающих в Петербурге писателей значится: «Осипов, Ник. Переводчик при Почтамте, Виргилиева Энеида, вывороченная наизнанку».

журнала в 26 номеров, что вызвало предположение, что в этом году Осипов был еще жив. Вероятнее предположение Неустроева, что это издание 1800 г. было сделано каким-нибудь родственником Осипова, по его рукописи.

В бумагах Болховитинова (Публ. Библ. Погодинское собр., № 2009) сохранился послужной список Осипова, документирующий приведенные выше данные о прохождении им службы. В списке характерное умолчание о службе его в Тайной экспедиции. Вот этот список:

- 1) Коллежский ассесор Николай Петров сын Осипов.
Умер 1799 Маяя 19-го.
- 2) Из приказных детей.
- 3) 46 (лет).
- 4) (Есть ли имение?) Не имеет.
- 5) В службу вступил 1769 — января 13 лейб-гвардии в Измайловский полк солдатом, 1771-го капралом, потом по выпуске в армейские полки и 1773-го произведен прапорщиком, 1779 подпоручиком, 1780 за болезнь от воинской службы отставлен с награждением поручичьего чина, 1790-го декабря 24 по получении от болезни свободы определен в главное почтовое правление, где 1793-го сентября 2-го именным указом пожалован титулярным советником, 1796-го декабря 16-го коллежским ассесором.
- 6) (Был ли в походах против неприятеля?) Не был.
- 7) (Был ли в штрафах, под следствием и судом?) Не был.
- 8) (Был ли в отпусках?) —
- 9) (Был ли в отставке?) Не был.
- 10) Женат на иностранке Анне; детей не имеет.

В тех же бумагах Болховитинова сохранилась следующая стихотворная эпитафия:

Надгробие к. а. Н. П. Осипову.

Скорбящая жена сей камень полагает
На прах того, в ее кто сердце погребен;
С ее слезой свою и муза съединяет,
Которой целый век его был посвящен;
И памятник, сея воздвигнутый рукою,
Всё истребляющей, губительной косою
Сатурн не силен сокрушить:
С Энейдой Осипов в потомстве будет жить.

Г. Г.

Подпись чьей-то рукой расшифрована: Гавр. Гераков.

ВЕРГИЛИЕВА ЕНЕИДА, ВЫБОРОЧЕННАЯ НА ИЗНАНКУ

*Его Высочородию
Милостивому Государю моему
Ивану Степановичу
Шешковскому*

Стихов писачкам подражая,
И в авторы попасть желая,
Того лишь только и смотрел,
Чтоб как нибудь хотя немножко
В Парнасско вгнездиться лукошко.
Терпенья больше не имел;
И на шутливую погудку
Настроил вместо лиры дудку,
И не спросясь никак рассудку
Отважился, дерзнул - - - запел.
Увидя ж, что стихи клеятся
И в рифму кое-как ложатся,
Возмнил: зачем же мне зевать,
Такое время пропускать,
И как-нибудь не попытаться?
Авось-либо и мне удастся
К Олимпу хоть на час прокрасться,
И там хоть на один часок
Нанять у музы уголок.
А Феб детина не жесток,
Умов и лиц не разбирает,
И без разбора всех пускает;
В пииты всех определяет
Без всякого к нему приноса,
Без денег, даром, за ничто.
Однако ж, не смотря на то,
Украдкой многие без спроса
Тащатся к музам потайком
Хлебнуть хоть ложку Ипокрены,
А если не удастся в том,
То полизать хоть языком.

Такие точно перемены
Теперь случились и со мной.
Судьбой не ведаю какой,
Смотря на них и я вздурился,
И с ними в запуски пустился
Хоть ощупью по их следам
Добресть чтоб кой-как до Парнасса,
Накинуть оброть на Пегаса,
И волю дать моим стихам.
Но чтобы лучше отличиться
От всех сотрудников моих,
То вздумал не по их
Примеру в том трудиться;
И выбрав древнюю побаску
Скропал из ней смешную сказку;
По-новому совсем одел;
И обернувши на изнанку,
Как будто свойскую землянку
На новый лад в стихах запел.
Не мало в том я попотел,
Чтобы хоть первую частицу
Довести как можно до конца;
И за Троянску небылицу,
Иль шуточно сие маранье
Достать за труд мой в воздаянье
От Аполлонова лица
На место маслична венца
Хотя б с какого молодца
С заломом новомодну шапку.
Не мало времени писал,
Чертил, марал и поправлял,
И как-нибудь к концу пригнал;
И подхватя скорей в охалку
К печатальщику побежал,
Чтобы он новым сим стихам
Печатной книги званье дал;
И нарядя ее по моде,
Позволил бы ходить в народе
По всяким в городе домам,
Людей смотреть, себя казать,
Людскую скуку разгонять.

Направил резвым шагом ноги
Я книжной фабрики в завод,
Отколь выходит книжный род.
Но вдруг посереде дороги
Почувствовал в себе волнение,
И необычное движение
Нежнейших чувств души своей.
Не мог идти, остановился,
Как будто был удержан кем;
И долго времени чудился
Незапной перемене сей,
Вдруг ставши глух, и слеп, и нем.
Но в стыд пришел вдруг чрезвычайный,
Услыша в совести своей
Упрек себе необычайный
В неблагодарности моей.
Обязанность и Благодарность,
Усердь, Долг, Любовь, Преданность,
Почтение, Искренность и Честь
Перед глаза ко мне предстали,
И мне с угрозами вещали:
«Возможноть терпеливо снести,
«Что ты нас всех позабываешь?»
«Ужели ты не замечаешь,
«И внутренно не ощущаешь,
«Что мы все вместе от тебя
«Нам должна удовлетворенья
«С нетерпеливостью ждем?
«Войди хотя на час в себя;
«И в сердце рассмотри своем:
«Не должен ли благодаренья
«Кому-нибудь ты оказать?
«Не должен ли кому ты нами
«Себя обязанным считать?
«За тем пришли нарочно сами
«Тебе в глаза явиться в яв,
«Чтоб всё сие тебе сказав
«Напомнить, строго приказав,
«Чтоб ты теперь же неотменно,
«Исполнил всё то непременно,
«Что мы тебе давно велим.

«То правда, знаем мы не ложно,
«Тебе что вовсе не возможно
«Пред благодетелем своим
«На самом деле изъяснить,
«Чем ты ему обязан нами.
«Никак, ни словом, ни делами
«Не можно удовлетворить,
«Что мы тебе повелеваем,
«И в сердце у тебя питаем
«За благосклонности его.
«Но ежели нельзя всего
«Сердечна чувства исполнить,
«Потщися как-нибудь дополнить
«Знак благодарности своей
«Хотя ты книжкой сей.
«За покровительство и честь,
«Без всякой от тебя заслуги,
«Что удостоил он тебя,
«Осмелся ты ему поднести
«То, что тебе твои досуги
«Позволили во свет издать;
«И тем признай ему себя
«Пред всеми, что питаешь вечно
«К нему усердие сердечно,
«И благодарность ощущать
«Дотоль никак не перестанешь,
«Покамест жить на свете станешь».

И так приказ тот исполняя,
Себе за долг я чту и честь
Сию вам книгу посвящая
Осмелиться при сем поднести.
Желал бы вам всё то сказать,
Мое что чувствие сердечно
В душе моей питает вечно
И будет навсегда питать;
Но то лишь можно ощущать.
А если описать словами,
Колико я обязан вами
И сколько милостей ношу,
То сил не нахожу ни мало.

Теперь покорнейше прошу
Позволить, чтоб сие начало
И первый плод моих стихов
От вас был принят в ваш покров.
С тем купно и себя вручаю
К услугам вашим навсегда;
С нетерпеливостью желаю,
Чтоб лучшим чем возмог когда
Вам доказать всю благодарность,
Почтенье всё, и всю преданность,
В себе что к вам я ощущаю.
За долг и честь себе считаю
На веки с ними к вам остаться,
Быть навсегда и называться,
Не погнушаетесь коль мною,
Покорнейшим для вас слугою.

Николай Осипов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ.

С о д е р ж а н и е. Еней претерпевши кораблекрушение был брошен на пустой берег и принят благосклонно Ливийскою Царицею, которою угощен великолепно.

Еней был удалой детина,
И самый хватский молодец;
Герои все пред ним скотина;
Душил их так, как волк овец.
Но после свального как бою
Сожгли обманом греки Троию,
Он, взяв котомку, ну бежать;
Бродягой принужден скитаться
Как нищий по миру шататься,
От бабей злости пропадать.

Какая ж бы была причина
Ему Юнону рассердить?
Еней был хоть куда детина;
За что б его ей не любить?
Богиням вовсе не годится
Людьми как щепкой веселиться,
И так, как мячиком, швырять.
Но знать, что на Олимпе бабы
По нашему ж бывают слабы,
И так же трудно их унять.

Юноне больше перечоса
Парис когда-то досадил,
Когда у ней вдруг из-под носа
С насмешкой яблочко схватил.
Юпитера подозревала,
И к Ганимеду ревновала,
Который был Енею сват.
Парис по матушке Енею
Был самой ближнею роднею;
А именно: крестовый брат.

Вот дело всё, за что Юнона
Его хотела погубить;
Хотела дать ему трезвона
И непременно утопить.
Пошел Еней на сине море,
Взвился, пустился мыкать горе
И странствовать он полетел.
Судьбы свирепой оплеухи
Его жилили так, как мухи,
Покамест к Риму он дошел.

Юнона только лишь узнала,
Что сел на корабли Еней,
Как бешеная заплясала;
И в злости думала своей:
«Теперь тебя уж не оставлю;
«Из света вон тотчас управлю;
«Как рыбку научу нырять.
«Узнаешь, какова Юнона;
«Тебе с Зевесова я трона
«То постараюсь доказать».

Проворно в праздничну телегу
Своих павлинов запрягла,
И не кормя, и без ночлегу
В Еолию их погнала.
Французски новые где моды,
В тогдашни древние там годы
Был мрак и днем так как в ночи.
Сидели ветры там в трущобе,
В земной запрятаны утробе,
Выглядывая как сычи.

К Еолу, старому детине,
Пришла Юнона на поклон,
Поведать о своей кручине,
И чтобы в том помог ей он.
«Пожалуй, сделай одолженье;
«Исполни ты мое прошенье,
«Мой сватушка и куманёк!
«Рассыпь пожалуй мне троянцев,

«Как волк в лесу трусливых зайцев;
«Зажги громовый огонёк.

«Всё войско их и с кораблями
«Пожалуй к чорту загони;
«Пускай они погибнут нами,
«И плавает как тюлени.
«За важную ж сию услугу,
«Тебе в награду милу другу
«Красотку я на выбор дам.
«Когда мое ты кончишь дело,
«Бери из нимф любую смело
«И выбирай пожалуй сам».

С улыбкой из подлобья глядя
Как мышь из круп смотрел Еол
И бороду свою погладя,
Рыкнул ей так как добрый вол:
«Великую ты честь мне строишь;
«Себя напрасно беспокоишь;
«Царица ты моя и мать!
«Чего желаешь ты сердечно,
«Исполнил бы теперь конечно;
«Но как я стану помогать?»

«Все ветры у меня в расходе,
«И дома нет ни одного;
«Иной в гульбе, иной в разброде;
«Тебе не знаю дать кого.
«Борей с похмелья в лазарете;
«А Нот еще в прошедшем лете
«Ушибен больно на бою;
    Зефир в наймах у стихотворцев,
«Евр водит за нос крючкотворцев;
«То чем тебе я пособлю?»

«Однако ж быть так, постараюсь
«Тебя утешить, как могу;
«Изволь, наверно обещаюсь,
«И покажу, что я не лгу.
«Всё будет для тебя готово.

«Смотри ж, и ты сдержи мне слово;
«Сегодня ж нимфу мне пришли.
«Теперь покамест берегися,
«Стой крепче и не повалися,
«Плотнее чепчик приколи».

Еол ей низко поклоняся,
Мешок поспешно развязал;
И сам к сторонке притуляся
Он ветрам всем свободу дал.
Вздурились ветры, засвистели,
Взвились, вскрутились, полетели;
Настала сильная гроза;
Иной пыхтел надувши губы,
Другой шипел оская зубы,
Иной дул выпуча глаза.

Горшок у бабы как со щами
Бурлит в растопленной печи,
Так точно сильными волнами
Кипело море в той ночи.
Со всех сторон вздымалась буря;
Всё море сделалось как тюря;
Не видно света ни следа;
Ревела волком вся пучина;
Настала в море чертовщина;
Бросало порознь все суда.

Троянцы все перебесились,
Ходили вовсе без ума,
От ужаса все взбеленились,
От страха сделалась чума;
Иной ревел плачевным гласом;
Как волк в лесу пред смертным часом;
Иной ругался в нос и в рот;
Иной сидел поджавши руки;
Иной от страха и от скуки
Сивухой наполнял живот.

Ревела буря громогласно,
Свистали ветры как сурки;

Суда, качаясь ежечасно,
Ныряли в воду как нырки.
Иного сильною волною
Вверх опрокинуло кормою;
Другой насадкой на мель сел;
Иной песку с водой наелся;
Иной раздулся и расселся,
На дно за раками пошел.

Еней как будто в лихорадке
Зубами хлопая дрожал,
Или в падучем как припадке
Кривлялся, корчился, зевал;
Взирая с судна на пучину,
Бурлацки клял свою судьбину,
И бабьим голосом ревел:
«Ах! если б в Трое я остался,
«То так теперь бы не скитался,
«И столько б горя не терпел.

«На печке теплой с Сарпедоном
«Обнявшись в небе бы сидел;
«И с жалостным теперь бы стоном
«На грозну бурю не смотрел;
«Не видел бы моих троянцев
«Дрожащих так как робких зайцев,
«Забывших славу всю и честь.
«Но если сей беды избавлюсь,
«Нептуну верно обещаюсь
«На жертву я козла принести».

Играла буря кораблями,
Как ткач за станом челноком;
Иной был весь покрыт волнами;
Другой оборочен верх дном;
Иной потершись близ утёса
Оставил своего полноса,
И сделался совсем курнос;
Иной под облака вдымался;
Другой в морское дно спущался;
Иного к чорту ветр увёс.

Нептун, услыша суматоху,
Бурлили ветры как в волнах,
Хотел им с сердца дать жарёху,
И всех заколотить в щелях.
Вздурился он и ужаснулся,
Разинул рот и весь раздулся,
Индийский будто как петух.
«Какое здесь теперь вам дело?
«Кто вам велел шутить так смело?
«Вон все! чтоб здесь не пах ваш дух!

«Еолу за сию потешку
«Скажите от меня в глаза:
«Что отсмею ему насмешку,
«И дам хорошего туза.
«Как смеет не спросясь он броду,
«Соваться сам собою в воду,
«В чужом поместье бунтовать?
«Ступайте вон, пока не биты,
«Не связаны и не обриты;
Я скоро вас могу унять».

Потом он севши в одноколку
Поехал по морю гулять;
Трезубец взявши и метёлку
Он море начал тем ровнять.
Тотчас вся буря утишилась,
На море тишина явилась,
Престала бурна дребедень;
Ушли дождливые все тучи,
Сравнялись на море все кучи,
И просиял вдруг красный день.

Матросы все от удивленья
Как раки стали на мели;
И с бурного того похмелья
Едва очнуться все могли.
Запели песни, засвистали,
Скорее к берегу пристали,
И якорь кинувши сошли.
Все начали скорей сушиться;

И чтоб получше ободриться,
Огонь расклавши спать легли.

Потом часов пять-шесть уснувши
Свежей троянец всякий стал;
А обсушась и отдохнувши,
Ни в чем как будто не бывал.
Тотчас сварганили селянку,
Поевши принялись за склянку,
И стали плотно куликать;
Забыли грусти все и скуки;
И прежние свои все муки
Сивухой стали заливать.

Зевес тогда с постели вставши
Спросонья морщился, зевал;
И только лишь глаза продравши
Нектару чашку ожидал,
Иль по просту отъемной водки
Для прочищенья пьяной глотки;
С похмелья он лечился сим.
Тут Ганимед с большим подносом,
И с кружкой Геба с красным носом
Тотчас явились перед ним.

Потом Цитерска щеголиха,
Любви и волокитства мать,
Подкравшись к двери из-подтиха,
Изволила пред ним предстать;
Как немка перед ним присела.
И жалобно ему запела:
«Ах! батюшка сударик мой!
«Чем сын мой сделался виновен?
«За что Еол толико злобен?
«Тебе по мне он не чужой.

«Теперь я вижу очень ясно,
«Ему что Рима не видать:
«Старанье всё мое напрасно,
«Чтоб тамо царство основать.
«Твоя супружница Юнона

«Всегда во всем ему препона,
«И хочет выгнать с света вон;
«Везде ему напасти строит,
«Всегда немилосердо гонит,
«И хочет, чтоб погибнул он».

Старик Зевес оскаля зубы
Улыбку нежну оказал;
Усы разгладивши и губы,
С усмешкой дочь повеловал;
Сказал: «Об нем ты не пекися;
«Но на меня в том положиися;
«Всегда я в слове господин.
«Еней во всем себя прославит,
«Потомство сильное восставит;
«Или я не Сатурнов сын.

«Постой на час ты здесь немножко,
«Тебе я весточку скажу;
«В Дельфийско севши я лукошко
«Его весь жребий покажу.
«Внимай слова мои прилежно,
«Случится с ним что неизбежно
«И с поколением его.
«Свой трон он в Латии построит,
«Латинско царство там устроит,
«И утвердит из ничего.

«Потом рсдится забияка,
«Отважный Ромул молодец,
«Разбойник, хват, урвач, гуляка,
«Боец кулачный и борец.
«Сберет он воровскую шайку,
«И свет весь так как будто сайку
«Запрячет в римский свой карман.
«Все покорит себе народы,
«Прострет на землю власть и воды,
«И будет в Риме так как хан.

«Потом явится сильно племя
«Одних мужчин всё холостых;

«С себя те сбросят светско бремя;
«Не будет вовсе жен у них.
«Все будут петь по их погудке,
«Плясать по их все будут дудке,
«Весь свет под власть свою возьмут;
«Везде пошлют свои законы,
«Везде свои поставят троны,
«И всех под нготь свой прижмут.

«Их власть дотоле продолжится
«И будут все их почитать,
«Доколе слепота продлится,
«И будут ноги целовать.
«Начальник их, старик не промах,
«Воздвигнет трон на царских тронах,
«Возьмет под власть свою царей;
«Ему все будут поклоняться,
«Его все будут устрашаться
«И чтить во слепоте своей.

«Теперь о том уж не крушися,
«Случиться может что вперед;
«И в той надежде ободрися,
«Что твой Еней не пропадет.
«Увидишь скоро перемену;
«Заедет сын твой в Карфагену;
«Как сыр он в масле будет там:
«Начнет есть, пить и потешаться,
«С царицей нежно проклажаться;
«Ступай, и верь моим словам».

Брала Енея грусть и мука,
Не знал он что тогда начать;
И чтоб его разбилась скука,
Пошел по бережку гулять.
Вдоль берега пошел слоняться,
Желая с кем бы повстречаться,
И где они о том узнать;
Грустить ему, иль ободряться,
Печалиться, иль утешаться,
И людям что своим сказать?

Не ведал, делать что от скуки,
И грусть чем разогнать не знал;
Ломал он с горя свои руки,
И тяжело больно вздыхал.
Явилась вдруг пред ним колдовка,
Цыганка, старая хрычовка;
Сказала: «здравствуй, молодец!
«Положь-ка мне пятак на ручку;
«То я тебе любезну внучку
«Скажу, что будет наконец».

Еней воспитан не по моде,
Но попросту по старине;
Он верил ворожбам, погоде,
Гадал почасту на вине.
Но ей руки не подавая
Спросил: «скажи, моя родная!
«Живут какие люди тут?
«Скажи, какие здесь соседы?
«Не дикие ли людоеды?
«И землю как сию зовут?»

Никак не можно удивляться,
Что был несведущ так Еней;
Учиться не хотел стараться,
Как в молодости был своей;
Ему тогда все потакали,
Все тешили и баловали,
И сделали совсем хоть брось;
Тогда он вовсе не учился,
Играл лишь только и бесился;
И от того повесой взрос.

«Ливия здесь, страна прекрасна,
«Поверь ты слову моему;
«Дидоне вся она подвластна».
Рекла цыганка так ему:
«Дидона, здешняя царица,
«Отметный соболю молодича,
«Как кровь, голубка, с молоком,
«Какие соколины взоры!

«И слаще меду разговоры!
«Ей, сй! не лгу; поверь мне в том.

«Теперь вдовою горе мычет,
«Томится в горести своей;
«И жениха себе не сыщет,
«По вкусу чтоб пришелся ей.
«Убил у ней злой брат супруга,
«Лишил ее любезна друга,
«Вдовой заставил горевать.
«Она ж ему за то отмстила,
«Казну его всю подцепила,
«И начала здесь поживать.

«Скажи ж и ты, дружок любезный!
«Приехать как ты мог сюда?
«Могу я дать совет полезный,
«И не солгу уж никогда».
Еней сказал: «мы все герои
«Бежали из сожженной Трои,
«И рыщем кой-как там и сям.
«Мы двадцать кораблей имели;
«Но только восемь уцелели;
«Что делать? я не знаю сам».

«Поди небось, ступай всё прямо; —
Сказала корга та ему;
«Не будет счастье упрямо;
«Всё станется по моему».
Сказав сие тотчас взвилася,
На воздух кверху поднялася.
Еней как сумасшедший стал.
Запахло разными духами;
Цыганка уж под облаками;
В ней мать свою Еней узнал.

Стоял в великом изумленье,
Смотрел наверх разинув рот;
И чуть такое удивленье
Его не скорчило живот.
Очнувшись скоро спохватился,

Пред ней на землю повалился,
И о песок стучал челом.
«Тобой оставлен что не буду,
«Беды и горести избуду,
«Теперь уверен твердо в том».

Идти он в город так боялся,
Чтоб там не быть у всех смешным;
Не без причины опасался,
Чтоб не смеялися над ним.
Венера ж то предусмотрела,
И облаком его одела,
Где он как за забором был.
Пред ним всё было на ладонке;
А он прижавшись к сторонке
Невидимым от всех ходил.

Осматривал сперва строенья,
Которы воздвигали там;
И вне себя от удивленья
Глазам своим не верил сам.
Огромны дома поднимались,
Ужасны зданья возвышались,
Все улицы очерчены;
Сады везде и огороды,
И с теремами переходы,
Цвели так как в печи блины.

Не мог никак он удержаться
Прошедши мимо кабачка,
Чтобы со стойкой не видаться,
И не хватить винца крючка;
Или для прочищенья глотки
Хорошу выпить рюмку водки
И закусить то пирожком,
Или хорошею селянкой,
Или крупичатую сайкой,
Или блинами с творожком.

Хватив крючок он винной кашки
Ни в чем как будто не бывал;

Пошли по животу мурашки,
И он повеселее стал;
Забыл свои все грусти, скуки,
И посошок свой взявши в руки
Пошел по городу зевать;
Побрел осматривать столицу,
Желая посмотреть царицу,
И ближе чтоб ее узнать.

Она была тогда в заботе
И в самых сильных хлопотах;
Приказывала о работе,
И рассуждала о делах.
Все без доклада к ней входили;
Все попросту с ней говорили,
И обходились без чинов.
Везде Дидона попевала,
На всё она всем отвечала;
Напрасно не теряла слов.

Вдруг перед нею появились
Толпы голодных пришлецов;
Пришедши в ноги повалились,
Просили дать им всем покров.
Все наги были те и босы,
Оборваны, простоволосы,
В лохмотьях все и в лоскутках.
Еней смотря на иностранцев
Увидел в них своих троянцев,
Что были с ним на кораблях.

«Царица! все они кричали;
«Не прикажи нас уморить.
«Ты зришь, мы наги босы стали;
«Вели скорей нас накормить.
«Мы много горя претерпели,
«И сутки трои уж не ели
«Шатаюсь ветром по морям.
«Нас порознь бурей всех разбило,
«И к берегу сюда прибило.
«Не дай теперь погибнуть нам,

«Из Трои шли мы все с Енеем;
«Наш флот был в многих кораблях.
«Но если б знали, то б с злодеем
«Мы тем не сели на судах.
«Как время бурное настало,
«Суда все наши разметало;
«То он нас бросил и ушел.
«Теперь не знаем, где девался,
«Куда от бури он попался,
«Иль может быть где на мель сел».

Тотчас Дидона приказала
Пришельцев тех всех накормить.
«Не бойтесь, им она сказала,
«Не допущу вас в нужде быть.
«Но если бы Еней ваш с вами
«Явился вместе перед нами
«Я больше рада бы была...»
«Он здесь!» вскричал Еней тут смело.
Вдруг облако всё улетело;
Пропал весь мрак, исчезла мгла.

Его на тот раз нарядила
Сама Венера на подряд;
Прихолила и приумыла,
И щегольской дала наряд;
Напрыскала его духами,
Мазьми, помадами, водами,
И показала удальцом.
Еней и без того детина
Был самый хватский молодчина,
Куда ни кинь так молодцом.

Тотчас пошли у всех поклоны
И шарканья наперерыв;
Пошли учтивства, забобоны;
Всяк сделался там в ласках чив.
Сжимали друг у друга руки;
Забыли грусти все и скуки,
В тогдашней радости своей.
Матросы также не забыты;

Послали к ним вина корыты,
И целые корчаги щей.

Еней как молодец учтивой
И знающий всю в тонкость честь,
Хозяйке той щедролюбивой
Велел подарки он принести.
Из Трои вздумал как подняться,
То всем не позабыл запастись,
Что мог лишь только подхватить.
Еленино всё умыванье,
Белила, мушки, притиранье
Дидоне вздумал подарить.

Венера также не дремала
И помышляла о сынке;
Из глаз Енея не спускала,
Водила будто на снурке;
Цитерски жертвы забывала,
О том лишь только помышляла,
Чтоб славу в свет об нем пустить;
А чтобы не жил он несчастно,
И время не терял напрасно,
Дидону вздумала взбесить.

Велела кликнуть Купидона,
Чтоб сделать тайный с ним совет,
«Уставы твоего закона
«Хранит весь твердо здешний свет»,—
Она, призвав его, сказала,
Обняв врасос поцеловала,
Чтоб только услужил он ей.
Сулила всяческих игрушек,
Коньков, звонков и побрякушек,
Карет, картинок и саней.

«Еней, сказала, хоть детина,
«И брат тебе по мне хоть он;
«Но туп, как сущая дубина,
«И разгильдяй как самый слон.
«Что делать он ни начинает,
«Нигде никак не успевает,

«Валит колоду через пень.
«Из рук всё у него валится;
«Что ни начнет, всё не спорится;
«Во всем выходит дребедень.

«Мне хочется соорудить шутку,
«Чтоб тем себя повеселить;
«И так как рыбочку на удку
«Ему Дидону подцепить.
«С бедами полно уж возиться;
«Пора ему повеселиться,
«И мыкать горе перестать.
«Но жаль, что он детина вялый,
«В делах любовных небывалый,
«Не знает, как в том поступать.

«Итак прошу тебя, дружочек,
«Пожалуй в том мне помоги;
«Послушайся меня, сыночек,
«И нашу честь побереги.
«Проворнее перевернися,
«Асканием ¹ перерядися,
«И в виде том ты к ним войди.
«К Дидоне ближе приласкайся,
«Зажечь любовь в ней постарайся;
«Смотри ж, себя не остыди.

«Но чтоб Асканию плутишке
«Тебе ни в чем не помешать,
«То сонного тому мальчишке
«Ты зелья постарайся дать.
«А я его уже украду
«И скрою от людского взгляду;
«То ты как хочешь работай.
«Проворней исполняй всё дело,
«Во всю ивановскую смело;
«Не спи никак и не зевай».

Амур, мальчишка плутоватый,
О пакостях лишь помышлял;

---

¹ Асканий — сын Енея и Креузы.

Не промах был, не простоватый,
Ни в чем ни мало не дремал.
Людскими же играть сердцами
Как мячиком или шарами,
Того лишь только и глядел;
Колчан отбросив со стрелами,
Поддел камвольчик с рукавами
И в Карфагену полетел.

Еней велел, чтобы Асканью
Дары Дидоне поднести;
Но по Венеры приказанью
Его успели унести
За тридевять в десято царство,
И в неизвестно государство,
Быть невидимкой никому.
Исчезли крылья у Амура,
Явилась новая фигура;
Он стал Асканьем по всему.

По приказанию Дидоны
Тогда был праздник во весь мир,
Огни, пальба, потехи, звоны,
И для приезжих знатный пир.
За стол все севши проклажались,
Сытней как можно наедались,
Не забывали запивать.
Лишь рюмки там у всех сверкали;
Так часто их переменили,
Что не успеешь и считать.

Различны ествы там заморски,
По почте всё привезено;
Дурного не было ни горсти;
Всё на подряд припасено.
Пуд в десять окорок вестфальский,
С большую башню сыр голландский,
Жаркого часть был целый бык,
На пироге ж или паштете
Катайся цугом хоть в карете;
И с свинью был у них кулик.

Напитками лишь не ленись
Хоть пруд из них себе пруди;
Лишь только сам в том не плошися,
А то на них хоть не гляди.
Вином шампанским хоть облейся,
Не только досыта напейся
И наливай себе живот;
А если кто тут не дорвался,
К сторонке с горя прижимался,
Облизываясь как кот.

Царица только лишь узрела,
Вошел Енеев сын что к ним,
Тотчас призвать к себе велела,
И начала резвиться с ним;
В колени у себя сажала,
В роток и глазки целовала,
Давала всяческих сластей.
«Какой пригоженький мальчишка!
«Такой же будет он плутишка,
«Как и отец его Еней».

Дидона столько полюбила
Сего притворщика тогда,
Что вовсе уж тогда забыла
О прежнем муже навсегда.
Как первый раз поцеловала,
Тогда ж из сердца вон изгнала;
В другой поцеловавши раз
Немножко сделалась смелее,
И стала думать об Енее,
И не спускала его с глаз.

Меж тем притворный тот ребенок
Ее целуя не дремал;
Хоть был он смирен как теленок,
О деле лишь своим смышлял.
Дидона с ним как забавлялась,
Того ни мало не боялась,
Чтоб пакость он соорил ей;

Но он нимаго нѣ зѣвая,
И ей на ласки отвѣчая
Зажег весь нутр собой у ней.

Дидона вдруг переменялась
И стала уж не та совсем;
Вздурилась баба, взбеленилась,
Зарделася в лице своем;
Пришла вдруг сильная зевота,
Задумчивость и потягота;
Всѣ сделалось постыло ей;
Всѣ в свете вовсе забывала;
О том лишь только помышляла,
Чтоб вместе с нею был Еней.

Наевшись гости и напившись
Все поднялись из-за стола;
Рекли хозяйке поклонившись,
Здорова чтоб была она;
Спасибо ей за всѣ сказали,
Поклоны многи отдавали,
Благодарили за прием.
Все в розницу пошли шататься;
Своим всяк думал заниматься;
О деле всяк смышлял своем.

Из-за стола лишь только встала
Беседа новых сих гостей,
Тотчас Дидона приказала
Любимице одной своей,
Из всех заморских чтобы рюмок
Принесть большой заздравный кубок,
Что был отменнейшим у ней;
И наливши его отменным
Вином шампанским сельдерейным,
Рекла беседе так своей:

«Ко мне любовь кто ощущает,
«И почитает кто меня,
«Своей царицею считает
«Подданства жар ко мне храня,
«Пускай последует за мною».

Потом махнула вдруг рукою,
Дала всем музыкантам знак.
Во всё хайло все заревели,
Литавры, трубы загремели,
Шальным козлом запрыгал всяк.

Она ж тот кубок вверх поднявши
Сказала всем гостям своим,
Глазами знак Енею давши:
«Желаю я, чтобы мне сим
«Мое усердие сердечно
«Явить Енею всеконечно».
И вытянула весь до дна.
Царице все в том подражали,
До суха рюмки осушали;
Она тянула не одна.

Потом все порознь разбрелися,
И заиграл на свой всяк лад;
Кто как изволь, так веселися;
Кто чем богат, то тем и рад.
Одни в треноги заплясали,
Иные в кости закатали;
Иной за картами дремал,
Проворы лясы подпущали,
Нарциссы дурищ облещали,
Пролаз рога глупцу ковал.

По всем домам там на ночь плошки
Приказано у всех зажечь;
У всех освещены окошки;
Никто не смел в потемках лечь;
Все улицы огнем сияли;
Везде толпы людей гуляли;
Везде во весь кричали рот;
Везде народы копошились;
Везде с стаканами возились;
Мурнычал всякий так как кот.

Царице ж не было чтоб скучно,
И в одиночку б не зевать,

И чтоб с Енеем неразлучно
Ей весь тот вечер окончатъ,
Затеяла различны шутки,
Гулячки, жмурки, прибаутки,
Курилки, бонки, шемелой;
И разны слушая куранты
Играть всех засадила в фанты,
Енея посадя с собой.

И бабьей хитростью своею
Устроила так на заказ,
Что самый первый фант Енею
Из всех и вынулся тотчас.
Дидоны было в том хотенье,
За тот чтоб фант всем в угожденье
Троянску брань всю описать;
Какие были там герои,
Какие драки, свалки, бои,
О всем подробно рассказать.

Енею было хоть досадно,
Но так тому уже и быть;
Для славы хоть его накладно,
Но должно было говорить.
Однако ж тут он умудрился,
По-молодецки лгать пустился
Как самый добрый книгочей,
Или как с приписью подьячий,
Старинный секретарь, иль стряпчий,
О чести думая своей.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

С о д е р ж а н и е. Еней рассказывает царице Дидоне и всем ее придворным о последней ночи Троянской осады и о конечном сего города разорении.

ПЕСНЬ ТРЕТЯЯ

С о д е р ж а н и е. Еней продолжает рассказывать Ливийской царице повествование о разорении Трои; и каким образом все слушатели при том заснули.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С о д е р ж а н и е. Каким образом Ливийская царица влюбилась чрезвычайно; езда их на охоту, и бывшие там происшествия. Как потом Еней царицу ту оставил, и она умертвила себя собственными своими руками.

Дидоны тлею всё сердечко
Енеем больно непутем;
И каждое его словечко
Как будто врезывалось в нем.
Всю ночь о нем лишь помышляла,
Из памяти не выпускала,
Не могли вовсе глаз сомкнуть.
В постелю легши лишь металась;
Как угорелая бросалась,
И не могла никак заснуть.

На все бока она вертелась,
Лежала будто на иглах;
И чуть от вздохов не надсела
В любовных мучась хлопотах;
Кусала ногти, грызла губы;
Едва от скрежета все зубы
Не стерла вплоть и с корнем вон.
Все люди крепким сном храпели;
А от Дидониной постели
Один был только слышен стон.

С бессонницей борясь в схватку
Вся выбилась из сил совсем;
И разум подхвата в охапку
Зарылась в уме своем
Не дотыкаясь до рассудка.
Знать страсть любовная не шутка,
И с ней накладно нам шутить;
В нас входит вдруг она пудами,

Выходит вон золотниками;
Нельзя ее вдруг с шеи сжить.

Так точно мучилась Дидона
В постеле всю ту темну ночь;
От вздохов, бреда, слез и стона
Пришло уж ей совсем не в мочь;
О чем бы мнить ни начинала,
Везде Енея там встречала;
Вертелся он в ее глазах,
И не давал никак покою;
Не знала делать что с собою,
Томилась бедная в тосках.

Потом как сильно одолела
Ее кручина такова,
И не на шутку ослабела
Та горемычная вдова;
Не зная с горя где деваться,
И чем от грусти избавляться,
И что тогда начать с собой,
Поукоротать чем-то время,
Пооблегчить свое зло бремя;
Послала ва своей сестрой.

Сестра ее была не промах
И девка в самой уж поре;
На посиделках, в хороводах,
Из всех девиц при том дворе
Собой как гоголь отличалась;
Ни в чем никак не ошибалась,
Глядела в оба без очков;
О всем уж смыслила подробно:
Когда, где, что и как удобно;
Напрасно не теряла слов.

Ко времени шутить умела,
Умела также и молчать;
И совесть чистую имела,
Напрасно не любила лгать;
Не занималась пустяками,

Не тешила себя словами,
Но самым делом напрямик;
Была ко всем щедролюбива,
Без гордости и не брезглива - - -
Таков был разум в ней велик.

Дидона только лишь узрела,
Вошла ее сестра что к ней,
Всем девкам выдти вон велела
Из спальной комнаты своей.
Потом немножко оробела,
И глядя на сестру краснела,
Не зная как с ней речь начать;
Как ей изобразить всю скуку,
И описать жестоку муку,
И что ей про себя сказать?

«Поди ко мне сюда, сестрица!
«И сядь поближе на кровать;
«Была для всех ты мастерица
«Советы в нужде подавать.
«За тем послала ва тобою;
«Чтоб всё сказать, как я тоскою
«Промучилась всю ночь одна;
«Во всю я ночь протосковала,
«Ресниц ни мало не смыкала,
«И не видала вовсе сна.

«Уйми мою тоску-кручину,
«И в сильном горе помоги;
«Скажи мне слез моих причину
«По правде всей и не солги.
«Скажи: какая бы причина,
«Что мне приезжий тот детина
«Всегда мерещится в глазах?
«Никак из мыслей не выходит,
«Весь ум мой за собою водит,
«И топит все глаза в слезах?

«Забуть нельзя ни на минуту,
«Как он красив и свеж собой. - - - -

«Надеюсь на тебя, Анюту,
«Что ты не дашь в тоске мне злой
«Себя тем попусту тревожить,
«Без пользы горести лишь множить,
«Томясь и так в моем вдовстве.
«И так без мужа рок мой слезен ---
«Не будет ли Еней полезен
«В моем несчастном сиротстве?

«Ах! Если бы я прежде знала,
«Случиться может что со мной,
«То на себя б не налагала
«В своем вдовстве обет такой:
«Чтоб моему усопшу другу,
«Любезнейшему мне супругу
«До самой смерти верной быть:
«Никем на свете не прельщаться
«И ни на час не покушаться,
«Чтобы кого мне полюбить.

«Теперь же вижу очень ясно,
«Что в слове мне не устоять;
«Клялася видно я напрасно,
«И клятвы той мне не сдержатъ,
«Колико человеки слабы!
«А наши сестры, девки, бабы,
«Слабее их в сто крат еще;
«Никак не можем воздержаться,
«Чтобы скрепяся не влюбляться,
«И не страдать в любви вотще.

«Любезному когда Сихею
«Последний долг я отдала,
«И с царской пышностью всею
«Оплакав слезно погребла,
«То в мыслях твердо положила,
«Любви что никакая сила
«Меня во власть не покорит;
«Что буду с нею драться смело;
«И сердце вдове затвердело
«Никем на век не возгорит,

«Но слишком мало разумела
«Тогда я бренность наших сил;
«И вовсе не предусмотрела,
«Чтоб мог кто сделаться мне мил.
«Но так и быть; хоть проступилась
«Теперь Дидона и влюбилась,
«Но сердце твердо сохранит,
«И в слабость ни на час не вдастся;
«Хоть с жизнью должна расстаться,
«Но мужу век не изменит».

За сими страстными словами
Выскакивал за вздохом вздох;
Покрылося лицо слезами;
Кричала только: ох, да ох!
С тоски сидеть в ней сил не стало;
И ничего уже ни мало
Не ввидела перед собой;
Стремглав на ложе повалилась,
В подушки головой зарылась
В тоске страдая таковой.

Вот какова была Дидона
Троянским щеголем вспалясь;
От горьких слез и тяжка стона
На тот чуть свет не убралась.
Болезнию такой своею
Сестру сидящу вместе с нею
Заставила с собой тужить.
Тронулась Аннушка сестрою;
И слезы с глаз сотря рукою
Так начала ей говорить:

«Безмозгла дура зла кручина;
«А кто и тужит, тот дурак.
«Подумай-ка: что за причина
«Тебе тужить напрасно так?
«Слезами горя не убавишь;
«Но только больше лишь прибавишь
«Себе на шею злой тоски.
«О чем напрасно так вадурилась?»

«Нет нужды, что тебе вцепилась
«Теперь любвишка в виски.

«На что томить себя напрасно,
«И тосковать по пустякам;
«Облизываясь ежечасно
«Себя лишь гладить по усам?
«Не лучше ли как умудриться,
«Чтоб чем тоски такой лишиться,
«И мыкать горе перестать?
«Постой! раскину я костями,
«И разведу тотчас бобами,
«Чтоб участь всю твою узнать».

Дидоны Аннушка сестрица
Любила бедным помогать;
При том на карты мастерица
Была великая гадать;
Сводить мужей могла с женами,
Знакомить девок с молодцами,
Давать невестам женихов;
Умела сватать и знакомить,
И познакомивши поссорить:
На всё был ум ее готов.

«Забудь о том, что обещалась
«Быть верной мужу твоему;
«Ты вечно с ним уже рассталась,
«И не принадлежишь ему;
«Тобой теперь он не владеет,
«То права вовсе не имеет
«На верность брачную твою.
«Не бойся ты того обета;
«Не будет из подземна света
«Он упрекать жену свою.

«Клялася ты ему живому,
«Как он еще не умирал;
«И к обещанью таковому
«Тебя никто не принуждал.
«Ты слово в том свое сдержала,

«И никогда не надевала
«Оленей шапки на него;
«Невредным лоб его остался,
«Ни на волос не прибавлялся
«Во всю супружню жизнь его.

«Теперь же нет его на свете;
«То время с кем тебе делить?
«Неужто в глупом том обете
«Себя должна ты уморить?
«Зачем он жизнь свою убавил,
«Тебя вдовою здесь оставил,
«Не в пору вздумав умереть?
«Пеняй он на себя в том деле.
«Осталась ты жива и в теле;
«На что ж голодну смерть терпеть?

«Вкруг нас живущие соседы
«Любви не могут воспалить;
«Не жди приятной в них беседы,
«Иль с нежностью поговорить.
«Возможет ли в нас Ярб¹ собою
«Своею рожею смазною
«К себе желание возжечь?
«А прочи здешние царишки
«И африкански старичишки
«В любовь не могут нас привлечь.

«Еней же хоть куда детина;
«Не выкидок из сотни вон;
«Не промах, бойкий молодчина,
«И всякому задаст трезвон.
«Сказать тебе всю правду-матку,
«Не всякий сунется с ним в схватку;
«Он рыло всякому утрет;
«И всех окольных нумидийцев,
«Сиртян, тирянцев, гетулийцев,
«Он за пояс себе заткнет.

---

¹ Царь Гетулийский, сватавшийся на Дидоне.

«Как будет он твоим супругом,
«Не всякий суйся нам в глаза;
«С таким удалым милым другом
«Мы всякому дадим туза.
«Не бось, никто не зашурмует,
«И против нас не завоюет,
«Как рак попятится назад.
«Твое теперь ведь вдове дело;
«Пускайся с ним в знакомство смело;
«Для нас он самый сущий клад.

«А если просто не удастся
«Его тебе в любовь склонить,
«То я беруся постараться
«Его к тебе приворотить;
«Пойду тотчас и накопаю
«И мигом поддоброхотаю
«Я приворотных корешков.
«Надейся на меня в том смело;
«Склеить любовь, то наше дело;
«Нет нужды тратить много слов.

«Когда бы я в твоём здесь месте
«Была в теперешный злой час,
«Не мешкавши скорее вместе
«Ударя по рукам тотчас
«Сыграла б шуточну игрушку;
«И свадебную в миг пирушку
«Сварганила бы на заказ.
«Плюнь на кручину всю, царица!
«Послушайся меня, сестрица!
«Побереги ты вдовьих глаз».

Дидона слушала прилежно
Сестру свою, разинув рот;
Забилось в ней сердце нежно
По всем углам во весь живот.
Всё горе прежнее забыла;
Как будто с плеч гора свалила,
Услыша таковой совет.
Ей больше года ночь казалась;

Нетерпеливо дожидалась,
Дневной скорей настал чтоб свет.

Совсем вдруг вся переменялась
Дидона бедная вдова;
И точно так вдруг взбеленилась,
Как перед заутрешней сова.
Как зарево вся раскраснелась,
В груди и сердце разгорелась,
Пошли мурашки в животе;
Заёкало, затрепетало
В ней сердце и не то уж стало
И мысли стали все не те.

Вдруг опрометью соскочила
Стремглав с постели кувырком;
И чуть-чуть рыла не разбила,
И не ударилась о стену лбом.
Всех барских барынь разбудила;
А девок чуть не перебила,
Не давши и очнуться им.
«Скорей, кричала, умыванья,
«Белил, румян и притиранья,
«С уборным столиком моим».

Французски ветреные моды
Никто еще совсем не знал
В тогдашни простодушны годы;
Никто никак не помышлял,
Что сделала сама природа,
Переворачивать в уroda,
И опрокидывать верх дном.
На обезьян в тогдашни веки
Не походили человеки;
Всё шло порядком-чередом.

Бараньи кудри и с рогами
Не громоздили из волос,
И поседелыми висками
Не чванился молокосос;
Не кутались молодки в латы;

Из кружев с башнями палаты
Не строили на головах;
Согласно с матерью природой
Рядились все одною модой,
Как хаживали при отцах.

Дидона долго выбирала
Что понаряднее надеть;
Без толку перешурмовала
И взбудоражила всю клеть.
По всем углам везде совалась,
В ларцах и сундуках копалась
И перерыла всё копром.
Поспешно столько торопилась,
Что чуть с досады не взбесилась,
И не простилась с умом.

Едва не лопнула с надсады
И не осталась без души:
Все праздничны ее наряды
Казались ей нехороши.
Что для себя ни выбирала,
С досады под ноги кидала;
Всё ей казалось не на лад;
Всё не к лицу, и не пристало;
Всё ей красы не прибавляло;
Всё было гадко, невпопад.

Кой-как насилу умудрилась
И справилась наконец;
И в ту ж минуту торопилась
Одеть себя как под венец.
Ни на пядень не вставши с места
Принарядилась как невеста
К девичнику иль на сговор;
Надела штофну телогрею,
Напутала себе на шею
Жемчуг нанизанный в узор.

С кваском головку причесавши
По моде бабушек своих,

Под сборник косы подобравший
На вытяжку скрутила их;
Пригладила и прилощила,
Большим кокошником прикрыла,
С печной заслон величиной,
Обнизанный весь вокруг рядами
Каменьями и жемчугами,
И канителью золотой.

Лицо с белилами умыла
Одной гуляфною водой,
И притираньем налощила
Почти на палец толщиной;
Накрасила сандалом губы,
И сажей начернила зубы,
Натерла брови колесом
Изведши все почти сурмилы,
И по лицу тоненько жилы
Намазала карандашом.

И как совсем уже оделась
И нарядилась на подряд,
То долго времени смотрелась
По зеркалам вперед и назад;
Потом собой налюбовавшись,
Изволила тотчас поднявшись
Пойти к Енею на поклон;
О том ни мало не спросяся,
Лежит ли в ложе растеняся,
Иль встал уже с постели он?

Меж тем услужливый мальчишка,
Красавицы Венеры сын,
Заботился, чтобы братишка
Его не горевал один.
Схватя свой лук и со стрелами,
Пустился скорыми шагами
За бедною Дидоной вслед;
И сам поотходя в сторонку
Без шабаша пускал в догонку
Любовны стрелы на пролет.

Пробито было всё сердечко
Насквозь как будто решето;
И всякое на нем местечко
Как будто варом улито.
Пропала бедная Дидона
От Купидонова трезвона!
Совсем уж стала не своя!
С толпой рассталася своею;
Велела, чтобы вместе с нею
Одна Анюта шла ея.

Рука с рукой с сестрой схватившись
Бежали высуня язык,
Нигде никак не становившись
На двор к Енею напрямик;
Как пули из винтовки мчались,
И до земли не дотыкались,
Вертелся вслед дымок столбом;
В прискачку на рысях бежали;
Лишь каблучки одни сверкали
В великом поспешеньи том.

Дидона только лишь вбежала
К Енею на широкий двор,
Скорей как можно поспешала
Насытить им свой жадный взор.
На силу-то могла дожждаться,
Чтоб дать ему поприубраться
На скору руку как-нибудь.
Он спал еще тогда в постеле;
Была рубашка лишь на теле,
И чисто на распашку грудь.

Насилу слуги тут успели
К нему пред нею поспешить;
И в беспорядке все шумели
Спеша о госте доложить.
Еней от шума пробудился
И посещенью удивился
Незваной гостыи той к себе.
Скорее вадумать торопился:

В чем перед нею проступился
Вечер на праздничной гульбе?

Смекнул однако ж скоро делом
И всё начисто угадал;
И в разуме раскинув зрелом
Тотчас причину всю узнал.
«А! а! попалась нам царица!
«Знать наша стала молодица!
«Не даром рано так пришла.
«Не даром ей теперь не спится;
«В сердчишке мною гомозится!
«Здесь видно наша уж взяла».

Кой как скорей тулуп накинув
Спешил навстречу гостею он;
И шапочку пред нею скинув
Отвесил по пояс поклон.
Дидона же как шаль стояла
И ничего не примечала,
Смотрела только на него;
Тряслась, краснела и зевала,
Всего глазами пожирала,
Хотела взором съесть его.

Отбросив стыд весь, торопилась,
Скорее чтоб его обнять,
И в шею так ему вцепилась,
Родная будто сыну мать,
Ходившу в дальние походы,
И не видавшись многи годы
Вдруг встретившуся невзначай.
Так и она его схватила,
Что чуть совсем не задушила;
Пришло было уж с ним прощай.

Потом с ним в горницу вошедши
От страсти сделалась нема,
Речей ни мало не нашедши,
Сидела будто без ума.
Аскания к себе поймала,

И столько много целовала,
Что начал он уже кричать:
«Пусти, пусти меня; ай! больно!
«К чему шутить со мной так вольно?
«Ведь ты моя еще не мать».

«Никак сам рок меня морочит? —
Дидона вздохнув рекла.
«Смотри, что сын твой мне пророчит!
«Робенок он, и нет в нем зла.
«Когда б счастливыми судьбами
«Его робячьими словами
«На самом деле то сбылось!
«Счастлива б я была на свете,
«Когда бы в нынешнем же лете
«Такое счастье мне нашлось!»

Еней в великом удивленьи
Не знал, что ей и отвечать,
И в чрезвычайном том смущеньи
Старался ей лишь потакать.
Дидона ж делать что не знала,
И бестолковщину болтала
Без шабаша как попугай,
Или как Якова сорока.
Болтливую она порока
Всегда держалась через край.

А разговор свой продолжая
В колени мальчика взяла;
Целуя, нежа, обнимая
Почти вне разума была.
«Какой пригоженький мальчишка!
«Вот то-то будет уж плутишка!
«Настроит многие беды.
«Но только жаль, что молоденец
«Еще теперь он и глупенец,
«И нет уса ни бороды».

Пословица не мимо мчится:
Каков где поп, таков приход;

Во что приказчик устремится,
За ним туда же и народ.
То самое и в Карфагене
По барыниной перемене
Тогда случилось точь в точь.
Все дело вовсе позабыли,
Забражничали все и закутили,
Что стало и унять не в мочь.

Судья оставил попеченье
Дела приказны разбирать;
А полководец о сраженье
Совсем забыл и помышлять;
Которы ж при строенье были,
Через колоду пень валили,
Валилось всё у них из рук.
Все в волокитство устремились,
В гульбу и в роскоши пустились;
Пошел у всех стаканый звук.

Сия столь чудна перемена
Наделала таких проказ,
Что новенькая Карфагена
Едва не сгубла между глаз.
С Олимпа боги то узрели,
И с удивленья онемели,
Качали только головой.
Столь чудно им всё то казалось,
Что им и в разум не вмещалось,
С такою делать что бедой.

Всех больше там захлопотала
Юпитериха рассердясь,
И на Венеру так напала,
Что чуть не треснула овлясь.
Как шавка на медведя взъелась,
Как клюковка вся раскраснелась,
И начала ее ругать
На рынке бабы как бранятся;
Была готова хоть подраться;
Не знали как их и унять.

«Не стыдно ли тебе, разиня!
«Что ты везде собой кутишь?
«Скажи: какая ты богиня,
«Что пакости лишь мастеришь?
«Но нечему о том дивиться,
«Что от тебя всегда родится
«Похабство, мерзость и позор.
«Везде бесстыдство ты вселяешь,
«И волокитству научаешь;
«Позоришь весь Олимпиский двор.

«Сама как с Марсом забавлялась,
«И всех так мнишь переучить;
«Сызмала ты избаловалась;
«Так может ли добро тут быть?
«Мужей у всех нас ты отбила;
«И всех в Олимпе научила
«Того ж урокам ремесла.
«На свой похабный лад всех строишь;
«Сама ж так страмствовать изволишь,
«Что не найдешь в том и числа.

«Скажи: геройское ли дело
«Енею бабу обольстить;
«И бедно вдовушкино тело
«Как на жару разгорячить?
«Смотри, она как колобродит,
«Почти с ума по нем уж сходит,
«Забыла стыд свой весь и честь;
«Не помнит, что она царица,
«Но как простая молодлица
«Куска не может с горя съесть.

«Но так и быть; пускай влюбилась
«В сынка Дидона твоего;
«Лишь только тем бы не лишилась
«Честного имя от него.
«Ужели ты ему позволишь,
«И так всё дело то настроишь,
«Чтобы ее он обманул;
«И с ней теперь попроклажавшись,

«Потом в глаза ей насмеявшись
«Как чиж из клетки ускользнул?»

«Мы можем дело то поправить
«На лад и самым чередом.
«Беруся я сие исправить;
«Лишь не мешай мне только в том
«И не испорть мою работу.
«Взбешу их завтра на охоту,
«Вздурю за зайцами гонять;
«Потом нашла дождливы тучи,
«Дождя пушу в них целы кучи,
«Что не успеют и бежать.

«А чтоб от бури им укрыться,
«В пещеру темну заведу;
«И постараюсь умудриться,
«Дабы окончить всю беду,
«Чтобы Еней ей изъяснился;
«И не на шутку бы пустился,
«Как водится у всех людей,
«К Дидоне подойти с дарами
«И поменяться с ней перстнями;
«Потом женился бы на ней».

Венера слыша то смеялась
Холодным смехом сквозь зубов;
И вся с досады разрывалась
От сих Юноны колких слов.
Но было должно согласиться,
Чтоб от того не проступиться
Перед Юпитером впросак.
А с ним шутить никак не ладно,
Нет пользы и весьма накладно.
Дрожал его в Олимпе всяк.

«Изрядну вадумала ты шутку! —
Рекла Юноне так она. —
«И так уж как пискарь на удку
«Та вдовушка подцеплена.
«Изволь; на всё я соглашаюсь,

«И ни во что не примешаюсь;
«Всё станется по моему ж;
«И выдумкою сей твоею,
«Мне всё равно, что будет с нею
«Еней любовник или муж».

Потом по дружески расстались
Богини обе меж собой,
Как будто вовсе не считались
Похвальной бранью никакой.
Веңера брызнула к Пафосу,
Где было много ей приносу
От страждущих в любви сердец.
Юнона также не дремала,
Скорей к Самосу поспешала
Одним родинам дать конец.

А между тем уж поднялся
Дневное солнце высоко,
И от лучей его пеклося
Довольно в землю далеко;
Настал день самый беспогодный,
К охоте заячей удобный;
Всё небо чисто как стекло;
Нигде ни тучки не носилось,
Ни на волос не шевелилось;
Лишь только солнышком пекло.

Тотчас везде загомозились
Скорее лошадей седлать;
И взапуски все торопились,
Чтобы никак не опоздать.
Борзых на своры принимали,
И гончих на смычки смыкали
Охотничею чередой;
Собраться все скорей спешили,
В кривые роги затрубили;
Охотники все стали в строй.

А для Дидоны приготовлен
Был сивочалый жеребец,

Расчесан, вымыт и сноровлен,
Как будто к свадьбе молодец;
По щетку шла кудрями грива,
Манежна выступка игрива,
И горда шея колесом;
От всех собой он отличался,
И до земли не дотыкался;
Летал как будто соколом.

Еней же к полю поприбрался
Совсем отменным удалцом;
От всех собою отличался;
И не ударил в грязь лицом;
Наряд был весь к лицу и к стате;
В заморском был одет халате,
Простроченном в узор каймой
Одною битью золотою;
Кушак персидский с бахромою,
И трость на ленте голубой.

Царице почесть сохраняя
На лошадь сам не прежде сел;
Но угодить ей поспешая
Коня за повод ей подвел.
Держал одной рукою стремя;
Другую подхватя в беремя
В седло легонько посадил,
Не торопясь и осторожно;
И тише сколько было можно,
Чтоб чем ее не повредил.

Потом кричал, чтоб подавали
Ему скорей аргамака,
И времени бы не теряли;
Скочил в седло издалика
Ногою в стремя не вступая;
И вслед за нею поспешая,
Бок с боком ехал всё при ней,
Асканий был при той же шайке;
Сидел укутан в тарадайке
С старухой мамушкой своей.

Подъехав к острову спустили
Всех гончих в рощу со смычков,
И по опушке обступили;
Был всякий там травить готов.
Псари все в голос запорскали,
Загаркали и закричали:
«Ай, ай! ту, ту! ех! довались!»
От шума зайцы все взметались,
Без памяти везде совались.
Трави, пожалуй, не ленись.

Асканий также прибодрился,
И от других не отставал;
Как будто вытный хоробрился,
И рот разинувши кричал.
Хотя собак он и боялся,
И плотно к мамке прижимался,
Но также за людьми бурлил.
А если бы он был постаре,
То б на коне своем Угаре
Зайчишков с пару протравил.

Но небо брови понахмуря
Насупилося сентябрём;
Настала вдруг ужасна буря,
И пролил с градом дождь ведром;
От ветров лишь в ушах звенело;
Вдруг смерклося и потемнело,
Осенняя как будто ночь.
Дождем как лейкой поливало;
А градом по носу щелкало;
Пришло всем наконец невмочь.

Всяк бросился искать прикрышки,
Чтоб не расстаться с головой;
Обмокли все, как в луже мышки;
Ни нитки не было сухой.
Иной под хворост зарывался,
Иной в ущелье забивался,
Иль прятался под лошадей.
Как в вар обмокнуты все стали,

И делать что совсем не знали
В тогдашней робости своей.

Все врознь от страха разбежались,
От ястреба как воробьи;
И от грозы сберечь старались
Размокши головы свои.
Дидона также трепетала,
И ни на пядь не отставала
От мила гостя своего;
В беде его считая оной
Себе надежной обороной,
Держалась крепко за него.

Еней хоть человек военной
И в стычках многих уж бывал,
Но робости такой отменной
В себе ни разу не видал.
Хоть вдовушки он и стыдился,
Но тут уж больше не храбрился,
Быв трусости своей не рад.
Искать пустился он приюту,
Чтоб отдохнуть хотя минуту,
Пройдет покамест дождь и град.

Рука с рукою с ней сцепяся,
Пустился взапуски бежать;
А дождь как будто рассердяся
Не преставал их поливать,
Стуча громовую тревогу.
Медвежью старую берлогу
По счастью невзначай нашли,
Покрытую кругом ветвями,
Как будто гонтом иль досками;
И от дождя в нее зашли.

С обеих с них текло ручьями.
Что было им тогда начать?
Друг другу принялись руками
Хвосты обмокши выжимать.
Дрожали бедные от стужи;

Где только ступят там уж лужи,
Сушого ж ни местечка нет.
Но чтоб с ненастьем не сражаться,
Расположились там остаться,
Покамест вся гроза пройдет.

В ненастной страшной той тревоге,
Что делали тогда они
В медвежей лесовой берлоге,
Оставшись от людей одни?
Виргилий то от всех скрывает
И никому не объявляет,
Смекнувши сам лишь про себя.
Слышал я речь меж стариками:
«Держи язык свой за зубами,
«Что не касается тебя».

Но злая дама Пусторочье
Между людьми никак не спит;
Болтливое бесчеловечье
Неугасимо в нем горит.
На всех одним злым ядом дует;
Того лишь только и пильнует,
Чтобы кого как оболгать.
Отцом имеет любопытство,
А матерью родной бесстыдство.
Возможно ли добра тут ждать?

Таскается везде бродягой
Во всяческих всегда местах,
Неутомимой волочагой,
По деревням и в городах.
С купцом, вельможей и солдатом
Обходится как с панибратом,
Не брезгует никем нигде;
В церквах, в дворцах, в домах боярских
И в бедных хижинах крестьянских,
Живет по всякий час везде.

Чинов и мест не разбирает;
И кто бы ни был, равен всяк;

И на волос не уделяет
Пощады никому никак.
Что истинно и справедливо,
Что пустошь, выдумка и лживо,
Для ней бывает всё равно.
Что где хоть мало лишь спознает,
Как конопельку рассеивает
И ложь и правду заодно.

Сия злодейская болтушка
В ту пору как-то мимо шла,
Когда под дождичек пирушка
В берлоге от грозы была.
Тотчас то в быль поворотила,
Любовну басенку склеила,
По свету разнесла всему.
Та весть оттуда как урвалась,
С прибавкою везде помчалась;
Дошла и к Ярбу самому.

Арапов областью большою
Сей смуглый Ярб тогда владел;
И молодой пленясь вдовою
Со сватаньем к ней подлетел;
Но со стыдом свой хвост поджавши,
Как будто без соли хлебавши
Оглобли взад поворотил.
Узнавши ж про Енея вести,
Как будто кочеток с насести
К Дидоне с мезтью покотил.

Легко рожденьем посчитаться
С Енеем мог он завсегда;
И предками повеличаться
Не можно было никогда
Пред нумидийцем сим Енею.
Ярб должен жизнь свою,
Так точно как троянец сей,
Любовной божеской игрушке,
Рожден Зевесом на пирушке
С сударушкой одной своей.

Такие дети незаконны,
Тишком родившись от любви,
В сердцах всегда неугомонны
И самой огненной крови.
Вздурился Ярб и взбеленился,
Когда о всем том известился,
С Дидоной что Еней сыграл.
Вспылало сердце всё отмщеньем;
Вскочил, и с крайним поспешеньем
Во храм к Зевесу побежал.

Ярб помня то, что от Зевеса
На сей он свет произошел,
Близ бережку и подле леса
Воздвигнуть храм ему велел;
Чтоб в нем отцу его молились,
И пред кумиром чтоб курились
Богаты жертвы день и ночь.
Пустился Ярб туда поспешно
Молиться батюшке прилежно,
Чтоб вздумал он ему помочь.

«О ты! девичьих чад родитель,
«И всех любовных дел творец!
«Наставник бойкий и учитель
«Всех молодецких сердец!
«Ты в волокитстве утопаешь,
«Ковать рога всех научаешь,
«И подаешь собой пример.
«Воззри, меня как обижает;
«Кусок из горла отнимает
«Троянский хитрый лицемер.

«Когда б твоим я сильным громом
«Хотя на малый час владел,
«С троянским всем своим содомом
«Еней бы к чорту улетел.
«Рожден я от твоей забавы.
«Хотя для молодецкой славы
«Своей теперь мне помоги.
«Задай сему троянцу чосу;

«Не будешь верно без приносу.
«Смотри ж; для сына не солги».

Такое Ярбово моленье
До слуха Зевсова дошло,
И в несказанно удивленье
Его со гневом привело.
Качнул трикратно головою,
Кивнул усом и бороною,
И возгласил разинув рот:
«Кой чорт так Ярб мой колобродит
«И мне молитвы с жертвой строит?
«Какую пустошь там несёт?

«О чем ему так мнится стыдно?
«Что весь ведет его живот?
«Ни чуть ни мало не обидно
«Отъехать от чужих ворот,
«Обтерши рыло без обеда.
«Дидона будто ногтоеда
«Арапа бедного щемит.
«Но быть так; за него вступлюся;
«Помочь ему во всем потщуся;
«Отцовска кровь так мне велит.

«Небесного ко мне пошлите
«Скорей разгонщика сюда;
«Совсем прибратья прикажите;
«Наряжена ему езда».
Явился скорыми шагами
Меркурий в шапочке с крылами,
Держа в руке претолсту плеть;
На шее сумочка с гербами,
И опоясан весь ремнями;
Готов был хоть куда лететь.

«Ступай скорей и не ленися,
«Хоть голову сломя лети;
«И без оглядки торопися
«Не отдыхая на пути
«К Дидоне в нову Карфагену.

«И в город пролетя чрез стену
«Троянска щеголя найди;
«И отведя его в сторонку,
«Наедине и потихоньку
«Такую речь с ним заведи:

«Не стыдно ли ему детине
«Со вдовушкою пировать,
«Когда предписано в судьбине
«Им Римско царство основать?
«Что сделал он еще доселе?
«Неужто лежа на постеле
«Он хочет строить города?
«Чтоб в миг оттуда он убрался,
«И с милой вдовушкой расстался;
«Иль будет злая с ним беда.

Меркурий низко поклоняся,
Коснувшись шапочки рукой,
И по-солдатски поверняся
Притопнул также и ногой.
Тотчас проворными шагами
Как гончая за русаками
Впрягать кибитку побежал;
Борей в коренну запряжку,
Зефира с Нотом на пристяжку.
Ударил, свистнул, поскакал.

Леса, болота и долины,
Стога и копны на полях,
Овраги, горы и стремнины
Мелькали только лишь в глазах.
Как молния он быстро мчался;
Лишь колокольчик раздавался;
Дрельень динь динь в ушах жужжал.
Меркурий же не преставаая,
По всем по трем не уставаая
Ежеминутно погоняя.

На мягком бархатном диване
Еней раскинувшись лежал;

Он париться изволил в бане,
И после оной отдыхал.
Геройски члены подкрепляя,
Прихлебывал попридувая
С отъемной водкой сбитенёк;
И от четвертого стакана
Из белого лица румяна
Проскакивал и огонёк.

Дидона также на лежанке
Одна запершись без людей,
Вспоминала о зарядке
С сестрой Анютою своей;
И вдовой красотю всею
Училась нравиться Енею,
Чтоб от нее он не отстал.
Как будто сердце предвещало,
Что злобный рок уже начало
Ей горьких слез и бед сплетал.

Тогда во горницу к Енею
Курьер Зевесов прибежал,
С поспешной опрометью всею.
Такую речь ему сказал:
«Здорово, брат, ты Подлипало!
«Изволь не мешкавши нимало
«Отсель сегодня ж уплетать.
«Приказ сей прислан от Зевеса.
«Смотри ж, любовная повеса!
«Чтоб слез тебе не утирать.

«Когда ж сему повиноваться
«Трудненько кажется тебе,
«То можешь ты и здесь остаться,
«Когда не тужишь о себе.
«Тебе назначенная слава,
«И царства Римского держава
«Останется не для тебя;
«А ты как щеголь самый слабой
«Развися на досуге с бабой,
«И с нею потешай себя».

Ужасно больно неприятна
Енею речь сия была;
Но по несчастью очень внятна.
Когда б не от сего посла
Услышал весть он таковую,
То так как травку полевую
Тогда ж его бы подкосил
И откатав его по-свойски,
В три шеи прямо по-геройски
Домой обратно проводил.

А тут совсем не то уж дело;
Не смел никак разинуть рта;
Некстати не решился смело
Поукоротать живота.
В словах он заикаясь мялся,
И с униженьем извинялся
В тогдашней резвости своей;
И с клятвой дал честное слово,
Что ночью ж будет всё готово
К отъезду и с толпою всей.

По сердцу грызли как собаки;
Не знал он что тогда начать.
Троянцы были все гуляки,
Все на учились куликать;
Все мнили только лишь о девках,
О супрядках и посиделках,
О вечеринках и гульбе;
То захотят ли вдруг подняться,
И не простясь ни с кем расстаться?
Еней так думал по себе.

Но Зевса строго повеленье
Нельзя никак переменить.
Скорей как можно исполненье
Ему потребно учинить.
Не сломишь хворостом обуха.
Еней пред Зевсом так как муха;
Юпитер же в сердцах жесток;
Швырком неведь куда закинет,

Что весь и след совсем простынет,
Как будто по ветру дымок.

Созвав к себе троянско племя
Приказ сторожайший всем им дал,
Чтоб всяк в кратчайше само время
Себя на путь приготавлиал.
Скорей чтоб парусы чинили,
И все суда приноровили
В ту самую ночь совсем в поход.
Не приказал ни с кем прощаться,
И потайком к судам собраться,
Чтоб не встревожить тем народ.

А чтоб бедняжечку Дидону
Ему от слез предохранить,
Решился без пальбы и звону
Оттуда лыжи наострить.
В французском ветреном народе
Такой он выучился моде
Украдкой бегать из гостей.
И он так вздумал той же ночи,
Лишь сон ее закроет очи,
Тихонько ускользнуть от ней.

Любовь, как всякому известно,
Имеет кошачьи глаза;
Всегда пильнует повсеместно,
Не прозеваает ни аза.
Проникли вдовушкины взоры
Троянские в дорогу сборы;
Смекнула скоро всё умом,
Что сей смазливенький молодчик
Лукавый был в любви проводчик,
Порхнуть задумал соколом.

О том ни слова не сказавши,
Не знала будто ничего,
Легла в постелю, в мысли взявши
Подкараулить чтоб его.
Еней совсем того не зная,

И сонною ее считая,
Взяв шапку лишь хотел идти;
Дидона с ложа вдруг вскочивши
И за кафтан его схвативши
Вскричала: «Нет, брат! не уйти!

«Не мнишь ли ты, что я не знала
«Всего лукавства твоего?
«Нет; знай, что верно ожидала
«Такой беды скорей всего.
«Ни мало предо мной не скрылось,
«Тебе что в голову вселилось
«Меня оставить и бежать.
«Тебе веселье здесь приелось,
«Наскучило и захотелось
«Другую обмануть искать.

«Ах! вспомни то, злодей негодный!
«Подумай, с чем сюда прибрел?
«Как пес ты был тогда голодный,
«И рубашенки не имел.
«К тебе я жалость возымела,
«И с ног до головы одеда
«С троянской шайкой всей твоей.
«Теперь меня ты покидаешь;
«И тем все ласки награждаешь,
«Что видел от любви моей.

«Стараясь о твоей забаве,
«Для утешенья твоего
«Не думала о чести, славе;
«Не нужно было ничего.
«Вся по уши в тебя влюбилась;
«Того ни мало не стыдилась,
«Что тем чиню себе позор.
«Во всем тебе я угождала;
«И в роскоши избаловала
«Как город, так и весь мой двор.

«Тебя мне милого злодея
«Никак не пожалела б я,

«И вероломного Енея
«Забыла бы любовь моя,
«Жила спокойно бы в разлуке,
«Не мучилась в несносной скуке,
«Одна расставшись с тобой,
«Когда б за страсть мне в воздаянье
«Ты о себе в напоминанье
«Живой портрет оставил свой».

Но видя, что слова все страстны
Не льнут, как об стену горох,
И речи что ее напрасны,
Взбесилася, весь рот засох,
Не взмолвила вдруг ни словечка;
Забилось около сердечка
Без шабаша и не путем.
Потом заскрежетав зубами,
И топая о пол ногами
Рекла в беспамятстве своем:

«Негодный! дерзкий! плут! похабник!
«Мерзавец! пакостник! страмец!
«Мошенник! вор! злодей! нахальник!
«Подлец! бродяга! сорванец!
«Нет сил уж больше укрепиться,
«Тебе чтоб в рожу не вцепиться,
«И с носом не отгрызть ушей;
«Потом по кошачьи когтями
«Узоры расписать цветами
«По скверной харе всей твоей...

«Неправда, что тебя Венера
«В любви с Анхизом родила;
«Такого гнусного примера
«Она еще не подала.
«Но верно пьяная подлянка,
«Иль шедши с кабака крестьянка
«Тебя произвела на свет.
«Нельзя, чтоб ты такой розиней
«Любовной был рожден богиней;
«В тебе такой приметы нет.

«Ступай; раздуй тебя горою!
«И провались ты; чорт с тобою,
«И со троянскою толпою!
«Хоть в омут сунься головой.
«Сшибут вас всех напасти многи;
«И ни пути вам ни дороги
«Не будет вовсе никогда.
«Тогда меня вспоминая,
«И локтем слезы утирая,
«Узнаете, что есть беда».

Еней гораздо неутешно
Ту жалобную слушал речь;
И для того весьма поспешно
Старался оную пресечь.
Ни слова ей не отвечая,
Пустился словно как борзая,
Стремглав из горницы бежать.
И в миг на берег прибежавши,
Людей в суда всех посажавши
Велел в путь якори поднять.

Во флоте было всё готово,
И всё приправлено как раз;
Починено всё там за ново,
Как будто с рынку на заказ.
Перечинили все канаты
В узлы, плетушки и заплаты,
Из лык, мочалок и лубков.
Суда все дегтем намарали;
В верху по мачтам навязали
На место флюгера платков.

Дидона под окошком сидя
С сестрой в высоком терему,
И весь отъезд Енея видя,
По белому лицу всему
Ручьями слезы проливала;
Как сумасшедшая кричала,
Всё платье на себе рвала,
О стол стучала кулаками,

Обгрызла губы все зубами,
И так как без ума была.

Потом как несколько очнулась
И помирилася с умом,
Стремглав о пол лицом клюнулася
К Анюте в ноги кувырком.
«Нет больше для меня приюта,
«Родимая моя Анюта!
«Как только в помощи твоей.
«Со всеми я теперь рассталась;
«Одна лишь только ты осталась
«В кручине помогать моей.

«Дай помощь мне в моем несчастье,
«И в сильном горе помоги;
«И несмотря на всё ненастье
«Скорее к морю побегу;
«И как-нибудь наудалую
«Там севши в лодочку косную
«Пригрянь за ним скорее вслед;
«Уговори, чтоб воротился,
«И поскорее торопился
«От всех меня избавить бед».

Анюта перед ней молчала,
Не знала что и отвечать,
Хотя с усердием желала
В такой ей нужде помогать,
Но с роду в лодке не каталась,
И ездить по морю боялась.
Не знала как с Дидоной быть,
Со всею хитростью своею
Не ведала, что делать с нею
И как злу горю пособить?

Потом по долгом размышленьи
И посоветовав с умом,
Сказала ей во утешенье:
«Уж есть тебе тужить о ком!
«И лучше есть его на свете.

«Теперь ты в самом лучшем цвете,
«И тридцати не было лет.
«Наплюй на всю ты грусть-кручину;
«Найдем другого мы детину;
«Людей на свете сем не нет.

«А ежели никак не можно
«Тебе тоски по нем унять,
«То не тужи; авось возможно
«Его нам и назад достать.
«Не будет умничать он боле;
«Воротится и поневоле
«На ручку как сокол к тебе.
«Зачем пред ним нам унижаться,
«И по морю за ним гоняться?
«Небось сам будет не в себе.

«Всю тайность я тебе открою,
«Держу теперь что на уме.
«Пойдем не мешкавши с тобою ,
«К одной названной мне куме.
«Она все знает обороты,
«Шептанья, порчи, привороты;
«Знакома с бесом не одним.
«Во всех делах сих мастерица;
«И будь уверена, сестрица!
«Что даст конец бедам твоим».

Вдова сестру свою обнявши
И обтерев от слез глаза,
Повыше платью подобравши
Скакнула будто стрекоза;
Как из лука стрела пустилась
И столь проворно торопилась,
Что Аннушка пыхтя за ней
Чуть-чуть насилу успевала;
И только вслед уж ей кричала,
Куда бежать к куме своей.

Колдунья встретивши Дидону
Узнала, что потребно ей;

И пособить ее урону
По всей возможности своей
В сию ж минуту обещала.
Потом промеж зубов ворчала,
Шептала долго над водой,
Чертила угольком за печкой,
Топила олово над свечкой,
Стучала в печь сковородой.

Верхом на ступу вдруг вскочила,
В одну поддела руку пест,
В другую помело схватила
Привязанно на длинный пест.
И в колдовском таком уборе
Пустилася на сине море
За беглецом Енеем вслед.
Но старая сия грызунья
Была хоть сильная колдунья,
Своих же не узнала бед.

Еней ходил тогда по судну
Поглядывая часто взад;
И своему отъезду чудну
Ни мало не был вовсе рад.
По вдовушке своей крушился.
При нем цыган тут находился,
Его любимец и угар.
Ему и прежде он сгодился;
И если б тут не прилучился,
Еней пропал бы как комар.

Цыган издалика узревши
На ступе скачущу Ягу,
Разинул рот весь побледневши,
И задрожал как на снегу.
Потом цыганской ворожбою
Сожав ладонь махнул рукою,
Надулся, плюнул, зачурал.
Яга со ступой вдруг взвернулась,
Как камень в море окунулась;
И приворот весь тут пропал.

Теперь конец любовной сказки
В Дидониных одних руках.
Она вольна то без огласки
Окончить всё не на словах.
И слишком ежели досужа,
И третьего себе пусть мужа
На место беглеца возьмет.
Виргилий предписал в законе,
Что должно умереть Дидоне.
Пускай же и у нас умрет.

Пожалуй, господин читатель!
Хотя минуту погоди;
Не будь ты строгий в том искатель,
И мне виною не клади.
Не я Дидону умерщвляю,
Но Марону в том подражаю:
Он смерть такую положил.
А я лишь ту его погудку
Переверня в смешную шутку
На русский лад поворотил.

Телега солнцева спустилась
Уже далеко за леса,
И в свет наш белый взгромоздилась
Ночная темна полоса;
По гнездам птички все сидели;
Одни лишь только полетели
С совами филины, сычи.
Добравшись люди до постели
Во всю Ивановску храпели,
Как водится всегда в ночи.

Но горемычная Дидона
Никак на ложе не легла;
Сердечна своего урона
Забуть ни мало не могла;
Вздыхала только повсечасно.
И привидение ужасно
В ночной спокойной тишине
Ежеминутно ей казалось.

От страха сердце надрывалось;
Горела будто на огне.

Комар ли стукнет по обоям,
Иль мышь под печкой запищит,
Казалось ей, что по покоям
К ней муж ее давить бежит.
При том же к лютой сей печали
Бурливы ветры вдруг настали
На пущую ее беду;
Слепни и комары влетались,
В пруде лягушки раскричались
Без шабаша и череду.

В такой несносной бывши скуке
Она не знала что начать.
В тоске, кручине, горе, муке,
Задумала вдруг умирать.
А чтоб не долго ей томиться,
И с жизнью скорей проститься,
То стала в мыслях разбирать,
Какая смерть не беспокойна
И больше для нее пристойна;
Такую бы и ей избрать.

Сперва хотела попытаться
Черкнуть по горлышку ножом;
Но гнусно кровью замараться,
То не решилася на сем;
А выбрала на перемену
Чтоб голову разбить об стену;
Но скажут, что с ума сошла.
Повеситься ж иль удавиться
По званию ей не годится;
Такая смерть для ней подла.

Придумывая долго время,
Не знала вовсе как решить,
Свое чтоб горько жизни бремя
Скорее прочь с себя сложить.
По долготрасном рассужденье

И по глубоком размышленье
Решилась дать собой пример.
Против окошек на лужечке,
Близ пристани на бережечке
Велела дров сложить костер.

Со всех сторон его обила
Богатой самою парчой
И сверху оной нацепила,
Что не успел Еней с собой
Схватя увезть в своем побеге,
И позабыл что на ночлеге
Свои троянски животы.
Всё безотходно тут стояла;
Сама прилежно заплетала
Венками зелень и цветы.

Потом когда уже готово
И всё поспело наконец,
Костер и всё убранство ново,
Надевши на себя венец,
Переплетенный со цветами
Енеевыми волосами,
Взошла Дидона на него;
И снести не могли всей кручины
Схватила в руки пук лучины,
И весь кругом зажгла его.

Поднялся дым кругом клубками
Как из печной трубы большой;
И пламя обняло рядами
Костер тот весь и со вдовой.
Все люди в ужасе взметались,
Костер тот раскидать взбросались;
Но поздно уж туда пришли.
Дидона вся совсем сгорела;
И от ее всего там тела
Лишь косточки одни нашли.

Вот был какой конец несчастный
Дидоны бедной от любви;

За то, что не могла жар страстный
Ничем залить в своей крови.
Огнем она и в жизни тлела
И от огня ж в костре сгорела;
Жила и умерла огнем.
В любви хоть мало кто потрется,
Тот очень больно обожжется,
И всё как трут сотлеет в нем.

Сия Дидонина кончина
Жалка для всех людей была;
И на спине своей пучина
Ту весть к Енею принесла.
Об ней он слышал разны речи.
Взвалилася ему на плечи
Не малая по ней тоска;
За вздохом вздохи вылетали,
Мехами будто раздували;
Из глаз ручьем текла река.

Ни в чем никак не уступают
Дидоне бабы и у нас;
И в том ей верно подражают
Все ввапуски как на заказ.
Вся разность в том у наших с нею:
Рассталась с жизнью та своею
Сгоревши вся одним огнем.
У нас огнем не умирают,
Хоть часто свой огонь меняют;
Но смерти не находят в нем.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

С о д е р ж а н и е. Поминки в Сицилии Енееву отцу Анхизу и бывшие при том празднестве игры и потехи.

.....
.....
.....

Один из той толпы бродящей
Троянцев бедных горемык,

Знаток во всем был настоящей,
Насквозь всё видел напрямик;
Из всех их был во всем умнее,
Догадливее, смышленее;
Притом делец и книгочей;
Провор мужик и не бездельник,
Смекало, знахарь и волшебник,
Колдун и сильный ворожей.

Самой был научен Минервой
Пронырствам и пролазам всем;
И в том мудрец был самый первой.
В проворстве никому ни в чем
Не уступал никак нимало.
Нигде такого не бывало
Во всех проводах молодца.
Окинуть не успеешь глазом,
Как он опутает вдруг разом
Хотя какого удальца.

Навтесом он именовался
И был от всех всегда в чести.
Узря, Еней что огорчался,
Не мог никак того снести;
И подошедши потихоньку,
Взял за руку, отвел в сторонку,
И сколько можно утешал,
Уныло сердце ободряя;
И речь свою окончивая
За тайну на ухо сказал:

«К чему так вдруг разгоревался,
«И с горя губы распустил,
«Некстати так в кручину вдался
«И будто баба приуныл.
«Слышал от многих я издавна:
«Фортуна баба своенравна
«И любит только тех одних,
«За ней которы без устатку
«Гоняются без перестатку,
«И не жалеют сил своих.

«Что ты найдешь себе слезами?
«И дашь ли помочь горю тем?
«Подумай-ка со стариками,
«Что делать в злом несчастье сем?
«Не здесь ли на житье остаться,
«Иль сызнова нам в путь подняться,
«Они тебе приговорят.
«Послушайся ты их совету;
«Тебе иного средства нету,
«Коль мысли так тебя мятят».

Навтесов сей совет Енею
По сердцу до души пришел,
Простившись он с толпою всею
От горя приуснуть пошел,
Чтоб тем свою несносну скуку
И горемычную кручинну муку
Хотя немножко уменьшить;
Чтоб грусть свою поприуснувши
И от устатку отдохнувши
Дела на мере положить.

Однако ж сколько ни старался
Глаза всей силою сжимать,
Но сон как будто отказался
Его в то время усыплять.
В уме несметные пучины
Бурлили разной чертовщины,
Волшебства, дряней, небылиц;
В глазах же беспрестанно зрелись,
Толпились, прыгали, вертелись,
Собранья разных в харях лиц.

Потом видение ужасно
Изобразилось наконец.
Как будто въяве очень ясно
Предстал ему его отец.
Подшед к постеле потихоньку
И осторожно полегоньку
От сна Енея возбуждал.
Еней же шубами прикрывшись

**И дух скрепивши, притаившись
Ни жив, ни мертв тогда лежал.**

«Проснись, не спи, о сын любезный! —
Вещал Анхиз Енею так. —
«Не будет более рок слезный
«Тебя тузить вперед никак.
«Юпитер дождь тебе проливший
«И тем пожар весь загасивший
«Меня сюда к тебе послал,
«Нарочно давши повеленье,
«Чтоб оному ты исполненье
«Чинить скорее поспешал.

«Имей надежду несумненно,
«Что кончились твои беды;
«И ты теперь уж совершенно
«И от огня и от воды
«Избавлен им совсем на веки.
«Ступай теперь на римски реки
«И ново царство созидай.
«Фортуна гнать тебя устала;
«Счастлива жизнь твоя настала;
«Живи теперь да поживай.

«Однако ж знай, что прежде должно
«Тебе сходить на час во ад;
«Иначе ж будет невозможно
«Тебе найти счастливый клад.
«Последуй в том судьбы закону;
«И к нашему царю Плутону
«Тряхни с почтеньем на поклон
«И кувырнись челом пониже
«Легонько подойди поближе.
«Внемли, тебе что скажет он.

«Увидевшись я там с тобою
«Что делать далее скажу;
«И сам окольной стороною
«К одной Сивилле провожу,
«Которая тебе накажет

«По пальцам толком перескажет,
«Как впредь тебе на свете жить. - - -
«Но времени теперь мне мало. - - -
«Прощай - - - почти уж рассветало;
«Пора мне в ад домой спешить».

Енею больно не хотелось
Опять пускаться по волнам;
И жестоко уже приелось
Шататься ветром по морям.
В Сицилии он был как дома,
Без всякого совсем содома,
Гулял лишь только, пил и ел.
А тут опять пришло скитаться,
И сизнова опять слоняться,
Как прежде горе зло терпел.

Грустил о том он неутешно;
Но так тому уже и быть.
Оставшие суда поспешно
Велел скорей перечинить;
Чтобы кое-как пособравшись
И со Ацестом распрощавшись,
Опять с людьми пуститься в путь,
Дабы в Италию пришедши
И уголок свой там нашедши
От всех напастей отдохнуть.

Венера только лишь узрела,
Что вся троянская толпа
На корабли свои посела,
Была на тот раз не скупа;
Тройные заплатя прогоны,
Во все без подорожной гоны
Пустилася на почтовых
К Нептуну старику с поклоном;
И с самым женским жалким стоном
Просить о нуждицах своих.

Нептун сидел поджавши руки
На лавке у своих ворот,

И забавляясь от скуки,
Тритонов собрал хоровод;
И Амфитриту потешая,
Велел им пред собой играя
Резвиться как они хотят,
В горелки, в свайки, чехардою,
В пристен, иль в городки с ездою,
И выставил вина ушат.

К Нептуну с щегольским почтеньем
Венера тихо подошла,
И с волокитным униженьем
С улыбкою ему рекла:
«Пожалуй, сделай одолженье,
«Исполни ты всё то моленье,
«Тебе троянцы что чинят;
«И не мешай ты им дорогой;
«Ручаюсь, что жертвой многой
«Тебя конечно наделят».

Нептун во всем ей обещался
Услугу верну оказать
И в утверждение поклялся,
Что не намерен в том солгать.
Настал троянцам ветр споручный
И им в пути благополучный;
Пустилися они в поход;
По ветрам паруса подняли,
Запели песни, засвистали,
И по хребту летели вод.

Их кормчий сидя у кормила
Качаяся тогда дремал;
Ни уха вовсе он, ни рыла
Перед собою не видал.
Когда в дорогу он прощался,
То несколько опростовался,
И слишком через край хватил;
А от того лишился мочи;
Посоловели ясны очи
И управлять не в силах был.

Еней велел его тихонько
В каюту людям проводить,
И тамо с бережью легонько
Проспать в койку положить.
Но только лишь его те взяли
И с места за руки подняли,
То ветр корабль волной качнул;
Он вдруг ногою спотыкнулся
И в воду с корабля клюнулся,
Упал из рук и утонул.

Еней жалел о нем не мало,
Но погрустивши перестал.
«Пусть только тем бы миновало; —
Вздохнувши он о нем сказал. —
«Хоть мне и жаль сего детины,
«Но лишь бы большей мне кручины
«В последнем сем пути не зреть.
«И окончав его счастливо,
«Хотя бы на какое диво
«Уж больше горя не терпеть».

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

С о д е р ж а н и е. Каким образом храбрый витязь Еней узнал от Кумской Сивиллы будущую свою судьбину и пустился путешествовать во ад.

Так точно с горя изъяснялся
В тогдашней грусти злой Еней;
Однако ж как ни укреплялся,
Но из обеих вдруг очей
Текла слеза вожжей ручьями;
А вздохи будто как мехами
У слесаря иль кузнеца
Друг друга спешно догоняли,
И белую всю грудь вздували
Тузя кручиной молодца.

А ветры между тем подули
В затылок сильно кораблям,
И паруса все натянули
Висящие по всем щеглам.
На палубе гребцы рассевшись,
И будто белены объевшись
Кричали песни, кто что знал.
Суда как на крылах летели,
И воду пеною вертели;
Один другого догонял.

Скоренько сказка говорится,
И вся на полету идет;
На деле же не так спорится,
И с остановкою ползет;
Так точно наши удалые
Пучины мерявши морские
Проездили не день один;
И к пущей всей своей печали
Совсем никак о том не знали,
Куда их мчит Анхизов сын.

Проездивши не мало время
И понырявши по волнам
Троянско горемычно племя
Пристало к Кумским берегам:
И никому не поклоняся
Причалилися не спросяся,
И стали стройно все рядком;
Суда покрепче привязали
И на берег все повскакали
Друг друга догоняя в том.

Кто до чего имел охоту,
Заботился того искать;
И всю имел о том заботу,
Чтоб то себе скорей достать.
Иной побрел туда шататься,
Куда привыкли собираться
Молодушки по вечерам
Плясать под песни в хороводы;
Чтоб после бури и погоды,
Отраду дать хотя глазам.

Другие жаждой утомяся
Искали где бы им подпить,
И на отрез подвеселяся
В вине беды все утопить.
Пролазы же из низкой черни
Пошли искать майданов, зерни,
Чтобы кого-нибудь оплесть;
И на плащишке разваляся
Вскричать: *Бью зависть!* разъяряся,
И душу тем свою отвесть.

Другие с горя и печали
Зашед в укромные места
С досады крепко козыряли
В Хлюст, в Едну, в Горку, в Три листа,
Вспоминая о невзгоде.
В троянском балагурном роде
Макао, Ломбер, Вист, Бостон,
В то время были неизвестны;

И меж солдат совсем невестны;
Простой там был картежный звон.

А люди в летах пожилые
Совсем смекали о другом
И косточки свои больные
Пеклись поправить чередом;
И тщась отраду дать сердечку,
Полати, голбец или печку.
Старались для себя найти;
Чтоб часиков пять-шесть уснувши,
Поотдохнуть повосхрапнувши
От столь далекого пути.

А кто довольно поназябся
И не на шутку передрог,
О том лишь только и старался,
Когда бы бог ему помог
Сходить к кому-нибудь не в гости,
Но в баньке чтоб замерзлы кости
Распаря добрым чередом,
Взъерошить спину поплотнее,
Чтоб быть в составах половчее,
Как будто не бывал ни в чем.

Енея ж ни одно веселье
Собою не могло пленять;
Анхиза строго повеленье
Спешил скорей он исполнять;
И ни минуты не теряя,
Проворно брызнул как лихая
Ямская лошадь на бегу;
Едва с душою собираясь
Достигнул в поте запыхаясь,
Где храм был Фебов на лугу.

В уме хоть не о богомолье
Еней на тот раз помышлял,
На молодцов своих раздолье
С великой завистью взирал;
Смотря как люди проклажались,

Гульбой различной занимались,
Ручьями слюни испускал;
И на судьбу свою сердясь,
И больших бед вперед страшась,
С досады делать что не знал.

Вошедши в храм поизумился
Троянский парень удалой;
Всему, что видел в нем, чудился
Разиня рот был сам не свой.
Всё, что в глаза ни попадалось,
Несбыточным ему казалось
И делом вовсе не людским.
Стоял в восторге превеликом;
И в изумлении толиком
Бродил как шаль умом своим.

Простительно и подивиться
Старинну зданию тому.
Такою выдумкой хвалиться
Возможно только лишь уму
На штуки бойкого Дедала,
Который с самого начала
Своих робяческих годов
В ученье всячины пустился
И с босурманщиной водился,
На всё был завсегда готов.

Когда во Крите у Миноя
Сей хитрый выдумщик Дедал
Царице угожденье строя
Колодником в тюрьму попал,
Тогда, скучая сей напастью
И дать конец хотя несчастью,
Нелюдским голосом кричал,
Гоня вздохами рыданья,
И разны Фебу обещанья
С моленьем слезным посылал.

Тронувшись Феб его моленьем
К нему на помощь прикатил,

И божеским своим внушеньем
Освободиться научил.
Дедал из перьев крылья свивши
И воском к телу прилепивши
Мог птичкою легко летать;
Тогда беды все забывая,
Пустился время не теряя
По воздуху скорей бежать.

И в благодарность за свободу
Он к Кумским прилетев брегам
На память будущему роду
Соорудил сей Фебу храм;
А Феб то полюбя строенье,
Определил, чтоб в нем моленье
С гаданьем всякий отправлял,
Кто хочет с шеи сбуть кручину,
Иль будущу узнать судьбину,
Сюда бы с жертвой прибегал.

Сивилла с бровью поседелой
И с таковою ж головой,
Свой век гораздо устарелой
Определила на покой
В сем храме посвященном Фебу;
И часто от безделья к небу
Старушечий умильный взор
Сквозь подопрелых глаз пускала,
И шамкая сквозь дещ ворчала
Дельфийского напева вздор.

Еней во храме зазевался,
На редкие приборы в нем;
И так в тот раз опростовался,
Забыв что о себе совсем;
Зевая в храме на картины,
Все горести свои, кручины
Из разума утратил вон;
Забыв отцовско приказанье
И всё свое терял вниманье
Смотря пустых лишь забобон.

Но вдруг Ахат, молодчик верной
Енею князю своему,
В нетерпеливости безмерной
С упреками вещал ему:
«Не стыдно ли тебе, герою,
«Такой безделицей пустою
«Напрасно время погублять
«Старинного зевая грезу?
«Не дай ты остывать железу,
«Спеши горячее ковать».

А между тем и кумска жрица
К Енею также подошла,
И как проворна мастерица
На всяки бойкие дела,
В сторонку от людей отведши
И в уголок постошедши
Сказала шоптом сей совет:
«Глазами сколько ни зеваешь
«Но ничего тем не узнаешь:
«Сухая ложка рот дерет.

«Пошевельни-ка ты мошонку
«И растряхни свой черезок,
«То может быть, что потихоньку
«Найдешь какой-нибудь здесь толк.
«А чтобы дело шло скорее
«И для тебя во всем спорее,
«Не тратя время ни часок
«С приносом подойди поближе,
«И Фебу нашему пониже
«Челом с гостинцем в каблучок.

«И так оставь ты попустому
«На украшенья стен зевать;
«Но для священна здешня дому
«Вели ты жертвы припасать;
«Полдюжины больших теляток,
«Овечек столько ж и козляток,
«Светлейшу Фебу на обед».
Еней во всем повиновался,

Во всем ей угодить старался,
Дальнейших опасаясь бед.

Енея за руку схватила
Сивилла крепко не путём;
К кумиру Феба притащила;
И прямо на него лицом
Глядеть велела не мигая,
Из глаз ни мало не спуская,
Покамест будет вопрошать.
Сама ж вдруг вся переменялась
И так не в шутку забесилась,
Нельзя что было и унять.

Раздулись ноздри, как весною
У молодого жеребца;
Сверкал огонь не чередою
Изо всего ее лица;
Запел охриплым басом голос;
Взъерошился рогаткой волос,
Как будто иглы у ежа;
Все члены вовсе помертвели,
Опухши губы посинели,
Тащилась пена как вожжа.

Вещунства дух ее ломая
По всем углам бросался в ней,
Сивиллу бедную кривляя
Кто будто порчей ворожей.
Еней не знал как быть с собою;
В мороз как мокра мышь зимою
Живот подкорчивши дрожал.
Потом простерши руки к небу,
Молитву жалобную Фебу
Сквозь зубы в страхе проворчал:

«О ты, что сильною рукою
«На самых резвых рысаках
«Катаясь в небе четвернёю
«Нам виден только в красных днях!
«Тобою стены Илиона

«От сильных вражьих стрел трезвона
«В защите были завсегда.
«Как будто курица цыпляток,
«Ты нас берег, своих дитяток,
«Не забывая никогда.

«Родного батюшки веленье
«Исполнил я пришед сюда:
«Внемли ж теперь мое моленье!
«Теперь твоя уж черед.
«Исполни все мои доуки;
«Поверю я и без поруки
«Священну слову твоему.
«Скажи: доколе нам слоняться?
«И долго ль нищими таскаться
«По свету белому всему?

«Ты мне послужишь не скупому
«И будешь не без барыша;
«Тебе я, солнышку дневному,
«Свой через весь распотроша
«Ни крошечки не пожалею
«И всё что здесь я ни имею,
«То в клад во храм твой положу
«Златому твоему болвану.
«А что не склонен я к обману
«На деле самом покажу.

«Смотри ж и ты, светильщик ясной!
«Не проводи нас на бобах
«И ложной радостью напрасной
«Не тешь нас на пустых словах.
«Чтоб были все твои ответы
«И все Сивиллины советы
«Написаны не на воде,
«А если как-нибудь слукавишь
«И нас лишь баснями отправишь,
«Не жди ни денежки себе».

Меж тем пока Еней молился
Кумиру Фебову в тот час,

В Сивиллу Фебов дух вселился
И разных тысячи проказ
Показывал ее кривляньем.
Потом как божеским вещаньем
Насытилась уже она,
К Енею взором обратилась,
И сим ответом разродилась
Вещая будто бы со сна:'

«Судьба богов неисследима
«Сокрыта в участи твоей!
«Латинщины тебе и Рима
«Не видеть как своих ушей.
«Однако ж не отчаявайся
«И горевать не вдруг пускайся;
«Хотя ты и не будешь там
«Ни мало вовсе ни ногою,
«Но скажут все, что там тобою
«Богам построен первый храм.

«Но и не вдруг же восхищайся
«Таким весельем наперед
«И прежде сам приготавлийся
«Отведать кучу горьких бед.
«Тибр, Ксант увидишь пред собою
«Не чистою речной водою
«В своих текущи берегах:
«Сгустясь те воды побагреют,
«Бурачным соком покраснеют,
«Смешавши кровь в своих волнах.

«Юнона завсегда готова
«Тебя попотчевать бедой;
«Зачнет и там тревожить снова
«Последующий род весь твой;
«Возами горя им доставит,
«И нового для них наставит
«Там Ахиллеса на заказ
«С толпой неугомонных греков.
«От сих нахальных человек
«Поплачете вы все не раз.

«Но несмотря на злу судьбину,
«Держащую над вами меч,
«Вы всю свою тоску-кручину
«Свалите будто гору с плеч;
«И все свои забыв печали,
«Ни в чем как будто не бывали
«Начнете припевая жить.
«Настанут вам деньки блаженны!
«Не навсегда вы осужденны
«С котомкой по миру ходить».

Когда Сивилла окончала
Троянцам таковы слова,
Щемивши губы замолчала.
Пророческая голова
Ее тогда отяжелела;
Как с перепоею опьянела
С надсады Фебовых тузов;
С устатку только отдувалась;
В Енее ж крепко разрывалась
Душа от грозных Феба слов.

Не могли скрыть своей досады
Сверкал глазами будто кот,
Гневливые пуская взгляды.
«Возьми сей час меня сам чорт,—
Сказал Еней, — когда все бредни
«Оракуловой сей обедни
«Могу хоть крошку в разум взять.
«Набрехала она с лукошко;
«Но если понял хоть немножко,
«Готов я дать себя пытать.

«Меня хоть режь всего ножами,
«Я знаю столько ж и теперь,
«Как перед теми знал часами,
«Входил когда в сей храм во дверь.
«Но пусть что корга ни ворчала
«И что нам здесь ни наболтала,
«Готов то видеть над собой;
«Лишь только бы пооблегчилась

«И проводить не обленилась
«Меня туда, Анхиз где мой.

«Не даром он из-за могилы
«На поговорку приходил,
«И изо всей мертвецкой силы
«К себе в ад погостить просил.
«Хоть много я везде шатался
«И выпуча глаза слонялся,
«Но там ни разу не бывал.
«И так не худо бы от скуки
«Узнать и адские все муки,
«И где отец мой там попал.

«А то и прежде уж бывало;
«И в ад ходил я не один;
«И сделаю не я начало.
«Угаристый Алкменин сын
«Укутавшись шубой львиной
«Чуть-чуть весь ад своей дубиной
«Во гневе злом не откатал,
«И задал было всем жарёху,
«Орфею также скомороху
«Плутон жену на выкуп дал.

«Послушай же добро, старушка!
«Кинь враки все, и не шути;
«Теперь со мной уж не игрушка;
«Готовься к адскому пути.
«Приказ тебе даю не ложной;
«Ямских на тройку подорожной
«Не тратя время запасись;
«Мы заплатя вперед прогоны,
«Махнем во все с тобою гоны.
«Ступай проворней, не ленись».

«Ах! милый внучек мой родимый! —
Рекла грызунья та ему, —
«Тот путь назад невозвратимый;
«Назад нет ходу никому.
«Для входа широки ворота;

«Гекашина вся в том забота,
«Чтоб их прихожим отворять;
«Но в них лишь только кто вотрется,
«Как мышь из пасти не вернется,
«И должен там уж кочевать.

«Но если сильная охота
«Тебя из мочи всей берет
«И прогуляться в ад забота
«С ума долой никак нейдет,
«То только сам лишь не плошися,
«Раскрыть мошонку не скупися,
«Авось либо мы путь найдем;
«Хотя за таковы затеи
«У многих на сторону шеи
«Плутон ломает не путем.

«Когда помажешь ты телегу,
«Тогда она уж не скрипит;
«Без остановки до ночлегу
«По маслу будто сыр катит.
«Лишь только побренчи карманом,
«Везде тебя всяк примет паном;
«Ты знаешь: денежка мана!
«Божусь тебе, дружок! не ложно,
«Всё в свете ею сделать можно;
«И в ад к Плутону ключ она.

«Покамест моего совета
«Послушай, что тебе скажу;
«И тем во ад со здешня света
«Путь самый легкий покажу.
«В лесу густом непроходимом,
«На дереве одном любимом
«Мертвеческой земли богам,
«Растут отменны наливные
«Садовы яблоки большие;
«Увидишь, подивишься сам.

«Знай, те деревья не простые,
«Какие в наших здесь садах;

«На них все ветки золотые
«Растут на гладеньких сучках.
«А что всего в них мудренее
«И для простых умов чуднее,
«Что если тот сучок сломить,
«Тотчас другой вдруг возрастает,
«Собою старый заменяет,
«И мигом плод начнет носить.

«Без ветки сей во ад к Плутону
«Не смей никак никто придти;
«Или по адскому закону
«Назад не узрит уж пути.
«Стран адских сильная богиня,
«Плутонова жена княгиня,
«Охотница гостинцы брать;
«И с сим приносом ей любимым
«Назад отпустит невредимым,
«Кто б ни посмел пред них предстать.

«Но ведай же и то, сыночек!
«И в ум плотнее заberi,
«Что сей искавши ты сучочок
«Себя на век не погуби.
«К сему кто роком не назначен,
«Тот как ни будь удал и взрачен,
«Но не найдет никак его;
«Ни зги не взвидит в лес вошедши,
«И весь по волоску обшедши,
«Не сыщет вовсе ничего.

«Кому ж удачливой судьбою,
«Назначено ту ветвь иметь,
«Одним тот мигом пред собою
«Почти под носом будет зреть.
«И так когда тебе удастся
«В лесу с тем суком повстречаться,
«Не тратя время ни мига
«Сломи его скорей и в шапку,
«И поплотней схвата в охапку,
«Лизни оттуда в два прыга.

«Однако ж полно из пустого
«В порожнее переливать;
«Поди покамест удалого
«Товарища похоронять,
«С вина который угоревши
«Лежит теперь окоченевши,
«Вверх носом и разиня рот;
«Сваргань ему поминовенье
«И чин по чину погребенье;
«Тебя уж весь народ там ждёт».

Сие сказавши замолчала,
И хвост вернувши перед ним,
Как заяц от собак из мяла
К кумирам брызнула своим
В каморку тайну особливу.
Еней стоял, такому диву
Чудясь; не ведая того,
Кто б так из них опростовался,
И скоро без него собрался
В поход из света вдруг сего.

Такой ответ от ней схлебнувши,
Как будто без соли что съел;
От сердца крепко воздохнувши
К троянцам на берег побрел.
Ахат, Енея верный спутник,
Во всех делах его сотрудник,
Шел по сторонке вместе с ним;
Себя ни мало не жалея,
Стараясь грусти все Енея
Разбить шутя лганьем своим.

Натащивая разны шутки,
Вздор вздором в зашей погонял,
И строя разны прибаутки
Енея тем развеселял.
Но князь никак не усмехаясь,
И мыслями только занимаясь,
Шел будто обваренный гусь;
И все его пред ним болтанья

Насмешки, шутки и кривлянья,
Не дул ни мало вовсе в ус.

Отшедши на один десяток
Больших на скору рысь шагов,
И подходя уж близь палаток
Своих троянских удалцов,
В сторонку оба оглянувшись
Увидели, что растянувшись
Лежит какой-то молодец;
К нему поспешно подлетели;
И как поближе осмотрели,
Узнали, что он тот мертвец.

Одутливому он Еолу
Был как-то близкою родней,
И часто всем давал назолю
Неугомонностью своей,
За тем что был великий спорщик;
При войске первый был сиповщик,
Иль попросту сказать, трубач;
Трубил всегда без перестатку;
В попойке ж братской без устатку
Тянул отменно в рысь и в скачь.

В бою на драке был храбрее
Изо троянской шайки всей;
Никто не мог его вострее
Со всей проворностью своей,
Как дело подойдет до схватки,
Направить лыжи без оглядки,
Иль дать по-свойски стрекача.
Дивились все ему немало.
Нигде на свете не бывало
Такого храбра трубача.

С похмелья вздумал он от скуки
Пойти по бережку гулять,
И взяв рожок солдатский в руки
Булацки песни надувать,
Игрой своею восхищаясь.

Потом Тритонам насмехаясь,
Звал всех с собой на трубный бой,
Дутьем в рожок отведать силы,
Сыграть с ним песни две унылы,
Иль марш походный полевой.

Тритонам похвальба такая
Была совсем не по нутру;
Ту ночь они в гостях гуляя
Сердиты были поутру
К несчастью бедного троянца;
«Вот мы тебя ужо, поганца,
«Научим скоро надувать
«Иным напевом под водою!»
Столкнув потом вниз головою
Заставили в воде нырять.

Енею, зря сию утрату,
Нельзя никак не потужить.
За службу бывшую в уплату
Велел его похоронить
С трубачей честью отменно.
Еней всегда обыкновенно
Был жалостлив ко всем и щедр;
Жалея мертвого детину
Всем роздал для его помину
Вина с десятков полных ведр.

И с честью строя погребенье
Мизену храбру трубачу,
Велел ему в поминовенье
По мягкому всем калачу
Закушать поминальну чару,
Чтоб их от дыму и угару
Не стало в животе тошнить,
Сбирать в стакан как станут пепел,
Покамест он горяч и тепел,
На память чтоб его хранить.

Костер ему сооружая
Принес всяк по охалке дров;

Еней ту почесть учреждая
На всё проворно был готов;
И речь надгробну проболтавши
Покойнику сказал припавши,
Чтоб он Плутона и с женой
Попотчевал его поклоном;
Потом с пальбой, музыкой, звоном,
Зажег костер своей рукой.

Печальный праздник окончавши,
Ударился в тоску Еней;
Глаз с глазом вовсе не смыкавши
Он пробыл несколько ночей,
Всечасно мыслями колебаясь,
И всем умом-то добираясь
Пообстоятельней узнать,
Какой то был сучок чудесный,
Ему доселе неизвестный,
С которым в ад ему предстать?

Загнувши руки к пояснице
Кручинно больно выступал;
И корги старой небылице
В уме сколь толку ни искал,
Но всё не находил ни мало.
Ума и разума не стало,
Что в том придумать пригадать;
На чем ему теперь решиться?
Куда ему брести пуститься?
И где ему ту ветвь искать?

Но вдруг над головой Енея,
Прохладный тихий ветерок,
Тихохонько весьма повея,
Олимпийских горных стран душок
Донес к его кручинну носу;
Притом небережно за косу
Невидимую вдруг рукой
Подернул некто не ленясь.
Еней назад поворотяся
Увидел чудо пред собой.

Голубчик сизый потихоньку
С голубушкой над ним летал;
Порхая с нею полегоньку,
Вокруг его реи давал.
Еней гнездо сие узревши
И с радости весь обомлевши
Едва козлом не заплясал,
Узнавши в них прибор любимой
Венеры матушки родимой.
Сказал: «Теперь я не пропал!»

Остолбеневшими глазами
Всей мордой вверх разинув рот
Смотрел на них, поджав руками
Дрожащий с радости живот.
А голуби меж тем взвились
Кругами кверху поднялись
И в путь пустились на полет;
Еней к ним взор свой весь уставя
И шапочку свою поправя,
Ударился за ними вслед.

Из глаз их не спустить стараясь
Бежал за ними напрямиком,
Как пес усталый запыхаясь;
Не раз один о сучья лбом
С разбегу скорого толкался,
Так что в ушах лишь раздавался
Башки пустой шумящий звон;
Иль на пень перекувырнувшись,
Лежал в грязь рожей всей клюнувшись,
Отведав не один трезвон.

Но то забыв и не сердясь,
Спешил лишь всё вперед бежать,
Скорее встав и отрехняясь,
Цитерских птах не промигать
Старался изо всей он мочи;
Тем больше, что почти уж к ночи
Плотненько подвигался день;
Низенько солнышко спускалось,

Почти уж за лес закаталось,
И лезла в небо черна тень.

Бежал за ними он немало,
И не на шуточку устал;
В нем больше сил не доставало,
И чуть с надсады не упал.
Но вдруг Венерины пернаты,
Енеевские провожаты,
Спустились тихо вниз к леску.
Герой наш с силами собравшись,
И к лесу оному добравшись,
Узрел обеих на суку.

Представь себе, мой друг читатель!
Каков быть должен наш герой,
Богов олимпийских почитатель,
Когда узрел перед собой
Тот самый сук неоцененный,
Ему Сивиллой прореченный,
Которого ходил искать?
Всё бывшее в нем восхищенье,
Восторг весь, радость и веселье
Нельзя ни вздумать, ни взгадать.

У самой древней как избушки
При обвалившихся углах
В потемках светятся гнилушки
В растреснутых везде щелях;
Или как в темну ночь весною
Между кустами под травую
Блестит задочком червячок,
Так точно золотом сияя
Блестел глаза все ослепляя
На дереве один сучок.

Енею в мысли углубляться
В то время было не досуг;
Старался как-нибудь подкрасться,
И подхватя с разбегу вдруг
Сломил сучок единым разом,

Так что ни самым вострым глазом
Никто не мог успеть мигнуть;
И сжав его плотней руками,
Пустился скорыми шагами
Улизывать в обратный путь.

Читателям, я мню, случалось
В мясном ряду когда бывать,
И там частенько удавалось
Собачьи хитрости видать.
Из них котора посмелее
И в бойкости поудалее
Когда мосол подтенетит,
Тогда проворно без оглядки
С добычей той во все лопатки
Уйти скорей оттоль спешит.

Так точно нашему Енею,
Случилось тогда бежать;
Боялся он душою всею,
Чтобы не стали догонять.
Вперед грудцою всей припавши,
И рыло в сторону задравши,
Пустился как лихой рысак;
Лишь пятки только вверх сверкали;
Так что за ним не успевали
Его товарищи никак.

Ко аду ключ в руках имея,
Еней приказ всем строгий дал,
Всяк ничего чтоб не жалея,
Скорей как можно припасал
Богам стран адских многи жертвы;
И также чтобы тени мертвы
Забыты не были при том.
Чтоб все ему могли сгодиться,
Помочь с Плутоном подружиться,
И не напакостили в чем.

Лишь только с черной епанчею
Нахмуря брови темна ночь

Со всею свитою своею
Отъехала подале прочь
В край света в пропасти глубоки
И подрумянились щеки
На небе утренней зари,
С постелей люди повскакали,
Друг друга в зашей погоняли,
В порошу будто как псаряи.

Троянцы все загомозились
Приказ Енеев исполнять,
И друг пред другом торопились
Скотину к жертве припасать.
По данну исстари закону
Царю подземному Плутону
Четверку молодых быков
Нарочно всю ту ночь кормили,
И начисто всю шерсть обрили
На лбу их промежду рогов.

Жрец первый с бородой седою,
Висящею до кушака,
Благословенною рукою
Отвесил по лбу шумака
Скотам на жертву осужденным
Ножищем жреческим священным,
И мигом всех распотрошил;
И разбирая требушину,
Троянцам счастливую судьбину
С Енеем князем им сулил.

А между тем отборны жрицы
Из всех троянских знатных жен,
Закрывши покрывалом лица,
Чтоб не был ими кто прельщен,
Прижавши всей ладонью губы,
Тихонько про себя сквозь зубы
Нашептывали на стихах
Похвальные речи Прозерпине,
Богине адской и княгине,
У коей сам Плутон в вожжах.

Гекату также не забыли
Попотчевать с другими в ряд;
Барашка черного убили
Ей особливо на подряд.
И трем уродливым сестрицам,
Сердитым адских стран девицам
Которы ходят в париках,
Униженных кругом рядами
На место локонов змеями,
Крапивы принесли в пучках.

Но вдруг среди всего раздолья
И умничанья стариков
Сивилла в храме из подполья
Предстала промежду жрецов;
Глазищи вылупя дрожала,
И страшным голосом визжала:
«Вон все! чтобы простыл ваш след!
«Назначено то так судьбою,
«Чтоб был один Еней со мною;
«А прочим дела вовсе нет.

«А ты! — рекла она Енею, —
«Удалый добрый молодец!
«С неустрашимостью твоею,
«Ступай за мною. Твой отец
«Ждет нас давно нетерпеливо.
«Но чтобы дело шло счастливо
«И не было в пути нам зла,
«То ты теперь, не тратя время,
«Для адского чертовска племя
«Сам черного зарежь козла».

Еней, учтивство сохраняя,
Как щоголь самый удалой,
Во всем сей няньке угождая,
Своею тот же час рукой
Исполнил что она велела.
Как скоро жертва та сгорела
И обратилась золой,
Тогда Сивилла, вдруг вскочивши

И крепко за руку схвативши,
Помчала в ад его с собой.

О вы, глубоких стран и темных
Бурмистры, старосты, писцы,
Которые в щелях подземных
Владеете во все концы!
Хотя вы все и молчаливы,
Но будьте для меня столь чивы,
И помогите описать
Жилища ваши пояснее.
Неужто Марона умнее
Никто не может написать?

Путем никем не проходимым,
Ни зги в котором не видать,
С героем сим своим любимым
Пошла в подземную гулять.
Еней в потемках злой сей ночи
Глаза таращил что есть мочи,
Но взвидеть ничего не мог;
За коргин лишь подол держался,
На всяком шаге спотыкался
И чуть ни вывихал всех ног.

Но Ментор нового покроя
С троянским Телемаком сим
В потьмах шаги свои удвоя
Брели, как можно было им.
Потом узрели пред собою
Как будто тучею густою
Зловонным дымом всю вокруг
Покрыту щель, иль двери к Аду.
Еней хоть в том имел отраду,
Что шел в походе сем сам друг.

Последуя новейшей моде,
Котора водится у нас
Во всяком просвещенном роде,
Их с честью встретила тотчас
Вся челядь адская с прибором.

С зажмуренным Дремота взором,
Зевая и храпя во сне,
Их приняла весьма учтиво,
Что все тогда сочли за диво,
Живущи в адской стороне.

Потом им Смерть своей косою
Отбрякнула по-свойски честь,
Ведя толпами за собою
Всё, что у ней в команде есть:
Войну, Дуели, Голод, Муку,
Раздор, Вражду, Мор, Зависть, Скуку;
За ними следом Старость шла,
И за собою Дряхлость, Бледность,
Болезни, Ненависть и Бедность
Чин чином за руки вела.

За сим злой Смерти страшным строем
Другие Злы попарно шли,
И будто бы за ней конвоем
Не отставаючи брели:
Сердиты мачихи лихие,
Брюзгливы вотчимы скупые,
Расчетисты опекуны,
Зятья, невестки и золовки,
Свекрови, старые колдовки,
И все земные сатаны.

Шеренга целая стояла
За ними на отбор из всех,
И наяву всем представляла
Прицепливый приказный цех;
Подъячи были там бездушны,
Поверенные криводушны,
С толпой безграмотных судей;
Пронырливы дельцы, сутяги,
Повытчики, глупцы, скупяги,
И дюжина секретарей.

За ними выступкой степенной
Шли постоянницы рядом,

Взор в землю устремя смиренной;
Во богомолье лишь одним
Свое всё время провождали,
И чотками перебирали
Пороки ближних и друзей,
Злословили благочестиво,
В посте с молитвой нелениво
Пересуждая всех людей.

Насупротив сих богомолок,
В оттенке их и для красы,
Высокий небольшой пригорок
Уставлен был в три полосы:
Красавицами площадными,
Любовницами заводными
И подмастерьями мужей,
С толпами щоголей нахальных
И кучей девок театральных
И общих даровых детей.

Еней с Сивиллою своею,
Идя сквозь адский сей прибор,
Робел дрожа душою всею,
Но в сторону простерши взор
Пришел в велико удивленье,
Когда на малом возвышеньи
Растуще дерево узрел;
Шатались вокруг его Безделья,
Вздор, Бредни, ложны Сновиденья,
Как будто рой вокруг матки пчел.

Потом Сивилла указала
Дитяте пальцем своему,
Где всяка сволочь обитала;
Дивиться было тут чему.
Там жили разные уроды,
Последней самой новой моды,
Отобранные на заказ;
Один другого удалее,
И в безобразии страмнее,
Лицом как с рынку на показ.

Кентавры, Грифы, Герионы,
Гиганты, Карлы, Бриарей,
Химеры, Гарпии, Горгоны,
Невиданных станицы змей,
Большими бегали толпами,
Как волки в 'генваре стадами,
Давя друг друга в тесноте;
Дрались, толкались, копошились,
Теснились, тискались, давились
И в вечной были суете.

Но чтоб читателю досадным
Не показалось сие,
То для него я толком внятным
Сие отборное вранье
Колико можно растолкую
И всех их порознь размалюю
В известных видах перед ним;
За то дабы он не сердился,
Что я ему скучать пустился
Чужим враньем, а не своим.

Один удаленький молодчик
К Юпитерихе подлетел,
И с ней как ветреный господчик
Побалагурить захотел,
Или, сказать всю правду матку,
В рогатую оленью шапку
Зевеса вздумал нарядить.
Юнона мужу то шепнула,
И жалуясь притакнула
Его по свойски пожурить.

Зевес Юноны наговором
Почти не верил никогда,
Пустым ее смеясь вздорам;
Но тут готовилась беда
Его юпитерскому ложу.
Подрало как морозом кожу,
На лбу прошиб холодный пот.
Вскричал: «Когда я то замечу,

«То пуще чорта изувечу
«И до ушей распялю рот».

А чтобы лучше утвердиться
И подноготню всё узнать,
Велел Юноне разрядиться
И платье всё ему отдать,
Которое он смявши в кучу,
Им нарядил громову тучу,
И вид своей жены ей дав
Молодчику тому представил,
Который тут же не оставил
К ней присуседиться обняв.

Юпитер крепко рассердяся
Туза ему всей дланью дал,
И ревностью злой бесаяся
На само адско дно втоптал.
Кентавры от сего родились;
На тушах конских взгромоздились
До половины мужики,
Лягались четырьмя ногами
Щелкая острыми зубами,
И всё дрожало их руки.

Разнообразные три тела
Имел царевич Герион;
Без всякой всем вины и дела
Смертельный задавал трезвон;
И мясо искроша кусками
Копил огромными чанами,
И вместо сечки иль овса
Кормил свою людьми скотину.
Однако ж в ад сего детину
Столкнула смертная коса.

Гиганты были встарь уроды,
Отменные от всех людей,
И самые смелые народы
Назойливостью своей.
Все были страшны Ерусланы,

Бовы, Богатыри, Полканы,
И всех отборных удальцов
Тузили сильною рукою,
И доставали головою
Почти до самых облаков.

Надеясь на себя в том смело,
Пройти всё удальством своим,
Затеяли отважно дело,
Чтоб на Олимп взобраться им,
И там без всякого расспросу
Задать порядочную чосу,
Схватя Зевеса за виски,
И все его олимпски войски,
Отпаточить дубьем по-свойски
И весь Олимп зажать в тиски.

Юпитер и все прочи боги
Потрусили тут не путем;
И в разные пути дороги
В безмерном страхе все своем
Бежать пустились не на шутку,
На резву заячью погудку.
Но образумясь вдруг Зевес
Пустил своим в них страшным громом
И всех нахалов сих с содомом
В три шеи потолкал с небес.

Теперь скажу о Бриарее,
Отменном парне удалом;
На свете был он всех смелее
И трусости не знал ни в чем;
Сто рук болталися как плети,
Которыми как будто в сети
Что ни попалось тенешил;
А над могучими плечами
Глядел полсотней головами,
И что ни взидел попленил.

Нельзя нигде сыскать примера,
Иль в свете с чем-нибудь сравнить,

Какой урод была Химера:
Разинутая страшна пасть
С кудрявой головою львиной,
На туше вклеена козлиной,
Таща змеиный сзади хвост.
Кому удастся ей попасться,
Нельзя никак не испугаться,
Каков бы ни был кто не прост.

Летали Гарпии стадами,
Как в жаркий день в лесу шмели;
Девичьи рожи с головами
Ко птичей хлупи прирасли,
Имея крылышки совины,
И остры когти ястребины,
С медвежьих парюю ушей.
В глаза что им ни попадалось,
От них до тла всё пожиралось,
Не оставляя и костей.

Но всех чудовищ сих страшнее
Горгоны были на подряд.
Страшилищ сих нигде чуднее
Не видывал и самый ад.
Одним во лбу смотрели глазом,
И превращали в камень разом,
Кто только взглянет лишь на них.
Вкруг их голов меж волосами
Ужи шипели со змеями,
Как будто бы в норах своих.

Еней со храбростью своею
Геройской трусостью робел;
Но пред старухою своею
Ни мало вовсе не хотел
Прослыть робенком боязливым.
И вдруг со взором он гневливым
Свою шпажищу обнажил,
Рубить их всех предпринимая,
Того ж никак не объявляя,
Каков тогда в сердчишке был.

Сивилла сколько ни старалась
Его гнев лютый утолить,
За меч его не раз хваталась,
Чтобы его не допустить
Удариться с тенями в схватку,
Вперяючи в него догадку,
Что всё пустая то мечта,
Что зрят они перед собою,
И небылицею такую
Здесь в аде полны все места.

Но наш герой расхоробрившись
Не слушал вовсе ничего,
И в кучу к ним с мечом пустившись,
Хотя б Плутона самого
Готов был превратить уродом.
Но чуды сии со всем содомом
Исчезли мигом перед ним.
Еней в ударе размахавшись,
И на ногах не удержавшись,
Поклон всем носом отдал им.

Кой-как вскочивши оправлялся,
Повальной будто не платил,
Перед старухой извинялся,
Что перед ней упрямым был,
Вменяя в резвость то и шутку,
И к таковому впредь проступку,
Ей обещался ни на пядь
Во весь свой век не приближаться
Должна была Сивилла сдаться,
И в милость приняла опять.

Потом в дальнейший путь пустились,
К столице адской чтоб дойти;
И тут препятствия появились
На самом лучшем их пути.
Дошли до речки Ахерона,
Котора в аде у Плутона
Главнейшею течет межой
В поганом будто бы корыте,

И во болотистом Коците
Вонючий бег кончает свой.

В струях сих грязных и вонючих,
Что тиной с зеленью текут,
На веслах как крылах летучих
Явился перевозчик тут.
Лицо чернее голенища,
Нечосаная бородища
Вся в колтунах и завитках
Висела до пупа клочками,
Сивоседами волосами,
Старинный как парик в кудрях.

Одет же был по-щегольскому:
В сермяжном старом зипуне;
Заплаты по куску большому
На всех боках и на спине;
Запачкан грязью весь и салом,
Обвязан из куля мочалом
С узлами вместо кушака,
Протоптаны все башмачонки,
А под кафтаном рубашонки
Ни на полушку лоскутка.

При всем таком его наряде
Раздутый будто бы павлин
Спесивее был всех во аде
И горд как масляничный блин.
Покрыт весь берег был стадами
Во ад идущими душами,
Которы все к нему толпясь
Старались как-нибудь продраться,
Чтобы чрез речку перебраться,
Друг перед другом суетясь.

Как будто ряпушка в затоне
Иль сельди невода в матне,
Как овцы в тесном где загоне,
Квасная гуща как на дне, —
Так точно люди там стояли,

Друг друга в тесноте толкали,
Вперед старался всяк долезть,
К Харону руки простирая,
И со слезами умоляя
Чтобы позволил в лодку сесть.

Но злобный кормщик, не внимая
Слезливой жалобы ничей,
Веслом всех бил, прочь отгоняя,
И кучей рыночных речей
Всех оделял и в нос и в рыло.
Не многое число тех было,
Которых в лодку он пускал;
И отваля на ту сторонку
Чин по чину и потихоньку
Из лодки на земь выпускал.

Еней не мало удивлялся
Харона грубости такой;
И наконец тем не пронялся;
Но к корге взор вернувши свой,
Подъехал с ласковым поклоном,
Прося, она ему чтоб в оном
Растолковала всё подряд:
Зачем Харон не всех пускает,
И многих взашей прогоняет,
Не позволяя ехать в ад?

«Послушай, друг! — она сказала, —
«Вонючий мерзкий сей ручей
«От самого еще начала
«Первейшей бытности своей
«Уважен был весьма богами,
«Которые его струями
«В сумнительных делах одних
«Отваживаются божиться;
«Во лжи ж когда кто приличится,
«Лишится почестей своих.

«И как здесь самая граница
«Пространных адских областей,

«И мертвых каждая станица,
«Простяся с жизнью своей,
«Здесь в ад должна перевозиться,
«Юпитер, видя, что нажиться
«Копейкой можно тут ему,
«На откуп взял всю здешню воду;
«И перевоз умерших роду
«Харону поручил сему.

«Здесь точно так, как и на свете,
«Не возьмешь даром ничего;
«И здешни боги на полете
«Щечатся также от всего.
«На скору руку кто собравшись
«И денежками не запасшись
«Осмелится сюда придти,
«Довольно тот потерпит горя;
«И будет у сего здесь моря
«Жизнь хуже каторжной вести.

«Коли ж по смерти погребенья
«Не сделано, как долг велит,
«И с сорочинами моленья
«Никто ему не проворчит,
«Тот нищим должен здесь таскаться
«И лет под сотню дожидаться,
«Чтобы угрюмый тот Харон
«Тронуться жалостью изволил
«И в лодку сесть свою позволил,
«Оконча вопль его и стон».

Еней наш беглыми глазами
По берегу бросал свой взор
Меж сими бедными тенями,
Чудясь весьма на сей позор.
Но вдруг меж душ сих осужденных
И погребения лишенных
Увидел спутников своих;
Узрел Левкаспа кашевара,
Оронта бойкого угара,
Что умерли в волнах морских.

И промеж ими Палинура
Увидел также тут в голях.
Сего шутлива балагура
Почти при всяких он речах
Напоминал всегда с слезами.
Затем проворными шагами
Вдруг бросился его обнять.
«Желанье всё мое сбылося!
«Еще мне в жизни удалось
«Тебя хоть раз поцеловать».

Но только было развернулся
И протянул свои уста,
Мертвец как в воду окунулся;
Узнал Еней, что то мечта
Была одна пред ним пустая;
Вспомня, как теней сражая
При самом первом входе в ад,
С размаху перекувырнулся,
Так что насилу и очнулся,
Быв бодрости своей не рад.

А Палинур со стоном слезным
Издадека ему кричал:
«Ты с кормщиком твоим любезным
«Всегда ладнѣхонько живал;
«Друзьями в свете мы бывали,
«И вместе дружески пивали;
«Вспомни то, мой князь Еней!
«Не дай бродягой здесь таскаться,
«Сто лет в печали дожидаться
«Конечной участи своей.

«Не можно ли как ухитриться
«Перед Хароном сим тебе,
«Как будешь в лодку ты садиться,
«Пристроить и меня к себе,
«Схвата по-воровски в охапку,
«Иль спрятав под ширинку в шапку
«На тот краек перевезти?
«Чтоб здесь я больше не шатался

«И с горестями распрощался;
«Беды мне полно уж нести».

Еней столь бедным состояньем
Тронулся всей душой до слез,
И жалкий стон его с рыданьем
До сердца вплоть к нему прилез.
Решась его все кончить муки,
Простер к нему поспешно руки,
Чтоб как-нибудь его схватить,
И смявши утиральной тряпкой,
Тихонько от людей украдкой
В карман сертучный посадить.

Но вдруг руками и ногами
И головою закачав,
Сивилла грозными словами
Енея за ворот приняв,
Сказала: «Что ты затеваешь?
«Беду на шею привлекаешь;
«О двух ты что ли головах?
«Когда рассердишь ты Плутона,
«Тебе такого даст трезвона,
«Что громко зазвенит в ушах.

«Скажи: с твоей ли рожей смертной
«Устав богов переменять
«И рок одним лишь им известной
«По-своему перекривлять?
«Твое ли человечье дело
«Мешаться в их разряды смело?
«Пустого ты не начинай.
«За таковы твои затеи
«Смотри, чтоб не сломили шеи,
«И головы поберегай.

«А ты, утопленник негодной,
«Оставшийся без похорон,
«Размокши весь в пучине водной!
«Ты кажешься мне глуп, как слон.
«Как можешь ты велеть Енею,

«Чтобы он для тебя своею
«Всей жизнью жертвовать хотел?
«Нет, полно! тяга, сын духовной!
«Ты ждешь, чтоб смертью он подобной
«С тобой здесь вместе окошел.

«Но нет, не допущу ни мало
«Его до глупости такой;
«Тебе когда несносно стало
«С твоею мучиться бедой,
«То я тебе, дружку сердечну,
«Судьбину всю твою конечну
«По пальцам ясно расскажу
«И всё, случится что с тобою,
«С буйной твоею головою,
«Как будто в ручку положу.

«Но не возьми, что небылицу,
«Я здесь перед тобою лгу...
«Построют для тебя гробницу
«На Сицилийском берегу,
«Близь коего ты захлебнулся
«И с волосами окунулся
«Нырнувши в море головой;
«Тогда Харон с тобой поладит,
«В косную лодочку посадит,
«И в ад возьмет тебя с собой».

Такие речи Палинуру
Хоть были и не понутру,
Но старую сию он дуру
И адских всех чертей сестру
Тогда прогневать опасался,
Поморщился и почесался,
И сжавши губы замолчал,
Низехонько им поклоняся;
Потом проворно поверняся,
К теням в станицу побежал.

А между тем сынок любезный
Богини ласковых красот,

Стирая с глаз источник слезный,
Остолбенел разинув рот,
Ничьих болтаньев не внимая,
И только головой качая
На спутницу свою смотрел,
И с нерешимостию всею
Следами по пятам за нею
Ко перевозу подошел.

Харон гостей таких незванных
Увидевши захопотал;
Речей огромну кучу бранных
Им на полете насказал,
Отборными паля словами:
«Какими странными судьбами
«Нелегкая вас принесла
«Из белого в потемки света,
«В такие коловратны лета?
«Неужто жизнь вам не мила?

«Ступайте прочь без дальня спору,
«Не ожидаючи тузов;
«Довольно и не в вашу пору
«Видали здесь мы молодцов,
«Которы с жизнью не простившись
«Пришли сюда и расхрабрившись,
«Без спроса и не чередом
«Достали силой переправу.
«Нет! знайте, что на вас управу
«Найду я сам своим багром».

Сказав то грозными словами,
Возвысил долгий свой багор,
Схватя обеими руками.
Но ласковый умильный взор
Сивилла на него возведши,
И в сторону рукой отведши
Дитяню тихо своего,
Рекла ему весьма учтиво,
С поклоном низким, не спесиво,
От сердца чистого всего;

«Пожалуй, дедушка родимый!
«Ты пустяков нам не мели;
«Неужто ты неумолимый?
«К тебе сюда мы прибрели
«Не даром и не попустому.
«К Плутонову лишь только дому
«Ты нам пройти как укажи,
«Перевезя на ту сторонку,
«Легохонько и потихоньку,
«И в ад дорогу покажи.

«Ты ведаешь, кто я такая;
«И знаешь, в свете что могу.
«Не баба с площади простая,
«Перед тобою не солгу.
«За мной обмана не бывало.
«Ступай! за чем же дело стало?
«Сажай нас в лодку поскорей.
«Пришли не сами мы собою;
«Но так приказано судьбою,
«Чтоб в ад сходил живой Еней.

«А если ты сему не веришь,
«Взгляни на сей золотой сучок;
«То больше с нами не забредишь,
«И твердо уж поймешь всё в толк».
При том Харону рассказала,
Кого с собою провожала,
Чрез Ахерон во мрачный ад.
Слова Сивиллы престарелой
Внял твердо старец поседелой,
И сих гостей принять был рад.

Взглянув на сук, поулыбнулся,
Оскаля зубы до ушей,
И с лодкой к берегу вернулся,
Чтоб новых сих принять гостей.
Теней уж в лодке было много;
То многим приказал он строго
Из лодки выскочить долой
На берег кувырком проворней,

Чтоб в лодке было попросторней;
И вымел чисто в ней метлой.

Еней с Сивиллою своею
Лишь только в лодку ту вошел,
Со смелостью своею всею
Не в шутку вдруг приоробел,
Увидя, что вода ручьями
Течет в нее везде щелями;
Боялся в аде утонуть.
Харон гребя багром с размаха,
Лишил его такого страха,
И не дал в Ахерон нырнуть.

Приставши к берегу другому,
Харон веслом им отдал честь,
Гребцу как должно не простому;
И дал покойно с лодки слезть.
Еней учтивство сохраняя,
Свою старуху сберегая,
По-щегольски за ручку свел,
И петиметрам подражая,
Поступки модны сохраняя,
Всех в удивление привел.

Невдалеке от перевоза
Вонючей адской сей реки,
Что пахнет скаредней навоза
И коей волны глубоки
Покрыты зеленью и тиной,
В одной горе непроходимой,
Заросшей хворостом и мхом,
Лежал согнувшись в холодочке
Цербер привязан на цепочке,
Трояким лая громко ртом.

Цербер Енеевым приходом
Во гнев был страшный приведен;
Живущим на земле он родом
Был очень много огорчен,
И помнил твердо Геркулеса.

В один раз бойкий сей повеса,
Зашедши вдруг незванный в ад,
Церберу задал поволочку
И втискавши в пустую бочку
Наделал тысячи досад.

Увидевши еще живого
Идуща с света молодца,
Такого ж для себя худого
Был должен ожидать конца;
Озлобился и разъярился,
И крепко заревев пустился
Трояким зевом их пожрать.
Еней Цербера испугался,
К старухе крепко прижимался,
Готовясь в аде погибать.

Сивилла ж вовсе не робея
Прямехонько к Церберу шла
И полумертвого Енея
Насильно за собой вела.
В разинутые песьи глотки
Бросала разные оглотки
Вчерашних ужиновых костей.
Голодный пес, давно не евши,
И вечно на цепи говевши,
Был очень рад добыче сей.

Оставя лай свой и ворчанье,
Треглавый страж подземных стран,
Забывши строго приказанье,
Как будто на вина стакан
Ярыга с сильного похмелья,
К костям пустился от безделья
И храбро начал их глотать;
Потом, желудок свой набивши,
Приказ Плутонов позабывши,
Лег крепко без просыпа спать.

Еней увидевши, что можно
Без опасенья им пройти,

Пошел с Сивиллой осторожно
По мрачну адскому пути.
Бояся учинить проруху,
Вел за руку свою старуху
И потихохоньку ступал;
Но вдруг услышал разны крики,
Увидел чудеса велики,
Каких и сроду не видал.

Робята малые кричали
На разны в аде голоса
И отдыху совсем не знали
В своем кричанье ни часа;
Бесперестанно есть просили
И матерей своих бранили,
Которые им на подряд
Жизнь даровали веселяся
И наказания страшася
Отправили по почте в ад.

Мужья с ужасными рогами
Без памяти шатались там,
Большими собравшись толпами,
Всех зол и бед своим женам
От сердца чистого желали
За то, что не спросясь послали
Их в ад к Плутону погостить.
Несчастные от рог сии тени
Женам твердили разны пени,
Не престава я их бранить.

По стогнам адской сей столицы
Бродили в горе и слезах
Отчаянны самоубийцы.
В кровавых пылких их глазах
Видна была нетерпеливость,
И необузданна гневливость
Преследовала их и здесь.
О жизни прежней все жалели;
С охотой бы теперь стерпели,
Хотя бы в свете ад был весь.

Беды, печали, скуку, голод,
Несчастья, бедность и напасть,
Вражды, раздоры, жар и холод,
И тысячу хоть раз пропасть
Теперь охотно б согласились,
Лишь только б в свете очутились
Опять попрежнему в живых.
Но всё тогда уж было поздно;
Во аде наказание грозно
Во веки не оставит их.

Писатели стихов негодных,
Которы в свете живучи
Всех слушателей благородных,
Как ночью мерзкие сычи,
Всегда стихами заглушали,
И до зареза досаждали
Читанием парнасских дел,
От всех здесь во презренье были
И никого не находили,
Кто бы послушать их хотел.

В сей куче жителей подземных,
Живущих в адской стороне,
Еней увидел душ отменных,
В любовном тлели что огне.
Там Федре жалобно стонала,
О Ипполите воздыхала,
Которым пленена была;
Прокриса своего Цефала
Без памяти везде искала,
Хоть от него и умерла.

Дочь светла Феба Пазифая,
Там в грусти лежа на боку,
Несбыточным огнем сгорая
Пылала страстию в быку.
Ревела волком Ерифилу,
Котора мужа погубила
Пославши на войну его.
И Лаодамия несчастна,

К Зевесу бывши в свете страстна
И смерть принявши за него.

Меж сими женскими толпами,
Томиться сосланными в ад,
Еней вертя везде глазами,
Нашел свой стародавний клад,
Увидевши вдову Дидону.
По древню щеголей закону
И по манеру волокит
Спешит к красавице проворно,
Являя сердце ей покорно,
И поклоняся говорит:

«Не стыдно ли тебе, красотке,
«С отчаяния умереть
«И столь молоденькой молодке
«Зарезавшись в огне сгореть,
«Любви несчастной ставши жертвой?
«Какая польза в бабе мертвой
«На свете том для молодцов?
«Возможно ль с нею потешаться,
«И с восхищеньем дожидаться
«Веселых для себя часов?

«Мне сказано, что я причиной
«Был злобной участи твоей;
«Но знай, что строгою судьбиной
«Мне было велено скорей,
«Не тративши ни мало время,
«Троянско взяв с собою племя,
«В другую землю уплетать.
«Я должен был повиноваться,
«Со вдовушкой своей расстаться
«И ехать горе горевать.

«Но ведай то, моя драгая!
«Что я с тех пор всё тосковал;
«И часто по тебе вздыхая,
«Ни мало глаз не осушал.
«Теперь сошедшия с тобою,

«Никаковою уж судьбою
«Не откачнуса от тебя.
«Мы будем жить здесь припевай,
«В забавах время провождая,
«Друг друга с нежностью любя».

Дидона в мысли углубившись
Не слушала сих страстных слов;
Но вдруг всем взором искосившись
Едва не лопнула с сердец;
Взглянувши на Енея грозно,
Сказала: «Нет, теперь уж поздно;
«Ты с лясами не подъезжай.
«Хотя в ногах валяться станешь,
«Но здесь меня уж не обманешь;
«Хоть к чорту в омут побегай».

Потом оставивши Енея
Ударилась в прыжок бежать,
И мужа своего Сихея
Спешила поскорей сыскать;
Чтоб он сейчас сему свояку
Скроил по-свойски перебяку
За всю его к ней бывшу лесьть,
И за его притворну ласку
Порядочную задал таску,
Стараясь ребры перечесть.

Еней оставшись в удивленье
И ждя себе больших хлопот,
Стоял во страхе и смятенье
Без памяти разинув рот.
Седая ж кумская старуха
Шепнув ему на оба уха,
Сказала внятно потайком:
«Что стал как пень? брось всю кручину.
«Не стыдно ль, что тебя, детину,
«Печаль зашибла о пустом?»

«Ступай скорей не тратя время,
«Потщися добрести к концу;

«Иль я тебя схватя в беремя
«Насильно потащу к отцу,
«Как на поварню поросенка,
«И как упрямого робенка
«Пред всеми в аде пристыжу.
«Пойдем к героям стародавным
«И удалцам троянским славным;
«Я всех тебе их покажу».

Лишь только речь ту окончала,
Схвативши за ворот рукой,
В собачью рысь тотчас помчала,
Таща насильно за собой.
Еней нагнувши с грусти шею,
Шел упираясь за нею,
Тужа по вдовушке своей.
С Сивиллой спорить невозможно
И обходиться осторожно
Надлежит смертным с коргой сей.

Прошедши несколько улусов
По темной адской той стране,
Где храбрых множество и трусов
Купаются всегда в огне,
Терпя не шуточные муки,
За всё то, что они от скуки
Понакудесили в живых,
Пришли в богатые покои,
Где все отменные герои
Сходились для забав своих.

Еней не знал куда деваться
От храбрых мертвых сих теней;
С кем кланяться, с кем обниматься,
И с кем об участи своей
Успеть поговорить свободно?
Героям исстари то сродно,
Чтобы увидясь меж собой
Отборными из лжи словами
Похвастать славными делами
И описать весь подвиг свой.

Но вдруг увидел пред собою
Еней большие их полки,
Которы все к нему толпою,
К шинкарке будто поляки,
Со всех сторон шума сбегались,
Его приходу удивлялись,
И вокруг его везде теснясь
Всего глазами озирали,
О всем подробно вопрошали,
Друг перед другом торопясь.

С поджатыми к грудям руками
Как вкопанный стоял Еней
И меж геройскими тенями
Искал знакомых и друзей,
С которыми всегда водился,
На белом свете веселился,
И часто взапуски гулял;
И всматриваясь непрестанно
Обрадовался несказанно,
Что многих в сей толпе узнал.

Увидел в них он Сарпедона,
С которым в тесной дружбе жил,
И Антенора и Медона,
С которыми с похмелья пил.
И между их Партенопей,
Адраста, Главка и Тидей,
Со множеством друзей своих.
Забыл тогда все грусти скуки
И распростря с восторгом руки
Обнявши целовал всех их.

Потом не мало удивился
И весь наморщил с грусти лоб,
Когда пред ним тут появился
Разбитый вдребезги Дейфоб.
В исчерканной его всей роже
И шорохом на взрытой коже
Живого места нет нигде;
В узор широкими рубцами

С бесчисленными полосами
Исписано кругом везде.

Одет был не по-щегольскому,
И только что не нагишом;
И, к пущему несчастью злomu,
Ходил вимою босиком;
На плечах нет ни кафтанишка;
Разорванная епанчишка
Чуть чуть держалася на нем.
В слезах Енея обнимая,
Едва мог рассказать рыдая
О лютом горе всем своим.

«Любезный барин мой и милый,
«Удалый добрый молодец!
«Ты был мне в свете не постылый
«По самый смертный мой конец.
«С тобой мы дружески живали,
«В веселье время провождали,
«Гоня по шее всю печаль;
«Мы так исправно куликали,
«Стаканы только лишь бренчали;
«Теперь мне дней тех очень жаль.

«Ты знаешь, сколь бесчеловечно
«Я был злодейкой умерщвлен,
«Которою душой сердечно
«Был крепко по уши пленен.
«Она меня сюда послала,
«Из света белого согнала.
«Ты видишь, как я здесь хожу.
«Поверишь ли, что от измены
«Лукавой женщины Елены
«Я здесь ярыгою брожу.

«По смерти красика Париса,
«Что пал под Троей на бою,
«Сия пригожа Мирикриса
«Зажгла всю душеньку мою.
«Не могли овладеть собою

«Я взял ее моей женою,
«И с нею припевая жил,
«Как мышь в сметане проклажался,
«Любовью только занимался,
«Но самым тем себя сгубил.

«Когда в конце осады Трои,
«Наделавшей нам столько бед,
«В которой многие герои
«Большой сюда проклали след,
«Ты помнишь то, что злобны греки
«За пролитые ими реки
«Троянской крови в ту войну
«Коня большого взгромоздили
«И в город к нам его втащили
«Палладе за свою вину.

«Я спал тогда с женой в постеле
«Не помышляя ни о чем;
«Была рубашка лишь на теле;
«Случилось ночью то, не днем.
«Стремглав Елена вдруг вскочила,
«Сказав мне, будто позабыла
«Свечу в гостиной погасить.
«Я ей не отвечал ни слова;
«Но та была уже готова
«Меня как муху погубить.

«Я ждал ее к себе не мало,
«И начал крепко уж скучать,
«Как будто сердце предвещало,
«Что смерти мне не миновать.
«Вдруг отворились в спальню двери;
«Вбежали греки будто звери
«И начали меня тузить
«Кому что ни попалося в руки.
«От сей бесчеловечной муки
«Я послан здесь во аде жить.

«Но ты, детинушка удалый!
«Скажи, зачем пришел сюда?

«Здесь гость доселе небывалый!
«Не таковая ж ли беда
«Превратной в свете том судьбою
«Стряслася там и над тобою
«От щедролюбных добрых жен?
«Скажи мне: что бы за причина,
«Что ты, живой еще детина,
«Сюда к нам в гости приведен?»

Еней Дейфобу подноготно
Беды свои все рассказал;
Как греки их тузили плотно
И как из Трои он бежал,
Как по морям везде шатался,
В любви с Дидоной проклажался
И не простясь с ней уплел;
Как по отцовску приказанью
Ко дружескому с ним свиданью
Сюда с старухой сей прибрел.

Меж тем как плотно завирался
Щеголеватый наш Еней
И без оглядки в даль пускался
Многоречивостью своей,
Румяна утрення Аврора
Влезая вверх из-за забора
Выглядывала мордой всей;
Четверку лошадей впрягала,
Путь Солнцу в мир приготавлила
Тащиться по пятам за ней.

Старухе было то досадно
И чересчур непонутру,
Что заврался Еней не ладно.
«Я скоро нос тебе утру,—
Рекла она ему в задоре, —
«Ты размололся на просторе,
«Некстати и не в добрый час;
«Брось к чорту ты сего Дейфоба;
«Иль мы с тобой погибнем оба;
«Взьерошат здесь хоть и не нас».

Дейфоб, Сивиллы испугавшись,
Не рад был встрече земляка;
Скорей плотнее подобралшись,
Как будто кошка с чердака,
Лизнул от них прочь без оглядки, .
По ляжкам только лишь что пятки
Щелкали барабанну дробь;
Боялся, чтобы бабьи руки
Не вздумали ему от скуки
Задать еще в прибавок скорбь.

Потом не мешкав ни минуты
В дальнейший с ним пустились путь,
Где адские приставы люты
Изволят грешных плотно дуть.
Столица грозна там Плутона,
Который с тартаровска трона
Умерших судит всех теней:
Достойных щедро награждает,
Плутам же казнь определяет
По адской строгости своей.

Честных людей там провожают
Во Елисейские поля,
Где пьют они, едят, гуляют;
И благодатна там земля
Цветет лишь виноградом зрелым,
И ярым хмелем самым спелым;
Ручьи не ключевой водой
Людскую жажду утоляют,
Но медом, пивом протекают,
Вином и водкою двойной.

Не видно спорщиков сварливых,
Не встретишь злобных там людей,
Не слышно стариков брюзгливых,
И криводушных нет судей.
Бессовестны заимодавцы,
Кащеи, хищники, лукавцы
Не смеют заглянуть туда,
Одни лишь только люди честны

Бывают в той сторонке вместны,
И веселятся там всегда.

Нечаянно вдруг оглянувшись,
Еней как обваренный стал
И с удивлением ужаснувшись
Что видел, сам того не знал:
Узрел он замок и палаты,
Где башни, стены, рвы, раскаты
Из дорогих лишь хрусталей
Глаза людей всех ослепляли,
Сверкали, брезжились, блистали,
Различных сотнями огней.

Горящей серой и смолою
Вокруг тек быстро Флегетон;
Шумел он сильно так волною,
Что в воздухе стоял лишь стон
И страшны вои раздавались;
А берега все испещрялись
Репейником и беленой,
Полынью, терном и дурманом,
Волчком, крапивой и бурьяном
И всякою травой дурной.

Грызунья злобная Ягая
Разинувши широкий рот,
Стояла крепко не смигая
На карауле у ворот;
Вся опоясана цепями
И с ядовитыми змеями,
Шипящими на парике.
Усмотрит лишь кого та глазом,
Одним как муху сплющит разом
Сожмя в одной его руке.

Была то страшна Тизифона,
Которая несчастным всем
Давала сильного трезвона
В остервенении своем.
Сия ехидная старуха

Спины, боков, висков и брюха
Не разбирала никогда;
Варганила их всех ремнями,
В реку свергала верх ногами
И потопляла навсегда.

Как летом без воды в загоне
Коровы с голоду мычат,
Как рыба прыгает в затоне,
Как свиньи бегая визжат
Перед ненастной погодой,
Так мучимые Тизифоной,
Страдая от ее тузов,
По всем углам везде скакали,
Ревели, вопили, кричали,
Произнося тьму бранных слов.

Еней всему тому дивясь
Как будто в лихорадке был,
И ко Сивилле обратясь
С покорностью ее просил,
Чтобы ему, сынку названну,
Ту небылицу несказанну
Растолковала прямоком,
За что своею всею силой
Своей старушке кумской милой
Отслужит не шутя потом.

«Я всё тебе,—она сказала,—
«Как на ладонке покажу;
«И сказку всю сию сначала
«Поподноготно расскажу,
«Ни крошечки не утаивши.
«Гекате верно я служивши
«В ключах без мала сотню лет,
«За всю мою усердну службу
«Вошла в теснейшу с нею дружбу,
«Какой еще примера нет.

«Плутоново подземно царство
«Геката показала мне,

«И мрачно адско государство,
«Где люди все горят в огне.
«Везде меня с собой водила;
«Все здешни тайности открыла,
«Которые известны ей.
«Я всё тебе теперь открою,
«И ничего никак не скрою,
«Что знаю за душой своей.

«Смотря из-под бровей сгущенных
«Как будто на часах драбант,
«На креслах кровью позлащенных
«Сидит угрюмый Радамант;
«Всех в аде судит он и рядит;
«Кто прав, тех по головке гладит,
«А виноватых тормошит
«Без милости всех и пощады,
«И никакой для них награды
«Во веки вечны не сулит.

«Ко смерти он не осуждает
«Своим решением никого;
«Но муки тяжки налагает
«Несносней ада самого.
«Сечет всех, вешает, бичует,
«Клеймит, бьет, жарит, колесует,
«И деревянную пилой
«Пилит, и с гор крутых свергает,
«И поминутно окропляет
«Горячей серой и смолой.

«Низверженные верх ногами
«С высоких гор вниз кубарем
«Неведомыми чудесами,
«Как будто не были ни в чем,
«Являются на прежне место.
«Как блинно на опаре тесто
«Их кожа бухнет и растет;
«Иссеченное заживает
«И к новым ранам поспеваает;
«Им отдыха ни мало нет,

«Здесь мучится за все проказы
«Честолюбивый Салмоней,
«Имея все в себе заразы
«Несносной гордости своей.
«Титей, ужасный мужичина,
«Рослее всяка исполина,
«Растянут в кольцах здесь ревет,
«Вой страшный с криком испуская;
«К нему ворона прилетая
«Целком клочками печень рвет.

«Тантал голодной смертью тая
«Пустое должен лишь глотать,
«На есты набранны взирая
«Не может ничего поймать.
«Он сколько рот ни разевает
«И как прилежно ни хватает,
«Но на зуб ничего нейдет;
«Качается всё над усами
«Большими жирными кусками,
«А в рот никак не попадет.

«Нежалостлива Тизифона
«На муки все их не смотря,
«Во исполнение закона
«Плутона, своего царя,
«Сечет живыми их змеями,
«Которы острыми зубами
«Кусают их и тормошат.
«Сестры ее, такие ж корги,
«Толико ж для несчастных строги,
«Всех с нею взапуски тузят».

Еней стоял развеса уши,
Сивиллу слушая свою,
Как в аде злые мертвых души
За шалость с резвостью свою
Трезвоны плотны принимали,
Что только кости лишь трещали,
От Тизифониных плетей;
Всему тому весьма дивился,

Как небывальщине чудился,
Но принужден был верить ей.

Меж тем как корга напевала
Енею сказки своему,
И толковито научала
Обычью адскому всему,—
Ворота замка отворились,
И взору странников явились
Различных тысячи чудес.
Еней к старухе прижимался,
И в изумлении кривлялся,
Как перед завтренею бес.

Сынка Сивилла ободряя,
Сказала молодцу: «Небось!
«К чему в тебе боязнь такая?
«Пожалуй страх ты весь отбрось
«И кинь из сердца всю кручину.
«Тебя, удалого детину,
«Я здесь в обиду не отдам.
«Плутон, стран здешних воевода,
«Узнавши, ты какого рода,
«С отменной честью встретит сам.

«Покамест же, чтоб не напрасно
«Нам время попусту терять,
«Жилище здешне всё ужасно
«Хочу по пальцам рассказать
«Тебе, сердечному дружечку,
«И как несмысленну овечку,
«Незнавшую еще волков,
«Во всем порядочно наставлю
«И ни пылинки не оставлю,
«Чтоб ты на всё мог быть готов.

«Ты видишь дым густой клубками
«Выскакивающий с огнем.
«С пятьюдесятью головами
«Недремлющ сторож в замке сем
«Поставлен вместо гарнизона;

«И в замок адского Плутона
«Живых не впустит никого,
«Разинув рты все по аршину,
«Сжигает всех так как мякину,
«Не оставляя ничего.

«Теперь я думаю что можно
«Тебя Плутону показать;
«Смотри: готовься ж ты, как должно,
«Чин чином пред него предстать;
«А царства адского княгине,
«Жене Плутона Прозерпине,
«С учтивостию щегольской,
«На цыпочках шагнув поближе
«И поклоняся ей пониже,
«Поднести сучок наш золотой».

Еней тарачил нараспашку
И раздирал свои глаза,
Их протирая об рубашку,
Но ни малейшего аза
Не мог приметить пред собою.
Сумрачной было то порою
В осеннюю претемну ночь;
Герой наш не видал ни крошки,
Хоть пялил все глаза как плошки,
И разевал их во всю мочь.

Старуха молодцу сказала:
«Тебе, мой друг, я верю в том;
«От света самого начала
«Еще во смертном ни одном
«Столь быстра не бывало зренья,
«Чтоб выдти мог из ослепленья,
«И видеть в здешних всё местах;
«Все люди страждут слепотою,
«Ни зги не видят пред собою,
«Мерещится у них в глазах.

«Дворец Плутонов перед нами;
«Тотчас, как видишь, будем в нем,

«Искусные Циклопы сами
«При архитекторе своем,
«Вулкане старом хромоногом,
«По времени довольно многом
«Его сложили на подряд
«С искусством лучшим и отличным;
«Плутон же серебром наличным
«Платил им сам за каждый ряд».

Сивилла за руку схватила
Енея старую рукой,
И поневоле притащила
Слепца как будто за собой.
Шагов десятка два прошедши,
Почти уж под стену пришедши,
Едва не стукнулись лбом.
Потом на цыпочках шагами
Повсюду шарили руками,
Найти чтоб дверь в Плутонов дом.

Еней как можно прибодрялся
Перед Плутонику предстать
И щегольски приготавлился
Ей самолично ветвь отдать,
Похвальну сказочку сказавши,
Котору кое-как собравши
Скропал из разума всего.
Но к горести его, беде, кручине,
К богине адской Прозерпине
Не допускали никого.

Меж тем вошли они в чертоги
Плутона, адского царя;
На чудеса дивились многи
Вокруг себя везде смотря.
В глаза что им ни попадало,
Всё их смущало, удивляло,
И выводило из ума.
А корга хоть Сивиллов роду,
Прошла везде сквозь огонь и воду,
Дивилася ж тому сама.

Великолепных всех уборов
Пространна адского дворца,
Чудесны что для смертных взоров,
С начала всех и до конца
Никак пересказать не можно.
Виргилий лишь один не ложно
Старался нам их описать.
Не можно вздумать то умами,
Ни написать пером словами,
Ни в сказках бахарфских сказать.

Здесь хлеба черства оржаного
Умерши тени не едят,
И на стакан вина простого
Ни мимоходом не глядят.
Но для забавы и утехи
Медовы прянишны орехи
С коврижками всегда грызут;
Горячу жжонку подпивают,
Калачиками заедают
И самоварный сбитень пьют.

Не видно здесь людей докучных,
И не бывает вовсе драк;
Рассказчиков нет глупых, скучных,
Драчливых пьяниц, забияк;
Хвастливых лживых самохвалов
И бойких щоголей нахалов
Туда не впустят никогда.
Старухи злобные ревнивы,
Брюзгливы старики ворчливы
Исключены здесь навсегда.

Когда случится жар жестокой,
В дни летни в государстве том,
В реке широкой и глубокой,
Текущей пивом и вином,
Кто хочет хоть весь день купайся,
По горло сидя проклажайся,
И как угодно веселись.
Плыви снетком, иль тюленями,

Или ныряй на дно нырками,
Или плескаясь резвись.

Кто в свете до чего охоту
Имел, когда еще был жив,
Тот не входя совсем в заботу,
Свободно время улучив,
Тем до упаду наслаждался;
Как будто в масле сыр катался,
Лишь отдувался от забав;
Как только в мысли что попало,
Тотчас перед тебя предстало:
Не мучься понапрасну ждав.

Прожора ел за обе щеки,
Напихивая полон рот;
Плясун поджавши руки в боки
Скакал, как сумасшедший кот;
Охотник ловлей наслаждался
И лаем гончих восхищался;
А волокита молодой
Везде себе встречал красотку,
Пригожу девку иль молодку,
И жар тушил любовный свой.

Певец на лире многозвучной,
Или по-русски на рылях,
Орфей проводит век нескучной
Во адских живучи странах;
В восторге сидя балабонит,
И всею пятерней трезвонит,
Гремя мазилкой по струнам;
Наигрывает разны песни
С Бутырок, Балчуга и Пресни,
Что слышал там по кабакам.

Строители сгоревшей Трои
Сидя между собой в кружку,
И все троянские герои
При бережечке на лужку
Без скуки время провождают,

Друг с другом важно рассуждают
О старобытных временах:
Как в стары годы воевали
И подзатыльники давали
Рукою плотной на войнах.

Неутомимы стихотворцы
Собравшись в кучу меж собой,
Как самые храбры ратоборцы
Держали преужасный бой,
Не копьями и не мечами,
Но неисчетными стихами
Друг друга крепко по ушам
Без умолку всегда щелкали;
Безостановочно читали,
Кто мог лишь что придумать там.

Рифмач Музей из всех смелее,
Оставя рыцарей своих,
Проворным шагом поскорее,
К невесте будто бы жених,
Манежным скоком подбежавши
К старухе кумской и пожавши
Иссохлу руку у нее,
Спросил: какая бы причина,
Что с нею молодой детина
Жилище посетил сие?

Сивилла от него не скрыла,
Для важности какой большой
Сюда Енея притащила
Во адские страны с собой.
Пришла с Анхизом повидаться,
Чтоб от него ума набратся
Любезному сынку его.
Он въяв ему в глаза покажет,
И подноготно перескажет,
Ему напредки ждать чего.

Музей с почтеньем поклонившись
Весьма учтиво отвечал;

И с ними вместе в путь пустившись
Сопроводять их обещал,
Не требуя от них заплаты,
Плутона в адские палаты,
И путь им к оним указать;
Желая также на досуге
Плутону и его супруге
Поклон стихами защищать.

Казалось весьма не ладно
Енею вместе с ним идти;
И думал, будет что накладно
Иметь товарищем в пути
Назойлива стихов писаку;
Боялся, не вплестись чтоб в драку,
Вошедши с ним за рифму в спор.
Из опытов он ведал ясно,
Что часто рифмачи напрасно
Приходят за ничто в задор.

Отправя отсебя Музея
Не топавши опять назад,
Пошел с старухой не робея
Через плодovitый адский сад
К одной горе крутой высокой,
С которой весь лужок широкой
Могли они обозревать;
Взлезая на гору потели,
И взлезши вокруг везде смотрели,
Анхиза чтоб не прозевать.

Анхиз гуляя по долине
Задумавшись тогда ходил,
В жестоком горе и кручине
Везде умом своим бродил,
О сыне только помышляя
И на свиданье ожидая
По приказанью своему.
Не ведал, что бы удержало,
И прибрести сюда мешало
Сынку на пару слов к нему.

Но вдруг на гору обративши
В задумчивости смутный взгляд,
И вверх глаза свои открывши,
Как будто празднику был рад,
Увидя своего Енея;
И мешкать более не смея,
Спешил к нему в собачий скок
Проворной самою походкой;
Чтобы с Енеем и с молодой
Поговорить хотя часок.

«Не стыдно ль, милый мой дружок!
«Что я тебя так долго ждал?
«Я думал, что ты, мой сыночек,
«Совсем уж без вести пропал
«И с кожей и с головою,
«Таскаясь крепко за вдовою
«Во Карфагене не путем;
«Боялся я того не мало,
«Чтоб в голову тебе не впало
«Жениться в бешенстве твоём.

«Давно тебя здесь ожидая
«Не раз один с ума сходил,
«И рок несчастный проклиная,
«Венеру и тебя бранил
«Отборными в сердцах словами.
«Теперь увидевшись с вами
«Всё горе бывшее позабыл,
«Не помня прежнего ни мало.
«Судьбине знать угодно стало,
«Чтоб ты отныне счастлив был.

«Поди ж ко мне не трать время;
«К чему пустое нам болтать?
«В тебе мое я вижу племя;
«Отцовски дай себя обнять,
«По дружески расцеловавши.
«Тебя так долго не выдавши
«Я был в боязни не шутя:
«Чтоб ты, дружок, не зарезвился,

«И в шалости бы не пустился,
«Как избалованно дитя».

Еней на старика взирая
От радости стоял немым;
В беспамятстве совсем не зная,
Что делать с батюшкой своим.
Но вдруг потом в себя пришедши,
И полны слез глаза возведши
На ту почтеннейшую тень,
Хотел плотнее охватившись,
Руками крепко уцепившись,
Держать обнявши целый день.

Но к пущей горестной печали
Анхиза и его сынка
Тогда лишь только то узнали,
Живая что ничья рука
Обнять не может тени мертвой.
Анхиз соделавшись жертвой
Злой смерти острия косы,
Не мог никак обнять Енея,
И от досады весь потея
Смочил слезами все усы.

Но как такой его кручине
Ничем не можно пособить,
Решился, чтобы наедине
С сынком своим поговорить
И дать подробно наставленья,
Что будущих времен в теченье
Случится с племенем его;
Какие выдут в свет потомки,
И все дела их славы громки,
Не сокрывая ничего.

Тогда случились в аде святки,
И все играли ворожкой;
Анхиз же был не без догадки;
То вздумал взять его с собой
В святочну бабью вечеринку,

Чтобы троянского детинку
Повеселее угостить;
Дабы ему в стране Плутона
В веселостях быть без урона,
И время всё шутя прожить.

Святочные во аде ночи
Текли в гульбах все и пирах;
Гуляли все что было мочи,
Шумя на разных голосах;
Девичьи шайки многолюдны
Кричали песенки подблюдны
Загадывая меж собой;
Борису свадебку играли;
Жгутом Игумна прогоняли,
Резвились в Фанты, Шемелой.

Зажегши спичку иль лучинку,
Передавали ту вокруг,
Играя оною в курилку
Покамест не погаснет вдруг;
С разбега на снежок ложились;
Мужчин прохожих торопились
Об имени скорей спросить;
Сбирали разные игрищи;
Ходили в баню, на кладбищи,
В конюшню, в курник ворожить.

Анхиз то ведал достоверно,
Что сей святочной ворожкой
По правде истинной наверно
Узнает всяк весь жребий свой,
И что кому вперед случится,
Как на ладонке всё явится,
К Енею обратясь сказал:
«Ступай, мой сын! скорей за мною;
«Я позабавлю вас игрою,
«Какой ты сроду не видал».

Приведши в девичью пирушку,
Енея тут же посадил;

И ваять его в свою игрушку
С поклоном девок всех просил,
Чтобы, как знают, погадали,
И правду всю ему сказали:
Что в будущие времена
Должно с сынком его случиться?
Какие от него родиться
Должны на свет сей племена?

Одна была из всех резвее
Девиц и баб в игрище том,
Драгуна всякого смелее,
И никогда нигде ни в чем
Стыда и совести не знала
И без запинки отвечала,
О чем ни спросит кто ее;
К Анхизу с бодростью прибегши
И на ухо ему прилегши,
Сказала мнение свое:

«Как я еще была живою,
«То, помню, в наших городах
«Считали лучшей ворожбою
«Молоть иголку в жерновах.
«Иголка прямо всё покажет,
«И досконально всё расскажет:
«Чему событься или нет,
«Кому вдоветь, или жениться,
«Быть в счастье, или утопиться,
«И сколько на земле жить лет?»

Анхиз бесспорно согласился
Сие гаданье испытать;
Еней же очень суетился
Свою судьбину всю узнать.
Иголку девка та сыскала,
Енея к жерновам примчала,
И приказала их вертеть.
Еней трудился тут немало,
В нем сколько силы доставало,
И принужден был весь потеть.

Анхиз и кумская старуха
И добрый молодец Еней,
Услышали на оба уха
От молотой иголки сей
Пискливый звонкий бабий голос.
Взъерошился их дыбом волос,
От чуда страшного сего;
Но девка тут же к ним присела
И слушать пристально велела,
Не опасаясь ничего.

Иголка в жерновах скрыпевши
Ворочалась на все бока,
И вдруг как песенку запевши
Сказала им из далека:
«Покиньте попусту крушиться!
«Потомство сильное родится
«Енею в скорых временах.
«Построят града Рима стены,
«И преужасны перемены
«Наделают во всех странах.

«Но всех имен никак не можно
«Теперь тебе пересказать;
«Но верь, что всё сие не ложно.
«Всем светом будет обладать
«Твое из Латии потомство;
«И молодецкое геройство
«Везде по всем земли углам
«Покажет сильною рукою;
«Всё попленил везде собою,
«И забурлит по всем местам.

«Однако ж и тебе, герою,
«Не должно долго здесь гостить;
«Чтобы от здешня перепую
«Себе вреда не приключить.
«Ступай не мешкав, убирайся!
«Со стариком своим прощайся,
«Покамест жив еще и цел.
«Не стой здесь попусту зевая;

«Старайся время не теряя,
«Чтоб ты здесь вовсе не засел».

Анхизу больно не желалось
Расстаться со своим сынком;
С досады сердце надрывалось;
И мыслил только лишь о том;
Но с участием не можно драться,
И надобно повиноваться
Сурову жребью своему.
С Енеюшком простясь любезным,
Его целуя с током слезным
Пошел путь показать ему.

Вон вышедши Еней из Ада
Поверх земли на белый свет,
Отцовского лишился взгляда
На множество грядущих лет;
Побрел тихонько на лужайку,
Где всю свою троянску шайку
Себя оставил дожидать.
Соделавшись тогда смелее,
Большую рысью поскорее
К своим старался поспешать.

Конец третьей части.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Содержание. Каким образом храбрый витязь Еней пристал в Италию, и как от царского сна и за постельную собачку возгорелась война.

«Как едки трои не посутчишь,
«Так на тошне заживотит;
«На всем нытье ты зажелудчишь
«И на ворчале забрюшнит.
«А если позубит жевало,
«Не засердчит уж тосковало,
«И всё уйдило прочь сгрустит;
«Сбедятся кучи все в забудку,
«Скручинишь всю свою избудку,
«И улетило сголодит.

«Но что пустячить нам звонилом?
«Звенильцом лучше замошнуй.
«К чему полтиниться скупилом?
«Жалелом так ты не рублюй.
«Поденежи меня давальцом,
«То поумлю я раскидальцом;
«Рассказы посудьблю всем вам:
«Что спередить с тобой в случиле?
«И как ты должен угодиле
«Юнонить и Минервить сам?»

Здесь скажет, может быть, читатель,
Что так не кстати тарантит
Енея нашего писатель?
Он вздором нас не удивит.
С билибердною гиль чужою.
И с непонятной шабалою
Видали мы и без него...
К чему тарабарские враки?

Дела Енея-забияки
Хотим мы слушать от него.

Пожалуй погоди немного,
Читатель! и не вдруг сердись;
Поспешно не суди так строго,
Но прежде с мыслями соберись
И рассуди умом прилежно.
Всё то на свете неизбежно,
Чего не можно миновать.
Бранить меня ты перестанешь,
Когда подале не устанешь,
Стихов десяток прочитать.

Сивилла баба не простая,
Отличная от женщин всех,
И чина жреческа Ягая,
Не станет говорить на смех
И языком обыкновенным,
Но громким, пышным и отменным,
В невразумительных словах,
Чтоб речью ей такой своею
Со всею сволочью Енею
Внушить почтение и страх.

И для того столь кудревато
Отборным штилем в изворот
Так бредила замысловато.
Еней стоял разинув рот
Слова ее на ум хватая;
Но ни чего не понимая
Не знал совсем как с нею быть,
Однако ж рук ее кривлянье
Оказывали всё желанье,
Что ей хотелось подловить.

Не мешкавши тогда ни мало
Стараясь услужить ей в том,
Прощанью первое начало
Своим он сделал кошельком,
Который со благоговеньем

И с должным жрице сей почтеньем
Ей тихо в руку положил.
Она же вдруг проворно с маху
Усердно ёмь его да в ляху,
Как будто он не тут то был.

Потом простившись с Ягою
Старался поспешать в свой путь,
Попутной чтоб скорей волною
Верст сотни две им угребнуть.
Но прежде своего похода,
Дабы тем у всего народа
В отменную любовь придти,
В поминок няньке козу мертву
Гекате посвятил на жертву,
Чтоб горя не было в пути.

Суда лишь только отвалили
От берегов подале прочь,
Вдруг ветры сильно забурлили
И грозная настала ночь;
Суда как мячиков швыряло,
И так бессовестно качало,
Что на ногах не устоять.
Троянцы все развеса губы
Чуть не разбили с дрожи зубы;
Не знали что тогда начать.

Но небо сжалась их бедою
Зефиров всех на почтовых
Послало дуть чтоб над водою
И бурю отогнать от них.
Собравшиеся в страшны кучи
Громовые сердиты тучи
Пропали вдруг из вида вон;
А месяц вытараща очи
Светил им сколько было мочи;
Утих троянский жалкий стон.

По мачтам паруса надулись;
Суда летели как стрела;

Троянцы с робости очнулись;
Струя вертелась как юла.
Повадь руля за кораблями
В кривых извилинах волнами...
Но не прошло еще часа,
Завыли все ручьями в оба,
Как на погосте подле гроба
Крестьянски бабы в голоса.

Троянский кормщик побледневши
Ничком на палубу припал,
Потом от робости хрипевши
Нелепым голосом визжал;
Как рыба об лед бедный бился
И ошалевши суетился;
Кричал: «Теперь-то берегись!
«Пропали мы без поворота
«Как от солдат жида в субботу,
«И нет возможности спастись.

«Чертовский остров перед нами;
«Нельзя его никак пройти.
«Теперь голов нам над плечами
«Здоровыми не унести.
«Цирцея здесь, дочь ясна Феба,
«За колдовство изгнанна с неба
«Изволит в заточенье жить.
«Кто ей ни попадется в руки,
«Того тотчас она от скуки
«В животных вид перерядит.

«Красавец делался уродом,
«В ее волшебничьих когтях;
«На четвереньках скотским ходом,
«Иль верх ногами на руках
«Начнет ходить здесь всяк проезжий;
«Иной под шкурою медвежей
«Заставлен от нее реветь;
«Иной мня действовать руками,
«Порхая хлопает крылами
«И птичьим свистом должей петь.

«Здесь англинский милорд надменный
«Поет гагарой на суку;
«А нидерландец в крюк согбенный
«Кричит сквозь нос кокореку;
«Французы собравшись кружками
«Борзыми резвятся щенками;
«Голландец же забившись в грязь
«Лягушкою в воде клокочет;
«И тсвко горлицей хохочет
«Изнеженный германский князь.

«Гишпанец в гордости раздувшись
«Ходил индейским петухом,
«Ступал ходой не спотыкнувшись
«Хвост расщеперя колесом.
«Тирольцы же и савояры
«И прочи римские бояры
«Шипя, мурныча и ревя
«Коверкались как обезьяны,
«Плясали, пели как цыганы,
«Ползли оборотясь в червя.

«Что делать нам в таком несчастье,
«И чем злу горю пособить?
«Пускай бы нас опять в ненастье
«Волнами стало колотить;
«Лишь только бы от злой Цирцеи
«Свои нам по здорovu шеи
«Как можно дальше унести
«И не остаться здесь зверями.
«Беды сидят здесь над бедами;
«Кто может нас от них спасти?»

Беду ту видя неминучу
Удалый молодец Еней,
Собравши всех троянцев в кучу
В каюте убранной своей,
И там схватясь полой за полу
Над бурей старосте Еолу
Велел произносить мольбы;
Чтоб он их в нужде не оставил,

И в сторону оттоль управил
Избавя их от злой судьбы.

Еол, услышавши моление
Отчаянных троянцев сих,
Тотчас дал строго повеленье:
И бурный ветер вдруг утих.
А между тем перед зарею
Со всею чернотой своею
Оканчивалась темна ночь,
И солнечны лучи являлись,
С востока кверху поднимались
Гоня собой потемки прочь.

Поверхность вод морских стояла
Как будто гладкое стекло.
Печаль в троянцах вся пропала
И горе с сердца отлегло;
Исчез у них весь ропот смутный;
Подул им в спину ветр попутный
И прочь от острова погнал.
Троянцы в духе освежели,
Присевши песенки запели,
И всяк ни в чем как не бывал.

Пригрянув дружно по-гребецки,
От вёсел только стон стоял;
Всяк взапуски по-молодецки
Из всех кишок приналегал
Друг друга в том не выдавая.
Еней по палубе гуляя
В даль очи ясны простирал,
Все замечая рвы, лесочки,
Поляны, горы и кусточки,
И ничего не пропускал.

Потом как будто взбеленяся
Вдруг витязь наш осатаңел,
Запрыгал всячески бесяся
И рот разинувши смотрел,
Укавывая всем руками

На устье речки меж кустами,
Крича, чтоб к ней приворотить.
«Вот Тибр река нам обещанна!
«И вот земля обетованна,
«Где будем мы спокойно жить...»

Суда поворотя кормилы
Направилися к тем краям .
Гребя из всей геройской силы.
Еней не уступал и сам
В работе никому ни мало.
Потом как к берегу пристало
Всё войско беглых сих троян,
Еней сказал: «Богов веленье
«Дает всё в наше здесь владенье:
«А я здесь вельмовластный пан!..»

Читатель! здесь приготовляйся
Услышать странны чудеса;
Страшись, робей и восхищайся.
Чего не зрели небеса,
То ты увидишь пред собою.
Что нам предписано судьбою,
И я то не перешагну.
Большое чудо должно статься,
Когда два молодца бранятся
За землю или за жену.

О Марс, головорез исправный,
Охотник сечь, палить, рубить!
И Геркулес, детина славный!
Потщитесь здесь мне пособить,
Военным штилем и по-свойски
Все описать дела геройски,
Отчоску, рубку и трезвон;
Как здесь троянцы работали,
Латинцев плотно оплетали,
Тузя без дальних вабобон:

А нежно Еввино отродье!
Созданное лишь для того,

Чтоб не лишилася в безродье
Земля живущего всего!
Вы все у нас нетерпеливы,
Слезливы, робки и пужливы;
И для того прошу вас всех
Перепрыгнуть сии грозны строки,
Которые для вас жестоки
И не найдете в них утех.

В то время над Латинским царством
Владел латинский царь Латин,
И всем пространным государством
Спокойно управлял один.
Все люди без заботы жили;
Бояре бедных не давили;
Судьи с людей не драли кож;
Мотали моты понемножку,
Тянули по одежке ножку;
Был всякий на себя похож.

Латин был роду не простого.
Марика, мать его, влюбясь
В красивого божка лесного,
И дружелюбно согласясь,
Пустила в свет сего сыночка,
Надеяся, что выдет дочка
От жаркой Фауновой любви.
Сей Фаун произведен был Пиком,
Который был хотя шит лыком,
Но из Сатурновой крови.

И так он был, хотя не близко,
Олимпским жителям сродни;
И для себя считал всё низко,
Простые бары где одни
И не юпитерской породы.
Женат он был уж многи годы
Трудясь во всю супружную мочь;
Но видно с зависти Луцина
Ему не подарила сына,
И даровала только дочь.

Но дочь сия была и девка,
Отменная от прочих всех.
Резвиться с нею не издевка,
Отведает всяк с горем смех.
Она была как холь и нега;
Лицо ее белее снега,
А щечки будто маков цвет;
Росла, стройна, свежа, красива,
Приступна всем и не спесива,
И било уж осьмнадцать лет.

На лакомый такой кусочек
И нехотя разинешь рот;
Зачешется небось усочек,
И мигом подведет живот;
Развесишь от зеванья нюни;
Покажутся на губе слюни,
И поневоле дрожь проймет;
Заёкает как от испуга
Сердчишко будто от натуга.
Ничто на ум уж не пойдет.

Такую дочку драгоценну
Какой ни вадумать ни взгадать.
Как невидальщину бесценну
Лелеяли отец и мать.
Довольно молодцов пытались
И у дверей ее стучались,
Чтоб как-нибудь да подцепить
Принцессу ту на свойску удку,
И ту пригоженьку голубку
Себе женою снарядить.

Но матушка ее Амата
Старинных баба лет была,
Ее ценила пуще злата,
Как порох в глазе берегла.
Искала жениха прямого,
Увесистого, молодого,
Судя о дочке по себе;
Чтоб ей не мыкать с мужем горь

И не остаться бы в позоре;
Но быть довольной по судьбе.

Хоть сваталось к ней и много
Прямых нарядных женихов,
Но мать их выбирала строго:
Всё был по дочке не таков,
Какого бы для ней хотелось.
Лишь Турну одному умелось
Амате как-то угодить.
Амата Турна полюбила
И непременно положила,
Чтоб на Лавинии женить.

Сей Турн владел у них в соседах
И был Аматушке знаком;
На многих с многими беседах
Везде являлся молодцом
И не трусливого десятку.
Амата взяв сие в догадку,
Что столь детина удалой
Для дочери ее полезен,
И будет верно ей любезен
Не попусту имел женой.

Но не хвались на рать пошедши,
Пословица у нас идет,
А с рати похвалися шедши.
Превратен стал весь ныне свет.
Что есть в руках, то только наше;
А в людях видишь хоть и краше
Но надобно еще достать.
А наперед что загадаешь
И что зараньше полагаешь,
Того никак не окончатъ.

Судьбина девка своенравна,
Всё делает по-своему,
Всем пакостит она издавна,
У ней нет спуска никому.
И здесь как будто мимоходом,

Царице и со всем содомом
Досаду крепку навела,
Переверня ее желанье
Совсем в другое окончанье,
Чего и в ум та не брела.

Латину как-то с перехмелья
Пригрезился неловкий сон,
В котором божески веленья
Как въяв понятно слышал он:
Чтоб дочку ту свою, невесту,
В замужство ни к какому месту
Пристроивать не посмешал
И тем никак не торопился;
Но дожидался б, чтоб явился
Троянский молодой нахал.

Назначено то так судьбою,
Чтоб сей приезжий молодец
Имел ее своей женою,
И с ней пошедши под венец
Остался б в Латии роднею.
Сей князь владеть здесь над землею
Издавна предопределен;
Распространит ее границы
За самы дальные станицы,
И всех возьмет соседей в плен.

Царь утром ото сна проснувшись
Глаза спросонья протирал,
И кое-как поочунувшись,
О сновиденье помышлял
Не позабыв его ни мало.
К тому же и давно начало
Предчувствия уж было в нем
Различными знаменованьями
И жреческими предвещаньями
О вяте будущем своем.

Однажды при закладке дома
(А прежде жил он в шалашах)

При страшном ударенье грома
Нечаянно при всех глазах,
На месте том, где рвы копали
И стены дома назначали,
Возрос лавров зеленый куст,
Издравле посвященный Фебу.
Вскричали все: угодно небу,
Чтоб дом Латинов не был пуст.

Потом опять, как миновало
Кусту сему с десяток лет
И дерево большое стало
Нося на длинных сучьях цвет,
Не знаю по какой причине
На самой вдруг его вершине
Привился мимоходом рой.
Друг другу люди все шептали,
Что пчелы счастье означали
И изобилие собой.

Так водится всегда невесте
И девке зрелых взрослых лет
Ходить с родителями вместе
Кто в гости их ни позовет.
На пир однажды пребогатой
Идя с Латином и Аматою
Соделалось чудо с ней.
Все пукли разом возблистали,
На волосах лучи сверкали
Различных пламенных огней,

Все люди взапуски вметались,
Чтобы огонь тот потушить;
Но тщетно все они старались
Свое усердьё в том явить;
Огонь тот, сделавшись веночком,
Обшел кругом вертясь вьюночком,
По лбу, по темю и вискам,
Потом в клубок большой собравшись
И без вреда с ней распрощавшись
Наверх поднялся к облакам.

Вельможи, знать вся и дворяне,
Седобородые жрецы,
Купцы, подьячи и мещане,
Все книжники и мудрецы,
В глазах то чудо видя ясно,
Кричали шоптом громогласно,
Оно что даром не пройдет
И что судьба рекла уж гневна,
Что девушка сия царевна
Довольно крови попрольет.

Латину таковы приметы
Не больно были по нутру.
На стары несмотря он леты
В один день рано поутру
Идти задумал ворожиться,
О всем подробно изъясниться
С родимым дядюшкой своим,
Который жил во пустоплесье,
И во пустынном чернолесье
Был славен колдовством своим.

Он всякому поподноготно
Не заикаясь предвещал,
И за труды свои всех плотно
Весной как липку обдирал.
Латински древние народы
В непросвещенны стары годы
В знак благодарности своей
Его пожаловали в боги;
И со приносом жертвы многи
Курились у его дверей.

Сей Фаун Латину бывши дядя
И в самой близости родня,
Привыкши на подарки глядя
И от него того же дня
Надеялся попощечиться
И думал, что перевалится
На магарыч ему с алтын.
Но царь пришел к нему с голями,

Надеясь, там что над лесами
И он такой же господин.

Не рад был Фаун сему приходу,
Боясь, чтобы не стал народ
Сию безденежную моду
Хранить и впредь из рода в род;
Но помня всё родство и дружбу
Решился колдовскую службу
Для родственника своего
Со всею точностью исправить,
Во всем порядочно наставить
От сердца чистого всего.

Разглядя бороду с усами,
Утерши кулаком глаза,
Щелкнул скрипнувши он зубами,
И по лбу дал себе туза
Десницы сильной пятернею;
Потом взяв шуйцею своею
Латина за руку, пожал
Легонько, сколько было мочи,
И выпуча с задора очи
Таковую речь ему сказал:

«В реке не испытавши броду
«Идти не суйся в быстрину;
«Наквасишь потонувши воду,
«Юркнешь как рак во глубину.
«Не скоро к делу торопися,
«Но прежде знахарей спросися
«И по совету их ступай.
«Не больно с Турном ты якшайся,
«В родню к нему не вдруг вплетайся
«И свадьбы сей не затевай.

«Кому ты, глупая скотина!
«Задумал дочь свою отдать?
«Какого проку от латина
«Себе напередки можешь ждать?
«И самый лучший из латинцев

«Как будто огурь из тавлинцев,
«Того и смотрит чтоб стянуть.
«Отбрось ты Турна мужичину,
«Сыщу я лучшего детину
«И дело всё пойдет на путь.

«Мне будущее смертных время
«Известно въяве наизусть.
«Знай то, что турновское племя
«Собравшись в кружок под куст
«Бродя жить будет по-цыгански.
«Коль хочешь ты, чтобы по-царски
«Твоя Лавиния жила,
«То свадьбою не торопися,
«Но зятя пришлого дождися,
«Кого судьба ей избрала».

Богиня Фама без умолку
Болтает всё, везде, о всем;
Кричит разиня рот без толку,
Что делается в свете сем.
Хоть крошечку что где случится,
У ней тот час на то родится
Охабки две заказных врак
С прикрасою и с барышами,
Которы полными ушами
Хватает умный и дурак.

Случись же так, что в это время,
Как Фаун кудесил чудеса,
Еней и с ним троянско племя
Понатянувши паруса
Попутною волной летели,
Ко берегам тем подоспели,
И якорь брося стали в трой;
И только лишь остановились,
Сойти на землю торопились,
Чтоб чем набить желудок свой.

Болтливая в то время Фама
К троянцам принесла ту весть

Оставшийся что род Приама
Назначен в Латии востесть
Над всеми самовластным паном;
И станет за ничто и даром
Свои карманы набивать,
Сдирая до живого шкуру,
И только лишь свою конуру
Плотнее будут наполнять.

Троянцы только привалили
К латинским с моря берегам,
В один все голос завопили:
«Пора б хоть и попить уж нам!»
Не спорил в том никто ни мало;
На животе у всех ворчало,
И жада плотно их брала.
И самому тогда Енею
С княжною Латия своею
На ум никак совсем не шла.

В дороге можно ль запастися
Всем так, как дома на печи?
Троянцы в путь не собралися
Как бара пышно живучи
Со всем столовым в путь прибором,
Но севши дружно под забором
Сбиралися чем бог послал
Набить желудок свой и брюхо.
Тут всякий рот свой, глаз и ухо
И ум на жвачку направлял.

К еде совсем приуготовясь
Увидели уже тогда,
Что, наперед не изготовясь,
Случилася у них беда.
Где взять к столу прибор готовый?
Весь харч их и запас столовый
Был чорствый хлеб и сухари;
Посуду ж и на стол припасы
И все съедобные запасы,
То всё где хочешь, тут бери.

Еней наш был не без догадки
И всё тотчас в уме смекал;
Из сучьев сработать палатки
Своим ребятам приказал;
Из хлебных корок сделал ложки,
А из краюшек чорстных плошки,
Из мякиша стаканы смял;
И под шатер свой на лужайку
Всю посадя троянску шайку
Обед им не на шутку дал.

Изведав рок с собой безгодный
И злой судьбины треухов,
Троянский люд весь тот голодный
Хоть сатану был съесть готов.
Проворно все порасстегнулись,
К обеду разом прикачнулись
Теснясь жевать наперерыв;
Без хитрости и без утайки
Спешили чавкать без оглядки;
Тут всякий для себя был чив.

Асканий был с догадкой всюду;
И здесь наевшись сказал,
Чтоб всякий всю свою посуду
Не съеденну не оставлял.
А если у кого из ложки
Останутся хоть малы крошки,
Иль из стакана лоскуток,
Не будь тот братом нам троянцем,
На весь останься век поганцем,
И будь французом без порток.

Троянцы, запорожским кругом
Сидевши за одним столом,
Спешили все друг перед другом,
Чтоб им тот раз в приказе том
Не сделаться непослушным.
С прямым усердьем не ленивым
Свою всю долю всякий съел.
Все ложки, блюда и тарелки

Как чарка сгибнули горелки,
Пропали, будто порох стлел.

Еней в конце всей той пирушки,
Встав с важностью из-за стола
Держа остаток от краюшки,
Вскричал: «Вот наша уж взяла!
«Теперь-то вижу я уж ясно,
«Что всё то было не напрасно,
«Мне в аде что сказал отец:
«*Мы будем голодать до туду,*
«*Что всю свою съедим посуду.*
«*Здесь всё свершилось наконец.*»

Потом сынка на руки взявши
С отцовской лаской обнимал,
И без устатку целовавши
Так плотно к сердцу прижимал,
Что бедный нежный тот ребенок
Мычал как молодой теленок
От приголубленьев его;
И выпуча слез полны очи
Кричал в нем сколько было мочи
От сердца чистого всего.

«Скорее, братцы! без откладки, —
Сказал троянцам всем Еней
Подняв стакан во все лопатки, —
«Отдуем кубок полный сей
«За здравие земли счастливой,
«Куда мы рок стерпев гневливой
«На вечно кочевье пришли.
«От ветров, бури и пучины,
«От бед, напастей и кручины
«Теперь на веки мы ушли».

Троянцы, дружно подражая
Начальнику в том своему,
«Ура!» и «здравствуй!» восклицая,
По полному и одному
Стаканчику до дна хватили;

Потом не мешкавши спешили
Отдать со службой должну честь
Богам земли той и богиням,
Сатирам, нимфам и княгиням,
И жертвы с пением принести.

У жбанов, фляг, сулей, бутылок
Когда уже обсохло дно,
А из ковшей, ендов, братинок
Всё высушено вон вино,
Тогда троянцы протрезвися
И меж собою согласися
Пошли ту землю обзирать,
Где им назначено судьбою
Соседей плотною рукою
Под сильный ноготь свой прижать.

Но вдруг назад все возвратившись
С рапортом к князю своему,
Об ручку низко поклонившись
Рекли: «Не быть здесь ничему.
«В земле латинской у Латина
«Мы будем глупая скотина
«Не зная толку здесь ни в чом.
«Здесь бают только по-латински,
«А мы бормочем по-фригийски;
«Какой успех нам будет в том?»

Еней, не тратя нужно время
И не теряя ни часа,
Свое троянское всё племя
Скорей на разны голоса
Велел учить латинску складу;
И всем прилежно без откладу
Язык тот в голову вбирать
Не исподоволь по-боярски,
Но палями по-семинарски,
Чтобы скорей его понять.

Когда же все поизучились
И взяли в толк язык весь тот,

Тогда к Енею все явились.
Без дальнейших Еней хлопот
Экзамен дав на скору руку
И похваля за их науку
Десяток лучших отобрал;
И с пышностью по царску чину
К латинскому царю Латину
Послами от себя послал.

Послы, дошедши до столицы,
Стоявшим тамо часовым
Сказали: «Для царя, царицы
«Еней с почтением своим
«Дары чрез нас препровождает;
«Всем добра здравия желает,
«Ласкаясь в дружбу к ним вступить.
«Мы присланы сказать Латину,
«Чтоб он троянского детину
«Велел в дворец свой проводить».

Латину только доложили,
Что добрый молодец Еней
Желает, чтоб его впустили
Со всею сволочью своей
К его латинску царску трону,
По низкому отдать поклону,
Царю, царице и с семьей;
При том прислал к ним по подарку;
Распить намерен с ними чарку
И дружбой клясться им своей.

Такие о подарках речи
Как будто медом по губам,
Иль в бане жаркой паром плечи,
Царя латинского ушам
Пришли по животу и за честь.
Вскочил шагов с престола за шесть,
И вестника обняв сказал:
«Я рад гостям; ступай смелее!
«Веди сюда их поскорее!
«Добро пожаловать на бал!

«И сам тряхнувши стариною
«На радостях повоскурну,
«Готов тянуть хоть до запою;
«Ни капельки не промигну.
«Бегите все не тратя время
«Принять енеевско всё племя
«Чин чином, доброй чередой.
«Вы знаете, что я разборчив,
«На кус и чарочку приморчив
«И в угощенье сам не свой».

Тотчас велел приуготовить
Высокий для гостей терем,
Чтоб с радости поколобродить,
До самого повалу в нем.
В клетях, каморках, переходах,
Светелках, чердаках, проходах,
Все стены приказал убрать
С отменным щегольством по-свойски;
И предков подвиги геройски
Все въяв и в лицах показать.

С Бутырок, Балчуга, Неглинной,
Зацепы, Пресни, Плетешков,
Со Красной площади предлинной,
С Рогожек всех, из-под шатров,
У Троицы на рву с погосту,
Со Спасского из лавок мосту
Набрали разные листы,
На коих лучшие картины
И размалеванны личины
Цветут как в рощице кусты.

В одной там небылица в лицах
Чертами изображена;
В другой вся роспись о девицах
В таблицах расположена;
В иной Савоська с Парамошкой
За винною поспорясь плоской
Друг друга рыцарски тузят;
В иной кота хоронят крысы;

В иной прекрасны Мирикрисы
Бову к себе в любовь манят.

В иной там Семика встречают,
Дежуря дружно в кабаках,
И масляницу провожают
С гудком и дудкой на свиньях
Досушивая бочки пива.
Коза с бородушкою сива,
Надевши синий сарафан,
Покруче держит кверху роги,
Перед медведем бьет в треноги;
А тот трезвонит в барабан.

Такими редкими вещами
Хотел пощеголять Латин
Пред небывалыми гостями.
Трудился в том не день один
Картины все перечищая,
Приклеивая, прибывая,
Чтобы товар лицом продать.
Когда ж привел всё к окончанью,
Тогда к нарядному свиданью
Себя стал сам принаряжать.

Был торг от города не близок.
Послал туда скорей гонцов,
Чухонских накупить пронизок,
Стеклярусовых жемчугов,
Гагатных косточек со счетов,
Обломков хрусталя с заводов,
Шумихи, бусов, янтарей;
И всё прошивши мишурою
Сшил платье нового покрою
Себе со всей семьей своей.

Сам сел на месте возвышенном,
На липовой скамье с ковром,
В кафтане новом испещренном,
И в шапке Аське со пером.
Пониже на другой скамейке

В грезетной желтой телогрейке
Сидела царская жена.
Лавиния присела с нею,
И всюю красотой своею
Как солнце в день была видна.

От царской лавки и до входа,
Или по-русски до дверей,
Как будто в поле для похода
Во всей оружности своей
Стояли витязи отличны,
Стражи придворные опричны,
Как крепки каменны столпы.
За ними вплоть к стене рядами
Теснились давкою толпами
Дворяне, бабы и попы.

Послы ввелися церемонно,
Как водится во всех дворах,
На дыпочках, тишком, уклонно,
В манерных с шарканьем шагах,
В сопровожденье двух придворных.
В латинских риторствах отборных
На Цицероновскую статью
Один из них присамяся,
В присядку низко поклоняся
Стал рацию свою читать:

«К тебе, как мужику богату,
«Пришли мы, *Серениссиме!*
«Хоть даром, хоть и за заплату
«Позволь нам, *Бенегниссиме!*
«Беднягам обнищавшим в Трое
«В твоей земле пожить в покое.
«*Экзавди нос ты, Домине!*
«Пришли просить мы хлеба-соли;
«И от твоей зависим воли;
«Любя тебя *ин Номине.*

«Пожалуй не оставь нас бедных,
«И милостию не покинь;

«Не дай в бедах скитаться вредных,
«И просьбы нашей не отринь.
«Энеус наш детина славный;
«Его род царский стародавний,
«И храбр как Муромец Илья;
«Хорош, пригож, румян, бел, строен,
«Росл, бодр, неспорлив и спокоен.
«Правдива, верь, вся речь моя.

«Всё правда то, что об Энее
«Тебе теперь я доношу;
«И дружелюбно помилее
«Подарки сии принять прошу,
«Которые он от досугу
Тебе Латину, милу другу,
«Через нас осмелился прислать;
«А если ты возьмешь терпенье,
«В твое я царско угожденье
«Могу их все пересказать.

«Вот нож охотничий булатный
«Троянских прежних всех царей;
«В войне он служит меч как ратный,
«А в поле пазночит зверей.
«Приамус им всегда гордился,
«Сек, бил, колол, рубил и брился,
«И иноходца погонял.
«Не бось! Энеус знает сметку!
«Старинну вещь такую редку
«Тебе из дружбы в дар прислал.

«Вот гребень из слоновой кости.
«Парисова всегда жена,
«Когда куда случалось в гости
«Бывала кем подозвана,
«Изволила чесать им кудри,
«Которые хоть и не пудри,
«Всегда бывали в завитках.
«Сей гребень греческой девицы
«Енеем прислан для царицы;
«Пусть красится в ее руках!

«Вот дар отменный для царицны:
«Наперсток чудный золотой!
«Во времена для Трои гневны,
«Когда нас рок щелкал всех злой,
«Гекуба слезы им скопляла,
«Которы с горя проливала,
«Когда убит ее Приам
«И овдовела та сударка.
«Ты редкость всю сего подарка,
«Конечно, ведаешь и сам.

«А впрочем князь наш уверяет
«С женой и дочерью царя,
«Что с нетерпением желает,
«Проехав многие моря,
«Здесь сделать отдых и дневанье,
«И просит, чтоб на кочеванье
«Велел местечко ты отвести
«Под рощицею за лужайкой.
«А он за то со всею шайкой
«Тебе служить сочтет за честь.

«Троянцы ж наши все робята
«Проворны, бойки, силачи;
«И против всякого солдата
«Умеют выпрячь и впрячи
«И сунуться по горло в воду;
«Не струсят дальнего походу,
«Привыкли есть и сухари.
«Попить ли, погулять, побиться,
«Иль с девками повеселиться,
«О том хоть и не говори».

Латин от сей посольской речи
Как от удара изумел;
Подняв к ушам могучи плечи
Глаза разинувши глядел,
Смотря остолбенелым взором
На ритора с его прибором;
Не ведал, что им отвечать.
Какую на троянску сказку

Соврать латинскую прибаску?
Иль красноречивей солгать?

Но вдруг на разум толконулся
Ему недавно бывший сон.
Тотчас в уме своем очнулся
Тогда без дальних забобон,
Разинувши уста пошире,
Как будто бы Орфей на лире
Напевом сладким возгласил:
«Скажите вашему Енею,
«Что мне он и с семьей моею
«Как будто сын родимый мил.

«Вся здешняя земля вам рада;
«Ступайте кушать наших щей.
«Такой-то парень нам и нада,
«Каков молодчик ваш Еней.
«Не даром Фаун меня морочил;
«Его-то точно дочке прочил,
«Не позволяя отдавать
«Ни за кого из здесь живущих,
«Стращая кучей бед грядущих.
«Пускай же будет он мой вять.

«Еней мне точно муж по сердцу,
«Лавинии же по плечу.
«Вот то-то зададим мы перцу,
«Кому когда ни захочу!
«А то для нас всего милее,
«Приятнее и веселее,
«Что с ним Лавиния моя
«Не титулярною женою;
«Но точно будущей весною
«Нарядит в дедушки меня.

«Ступайте же скорей, спешите
«Не мешкавши здесь ни мига;
«Енею вашему скажите:
«Покорный я ему слуга,
«И милости прошу в беседу

«К простому нашему обеду
«По дружески чем бог послал.
«Не будь для гостя ты запасен,
«Будь рад ему и с ним согласен;
«Я так от стариков слыхал».

Царь был так рад сему случаю,
Как будто б на небе сидел.
И по старинну обычаю
Посольских меж дворами дел
Велел с приезжими послами
К Енею шествовать с дарами
Боярам лучшим из своих;
Сказать поклонов полны горсти,
И звать к себе на завтра в гости
Смотреть латинских щеголих.

Шестерку бурых белогривых,
Задорных самых игрунов,
Отменных, рослых и красивых
И с виноходью скакунов,
Которые во царском стойле
На корме медовом и пойле
Стояли для красы одной,
Латин велел убравши чище
Вести к Енею в становище
Вслед за посольскою толпой.

Отменного те были роду
Царя Латина жеребцы;
По пятому все были году
И удалые молодцы.
Не с конских куплены заводов,
Иль от проезжих коноводов,
Но от Цирцеи присланы
В подарок для царя Латина,
И все из княжеского чина
В скотину преобразены.

И так с Енеем у Латина
Всё дело поплыло на лад;

Троянский молодой детина
Найдет в княжне наверно клад.
Но погоди, не торопись,
А прежде богу помолися,
Чтобы не похлебать тычка.
Юнона баба не дремлива,
Не промах и везде смеклива;
И здесь Енею даст толчка.

Олимпа горнего царица,
Которой весь подвластен мир,
Не стара бывши молодлица
Готовилась рядиться в пир
На именины к Прозерпине,
Где ей, как всех богинь княгине,
Готовилась отлична честь.
Плутон супруге в угожденье
Затеял празднично веселье,
И было что попить, поесть.

Юнона частым гребешечком
Головушку свою чесав
Старалась всем своим сердечком,
Чтоб как-нибудь пригожей став
В гостях Зевесу приглянуться;
Чтоб он не вздумал откачнуться
В гульбу с другою на отлет.
А он, сказать всю правду-матку,
Разбродливого был десятку,
И бил с прямого на пролет.

Но в самое приятно время,
Когда рука богини сей
Схватя лилей и роз беремя
Держала у груди своей,
Сама ж пред зеркалом ломаясь,
Со вкусом приколоть стараясь,
Жеманилась красой своей, —
Ириса к ней тогда влетела,
И всё подробно то отпела,
Как счастлив хочет быть Еней.

«Кто? где? что? как? Еней негодной
«Из рук моих уж ускользнул?
«Хотя б он в пропасти подводной,
«Иль в самом аде утонул,
«Но я его и там достану;
«Иль называться уж не стану
«Юпитеровою женой.
«Когда Зевс у меня на удке,
«И по моей танцует дудке,
«Что ж мне троянец молодой?»

«Нет, нет; такой ему потешки
«Отведать я не допущу,
«И за Венерины насмешки
«Ему, повесе, отомщу.
«Теперь же с просьбою моею
«Повешуся богам на шею,
«Чтоб сделали по моему.
«А если в них не будет толку,
«То Зевсу своему я, волку,
«В глаза наплюю самому.

«Ну, так и быть, во что б ни стало,
«Я шуточку с ним смастерю;
«Расстрою свадьбы сей начало
«И гордость всю поуспокою.
«Мой Турн свои собравши войски
«Отпаточит его по-свойски
«За нежную его любовь.
«В приданство же за той царевной
«Прольет у них ручьем Марс гневной
«Троянску и рутульску кровь.

«Но что болтать мне попустому
«И время лишь в речах терять;
«Пойдем-ка лучше ко прямому
«И точну делу приступить.
«Скорее, нимфы, все бегите
«И голову сломя спешите
«К Плутону в преисподний ад
«И там нашедши Тизифону

«Тотчас представьте пред Юнону
«Суля ей тысячи наград».

Читателю во угожденье
Я здесь поприостановлюсь;
И каково его уменье,
О том с самим им поспрошусь.
Я мню, что чуть не половина
Читак моих такого чина,
Что учены по старине
И мифологии не знают,
О фуриях не понимают,
Какие женщины оне.

И для того с их позволенья
Открою им хоть лоскуток
Из мелка моего ученья,
Чтоб им взять легче было в толк,
Какие в аде баснословном,
В жилище жарком и бездонном
Живали злобные жильцы,
От коих испуская воц
Терпели страшные побои
Удалы добры молодцы.

Кто в свете жил по-молодецки
И ни о чем не горевал
И проводя лишь лета детски
По-удалому куликал,
Тех в аде в каторгу ссылали
И трем сестрицам отдавали
Пытать, жечь, рвать и тормозить.
Вот фурии какие были!
Они-то смертных всех казнили,
Кто живучи любил грешить.

Одна сестрица Тизифона
Ехидна так и зла была,
Что чуть и самого Плутона
С ума собою не свела.
Ее-то из подземна света

Для тайного с собой совета
На поговорку позвала
В сердцах юпитерска супруга;
И ожидая будто друга
Всю ночь насквозь ту не спала.

Явилась фурия из ада
Тотчас к Юнонину лицу.
От одного той зверска взгляда
Хотя какому молодцу
Пристанет к сердцу дрожь с морозом. —
Лицо запачкано навозом,
Между волос шипят змеи
Смертельным угрожая жалом,
А с рук и с платья как каналом
Текут кровавые ручьи.

«Поди ко мне, моя драгая!—
Юнона фурии рекла, —
«Ты мастерица пребольшая
«Работать людям кучи зла,
«Любимая твоя забава,
«Веселье, радость, честь и слава,
«Чтоб человеками кутить;
«Вселять вражды между друзьями,
«Рассоривать мужей с женами,
«Детей против отцов мутить.

«Прошу тебя, любезна друга,
«Теперь мне в нужде послужить
«И сколько можно от досуга
«Троянских псов потеревить,
«А больше потузить Енея,
«И сделать, чтоб он был смиреня
«И о женитьбе не смекал.
«Затей здесь между ими ссору;
«Чтоб дело как пойдет до спору
«Латин ему потаску дал».

«Изволь, царица! наше дело, —
Сказала фурия в ответ, —

«Надейся на меня в том смело.
«Какой меня ни почитает свет
«Лютее сатаны во злости,
«Но эти прибылые гости
«Отведают таких тузов,
«Что всяк из них возбеленится,
«Хотя на нож не убоится,
«И к чорту на рога готов.

«Из свадебных же сих затеев
«Не будет вовсе ничего.
«Я возмущу всех как злодеев;
«Пойдут один на одного
«И целой кучей в сильну схватку,
«Начнут давать друг другу катку,
«И драки в свалку закипят.
«Скулы, гляделки, жабры, губы,
«Храпочки, морды, рот и зубы
«Как щепки розно полетят».

Яга, сказав такие речи,
С улыбкой сделала поклон
Оскаля рот по самы плечи.
От змей ее раздался стон
Со свистом, ревом и шипеньем,
Стращая страшным угрызеньем,
Так что Юнона и сама
Немного тут поиспугалась,
Чтобы и с ней не привязалась
Такая адская чума.

А фурия из глаз пропавши
Пустилася в латинский град,
Чтоб во дворец к царю попавши
Завесть там настоящий ад.
Прокралась потайком к Амате,
Которая в своей палате
Сидела запершись одна,
Горючи слезы проливала
И мужа своего ругала
От головы насквозь до дна.

До сердца было ей обидно,
Досадно во всю бабью мочь,
И перед всеми очень стыдно,
Что милую родиму дочь
Не удалось так обабить,
Чтоб можно и самой повабить
На ручку зятика к себе.
В сердцах всю брань перебирала,
Рвалась, бесилась и стонала,
Упреки делая судьбе.

К ней тут подкравшись Тизифона
За нею став подождала
И жалобна подслушав тона
Весьма довольна тем была,
Что подоспела в самую пору.
Из адского волос убору,
Шипящих ядовитых змей
Одну сорвавши похитрее
И в аде злобном посильнее
За пазуху впустила к ней.

Змея легонько извиваясь,
Чтоб не услышана была,
Под платицем притаеваясь
Тихонько к телу прилегла.
Потом кой-как промеж грудями
Закрытыми от всех путями,
Посольство чтоб свершить свое,
Прокралась от часу пониже,
И сердцу подходя поближе
Вошла во внутренность ее.

Черевы молодой царицы
Казались как будто рай
Для адской старой сей девицы.
Такой прелестный нежный край
Ей очень было жаль оставить;
Но дело чтоб свое исправить,
Не долго мешкала у ней
И по углам всем поскакавши

Пустилась яд свой изблевавши
Обратно к фурии своей.

Весной в деревне у крестьянок
Пред пасхою в великий пост
На разговенья для цыпляток
На яйца поджавши хвост
Сажают молодых насекомых.
Пример такой у нас не редок.
Распарясь в яице желток
От беспрестанного сиденья
Получит действы оживленья,
И выдет целый петушок.

Так точно было и в царице
От яда адского тогда;
Сей яд в латинской молодежи,
Хотя без курячья гнезда,
Однако ж разгнезвился скоро;
Хоть слишком торопко, но споро
И семена с плодом пустил;
Потом помалу надуваясь
И от часу поприбавляясь
Вдруг въяв себя весь разродил.

Когда хмельнистой где молодке
С похмелья в пьяный ум взбредет,
Что муж ее в том околodge
Кого-нибудь ей предпочтет
В ее супружном брачном ложе,—
Мороз проймет ее по коже
И выдет баба из ума.
Амата точно так взбесилась;
Вскоча тотчас бежать пустилась,
Куда, не ведая сама.

А между тем змеиста девка
Взбеся Латинову жену
Хотела, чтоб ее издевка
(Чем лъзя вскружить и сатану)
Досталася в удел и Турну.

Оставя шум и лютость бурну
И притая свои змеи
К нему подкралась потихоньку;
И в сновиденье полегоньку
Явила чудеса свои.

Турн был вчерась на вечеринке
И поздно уж домой пришел,
Хватив по дружеской братинке
Довольно плотно охмелел;
От тошноты не знал где деться,
Так что не могли и раздеться
Средь полу рынулся как пень;
И руки врознь свои раскинув
Храпел с мычаньем рот разинув
От утра и во весь тот день.

В то самое сонливо время,
Как Турн с похмелья крепко спал
И пьяное с себя беремья
Храпением сильным прогонял,
Увидя страшно сновиденье
Пришел в такое исступленье,
Так что и в сне осатанел;
И столько много испугался,
Что как безумный врознь метался
И страшным голосом ревел.

Мечталось Турну, что прихожий
Троянский парень молодой,
Собою будучи пригожий
И забияка удалой,
Схватя в кулак его невесту
Тащил к укромненькому месту
Бурлацкой сильною рукой
Почти на горло наступивши,
И всю ее растеребивши
Тянул насильно за собой.

Лавиния сперва кричала
И вырывалась от него,

Но после вдруг призамолчала,
Как будто вовсе ничего
Еней над ней не проклажался.
Меж ими в миг союз начался
И дружба тесная сплелась;
Лавиния его милуя
И с приголубленьем целуя
За ним охотно уж плелась.

Такое страшное мечтанье
Столь сильно Турна потрясло,
Что превеликое терзанье
Во всех составах в нем пришло:
Пищал из глотки дикий голос,
Встопорщился щетиной волос,
Всё тело всколотила дрожь;
В великом страхе весь метался,
Как от огневицы кривлялся
И не был на себя похож.

Без памяти от сна проснувшись,
Как шаль разинув рот стоял
И от похмелья не очнувшись
Тянулся, кашлял и зевал,
Твердя ругательств полны кучи
И целые громовы тучи
Перебирая бранных слов;
В сердцах бил в груди кулаками,
И топя о пол ногами
Был хоть на нож тогда готов.

«Кого? меня? кто?... побродяга
«Перелукавить чтоб умел?
«Нет, нет! Троянская бедняга!
«Хоть будь ты пуще чорта смел,
«И сатаны собой сильнее,
«И дьявола во всем умнее,
«Но не перемудришь меня;
«И сам я также ведь с усами;
«И не с такими молодцами
«Работала рука моя.

«Ты хочешь воровски подцапать
«Невесту у меня мою;
«Но я умею сам отстрипать
«Всю кожу на тебе твою.
«Узнаешь, какво со мною
«Померяться тебе собою;
«Я морду у тебя утру.
«Готов с тобой хоть в схватку драться;
«А, какво со мной тягаться,
«Увидишь завтра ж по утру».

Тотчас потом схватя бумагу
Письмо к Енею написал,
И к утрему с собой на шпагу
Во поединок вызывал
Иль молодецкими руками
Изведать силы кулаками.
Но мало было то ему.
С царицей самому Латину
Отведать дать хотел дубину
И отвозить по своему.

А фурия меж тем скорее
К троянцам вздумала зайти,
Чтобы всё дело пополнее
К концу со славой привести.
Нашла большую в них заботу;
На псовую все там охоту
Сбирались лошадей седлать
Енееву в угодность сыну,
Который с добра молодчину
Тогда уж начал выростать.

Но убежишь ли от прорухи
И пакости судьбины злой?..
У царской мызницы, старухи,
Яги, грызуньи и лихой,
Которая давно в отставке
Поблизости к троянской ставке
В покое с пенсией жила,
Была болонска собачонка,

Котору больше как робѣнка
Лелеяла и берегла.

Собачке той все, чтя старуху,
Оказывали с лаской честь.
Белее снега, мягче пуху
Была на ней кудрява шерсть,
Как шолк висящая до полу;
И всю собачью твердо школу
С начала взяв и до конца
Без книги наизусть умела,
И совершенно в том успела
Не хуже лучша мудреца.

В старухином уединеньѣ
Она была как соловей,
И в скуке лучшее весельѣ .
Собою приносила ей.
С ней с сухарями чай пивала,
Повсюду блох у ней искала
И будто молодой супруг
Ласкала, хоть не целованьем,
Но тихим с нежностью лизаньем.
Как самый настоящий друг.

Асканий в роги затрубивши
Со псами в поле поскакал,
И гончих со смычков спустивши
Зайчишка под опушкой ждал,
Держа борзых своих на своре;
Не мнил о том ни мало горе,
Готовилося что ему;
О том лишь только и старался,
Чтобы зверок ему попался
Отцу в гостинец своему.

Старухина же собачонка
В то время ырвавшись ушла.
Одна прислужная девчонка
За нею нянькою была;
Везде как дочку провожала

И с глаз ни мало не спускала;
Но тут к несчастью своему
Резвяся как-то просмотрела,
И поздно следом полетела
Вдогонку по полю всему.

Собачка выбежавши в поле
Весьма была довольна тем,
Увидя вдруг себя на воле;
И в тонком лаянье своем
Всю радость с визгом изъявляла,
Развилась, прыгала, скакала,
Но вдруг услыша гончих лай
На голос тот бежать пустилась,
Найти себе подобных льстилась.
Забывши про старухин рай.

Асканий у опушки сидя
На резвой бурой лошади
И нечто белое увидя
Перед собою впереди,
Сочел то молодым зайчишком,
Или другим каким зверчишком,
Пустился сам скорей травить.
Собаки возряся доспели,
С костями всю и с шерстью съели;
Поопоздали и отбить.

Собачья нянька испугавшись
Пустилася назад бежать
Из всех кишок и запыхавшись;
Спешила горе то сказать
В великом страхе со слезами,
Какой манерой в поле псами
Собачка вся разорвана,
Так что от бедной той скотинки
Не уцелело ни шерстинки
Но вся в куски разделена.

Услышавши такие вести
Старуха вдруг с ума сошла;

С усердием без всякой лести
Охабку бранных слов прочла;
Потом ударивши тревогу
Заворошилася в дорогу
Туда, где был троянский стан;
Таща толпами за собою
Свою всю челядь к страшну бою,
Поймать псарей всех на кукан.

Сама схватя из-под тагана
Пылающую головню,
Храбрилася пуще Еруслана
И всех лютейшему огню
Предать фригийцев собиралась.
В сердцах шумя расхрабровалась
Как над цыплятами петух;
Своих людей всех ободряла,
Быть храбрыми увещевала,
И перебить злодеев в пух.

Служанка следом за хозяйкой
Сгребла с ухватом помело;
Кухарка приподнявши шайкой
Грозила в самое чело
Ударить кто ни попадетя.
Лакей забывши и одеться
Спешил туда схватив голик.
Извозчик с ездовым прибором
В запас вооружась запором
Шел в драку испуская крик.

А прочи в доме челядинцы
Быв ради случаю сему,
Как самы дружные тавлинцы
Тотчас один по одному
Толпой к тревоге той собрались
И со оружием сбежались,
Кто что скорей успел схватить.
Косарь служил наместо сабли,
За копыя отправляли грабли;
Готов был всяк всю кровь пролить.

Но у троянской молодёжи
Не выторговать ничего.
Дай бог, чтобы здоровы рожи
Принести с побоища сего.
Асканий за своей толпою
Стоял как будто за стеною,
И щедро плотною рукой
Тузил всех, кто ни попадался;
В ушах лишь только раздавался
От оплеух со звоном вой.

Пошла меж ими сильна свалка
В потаску, под бока, в захват;
И не одна в мочалки палка
И в дребезги разбит ухват.
Всяк в драке о своих жалея
Работал дружно не робея,
Не разбирая ничего,
Во что бы тяпнуть ни пришлось,
И как попасть ни привелось
В размахку со плеча всего.

Иной геройския десницы
Могущественным кулаком
Врагу подкрашивал зеницы;
Иной с разбега и пинком
Хватив противника под вздохи
Последни выбив духа крохи
Со стоном принуждал зевать;
Иной зубов не досчитался;
Иной весь кровью обливался,
Иной заставлен век хромать.

Не мало молодецкой крови
Лилосся на сраженье том.
У многих растроили брови
Бурлацким добрым чередом.
А кто тут был посмышленее,
Догадливее и умнее,
Тот по здорову по добру,
Хлепать страшась такой же катки,

Давай бог ноги без оглядки
Добраться целым ко двору.

А между тем в то само время,
Когда за мызница на пса
Латинско и трянско племя
Вцепясь друг другу в волоса
По-братски меж собой таскались,
К Латину вдруг тогда примчались
От Турна грозные гонцы
С весьма нерадостною вестью,
Что Турн дышит ужасной мстостью
И все рутульски молодцы.

«Когда ты вадумал без причины, —
Сказал царю один посол, —
«На стары несмотря седины
«Из глотки выдернуть мосол,
«Тобою Турну обещанный,
«И хочешь чтоб его незванный
«Сюда пришелец оглодал,
«Готовься завтра ж в поединок
«Отведать турновских дубинок.
«За тем к тебе нас князь прислал».

Такие сильные угрозы
Царь слышать вовсе не присык.
Едва в глазах мог спрятать слёзы,
Но расшумелся как голик
Величество свое являя,
Чтоб тем весь страх утаеая
Себя не робким показать;
И кой-как с мыслями собравшись
Готовился не заикавшись
Послам со гневом отвечать.

Но выглянув на двор широкий
В окошко из своих палат
Пришел вдруг в ужас прежестокый,
Услышавши, что бьют в набат;
На площади ж перед окнами

Скопляется везде толпами
Латинский весь его народ,
Крича: «Война против троянцев!
«Мы всех енеевских поганцев
«Сгубим на век из рода в род».

Латин был царь миролюбивый
И драки вовсе не любил,
Смирен, не спорлив, не гневливый,
И весь свой век спокойно жил,
Со всеми убегая спору.
Одну имел лишь только ссору
Ночною изредка порой
Со вздорливой своей женою,
Котора сильною рукою
Его под нготь жала свой.

И так услыша о сраженье,
О поединке, о войне,
Пришел и вправду в изумленье,
Вспылал как будто на огне;
Напал жестокий жар со дрожью,
Загомозило по закожью;
Не ведал вовсе как и быть;
Что делать в злом таком несчастье,
И чем столь страшное ненастье
Подальше с шеи сколотить.

В часы такие сердцу люты,
Горчее редьки для него,
Не мешкав ни одной минуты
Велел тотчас изво всего
Латинска многолюдна царства,
Из знати, княжества и барства
К себе собратья старшинам,
Которы прочих поплотнее
И бородами поседеет,
И слушался которых сам.

Загнавши всех большой толпою
В особу отдаленну клеть,

Приказ всем дал, чтоб̄ меж собою
Никто из них не смел шуметь,
Сберечь свои кто хочет плечи,
Но царские одни бы речи
Внимать прилежно тщился всяк,
Ни в чем их не перебывая,
И ничего не отвечая
И рта не разевал никак.

«Какой в вас дьявол поселился? —

Латин боярам всем сказал. —
«Вам хочется, чтоб я взбесился
«И драку до крови начал.
«Вы знаете все до едина,
«Что никогда еще Латина
«Никто не задира́л войной.
«Лить кровь людскую я боюсь;
«И ни за что не соглашуся
«Ни в шпажный ни в кулачный бой.

«Военной вашей чертовщины
«Я вовсе слышать не хочу.
«Когда у вас в чесотке спины,
«Изволь, я вас поколочу
«Своими царскими руками.
«Подумайте прилежно сами:
«Прошло уже довольно лет,
«Как мы войны совсем не знали,
«Ничем себя не запасали
«И войск у нас ни пула нет.

«Покиньте глупое геройство
«И бросьте драку начинать.
«Я тихое люблю спокойство
«И не намерен променять
«Сию невинную забаву,
«В которой чту свою всю славу,
«На громкую воинску честь.
«А вы того не затевайте;
«Но лучше лишь о том смекайте,
«Чтоб было что попить, поесть.

«А если кто мне заикнется
«Хотя полслова про войну,
«Тот скоро у меня утрется.
«Я в три погибели согну
«Такого скоро забияку;
«И всякого из вас рубаку
«Пошлю лет на пять в монастырь
«Толочь с молитвой в ступе воду.
«Такую от меня невзгоду
«Жди на нос всякий богатырь».

Сказав сие махнул руками,
И с места встав от них пошел
В сердцах гневливыми шагами,
Бояся, чтобы не нашел
На речь свою от них отказа,
И чтоб они его указа
Не вздумали переменить.
И так ответа не дождавшись,
Проворнее от них убравшись
Побрел к Амате чаю пить.

Бояре от сих слов Латина
Не знали что и отвечать,
И будто глупая скотина,
Лишь выпуча глаза молчать
Из всей своей старались мочи;
Но как уже шло дело к ночи,
То не теряя ни часа
В совет пустились меж собою,
И споря сильною рукою
Кричали в разны голоса.

По долгом тайном их совете,
Ворчанье, шуме и вранье,
Решились, чтобы в том же лете
Собравши войско всё свое
Готовиться на рать к походу,
На царску плюнуть всю невзгоду
И брань между ушей пустить;
И не касаясь суммы царской

Из собственной казны боярской
Скорей всю силу снарядить.

Меж тем покамест возгоралась
Повсюду страшная война,
С восторгом фурия помчалась
Туда, где Зевсова жена
От скуки сидя отдыхала
И с нетерпеньем ожидала
Решенья зачатых проказ;
Боясь, чтобы трянки гости
Не ускользнули вон из горсти
И не пропали б между глаз.

«Ура! великая Юнона!
«Теперь-то наша уж взяла!
В пыхах прибегши Тизифона
Юпитерихе так рекла:
«Ты ничего не потеряла,
«На службу что меня избрала
«Тебе отраду в горе дать.
«Я столько каши заварила,
«Что никакая в свете сила
«Ее не может расхлебать.

«Приезжих голых всех троянов
«Проймет со лихорадкой дрожь,
«Пойдут отсюда без кафтанов,
«А может быть что и без кож.
«Енею ж вовсе не удастся
«С Лавинией пообвенчаться
«И подцепить себе женой.
«Хоть по устам течет ручьями,
«Но не попасть между губами;
«Хоть кус и сладок, но чужой.

«Амату также постаралась
«На свой потизифонить лад;
«Царица так возворковалась,
«Что ей никто уж и не рад.
«Без панцыря теперь шурмует,

«На мужа крепко негодует
«И волосы с сердцов дерет.
«Небось, мой труд не бесполезной,
«И дочери ее любезной
«Еней никак не приберет.

«А Турна так возбеленила,
«Что он хоть на стены готов.
«Ни носа, ни бровей, ни рыла,
«Ни рук, ни ног и ни голов
«Не хочет у троян оставить;
«И точно на своем поставить,
«Чтобы Латиновскую дочь
«Своею сгношить женою
«И за нее всей головою
«Рад спорить сильно день и ночь».

Юнона адской сей плутовке
Тьму благодарностей рекла;
Рукой погладить по головке
Готова бы ее была
За столь велико одолженье,
Но в волосах ее шипенье
Десятков многих лютых змей
Поудержало нежну руку,
Чтоб и самой такую ж муку
От фурии не скушать сей.

«Спасибо, мила Тизифона,
«Прекрасна в скверности своей! —
Сказала фурии Юнона. —
«Но убирайся поскорей
«Обратно в адское жилище,
«Покамест мой еще мужище
Спросонья глаз не продирает;
«Чтоб он тебя здесь не увидел,
«Во гневе крепко не обидел
«И в шею с света не согнал.

«Когда тебя он здесь застанет,
«То так начнет в сердцах ломать,

«Что адской силы всей не станет
«Тебя из рук его отнять.
«Итак ступай не тратя время
«Во аде мучить смертных племя.
«А я уж мочью всей моей
«Всё то, что начато тобою
«К успешному концу пристрою
«По всей возможности своей».

По-адски страшно улыбнувшись
Зла фурия во весь свой рот,
Пошла со свистом повернувшись
Унести от Зевса свой живот.
Подбравши волосы змеины
И крылья распустив мышины
Порхнула к самым облакам;
И там в клубочек вся свернется,
И как стрела на низ пустяся
Юркнула в ад ко всем чертям.

О вы, парнасские сестрицы!
Девятка пожилых невест!
Вы, безотлучные жилицы
Ученых ипокренских мест!
Вы любите болтать охотно
И всяку дрянь поподноготню
Читаете по всем углам.
Ко мне на помощь поспешите;
И хоть пылинку уделите
Парнаска смаку сим стихам.

Пошла по всей земле жарёха
Против желания царя,
И столь велика суматоха,
Что реки, горы и моря
Военным духом замутились;
Все взапуски засуетились
Солдат везде вооружать,
Готовить корму им и пойла,
Для конницы поставить стойла
И всё для драки запасать.

Сперва назначили квартиры
Для сотни тысяч молодцов;
Потом построили мундиры
И накроили сапогов.
А там по самой той одежде,
Которая пошита прежде,
Спешили набирать людей;
Однако же не без разбору
Но чтобы всяк пришелся впору
По амуниции своей.

Потом со всех солдат портреты
Велели вкратце живо снять;
Весь рост их, леты и приметы
Как в зеркале все показать;
И ту подобную картину
Через нарочного детину
Послали к вражеску царю,
Чтобы троянец мог увидеть,
Кого осмелился обидеть
И с кем вступает в сильну прю.

За недостатком крупна лесу
И толстых барочных досок,
Из драни и гнилого тесу
Сплотили крепкий городок,
И в защищение столицы
Свезли на самые границы.
А для зарядов боевых
Из всех контор, архив, приказов
Набрали кучами указов,
Катать патроны чтоб из них.

Для лучшей в войске дисциплины
И строгости во всех полках
Должны там были все мужчины
У жен своих побыть в руках
По крайней мере сутки трои
И страшные от них побои
Со многой бранью претерпеть,
Дабы потом самим собою

И над солдатскою толпою
Как должно властвовать уметь.

Повсюду кельи монастырски
В казармы преобращены;
Военны силы богатырски
Постоем в них помещены.
В церквах, в торжественно служенье
Читалось одно ученье
На место всех проповедей.
Попы кричали: «Стой! равняйся!
«Смотри направо! не шатайся!
«Вперёд! все разом! не робей!»

Из вил навозных сделать копьа
Приказано во всех полках;
А из тряпиц, мочалок, хлопья,
Поразжевавши их в зубах,
Скатали ядра и картечи.
Отняв заслонки все от печи
Одели латников из них.
Хорунжии верхом с усами
На место знамя с помелами
Стояли при полках своих.

От бабок отобрав свинчатки
Спешили в пули разрубить.
Подметки, стельки и перчатки
В лапшу велели искрошить;
И смазав клестером рядами
Поделать шлемы с шишаками.
Котлы, кострюли и горшки
В мортиры слиты все и пушки.
Петардой сделаны подушки,
А бомбами с песком мешки.

Лишь в уши каждого латина
Раздался бранный глас трубы,
Как воробьи из-под овина
Прибавил всяк своей ходьбы
Сбегаяся в большие кучи.

Иной вскоча забыл онучи;
Иной бежал без кушака
Накинув женнину рубашку;
Иной спеша скорей в размахку
Толкал друг друга под бока.

Всяк сделался тут патриотом,
Похоже на французску статью.
Никто не смел сказать что шоптом,
Но каждый должен был кричать
О наступающем походе,
Приноровляясь к новой моде.
Бурлаки, нищи, кузнецы,
Поденщики и трубочисты
Соделались вдруг клубисты
И новой секты мудрецы.

Тотчас по сортам разделили
Народ весь дружно работать,
И всякого поприсадили
Снаряды ратны припасать.
Сапожник запасшись вервями
Из голенищ кроил ремнями
Верхи палаточных чехлов.
Французски модные торговки
Наклали целые начовки
Ко вьючным лошадям хохлов.

Конфетчики взялись патроны
И картузы приготавливать;
Колбасничьи отцы и жены
Их подрядились начинять.
Обойщик делал батареи;
Насосник мастерил фузеи;
Минером выбран могиляк;
Артиллеристом сделан лекарь;
За инженера был аптекарь;
А пушки вычищал скорняк.

Десяцких выбрали в шпионы
И повезли на почтовых

В троянские тишком загоны,
Смотреть всю силу ратну их.
Голытьба, пьяницы, ярыги,
Мошенники и моторыги
Отправлены попереди
На место в войске авангарда;
А в замке за ариергарда
Шли скоморохи позади.

Харчевники и маркитанты
Кавну приставлены стеречь;
Трактирны щоголи и франты
Больных и раненых беречь.
Картежник выбран в комиссары.
Проворы, плясуны, фигляры,
Борцы, кулачные бойцы,
Повесы, моты и транжиры
Назначены все в фуражиры;
В урядники же к ним купцы.

Не зная вовсе, по какому
Случаю было встарину,
Что если царь один другому
Задумал объявить войну,
То шли с зажженными свечами
Многочисленными толпами
В одну часовню, или храм,
В котором Янус бог двуличный
Во всякой почести приличной
Стоял при самых дверях там.

Во времена войны и драки
Сей храм отворен был всегда;
А в мир ни кошки ни собаки
Не велено пускать туда,
И двери были на запоре.
Во время мирно на просторе
Разгуливали только в нем
Одни лишь крысы со мышами;
А двери толстыми замками
Накрепко заперты ключем.

Латинцы над царем усилиась
Поставили по-своему;
И иво всех кишок все жилиась
Бежали к Янусу тому.
Пришед ко храму, вся забота
Их в том была, чтобы ворота
Скорей как можно отворить.
Сгреблись все дружно за затворы;
Крюки, задвижки и запоры
Тотчас успели отшибить.

Латинцев мы теперь оставя
Работать как они хотят,
И в сторону глаза управя
Посмотрим турновских робят.
И Турн не выкидок собою,
Не левой чистит нос ногою;
Но вместе за людьми бредет
Ни крошечки на отставая;
И никому не уступая
Как добрый скосырь жизнь ведет.

Умыслив Турн войну кроваву
Послав к союзникам своим,
Чтоб не дали рутульску славу
Попрать наездникам чужим;
Но на отмстительно сраженье
Прислали б сильно ополченье
По силе помочи своей;
Дабы он с ними посмелее
Возмог енейцев поскорее
Из Латии повыгнать всей.

Со всех сторон тотчас пустились
К нему на помощь молодцы;
И друг пред другом торопились
Отменны в драке удалцы
Своим геройством отличиться;
И досыта навеселиться
Над сопротивной головой
Порасписав ее тычками

Под зеньками и под скулами
От сердца плотною рукой.

Меценз к нему сперва явился,
Детина лет уж пожилых.
Лишь случай где б ему открылся
В бою померять сил своих,
То неотказна был десятку;
Но напрямик совался в схватку
И на опасность не смотрел.
Под старость тем и веселился,
Когда на кулаках возился;
Жданья ни мало не терпел.

За ним поспешно тем же следом
Приехал Лауз, сын его;
Одним питался только медом
На место кушанья всего.
Был росл, при том красив и взрачен,
И на войне не безудачен;
Дирался уже много раз.
А с ним кто в драку ни пускались,
Все верх тормашками валялись,
Без носа, уха и без глаз.

Потом пришел большой повеса,
Угар, наездник Авентин,
Сын удалого Геркулеса.
Нигде с ним вовсе ни один
Боец не смел померять силы.
Столь крепкие имел он жилы,
Что целый дуб сгибал дугой.
На голову свою и спину
Вздевал накинув кожу львину;
А впрочем был почти нагой.

Из греческа соседня града,
Два братца к Турну приплелись;
Брала их на троян досада
За то, что девять лет дрались
За бабу, как за важно дело,

Горя и тут подраться смело.
Один из них был князь Корас,
Другого же Кратиллом звали.
Против троян они пригнали
Всё войско, коней и запас.

Сетул, побочный сын Вулканов,
С Пренестским воинством своим
Поднялся также на троянов
И на Енея, чтобы с ним
Разделаться как должно брату
Хорошей таскою, в заплату
За старика его отца,
Который презря честь и веру
Любовью обольстил Венеру
Пусть с рогами кузнеца.

Мезап, рожденный в свет Нептуном,
К союзникам туда ж приспел.
Ни Зевс вооружась перуном
Не может быть столь много смел.
От скуки, для единой шутки,
Дирался он по трои сутки
Не отдыхая ни часа.
В бою был молодец премилой;
Не вырвешь никакою силой,
Кому вцеплялся в волоса.

Галез, сынок Агамемнонов,
Туда же к прочим прискакал;
Фригийских в Трое он трезвонов
Десятка с два-три прохлебал. —
Уфенс, молодчик, нурсианин
Чернехонек как персианин,
О коем нечего сказать.
Хулить людей я не умею,
А даром похвалить не смею,
Чтоб как-нибудь да не солгать.

За всеми следом после прочих
Союзников пришедших всех,

С Енеем в бой вступить охочих
И в драке ищущих утех,
Явился как пригожий гоголь,
Или отменный черный соболь,
Сынок Тезеев Ипполит:
На волоте вся сбруя ратна,
При боке сабелька булатна,
И на руке серебрян щит.

Виргилий сплел чудесну сказку
О бойком Ипполите сем;
Скажу и я его прибаску
На русском языке своем.
Сей рыцарь ездя за лисицей,
В лесочке встретился с девицей
Из нимф богини полевой;
И с молодецка легкоумья
Без всяка дального раздумья
Хватил ее своей женой.

Отец тогда сего детины
Взбесясь женился на другой,
Которая его седины
Седее делала собой;
Держала на вожжах моржовых,
И в нарукавниках ежовых,
Играя крепко на носу.
Тезей был принужден смириться
И пред женою проступиться
Не смел ни на одном часу.

Тезеем Федра овладея
Так точно, как желалось ей,
И мужа вовсе не робя
Весь двор по дудочке своей
Плясать неволей заставляла.
Но вдруг на пасынка припала
У ней на сердце сильна страсть.
Сперва она к нему ласкалась,
И всею силой домогалась
Поймать его к себе во власть.

Но Ипполит, любя другую,
О мачихе не дул и в ус
И бабу видя в ней лихую
Пред ней ни мало не был трус.
К себе презренье видя Федра,
Из бабьего презлобна недра
Всю ненависть приподняла;
И воскипевши всей утробой
К нему непримиримой злобой,
Из света выгнать в ум взяла.

С растрепанными волосами
Пришедши к мужу своему,
В рыданье, вздохах, со слезами
Нажаловалася ему:
«Твой мерзкий пакостник сыночек,
«Отцовский королев кусочек
«Хотел насильно полизать,
«И чуть нахрапом не собедал,
«Так что никто б и не проведал.
«Пора тебе его унять».

Тезей кувыркою вскочивши
Как рак в сердцах весь покраснел,
И в злобе пасть свою раскрывши
Хотел вскричать, но лишь хрипел;
Потом ватопавши ногами,
В спотычку скорыми шагами
Горя весь мезтью побежал
Ко своему блудливу сыну,
И сбивши об него дубину
В три шеи со двора прогнал.

Со взбитою как пух спиною
Шел подгорюнясь Ипполит
Стирая слезы с глаз рукою. —
Ни разу от роду сердит
Его так не бывал родитель;
Но на сына вдруг стал гонитель
По наговорам злой жены.
Пословица не мимо мчится,

Что если женщина озлится
То будет хуже сатаны.

С побой, печали, грусти, горя,
И телом и душой болел,
По бережечку синя моря
Взвала котомочку пошел,
Куда его глаза глядели.
Вдруг волны с шумом закипели,
В крупчатке как под колесом
Вода из жолоба стекая:
Настала буря вдруг большая,
Хотя и не был слышен гром.

Нептун, трезубец взявши в руки
И запрягши морских зверей,
Всходился под вечер от скуки
Со всею пышностью своей
Верхом по морю разгуляться. —
Не знал от страха где деваться
Изгнанный мачихою сын;
Где от грозы ему укрыться,
И чем в беде оборониться;
А был на берегу один.

Неподалеку тут паслися
Воловьи с конскими стада.
Царевич мя от зла спастися
Пустился на рысях туда;
И подцепя одну кобылку,
Не мешкавши вскочил с затылку,
Вцепился в гриву, поскакал. —
Но не ускачешь от ненастья,
И не уйдешь от зла несчастья,
Когда нам рок то предписал.

Отроковица конска роду
Родясь не видя молодца
Была бы рада хоть и в воду,
Как будто бы от жеребца;
Поднявши ноги поскакала,

Лягала, прыгала, брыкала,
И сшибла всадника долой.
А Ипполит сего не ждавши
И вдруг с нее на низ упавши
Попал о камень головой.

Расплющен лоб, разбиты зубы,
Растреснут череп до висков,
Расщеплены клочками губы,
Разметан мозг меж волосов,
Разинут рот и полон кровью,
Глаза запрятались под бровью,
И запеклися все уста.
От кобылицына трепанья
Ни гласу в нем, ни послушанья,
Ни духа и ни живота.

Все думали, что он уж мертвой,
И приказал всем долго жить
Безгодной смерти ставши жертвой.
Но нечего о нем тужить.
Диана, зная сего детину,
Олимпскому врачебну чину
Дала по строгости приказ,
Чтоб всё свое они уменье
Употребили на леченье
Поставя на ноги тотчас.

С седою длинной бородою
Явился старый Ескулап,
Привезши возом за собою
Лекарств различных целый шкаф.
Тотчас избито тело нежно
Обмывши сам водой прилежно,
Намазал снадобьем своим;
И дав слабительное с потным
Смешав со взваром крепким рвотным
Велел, чтоб он так был храним.

Небесный врач с больным возясь
Вдругорядь вновь заставил жить,

И угодить Диане тщася
Его старался воскресить.
Богиня за его заботу
Пожаловала за работу
Довольно щедрою рукой.
Зевес же за сии ватеи
Врача с олимпских мест в три шеи
Повытолкал с небес долой.

А Ипполит сей пооправясь
Слоняться по свету побрел
Местечко жить найти стараясь,
К Егерии служить пришел;
И жив у ней не мало время
Пустил от Нимфы сей в свет племя,
В подарок давши ей сынка,
Который в батюшку удался;
Везде за ним всегда шатался,
И был как правая рука.

Но Ипполитом занимаясь
Далеко больно я забрел.
И от Енея удаляясь
Неведь куда с враньем уплел.
И так назад поворочуся,
С читателями примирюся
Докончив им мои стихи
Четвертой сей Енейды части.
Кто в свете убежит напасти?
Кого не путают грехи?

К несчастью нашего Енея
Сбиралися со всех сторон
Против троянцев злость имея
В пространный турновский загон
Различны всякие народы,
Красивы рожей, и уроды,
На колесницах, и пешком;
Причосанны, простоволосы,
Лет старых, и молокососы,
И в сапогах, и босиком.

Но кто возможет именами
Те все народы перечесть?
Читатели пускай же сами,
Когда хотят им сделать честь,
Посправятся об них нарочно,
Узнать чтобы всю правду точно;
А мне теперь не до того.
К тому ж когда я сим займуся,
Опять в сторонщину завруся
От сочиненья моего.

Конец четвертой части

АЛЕКСАНДР КОТЕЛЬНИЦКИЙ

Об Александре Котельницком мы знаем очень мало. В «Русской Поэзии» С. А. Венгерова о нем сказано просто: «Биографических сведений о нем не сохранилось никаких». Кроме окончания «Енейды» ему принадлежит написанная совместно с Люценко ниже печатаемая поэма «Похищение Прозерпины» (1791). Из предисловия к «Похищению Прозерпины» мы видим, что он был сверстником Люценки, т. е. родился в 70-х годах XVIII в. Вероятно, он был также, как и Люценко, студентом Московского университета.¹ По крайней мере стихи его, среди которых много переводов из Горация, заставляют предполагать об университетской подготовке. После появления «Похищения Прозерпины» он начинает печататься в том же московском журнале, в котором участвовал Люценко, в «Приятном и полезном препровождении времени». За два года — 1796 и 1797 гг. — им здесь напечатано свыше 25 стихотворений. При этом стихи 1797 г. уже присылаются им из Петербурга. В Петербурге его отвлекает от литературы, вероятно, служебная деятельность. Впрочем, отдельные его произведения продолжают появляться в печати. Такова «Похвальная песнь Павлу I» 1801, «Стихи графу Н. П. Шереметеву» 1803, «Весна (Горациева ода)» («Любитель словесности» 1806, ч. II). В 1803 г. 22 декабря он назначается, в чине коллежского ассессора, секретарем в «Комитет для поверхностного обозрения дел по всеподданнейшим жалобам на решения департамента Правительствующего сената» по ходатайству кн. Лопухина.² Перед этим, в 1802 г., он выпустил продолжение осиповской «Энеиды» («Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку Александром Котельницким»). Последняя часть «Энеиды» (песни X—XII) вышла в 1808 г. Продолжение это, как пишет сам Котельницкий, он делал по договору с издателем, что, по литературным нравам начала XIX в., свидетельствует о коммерческом характере предприятия:

Идем мы по Скарронску тракту
Не добровольно, — по контракту;
Соблюсть его велит закон.

¹ В эти годы обучался в Московском университете Василий Михайлович Котельницкий (1769—1844; поступил в университет в 1789 г.), впоследствии профессор. Возможно, что Александр — его родственник, может быть брат. Это дает некоторые данные о его происхождении. В. М. Котельницкий был сын корректора московской синодальной типографии, умершего в 1798 г.

² Здесь он был сослуживцем молодого А. А. Жандра, в том же году поступившего в этот «комитет». Может быть своим устройством сюда Котельницкий обязан знакомству с отцом Жандра, знакомым Осипова.

О дальнейшей служебной и литературной деятельности Котельницкого ничего неизвестно.

Очевидно, Котельницкий принадлежал к тому же типу «чиновников из класса ученых», что и Люценко, но отличался меньшей плодовитостью (если не считать 7000 стихов окончания «Энеиды».) Вероятно в Петербурге он был в каких-то литературных отношениях с Осиповым (что и подало ему мысль окончить его труд), а через Осипова — со Львовыми, в архиве которых сохранились его рукописи. Приверженность его к жанру поэм «на изнанку» не мешала его классическим симпатиям к поэзии Горация, о чем свидетельствуют не только его многочисленные переводы од римского поэта, но и дошедшая до нас составленная им рукописная таблица стихотворных размеров Горация.

Список стихов об отце

Во Российскомъ языкѣ считается 5 стиховъ

- 1- Александръ, составилъ изъ двухъ стиховъ и имѣетъ удареніе на послѣднемъ: - Александръ
- 2- Лорей составилъ такоже изъ двухъ стиховъ и имѣетъ удареніе на первомъ. - Лорей
- 3- Миррихій - составилъ изъ двухъ короткихъ стиховъ
- 4- Дактиль составилъ изъ трехъ стиховъ удареніе на первомъ: - Дактиль
- 5- Аканесъ рѣшилъ употреблять пять стиховъ и имѣетъ удареніе на послѣднемъ стихѣ: - Аканесъ

~~Изъ~~ Ритмики употребляются и (пять) стиховъ и имѣетъ удареніе на послѣднемъ стихѣ и оба имѣютъ удареніе на первомъ стихѣ.

Александр Котельницкий

Автограф из собрания ИРЛИ (о русском стихосложении).

ОКОНЧАНИЕ ВИРГИЛЕЕВОЙ ЕНЕИДЫ, ВЫВОРОЧЕННОЙ НА ИЗНАНКУ, АЛЕКСАНДРА КОТЕЛЬНИЦКОГО

*Его Высокородию
Милостивейшему Государю
Ивану Степановичу
Шесковскому
Усерднейшее приношение
от сочинителя.*

Милостивый Государь!

Доселе петье Енеевы похождения удостоивались благосклонного внимания вашего Высокородия, и под покровительством вашим шутивая Муза повествовала в Скарроновом вкусе подвиги Троянского Героя. Я, приводя к окончанию Энеиду, предполагаю, что продолжение мое не столько будет успешно, сколько славилась первые песни сей поэмы, однако ж льстя себя надеждою, что ваше Высокородие хотя из единого любопытства токмо, дабы в таковом же тоне видеть и окончание деяний Энеевых, не отвергнете благосклонного воззрения вашего на труды мои, и с сочинением купно и сочинителя удостоите вашего покровительства, осмелился оные посвятить имени вашему, имея честь быть

*Вашего Высокородия
Милостивейшего Государя
вспокорнейший слуга
Александр Котельницкий.*

Бурлацки подвиги несчастного Энея
Латинской лирою Марон воспеть затея,
Едва к Италии довесть его успел,
Вдруг в Елисейские поля сам отлетел,
И пение свое нелепостью считая
Молил усердно он друзей всех, умирая,
Чтоб ввергнули они Энея в печь при нем,
С Дидоной и герой жизнь кончил бы огнем;
Юноны в деле сем вмешалось ухищренье,
Но и Венерино знать было попеченье,

Чтобы сынок ее в потомстве возгремел —
И так сей удалец доныне уцелел.

Столетия протекли — и все его знать стали,
В нем праотца римлян прехрабрых признавали;
Но в наш забавный век мы видим наконец
В другом наряде вдруг явился молодец:
Везде и всяк вертит Энея на изнанку,
У всех он пьет вино, ест сельди и селянку;
Во всех он нациях тузит в скулы и в нос,
На тот же лад и сам сносивши перечос;
Не вдавне и русак, настроив ту ж погудку,
Воспел троянского угара не на шутку;
Эней-Анхизыча гудком он восхвалял
И русский наш гудок не хуже прочих был:
Но, о! злосчастен сколь троянец сей всегда,
Бессмертию его встречается беда!
Виргилий наш предав Энея Турну в руки,
Где многие еще пренести он должен муки,
Скончал свой славный век в угодность злой судьбе,
Оставил лавры лишь нетленны по себе.

Узревши бедняка преданного страданью,
Принялся я дела привести все к окончанью,
И горемыку чтоб изъять из вражых рук,
Пустился дале петь, когда мне был досуг,
Двенадцатую песнь отъяривши скорее,
Тем дело довершить решился я живее,
Чтоб мог похвастаться, что сказочка с концом,
И выказать себя хоть с липовым венцом,

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПЕСНЬ ОСЬМАЯ

С о д е р ж а н и е. Между тем как готовятся были различные военные хитрости Энея, является ему во сне божество Тибра и советует для побеждения врагов своих соединиться с Евандром. Евандр принимает Энея благосклонно, угощает его и делает ему вспомоществование.

Да будет всем чтецам известно,
Что я писачка весельчак,
Свищу на дудочке чудесной,
Лишь громогласить не мастак;
И без меня брюзжат все оды,
Выводят важно эпизоды,
Провал пускай возьмет всех их:
Довольно лир уж есть звончатых,
Довольно эпиков пузатых,
А право смаку мало в них.

Горацийев и Цицеронов
Две тысячи начту я вам:
Скажите ж, много ли Скарронов
Вы можете представить нам? —
И так трещат от горя кости,
Плоды грызут повсюду злости,
Отрады сердцу негде взять:
Пошла ж угрюмость к чорту дале,
Какая радость быть в печале,
Я задудить хочу опять. —

Читатель важных приключений
Конечно должен ожидать,
Приметив рати всей стеченьи,
Энею чтоб трезвон задать,
Чтоб удальцов сих побродяжных,
Троянских муромцев отважных
Всех оплеухой накормить,
А зубоскалу чтоб Энею
Во всю дать тулумбаса шею,
И словом всех, как мух побить. —

Огромный Турна набалдашник
Повыше всех голов торчал,
Силач он был и зубоквашник,
Нигде себя не посрамляя;
В руке своей держал дубину,
Гусарскую имея мину,
Усами только шевелил;
На шишаке сидели цапли,
А вместо шпаги или сабли
К бокам химеру прицепил.
А что за чорт такой химера,
Вам хочется, я чаю, знать;
Какой в ней рост, какая мера, —
Я вот что должен вам сказать:
Глаза у ней торчат с лукошко,
Глава с пространное окошко,
Собой кругла, как барабан;
Длины в ней будет три сажени,
Как сковрады у ней пядени,
А пасть, как бабий сарафан.
Как Этна разъяренна гневом
Пускает лаву из себя,
Подобно и Химера зевом
Врагов карая и губя,
Простается огнем пресмрадным
И дымом окуряя чадным,
Творит велики чудеса, —
И чем сильнее зрит сраженье,
Тем пущее она куренье
Пускает в вражьи очеса. —

Еще и сих гостинцев мало
Казалось Турну для гостей,
У копий опустил он жало,
Для безопасности ж своей,
Он лучшего из всех покрою
Велел с отменною резьбою
Принести себе железный щит,
С златыми Ио где рогами
И вся с коровьими власами
Теленка представляла вид,

Там Аргос все сто глаз вперяя
На телку, взяв ее за рог,
И хвост сей нимфы закрывая,
Сокровища ее берег,
Чтобы Зевес детина меткой
Не учинил и с сею девкой,
Что он с Европой учинил.
Инах же там развесе нюни,
И распустив с слезами слюни,
Ушат их целый нацедил.

Когда совсем уж Турн убрался,
То гордую осанку взял,
Кобенился он и кривлялся,
Кулак сжимал и разжимал;
Ну слышь ты был таким угаром,
Как будто бы одним ударом
Готов был всех троянцев смять:
Потом прикрякнул, вострепнулся,
По-молодецки размахнулся
И начал соловьем свистать.

Как саранча вдруг поскакали
Все к Турну рыцари тогда:
«Кто смеет нас? — мы здесь — кричали,
«Какая нам грозит беда!
«Вот мы дадим — давай скорее,
«С тобой мы будем, Турн, смелее,
«Кишки все выдавим врагам;
«Чтоб побродяги нам смеялись,
«Чтоб мы девчат чрез них лишались,
«Сейчас проводим их к чертям».

Как с цепи все тогда сорвались,
Со всех посыпалися стран,
Как козаки пришнуровались,
Несметна сила бусурман:
Пузанцы, хватанцы, пущанцы,
Сикильцы и чертовитянцы,
И сивальданцев был отряд,
Фабришных целы легионы,

Бурлаков, пьяниц миллионы, —
Их тотчас Турн поставил в ряд.

Когда же кабаки пустыми
Остались все на тот случай,
То с молодцами удалыми
И бабы приподнявши гай,
Ухваты, кочерги схватили,
И так себя вооружили,
Что заменять могли солдат.
Камилла баба всех дородней
Была меж ими благородней,
Сказать яснее, тетка хват.

Она сестриц своих собравши,
За стойку первая вошла.
И поимянно всех назвавши,
Таковую речь к ним начала:
«Голубки! что нам делать стало,
«Вина теперь в расходе мало
«И асичков здесь наших нет;
«Настало времечко военно,
«Пойдем и мы к ним непременно,
«Без них постыл нам будет свет.

«Кто будет брать у нас печонки,
«Чтобы сивуху закусить;
«Уж третий день мои кишчонки
«Нейдет совсем никто купить:
«Нечаянно мы к ним нагрянем,
«Мы право чем-нибудь достанем
«Себе копеечку при них.
«Мы шашечки все не разини,
«Достанем денег по полтине,
«И завтра ж придем в лагерь их».

«Мы все согласны!» — в знак желанья
Схватили в скорости шлыки;
«Готовы мы на все гулянья», —
Потом надели колпаки.
Камилла их была учитель,

Всей бабьей силы предводитель,
Она фельдфебельшей слыла;
Молошниц, булошниц, торговок,
И много множество плутовок
Она с собою набрала.

Уж Турн в восторге веселился,
Шаранжируя сорванцов,
Как вдруг свод неба помрачился,
От бабьих рыцарских голов:
Камилла скинув свой повойник,
Как самый ухарский раббойник,
С поклоном к Турну подошла,
О деле с ним похлопотала,
Свое бурлачество показала,
И свой отряд к ним подвела.

Камиллу часто вспоминая,
Соделал бы я велий грех,
Когда бы рыцарша такая
Преудалейшая из всех
Осталась не воспета мною,
И не сказал, какой судьбою
Она на свет сей рождена.
Отцом у ней бывал фурманщик,
Писец, бурлак и барабанщик,
Сродни и сам ей сатана.

Когда творителей бывало
Столь много у девчонки сей,
Так уж чего не доставало,
В душе и голове у ней;
Один вселил в нее геройство,
Другой податливое свойство,
Искусство третий сатанить.
А кто у ней мужьями были,
Исчислить их не станет силы,
Мы будем дале говорить.

Не так как девки молодые
Сидят за пряслицей вимой,

Или собаки как борзые
Они гоняются порой,
Всечасно водят хороводы,
Камилла не такой породы,
Чтобы с подругами гулять:
Она нередко взяв дубину,
И разгоняя злу кручину,
Старалась землю облегчать.

Иль кто с кружечками златыми,
От ней задумает бежать,
Между горами ль то крутыми,
Ее тут дело копать дать.
По жатвам ли когда бежала,
То все колосья оставляла
Не смятыми в своих следах;
Иль по водам когда шагала,
То столь искусно выступала,
Что не мочилась в волнах.

Дивились все ее фигуре,
Она свивалася клубком,
Играть умела на бандуре,
Гораздило ее во всем:
Известны были ей все фигли,
И разумела разны мигли,
Ни в чем ее не проведешь.
Нередко пела по-петушьи,
Прыжки давала по-лягушьи,
Чего изволишь, в ней найдешь.

Всем сверстницам своим фефёлам
Она в диковинку была,
И ни одна из них к узорам
Таким навькнуть не могла.
Они лишь ахали, чудились
И от задора все бесились,
С досады грызали ногти.
Бывало, праздник как настанет,
Камиллушка рысцей пригрянет,
В момент изрыщит кабаки.

Теперь немного об наряде
Камиллином поговорим,
В каком предстала на параде,
Где Турн был с воинством своим:
На ней шугай был затрапезный,
Повойник колером железный,
Камчатна юбка вся в дырах;
На шее лоскуток бумажной,
Чулки цены не маловажной,
И черевички на ногах.

На лычке с пробкой прицепленна
Висела фляга средь плечей,
Ухват и кочерга скривленна
С большой заслонкой от печей;
Половники, ножи и вилки,
С собой взяла и те носилки,
Для торгу где товар лежал;
В полах везде торчали скалки
И даже самые мочалки,
Каток туда ж принадлежал.

Когда уж сволочи довольно
Как муравьев стеклоь в навоз,
То Турн в намереньи упорной
Себя три раза щелкнул в нос,
И кто из всех поудалее,
Он дал по доброй тем фузее,
И марш к походу прокричал.
Как черви все загомозились,
Все двинулись и потащились,
Весь полк у стен Лорентских стал.

Турн первый с силой сговорившись,
На замок векшею залетел;
На все сторонки помолившись,
Как сыч на воинство глядел,
А после полы вверх поднявши
И от бессонницы зевавши,
«Ура! ребята», закричал:
На жордочке платок повесил,

Вертелся там он, куралёсил,
И подал тем к войне сигнал.

В тот час волынки зашипели,
Свистюлек разносился глас,
Все конные на клячи сели;
У Турна ж славный был саврас;
Он по брюху себя погладил,
Копьем булатным в щит ударил,
Стегнул савраску по бокам:
Вдруг Лация затормошилась,
И молодежь приободрилась,
К градским направля рыск вратам.

И на дудню сию звончату
Еще нагрянуло ребят,
Фатью Ирисы полосату
Их пестрый представлял наряд.
Ухватов вел свою станицу,
Весь облеченный в багряницу,
С другою шел Сломиголов,
Булдыгин, скутавшийся фуфайкой,
Командовал особой шайкой,
С полей набравши батраков.

В Венуле также кровь кипела,
С задора как огарок был,
И будто кошка угорела,
Он лбом стены чуть не пробил:
Оскаля зубы черноваты
И губы опустив усаты,
Он скоморохом поскакал;
Не редко гнувшись в присядку,
И кое-как уж на угадку,
В двор к Диомиду он попал.

А Диомид был пан богатый,
Собою парень не дурак,
Во всем детина тароватый,
В боях кулашных не промах,
И по тому со удальцами

Троянцев пробовал ломами
И с прочими трудился сам.
Венул не много отдохнувши
И все пышки с себя отдувши,
Шерохнулся к его ногам.

Расширившись во все чертоги,
Он громким гласом прокричал:
«Я лбом пробью твои пороги,
«Проя, чтоб силы нам подал:
«Троянцы, рек он, всем комплотом,
«И сам Эней их с целым флотом
«Пристал к Латийским берегам,
«Со всеми привалил богами,
«Мечтает, будто бы судьбами
«Ему назначено жить там.

«Он мнит, что многие народы
«Узрев Дардана отрасль в нем,
«К нему сольются будто воды
«И он прославится царем;
«Рассеять в Лации мнит семя,
«Чтоб разрослось троянцев племя, —
«Смекни же, Диомед, ты сам,
«Вот, что причиной их приезда,
«Коль не обманет их надежда,
«Беда — подай ты помощь нам!»

Меж тем Эней о всем пронюхал,
Трухнул наш выходец-герой,
Задумался, всплеснул, заухал,
Затылок расчесал весь свой,
Вертел умом своим богатым,
С рассудком тонким, тароватым
Он разны выдумки творил,
И так и сяк хотел решиться,
Но всё неладно, не годится —
От мысли к мысли он бродил.

Как крыса, в западню попавшись,
О выходе своем хитрит,

Иль воробей, в горах забравшись;
В сетях когда себя узрит,
Во все отверстия ныряет;
Но щетно лишь себя ломает
И о свободе мнит своей.
Хоть в горе мы умней бываем,
Но часто в нем и умираем —
Без толку так хитрил Эней.

Уж ночь всех мраком придавила,
В природе захрапело всё,
Энеева глава уныла
Взяла спокойствие свое;
Чтоб прохладить свой мозг вспстевший,
Он растянулся, весь раздевши
На берегу большой реки;
На сон грядя, стаканчик цопнул,
Глазами раз десяток хлопнул,
И вдруг закрыл свои зрачки.

Ему пригрезилось виденье,
Он Тибра божество узрел,
Сей бог тогда изображенье
Седого старика имел;
Царапался из-за деревьев,
На нем сбор разных был отрешев,
Имеющих лазурный цвет.
Обвивши камышом всю шею,
Он в утешение Энею
Такой учтивый дал совет.

«О! ты любезно сочиненье,
«Достойное дитя богов!
«Твое должно быть попеченье,
«Чтоб Трою падшу от врагов
«Возобновить в стране сей славной;
«Здесь будешь ты самодержавной
«Себя главою называть:
«Как столп на веки утвердишься,
«Как банный лист здесь приклеишься,
«И храмы станешь созидать.

«Крепись, мужайся, ободрись,
«Не трись чужих ты кулаков;
«Будь сам не промах, — развернись,
«Уж гнев прошел теперь богов;
«Коль так, — плевков всё пред тобою.
«Смотри же только не мечтою,
«Прими за правду речь мою:
«Знай, между частыми дубами,
«Над сими что растут берегами,
«Найдешь ты белую свинью.

«При ней увидишь три десятка
«Такого ж цвета поросят,
«Пред коими разлегшись матка
«Млеком их будет напоять;
«В сем месте ты воздвигнешь зданье,
«Поверь, что сбудется вещанье,
«Здесь найдешь всем трудам венец:
«Сей град чрез тридцать лет Асканий
«Еще украсит бездной зданий, —
«Даст имя Альбы наконец.

«Пустого, верь мне, не сболтаю,
«Ты уши разоткнув внемли;
«Тебе я способы внушаю,
«Как победить на сей земли:
«Здесь есть народы побродяжны,
«У коих царь Эвандр отважный,
«Аркадянами их зовут,
«Их род от дедушки Палласа,
«У них здесь город есть Палдаса,
«Они брань с Лацией ведут.

«Поди ты с ними съединися,
«Плотнее побратайся там;
«Вдоль берегов моих пустися,
«Я провожу тебя к ним сам;
«Проснись же, чадушко Венеры,
«Имей ко мне побольше веры.
«Лишь только свечки в небесах
«Начнут Авророю гаситься,

«Твой долг Юноне помолиться,
«Чтоб помогла в твоих делах.

«Когда ж сойдет благополучно,
«Не сломят голову твою,
«Тогда ты должен хоть заочно
«Почтить высоту и мою.
«Эней того еще не знает,
«Что Тибр к нему теперь вещает,
«Река любимая богам,
«Что всюду воды расширяя,
«Как госпожа живет большая,
«И злато сеет по полям.

«Вот здесь стоят мои чертоги,
«Источник в славных городах»,
Сказав сие, одни лишь ноги
Юркнув оставил Тибр в кругах.
Эней лишь только что проснулся,
Раз пять зевнул и встрепенулся,
Воды из Тибра в горсть схватил,
Пред Фебом, что между лесочком
Выглядывал одним глазочком,
Он обратившись говорил:

«О вы, красоточки Наяды,
«О матушки всех в свете рек
«И ты, о Тибр! — вы, вы отрады
«Энею, что сюда притек,
«Прижмите вы его к объятьям,
«Не выдайте его несчастьям!
«Ты Итальянская река!
«Всегда тебя я помнить буду,
«Поверь, голубка, не забуду,
«Теки, полна ты, широка».

Пустив слова сии из глотки,
К флотилии побежал Эней;
Он взял себе четыре лодки,
И ухарских набрав людей,
Хотел вдоль берегов пуститься;

Но должен был остановиться, —
На дерне близь своих очес
Лежащу видит под древами
Он белую свинью с детьми, —
Юноне в жертву их принес.

Меж тем, покуда ночь дремала,
Тибр сгладил все рябины вод;
Его рука их буйность сжала,
Чтоб злость всех стиснуть непогод,
Волна к волне тогда прижалась,
И ни одна не колыхалась,
Эней по маслу будто плыл,
Он гоголем сидел на лодки,
Просил ежеминутно водки,
Сам суслил и других поил.

Леса и Тибр сам удивлялись
Сиянью ружей и щитов;
Меж лодками две отличались
Рисовкою своих носов.
Представлен кот там был с мышами,
В воде картины верх ногами
Прекрасный представляли вид:
Гребцы предлинными веслами
Махали будто бы крылами,
Летели — как стрела летит.

Уж Феб с своими рысаками
На половине был небес,
Как вдруг за синими горами
Уткнулись башни меж очес
Энею горесть всю пропившу
И всю кручинушку забывшу.
Тут в весла принялись живей,
Они в Эвандров град качают,
Землянки разны в нем встречают,
И много разных шалашей.

Когда троянские ребята
Махали на лету к брегам,

Эвандром в те часы начата
Была пирушка в честь богам,
Меж ними хвату Геркулесу,
Сего отважного повесу
Он также божески почтил:
Расклалися в лесу близь града,
Где всяк от старого до млада
И с ними сын Эвандров был.

Жрецы с большими епанчами ·
Божков кадили на заказ;
Там полицейские с крючками
И весь судебный был приказ.
Животным всем бока пороли
И всяку всячину мололи,
Кричали, пели всякий вздор,
Потом уселись за столами,
Возню подняли над чанами,
Пошел бычицам перебор.

Меж тем Эней как раз подкрался
К раздолью радостных друзей,
Из-за деревьев показался
Он вдруг им с сволочью своей.
Пословица у нас ведется,
Когда незванный гость приткнется,
Татарина несносней он:
Узрев гостей все поскакали,
Из рук хлебальцы пороняли,
От стульев лишь пошел трезвон.

Паллант из них был всех смелее,
Велел им бал сей продолжать,
А сам схватя рычаг скорее,
Пустился пришлецов встречать,
Однако ж не казавши носу,
Чтоб не задали перечосу,
Кричал вдали во всю гортань:
«Куда вас чорт несет, скажите,
«Что вы за люди, говорите,
«Мир к нам несете, или брань?»

Эней тут масличным листочком
Всей пятернёй своей потрѣс,
Юлил и сатанил клубочком,
Приветствий выклат целъй воз,
Под стать, с размером, с расстановкой
И с мастерской своей уловкой
Он тонким бесом вдруг предстал,
Желал Палланту благ, здоровья,
Медвежьей силы и слоновья
Ему три века пожелал.

Потом схватив детину дланью,
К грудям прекрепко прислонил,
И всею ухарской гортанью
Таки слова проговорил:
«Ты видишь здесь перед собою
«Троянцев, сильною рукою
«Латинян ищут что побить;
«За тем к Эвандру мы приплыли,
«Чтоб к нам своей прибавил силы
«Врагов нам общих истребить!»

Паллант знал Трои разворенье
И об Энее, кто таков;
К троянцам он питал почтенье
От самых юных ноготков;
Он тож с Аркадской приноровкой
Прижим ему соделав ловкой,
Раз пять вzasос поцеловал:
«Пойдем к мому отцу родному»,
Вещал он гостю дорогомому,
И дружески за ручку взял.

Эвандр тогда филейны части
На блюдечко себе крошил,
Об отвращении напасти
Богов могущих он просил;
Други глодали мосолыги,
Ины задравши кверху дрыги,
Честили правдничек тем свой.
Вдруг в шайку их Эней приходит,

Паллант к отцу его подводит —
Тут комплимент пошел другой.

«К тебе, Эвандр миролюбивый,
«С моим поклоном я прибрёл,
«Ты тот есь царь пресправедливый,
«Что всех в добротах превзошел;
«Везде гудят, колико славен,
«Колико царь Эвандр забавен,
«При том же и в свойстве ты мне:
«Ведь ты отродия Дарданска,
«А наша партия Троянска,
«Ему доводится в родне.

«Мы жизнь пускаем на отвагу,
«Хлебаем горести одни,
«Морскую воду пьем как брагу,
«И так проводим целы дни.
«В морях ныряли мы как чурки,
«Бросались в разны закоулки,
«Отплачиваясь животом, —
«Уж где, уж где мы не бывали,
«И самый Тартар посещали, —
«Прибились к Лации потом.

«И здесь не к радости пристали,
«Хоть правда маслен был приём,
«Иные скоса взор кидали,
«Что привалил такой содом.
«Всех пуще Турн там забияка,
«От зависти хотел, как рака,
«Меня он на мель посадить;
«Но знать еще судьбам угодно,
«Чтоб племя наше колобродно
«Не с корнем вдруг всё истребить.

«Когда в усталости разлегши
«На Тибрских я берегах, храпнул,
«Бог сей реки ко мне подсевши,
«Тогда мне на ушко шепнул,
«Чтоб не записываясь в трусы,

«Стегнули мы в твои улусы,
«И вместе б силой двух полков
«Задали славного трезвону,
«Иль по геройскому закону
«Врагов душили как клопов!

«Турн хочет всех нас обморкавши
«Платочком в кулачищи сжать;
«Под ноготок плотней прижавши,
«В осенню грязь всех перемять.
«Такая видима опасность,
«Всю нашу помрачила б знатность,
«Коль мер против того не взять;
«Или пред ним ломать нам шляпу,
«Сожжем его мы сами в лапу,
«Чего ему нам уступать!»

Пока Эней так объяснялся,
Эвандр всё на него смотрел;
Откашлянувшись приподнялся,
«Сын Трои! — он к нему запел, —
«Когда я на тебя взираю,
«Черты Анхиза примечаю,
«Такую ж круглость сильна лба,
«Такой же нос в тебе орлиный,
«Такой же голос соловьиный,
«Портрет родившего тебя.

«Однажды был он здесь с Приамом,
«Малюткой бегал я когда,
«Пленял своим геройским взглядом,
«По пуп висела борода.
«К нему на шею я бросался,
«Кобенился и ковылялся,
«Анхиз усами лишь водил.
«Прощаясь он златой колчанчик,
«Конек, свинчатку, барабанчик,
«И две узды мне подарил.

«И ныне ими управляет
«Паллантушка своих коней.

«И так родство нас соединяет
«Ближайшая из всех связей».
Эвандр с Энеем не на шутку
Пустились в длинную погудку,
Свое доказывать родство;
Когда и кто, каким случаем
Нарочно, или незначаем,
В их прадедах свел сватовство.

Потом Эвандр рука с рукою
Сложив, как всякий делал грек,
И наложа поверх полою,
«Да будет так! — ему изрек. —
«Как скоро ночи сей дреманье
«Прочь отженет зари сиянье,
«И озарит свет шар земной,
«Я наберу гусар с усами,
«Набью все фуры сухарями,
«С тобою отпущу на бой.

«Между же тем дружок любезной,
«Пока здесь празднество идет,
«Что тратить время бесполезно,
«У нас попойный пир пойдет.
«Познай какой мы борщ хлебаем,
«И как исправно куликаем,
«Засевши плотно за столом;
«Едим мы куличи, ватрушки,
«И с самой лучшей бражкой кружки,
«Огнем летучим мчим кругом».

Тут снова стук пошел столами,
И началась тьма затей,
С салфетками и скатертями,
Тарелок, ложек, чаш, ножей
Несли корзины пребольшие,
Окрошки, супы, щи, жаркие,
И целый воз был пирогов,
Священный хлеб ножом кроили,
Волов десятками душили,
Обед в минуту был готов.

Катились бочки стоведерны,
От пробок звон гудел в ушах,
Сивуха, ерофей задорный,
Пива пушились в яндовах,
И пена билась вверх клубами;
Троянцы хлопали зубами,
Давно их голод пронимал.
Эней в передний угол забился,
Эвандр же подле развалился,
Все ели, пили наповал.

Когда ж вплотную начинили
Свои утробы молодцы
И лбы винищем накатили,
Пустились тут удалцы
Точить несбыточные лясы.
Троянцы, делая прикрасы,
На каждый фунт пять пуд придав
Пустых, невероятных лясов,
Колико ели ананасов,
Моря сушили их хлебав.

И сам Эвандр от лет согбенный
Клюнув, как розанчик расцвел,
Целебной влагой оживленный
С Энеем разговор завел:
«Скажу всю правду без примесу,
«Мы всякий год в честь Геркулесу
«Приносим жертвы в эти дни.
«Он некогда прескверна Кака
«Дубиной сплюснул, будто рака,
«И спас от зла сии страны.

«Возри на ту високу гору,
«Где камни все торчат в кусках,
«Твоему представится там взору
«Пустой домище весь в дырах;
«Вот это был вертеп ужасной,
«Поверь, не вру, там жил всечасно
«Уродина из всех чудней:
«По пуп он значил человека,

«А задня часть его нелепа
«Являла вид седых чертей.

«Разбойник сей, урвач скрывался
«Во пропастях, как мышь в норе,
«И только по ночам являлся
«Иль днем к удобнейшей поре:
«Как лев он тамо притуляясь
«И на добычи устремляясь,
«Кидался, в тюрю всё крошил.
«Как пыль над брагой нынъ густилась,
«Как кровь в клыках его дымилась,
«Без жалости он всех мозжил.

«Одно уже его названье
«Довольно срамное было,
«Оно во всех бы посмеянье
«Троянцах здесь произвело.
«Его все называли *какой*,
«А по нахальствию собакой;
«Каких не делал он проказ,
«Главы со всем прибором рвавши,
«Как набалдашники сажавши,
«Втыкал при входе на показ.

«Такой престрашный забияка
«Вулкановой работы был;
«Сей хромоногий бог гуляка
«С Циклопшей, знать, его добыл;
«Известно ж, что к чему привьется,
«Такой и плод тогда дается;
«Мы дале скажем про него:
«Огромное сие чудище
«Как печь с огнем имело ртище,
«Хоть цуком поезжай в него.

«Три мили вместе съединенны
«Его составят точный рост,
«Ножищи толсты, искривленны,
«Косматый сзади длинный хвост; —
«Пред ним ничто все великаны,

«Бовы, Гиганты, Ерусланы,
«Как муха были пред слоном,
«Сняток как пред Левиафаном,
«Иль капля вод пред океаном,
«Или гвоздочек пред ломом.

«Но свет устроен так исправно,
«Что подле зла добро растет;
«Кого где змей кусает явно,
«Тот там траву от ран найдет;
«Везде и всяк противу яду
«Найдет себе лекарств отраду:
«Разбойник ссылки не минет,
«Мошенник хватит кнутофея,
«Иль ускользнет, но без тупея —
«И дока доки не уйдет.

«Иракл известный всем детина,
«Силач имущ сажень в плечах, —
«Претолста в сучьях вся дубина
«В его ничто была руках,
«Перо, иль трость как камышова,
«При том же росту был большова,
«Три пуда в кулаке имел,
«Бревчаты ноги оголенны,
«Все жилы силой напряженны —
«Случайно к тем странам пришел.

«С собой пригнал волов он стадо
«И их на паству распустил,
«Тут *Как* Вулкана злое чадо
«Удобный случай уловил,
«И четырех таких бычищев,
«А с ними столько ж коровищев
«Решился подцепить тайком,
«Каких в мясном ряду донине
«Не купишь фунта по полтине,
«А *Как* их даром мчит в свой дом.

«Однако ж он вернул хитрилом,
«Ведь с богом нечего шутить,

«Схватил животных за задилѠ
«И начал за хвосты тащить,
«Чтобы узрев вперед копыты,
«Не шли искать в норы сокрыты,
«И не познали б удальства.
«Геркул скотину рассчитавши,
«И восемь их в бегах узнавши,
«Погнал не чая воровства.

«Но как в мешке не скрадешь шила,
«Как мясо от кота нигде,
«В зверях такие чутки рыла,
«Что всё пронюхают везде.
«Когда с оставшими волами
«Геркул шел тихими стопами
«Близь *Каковой* пещеры той,
«Быков тюремных вдруг мычанье
«Он внемлет — сим же в отвечанье
«Раздался рев от них и вой.

«*Как* видит дело плоховато,
«Придумать лучше не умел,
«По мордам их тузил богато,
«Кидался всюды сей пострел.
«Тут Геркулес предавшись гневу,
«Приходит ко пещерну зеву,
«Махнул тяжелой булавой,
«Ругнул площадными словами,
«Захлопал в землю чеботами —
«Стал весить кулачище свой.

«Тогда трусливу лихорадку
«Впервые *Как* в себе познал;
«Чтоб не привести себя к упадку,
«Он лучший способ изыскал
«В пещеру адску удалиться,
«Где б в темный угол мог забиться, —
«А вход совсем чтоб преградить,
«Он устье завалил горою,
«Но трудно ль нашему герою
«Такой кусочек своротить!

«Рядами зуб своих скрежещет,
«К горе той мчась Геркулес,
«Губами как волною плещет,
«И тьму творит он тут чудес,
«Бежит поверх пещер замкнутых
«И силой пальцев внутрь воткнутых
«Раздрал — и сделал к ним пролом:
«Громады камней отторгает,
«Как мячик в воздух их швыряет, —
«Раздался гул везде и гром.

«Коль кошка мышь когда поймает
«И держит слабо в ноготке,
«Какая хитрость тут бывает
«В проклятом том ночном зверьке:
«То рыльцо вдоль он протягает,
«Дрягнув то ножкой умирает
«И разным образом хитрит,
«Чтоб как-нибудь в удобну пору
«Юркнуть ему в известну нору —
«Но смерти редко избежит.

«Так *Как* беду зря неминучу,
«Во всю ивановску ревел;
«Упал на камней черных кучу,
«На милость тем склонить хотел:
«Хитрил, совался на догадку,
«Но бог был не того десятку,
«Чтобы живого отпустил;
«Ломал его он булавою
«И ноги сблизив со главою,
«Как надобно его тузил.

«Когда давил его он дланью,
«Чудовище пускало смрад,
«И огненной своей гортанью
«Пускало в рожу дым и чад,
«Чтоб вонью нос ему прибавши
«И мраком все глаза закрывши
«Удобней было тягу дать;
«Но бог тут пуще разовлился,

«Десятерней в него вцепился,
«И в потасовку стал валять.

«С такой машиною возившись,
«Геркул усталость ощущал,
«И от размахов утомившись,
«Раз пять в работе отдыхал;
«Но чтобы дело к окончанью
«Привести — он душу вдруг с гортанью
«Проворно выдрал из него.
«Гигантска тут глава скатилась,
«На разны части разможжилась,
«И очи лопнули его.

«Свершив толикую победу,
«Волов он выпустил своих,
«Трава была им слаще меду,
«Рычали, зря волов других.
«Оставив адские чертоги,
«Влечет бог дьявола за ноги
«И бросил беса на позор;
«Народ веселыми толпами
«Бежит с открытыми глазами,
«На чудо пялит жадный взор.

«Мы богу воздая почтенье,
«Сей торжествуем славный день,
«В сей роще делаем куренье,
«Едим и пьем во весь пузень».
Сказав сие, вскричал: «настойки
«Чаны придвиньте для попойки!» —
Из листовий всяк воздел венки;
Разинувши все пьяну глотку,
Орали *молоду молодку* —
Алтарь был превращен в шинок.

Меж тем уж огненного Феба
На дрожках ухарских его
Узрели съехавшего с неба —
Тут встал всяк с места своего:
Жрецы держа больши свечищи,

Взвалив себе их на плечищи,
В стоячку начали хлебать,
Бутыли с влагой дорогою
Охолостили все ходьбою,
Стараясь бога вспоминать.

Свершивши пиршество отрадно,
Домой пустились с барышом,
Мыслете делали изрядно,
В деревья стучались лбом;
Совались из страны в сторонку,
Ползли и прыгали в погонку,
И кое-как во град пришли;
Эвандра же с похмельным гвоздем
Паллант с Энеем милым гостем
Под ручки пьяные влекли.

Эней глазам дав полну волю,
Ворочал ими вдаль и взад,
Катал по рощам их, по полю,
Свой тешил тем пронырный взгляд,
И любопытен был довольно,
Эвандра просит он покорно
Ему дорогой рассказать,
Каким он образом прибился,
В местах столь славных угнездился,
И город вадумал основать.

Во старце чуть язык держался,
Развеса губы, он зевал,
Кобенился и спотыкался,
Совсем на пятки не ступал,
Однак для разогнанья скуки,
Решился возвестить все штуки,
И тайны гостю все открыл:
Исторью начал от Адама,
К себе в родство вплеп древня Хама,
И тьму баляс он наточил.

В рассказах путь свой продолжая,
Они ввалились в самый град;

Чертогов царских достигай,
Храпка Эней схватить был рад.
Троянец в двор к Эвандру входит,
Цыплят и кур везде находит,
Плетней, сараев целый ряд,
Лопат, метел, горшков, кадушек;
Коней, овец, коров, свинушек,
Собак и кошек был отряд.

Цари сперва домком живали,
Не злато их прельщало взгляд;
Стада — их силу составляли,
Простые ткани — наряд.
Дворец Эвандров был изрядной,
Пять комнат с мебелью нарядной,
Один был вход туда простой.
Эвандр Энея приглашает,
Ему сам двери отворяет,
Согнулись оба, шед в покой.

Эней ввалившись распрямился,
Эвандра дружески обнял,
Его хозяйству подивился
И скромность в жизни выхвалял.
«Не погнушай жильем убогим
«И угощением немногим, —
Хозяин гостю возопил; —
«Сам Геркулес непобедимый
«Во храмину сию вводимый
«Со мной беседовал и пил.

«Ты не взыщи, мой гость любезный,
«И не прогневайся, что есть;
«Здесь стул не мраморный, древесный,
«Прошу покорнейше присесть».
Потом поверх дернова дожа
Растлалась им медвежья ложа,
Где наш троянец прикурнул,
Прикрякнув, к стенке отвернулся,
Как бык убитый растянулся,
И изряднешенько схрапнул. —

Когда Ночь фартук развернувши,
Сокрыла оным всё во мгле,
Венера кубарьком мигнувши,
Летит подобая стреле
Вдоль малохоженной дороги
Супруга своего в чертоги,
И прямо в спальную к нему;
Тогда еще старик дебелий
Ворочал молот свой тяжелый,
И весь коптился он в дыму.

Едва Вулкан ее приметил,
Фрактовский сделал вдруг скачок,
И так прямехонько наметил,
Что в самы губки дал ей чмок;
Толкнул ногою наковальню,
Повел свою супругу в спальню,
Прыгнул сам прямо в пуховик;
Она сбочку при нем лежала,
Его нежненько миловала;
Не знал, что делать наш старик.

Когда ж он слишком размягчился,
И в сладострастьи раскисал,
Тут поцелуй еще вклеился,
Который он в себя всосал.
Венера стиснувшись плотнее,
И извиваяся хитрее,
Сквозь зубы стала говорить:
«Ахти, жизнёнок! я забыла,
«С тобою очень зашалила,
«Хочу тебя я попросить». —

«Что душенька тебе угодно,
«Ни в чем тебе отказа нет;
«Лишь мне б то сделать было сродно,
«Скажи, милюточка, мой свет!» —
«Вот видишь что — еще доньне
«В немалой хоть была кручине,
«Но не трудила я тебя,
«Знав, сколько у тебя заботы,

«Довольно без моей работы,
«Тебя я берегла любя.

«Какое я в грудях стесненье
«И в сердце ощущала боль,
«Когда Юноны ухищренье
«Распространилось дотоль,
«Что мне любезные герои
«На четвереньках уж из Трои
«В дыры кое-как уползли:
«И в сем-то состояньи жалком
«Весь город сделался огарком,
«Едва Энея сберегли.

«Таскаясь по синю он морю,
«Несчастья чашами он пил;
«Чтобы покой дать сильну горю,
«К странам латинским привалил,
«И там взъерошили угара,
«Везде на бедного Макара
«Валится шишка и тузит.
«Теперь у них приготовленья
«Идут различны для сраженья —
«Мне хочется сынку дать щит.

«Пожалуй, миленький, возмисья
«Сию услугу оказать,
«Получше сделать потрудися,
«Безвредно мог чтоб всех валять,
«Щитище уж отменный сботай;
«Шпажицу, лук, копье сработай,
«Позавостри его с конца».
Под щочку пальцем потрепала,
Пригнувшись раз поцеловала
За то Венера кузнеца.

Коль ежели кому случится
В декабрьский сильный морозняк
С стаканом водки подружиться,
Кто например насквозь продряг;
О! сколь медикаментна бражка,

Уж в брюхе всякая мурашка,
Составчик всякий оживет:
Венера кузнецу та ж водка;
Прильнула лишь к нему красотка,
Взялась откуда живость, цвет.

Он к ней ручищу простирает,
На лебедину грудь кладет,
И с умилением взывает:
«Помилуй, Венушка, мой свет!
«К чему такие извиненья
«И околичны изъясненья?
«Тебе лишь стоит приказать;
«В моих котлах металл клокочет,
«Чего душа твоя захочет,
«Всё щегольски велю свалять!

«Уж для тебя изволь, милушка!
«От свету сам смастачу всё;
«Как раз — мне эта безделушка,
«Искусство выкажу мое:
«Какая будет полировка,
«Удобность, форма, приноровка!
«Какие штуки по краям!
«С насечкой инде голубою,
«А инде с золотой резьбою,
«Прикрою глянцем по местам».

Венера сладостну улыбку
В благоволенье изъявив,
Вздремала, скорчившись вся в глыбку,
Силёнку в неге истощив:
И сам Вулкан в трудах вспотевши
И весь как свеколка зардевши,
Глаза свои под лоб подвел.
Легко ли, как они вздурели,
Уж третьи петухи запели,
У них же разговор всё шел.

Как бабы податью стягченны
Раненько в деревнях встают,

От теплой печи отвлеченны,
Не медля пряслицу берут,
И мразной ночи в половину
Воткнув в нощик себе лучину,
Щелкают всё веретеном;
Вулкан так услужить желавши,
И двух часов еще не спавши,
Берет клещи свои и лом. —

Теперь читателей покорно
Прошу я в кузницу сойти,
Такое место не позорно,
Где бог сужден свой век вести;
Но берегитесь замараться,
И чур Циклопов не пугаться,
Диковинки большой в них нет:
У нас об святках те ж личины,
Не меньше видим чертовщины,
Лишь зачурай, весь страх пройдет.

Ужасные повсюду звуки,
Шипенье, хлопок, визг и лом,
Брызг искр, от млатов тяжких стуки
Ерошат волосы дыбом:
Там печи адскою гортанью
Огонь мечут к дальню расстоянью,
Металл краснеет и кипит;
Мехи по-чертовски зевают,
Громады ветров выпускают,
Не знаю, с чем сие сравнить.

Циклопы тамо обнаженны
С полмили будут в вышину,
Все пылью, грязью искаженны,
Работу делают одну,
Стучат большими молотами,
И сплющивают всё блинами,
Вертят в колечки медь и сталь,
В небесный ставят двор игрушки,
Наперсточки, ножи, гремушки,
И что бы кто ни заказал,

Бронтес державному Зевесу
Отделывал пристрашный гром,
С прикладной разного примесу
Из чиста злата с серебром;
С селитрой пороху три бочки,
Туда шли в примесь огонёчки,
Пилюли смертны, разный гад,
Дожди и бури, капли едки,
Шипящи спирты, водки крепки,
Болезни, мор и гнев и яд.

Там своенравная Юнона
Дала строжайший свой приказ,
Чтобы десница *Пиракмона*
Сработала ей на заказ
Большой ножище с закорючкой,
С серебряной витою ручкой,
Чем режут маленьким пупки,
Во время чтоб детей рожденья
Подать, чем было пособленья,
И им прорезывать зубки.

С финифтью модного разбору
Чистенько делал там *Стерон*
Венере туалет к убору,
Лил мазь туда, духи, сироп,
Мешал жасмины, розы с сталью,
Углы обставливал эмалью,
В середке ящичек вклеил,
Где б можно было класть белила,
Румяны, мушки и сурмила —
И всё то златом разделил.

Всего препропасть наковали,
Работы бездны были там;
Иные оси отдували,
Другие полосы к саням,
Иные ко щиту Минервы
Главищу пучеглазой стервы
Горгоны щелкали под лад,
Уже глаза ее смотрели,

Змеи в затылке зашищели,
Богинин был готов наряд.

Меж тем как воздух весь стенает
Ребята рдеют над трудом,
Вулкан запыхавшись вбегает,
Подпершись черным костылём:
«Прочь, прочь,—воскликнул,—всё оставьте,
«Все силы вы свои направьте
«Скузнечить, что я вам велю;
«Копье, щит, меч сварганить нужно,
«Хватайтесь, ну, ребята, дружно,
«Я сам за это похваляю.

«Да чур же сделать хорошенько,
«Чтоб не ударить в грязь лицом,
«Чтоб было тонко всё, нежненько,
«А инде толстым бы шло швом;
«Возьмите злата самовару,
«И самолучшего товару
«Старайтесь употребить;
«Везде прикиньте глазомером,
«Чтоб было кстати всё, с размером,
«Всё впору, как по мерке сшить».

Сказал — Циклопы взбеленились,
По всем взметались углам,
Вертя металлы, надсадились,
Толпились взапуски к котлам;
Жилисты руки распрямили,
С размаху все замолотили,
Пошла повсюду стукотня;
Кипят котлы, через край хлебещут,
Фонтаны разноцветны мещут,
Слышна от мехов трескотня.

Металльны влаги уж густели,
Лилися в форме, как кисель,
В огромны ринуты купели
Упали с грохотом на мель;
Заржали, заревели волны,

Метались кверху клубы черны,
И в триста пуд вскипел вдруг щит.
Вулкана бодрость не дремала,
Копье и меч и два кинжала
Он в час отделкою вертит.

Уж солнце луч свой упираю
В поля, в селенья, в каждый дом,
Как будто пальцем в глаз совало,
И разбудило птиц содом:
Ворчат, свистят, бурлят, гогочут,
Кудакчут, квакают, щекочут,
Хайлят с надсадой наперерыв.
Эвандр хоть крепко спал с пропою,
Но птицы не дали покою,
И сну соделали разрыв.

Встает, кафтанчик надевает,
И сапожки на ножки вздел,
Меч-кладенец к себе втыкает,
И к милу гостю полетел
В сопровождении Палланта
И одного еще драбанта.
Эней же не разиня сам,
Он также рано приубрался,
И только царь лишь показался,
Вскричал: «прошу покорно к нам!» —

«Здорово! как тебе спалбся?
«Каков ты крепостью в себе?
«Быть может, что и случилбся
«После вчерашнего тебе». —
«Немного, — был ответ Энея, —
«Трещит с похмелья только шея,
«Но это можно излечить: —
«Как ты, старинушка, очнулся?
«Вчера ты хорошо клюнулбся;
«Чай всяка косточка болит».

Они руками соплелися,
Пресладко чмокнулись в уста,

Вдруг за стаканчики взялися,
Чтобы прошла их тошнота;
Стакан к стакану прислонили,
Их по-приятельски стеснили,
И хлопнули до дна за раз
Первостатейной романейки,
Настойки тминной две сулейки,
Заели парюю колбас.

Потом как уж поукрепились,
Могли о деле помышлять,
На дерне важно развалились,
О брани стали толковать.
Эвандр тут первый ко Энею
Зачал предлинную рацею:
«Послушай, милый вождь троян!
«Враги меня доселе жали,
«Болезнь и старость сил лишали
«Вступать в нахальну с ними брань.

«Но ныне удалец прехрабрый
«Загнан Эней ко мне судьбой;
«То, что возьмут негодны швабры
«С своей тьмочисленной толпой.
«Известно всем Троянско племя,
«В них зреет божеское семя,
«Десятка мало одному,
«Щелкнут, как щепки разлетятся
«Все вражьи силы, посрамятся,
«Уйти ль и Турну самому.

«Скажу еще слова секретны,
«Вгляни поверх Этрурских гор,
«Стоят там тысячи несметны,
«И что ни самый клёк, да вор,
«Народ Лидийский окорбленный,
«Против тирана оруженный,
«Что за живое их задел;
«Вертел им за спину тупей,
«Когда ж к его придрались шеи,
«Сам к бесу Турну улетел.

«Теперь против него восстали,
«Готовы к горлу лезть с ножом;
«К моим стопам они припали
«И просят быть у них вождем;
«Уж корабли стоят у брегу,
«Лишь только знак подать им к бегу,
«То как борзые стегонут,
«Прольются в Турна сильным дождем,
«Мне ль стару хрену быть их вождем,
«Твоих они велений ждут.

«При том же ими был и голос
«Внимаем с верхнего жилья,
«Чтоб итальянец ни на волос
«К ним не совался для битья
«Врагов скрывающих тирана,
«А чтобы ждали Еруслана
«Пришедшего из чуждых стран:
«И сами боги, мню, избрали
«Тебя, лишь только не назвали,
«Чтоб Турну ты сломил болван.

«Я старостью вокруг согбенный,
«Весь съёжившийся, как сморчок,
«Могу тотчас быть побежденный,
«Один лишь дай мне кто толчок,
«А ты мужчина в самом цвете,
«Как розан меж цветов в пукете;
«Едина кровь лишь с молоком;
«Не спорь уж более с судьбою,
«Возьми Паллантушку с собою
«И к Турну шествуй напролом.

«Пусть в экзерциции вникает
«Мой сын записанный в твой стан,
«Ружьем выкидывать узнает
«И бить искусно в барабан.
«Ты будь ему во всем примером,
«Чтобы он мог быть офицером
«Достойным звания сего;
«А я отправлю с вами вместе

«Головорезов целых двести
«И всё один под одного».

Сказав, в молчании глубоко
Эвандр сидел, потупя нос:
Война, он мнил, нам выдет соком,
Хоть много Турну есть угроз;
Но вдруг у Зевса на балконе,
На чистом неба балахоне,
Два огненны сошлись столба,
Они друг к другу приклонились,
Потом друг в друга так вцепились,
Что с треском сделалась пальба.

Эвандр вскочил, что есть тут мочи,
Развесея губы, вверх глядел,
Вдруг грянуло опять с полночи
И вихрь с свистьнею загудел.
Эвандр видению чудяся,
Присел на цыпки, и скривяся
К Энею речь свою простер:
«Что, что такая за причина?
«Отколь такая бурдовщина?
«Я, братец, весь окостенел».

«Не бойсь, чудес сих не страшися, —
Сказал ему Эней в ответ, —
«А лучше духом взвеселися,
«Венера мне гостинец шлет:
«Она давно уж обещала,
«Лишь только бы война настала,
«Настряпать мне всего на путь,
«Орудий дивныя доброты,
«Вулкановой с резьбой работы,
«Чем было бы врагов давнуть».

Эвандр тут в радости пустился
По грошу нищих оделять,
Бычищев пару посулился
Зевесу с причетом заклатъ;
Взвилися к небесам куренья;

Везде носились повеленья,
Во фронт чтоб ставились скорей;
Энею бурого взнуздали,
Во львину кожу оседлали,
Огонь бил клубом из ноздрей.

Уже по всем домам внимались
От склянок трески и питье,
Старухи с детками прощались,
И в голос подняли вытье;
И сам Эвандр в охапку взявши
Паллантушку, к душе прижавши,
Вожжами слезы распустил,
Качал своими сединами,
Осматривал его глазами,
И тако в горе возопил.

«О если б был я помоложе,
«Как раз бы с вами стеганул,
«Кого ударил бы по роже,
«То уж спокойно бы уснул.
«Кого ни чкну, бывало, в рыло,
«Лишь только там мокренько было,
«Ну уж скажу, что был кулак,
«А ныне я куда гожуся,
«Пью только, ем, да спать ложуся,
«Но неспособен стал для драк.

«Теперь-то нужно защищенье
«Мне от сыновния руки;
«Ты за меня, мой сын, в сраженье
«С отцовской храбростью теки.
«Но если ж весть ко мне примчится,
«Что сын мой кровью обагрится,
«Коль укокошут там его,
«Что будет мне служить отрадой,
«Когда мое дражайше чадо,
«Лишится зренья моего!»

Сказал — и буркала под крышку
Все под лоб с корнем закатил,

Едва стучало в нём сердчишко,
Биенье пульс остановил,
Шарахнулся с всего размаху
И дал такую перебяху,
Как будто овладел им хмель.
Тут тотчас слуги подскочили,
На плеча замертво ввалили
И понесли его в постель.

Уж войско всё в ружье стояло,
Подобясь огненному дню
И сердце каждого желало
Задать латинцам таскотню;
Паллант меж ними был геройски
Убран как водится по-свойски,
Как сокол был между ворон.
Врата градские растворились,
Герои маршем покатались,
Разлился гул со всех сторон.

За ними ряд троян тащился,
За оным конница пошла;
Гусиный хор от труб носился,
Дым поднялись кверху и мгла,
От топоту леса дрожали,
Земля и воды трепетали,
Убить бы мог один лишь взор.
Верст двадцать пять прошед указных,
Они в полях близь вод алмазных
Себе расставили шатер.

Меж тем Венера недремлива
В леску Энея улучив,
Спустилась с неба тороплива,
Фуру на воздух распустив,
И черевичками скрипнувши,
Губёнками слегка мазнувши
Сказала: «вот тебе, сынок,
«Готово всё, теперь дерися,
«Надень, получше прирядися,
«На славу Турну дай толчок!»

Рекла — и ручкою нежненько
Погладила его в тупей;
Он поклонившись ей низенько,
Вдруг бросился к щиту скорей;
Осматривал его отсюду,
Дивился столь огромну блюду,
Как куколку его вертел.
Сколь сделан был он бесподобно!
Всех штук сказать здесь неудобно,
Какие он в себе имел.

Представлена была там львица
Стояща гордо над травой,
Она как добрая телица,
Вся изогнувшись дугой,
Ребят питала двух сосцами;
Еще потеха с молодцами
Сабинянок являлась там;
И много множество различных
Картин и подвигов отличных
Изображались по местам.

Изваян был там Катилина,
Повешенный ногами вверх;
Кулачны выходки Тарквина,
И в пляске бешеный Луперх;
Все древние отменны давки
И знаменитые их ставки.
Эней тотчас всё оглядел;
Примеривав чуть не надселся,
Он перед зеркалом вертелся,
И на себя лишь всё смотрел.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

С о д е р ж а н и е. Между тем, пока Эней занимается приуготовлениями к сопротивлению против неприятелей своих, Турн приступает к городу и с троянцами делает многие стычки, наконец захвачен будучи в троянской крепости и со всех сторон окружен воинами, бросается в Тибр.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Содержание. Юпитер в собрании всех богов постановляет, чтобы никто из небесных жителей не вмешивался в действия двух армий.— Венера державного Зевеса молит о благоволении его к троянцам,—Юнона старается опровергнуть намерения ее.—Эней, собравши у союзных государей вспомогательное войско, соединяется с троянцами, кои долгое время с храбростию выдерживали осаду.— Победы Энеевы над своими неприятелями.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Содержание. Эней делает похороны убиенным своим героям и к Эвандру препровождает труп сына его Палланта. Царь Латин собирает совет, где предлагает о заключении с троянцами мира, но Турн отвергает оный: между тем Эней подступает к городу и начинаются сражения.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Содержание. Турн, видя повсюду неудачные сражения воинства своего с троянцами, решается выступить с Энеем на поединошный бой, но от сего удерживает его на некоторое время Ютурна по повелению Юноны; наконец же, когда Юпитер убедил последнюю не иметь более влияния на таковую войну, которая должна непременно увенчаться благополучным для Энея успехом, то Турн, оставшись без покровительства небес, подпадает всей ярости троянца и умерщвляется оным.—Эней после того воцаряется в Лации.

Приди, о Муза дорогая!
Начнем опять в трудах потеть,
Одна уж песня небольшая
Осталась, — надобно допеть;
Настрой ты мой гудок забавный,
Чтоб подвиг dokonчав преславный,
Доставить больше всем добра;

Пускай кто хочет, нас читает,
Иль хвалит пусть, или ругает, —
На всех не угодишь, сестра!

Когда бы знали участь нашу,
Конечно б извинили нас,
Коль заварили мы уж кашу,
И нехотя ползешь в Парнасс:
Идем мы по Скарронску тракту
Не добровольно, — по контракту;
Соблюсть его велит закон. —
И так плевать нам на обиду,
Раскроем римску Энеиду,
Пойдет опять у нас трезвон.

Возившись Турн весьма довольно,
Вошел с Энеем в кутерьму,
Почувствовал, что очень больно
Ему пришлось самому;
Проливши токи кровавые
Он усмотрел, что уж седые
Власы свои Латин стал рвать: —
Стошнит небось, как всё не ладно;
Латину было то ж накладно,
За что, чорт знает, воевать.

Сраженный Турн такой кручиной,
Стесненный горестью большой,
Остался вовсе дурачиной,
Не знал и делать что с собой:
Он всюду слышал ропот шумный,
Что старичина слабоумный
Латин — ввезясь в любовный сброд,
Тьму погубил войной народа,
И за кого же? — За урода,
Как будто клад он в нем найдет.

Внимав всегда такие брани,
Турн закусил себе язык,

И наострив свои он длани
Изрек: «измлада я привык
«Качать искусно кулаками, —
«Итак чем лить нам кровь реками,
«Пущу в работу лучше их.
«Давно я мысль сию имею,
«Чтоб чкнув сломить башку Энею,
«И с ним попробовать мне сил.

«На завтра ж с копием булатным,
«С сучистой черной булавой,
«Найдет меня он в поле ратном,
«И завтра ж век окончит свой.
«Солдатскими сражать грудями
«Есть точно то же, что руками
«Чужими жар лишь загребать;
«А пусть-ка он сам-друг со мною
«Пойдет кулашною пальбою
«Свои победы показать».

Едва успел слова те кончить
Уж и на битву был готов:
Стремятся как собаки гончи
Увидев издали зверков,
Так Турн наш сунулся из дому,
Наделавши большого грома,
И всё побивши на словах;—
Его насилу удержали,
Латин с женой его ругали, —
Лавиния была в слезах.

Они тогда единогласно
Старались Турну доказать,
Сколь будет для него опасно
С Энеем скул об скул стучать,
Который с одного размаху,
Задаст ему такого страху,
Что он на месте упадет,
И тем все довершит напасти, —
Когдаж они лишатся власти,
Эней Лавинию возьмет.

В подпору им тут и красотка
Из глаз пустила жемчужок,
Так что у Турна уж чесотка
Во весь прошибла животок
От сих принцессиных вздыханий
И самых сильных настояний,
Чтоб поберег себя для всех:
Ужасно Турн тем всколебался,
Пред ней змеей он извивался
И обещал ей тьму потех,

Но не иначе как свершивши
Уже намеренье свое,
В куски Энея раскрошивши,
Его прервавши бытие;
Когда народ с рукоплесканьем,
С трубами, с радостным плясаньем
Триумф составит для него,
Тогда он в лавре, в львиной коже
На брачно взгромоздится ложе
Вкусить плод торжества сего. —

Меж тем дошла весть и к Энею,
Что скоро придет лютый час,
Когда его быть может шею
Сорвав поставят на показ;
Троянец наш за ум хватился,
В удобны латы нарядился
В предосторожность всяких бед,
Чтобы лицом в грязь не ударить
И славы прежней не убавить,
Не сделать псам собой обед.

Собравшись совсем как надо
Призвал сынка к себе герой,
И только рек: «Прощай, отрада,
«Иульчик — я иду на бой!»
Вдруг парень наш во весь ротище
Пустил столь сильный голосище,
Что батюшку прошиб до слез:
Эней, ему благословенье

И нужно давши наставленье,
Оставил под покров небес.

На утро лишь заря проснулась
И стала мыть себя росой,
Едва природа очунулась
Расставшись с ночью тьмой,
Бойцы *Лаврента* под стеною
Обводят поля часть чертою,
Где должно битву им иметь;
Народ со всех сторон толпами
Бежал, — не слышав под ногами
Земли — чтоб бою посмотреть.

Вдруг ставить олтари пустились
И тьму снесли больших костров,
Где наши рыцари молились,
Просили милости богов,
Дабы чрез жертвоприношенье
Иметь успех в своем сраженье
И кончить долголетню брань:
Иной в лоб в пользу бил Энея,
Другой за Турна, — да злодея
Свернет в дугу к себе под длань.

Потом и воинство парадно
В порядок стало боевой,
Так точно, как когда нещадно
Гоняют воинов сквозь строй,
И им дорогу составляют,
Других солдат в ряды смыкают, —
Стояли все полки вокруг:
Там целы тысячи троянцев,
А здесь мильоны рутульянцев,
И в каждом волновался дух.

Когда Москва приготавлилась,
Лет несколько назад тому,
Толпами всюду собиралась
Смотреть турецкую чалму;
Какое было тут стеченье,

Какая теснота, давление,
Различных возрастов людей,
На крышках, даже за трубами!
Так за Лаврентскими стенами
Бросался на позор всяк сей! —

Меж тем Зевесова супруга
Быв Турну завсегда с руки,
И видев, что придется туга
Ему снести все тумаки,
Какие влепит забияка
Троянский выходец гуляка,
Решилася ему помочь.
Призвав к себе тотчас *Ютурну*,
Так как она сестра есть Турну,
Пред коей некогда всю ночь

Юпитер франтом извивался,
Плensäсь девичей красотой,
Ее любви он домогался
И в небе поместил с собой;
Такой сопернице прекрасной,
Откинув гнев весь свой напрасной,
Что смела рожки присадить,
Великомощная Юнона
От своего блестяща трона
Тогда так стала говорить:

«Ты знаешь, милая Ютурна,
«Как я рутульцов завсегда,
«И брата твоего как Турна
«Спасать старалась от беды
«Во время драк их и сраженья?
«Ах! ныне я без сокрушенья
«И без прискорбия души
«Сказать тебе почти не смею,
«Что скоро жизнь свою злодею
«Предаст он в смертные клещи.

«Предвижу я то достоверно,
«Что в злой он час на бой идет;

«Мое терзание безмерно,
«Эней его совсем забьет:
«Твой долг есть изыскать все средства,
«Чтоб отвратить такие бедства
«И дать ему еще пожить; —
«В отваге может быть удача,
«И радость вместо горька плача,
«Она к нам может привалить».

Ютурна тут оцепеневши
Вдруг взрыд пустилась голосить;
От воздыханий одуревши
Давай себя в размах тузить
По белой груди кулаками,
И распущенными власами
Метавши в стороны волной. —
Юнона зрит, что уж не ладно,
Ютурна бьет себя бесщадно,
Вскричала ей: «Постой! постой!

«Не стыдно ли тебе, Ютурна,
«Не видя ничего так выть?
«Ведь это, свет мой, очень дурно!
«Да и возможно ль тому быть,
«Когда твой брат в моей защите,
«Отдам ли я уж волоките
«Троянскому его на смех.
«Теперь твоих слез тщетна трата,
«Старайся лучше спасти ты брата,
«Врагу наделать тьму помех».

Сказав сие, как с неким гневом
Изволила сама уйти,
А наша плакса целым зевом
Взгудела вслед ее пути
И хныкала с большим отрывом,
С обильным глаз своих отливом.
Уж то-то лучше на замай,
У нас в народе говорится:
А то хоть чуть расшевелится,
От вони нос лишь затыкай. —

Но что за дивную картину
Отсель я вижу вдалеке? —
Латина древнего детину
В седом столетнем парике
Сидящего на колеснице,
А с ним и Турна в багрянице
На рьяных пестрых рысаках.
Потом троянец многопетый
По-рыцарски совсем одетый
Представился в моих очах.

Нескорой выступью павлиной,
Размерным шагом с гордецей,
Стремятся к цели все единой,
Чтобы, пока начнется бой,
Им по привычке можно б старой
Разведаться с отвесной чарой,
Заклать быков на олтарях;
Потом бы за одно с жрецами
Набить съедобья за скулами
И тем рассеять весь свой страх.

Уж в олтарях огни пылают, —
Жрецы соленою мукой
Убитых агнцев посыпают; —
А рыцари своей рукой
Бычищев нарознь раздирают;
Бутылки пробками стреляют,
Всё льется в честь богам рекой:
Трубой дымятся вверх куренья,
Повсюду слышатся моленья,
Взыванья, крики, шум и вой.

Когда ж обряд весь совершился,
То храбрый молодец Эней
За меч мгновенно ухватился,
И став против святых огней,
Клялся: — коль будет победитель,
То будет он и утешитель
Народов покоренных им;
Что он доставит им блаженство:

Познают благ всех совершенство
Они живя в довольстве с ним.

Потом Латин нахмуря брови
Поднял чело на небеса,
И быв исполнен к ним любви,
Прорек дрожащи словеса:
Что ежели его герои
Бродящий сей остаток Трои
Ему подлапят в добрый час,
То он меж всеми племенами,
Отец как будто меж сынами,
Их будет нежить на заказ.

Жрецы ж опять своим порядком
То знай, что режут, бьют, палаят,
Народным расточав достатком,
Скотин премоножество коптят
И откачнувшись средь дымочку
Похлебывают по глоточку:
В чужом пиру похмелье им.
Един лишь Турн задумчив ходит,
Смущенный взор повсюду водит,
Как бог знать что случилось с ним.

Но нам к Ютурне обращенье
Пора уж сделать, — надо знать,
Какие средства в защищенье
Она задумала принять,
Чтоб дни продлить любезна брата;
На выдумки она богата
Между всех барышень была. —
Чрез поединок чтоб в могиле
Не быть при малой Турну силе, —
К войне жар в войсках их возжгла.

Она немедленно явилась
В лице Камерта средь строев,
О коем слава разносилась
Что был из мудрых стариков,
Себя к героям приобщает,

И сея ужас в них, вещает:
«Не стыдно ль вам, какой венец
«При многом войске вы сорвете,
«Коль Турна одного пошлете,
«Чтоб сделал он войне конец.

«Не лучше ль всем вам общей силой
«Противустать своим врагам,
«Когда и самый воин хилой .
«Способен может быть к делам,
«Чем на одном решить сраженье:
«Ну если к общему мученью
«Энеем будет Турн попран,
«Тогда и с многими полками
«Мы хлопать будем лишь глазами,
«Как нас взнуздают на аркан».

Едва слова свои скончала
Хитровка в маске Камерта,
Средь войск тревога вдруг восстала
И страшна всюду суета,
Везде согласно с ней кричали,
К ответу Турна призывали,
Чтоб в поединки он не шел
И не отдал во плен их даром,
Но чтоб оружием, пожаром,
Дела ко окончанью вёл.

Встревоженный и изумленный
Не знал Турн что ему начать,
Такой пременой удивленный
Сперва их стал увещевать
И убеждать своим советом,
Что стыдно будет пред всем светом
Ему в намереньи отстать;
Что назовет его всяк трусом, —
Но не повел никто и усом,
Не мог он их поколебать.

Меж тем Ютурна умудрилась,
И ослепить чтоб всех глаза,

Она на хитрости пустилась
И выкинула чудеса,
Дабы тем более уверить,
Что Турну силы свои мерить
Через сражение должно, бой;
И не иначе со Энеем,
Толико ухарским злодеем,
Творить воинственный разбой.

Вдруг в воздухе орел явился
С эфирных вдоль спустясь кругов,
Во всем величестве кружился,
И вдоль крутистых берегов
Он стадо птиц шумящих гонит,
На всех их ужасы наводит;
Потом в мгновение упал
На быстрый бег потока ясна,
Схватил вверх лебедя прекрасна
И с оным в облаках пропал.

Лебязья стада тут остатки
Рассеяв обморок весь свой,
Не возлюбив такой ухватки,
Решились за орлом струной
Все до единого пуститься,
Чтоб с сим воришком расплатиться
И закатить ему толчок:
Они злодея достигают,
И в бок и в голову щелкают,
Так что орел чуть жив утек.

Не могли с множеством возиться
Добычу бросил им в глаза;
Латинцы взапуски дивиться
Начали, зревши чудеса,
И съединив свои гортани
Кричат, что это знак ко брани,
Котора осчастливит их;
Что им орлы покорны будут,
Нахальство делать позабудут,
И что души не будет в них.

А чтоб в словах прибавить цену,
Полумный быв колдун всегда,
Сию ужасную премену
Растолковал: — что уж беда
Отнынъ касаться к ним не будет
И к ополченью их возбудит,
Что знаков сих он только ждал.
Чтоб всякий в руки взявши шпаги
Геройски шол на все отваги,
На копыя, на огни дерзал.

И распалившись лютым гневом
Колчан с зарядами берет,
Пустил в троянцев с шумным ревом
Стрелу воструху на пролет,
От коей сильного размаха
Иные дали чебураха,
Другой упавши уж не встал,
И озадачило так многа,
Что поднялася вдруг тревога,
Чего никто не ожидал.

Рутульцы после всех насилий
В горячку сами впали тож
И бросившись со всех усилий
Под свой всё подбирали нож,
Неистовством все разожжены:
Там жертвенники расхищены,
Железный, жаркий дождь там льют;
Клубится дым густой и пламень,
Там с олтарей бросают камень
И с очагов главни берут.

Как сумасшедшие схватились,
Кидаясь высуня язык,
В размашный бой тотчас пустились,
Друг другу с сердцем рвут кадык,
И требушину выпускают.
В виски, в пахи, в носы качают,
И чорт-знать, что за кутерьма:
Иной летит на колеснице,

Другой грозит мечом в деснице,
Сгущается народу тьма.

Эней был долго в изумленье
Дивясь нечаянной войне;
Народа впутавшись в волненье,
В пресильном сам стоял огне;
Меж тем стрела стальная взвоя
Пронзила храброго героя.
И чей-то напряжен был лук,
Иль некий бог ее направил,
Никто мне справок не доставил, —
Стрела прошла сквозь кости рук.

От боли места не находит
Эней быв весь окровавлен,
Вельмож в смятение приводит;
Его несут из строя вон:
Из ран фонтан багровый свищет,
Он всевозможны средства ищет,
Чтоб как-нибудь себе помочь, —
Но нет — повисли вождя длани
Врагам ужасные во брани,
Поверглось войско в мрачну ночь.

Злой Турн сим пользуясь случаем
Надеждою побед горит,
Спеша быть лавром увенчаем,
Из всех кишок рубить велит;
Коней по кучам трупов правит,
Без милосердия всех давит,
Не находя нигде препон:
В виду израненна Энея
Трещит троянцев бедных шея
И гибельный идет трезвон.

Среди латинска легиона
Погиб Стенель тогда и Фол
И сын тщеславного Долона
С отпускной к Церберу пошел;
Тогда и буйный вихрь Тамарис,

Хлорей, Ферсилог и Сибарис
Простились с светом навсегда:
Валят всех в груды наповалку,
Дробят, крошат и мнут в мочалку,
Пришлася всем почти беда.

Эней на копья опираясь
Чуть двигаться уж мог больной,
Вдоль бранна поля озираясь
Дрожит от ярости большой.
Едва он жар отмщенья сносит
И с умилением всех просит
Скорее вынуть сталь из ран;
Чтоб за несносное мученье
И клятв святых за нарушение,
Мог быть наказан им тиран.

Средь исступленного столь стона
Приходит вдруг к нему Япид,
Любимец мощна Аполлона,
Искусный боли все лечить.
Вливая в рыцаря надежду
Он подобрал свою одежду,
Стал в ранах пальцем ковырять,
Но как ни силился щипцами,
Ногтями, вилкой и иглами,
Не мог металл в крови достать.

Ни шнипер, ни ланцет избавы
Ничто доставить не могло,
Прикладывал целебны травы,
Припарок с тысячу пошло;
Меж тем такие же припарки
Давал троянцам Турн в сусалки
И рвал по мелким всех кускам;
Повсюду слышны были звуки,
Резьба, стрелянье, пытки, муки,
И хлопотня по всем скулам. —

Венера, сжалась над судьбою
Любезных ей всегда троян,

Решилась пособить герою,
Чтоб укротил он рутулян.
Она какой-то стебель с листьями
Срывает с зрелыми цветами
И превращает в порошок,
С прибавкой белого калгана
И добрых паутин два грана,
Украшен чем был потолок.

И с дорогим таким запасом
Одевшись в тонкий облачок,
Спустилась долу тем же часом,
Как Япид в ступочке толлок
Какую-то для ран присышку,
Она поднявшись на цыпку
Спустила свой туда ж примес
И бывши тою ж невидимкой
Махнула только лишь косынкой
И поднялась на свод небес.

Едва Япид сыпнул к болячке
Свой удивительный состав,
Эней избавился горячки,
Сыпнул в другой, — Эней стал здрав:
Таившаясь стрела упорна
Врагу вдруг сделалась покорна
И выползла из мокрых дыр. —
Как скоро наш Эней очнулся,
Восстал и добро встрепенулся
Надев троянский свой мундир.

Немедленно к врагам помчался
И стал как волк овец карать,
Догнать он Турна домогался,
Гнушаясь прочих поражать;
Сего труслива исполина
Он только требовал едина,
Чтобы, как сделали обет,
Сойтиться им на поединок,
Всадить ему в бока весь клинок
И исказить его портрет.

Ютурна видевши напоры
Из вышней горницы своей,
Что Турну задают уж шпоры,
В ямщицком образе скорей
На землю с неба прикатила
Миципса с козел своротила
И села двойкой управлять
Любезна брата колесницу;
Ее носило будто птицу,
Чуть Турн себя уж мог держать.

То там, то здесь качает брата,
Тьму хитрых делает кругов:
Эней стремится супостата
Достигнуть быстротой шагов,
Но только близко лишь подходит,
Вдруг Турна за версту находит,
И вовсе в стороне другой:
Так заяц хитрою юлою
С собакой возится борзою,
Чтоб утомить ее гоньбой.

Троянский вождь с пыхтенья рвется,
В поту весь, выжми хоть его,
А всё-таки за ним несется
Врага пронзить чтоб своего:
Едва не лопнет уж с досады,
С усталости, с большой насады. —
Велит работать войскам всем;
Отвсюду рутулян пронзают,
На разны части потрошают,
Но Турн не поражен никем.

При сем ужасном треволненье
Погибло множество людей:
В Лации не было сраженья,
Где б так задорился Эней,
Как подстрекаемый отмщеньем
Он злился утомлен гоненьем. —
Текс пал несчастно тут Сукрон;
Эней Танаиса, Цетега

Послал во мрак Стигийска брега,
Пал мертв на землю и Муррон.

Уж оба воинства сомкнувшись
Пустились в безразборный бой,
И к носу нос почти соткнувшись,
Рубились, рвались меж собой:
Один другого жмут, свергают,
Ногами топчут и терзают,
Не дорожили тут никем;
Все натянув последнюю силу
Друг друга шлюют чрез смерть в могилу,
Перебесилось все совсем.

Меж тем уставшему Энею
Внушила мысль утех всех мать,
Чтоб дружбу доказать злодею,
Лаврент спешил приступом взять.
Он выбившись из всей уж мочи
Кидал по граду зорки очи,
Что средь кровавой столь войны
От бед беспечен оставался,
Гостей к себе не дожидался
И спал в объятьи тишины.

Эней остаток войск собирает
И ставши рыцарей среди,
Такую речь к ним простирает:
«О вы, храбрейшие вожди!
«Лаврент, войны сея причину
«Немедленно во прах низринуть
«Нам должно, добры удалцы!
«Скорей, скорей огни несите,
«Весь город в пламень обратите,
«Ура! удалы молодцы!»

«Ура!» и с словом сим герои
Пустились рысью со всех ног:
В подобие несчастной Трои,
Пекли весь город, как пирог:
Валы и стены продолбили,

Ворота в крепость своротили,
Затмилось солнце тучей стрел.
Эней как сокол там летает;
Латина бранно укоряет,
Что жить спокойно не умел;

Что подружившись с дуралеем
Безвинно кровь пролил граждан;
Дразнил его он Асмодеем,
Хрычом в ком зрелся лишь тиран. —
При сих словах, при сей невзгоде,
Эней завел раздор в народе,
Никто и драться уж не стал:
Свои Латина зацуняли,
Из комнат к драке вызывали,
Чтоб сам он храбрость показал.

Не знал, что делать старичина,
Стояв в беспамятстве как столб,
Объятый горькою кручиной
Он бил рукой себя об лоб,
Плачевный рок свой проклиная;
Власы последни, грудь терзая
Искал конца своим летам,
Но, ах! к несносному мученью,
К терзанию, грусти, огорченью,
Повсюду зрел лишь стыд и срам. —

Потом и внутренность Аматы
В волнение страшное пришла,
Когда взглянувши из палаты
Она повсюду бунт нашла;
Повсюду смертные удары,
Тревоги, копоты, пожары,
Рвань, пластанье и разбой!
Латина в бешенстве заставши
И Турна в мертвых записавши,
Подняла громогласный вой.

«Я сих причина горьких следствий, —
Кричала, реки слез лия,

«Виновница конечных бедствий, —
«Проклятий всех достойна я;
«Через мое лишь наущенье
«Всем угрожает днесь паденье;
«Мое пронырство губит всех:
«Я пренебрегши брак с троянцем,
«Вошла в связь с глупым рутулянцем,
«Поведаю теперь мой грех.

«Я к брани войско поощряла
«Латина сбив совсем с пути,
«Ему все уши прожужжала,
«Чтоб с Турном нам в родство войти:
«Лукавством, хитрыми словами,
«Приметами, гаданьем, снами
«Его старалась уверять,
«Что будем мы в делах счастливы, —
«Но где те замыслы кичливы?
«Нет больше сил на свет взирать».

Исчезли в ней лучи надежды,
В отчаяньи весь мир кляня,
Раздрала на себе одежды,
И небо в пух перебраня, —
Снимает вдруг свои подвязки,
Снурочки, ленточки, повязки
И петлю делает их них:
Потом себя она взнуздала,
Стянулась, — ножкой задрегала, —
И так в Амате пульс утих.

Едва достиг сей слух до дочки,
Упала бедная стремглав,
Царапает румяны щечки
Во всю гортань свою рыдав:
Ревет и топает ногами,
Дерет в безумстве пол ногтями,
Пускает скрежет от зубов:
Клубит пушисту во рте пену,
Бросается в жару на стену,
Мычанье слышно вместо слов.

Все девки с нею вѣголосоили,
Разнесся всюду томный звук;
Весь двор несчастья окружили
Крик, плач, рыданье, вой и стук.
Латина всё сие пронзает,
Грызет себя он и кусает
Слезами с кровью омочен,
То вдруг к Амате прибегает,
То дочку к персям прижимает,
То сам лежит окаменен. —

О сем невзгодѣ известился
И Турн задорный наконец,
Вскричал ужасно, взбеленился, —
И вдруг почтамский как гонец
И в хвост и в голову помчался;
Прибыв к Лавренту, испугался
Узрев его последний час:
Приходит в ярость беспредельну,
Кипит отмщением безмерно
И грозный свой возносит глас:

Чтобы оставив всё сраженье,
Его пустили одного
Иметь прямое утешенье
Убить злодея своего
И крови злой его напиться:
Велел раздаться, расступиться
И прекратить военный гром;
Стоять на вытяжку рядами, —
Потом пошевелив усами
К Энею свиснул соловьем.

Едва Эней лишь соловьиный
Услышал Турнов голосок,
Мгновенно свой полет орлиный,
Направил на его свисток:
Летит с неизреченным жаром,
Чтоб поразить его ударом,
Блистая радостью в лице:
Осанку важну принимает,

Небрежно взор на всех кидает, —
Он мнит в лавровом быть венце.

И только, только что успели
Один другого увидеть,
Тотчас зубами заскрыпели
И стали землю оба рвать.
Так вол в пустыни разъяренный,
Против другого ополченный,
Огромный поднимает рев;
Деревья мечет вверх с корнями,
Валит всё сильными рогами
И пенит яростью свой зев. —

Потом Турн первый набегает
С стремленьем огненной стрелы,
И тулумбасом поздравляет
Энея вдоль его скулы.
Герой немного пошатнулся, —
Но наконец вдруг размахнулся
И дунул Турна так в плеча,
Что вышиб в миг копьё нарядно,
И Турну было так накладно,
Что он скорей дал стрыкача.

Когда же слишком плоховато
Дела все Турновы текли,
То Зевс, призвавши, кисловато
Сказал Юноне: «На земли
«Твоею хитростью всё бьется,
«Реками кровь народов льется;
«Прилично ль зло творить богам?
«Коль так назначено судьбами,
«Чтобы Энею быть меж нами, —
«К чему ж дурить по пустякам?»

«И так проказила довольно
«Троянцев мучивши веде, —
«Пожалуй брось всё добровольно,
«Пусть Турн останется в аде!»
Вдруг с сими Зевеса словами

Юнона залилась слезами
И стала мужу говорить:
«Пожалуй, друг мой, умилился
«И на меня ты не сердися, —
«Позволь тебе мне изъяснить:

«Пусть так — троянец торжествует
«И Турна душил как скота,
«Пусть он над всеми ликовствует,
«Готова для него чета;
«Пусть будет он могущ и пышен,
«Народ им будет пусть возвышен;
«Но сделай то лишь мне, мой свет,
«Чтоб имя Трои погребенно
«Осталось навсегда забвенно, —
«Да имя Лации цветет!»

Рекла — и Зевс на всё склонился,
Он с ней на мере положил,
Чтобы Эней возвеселился
И Турну голову сломил;
Потом свое рассеяв семя
Распространил в Лации племя,
Принял название латинян:
Чтоб прекратив военны муки
Они стаканы взяли в руки
И сотворили род римлян.

Такое выслушав условие
Какого ждать должны конца? —
Се Турну вечно изголовье
На место брачного венца
Троянец дерзостный готовит.
Ах! верно он его уловит,
Землей засыплет очеса! —
Уж и Ютурна с ним простилаась,
Веленьем Зевса возвратилась
С тоской и грустью в небеса. —

Так точно с бедным и случилось,
Детину съел совсем Эней,

Прекрасно солнце закатилось
Его цветущих ясных дней: —
Сколь много Турн ни извивался
От супостата как скрывался,
Но напоследок догнан был. —
Эней как тигр над ним рыкает,
Бесщадно в крюк всего сгибает, —
Потом гортань перехватил.

Все члены холодом объялись,
И весь Турн телом посинел;
Латинцы в слезы погружались,
Один народ троянский пел
Победны песни в восхищеньи: —
Отправив Турну погребенья
Они всех взяли в свой покров. —
Эней с Латином помирился
И с дочкой тесно подружился
Без дальних уже тумачков.

Пошло вдруг тут совсем иное;
Военный шум тотчас умолк,
Настало время золотое,
Горавдо лучший вышел толк.
Пустились взапуски родниться,
Кумиться, брататься, жениться
Латинцы и троянский сброд:
Забыли старое всё горе, —
Повсюду разливанно море,
Всё пляшет в торжестве, поет.

Чаны задорной самой браги,
Настоек, романеек, вин,
Носились полные корчаги;
Жарких, пирожных, солонин
Лежали целые курганы,
Везде расставлены диваны,
Все пьют и замертво лежат;
На плсцадях стоят бычищи,
Фиглярные везде игрищи
Народный взор там веселят,

Но пусть в восторгах утопает
Воспетый нами, Муза, род;
Пускай он римлян добывает,
Что сильной мышцей потрясет
Оружием своим полсвета.
Теперь уж песенка допета,
Пора завесу опустить:
Откланявшись, с своей гуднею
Пойдем-ка мы домой с тобою
Свои тож силы подкрепить.

И так трудились мы не мало,
Виргилий вывернут совсем,
Работы более не стало,
Мы дело сделали с концем:
Как надо Турна умертвили,
Энея мирно воцарили,
Друзьями сделались враги.
А дальше знать коль кто желает,
Исторью римску пусть читает,
А мы покорные слуги!

конец двенадцатой и последней песни

ИВАН ПАУМОВ
АВТОР «ЯСОПА»

Поэма «Ясон» была напечатана анонимно; однако она включает в себе некоторые данные о ее авторе. В первом издании, вышедшем в Москве в 1794 году, предисловие подписано «Н...»; во втором издании, напечатанном в Петербурге в 1821 г. (очевидно, при жизни автора и с его поправками), подпись уже значительно прозрачнее: «Н. . м. в». Зная обычаи того времени в подписях пропускать гласные, иногда заменяя их точками, мы можем с достаточной уверенностью прочесть эту подпись как «Наумов». Ту же фамилию дает роспись А. Смирдина 1828 г. (№ 6822, стр. 527), причем в алфавите авторов указано имя и отчество: «Иван Николаевич».

Из предисловия к поэме мы видим, что автор ее был в поэзии любителем, то есть, очевидно, имел другую профессию. Судя по предисловию к «Похищению Прозерпины», в котором изображение автора названо детским, в 1794 году он был еще очень молод: литературный московский круг был в это время настолько тесен, что, конечно, авторы «Прозерпины» употребили эту оценку в полном знании личности автора.¹ Наконец место издания указывает на вероятное местопребывание автора в разные годы.

Всё это дает основание отождествить автора «Ясона» с поэтом-дилетантом Иваном Наумовым, плодовитым писателем по юридическим вопросам. То, что автор «Ясона» был юрист, объясняет и последнюю строку предисловия, нарочито подчеркнутую тем, что она оставлена без рифмы и благодаря этому особенно выделена из общего ряда стихов:

Без иску с рук сойдет авось.

Но если это так, то в росписи Смирдина неверно указано отчество: Наумова звали не Николаевичем, а Мокеевичем. Впрочем, неупотребительность его подлинного отчества была причиной того, что его заменяли другим. Так в «Сборнике русского исторического общества» он назван не только Мокеевичем: в скобках с вопросительным знаком сообщено предположительно другое отчество: Максимович.

Жизнь Ивана Мокеевича Наумова известна, главным образом, благодаря тому случайному обстоятельству, что дочь его была жива в 1869 г. Ей было тогда 68 лет; она сильно нуждалась, и из желания привлечь на нее внимание благотворителей небезызвестный Борис Федоров, вероятно знавший Наумова лично, напечатал брошюру «Замечательный деятель прежнего времени и судьба его дочери».

¹ Замечу, что Наумов и Люценко дебютировали в один год и в одном журнале — «Дело и от безделья» 1792 г.

Год рождения Наумова неизвестен. С некоторым вероятием его можно отнести к 70-м годам XVIII века. Еще мальчиком он поступил в канцелярию князя Алексея Куракина; здесь он и получил свое юридическое образование. Сперва обязанности Наумова были весьма разнообразны: служба по межевому департаменту Сената, он специализировался в качестве землемера (в 1797 г. после вступления на престол Павла I и быстрого возвышения Куракина, давнишнего друга Павла, он снимает планы Павловска и Гатчины); затем он служил исправником в Московской губернии и приобрел благоволение начальства преследованием старообрядцев. Наконец он остановился на карьере стряпчего и окончательно обосновался в Москве.

Литературным дебютом Наумова, повидимому, является его элегия, помещенная в московском журнале Решетникова «Дело от безделья» июнь 1792 г., ч. III. Далее следует «Ясон», а за ним «Торжественная песнь по случаю покорения крепости Дербента» (СПб. 1796) — первый опыт Наумова в официальной лирике.¹ В 1801 г. он один из первых приветствовал Александра I после убийства Павла, издав в Москве «Оду е. и. в. Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому на всерадостный день вступления его на престол 12 марта 1801 года» (см. «Московские Ведомости» 1 мая 1801, объявление книгопродавца Попова). Таким образом Наумов постепенно отходил от «чистого искусства», обратив всё свое внимание на искусство прикладное. Параллельно с этим и его служба протекала успешно. Рвение его обратило на себя внимание, и он был награжден орденом Владимира 4-й степени за «протесты против истребления лесов, передачи дворянами права разночинцам на владение крепостными людьми».

Державин, став министром юстиции, дал лестную аттестацию Наумову; 15 октября 1803 г. он писал, что «обязан признать его достоинство сколько по засвидетельствовании других об отменной его службе, столько же и по собственному своему разумению о его способностях». В 1806 — 1807 гг. произошел перерыв в службе Наумова: по случаю войны он вступил в ряды ополчения. По возвращении он занялся снова литературной деятельностью, но на этот раз прозаической: в 1808 году он издал в Москве оставшуюся незавершенной компилятивную «Историю церковную, гражданскую и ученую» (синхронистические таблицы, доведенные до нашей эры), за которой последовали «Практическое Правоведение» и «Начертание естественного права».

Война 1812 года снова прервала его службу. Он вступил в ополчение; между тем, во время московского пожара сгорело всё его

¹ Очевидно об этом стихотворении, напечатанном отдельной брошюрой, писал Державин Дмитриеву 5 августа 1796 года: «Я посылаю к вам Наумовы громы, который без памяти рад, что напечатаны» (Соч. Державина, изд. Академии Наук, том VI стр. 56). Это письмо свидетельствует о знакомстве Наумова с Державиным, а также, вероятно, и с Дмитриевым задолго до их служебных отношений по министерству юстиции. Смерти Державина посвящена его брошюра «На смерть Г. Р. Державина» (август 1816 г.).

имущество, библиотека и бумаги. По выходе из ополчения он поселился в Петербурге, снова поступив на службу. В это время министром юстиции был И. И. Дмитриев. Вероятно при его содействии он организует «Дом Практического Правоведения» в Петербурге.¹ По этому поводу он издал в 1813 году «Речь», в которой так определяет задачи созданного им учреждения: «Дом Практического Правоведения не есть судилище, но есть место *открытого адвокатства* и в действиях своих зависит от свободной к нему доверенности частных граждан. Он имеет обязанность: образовывать стряпчих и сам обрабатывать дела ему поручаемые с доверенностью прекращать тяжбы примирением» (стр. 28). Затеянное Наумовым дело было весьма либеральным для своего времени предприятием, стремившимся к осуществлению идей гласного суда и свободной адвокатуры. Одновременно он издавал «Журнал Дома практического правоведения, по предмету образования стряпчества» (вышло две части в 1813 и 1814 г.), являющийся общим курсом правоведения. Юридические идеи Наумова представляют собой разв. т. е. идей «Наказа» Екатерины, на который он любил ссылаться, то есть систему либерально-буржуазных взглядов «просветителей» XVIII века. Ко времени деятельности «Дома» Наумов уже достаточно продвинулся по службе и имел чин надворного советника. К этому периоду относится несколько его официальных «размышлений», издававшихся отдельными брошюрками и листочками. Таковы его «Чувствования» по поводу тезоименитства Александра I (30 августа) в 1813 и 1815 году, по поводу годовщины коронации (1813 г.) и по поводу реставрации Бурбонов во Франции (1814 г.).

Время, в которое Наумов создал свой «Дом Практического Правоведения», было неблагоприятно для либеральных проектов. Дмитриев, который ему покровительствовал и давал лучшие аттестации, принужден был выйти в отставку, так как не хотел прибегнуть к покровительству Аракчеева. У Наумова стали происходить столкновения с некоторыми учреждениями и властями,

---

¹ Ко времени, когда «Дом Практического Правоведения» был еще в проекте, относится письмо Наумова к Державину: «Милостивый благодетель Гавриил Романович! Мысли ваши мой закон. По сему внутреннему уважению особы вашей я представляю вашему высокопревосходительству на благоусмотрение порядок *образования стряпчества с юридическими предложениями*. Я за счастье почту, если ваше высокопревосходительство изволите заметить мне недостатки мои. Вашего высокопревосходительства милостивого благодетеля благодарнейший и преданнейший слуга Иван Наумов. 27 января 1812. Р. С. Я душевно благодарен его превосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву, что он своим одобрением *образования стряпчества* доставил мне работу по сердцу».

В это время Наумовым было издано несколько юридических брошюр, которые вероятно связаны с работой по организации «Дома Практического Правоведения». К этому же времени относится несколько религиозно-патриотических листовок; из них одна написана в Нижнем Новгороде в сентябре 1812 года.

его деятельности стали чинить препятствия и «Дом» пришлось закрыть. Для Наумова наступили годы нужды. В 1817 г. ему, например, пришлось взять у А. С. Шишкова ссуду в сто рублей. В письме к Шишкову от 21 марта 1817 года он благодарил его, сообщая о смерти своего старшего брата и о своей болезни (см. «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова», т. II, 1870 г., стр. 337). Это свидетельствует о какой-то близости Наумова к Беседе. Впрочем, странно было бы автора «Ясона» в 1817 году встретить среди передовых писателей. Его тяготение к Беседе вполне понятно. Его литературная деятельность всецело принадлежит XVIII веку и к 1817 г. устарела окончательно. С 1816 года Наумов надолго выбыл из литературы. Только в 1821 г. он выпустил второе издание «Ясона». Это переиздание вероятно вызвано возникшей в 1821 году модой на комические поэмы; тогда были изданы «Святки или нынешний свет» В. Маркова (2-е изд.), «Сновидение накануне нового года» Ив. Некрасова, «Софрон или бой за барду», «Кот в аде» Захарие, перевод А. Кузьмина и пр. Этот не вполне объяснимый рецидив комической поэмы XVIII века, очевидно, и вызвал к жизни давно забытую поэму Наумова. Может быть одним из поводов этой моды был успех «Руслана и Людмилы» в 1820 г.

К моменту второго издания «Ясона» Наумов снова был на службе, но не надолго. В 1818 году он поступил на службу к гр. Милорадовичу, дослужился до чина коллежского советника и вышел в отставку в 1822 году. Наумов умер 14 июля 1833 года.

Наумов — типичный представитель дилетантской приказной литературы. Человек дела, он прибегает к стихотворной речи лишь на досуге или же в тех случаях, когда это имеет практические результаты: свои оды он пишет тогда, когда они «доходят» до адресата; лишь только он лишается покровительства, как у него пропадает всякая охота славить монархов. Как добросовестный служака, Наумов усиленно старается доказать, что он стоит на официальной точке зрения. Так, незадолго до смерти он издает «Мои мысли о важности и твердости самодержавия» (1832). Возможно, что по своим политическим убеждениям он искренно исповедовал казенную точку зрения. Но как лицо недворянского происхождения, выросший в Москве, столице русской буржуазии, он не в силах преодолеть своих социальных симпатий и тяготений. Его стряпчатая деятельность — борьба за либеральные идеалы, отнюдь не официально-дворянские. Отсюда его конфликт с действительностью, отразившийся и на его личной судьбе.

«Ясон», понятно, лишь эпизод его юности; это — литературное явление, характерное для тех кругов, в которых росли и развились Наумовы.

**ЯСОН, ПОХИТИТЕЛЬ ЗЛАТОГО РУНА
ВО ВКУСЕ НОВОГО ЕНЕЯ**

Российское сочинение

К читателю

*О ты, который в кабинете
Запершись день и ночь сидишь,
Ты любишь мудрствовать о свете,
И — всё на свете сем хулишь!
Карета ль мимо проезжает,
Иль песни весельчак поет,
Тебя всё это раздражает,
И весь надоедает свет.*

*О ты, которому досадно,
Когда ворона закричит
Или мышь под полом пищит,
Тебе покажется не складно,
Хотя б запел и Аполлон.
Всегда ведешь ты строгий тон;
Чело угрюмое ты хмуришь,
Глаза, читая книгу, щуришь;
Пар с десять на нос вздев очков,
Клянешь издателя стихов:
Какой-де он шалун негодный,
Ты под нос сам себе ворчишь,
Принявши вид, педантам сродный,
С сердцов ногою в пол стучишь;
По мне пожалуй хоть ударься
С досады о печь головой,
Да над самим собою сжалься,
И после берегись, не взвой. —
А лучше, господин Философ,
Без нареканий и расспросов,
Коль не по вкусу книга, брось.*

*А кто имеет нрав веселый,
Рассудок тонкий, здравый, зрелый,
Тот может ясно усмотреть,
Что я не бегал к музам в клеть.
Поэтом зван быть не желаю,
Не для того и сочинял,
От музы чтоб венок достал.
Не звал на помощь Аполлона;
Не важного певец я тона;
Коль время есть, люблю шутить;
Шутя, других тем забавляю,
И сам могу доволен быть.
Стихи писал я от досугу,
Свою чтоб скуку разогнать;
Веселым сделаю услугу,
Угрюмым не за что ругать;
Без иску с рук сойдет авось.*

Н . . . м . . в .

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Ясон такой старик был милой,
Что любо дорого смотреть;
Сберется, как бывало, с силой,
Всех мнет и давит, как медведь.
Как вихрь сердитый гнет былинку,
Так он подхватит, как пылинку,
Какой бы кто ни был герой.
Бывало много не хлопочет,
Когда подраться с кем захочет,
Лишь кулаки насучит в бой.

Бурлацкого он был покрою
И нравов буйных молодец,
Кулачного заводчик бою,
Отменный в битвах удалец;
Мошенник знатный и гуляка,
Колдун, пресильный, забияка,
От всех отменный удалством.
Ему, бывало, кто наскучит,

Того он так, как чорт, измучит,
Вези хоть в Инвалидный дом.

Охоту страшную к буянству
Он с малолетства возымел;
Потом, привыкши сильно к пьянству,
С буянами знакомство свел,
Плотненько с ними подружился,
Бурлить сам скоро научился,
Беспутною повесой стал;
Взлюбил кулачные он бои,
Хоть часто сам терпел побои,
Но биться всё не преставал.

.....

Как баба на гумне молотит,
Так он героев молотил,
Подхватит супостат, колотит
Своих по превосходству сил.
Когда изволит разыгаться,
Не думай с ним никто равняться,
Коль кто не хочет быть урод.
От паука летят как мухи,
Страшася данной оплеухи,
Бежал так от него народ.

.....

Фессальским жителям наскучил
Ясон, играя как палач —
Людей премножество измучил,
Везде был слышен вой и плач.
Седые головы уныли,
Рвались, кричали и вопили:
Терпеть не стало больше сил,
Иной рвал волосы с досады,
Иной себя бил без пощады,
Другой, как волк, от страха выл.

Но чтоб размыкать им кручину,
Такому горю пособить,

Ясона, буйного детину,
Хотели до смерти убить:
Но это будет-де бесславно,
Его поймать бы должно явно;
А кто ловить его пойдет,
Того иль сам он по лбу смажет,
Иль бурлакам валять прикажет —
Не надоед ведь белый свет!

.....

И так совет собрать решились
И думу крепку положить;
Седые старики тащились,
Не зная, дело как решить.
Коль наказать его — ужасно;
Опять оставить так — опасно:
Иль в куль да в воду посадить?
Нет! дело — то и то не ладно;
Ему покажется досадно,
Как мы его начнем топить.

Тряслись советники, дрожали,
Как черна немочь проняла;
Судьи с совета убежали,
Толпа подъячих чуть врала;
Однако ж хоть и много врали,
Ясона головой избрали.
Таков-то страшен был Ясон,
Фессальским избран головою,
Чтоб злобною своей игрою
Людей не гнал со света вон.

Что ж делать? все тогда кричали,
Чем гнев Ясонов отвратить?
Как мы его ни убегали,
Однако ж не могли уйтить.
А ныне головой избравши,
Почтенье должно оказавши,
Заставим милостивым быть.
Он нас, как подданных, возлюбит,

Тем больше жар свой усугубит,
Что будем мы его любить.

Он мирно будет нами править
И нам уж не о чем тужить;
Он может нас от бед избавить,
И мы спокойно будем жить.
Такой совет все утвердили,
Ясоново здоровье пили,
Теснились, будто клад нашли,
Иль словно как из мертвых встали;
Иные в жмурки заиграли,
Иные танцовать пошли.

От радости открылись балы,
Спешил скорей всяк на кабак,
Все принимались за бокалы;
Клал бедный за губу табак;
Хотели все повеселиться,
И чем-нибудь лишь бы напиться,
Чтоб прежни горести забыть.
Шумели, врали и бурлили,
Дрались, друг друга колотили,
И снова принимались пить.

Народа сонмы наполняли
Пространный Бахуса дворец;
Менять лишь бочки успевали —
Сам Бахус спрятался в ларец,
Боясь в поставке неустойки,
И страшной от того расстройки,
Запершись в ларчике дрожит.
Бурлили пьяные герои,
Как будто приступали к Трои;
Уж много раненых лежит.

Такою слыша Вакх тревогу,
С досады так, как вол рычал,
Хоть то и неприлично богу,
Ругаясь, сквозь зубов ворчал.
Уйти хотел — нельзя умчаться,

Чтоб пьяным в руки не попасться;
Того лишь только и глядит,
Что как герои подерутся,
То до всего уж доберутся,
И ларчик к чорту полетит.

От страха ль то, иль от досады,
Изволь читатель сам спросить,
Вакх к небу обращает взгляды
И хочет милости просить:
«Куда какой старик беспечный
«Злой варвар и бесчеловечный! —
Он так к Юпитеру взывал, —
«Ну, что как Бахуса ухвают?
«Тогда ведь и на небе взвоят
«И с ним окончится весь бал.

«Мне очень то терпеть обидно,
«Меня начнут как колотить,
«Да и тебе ужель не стыдно
«Хлеб-соль мою, старик! забыть?
«Прямая ты, Зевес, розиня!
«Когда б не правила богиня,
«Давно б ты царство потерял,
«Давно бы по миру скитался,
«Поданием людским питался,
«И стадо бы в луга гонял!

«Оскаливши большие зубы,
«Уткнувши в пол горбатый нос,
«И толстые развеса губы,
«Сидишь, как к месту ты прирос;
«Сидишь на месте, как насадка,
«Иль как жеманная кокетка,
«Чтобы красы не потерять,
«Сложивши ручки, сжавши ножки,
«Надевши желтые сапожки —
«За что тебя нам почитать?

«Велел ты, по своей чтоб воле,
«Как хочет, так вращался свет;

«Меня в плачевной кинул доле,
«Забыл, уснул, и нужды нет!
«А свет весь так и колобродит,
«Как в бочке брага с хмелем бродит.
«Пошли все вещи не путем;
«Где прежде аз стоял, там буки,
«На месте ног растут уж руки:
«Тебе ли в свете быть царем?

.....

«Молчи старик, молчи жестокий!
«Насмешку эту оплачу;
«Ведь ты не Аргус, не стокий,
«За горло я тебя схвачу!
«Теперь изволишь потешаться,
«Изволишь в карты забавляться;
«А я здесь в ларчике сижу!
«Где без меня возьмешь нектару,
«Такого золотого дару? —
«А я давать не прикажу!

«Тебе ль рулем всемирным править:
«Твоих ли это дело рук?» —
Зевс одр изволил лишь оставить,
Немецкий надевал перук;
В прекрасном белом пудремане,
Сидел на бархатном диване,
Улыбку нежную являл.
Олимп в покое находился,
И свет божественный струился —
Но Вакхов глас покой прервал.

Юпитер, выслушав пьянюгу,
В ответ так начал говорить:
«Пора тебе, любезну другу,
«Пора бы голову сломить!
«Дивлюсь тебе я, сумасброду,
«Что ты не надоешь народу.
«Коль можешь ты ругать меня?
«Словами бранными поносишь

«И вместе о пощаде просишь;
«Страшись громового огня!

.....

«Терпеть мне от него досадно;
«За эту дерзость я отмщу!
«Он мне смеется — ну, да ладно,
«Громовый огонь в него пущу! —
Потом в Олимпу обратившись,
Сказал богам он рассердившись:
«Как закричу на вас я: цыц!
«Хоть вы совсем не виноваты,
«Тотчас во фронт все, как солдаты,
«Или попадаете ниц.

«А то сей сумасброд напившись
«Себя считает лучше всех;
«Подравшись с кем иль побранившись,
«Не думает, что это грех.
«Как кошка сам же ведь наблудит,
«Поздорит с кем иль где спрокудит,
«Да сам, как робкий заяц, прочь;
«А там и слезки уж распустит,
«Иль лясы в уши мне подпустит;
«А я и тщусь тотчас помочь.

.....

«И Бахус мой всё куралесит;
«Жалею я, что он мой сын;
«Пять раз в одну минуту взбесит,
«Не наготовлюся дубин.
«Катаю кажется довольно,
«Как бью, кричит: ой больно, больно,
«Не стану, батюшка, блажить!
«Я этому тотчас поверю;
«А он меня так, как тетерю,
«Всё за нос думает водить!

.....

«Родительское сердце нежно:
«Я должен Вакху пособить,
«Пусть и совсем то безнадежно,
«Чтоб мог когда он лучше жить. —
«Хоть голову сломя бегите,
«Везде Меркурия ищите, —
Сказал тогда Зевес богам:
«Скажите, чтоб сейчас явился,
«Скорей в дорогу б нарядился,
«И крылья привязал к ногам».

Как гончие пустились боги,
Толкал один другого в зад,
Лишь только что мелькали ноги,
Теснились будто в маскарад.
Юнона, бегучи проворно,
Венеру в бок зашибла больно,
За это вышел страшный шум;
Венера давши оплеуху
Юнону сшибла с ног, как муху;
Нептун же был Венере кум.

.....

Нептун ухлопал бы Юнону;
Но Марс Юноне был сынок,
Нептуну, гордому барону,
Изрядненький он дал пинок:
«Как смеешь бить ее, скотина? —
Вскричал на Опина Марс сына, —
«Ты знаешь, чья Юнона мать?
«Со мной своей попробуй силы,
«Как я тебя взоткну на вилы,
«Так ты и будешь Марса знать!»

Пошла на небе суматоха,
И некому богов унять;
Прекрасная была эпоха;
Друг друга начали ругать,
Как с цепи сорвались собаки:
Дошло уж дело и до драки,

Война на небе началась:
Нептуну Марс вцепился в рожу,
Сдирал с лица ногтями кожу,
И кровь его рекой лилась.

.....

Венера от него бежала,
Хотела лыжи наострить,
Но зацепилась и упала.
Чем было горю пособить?
Ее Марс тотчас достигает,
Бока пинками начиняет.
Кричит Венера: «караул!»
А Марс тем более бесился,
Венере в волосы вцепился,
По голове дубиной дул.

«Не внемлю твоему я стону;
«Я много уж тебе спущал;
«Ты лучше будешь знать Юнону! —
Венеру бивши Марс кричал. —
«В долгу я верно не останусь,
«И вдруг с тобою не расстанусь;
«Не думай, матушка моя,
«Ты Марса долго не забудешь,
«И после каяться уж будешь.
«Что стал тобой обижен я».

Вулкан тогда был в карауле,
Дежурить должен был в сей день;
С клюкой сидел в железном стуле,
Был неподвижен так, как пень.
Под клеть к Морфею закатился,
В сон преглубокий погрузился,
И о дежурстве позабыл;
Словнехонько наелся маку
Иль принял фунта два кирьяку;
Но слыша «караул!», вскочил.

«О! чорт бы вас побрал злодеев, —
Со сна ворчал он сквозь зубов; —

«Не лучше ли б жить без затеев,
«Чем лить свою, подравшись, кровь?
«Их чорт научит побраниться;
«А я изволь тут суетиться: —
«Ну, можно ли мне их унять?
«Поди-ка к Марсу притронися,
«Отведай, только с ним свяжися;
«Он может всех нас зашвырять.

«А я же человек увечный;
«Уж подлинно пришло хоть взвыть.
«Всё Зевс меня бесчеловечный
«Сюда изволил отрядить.
«На месте сем быть лучше б Мому;
«А то досталось мне, хромому,
«Изволь пожалуй рассудить.
«Уж мне ль служивым быть уроду?
«Хоть камень на себя да в воду;
«Вот как на свете трудно жить!

.....

«Ах, Марс жену мою колотит!
«До полусмерти, вор, прибьет!
«Он рожицу ей всю испортит,
«Ей весь ругаться будет свет.
«Прилично ль драться эдак богу? —
«Забью, сейчас забью тревогу.
«Вот я ему тревзона дам,
«Вот кузнецы ко мне сберутся!
«Они и к Марсу придерутся,
«Смотри — он бьет всё — экий страм!»

Забил тревогу хромоногий,
Кричал: нас режут, давят, бьют! —
На штурм Минос судья шел строгий,
И боги все явились тут.
На шею Марсу все повисли:
«Дубину нам, Вулкан, промысли, —
Кричали все наперерыв. —
«Вот мы ему дадим тревзона;

«Жене твоей мы оборона,
«Ведь только ты один труслив».

Минос один лишь не вступался,
У стенки в уголку стоял,
Угрозам строгим тем смеялся,
«Потише, господа! — кричал: —
«Потише, господа нахалы,
«На это есть ведь и журналы!
«За штурм сей будет худо вам;
«Об этом ведь Зевес узнает,
«Он с терема в окно зеваает.
«Смотри, Марс, ты прибил мадам».

А Марс с богами управлялся;
Их шайку скоро разогнал;
Как мячиками забавлялся;
То вверх, то вниз он их швырял.
Рвались, выли с горя боги:
Иные стали хромоноги,
Иль действия лишились рук;
Иной без глаз, иной без носу,
Подобен доктору Панглосу;
С иного сдернул Марс перук.

На раненых служивых всхожи
Все боги сделались в тот час,
У всех взбороненные рожи;
Их драли будто на заказ.
Сия ужасная тревога
И храбрость бранноносна бога
Зевесов терем потрясла.
Зевес как птичка встрепенулся;
Едва ума он не рехнулся
И кликал своего посла.

«Нигде Меркурия не видно,
«В воде, как будто потонул:
«Как плуту этому не стыдно, —
В сердцах державный Зевс рыкнул.—
«Придет мне самому тащиться,

«В телегу праздничну садиться,
«И посмотреть, что там за шум?
«Ведь уж не даром бьют тревогу;
«Собратся поскорей в дорогу;
«Не просто верно этот штурм».

Зевес, как барин, одевался:
Надел парадный свой кафтан,
Белился, в букли завивался,
Принес духов и спиртов чан.
Потом убравшись, как должно,
Пошел скорее, как возможно,
В сарай, где экипаж стоял;
Тащил огромную телегу,
Забыв убранство, стыд и негу
К дороге всё приготавлиал.

Потом пошел и за ослами,
И их к телеге силой вел,
Опутал их кругом ремнями,
Запрягши в экипаж свой сел.
Шагов с десяток лишь отъехал,
На камень колесом наехал,
Коней своих не мог сдержать;
К несчастью ось переломилась,
Телега на бок повалилась,
И Зевс изволил уж лежать.

А кони всё его тащили,
Их было некому унять,
Весь череп Зевсу размозжили,
И он стал день тот проклинять.
Собрал все силы, встал, умылся,
Как волк он на ослов озлился,
Кнутом по рылу их хлестал.
Закрыв он лоб свой паутинкой,
Замазал рану тотчас глиной,
Ни в чем как будто не бывал,

Тогда на небе было грязно,
Зевес испачкал свой кафтан;

Увидев это взвыл ужасно,
Стоял, безмозглый как баран.
Качал потупясь головою;
Искал платка одной рукою,
Другую слезы утирал.
Тащил тряпичку из кармана
И ею грязь стирал с кафтана;
А сам ослов бурлацки клял.

.....

Но Марс богов приколотивши
Насилу сам от них уплел,
И бельмы в кабаке наливши
К Зевесу с челобитной шел,
Смиренно в коей извинялся,
Что хоть с богами и подрался,
Однако же при всем том прав;
Что он за матушку вступился,
И уж с Венерой помирился,
Имея очень тихий нрав.

Уж Марс к Зевесу приближался,
А сей работу продолжал:
Он колесо надеть старался;
В дегтю все руки измарал.
Марс потихохоньку подкравшись,
Винца с избытком наклевавшись,
Во всё хайло захохотал:
«Не стыдно ль, батюшка, сударик,
«Ты землю всю вертишь, как шарик,
«Теперь в каретники попал?»

Зевес за это рассердившись,
Сынка хотел поколотить:
«Как стелька ты, свинья, напившись, —
Ему так начал говорить, —
«Пришел со мною шутки строить:
«Меня ли смеешь беспокоить?
«Мне грустно, видишь, без тебя!
«Я весь дорогой растерялся;

«Ты лучше б мне помочь старался,
«Меня как батюшку любя».

Марс Зевсовым словам смеялся,
Занявшись наперед вином,
Бурлацки с батюшкой ругался,
Не уступал ему ни в чем.
К ним боги все толпой бежали,
Дрались, бранились и кричали.
Стыдился очень их Зевес,
Что в сей работе упражнялся,
И весь в дегтю перемарался,
Совался, прятался, как бес.

Хотел от них предаться бегу,
Да нет, уж поздно, не уйтить,
Так лучше спрятаться в телегу,
Лишь бы себя не остыдить.
Но боги это предузнали,
И так к Юпитеру взывали:
«Нас, сделай милость, рассуди!
«Мы друг на друга рассердились,
«И на дороге побранились;
«Не разберемся без судьи!»

Зевс должен внять сему прошенью,
Не очень рад хоть, а готов;
Быть должно ссоре их решенью,
И должно помирить богов.
На ум кому что приходило,
Иль с пьянства в голове бродило,
В суде по-своему врал всяк.
Тряся Юпитер бороною,
Кивнул раз десять головою;
Усы разгладил, как поляк.

«Вот я! — сказал и заикнулся, —
«Ох, что бишь я хотел сказать?
«С судом сим я ума рехнулся.
«Да! да! в работу вас отдать.
«Вулкан, ты вычини телегу,

«Чтоб завтра мне поспела к бегу.
« А ты с трезубцем, ты, Нептун,
«Ты с вилами, козел брадатый:
«Эк бельмы выпучил, проклятый!
«Глядит вор словно, как колдун!

Ведь ты не дворянин природный,
«Служивый человек, матрос;
«Так за вину свою, негодный,
«В моей конюшне чисть навоз.
«А ты, Марс, человек военный
«И в трудолюбии примерный,
«Перекопай мой огород.
«Венера, ты оставь наряды
«И поливай с капустой гряды,
«Чтоб лучше был капусте род.

«А ты срывай цветки, Юнона!
«Тебе довольно сих трудов.
«Нарвав их рассыпай вокруг трона,
«На коем сядет бог богов.
«Минос, ты в драку не вступался,
«Стоял поодаль и смеялся;
«За это я тебя люблю.
«Пожалуй, сослужи мне службу,
«Прошу тебя об этом в дружбу,
«В ином тебе сам пособлю.

«Безумных этих сумасбродов
«Я за Меркурием послал;
«Надейся на таких уродов!
«Ведь Бахус мой в ларец попал.
«От пьяных он туда убрался;
«А я о том-то и старался,
«Чтоб Бахуса увезть, мой свет!
«Ведь уж не скоро уплетется,
«Как пьяным в руки попадетса;
«Свезешь же после в лазарет».

Минос, как судия, шел важно,
И подпирался рычагом,

Кричал во всё хайло отважно:
Престрашный поднял шум и гом.
Принявши образ секретарской
И с гордой выступкою барской
Меркурия везде искал.
А сей бедняк зашел к Вулкану
Вина с ним тяпнуть по стакану,
И сидя в кузнице дремал.

Минос ходивши утомился,
Не думал, чтоб его нашел;
Вадурился сыщик, взбеленился,
И с горя в кузницу вошел.
Узрев Меркурия ругает,
Бежать ему повелевает
И пред Юпитера предстать.
Меркурий, парень сам не промах,
И сведущ будучи в законах,
Изволил над судьей шпынять.

.....

Меркурий, строгости не внявши,
Как в ум пришло, его ругал;
Миносу в харю наплевавши
Стремглав к Зевесу побежал.
Досадно то Миносу стало
Его бесчестье, что пропало,
Пустил Меркурию во след,
Большой с земли поднявши камень:
Отшиб от кузницы им ставень,
И кузнецу наделал бед.

Вулкан, по данному приказу,
Тащил Зевесов экипаж;
Хотел исправить по заказу,
Кричал: «кураж, Вулкан, кураж!»
Увидевши ж отбитый ставень,
Завыл, как деревенский парень,
Миносу во слезах кричал:
«Молчи, негодный забияка,

«С крючками злобная собака;
«Молчи, продерзостный нахал!»

Кузнец принялся за работу,
Стучал тяжелым молотком;
Довольно пролил, бедный, поту
И утирался кулаком.
Тогда предстал Меркурий к Зевсу
И представлял собой повесу;
Как бешеный к нему вбежал:
Жеманно кланялся и модно,
Что петиметру очень сродно,
И ручки нежно пожимал.

Лети в Фессальский град поспешно,
Зевес Меркурию сказал,
Мой Бахус плачет неутешно;
Он горькой участи подпал.
Сыщи его в питейном доме;
Лежит в ларце он на соломе.
В питейный оный дом взойди,
Скажи, чтоб он бежал оттоле,
Не медлил ни минуты боле,
Иль сам его хоть проводи.

.....

Запряг Меркурий одноколку,
Помчался в Фессалийский град,
Голодному подобен волку,
Готов скакать хоть в самый ад.
Колотит лошадей бездушных;
Сфер с десять пролетев воздушных,
Узрел вдали питейный дом.
Подъехавши остановился,
И как посол, приосамился,
В кабак обрушился, как гром.

.....

Меркурий тотчас отпер ларчик,
И Бахуса пустил на свет:

Вакх побежал, как резвый мальчик;
Простыл уже по нем и след.
Уж стало Бахуса не видно. —
Послу казалось обидно,
Что нет ему магарыча.
Досыта всякий наклевался;
А он лишь к стойке продирался;
Клял Вакха, старого хрыча.

.....

Едва Меркурий покусился
Налить себе вина крючок,
Один из пьяных рассердился,
И в спину дал ему толчок.
Тогда сонм исполинов пьяных
Причиной мятежей стал явных;
Все принялися бить посла;
Лишь косточки его трещали,
Со всех сторон его щипали,
Тузили точно, как осла.

Из рук от пьяных свободившись,
Из ада, думал, что ушел;
Слезами бедненький залившись,
К Зевесу с жалобой пошел. —
Тогда убор свой поправляя,
И шапку на главу вздевая,
На ноженьки свои взглянул;
Увидел, что уж крыльев нету;
Не взвидел белого он свету;
С печальным видом воздохнул.

Доплелся кое-как к Зевесу,
И горько перед ним взрыдал:
«Теперь похож я на повесу, —
В слезах к Зевесу он зывал, —
«Пьянюги крылья ощипали,
«Из кабака меня прогнали,

«Беды за мною по пятам.
«Куда итти мне ни случится,
«Везде несчастье приключится,
«Ну, что это такой за страм?»

«Скажи мне, царь и повелитель,
«Доколь несчастлив буду я?
«Ты счастья общего строитель;
«Несносна участь мне моя.
«Я с горя лучше брошусь в воду!»
Вещал Юпитер сумасброду:
«Пожалуй так не горячись;
«Смирней будь сам — никто не тронет;
«Из кабака вон не погонит;
«По мне, пожалуй, утопись».

Посол сердился на Зевеса,
И сам себе так говорил:
Беспутная Зевес повеса,
Ты лучше б пьяных усмирил.
Пошел с судбища недоволен;
С досады головой стал болен;
В сердцах Юпитера ругал.
Теперь на небе уж спокойно,
Пошло попрежнему всё стройно.
Посмотрим на Фессальский бал.

Конец первой песни

Е. ЛЮЦЕНКО

~~О Творении~~
Васюла,
или
Желания.

Часть вторая.

Теневъ представа себе Давидъ,
Ламону, Душману, Авессу,
Котора, образу: Васюла сь Висомы
Свои воишебнои красоти
Низор ~~хитру~~ ^{стрелы} ~~авъ~~ ^{и въ} ~~бортъ~~ ^{получи} ~~бортъ~~
Составляе ^{отрадная зретью} ~~исорь~~ ^{всёра} ~~вотъ~~ ^{не} ~~зретью~~
Съ ~~дети~~ ^и ~~кото~~ ^{въ} ~~свѣтъ~~ ^{въ} ~~роденіе~~ ^{по} ~~по~~ ^{вѣтъ}
Моя не пожесть, но... но все они или мѣтъ,
Все хубствуетъ ^и ~~исорь~~ ^{въ} ~~свѣтъ~~ ^{въ} ~~роденіе~~ ^{по} ~~по~~ ^{вѣтъ}
~~Ахъ!~~ ^{лучше въ} ~~свѣтъ~~ ^{въ} ~~роденіе~~ ^{по} ~~по~~ ^{вѣтъ}
~~Съ~~ ^{дети} ~~и~~ ^{кото} ~~въ~~ ^{свѣтъ} ~~въ~~ ^{роденіе} ^{по} ~~по~~ ^{вѣтъ}
Представа ^{всёра} ~~вотъ~~ ^{не} ~~зретью~~

Оба издания «Похищения Прозерпины» (1795 и 1805гг.) вышли анонимно. Но первому изданию предпослано предисловие авторов, подписанное буквами «Е...Л...ко» и «А...К...кий». Буквы эти легко расшифровываются. Сопиков приписывает эту поэму Александру Котельницкому, и это дает нам расшифровку второго имени. Что касается первого, то в Словаре светских писателей Евгения Болховитинова «Похищение» названо среди произведений Е. Люценко. Это подтверждается и автобиографией Люценко, сохранившейся в материалах Болховитинова.

Остановимся сперва на личности Е. Люценко. Ранний период его жизни и литературной деятельности достаточно обрисован им самим в автобиографической записке, переданной им Е. Болховитинову ок. 1808 г. Приводим ее полностью:¹

«Ефим Петрович *Люценко* (титулярный советник и товарищ неперменного секретаря Человеколюбивого общества в хозяйственном отделении) родился 1776-го года октября 12-го Черниговской губернии в селе Яновке от священника Петра Люценко. — До 1791-го года обучался в Черниговской семинарии, где слушал поэзию, а потом в благородном кадетском корпусе в Шклове и напоследок с 1793-го в императорском Московском университете; 1799-го апреля 4-го произведен студентом; мая 11-го дня тогож года несмотря на убеждения университетской конференции, чтобы остался по части словесности в университете, уволен по собственному его желанию в числе истребованных высочайшим

---

¹ Она хранится в Ленинградской публичной библиотеке среди погодинских бумаг, во втором томе материалов Болховитинова (Погод. № 2009; листы 378 и 379). Даты в прямых скобках вставлены нами.

Данные автобиографии, в части касающейся служебной карьеры Люценко, пополняет следующий документ: «Аттестат служившему в Д-те Уделов столоначальником тит. сов. Ефиму Люценко в том, что он в службу вступил по высоч. требованию из Москов. университета студентом в бывшую практическую школу земледелия 1799 г. апреля 27, где по высоч. указу произведен в кол. регистраторы 1800 июля 31, наставником хлебопашества 801 июля 12-го; по уничтожению оной школы переведен в д-т уделов 803 октября 27. Губ. секретарем того же 803, дело № 31. По высоч. указу пожалован в чин, тит. сов. 806 генваря 1 и утвержден столоначальником 809 июля 16, уволен в 811 СПб Авг. 7. 1811 г.» В отчетах Вольного общества любителей российской словесности за первые годы он значился надворным советником в комиссии Спб. провиантского депо (1816), позднее — надворным советником при Военном министерстве (1817 и сл).

повелением восьми человек студентов в бывшую близ Сарского села школу практического земледелия, в которой за оказанные в хозяйстве успехи 1800-го года произведен помощником наставника хлебопашества, а 1801-го наставником. По уничтожении практической школы земледелия [1803] переведен в Департамент уделов, где и поныне продолжает службу.

«Сочинения и переводы *напечатанные* суть следующие:

(1) Похищение Прозерпины стихами, в 3-х песнях, на изнанку, в Москве 1794-го; в С.-Петербурге второе издание 1805-го года.

(2) Наука любить, поэма с франц. стихами, напеч. в Москве. [1798]

(3) Путешествие в Азиатскую Грецию, с франц. в Москве.

(4) Яшиньки и Жеоржеты 2-ая часть, в Москве. [1796]

(5) Собрание кратких экономических сочинений, основанных на практике и опытах славнейших английских фермеров с франц. в 2-х частях. 1806-го года, в С.-Петербурге.

6) Бургсдорфа о лесоводстве с немец. в 2-х частях; 1803-го года, в С.-Петербурге. — (Сию книгу он переводил вместе с некоторыми его товарищами в практической школе земледелия.)

«Но большая часть его сочинений и переводов, в стихах и прозе, помещены в журналах: «Дело от безделья», «Приятное и полезное препровождение времени»; в первых частях «Иппокрены»¹ и в С.-Петербургском журнале: «Для пользы и удовольствия», в издании которого он трудился наиболее. Кроме того некоторые стихотворения напечатаны особливо, как то: Ода на прибытие его императорского величества государя императора Павла Петровича в Москву для всерадостного коронования [1797]; Благодарность его превосходительству статскому советнику и кавалеру, медицины доктору Самойловичу, в городе Николаеве 1804-го года и проч.

«Не напечатанные:

(7) Чеслав, эпическое сочинение из Российской истории, 1806-го года [1818].

(8) Перфонтий и Вастола, шуточная повесть вольными стихами с немецкого, из стихотворений Виланда. 1807-го года [1836].

(9) Избранные места и краткие поэмы из лучших древних и новых иностранных писателей, стихами.

(10) Воспитание, поэма в 4-х песнях с франц. из 9-ой части изданного на французс. языке г-м Доратом собрания героид (в руках сочинителя «Ядра Российской истории» г-на Нехачина).

(11) Сельская экономия для дам, часть I с чертежом (в руках его превосходительства Алек. Ник. Олен.).

(12) Систематическая выписка из 24-х частей Трудов С.-Петербургского императорского вольного экономического общества (в руках его превосходительства Алекс. Алекс. Витов.)»

---

¹ «Приятное и полезное препровождение времени», равно как и сменившая его «Иппокрена» были университетскими изданиями, выходившими под редакцией профессора университета Сохадского и преподавателя университетского пансиона Подшивалова. Участниками этих журналов были преимущественно лица, связанные с Московским университетом. — Б. Т.

Из этой автобиографии мы видим, что литературная деятельность Люценки началась очень рано, еще в 1792 г., когда автору было только 16 лет, в журнале А. Г. Решетникова «Дело от безделья». В следующем 1793 г. он участвовал в журнале того же Решетникова «Прохладные Часы», о чем он почему-то не упомянул в автобиографии. «Похищение Прозерпины» напечатано было также в типографии Решетникова. В «Приятном и полезном препровождении времени» за 1794—1797 гг. им напечатано около сорока разнообразных стихотворений: идиллий, од, посланий и т. п. Таким образом имя его приобрело некоторую известность, и в 1805 г. А. Варенцов, помещая в своем «Журнале для пользы и удовольствия» его оду «Энтузиазм», сопроводил ее таким примечанием: «Г. сочинитель пьесы сей уже известен читателям приятностию слога и искусною отделкою трудных предметов, почему за особое удовольствие поставляю изъявить ему признательность мою за доставление в сей журнал своих сочинений».

Наряду с литературными занятиями Люценко медленно преуспевал и на служебном поприще. Уже самый тон его автобиографической записки характерен для среднего чиновника. Отразилось это и на нескольких почтительных посланиях и одах, тон которых не может быть всецело объяснен литературными условностями эпохи. Однако судьба его слагалась в этой области не особенно благоприятно. Ему постоянно приходилось менять места службы. В августе 1811 г. мы застаем его в должности секретаря хозяйственного правления Царскосельского лицея, в чине коллежского ассессора, с окладом в 1500 р. в год.¹ К этому времени он уже обзавелся семьей (вероятно с 1806 г.) и у него на руках было трое маленьких детей. Здесь, в Лицее, произошла первая встреча его с Пушкиным. Прослужил он здесь недолго, и в 1813 г. перешел в библиотеку Вольно-экономического общества, где и работал в качестве библиотекаря и хранителя архива. В 1816 г. он основал вместе с другими мелкими литераторами петербургское «Вольное общество любителей российской словесности».² С 1816 по 1818 он принимал деятельное участие в обществе и печатал свои произведения в органе общества «Соревнователь просвещения и благотворения». В первое полугодие он даже состоял председателем общества, но мало участвовал в его работе: так как находился в длительных служебных командировках. На второе полугодие он был избран цензором стихотворений и кандидатом помощника председателя. В качестве цензора поэзии переизбирался до августа 1818 г., когда на эту должность

¹ В Лицей Люценко устроился повидимому через своего начальника по Практической школе земледелия, протоиерея Самборского, тестя Малиновского, первого директора Лицея.

² А. Д. Боровков в своих автобиографических записках говорит: «...17-го января 1816 г., собрались у меня учредители общества: я, Никитин, брат мой Иван и надв. сов. Люценко, из студентов Московского университета, напечатавший уже несколько сочинений и переводов своих в стихах и прозе. Прочтен был проект устава; сделаны исправления, изменения и заседание кончилось» («Русская Старина», октябрь, 1898 г. стр. 54).

был избран А. Крылов. В обществе читал много своих произведений; среди них в 1818 г. прочитана была и поэма «Перфонтий и Вастола». На заседаниях общества он встречался с бывшими лицеистами Дельвигом и Кюхельбекером, а может быть и с Пушкиным. Дальнейшая его жизнь сложилась не особенно удачно. Он не сумел приспособиться к новым литературным течениям, оставаясь попрежнему на позициях поэта 90-х годов XVIII в. В десяти годах XIX в. его произведения еще печатались, а затем имя его исчезает. По свидетельству Плетнева он «служил в военном министерстве чиновником и, по общей слабости чиновника из класса ученых, попивал» (письмо Я. К. Гроту 1845 г.).

Очевидно нужда заставила его обратиться к Пушкину. Его поэма «Вастола», написанная еще в 1807 г., оставалась до 1835 г. неизданной. Из ее издания он хотел извлечь прибыль, и за содействием обратился к Пушкину, который взял на себя хлопоты по изданию. О ходе дела мы узнаем из письма Пушкина к Люценке: «Милостивый государь, Ефим Петрович! Мне право совестно за хлопоты, по которым ввожу ваше превосходительство¹. Смирдин не сдержал своего слова; полагаю, в самом деле обстоятельства его запутаны. Печатание вашей поэмы не может стоить 1500 рублей; он ошибается. Отъезд мой в деревню мешает мне взяться самому за это дело. Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста. Надеюсь, что с своей стороны сделает он всё возможное. С истинным почтением и совершенной преданностью честь имею быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугою А. Пушкин. 19 августа 1835 г.»

Официальный тон этого письма показывает, что Пушкин не особенно охотно взялся за издание произведения Люценки. Однако к новому году поэма вышла в свет анонимно, под следующим заголовком: «Вастола, или желание. Повесть в стихах, сочинение Виланда, издал А. Пушкин. СПб. 1836.»

Имя Пушкина, выставленное для повышения коммерческой ценности книги, конечно не свидетельствует о том, что он действительно принял на себя расходы по изданию поэмы. Да он и не имел возможности заняться в эти дни меценатством, так как был в стесненном положении и сам просил Николая I о выдаче ему ссуды. Есть известие, что в издании «Вастолы» принял участие Ив. Петр. Песоцкий, купец, впоследствии известный своими изданиями «Репертуара русского театра» и «Военной галереи Зимнего дворца».

Сохранился автограф «Вастолы» (принадлежащий Г. А. Гуков-

¹ Это титулование показывает, что Люценко уже дослужился до высокого по тем временам чина статского советника, в котором он и умер. Относительная его бедность свидетельствует, что он, повидимому, был уже в отставке. Чиновники его масштаба обычно ограничивали свою службу тем, что с грехом пополам дотягивали до пенсии, для чего требовалось 35 лет службы. Для Люценки этот срок наступил в 1834 г. Возможно, что издание «Вастолы» было предпринято в связи с переломом в материальном положении, когда, после выхода в отставку, ему пришлось перейти с полного оклада жалования на скромную пенсию.

скому). В конце в нем стоит дата 4 января 1834 г., но повидимому это дата переработки. Самый текст написан раньше. Автограф состоит из двух частей беловых с позднейшими поправками на бумаге с водяным знаком 1820 г. и третьей части более черногого вида на бумаге без водяных знаков. На титульном листе есть помета «Напечатана 1836-го года в С.-Петербурге». В тексте титула стоит приписка: «Издана А. Пушкиным», но при этом указано также: «Перевод с немецкого Е. Люценки». В рукописи находится предисловие, не появившееся в печати. Оно характерно для литературного направления переводчика, а потому привожу его полностью:

«Две части сей повести Виланда, изданные им в 1784 году, переведены мною в 1817¹ из его избранных Стихотворений (Auserselene Gedichte), напечатанных 1789—1794 года. В новом издании 1815-го прибавлена к одной третья часть, хотя и две первые составляли уже целое, — доказательство, что Автор, пропуская и 31 год после того, чувствовал важность содержания сей поэмы, тем более, что она была принята публикою с отличным удовольствием. В самом деле, это психологическое повествование заслуживало любви его. Оно нравоучительно и вообще занимательно.

«Что касается до моего перевода то сказать я должен, что передавая сие творение Виланда на русский язык почти в тех же вольных размерах, какие в подлиннике, я много отступил от одного в одних выражениях, соображаясь с духом и вкусом нынешнего времени; исключил многие (по мнению моему) ученые излишности, бывшие лет за 30 в моде у немецких писателей, и заменил их своими словами, изречениями.

«Наконец полагаю, что если поэма Душенька, соч. Богдановича, стоит на ряду с лучшими подобного рода стихотворными произведениями всемирной словесности, то Вастола, соч. Виланда, заслуживает по предмету своему не менее внимания благоразумных читателей, — и если перевод мой, которого недостатки я сам чувствую, будет ими принят благосклонно, — согласно с правилами Горация в таком случае пустою критикою какого-нибудь диктатора, деспота, законодателя, грамматико-монополиста русской литературы, торгующего ею, я никогда не интересуюсь, пренебрегу корыстолюбивые сплетни его и никогда возражать не буду».

Предисловие это, повидимому, предназначалось для второго издания, и в последних строках Люценко разумел Сенюковского.

Появление этого перевода, на котором отсутствовало имя переводчика, но находилось имя Пушкина, было встречено резкими журнальными отзывами. В «Телескопе» Надеждина по этому поводу было напечатано следующее: «Вышла стихотворная книжка, зовомая «Вастола или Желание», у которой на заглавном листе напечатано *«Издавал А. Пушкин»*. Можно б подумать, что это принадлежит к объявленному в Петербурге изданию *классических русских писателей*, и что пиима сия есть труд блаженной памяти стиходетеля А. П. Сумарокова... Во всяком случае мы полагаем, что это должна быть какая-нибудь литературная

¹ Это противоречит данным автобиографии, где перевод отнесен к 1807 году.

мистификация, которой объяснение предоставляем будущности. Особенно резко выступил Сенковский в «Библиотеке для Чтения»: «Для многих еще не решен вопрос о «Востоле». Каждый толкует по своему слово «издал», которое, как известно, принимается в русском языке также в значении — написал и напечатал... Пушкин не станет обманывать публики двусмысленностями, чтоб делать кому добро. Он знает, что должен публике и себе. Если в слове «издал» и не было двусмысленности, если бы оно и принято было здесь в самом тесном его значении, он знает, что человек, пользующийся литературною славой, отвечает перед публикою за примечательное достоинство книги, которую издает под покровительством своего имени, и что, в подобном случае, выставленное имя напечатлевается всею святостию торжественно данного в том слове. Он охотно вынет из кармана тысячу рублей для бедного, но обманывать не станет, — ни вас, ни меня». После статьи Сенковского выход «Востола» превратился в литературный скандал. Об этом писал Белинский в «Молве»: «Востола наделала много шума и в нашей литературе и в нашей публике. Имя Пушкина, выставленное на этом сочинении, напоминающем своими стихами времена Тредиаковского и Сумарокова, подало повод к странным сомнениям, догадкам и заключениям».

Понятно, весь этот шум объяснялся вовсе не бездарностью «Востола», а главным образом ее совершенной несвоевременностью. Произведение в духе «Душеньки» Богдановича действительно было мало уместно в 1836 г. Кроме того издателями «Библиотеки для Чтения» и «Молвы» руководили не во всем возвышенные чувства стремления уязвить журнального конкурента Пушкина, выступившего с «Современником». Пушкин был возмущен фельетоном Сенковского, причислял его к «свиньям и мерзавцам», бушевал против лиц, повторявших его «нелепости» об обманутой публике (что едва не вызвало дуэли с Хлюстиным), но в печати ограничился очень умеренным разъяснением дела, напечатав в «Современнике» следующее:

«В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель Востола хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения, с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать*: слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано.

«В том же журнале сказано было, что «Востола переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему на прокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей».

«Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни, от кого бы то ни было.

«После такого объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание

ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным».

О дальнейшей жизни Люценки известно очень мало. Он умер 26 декабря 1854 г.¹

От полного забвения его спасла несчастная история с изданием «Вастоль». На забвение обрекала его роль эпитона сумароковской школы. Меж тем, среди подражателей Богдановича он мог бы занять не последнее место, если бы его «Вастола» не запоздала на 30 лет появлением в свет. В 1836 году она уже не нашла своего читателя. В свое время она не показалась бы чужаковатой и старомодной. Можно предположить, что она не осталась безывестной лицеистам, и как занимательная шутовская сказка в стихах, не противоречившая карамзинистским вкусам молодежи (ведь был же Карамзин поклонником ее прототипа «Душеньки»), могла в свое время произвести отнюдь не отрицательное впечатление. Не Люценке ли обязан Пушкин своим ранним знакомством с именем Виланда (см. в «Послании Юдину»: «Люблю... Вольтера, Виланда читать»), а в таком случае, быть может, в «Руслане и Людмиле» мы найдем стихи, навеянные воспоминанием о «Вастоле», впоследствии принесшей поэту столько неприятностей.

Ни Люценко, ни Котельницкий не обладали ярко выраженной поэтической физиономией, которая дала бы возможность учесть долю каждого в создании «Похищения Прозерпины». Вероятно все-таки, что первая роль принадлежала Люценке, обладавшему к моменту ее создания большим поэтическим опытом. На это указывает и первое место, занимаемое его подписью под предисловием авторов, и то, что в своей автобиографии он безусловно приписывает ее себе, считая нужным в другом случае оговорить сотрудничество других лиц.

---

¹ Подробный свод сведений о Люценко см. в статье Б. Л. Модзалевского «Пушкин и Ефим Петрович Люценко», «Русская Старина» 1898 г., ноябрь.

ПОХИЩЕНИЕ ПРОЗЕРПИНЫ

от сочинителей

(Предисловие к первому изданию)

Известно всякому, с какою благосклонностию принята публикою «Энеида» г. О. Сие превосходное в своем роде творение, какого только ожидать было можно, произвело наконец нового подражателя, г. Н. Но кто не скажет, что подражание его слабо? Читая «Язона» и «Энеиду» едва можно найти малое подобие. Вся первая песнь г. Н. состоит почти из одной безобразной смеси мало значущих действий, которые более кажутся детским, нежели пиитическим воображением. Не смотря на то, поэма его принята публикой, и некоторые читают ее с немалым удовольствием. Красоты блестящие в некоторых чертах оной дают ему сие преимущество.

Но когда таковое предприятие г. Н. было увенчано желаемым успехом, то и мы льстимся надеждою, что сей опыт маловременных трудов наших, невзирая на погрешности в нем находящиеся, будет принят публикой благосклонно. А дабы удобнее достигь сей цели, сообразуясь вкусу и обстоятельствам, сколько возможно старались мы представить его в новом виде, в простом, натуральном, который более нравится читателю. — Церера у нас простая поселянка, а Прозерпина, дочь ее, как деревенская девушка со всею простотою характера, свойственного ее состоянию. Сие самое и дает уже нам некоторое право, что поэма наша не есть из числа тех, в которых лица представлены в том самом баснословном состоянии, в каком описали их языческие стихотворцы. Если же где и выступали мы из границ предписанных нашему перу, то единственно для того, чтобы придать большую силу и живость описанию.

Есть картины с некоторою вольностию представленные: но что сочинение без духа! что сочинитель без вольных мыслей? — Произведения разума его мертвы, и если где и блестит роса на листочках, то редко. Не были бы в толикой славе памятники философо-поэта нашего, если бы вольность не была позволена его лире; и элегии

г. Сумарокова не почитались бы толь прекрасными, если бы не были наполнены той приятною вольностию, которую умел он изобразить с таким искусством. Почему тот роман кажется нам забавным, в котором видно свободное, не закрытое течение смелого воображения? Конечно, без того он казался бы скучен, и не читают той книги, в которой соблюдена строгая скромность.

Мы надеемся, что нечистоты в стиле, случающиеся в нашей поэме, будут извинительны, — это еще первый плод и произведение нашей юности. Да и где не бывает погрешностей в начальных посяжениях к литературе не опытных, но ревностных, молодых писателей. Камуенс, Милтон, Джонсон долго скрывали свои таланты, наконец воссияли во всей славе своей, но не в таких летах, не в таком состоянии, как мы. Средства и вспомоществования не мало послужили им к удобрению и открытию дарований. Поощрение к наукам, понятие о истинном просвещении, вкус народа, знание в выборе и достоинстве сочинений вот что сделало их стихотворцами. Но когда следуют единственно своему сердцу, так что еще осталось избирать ученому, здоровое и полезное сочинение его почтут произведением глупости, и презрение заставит его молчать навсегда. Тасс сделался достойным по смерти. Кто знает его историю, как не прольет горьких слез на гробе сего несчастного стихотворца, и купно не пожалеет о слепоте человеческой. Гомеру воздали почести тогда, когда уже обратился он в персть. И так должно сообразоваться заблуждению, если кто хочет принести удовольствие читателю, или по крайней мере не причинить ему скуки.

Употребление прав, данных стихотворцам, как то: смешивание слов, частая прерывчатость материи и рассеянность мыслей, всё сие есть принужденность, и мы старались избегать того по возможности. Их выдумало невежество и пользуются те только, которые не стараются о своем сочинении; короче сказать, площадные писатели — вот всё то, в чем мы могли предварить читателя касательно до нашей поэмы. Впрочем, ежели она в праздное время принесет ему удовольствие, то сие уже и будет нам защитою от всех Зоилов. — Мы успели в нашем предприятии.

Е... Л...ко

А... К...кий.

Покойный Осипов Энея
Удалы подвиги воспел,
Майков проказы Елисея,
А Тредьяковский подрадел
Стихотвореньем Телемака;
Но бранноносный забияка,
Ахейский рыцарь, Ахиллес,
И хлебородная Церера,
Хоть славны оба у Гомера —
У нас забыты и поднесь.

Я сделать первого не в силах:
Воспеть Ахилла вверх лицом
Не станет жару в моих жилах;
На то быть надо молодцом.
К Церере ж матушке, признаться,
Я мог без страха привязаться.
Чтоб сей кормилице людей
Принести на жертву хотя строчку,
Прославил с другом ее дочку;
А что милее нам детей?

Богиня сделала то диво,
Что первый опыт наших сил
Был принят публикой счастливо:
Уж весь он в гости укатил!..
Такому радуясь успеху,
Для назидательного смеху
Я взял вновь песню лет младых,
И перестроивши, как знаю,
Благоговейно повергаю
К стопам читателей моих.

Когда понравится сугубо
Для них красавица моя,
Сие мне крайне будет любо:
Не надо мёду для меня;
(Поэты ведь честолюбивы.)

---

¹ Ко второму изданию, 1805 года.

Когда же критики брюзгливы
На Прозерпину нападут,
То осердясь, еще другую
Издам поэму пребольшую;
Пускай типун над ней собьют.

А ты ступай благополучно,
Моя красотка, в шумный свет!
Повесели, кому там скучно,
Но слушай — вот тебе совет!
Кто опершись всегда на столик
Молчит, тот верно меланхолик,
Шутливость коему — пустяк.
Коптя над мрачною системой,
Он всякой брезгает поэмой,
Где нет ни *следственно*, ни *как*.

Беги от глаз его, как можно,
Когда ты хочешь быть живой.
Иначе, он тебя безбожно
Ударит об пол головой.
Ты в мелки части разлетишься,
И среди улиц завертишься,
Иль на обвёртки вся пойдешь.
Но к тем, которые смех от скуки
Зовут лекарством — вкрадись в руки.
Ты в них друзей себе найдешь.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Не время ль, Муза удалая,
И нам с тобою затянуть?
Смотри — писак какая стая!
Поют, гудят, трещат, ревут.
Ужели мы одни отстанем,
Не прибодримся и не грянем
Во всю Ивановску с тобой?
Ну, право, свет мой, очень стыдно,
Когда нас будет там не видно:
Ведь не мудрее нас другой.

Подай же, матка, мне волюнку;
А чтоб клеилось поладней,
Качнем шампанского бутылку,
Закусим парюю сельдей.
И се, в восторге после пойла,
Мой дух, как добрый конь из стойла,
Летит к Парнассу во всю прыть!
Прочь, прочь вы, критики, нахалы!
А вас, любезны зубоскалы!
Прошу свой слух ко мне склонить.

Пою красотку Прозерпину,
Девчоночку в пятнадцать лет —
Плутона хватского детину,
Каких не много видел свет.
Вотще ужасные препоны
Сии великие персоны
Старались всячески развесть:
Они их всех преодолели,
И славной той достигли цели...
Но не угодно ли прочесть?

За тридевять в десятом царстве,
В Геннейской славной стороне,
В изящном прежде государстве,
В Сицилии, как мнится мне,
Места прекраснейшие были:
Бореи никогда не выли,
Один Зефир всегда шипел,
Никто нигде там не шумаркал,
Не дрался, не кричал, не плакал;
В весельи песенки всяк пел.

Никто там с жиру не бесился,
Рассудок за нос всех водил,
Но хоть и Фертик бы сцепился,
То всяк бы ус ему разбил.
Никто не знал кулачных боев,
Хоть было пропасть сих героев,
Не пили до смерти вина;
Когда же скуку прогоняли,

То редко штофы оставляли,
Чтоб их не высушить до дна.

Там озеро *Пергам* стояло,
Исполнено чистейших вод,
Луга ближайши напояло,
Где всё цвело чрез целый год.
Оно прекрасно, чисто было,
Прозрачностью превосходило
И самый Гу-кванский хрусталь.¹
Птиц множество туда слеталось,
В пространстве око заблуждалось,
Обозревая его даль.

Вокруг веселой сей водицы
Растет кедровый, частый лес,
Где с соловьями райски птицы
Поют концерты меж древес.
Где львы, ни волки не бывают,
Опасности от змей не знают;
Фиалки, розы лишь цветут;
Древа красуются плодами,
Земля утыкана грибами,
И всяки ягоды растут.

А там близь леса есть лужочек,
Природы целой красота.
Курчавый миртовый лесочек
Приосеняет те места.
Ручьи его пересекают,
Один другого в зад толкают,
И в ровны стороны бегут —
Как пьяные чертят мыслете,
Стучат, как едет кто в карете,
Жужжат, шумят, журчат, ревут.

Покрыт душистыми цветами
Лужочек превеселый тот,
Как небо в ясну ночь звездами,

---

¹ Гу-кванг — город в Китае, славный по своему хрусталю.

Иль огурцами огород.
В иных местах тьма роз алеет,
Тут ближе лилия белеет,
А там синеет василёк.
Вблизи там рощица тениста,
Кудрява ива здесь ветвиста,
А там виднеется кусток.

Среди сих мест стоит лачужка,
В которой счастливо живет
Церера, добрая старушка,
Старушка — во сто тысяч лет.
Бедняжка всех зубов лишилась,
В рот клала, тискала, давилась;
Обед бывал у ней по дню.
Клыков торчали хоть остатки,
И те чрезмерно были шатки:
Пришлось чавкать размазю.

Лицо ее в молодые годы
Как алый розовый цветок;
А после, вышло как из моды,
То стало точно как сморчок;
Не смеховидно — кисловато,
Не мягко — грубо, прыщевато,
Не бело — сине как свинец,
Не нежно — брюзгло как мякушка,
Не мило — скверно как лягушка,
Или раскислый огурец.

Отвисли толсты, сини губы,
Как в летний жаркий день у пса;
Наружи десны бледны, грубы;
Исчезла словом вся краса.
Явились на лице морщины,
На голове бугры, плешины;
А за спиною вырос горб.
Отвисли под носом сосульки,
Везде ей кажутся кривульки,
Глава ушли совсем под лоб.

Мудра была сия старушка,
О коей я теперь писал;
А что она была горбушка,
Овидий в том нас уверял.
Грибунья, старая хрычовка,
Была велика колотовка,
И будто сто имела глаз;
Ничто от ней не укрывалось,
Ничто нигде не убавлялось;
Запишет всё мелком тотчас.

Церера, добра скопидомка,
Сама старалась всё узреть.
И впрямь, такая экономка
Могла ль чего не досмотреть?
В полях — везде сама бывала,
Нередко песни запевала,
Когда хорош родился хлеб.
Но только засуха случалась,
Ревела волком, надседалась,
И уходила в свой вертеп.

Не знаю, от чего богата
Сия старуха так была;
Старуха чорна, морщевата
Земли всей госпожей слыла.¹
Крестьяне все ее любили,
Однако ж кашку дать сулили
В одно несчастно время ей.
Когда потерпишь, позеваешь,
Читатель! ты сие узнаешь
Из третьей песенки моей.

К ней жито в житницу валилось
Из всех вселенных сторон,
Плыло, катилось, мчалось, лилось,
Текло без всяких забабон.
Оброк Европа присылала:

---

¹ Церера, по мифологии, значит богиня земледелия. Ей воздвигнуты были храмы в разных местах Греции, и у древних римлян в Италии.

Различным хлебом засыпала
Анбары, житницы ея;
Азийски области плодами,
Мехами, фидами, сельдиями
Снабжали из свово бытья.

Американские народы
Кокосы доставляли ей,
И трав различные породы
Несли начальнице своей;
А дикий африканец черный
Таскал в довольстве ей отборны
Различны сладкие плоды,
Игрушки, прянички и мыло. —
Всего у ней довольно было,
Как в синем море есть воды.

Церера баба неуклюжа;
Но не всегда такой была:
Была млада — в руках у мужа
Великой редкостью слыла.
Ее портрет мы видим ныне
В отменной дочке Прозерпине,
Красотке первой изо всех,
В которой всё — такое чудо,
Что описать ее не худо,
Хоть наведешь иных на грех.

Ее янтарные глазёнки,
Черты прекрасного лица,
И нежны, розовы губёнки
К себе воротят все сердца.
Короткий, востренький носочек,
Высокий, складненький лобочек
Цветущей лилии белей.
На щочках розы расцветают,
Весенни, ясны дни являют, —
Что может быть ее милей?

Хоть не подкрашенные брови,
Но во сто раз темней чернил;
Приятный голос как соловий,

Как волос тонок, нежен, мил.
Власы украшены цветами,
Большими стелются волнами
По беломраморным плечам;
Высока грудь как лебедина...
И словом — девка Прозерпина
Зазноба добрым молодцам.

Чему притом она не знает, —
Варить ли, стряпать, прясть, иль шить?
Иль по-французски не болтает,
И не умеет гладить, мыть?
За что ни примется, клеится,
Куда ни кинь, во всё годится
Красотка милая сия.
Ну, если б ты ее работку
Хоть раз увидел — во всю глотку
Вскричал бы: *правда, брат, твоя.*

Притом, и свойств она двояких,
О коих скажем строчки две:
Имеет, сверх талантов всяких,
Запасец добрый в голове.
Как скоро дело затевает,
Тотчас помыслит — успеваает;
Рассудок ей дает урок. —
И роза, лучший из цветочков
Не распускал еще листочков;
Еще в ней свежий, чистый сок.

Скавать короче без коклюшек,
Что эта девка хоть куда;
Для хватов — прелесть меж подружек,
Церере ж — светлая звезда.
Венера кляча перед нею,
Сравнить и *Душеньки* не смею,
Что Богданович нам воспел.
Да льзя ль, чтоб всех богов правитель
Сей девки будучи творитель ¹
Чего ей дать не доумел?

¹ Прозерпина, по мифологии, была дочь Юпитера.

Был день — несносный день жарами;
Как кот Фѣб на небе играл,
Горошил всех по лбам лучами,
И к чорту в воду всех гонял.
С отверстыми собаки ртами
Брыле развеса с языками,
Шатались, бегали везде.
Свинушки хрюкали, визжали,
В грязи копаяся лежали,
Не могли пособить беде.

Индейки, гуси и цыпляты
Раз пять бесились на часе;
Бараны, лошади, теляты
Как пьяны перебились все. —
Уж дело к вечеру клонилось,
Подальше солнце укатилось,
Простерлась всюду тишина,
Прохладны ветры веять стали,
Гулять все девки побежали;
Геката ¹ дома лишь одна.

Но и она не утерпела,
И к матушке своей в покой
Вбежавши, жалобно запела:
«Ах, матушка! денёк какой!
«Вгляни, как небо чисто, ясно,
«Как птички все поют прекрасно;
«Всё радуется! — только я
«Сижу в великой скуке дома,
«Ни с кем как будто незнакома;
«Пожалуйста, уволь меня!

«Позволь мне в лес пойти Геннейский ²
«Я наберу тебе грибков». —
«Ах, негодяйка, нрав злодейский! —
Вскричала мать ее с сердец:
«Куда те чорт несет таскаться,

---

¹ Так называется другим именем Прозерпина.

² Лес, окружающий озеро Пергам.

«Иль хочешь в срам какой попасться,
«И окручинить ввек меня?» —
«Голубка матушка! увольте,
«О мне пещися не извольте»
Опять вопила дочь ея.

На шею ей, как пень, повисла
И стала в губы целовать;
Расплакалась пред ней, раскисла,
И тронула до сердца мать.
«О дитяtko мое родное,
«Покинь намеренье худое! —
Она ей ласково рекла. —
«Послушай ты меня, старуху,
«И чтоб не впасть тебе в проруху,
«Оставь, мой друг, что начала.

«Мое сердечко что-то бьется,
«Худое нечто чую я.
«Как в лихорадке кровь трясется,
«И будто бы не та я вся.
«Эй! не ходи, любезна дочка;
«Покушай — вот тебе блиночка,
«Вот масло — хочешь поливай.
«Ба!.. вижу, дитяtko, ты плачешь,
«Рыдаешь, воешь и кудахчешь;
«Ну — так ступай себе, ступай.

«Ступай, но только берегися,
«Чтоб не сбылась моя тоска;
«Не упади, не ушибися,
«Не выколи себе глазка.
«Не издери, смотри же, платья —
«А паче всякого несчастья
«Поберегись, не утони.
«Я ужась этого боюся,
«И всякий раз о том крушуся.
«К воде ни близко, чур! ни, ни».

Взыграло сердце Прозерпины;
Поклон отвесила большой;

Два, три в прибавок, и — в полспины
Чевeртый наконец меньшей.
Цереру-матку прижимала,
Ее всю в прах расцеловала,
Не знала делать что тогда.
Скакала, прыгала, резвилась,
В ладошки хлопала, бесилась:
Была ль так радостна когда?

Потом довольно поюливши
В чулан пустилась, как олень;
Кокoшник матушкин схвативши,
Скорее вдеда набекрень.
Он был украшен галунами,
Тафтяный шитый с лопастьями
И на подобие дуги.
Головку ж примочила квасом,
Златым связала сзади гасом,
В аршин висели две серьги.

Рубашка тонка, полотняна
Обшита прозументом вся;
Косыночка из тарлатана
Скрывала нежну грудь ея.
Атласна с сбором душегрейка
Желта, как хинска кинарейка,
Тепла, мягка как гусий пух.
Камчатна долга исподница
Красна, как алая зарница,
Покрыта фольгою вокруг.

На ножках беленьки чулочки
Из лучших тамошних шелков;
Сафьянны красны чеботочки,
Обвиты лентой в пять узлов,
Красу не малу придавали:
При солнце блески испускали —
Понеже были лощены...
На пальцах кольца золотые,
Надеты перстни дорогие
Довольно странной толщины.

Одевшись толь великолепно
Помчалась к нимфам, как стрела;
Представ пред ними велелепно,
«Пойдем, — запыхавшись рекла, —
«Пойдем, сестрицы, поскорее,
«Не медлите, ну, ну живее;
«Лукошки не забудьте взять,
«Кувшины, баночки, корзинки,
«Чтобы смородинки, малинки,
«Клубнички и грибков набрать».

А нимфы, девки чернобровки,
Любили также погулять:
Тотчас примаслили головки,
Готовы были уж бежать.
Федора, Фёкла, Акулина,
Хавронья, Дарья, Катерина
И много множество других
Лизнули вслед за Прозерпиной,
Как рой за маткою пчелиной;
Таков порядок был у них.

Как козы прыгали, играли
На поле вырвавшись стремглав;
Запели громко, засвистали
Берёзу хором заорав.
Федора басом запевала,
Хавронья дышкантом визжала,
А Фёкла прыгала под лад;
Рычала волком Акулина,
Давала такту Прозерпина:
Таков в их пении был склад.

Под песни прыгавши довольно,
Не стало наконец их ног.
Местечко было там привольно,
Решились севши сплесть венки
Своей подружке Прозерпине;
Потом сложились по полтине
Послать за полпивом для всех.
Хавронья услужить желая,

Минуты больше не теряя,
Скакнула тотчас в храм утех.

Медку и бражки нацедила
Кувшины полны, пуда в три;
А чтоб и больше удружила,
Купила паисной икры.
Кувшины вздевши на дубинку,
Икру же спрятавши в косынку,
Бежала высуня язык.
Ее как нимфы увидали,
Прекрасно! bravo! закричали,
Что инда кряхнул их кадык.

«Ура! ура! — бежав кричали, —
«Хавронья удружила нам!»
В свои объятья заключали,
И сев живее по местам —
Кувшины за уши схватили;
До дна их тотчас осушили,
И закусили все икрой.
Вдруг мальчики в глазах явились,
Взбесились девки, взбеленились,
Разжженны брагой молодой.

Меж тем, мурашки как бродили
По брюху и составцам их,
Две нимфы палочки схватили,
Пиликать начали по них —
На скрипке будто как играли;
Другие ж гаркали, плясали,
Ломались, врали на заказ;
Играли в мячик, в серу утку,
Боролись, дрались будто в шутку,
И пропасть делали проказ.

Кувшинов двух не дотянувши,
В лесу повесили на сук,
Травкою накрепко заткнувши,
Чтобы не влез какой паук.
«Дай срок, — они так говорили, —

«Мы двух кувшинов не допили,
«Так пусть висят на ветвях сих;
«А мы как скоро протрезвимся,
«То их дохлопать возвратимся...»
Но жаль, случилось не по их.

Когда насытились девицы
Гуляньем радостным таким:
«Пора уж в лес итти, сестрицы»,
Сказала Прозерпина им.
Тогда все вместе собралися,
Пошли, пришли и — разбрелися
Между деревьями в лесу.
«Ау, ау», везде кричали,
И именами называли
Раз пять и больше на часу.

У них условие было в поле,
Чтоб севши обществом в кружок
Кто наберет цветов поболе,
Тому сплести из них венок.
Сей мыслью нимфы льстятся прелестны,
Обегали места окрестны,
Чтоб только им венок сплели.
По рощам и горам бродили,
И всюду, где цветы лишь были,
Где только ягоды росли.

Иные милой Прозерпине
Желая лучше услужить,
Грибов набрали по корзине,
Чтоб матушке ее стащить;
Иные яйца птичек брали,
Другие в чашах отдирали,
Свалаясь от полпивных паров.
Над нимфой сей слабонатурой
Смеялись прочи, как над дурой,
Лишив с цветами башмаков.

Когда ж довольно нагулялись,
Ходя по рощам и горам,

То к Прозерпине собирались
Неподалеку от Пергам.
Там ткнув полпива по площадке;
Они смотрели, в чьем лукошке
Поболе ягод иль цветов.
А Прозерпина не дремала,
Букетов с двадцать наломала
В кокошник ставя в пять рядов.

Ей соплели венок прекрасный
Из лилий, ландышей и роз,
Гвоздики и пионов красных,
Которых был там целый воз.
Потом надев ей на головку,
Как с пуд рогатку на коровку,
Котора в тай себя сосет, —
Не много поигравши в жмурки,
Друг дружке подали все руки,
Чтоб там составить хоровод.

Играй, любезна Прозерпина!..
Оставим мы тебя, дружок;
Не знаешь ты, что зла судьбина
Тебя огреет поперёк...
И так огреет, озадачит,
Что всё сердчишко тут заскачет...
Однако ж, Муза, чур не врать!
Что там с красоткой ни случится,
Заране хвастать не годится,
А лучше дале отдирать!..

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Еще не начал одеваться
Владыка адоких мест Плутон;
Он дожидался умываться
В постели лёжа, как барон.
Вдруг адъютант к нему вбегает,
Что ночью мельницы ломает,
И содрогаясь говорит:

«Вставай, о царь! вставай скорее!
«На съезжей два сидят Тифей,¹
«А третий под горой лежит.

«Как заяц пойманный в тенетах,
«Всяк час там бьется сей буйан;
«Как сом блюет водою в сетях,
«Он сыплет огненный фонтан.
«Краснеет Этна, как денница,
«Или кумачна исподница.
«Земля, камня и леса
«От великанской дюжей лапы,
«Как на кулачной битве шляпы,
«Летят за третьи небеса.

«Поднять он хочет бремя Этны
«И испускает страшный стон;
«Но все натуги его тщетны,
«Привязан под землю он:
«К Пелору правою рукою,
«К Пахину тяжкому другою,
«А к Этне маковкой своей;
«Средина их легла на брюхо,
«А уголок на лево ухо;
«За ноги держит Элибей.

«Он встать не может — но к несчастью
«Отверстья сделались в горе.
«Он угрожает нам напастью;
«*Спасенье подданных в царе:*
«Ты защити свои поместья,
«Вели закупорить отверстия,
«Чтоб солнца свет к нам не проник».
Плутон погладивши по роже —
Мороз подрал его по коже —
Велел, чтоб дрожки были в миг.

---

¹ Тифей был начальник великанов, или гигантов, осаждавших небо; кроме его древность имела еще двух. Он по баснословию покрыт Этною и тремя Сицилийскими мысами: Пелором, Пахином и Элибеем.

Хвостом махнувши вестник черный
Помчался выполнить приказ;
Из всех он парень был маторный,
И дрожки заложил как раз.
Сел чорт на козлы хромоногой
Балясы подпускать дорогой;
А впереди бежал отряд
Крючков, гусаров, скороходов,
И множество других уродов,
Которы составляют ад.

Безумный вольности любитель
Оглобли вместо вделан был.
Умов нетвердых раавратитель
Наместо хомута служил.
Мошенник был согнут дугою,
Руками к ним и головою
Приправлен плотно как гужи;
Прицеплен к пупу колокольчик,
К узде привязан за хохольчик;
Витий кричал: *правей держи.*

Философы, что ergo пели,
Поставлены вместо осей,
За то, что мозгом всех вертели,
И ввяли ложно титул сей;
А критики несправделивы,
Которы будучи болтливы
Кололи без пощады всех,
Порочны быв — добро хулили,
В колесах спицами служили. —
Всегда наказан будет грех!

Но вот Плутон уже выходит,
И развалясь на дрожки сел.
Ступай! Вития свади ноит,
И колокольчик загремел.
Мигнувши кучер долгим усом,
На место плети толстым брусом
Стегнул, махнул по всем по трём;
Припрыгнул, вскрикнул, свиснул, гаркнул,

Вожжами дёрнул, нукнул, каркнул,
Запел и заорал козлом:

«С пути на путь, с горы на горку
«Ну, ну, живее не ленись.
«Вот елка,¹ барин даст на водку;
«Качай, валяй, не шевелись.
«Поразвернися, коренная,
«Поприбодрися, вороная,
«Хоть на минуточку одну.
«Еще, дружки, еще немножка,
«Тут хороша везде дорожка.
«Дружней, лошадки, ну, ну, ну!»

Так, стоя в козлах, он горланил,
И молодецкий глас его
С приятным звоном барабанил
В окружностях пути того.
Плутон сей песнью веселился,
А кучер чуть не надсадился
Во удовольствие ему.
Но лишь он Ваньке дал на водку,
Хватив, он так разинул глотку,
Что угодил бы хоть кому.

Меж тем, — как бурю носимый
По взморью Финскому челнок,
Иль голубь соколом гонимый,
Иль в печке щи через горшок,
Они стремились так на дрожках,
Нигде не медля на дорожках.
Долины, горы и леса
В глазах мерещились, мелькали,
И лишь колеса их сверкали —
Кружилась твердь и небеса.

Не милями и не верстами
Их дрожки меряли тогда,
Но мчались целыми землями,
Мелькали только города:

---

¹ Елки ставятся над вывеской кабаков по дорогам.

Из долу в дол, из царства в царство,
Как в праздник знатное боярство
С поклоном к Зевсу во дворец,
Летели, прыгали, качали,
И как дорогу окончали —
Достигли Этны наконец.

Но коль Плутону было дико,
Когда предстало пред глаза
Природы пугало велико —
Гора свистяща в небеса!
Как слабило ее всечасно,
И как ревел под ней ужасно
Рыгая пламенем Тифей.
Он изумясь, остолбеневши,
Вверх руки сложены воздевши
Стоял недвижим восемь дней.

Уже тьма тьмуца душ собралась
Пред Елисейский вертоград,
Но дурь Плутона не прервалась:
Он ни вперед тут, ни назад.
Уставя буркалы на Этну,
На тьму огней ее несметну,
Как на красотку петиметр,
Стоял столбом, вверх нос закинув,
Оскаля зубы, рот разинув,
В который как в трубу дул ветр.

Но напоследок опасенье,
Чтоб свет в тартарью не проник,
Разгнало прочь его волнение,
И он велел, чтоб в тот же миг
Дружней к работе приступили.
Тотчас все бросились, схватили
Ушаты, трубы, топоры;
Тушили гору не робея.
Потом, как залили Тифея,
Землей засыпали дыры.

Тогда Плутон во всем параде
Объехать Этну предпринял:

Но к большей он своей отраде
Отверстий новых не сыскал.
Венера — волокитств богиня —
Известно баба не розиня,
И любит над людьми трунить.
Она узрев его мгновенно
Заегозила непременно
Его с пути прямого сбить.

Итак, сынка к себе позвавши
На лоно нежное взяла,
И раз пяток поцеловавши,
Умильно так ему рекла:
«Любезный сын, — моя отрада,
«Престола нашего ограда!
«Ты сын послушного отца,
«И мне не менее любезен.
«Так будь же так, как он полезен
«Мне покоряя всех сердца.

«Возьми сей лук и эти стрелы,
«Которыми пронзаешь их;
«Они остры еще и целы,
«И не были в руках твоих.
«Ты натяни свой лук потуже,
«И закали стрелу поглубже
«В грудь бога, ад который взял;¹
«Коль всех богов ты победитель,
«И если сам Громодержитель
«Руки твоей не избежал,

«Почто ж такой еще фефёла
«Твою поднесь не знает мать?
«Почто и до его престола
«Не простираешь нашу власть?
«И то довольно нераденье
«Уж навлекло на нас презренья
«Бесславное на небесах.

---

¹ Сатурн имел трех сыновей, между которыми в разделе Плутому достались подземные места, как-то Елисейские поля и ад.

«Мне не дают нигде проходу,
«И лучше кинуться уж в воду; —
«Как дура все глядят в глаза.

«Зачем-де гордая Паллада¹
«Осталось девкой навсегда.
«Такая мне, сынок! досада,
«Такое горе и беда!
«Но если мы предосторожность
«Не примем, сколько есть возможность,
«И будем лишь довольны тем,
«Что нас душою чтут все сферы,
«Упустим так же дочь Цереры,
«Тогда пропали мы совсем.

«И так ты сделай, чтоб влюбился
«В нее немедленно Плутон.
«Хоть в преисподню он забился,
«И там пусть знает наш закон.
«Послушай мать свою ты нежну,
«Яви услугу ей полезну,
«Коль выгоды мои хранишь:
«Пронзи его своей стрелою,
«На Проверпину вдууй горою,
«Как кошка дуется на мышь».

Тут Купидон колчан схвативши
На плечки маленьки надел,
И мать улыбкою почтивши,
Поднялся, взвился, полетел —
И чуть его уж видны пяты.
Венерины ж златы палаты
Стоят на прекрутой горе:
Снаружи блещущи сапфиром,
Внутри обиты казимиром,
И ходят девки на дворе.

Венера тут скорей вбежала
В амурный алый свой диван,

---

¹ Паллада или Минерва сохранила девство.

Дитя глазами провожала
Разлегшись на софе charmant. —
А что за место это было,
И что там с ней происходило,
Про то лишь ведает Яга.
А повествуют, что Анхизы,
Ермии, Марсы, Адонисы
Вулкану ставят там рога. ¹

Там виден жертвенник прекрасный
Пред туалетом возвышон;
Как солнца майского луч ясный
Блится тако златом он.
На нем уныло — нежно — пленны
Сердца любовью зачумленны
В драгих подсвешниках горят.
Вокруг венки висят зелёны
Руками милых соплетёны;
Курится в плошках аромат.

Но обратимся мы к Амуру,
Оставим мать его на час.
Какую строит там фигуру,
То не касается до нас.
Пред зеркалом ли нежно стоя
Любуется, жеманства строя,
Она что очень хороша:
Глядит на язычок и губки,
Рассматривает белы зубки,
Или там скачет антраша.

Ее сынок едва простился
С любезной матушкой своей,
То уж в Сицильи очутился;
И в коноплях как воробей,
Спустился невидимо на Этно,
Залег там в яму неприметну,
Как волк близъ стада за кустом.

---

¹ Вулкан был муж Венеры, а Марс, Ермий и Адонис были ее любовники.

Плутон уж всю объехал гору,
И кучер ёрил до умору;
Махали черти все хвостом.

Все с хохотаньем возвращались
Туда, где их стоял обоз,
Но лишь с Амуром поверстались,
Как он свой лук уже заёс,
Заёс — и вдруг стрела калёна
Впившись глубоко в грудь Плутона,
На сердце сделала пожар.
Незапно молодец удалый
Как конь вздурился неезжалый,
В себе почувствовав удар.

Велел, свернув с большой дороги,
Скакать не медля ни часа;
То становился вдруг на ноги,
Как филин выпуча глаза;
То вновь на дрожки он кидался,
Зевал, кабенился, метался
Как бешеный по всем местам:
То в лес поблизости Геннейский,
То в мыс Пелор и Элибейский,
И наконец — попал в *Пергам*.

Тут изумленье заиграло
Его встербленным умом;
Забилось сердце, застучало.
Как кто с разбегу кулаком
Кого царапнет прямо в спину,
Так он увидев Прозерпину
Затрясся сильно, задрожал.
Она играла в хороводе
По новой деревенской моде
Куда кто знал, туда бежал.

Плутон же был собой детина,
И самый ловкий человек;
Большого роста в три аршина,
Усы крючками *А ла грек* —

Мочены в ваксе, накладные;
Глаза на выкате большие
Живым напичканы огнем;
Румяны щеки, крамозинны,
С горбом широкий нос орлиный,
Коса с атласным кошельком.

. Бычачья шея кривобока
С высоким, вострым кадыком,
Метлою борода широка
Всклоочена местами в ком.
Пузище до колен висело,
От пива так отяжелело,
Что будто в нем лежал свинец.
На лбу покатою круглы роги,
С икрами толсты, жирны ноги,
И словом — был он молодец.

В великолепнейшей одежде:
В прекрасной, длинной епанче,
Как римляне ходили прежде
Ее повеся на плече.
Короткое полукафтанье,
По нем искусное стеганье.
На голове же он носил
В вершок эбенову корону;
Сапсжки шведского фасону;
И весь наряд тот черный был.

Плутон Сатурныч был детина;
Притом — не молод и не стар:
Лет с лишком в двадцать молодчина,
И с ног до головы угар.
И так не диво, что влюбился,
Иль попросту сказать, вздурился,
Увидя Проверпину он.
Известно — младость ветронога:
К любви прямая ей дорога,
И нет ни малых в том препон.

«Но как бы лучше сладить с нею —
Он с восхищеньем помышлял. —

«Схватив ли вдруг ее за шею, —
Так сам с собою рассуждал:—
«Лишить на месте нежной розы;
«Или презрев совсем угрозы
«И нимф и матери ея,
«Увезть насильно в ад с собою».
Быв занят мыслию такою,
Стоял недвижим — вне себя.

Потом, по долгом размышленье,
Последний способ перемог:
Когда прошло его волненье,
В кустарник скрывшись, он залёг,
Пока игру они скончали,
И за цветами побежали
Как козы в разные места.
Тогда поднявшись легонько,
Он шарк проворнее тихонько
На четвереньках из куста.

И следуя за Прозерпиной,
Не оставляя ни на час,
Как муж жену свою ревнивой,
Не упускал красотку с глаз.
Любовной заражен отравой,
То полз за нею как легавой,
То притулялся вдруг как мышь;
То крался тихо как охотник,
Или за вором огородник,
На подымая очень лыж.

Уж Прозерпина отдалилась
Довольно от своих подруг,
К земле легонько наклонилась,
Чтобы сорвать нарцисс — как вдруг
Плутон с отважностью собравшись,
Как волк исподтишка подкравшись...
Руками обнял поперёк.
Красотка жалко закричала
И все цветочки пороняла:
Плутон с груди ей сшиб платок.

На помощь кликала Цереру
И нимф звала по именам,
Чтоб взял усач в нахальстве меру.
Но было всё по пустякам:
Он положил ее на плечи,
И не внимая бранны речи
Как овцу к дрожкам потащил.
Там посадя с собой, целуя,
И утешая и милуя,
К груди девицу прислонил.

Но как того он опасался,
Чтоб не ударить в грязь лицом:
Чтоб в руки бабы не попался,
Когда увидит кто — словом,
Чтоб из того не вышли дрожжи;
То сам схватив скорее вожжи,
Коней царапнул до груди,
Которых ухарски взнуздали,
И — кони дернули, помчали;
Осталась Этна позади.

Он многи реки проезжая
Чрез влажный Элибейский мыс,
А всех пространнее встречая
Болото смрадное *Палис*,
Направил путь свой к Сиракузам,
Всяк час потряхивая пузом.
Какой же город это был,
Какой судьбою он зачался,
Вращался, цвел, распространился,
И кто его соорудил —

Не будет времени урона,
Когда о том скажу здесь я.
Когда убили Актеона
Бахиясовы сыновья,
То их, с другими молодцами
Прогнали, выхлестав лозами,
Вон из Коринфа всех дубьем.
Они ж в беде не унывая,

Дорогой песни воспевая,
В Сицилию скрылись кораблём.

Там пристань некую узревши,
Составить вздумали совет;
И на крутых берегах воссевши,
Смотрели вдаль на белый свет,
Раскаянья терзаясь ядом.
Катились горьки слезы градом
Из глаз удалых молодцов.
Недвижимы, они молчали;
Потом, одни из них вскричали,
Как будто после сна с сердец:

«Вам полно, братцы! в сине море
«Попризадумавшись смотреть.
«Довольно мыкали мы горе,
«И время перестать терпеть.
«Довольно бедных нас мутили:
«Дубьем по ребрам молотили,
«И били в зубы кулаком.
«Довольно парили нам спину
«За Актеона животину —
«Вам полно слезы дить ручьём!

«Возьмем топор, отерши слёзы
«И станем город созидать.
«Презрев Коринфские угрозы,
«Что нам счастливым не бывать —
«На зло им, здесь себя прославим,
«И дураком того поставим,
«Кто нас глупцами называл».
Тут все берутся за работу,
Таскают бревна, землю, воду,
И город *Сиракузы* стал.

Он час от часу расширялся,
Как воды быстрых рек весной;
Как колесо всегда вращался,
Цвел, как цветочек полевой.
Но рок счастливую судьбину

Преобратил ему в кончину,
Злодейский разрушив залог.
Таков конец для злых явится!
И дело рук их истребится;
Благих же вознесется рог.

Но я уж слишком заболтался,
Пустившись в скучную мораль.
Попасть по нраву всем старался,
А ныне больше любят враль.
Так обратимся же к Плутону
В угодность общему закону.
Я знаю правило свое:
Допей, коль начал пить уж чашу,
Коль заварил какую кашу,
То и доваривай ее.

Проездом в город Сиракузы,
В кругу высокой цепи гор —
Промеж Цианы, Аретузы¹
Есть место, с виду будто двор.
Там лучша всех наяд² Циана,
Как птичка в клеточку захвана,
Жила в струях чистейших вод,
Которы в ток она собрала,
И именем своим назвала
Распространяя оных ход.

Плутону выбежав навстречу,
И растопырившись, как рак:
«Постой, иль я те изувечу —
Она ему сказала так; —
«Так делают ли люди честны,
«Не только боги вы небесны,
«Чтоб девок силой увозить;
«И как паук в тенетах муху
«Замучив оставлять без духу?..
«Возможно ль это вобразить?

¹ Две речки.

² Наяды, богини ручьев и рек: то же, что у русских водяные русалки.

«Там мать, терзаема кручиной,
«В несчастной доле слезы льет;
«Лишившись дочери единой —
«Постылым кажется ей свет.
«Она горшки ей, ложки мыла,
«И в поле рожь смотреть водила;
«Варила щи ей с щавелём;
«Бузы и квасы составляя,
«И стары леты услаждая
«Всегда кормила киселём.

«А ты, поноску как собака,
«Схвативши так ее несешь!..
«Но нет, мошенник! забияка!
«Отсюда дале не пойдешь».
Тут нимфа кубок положивши, ¹
Лошадок за узду схвативши
Назад хотела завернуть.
Но хищник по воде дубиной
Хлестнул — назвав ее *скотиной*,
И дале продолжал свой путь.

Циане было то несносно,
Что перемог ее Плутон:
Она его ругала грозно
И испускала жалкий стон.
В реке зарывшись, кричала,
Бурлила, плакала, рычала,
Пока слезами изошла.
Власы в струи переменились,
И все составы обратились
В те воды, прежде где жила.

Меж тем Плутон с своей добычей
На верх одной горы достиг,
Где человеческий глас, ни птичий
Не слышен век в лесах густых.
Там в бездну страшную спустился,

---

¹ Наяды, или водяные нимфы, обыкновенно изображаются с кубками.

И под землею очутился
У врат жилища своего.
Вдруг сильны ветры заревели,
Чугунны цепи загремели,
И отворился вход в него.

Места являются прекрасны,
Очаровательна земля:
То Елисейски были ясны
Долины, рощи и поля.
Под тенью миртов, кипарисов,
Промеж фиалочек, нарциссов
И Ерихонских алых роз
Счастливы жители сидели:
Гуляли, спали, пили, ели,
Не зная бедности, ни слёз.

Тут Прозерпине безотрадной
Предстали новы чудеса: —
Обширный сад златооградной,
Природы тамошней краса.
К нему наш рыцарь подъезжает:
Красотку с дрожек прочь снимает,
Целует в ручку, в лоб, в роток;
Потом введя ее в аллею
Уходит сам, велев Протею¹
Скорей все входы на замок.

Однак Цереры дочь хитровку
Вотще он вздумал проводить:
Она нашла-таки уловку
В каких местах была, открыть.
В уединенной променаде
Сыскавши щелочку в ограде
Смотрела, уши протянув,
И шум слышала ужасной:
Кричали люди там всечасно
В огне, как в речке потонув.

Не можно рассмотреть глазами
Река иль яма то была:

---

¹ Протей — бог садов.

Везде ревущими огнями
Пылала с клокотом, рвала.
Когда ж немного утихала,
То вопль унылый оставляла
И крики смешенны вдали:
Несчетны гласы слышны были:
Иные помощи просили,
Другие небеса кляли.

Там ноги протянув, сидело
Чудовище, разинув рот:
Власы растрепаны имело,
Закрученный, мышинный хвост;
Глаза кровавы, клык свиновый,
Рога загнутые, козины,
Копыты швабских лошадей; —
С когтями руки человечесьи,
Усы сомовьи через плечи;
А шерсть, как у больших свиней.

Там некто к колесу привязан
За то, что правдой он кривил,
Смолой кипящею обмазан
На счет своих вертится жил.
Дубьем гоняют черти вора,
И не находит он забора,
Чтоб увильнуть от их толчков.
На бочке пьяницу катают,
Плетью приказчика валяют
За то, что брал он с мужичков.

Вдали там виден пес престрашной
На крепко-скованных цепях.
Сей пес огромности ужасной
Стоит при адских воротах.
С большими острыми зубами
И с огненными языками .
Имеет он широкий рот;
Коротки лапы в три пядени,
И черну шерсть, подобно тени;
В пятьсот аршин длиною хвост.

Увидев ясно Прозерпина
Сквозь дырку всё сие в аду,
Вдруг тут же бледна, как холстина,
Без чувств упала на гряду.
Случись, садовый подмастерье
Щипал чесночное там перье:
Он к ней с сим спиртом подоспел —
Ткнул под нос ей, помог подняться;
Но стала так она метаться,
Что он, гонясь за ней, вспотел.

Меж тем собравшись подруги
Ее с собой не видя там,
Пустились в разные округа
Искать по рощам и лугам.
Повсюду рыскали, кричали:
На сосны взлезши, примечали,
Норы исшарили ползком,
Но к сожаленью не нашедши
И поздно уж домой пришедши,
Церере дали знать о том.

Конец второй песни

ПЕСНЬ ТРЕТЯ

Церера дочери лишившись,
Не знала, делать что с тоски:
Дурману будто бы опившись,
Кидалась, рвала всё в куски.
На всё с досадою смотрела,
Нигде веселия не зрела;
Постыл ей сделался весь свет.
На всех сердилась, всех бранила,
Но горю тем не пособила —
Ее Первефоны¹ уж нет.

От слез лицо всё побледнело,
Побольше стало в нем морщин;

---

¹ Так называлась иначе Прозерпина.

С тоски всё тело заболело,
И словом — сделалось хоть кинь.
Потом, как сил уже не стало
Грустить о том, что небо взяло,
Чего судьбою лишена,
Решилась по свету таскаться,
Чтоб лучше ей чрез то дознаться,
Кем дочь ее похищена.

Приняв намеренье такое,
Уж в путь готовилась ползти:
Желанье было не худое
Любезну дочку обрести.
А чтоб дорогой веселее
Итти не скучившись, скорее
Решилась взять с собой запас:
«Когда-де брюхо протрясется,
«А до харчевни не дождется,
«То будет что жевать у нас».

Тотчас поставила опару,
Спеша как можно поскорей;
В аршин сваяла хлебов пару
И засушила сухарей,
Чтоб их распаривши в водице,
Здоровой будто молодежи,
Дорогой голод утолять.
Пирог в котомку после взявши,
Как можно крепче завязавши,
Стремилась по свету гулять.

Но так как ночь уже приспела,
То в ожидании зари,
Легла на лавку, захрапела,
От слез не спавши ночи три.
Во сне ей грезился детина,
К которым вместе Прозерпина
Летела в мрачные места,
Проникнуть взор куда не может,
Где смерть голодна кости гложет,
И где чудовищ больше ста.

Такие грезы в сне мечтались
Церере нашей целу ночь.
Повсюду черти ей казались,
От страху спать пришлось не в мочь.
Покой мечтания прервали,
От глаз дремоту отогнали,
И не дали совсем уснуть.
Она тихонько бормотала,
Да расточатся все! шептала;
Боялась громко и зевнуть.

Вот так-то женский пол страшат
И всяки ночью пустяки;
Впотьмах хоть кошку обретают,
То с ног валяются башмаки.
Вдруг визг великий поднимают,
Мы чорта видели, болтают,
И в страхе провождают день;
Когда ж кто плачущим приснится,
Несчастье, верят, приключится —
А это бабья дребедень.

Но я теперь для вас не стану
Точить ненужную мораль;
В противном случае отстану
Писать мной выдуманну враль.
Когда Церера вспомянула
Что грезилось, тотчас зевнула,
Цыганский пот ее прошиб.
Прегромко, жалобно вскричала,
Мольбу к Юпитеру послала,
Чтоб полк чертей пред ней погиб.

Слова к Зевесу¹ в уши влезли,
И он лишь усом шевельнул,
Виденья разом все исчезли...
Тут кто-то с хвостиком мелькнул
Цереры мимо уstraшенной,
От страха разума лишенной.

---

¹ Юпитер, или Зевес — всё равно.

Не знаю, правда ль то была;
Но то на суд я оставляю
Читателю — а только знаю,
Она что из дому ушла.

Пошла старуха горе мыкать,
Желая кончить все беды;
Везде старалась дочку кликать,
Где только видела следы,
Где только видеть можно было,
Что тут когда-нибудь бродило
Несчастно детище ея;
Сюда, я здесь, и где? кричала —
В ответ *где?* эхо повторяло,
Отставша как овца бляя.

Едва лишь солнца луч являлся
Притекши к нам из нижних стран,
Уж сон Цереры прекращался —
Она плыла чрез океан,
Из коего опять землями,
Потом водой, опять морями;
Везде бродила целый день,
До самой ночи дочь искала,
Ходила, рыскала, скакала
И становилась часто в пень.

Но надо знать, она две свечи¹
С собой из хижины взяла:
Взваливши их к себе на плечи,
С огнем в путь дальный побрела.
Глаза у ней хоть не ослепли,
Но с плача несколько поблекли;
Нельзя всё было видеть ей.
Места лесистые встречались,
Нередко ямы попадались;
А то б пришлось погибнуть всей.

От юга к северу бежала,
Держа светильники в руках;

---

¹ Церера их зажгла в Этне.

С востока к западу скакала,
Прибавя скорости в ногах.
Обегав все места известны,
И страны дальни поднебесны,
Не знала уж куда бежать. —
Вот сколь Церера дочь любила,
Что жизнь свою почти губила,
Ее лишь только б отыскать.

И самы дики звери, видим,
Щадят подобных им зверей:
Почто ж мы только ненавидим
Во всем подобных нам людей?
Воззрим на мачеху прелюту,
Тиранит как она малюту!..
Невинна льется кровь из рук.
Геката видно мать имела;
За ней не махеча смотрела,
Геката не терпела мук.

Вот так-то плачуца богиня
Бежала высуня язык.
Назвал бы я ее — разиня! —
Когда б людей бранить привык.
Она источника искала,
Его однако ж не сретала,
Вдали узрела только дом;
К нему тотчас поворотила,
Путем себя надеждой льстила
Там получить ведро с вином.

Как свайка пущена стремится
В кольцо лежащее пред ней,
К жилищу так Церера мчится
В безмерной горести своей.
Обреть спокойство там желает,
И в миг единый прилетает
К убогу домику тому.
Изба на кольях та стояла;
Она в ворота застучала,
Нашла старушку в сем дому.

На стук хозяйка тотчас вышла,
Большой отвесила поклон;
Схватила палку — больше дышла,
Псов лающих прогнала вон.
Цереру долго целовала,
Своей сестрицей называла,
Тащила в горницу к себе.
Богиня в комнату ввалилась,
Хозяйке низко поклонилась,
И плакать начала в избе.

«Подай, — рекла, — мне помощь в горе,
«Без пошла жить нельзя никак.
«Теперь я выпью цело море,
«Меня днесь жажда мучит так.
«Подай ушат ты мне с водою,
«С сивухой, водкой, иль бурдою!
«Всё выпью до чиста как раз.
«Моих уж сил терпеть не стало,
«Брожу, но тщетно — всё пропало.
«Ужель и тут приму отказ?» —

«Безбожной, друг! меня не числи, —
Карга сказала ей в ответ: —
«Ты, право, мне весьма по мысли,
«Ни в чем тебе отказа нет.
«Пойдем к колодцу мы с тобою,
«Налей желудок там водою;
«В закуску ж я сивухи дам».
Колодезь тот стоял близь дому,
Не трудно было и слепому
Дойти к приятным тем водам.

Горбуньи тотчас потащились
К колодцу сладкому тому;
Большой бадьей воды напильсь, —
Не пить так плотно никому,
Напильсь как тогда старухи.
Потом пришед домой, сивухи
Ушат охолостили вмиг.
Сивуха тотчас их забрала,

Церера без зазренья врала,
И делала премного фиг.

Потом, когда уже сивуха
Повсюду начала гулять —
В ногах ослабшая старуха
Цереру стала нудить спать.
Они тотчас схватили войлак,
Свернулись, улеглись кой-как,
И сильно начали храпеть.
Во лбах у них шумела брага;
В сне первой грезилась кулага,
Церере ж страшна снилась сеть —

Она в которой чадо зрело,
Со всех запутанно сторон.
К отмщенью в ней душа кипела,
Зря дочь без всяких оборон.
Во сне к той сети быстро мчалась,
Но дочка дальше убиралась,
И ей нельзя было догнать.
Досада тут ее объяла,
Проснувшись шибко закричала:
«Нет, — надо дочь мне отыскать. —

«Не дам ей мучиться в неволе,
«Не дам ругаться я собой;
«Терпеть уж сил не стало боле.
«Хотя с великой худобой
«Однак достать ее надеюсь;
«Хотя устану и зардеюсь,
«Но всё поставлю на своем.
«Чтоб дочь Церерина пропала?..
«Возможно ль? как? ужель упала
«Горячность в сердце к ней моем?»

Меж тем, она как бормотала
Спросонья в горести своей,
Хозяйка также встав, зевала:
Ломило голову у ней.
Она подобно как телёнок,

Иль брошенный слепой котёнок
Валялась по полу одна.
Как хлеб в квасу кругом раскисла,
С похмелья голова повисла;
Ни к чорту стала негодна.

Однако ж с силами собравшись,
Тотчас оставила постель;
С Церерой вместе приубравшись
Забыть старалась старый хмель.
Старухи опытни те были —
Опохмелиться не забыли;
Хозяйка в клеть уже пошла;
И там стакан вина хвативши,
Другой же гостье нацедивши,
К ней в избу тотчас понесла.

Но та в окошко увидавши,
Что солнце лезло на восход,
Котомки все свои связавши,
Вспорхнула паки в свой поход.
Хозяйку только за воротами
Ждала к себе — и похвалами
Превозносила до небес.
Тогда мальчишка к ней подкрался,
Играл вокруг ее, ласкался,
И чуть к ней на руки не взлез.

Ребятюк маленьких любила
Церера с малых еще лет;
Дитяти пряничка сулила...
Не знаю мальчик то, иль нет.
Она почла его за сына
Своей хозяйки и — гостина
Хотела тут же дать ему;
Как вдруг идущую старуху
Увидела — и чепаруху
Несла уж ко рту своему.

Тот мальчик прыгал беспрестанно
Вокруг ее алкавшей пить,

И ей питье, старухой данно,
Мешал в уста к себе излить.
Что может больше быть досадно? —
Когда чего мы хотим жадно,
А кто-нибудь мешает в том,
Тут ярость вспыхнет в сердце, в жилах.
Богиня гнев сдержать не в силах —
Мальчишку облила вином.

Скосилась, зубы показала,
В досаде мщением пыша:
Весь род мальчишки проклинала,
И в ней — едва была душа.
В жару все члены трепетали,
Уста брань страшну изрыгали; .
Жилила без пощады всех.
Хозяйка, мать того ребѣнка,
Из сына видит уж мышонка. —
Во всех то производит смех.

Хоть было странно превращенье
Прискорбно матери смотреть,
К нему однако ж отвращенье
Старуха не могла иметь.
И как за сыном побежала,
Вдруг ящерицу увидала,
Бегущую перед собой,
Что прежде мышью показалась.
Она за хвост уже хваталась,
Но та сокрылась под норой.

Меж тем Церера в гнѣве лютом
Схватив две свечи, взяв костыль,
И от собак запасшись кнутом
Опять хлебать пустилась пыль.
Старуха ж дитяtko любезно
Искав по всем норам прилежно,
Пришла расплакавшись домой.
Всечасно гостью приклінала,
Неблагодарной называла,
И два дни испускала вой.

Церера вышед на дорогу,
Опять хватилась дочь искать:
Сулила казнь тому престрогу,
Кто дщерь дерзнул у ней отнять.
По всей таскалася вселенной
В одежде траурной, смиренной.
Пришлосья некуды итти.
Всю землю уже исходила,
Все воды в лодках переплыла;
Назад пришлось опять ползти.

Весь свет прошед, она завыла,
Что счастья нету ей ни в чем;
Оглобли вспячь поворотила —
Другим поехала путём.
Природны лошади устали,
У туфлей каблуки отпали,
Не стало вовсе ехать сил.
Она тут горю пособила:
Плотней желудок свой набила,
Опять взлетела, хоть без крыл.

Проехав многи государства,
Блаженства полны города,
Сретала и такие царства,
Где были бунты и вражда.
Сих вышни боги наказали;
Огни жилища их пожрали,
И жатв лишились все поля.
Для тех щедрота всё излила,
Обильны хлебы возрастила;
У сих всё гадина жрала.

Сретала и таких народов,
Рожденных тартаром в свет сей,
Скажу приличнее — уродов,
Которы в слепоте своей
Главы отечество лишают,
Полсвета в бешенстве терзают,
Лиют везде невинну кровь,
Потом — их Брутом уловленны,

И зверской властью отягченны,
Страдают сами средь оков.

Видала области смешные,
Где суеверия кумир
Сидел на троне и — пустые
Химеры сыпал на полмир.
Лет триста в туфлях позлащенных
Он был царем владык прельщенных;
Теперь *облыжника* рабом,
Игрушкой сделавшись из бога,
Средь расхищенного чертога
Сидит насупясь босиком.

И тех не минула владений,
Где *власть*, как скоро восстает
Война соседственных правлений, —
Любовь ко ближним продает.
Видала также те державы,
Где все сильнейшие суть правы;
Где кучи золота у всех,
У диких ими отнятого;
Но хлеба — счастья не много,
За тем, что всякий лезет вверх.

Таких Церера сильно жала,
Как вредных обществу людей:
Земле строжайше приказала
Не приносить им овощей.
То градом хлеб их побивала,
То в глубь посевы зарывала,
То гнилость делала в плодах;
Лишала трав луга, долины:
Для мяса не было скотины;
Лишь рыбы плавали в водах.

Ее досада умножалась,
Везде развратный видя свет:
С прискорбьем большим возвращалась
Нигде Гекаты не нашед.
Уже в Сицильские поляны

Пришла — как вдруг кусок Цианы,
Преображавшейся в поток,
Между высоких гор узрела —
Веселу песенку запела —
У берега села под кусток.

Сидела долго в изумленьи,
На воду выпучив глаза;
Потом вскакнула в удивленьи,
И стала прыгать, как коза.
В струях потока становилась,
Наяды жребию дивилась,
И так ей стала говорить:
«Скажи пожалуй мне, Циана,
«Ты обитаешь здесь издавна,
«Кто смел Гекату утащить?»

Циана отвечать хотела,
Отраду матери подать;
Как можно силилась, пыхла,
Но не могла пробормотать.
И рта, и языка лишившись,
Отвсюда в влажность превратившись,
Давала знаки лишь одни,
Что Прозерпину забияка
Провез чрез воды в царство мрака
Назад не боле, как два дни.

Не поняв знаков тех, стояла
Церера высуня язык,
Ась, ась? чего? куда? кричала,
И подымала страшный крик.
Наяда ж видя, что старуха
Была к догадкам вислоуха,
Косынку показала ей,
Котору дочка потеряла,
Когда источник проезжала,
В безмерной горести своей.

«Ахти! увы!» — вскричала баба,
Как будто бешеная, тут, —

«Теперь мне в лютом гневе надо
«Преколкий выговор согнуть
«Земле, что дочь она пустила,
«За хвост скорей не ухватила,
«И не могла ее сберечь»;
Сердилась больше на Сицилью,
Поля покрыла грязью, пылью,
И больно их хотела сечь.

Волы в Сикании ¹ престаи
Влачить плуга по тем полям,
Которы жатвами блистали,
Давали пищу городам.
Теперь то зноем истребленны,
Травую инде заглушенны,
А инде выбиты дождем.
Оралы там бзз польз стояли;
Плоды, растенья все пропали,
В несчастья всяк рыдал своим.

Сикански жители, лишившись
Всего, что было на полях,
Слезамн как водой облившись
Цереру разбранили в прах.
Они о том уже узнали,
Зачем поля их пусты стали,
Осталось воду только пить.
Набрали молодцов удалых,
В таких оказиях бывалых,
Чтоб всем ее поколотить.

Но как уж выше мы сказали,
Что разум за нос их водил,
То злиться на нее престаи —
Рассудок то им воспретил.
С седыми старцы бородами,
В собраньи двигая усами,
Так стали удальцам гласить:
«Оставьте дело безрассудно!

---

¹ Сикания — древнее название острова Сицилии.

«Или не знаете, что трудно
«Обуха плетью перебить».

Теперь к Церере обратимся,
И кто с ней встретился потом,
Таким же слогом мы потщимся
Воспеть не лирой, но гудком.
Бежав Алфеева союза
Сокрылась в землю Аретуза ¹
И тем избавилась его;
Теченье в Греции начавши,
В Сицилии путь свой окончавши,
Достигла острова сего.

Головку от земли подняла,
И воду выжав из волос,
Церере плачущей сказала:
«О ты! которой дочь унёс
«Плутон, невежливый детина, —
«Послушай ты меня, богиня!
«Послушай, что тебе скажу:
«Оставь излишний гнев, заботу,
«Отдай земле ее доброту,
«За то тебе я удружу.

«Земля нимало не виновна,
«Что дочь твоя похищена;
«Пред похитителем безмолвна,
«И без могущества она.
«Не думай, чтоб и я вступилась,
а тем, что будто здесь родилась;
«Никак! — родилась в Пизе я.
«Источник свой веду в Элиде,
«Пришла отраду дать в обиде,
«О том уведомить тебя.

«Сии места весьма любезны
«Мне всех приятнее земель;

---

¹ Думают, что воды Алфеевы в Греции, соединясь с рекою Аретузою, потом скрываясь под землею, показывались наконец в Сицилии. Иначе стихотворцы баснословят, что Алфей, влюбившись в Аретузу, следовал за нею даже до Сицилии.

«Протекши я ужасны бездны,
«Готова жить здесь шесть недель.
«На милость гнев ты превративши,
«Отняты жатвы возвративши,
«Пожалуй дай отраду всем.
«Когда ж беды все отвратятся,
«Тебе дни радостны явятся,
«О жизни я своей повем:

«Ужасные пещеры, ямы
«В теченьи вижу под землей;
«Своими быстрыми струями
«Стремлюсь чрез множество полей.
«Такие бездны пробегая,
«Пространства мрачны протекая,
«В Сицильи голову кажу.
«В местах сих на небо взираю,
«Бежавши там, здесь отдыхаю,
«И в радости часок сижую.

«И так бежавши под землюю,
«Когда близъ Стикса я текла,
«Сказать тебе боюсь, не смею,
«Твою Гекату там нашла.
«Печаль в очах ее являлась,
«От страха бледною казалась.
«Но уж царицею она —
«Над всеми нынче госпожею,
«И может всех толкать там в шею;
«Под властью даже сатана».

Пришла в велико удивленье,
Церера, внемля сим словам;
Поверглась тут во иступленье,
Пустила слюнки по губам.
Но вдруг глазами хлопать стала,
Главой кивнула, «ну — сказала: —
«Теперь-то знаю, где она.
«Найду сей миг судью в Зевесе;
«Возможно ль, чтоб тому повесе
«Была Геката отдана?»

Тотчас наняла одноколку,
Копейки за две подрядив;
Сажала кучером Николку,
Его получше нарядив;
А сзади ставила Варнаву,
Но всё ей как-то не по нраву.
Не захотела с помпой быть:
Сама лошадок заложила,
Моржовый в руки кнут схватила,
И ну в превыспренню парить.

К странам эфирным поднебесным
Летела ровно десять дней;
Пред Зевсом языком нелестным,
«Представь, — сказала: — я коней
«Не для того сюда наняла,
«Не для того сюда бежала,
«Чтобы увидеться с тобой.
«Меня задели за живое:
«Украли детище милое;
«Суди Плутона ты со мной! —

«Любезна дочь моя Геката,
«Которой был и ты отцом,
«Великим страхом нынъ объята:
«Сидит в аду между огнем.
«Плутон схватил ее нечестно,
«Когда в лесу она беспечно
«Цветы с подругами рвала...
«Терпела бури я, морозы;
«Но ты возри на те хоть слёзы,
«Геката кои пролила.

«Для ней весь свет я исходивши,
«Едва от нимф узнать могла,
«Что дочь мою Плутон схвативши
«Сокрыл туда, где вечна мгла.
«Теперь к тебе я прибегаю,
«Тебя на помощь призываю,
«И плачу пред лицом твоим:
«Не дай, чтоб хищника треклята

«Была супругою Геката,
«Взглянуть дай глазкам моим!»

«Послушай, душенька Церера!
В ответ Юпитер ей сказал:
«Твоя велика к дочке вера;
«Теперь час радости настал. —
«Ужель пропала Прозерпина,
«На ней женился что детина,
«Детина — славный молодец!
«Ужель мой брат ее не стоил? —
«Амур к любви их приневолил,
«Судьбой предписан сей конец.

«Однако ж, если ты желаешь
«Гекату видеть у себя,
«И к ней любовью пылаешь,
«Любовью горькой для тебя;
«То можешь взять ее из ада.
«Но будет ли тебе отрада?
«Поверь, что пущая беда.
«Когда ж там что она вкусила,
«Или воды какой испила,
«Ее не узришь никогда».

Сии Юпитеровы речи
Церере были трын-трава,
Навьючив дочь к себе на плечи,
Как будто связку иль дрова:
Церера баба ведь с догадкой:
Хотела как-нибудь украдкой
Из ада вынести, бежать,
Но видно, что уже судьбою
Ей быть назначено женою
Плутону, — нечего тут взять.

В саду Геката как гуляла
Плутона друга своего,
То с древа яблочко сорвала
Почтя, что нет там никого.
Когда же дело на развязку

Пошло у них и впрямь не в сказку,
О том садовник ¹ объявил;
За что понес он казнь ужасну:
В сову мохнатую, престрашну
Он превращен Церерой был.

О том как скоро Зевс проведаль,
С Олимпа брызнул прямо в ад;
С родней своей там отобедал,
И дело вдруг пошло на лад. —
Они тут вместе куликали,
Играли, пели и плясали;
Смекал о деле лишь Плутон.
Тотчас толкнул Зевеса в спину:
Через то дал знать ему кручину
Какую терпит, медля, он.

«Не даром мы сюда собрались, —
Юпитер громко к ним сказал: —
«Друзьями все теперь назвались.
«Подайте чашку иль бокал:
«За здравие супруг пируем,
«Друг друга плотно поцелуем,
«И делу сделаем конец.
«Ты, Прозерпина, не крушися,
«Ты, брат, с старухой помирися;
«А ты испей винца корец».

Тогда Плутон одной рукою
Держа Гекату при себе, —
Потом Цереру взяв другою,
Вскричал: «спасибо, брат, тебе!
«Всё дело ты, Зевес, наладил;
«Один бы с тещей я не сладил.
«Тобой доволен я всегда». —
«И я всегда тебя любила, —
Церера пьяна говорила, —
«Тобой прошла моя беда».

---

¹ Мифология называет его Аскалафом.

Теперь, о Муза черноброва!
Благодарю тебя и я,
Что *Прозерпина* уж готова.
Прощай, забавница моя!
Но чур и впредь со мной жить дружно:
Когда еще мне будет нужно,
Я только свисну — не оставь,
Лети — и в грусти, дорогая!
Меня хоть дудкой забавляя,
И прочих в скуке позабавь.

Конец третьей и последней песни

**КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА
В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

Начало века характеризуется новым, правда недолговременным, возрождением классических стихотворных жанров. В частности воскресает сатира. Но она уже не является продуктом разночинной, приказной, низовой литературы. Литературная перегруппировка выдвигает ее снова в «большую» литературу. В переходном состоянии от низовой сатиры к высокой мы находим ее у Нахимова, в более чистой форме — у Милонова.

Годы эти отмечены обострившейся литературной борьбой, возникшей между группами писателей, расхоdivшихся в основных взглядах на литературу и общественную жизнь. Остроте борьбы способствовала общая обстановка. Французская революция, давшая решительный толчок к наметившемуся расколу, не содействовала спокойному обсуждению и кабинетному разрешению споров. Она разрушила иллюзии «чистой академичности» расхождений.

Сатирическая литература естественно стала орудием борьбы. Литературная сатира типична для начала века; она сменила бытовую сатиру екатерининских времен. Наиболее острой сатира являлась в руках представителей наиболее активных литературных партий. Такими партиями были шишковисты и карамзинисты. Период их борьбы и борьбы их непосредственных наследников — классиков и романтиков — ознаменован расцветом сатирических жанров в русской поэзии. Достаточно вспомнить такие произведения, как «Видение на берегах Леты». Батюшкова, его же «Певец в Беседе Славянороссов», как «Дом Сумасшедших» Воейкова, как «Поэтический венок Шутовского» — серию эпиграмм Вяземского, как поэтическую перепалку Вяземского и М. Дмитриева по поводу предисловия к «Бахчисарайскому Фонтану», обильную сатирическую литературу вокруг Каченовского, среди которой огромные пародические послания, какими обменялись Вяземский и С. Т. Аксаков и т. п. Сатиры писались не только в лагере наступающих, в среде

литературной молодежи. Старики и старoverы не уступали в этом своим противникам. Именно как сатирический автор составил себе имя Горчаков, автор посланий и «ноэлей».

Для всех этих эпиграмм, сатир, посланий и пр. характерна отсутствовавшая в XVIII веке строгость стиля. Французский классический канон отчетливо заметен в сатирической продукции эпохи независимо от лагеря. И быть может продукция «славянофилов» отличается в большей степени приверженностью французам, чем продукция их антагонистов — западников.

Комическая поэма родилась в процессе борьбы шишковистов и карамзинистов около 1811 года. Она дала со стороны карамзинистов «Опасного Соседа», поэму, долгое время имевшую распространение только в рукописи, и со стороны шишковистов — «Расхищенные Шубы», последнюю поэму этого умиравшего жанра. «Расхищенные Шубы» своей правильностью (т. е. подражательностью аналогичной поэме Буало) завоевали себе место в поэтиках того времени. Остолопов, в своем Словаре пытавшийся цитировать в качестве русской ирои-комической поэмы «Елисея», должен был отдать преимущество «правильной» поэме Шаховского.

Основные этапы борьбы Шишкова с Карамзиным известны. Так как боролись две крупные общественные группы, противоположные по мировоззрению, то поводов к полемике было много и спор велся в разное время на разные темы, или верней разными темами прикрывался.

Спор начался еще в девяностых годах XVIII века. Его пытался охарактеризовать Шатров (впоследствии один из столпов Беседы), противопоставляя представителей двух лагерей: молодого Карамзина и эпигона елагинской школы ¹ Захарова:

---

¹ Елагин и его стиль, отличающийся проповеднической обветшалостью, когда-то сыграли свою роль в развитии литературы, но ко времени Карамзина являлись символами литературного застоя. О «высокопарном» языке Елагина писала еще Екатерина. Карамзин находился к нему в прямой оппозиции, противопоставляя эпоху «переводов славяно-русских г. Елагина» всему времени, «в которое образуется приятность слога, называемая французами *élégance*» (1801).

Стихи к Карамзину и Захарову

Бессмертная Екатерина!
Закрой глаза, зажми свой слух:
Твоей империи два сына
Имея низкий, слабый дух,
Тщеславный разум дерзновенный
И дар и смысл обыкновенный,
Полезли смело на Парнасс,
В разногласицу завывли,
Слог Ломоносова забыли,
Чем посрамили век и нас.

Один с улыбкою умильной
Желал дела твои воспеть;
И слов пустых поток обильный
Мнил славу Томаса иметь;
К романам, к пасторальному слогу
Имея страсть, скроил эклогу
И слово «милое» вклеил.
Твои он лавры и трофеи,
И храмы все, и мавзолеи
Слезой нежной окропил

Другой хотел быть Цицероном,
Как буйвол в дебрях заревел,
Тяжелым, грубым, древним тоном
Тебе псалом свой прохрипел.
Твои деяния, щедроты,
И кротость, разум и доброты
Славянщиной нашпиговал.
И аще, абие и убо,
И сиче, дондеже, сугубо,
Твердя, — дьячком парнасским стал.

Основное, что разделяло оба лагеря, был вопрос о приятии или неприятии Западной Европы с ее культурой. При этом ставился вопрос по отношению к Европе последнего дня. Вот почему славянофилы спокойно имитировали французские формы, возникшие при дворе «Короля-Солнца». Им ненавистна была революционная Франция. С другой стороны, каждый западник, при всей умеренности политических взглядов, при всей ненависти к революционной тактике французских политических партий, с благодарностью принимал последствия Революции. Взгляд на Революцию западников хорошо формулирован в шутовском замечании Вяземского (в письме Тургеневу 6 декабря 1818 года): «В употреблении ли у вас широкие панталоны с башмаками?.. Свобода необходима

даже в костюме. Да здравствует XIX век, что бы о нем ни говорили! И ведь широкими панталонами мы обязаны сан-кюлотам! Злословить французскую революцию в настоящее время, — всё равно, что злословить в Египте Нильские наводнения. Конечно, у тех, кто был на берегу, сильно промокли ноги, но за то какая обильная жатва для пришедших после» (подлинное по-французски).

Их литературные реформы были ориентированы на сегодняшнюю Европу. Наоборот, «славяне» обращались ко вчерашней России, к екатерининскому и даже елизаветинскому порядку. Карамзинисты говорили на новом языке, создавшемся под влиянием новых понятий и нового быта; для «славян» эти понятия и этот быт были враждебны, ненавистны.

Первый этап полемики прошел под знаком борьбы за язык. Шишков, деятельный член Российской академии, издававшей словарь русского языка, выступил в 1803 году с «Рассуждением о старом и новом слоге российского языка». Здесь он доказывал, что русский язык есть отрасль славянского, из чего делался вывод, что развитие языка должно идти по пути сближения литературного языка с славянским, из которого должны заимствоваться новые слова. Вместе с тем Шишков восставал против Карамзина.

Вслед за тем против Карамзина выступил Шаховской, изобразивший его карикатурно в комедии «Новый Стерн» 1805 года. Шаховской спорил уже не о языке: его беспокоили новые литературные формы. В театре он восставал против буржуазной драмы. Карамзинисты не были враждебно к ней настроены, и Жуковский переводил Коцебу. Драмы были лишь частью общей системы буржуазной литературы, которая в глазах Шаховского сливалась с деятельностью Ж. Ж. Руссо. Шаховской напал на Карамзина именно как на представителя руссоизма в России. Сентиментальный стиль, любовь к природе — всё это подвергалось жестокой насмешке. Отвергались интимные формы поэзии: сентиментальная элегия и роман. В прозе осуждался жанр «путешествий». Таким образом шишковская постановка вопроса получила более широкое применение.

Первые нападения представителей старого на литературную молодежь не встретили должного отпора. Карамзин,

для которого осуждавшееся в его творчестве все более отходило в прошлое, молчал. Друзья его не были достаточно сильны и авторитетны. Настоящие схватки начались в конце 1810 года, когда в «Цветнике» В. Л. Пушкин в стихах, а Дашков в прозе заявили протест против взглядов Шишкова. Тот отвечал обоим, и оба они ему ответили. Таким образом в полемике было проявлено достаточное упорство, и партии родились. Староверы вскоре получили в борьбе с новым литературную организацию в форме общества «Беседа любителей русского слова». Беседа была создана в 1811 году, преимущественно из членов Российской Академии, отделением которой она в сущности и была (возникла идея о слиянии Беседы с Академией).

Через несколько лет карамзинисты создают в противовес Беседе свое литературное общество — Арзамас.

Две шуточные поэмы, возникшие в обстановке борьбы шишковистов с карамзинистами, появились около времени создания Беседы. В них отразилась первая стадия борьбы: споры о языке и о сентиментальных жанрах. В согласии с утверждениями Шишкова, который ставил карамзинизм в прямую связь с Французской революцией, в поэме Шаховского имеются выпады против идеологической системы Революции и ее предшественников — французских материалистов. Учитывая российскую действительность этих лет, карамзинисты, естественно, эту сторону дела замалчивали или в крайнем случае стремились отвести утверждения Шишкова, имевшие силу политического донсса, толкуя его выпады как попытку возвести в государственное преступление несогласие с собственным мнением, по известному реплету Буало:

Qui méprise Cotin n'estime point son roi,
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi. ¹

Ни та ни другая поэмы не имеют формы сатирических. Это не «Дунсиады» Пспа и Палиссо, не «Дом Сумасшедших» Воейкова, задача которых — выведение галереи осмеиваемых. Поэмы повидимому написаны на посторонний

¹ Кто презирает Котена, презирает короля,
У того, по словам Котена, нет ни бога, ни веры, ни законности.

сюжет; сатирические выпады в них попутны и затушеваны (особенно у Шаховского). Во всяком случае популярность «Опасного Соседа» была значительно шире его сатирической действительности: для многих читателей сатирические намски были непоинты, ключ к ним утрачен, а поэма всё-таки сохраняла свою ценность. Такова же была судьба и «Расхищенных Шуб». Теперь все намеки уже требуют ключа, вскрытия их смысла комментарием.

Не таково было положение для современников. Стихи В. Л. Пушкина были не просто «фламандской картинкой», а протестом против славян. «Расхищенные Шубы» в среде карамзинистов воспринимались только как сатира.

Таким образом литературный смысл «ирои-комической» поэмы уже утрачивался. Ее функция не в комизме, а в сатире. Это и естественно. Поэмы XIX века были искусственным воскрешением жанра XVIII века. Воскрешался он, особенно в поэме Шаховского, рабски (поэма Пушкина ценна именно нарушением канона), и в то же время не в прежней литературной функции, т. е. независимо от желания авторов, перерождался в новый жанр. Наступил момент смерти ирои-комической поэмы. И в самом деле, вскоре пришла школа романтиков с ее лозунгом разрушения классических жанров, и «ирои-комическая» поэма более не воскресала.

В. Л. ПУШКИН

Василий Львович Пушкин
с гравюры, приложенной к его «Стихотворениям», изд. 1822 года.

Александр Пушкин связывал падение своего рода с переворотом, возведшим Екатерину II на престол, и к социальным изменениям, сопровождавшим переворот, относился отрицательно, постоянно возвращаясь к этой теме. Вытеснение старинных родов новыми людьми особенно усилилось во времена Екатерины и Павла. В эти годы был отеснен от двора и род Пушкиных в лице деда Александра Сергеевича, Льва Александровича.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Лев Александрович обладал достаточным богатством, чтобы по выходе из крепости в покое и довольстве жить в своих имениях и в Москве, вдали от двора. Правда, это бездеятельное прозябание было медленным разорением, но былых богатств хватило на два поколения.

Старший его сын, Василий, родился в Москве 27 апреля 1770 года. Он получил отличное по тому времени домашнее воспитание, состоявшее в совершенном владении французским языком, в знании еще четырех языков и поверхностном знакомстве с мировой литературой, особенно с поэтами. Ни к какой практической деятельности Василий Львович не готовился. Он был записан в Измайловский полк, где и прослужил несколько лет. В 1797 году он вышел в отставку и с тех пор ничем не занимался. Он обосновался в родной Москве и здесь женился на К. Д. Вышеславцевой. Брак оказался неудачным: в 1802 году начался длительный бракоразводный процесс; жена обвиняла его в «прелюбодейной связи с вольноотпущенною девкою». Тем временем Василий Львович уехал за границу, где прожил (главным образом в Париже) около года. По возвращении он особенно усердно принялся за литературу. Писать стихи он начал рано. Сперва это были великосветские куплеты и альбомные стишки, имевшие большой успех у добрых знакомых поэта. Затем, в 1793 году он выступил в печати, примкнул к Карамзину и Дмитриеву и сделался ярким сторонником нового направления. После 1803 года поэту с карамзинскими взглядами трудно было воздержаться от полемики. Шишков и шишковисты начали наступление. «Рассуждение о старом и новом слоге» 1803 года определило позиции обеих партий. «Новый Стерн» Шаховского в 1805 году был сигналом к бою. В. Л. Пушкину было суждено выступить в качестве карамзиниста сатирика и первому принять бой. Э. о случилось в 1810 году, когда он напечатал в журнале «Цветник» послание Жуковскому,

полное нападение на Шишкова и его филологические теории. Всех несколько удивило, что поэт, до сих пор писавший преимущественно анакреонтические стихи и басни, вдруг выступил с едкой сатирой и проповедью «просвещения». Это в грубоватой форме выразил его оппонент Шишков. Причина проповеди, вероятно, та, что незадолго до написания послания, в том же 1810 году Пушкин был принят в масонскую ложу «Соединенных Друзей» и уже проникся масонскими идеями. Шишкову Пушкин ответил новым посланием, адресованным Дашкову. В это именно время и написана им поэма «Опасный Сосед», полная нападок на «славян». Поэма эта распространилась в рукописи и сразу высоко подняла литературную репутацию автора, до тех пор известного лишь как гладенького версификатора, автора переводных басен и полемических посланий. В том же 1811 году Василий Львович приехал из Москвы в Петербург с племянником своим Александром для определения его в Царскосельский лицей; вместе с ним прибыла и его сожительница Анна Николаевна Ворожейкина.¹

Пушкин, лицейский товарищ Александра Пушкина, рассказывает в своих воспоминаниях об этом пребывании дяди и племянника в Петербурге. Мальчики познакомились в приемной министра Раумовского. «Не помню кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видаться... С этой поры установилась и постепенно росла наша дружба... При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем саду; эти свидания вошли в обычай, так что если несколько дней меня не видеть, Василий Львович, бывало, мне пеняет: он привык ко мне, полюбил меня. Часто, в его отсутствие, мы оставались с Анной Николаевной. Она подчас нас, птенцов, приголубливала; случалось, что и побранит, когда мы надоедали ей нашими ранновременными шутками. Именно замечательно, что она строго наблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ, хотя и любила с нами побалагурить и пошалить, а про нас и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностью и некоторою свободой в обращении с милою девушкой. С Пушкиным часто доходило до ссоры, иногда она требовала тут вмешательства и дяди... Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование... Случалось только удивляться переходам в нем: видишь бывало его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее не способный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острове, куда возил нас иногда на ялике гулять Василий Львович».

¹ От Анны Николаевны Василий Львович имел, по осторожному выражению генеалогов, «воспитанников», носивших фамилию Васильевых — Маргариту (род. в 1810 г.) и Льва (род. в 1812 г.). См. Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев. Пушкины, изд. Академии наук СССР, 1932, стр. 54.

В следующем году Пушкина постигло большое несчастье. При вступлении Наполеона в Москву погибло в пожаре всё его имущество, в том числе богатая библиотека, составленная из редких книг, купленных им во время пребывания его во Франции. Сам Василий Львович бежал в Нижний-Новгород, где в обществе таких же беженцев переждал конца войны. Из Нижнего он переехал в Петербург, а отсюда, в феврале 1813 года возвратился в Москву.

За эти годы завершился первый период борьбы карамзинистов и шишковистов — схватки вокруг Карамзина, особенно обострившиеся после выхода в свет в 1805 году «Нового Стерна». В этом периоде В. Л. Пушкину случайно выпала роль серьезного полемиста, защитника идей Карамзина. Послание Жуковскому и «Опасный Сосед» — апогей его полемической деятельности. В начинавшейся новой борьбе — за Жуковского — совпавшей со временем деятельности Беседы и Арзамаса, роль Пушкина уже не была такой почетной.

И раньше над Пушкиным подтрунивали за его неумеренное галломанство. Когда он уезжал в Париж, И. И. Дмитриев написал «Путешествие N N в Париж и Лондон», дающее комический образ Пушкина:

Я, например, люблю конечно
Читать мои куплеты вечно,
Хоть слушай, хоть не слушай их;
Люблю и странным я нарядом,
Лишь был бы в моде, щеголять;
Но словом, мыслью, даже взглядом,
Хочу ль кого я оскорблять?
Я право добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!..

Но раньше эта галломания была настолько бытовым явлением, что современники относились к ней терпимо. Теперь, в глазах нового поколения, комизм Пушкина подавлял всякое к нему уважение. Глумлению над Василием Львовичем способствовал он сам, так как необычайно доверчиво относился к всякого рода мистификациям. Еще раньше он был постоянной жертвой остроумного родственника, мелкого стихотворца-вольтерьянца Алексея Михайловича Пушкина. Теперь он стал жертвой арзамасцев. Вот комический образ Василия Львовича, сохранившийся в записках арзамасца Вигеля, знавшего его и раньше: «Василий Львович почитался в некоторых московских обществах, а еще более почитал сам себя, образцом хорошего тона, любезности и щегольства. Екатеринбургский офицер гвардии, которая по малочисленности своей и отсутствию дисциплины могла считаться более двором, чем войском, он совсем не имел мужественного вида. Он казался сначала не тем, чем был действительно, а тем, чем ему хотелось быть; за важную его поступью и довольно гордым взглядом скрывались легкомыслие и добродушие; в восемнадцать лет на званных вечерах читал он длинные тирады из трагедий Расина и Вольтера, авторов мало известных в России, и таким образом знакомил ее с

ними; двадцати лет на домашних театрах играл уже он Оросмана в «Заире» и писал французские куплеты. Как мало тогда надобно было для приобретения знаменитости! Блестящее существование его в свете умножалось еще женитьбой на красавице Капитолине Михайловне. Сам он был весьма некрасив. Рыхлое, толстеющее туловище на жидких ногах, косое брюхо, кривой нос, лицо треугольником, рот и подбородок à la Charles-Quint, а более всего редяющие волосы не с большим в тридцать лет его старообразили. К тому же беззабие увлажнивало разговор его, и друзья внимали ему хотя и с удовольствием, но в некотором от него отдалении. Вообще дурнота его не имела ничего отвратительного, а была только забавна. Как сверстник и сослуживец Дмитриева по гвардии и как ровесник Карамзина, шел он несколько времени как будто равным с ними шагом в обществах и на Парнасе, и оба дозволяли ему называться их другом. Но вскоре первый прибрал его в руки, обратив в бессменные свои потешники. Карамзин же, глядя на него, не мог иногда не улыбнуться, но с видом тайного, неизбежного сожаления... Дмитриев верно в шутку посоветовал ему приняться за русские стихи, а он и в правду сделался весьма неплохим поэтом. Он писал и басни, и коротенькие послания, и всякого рода мелочи, а из всего этого, под конец его жизни, составилась небольшая том, не богатый идеями, но изобильный приятными звуками и плавными стихами. Главным его недостатком было удивительное его легковерие, проистекавшее, впрочем, от весьма похвальных свойств добросердечия и доверчивости к людям; никакие беспрестанно повторяемые мистификации не могли его от сей слабости излечить. Он был у нас то, что во Франции Poinsinet de Sivry, также автор, который несколько месяцев жарился перед камином, чтобы приучить себя к обещанной ему должности королевского экрана. В это время завязывались у нас первые сношения с французскою республикой... В мае (1801) прибыл в Петербург от первого консула Бонапарте молодой друг его Дюрок, дипломатическим агентом и картинкой модного журнала. Василий Львович мало заботился о политике, но после стихов мода была важнейшим для него делом. От ее поклонения близ четырех лет были мы удерживаемы полицейскими мерами; прихотливое божество вновь показалось в Петербурге, и он устремился туда, дабы, приняв ее новые законы, первому привезти их в Москву. Он оставался там столько времени, сколько нужно ему было, чтобы с ног до головы перерядиться. Едва успел он воротиться, как явился в Марфине (имение гр. Салтыкова) и всех изумил толстым и длинным жабо, коротким фракком и головою в мелких курчавых завитках, как баранья шерсть, что называлось тогда à la Дюрок. Мы скоро с ним познакомились. В глазах моих был он человек пожилой, хотя и модник; вдруг сближается он с мальчишкой, берет его за руку, гуляет с ним, рассказывает ему равного рода неблагопристойности про любовные свои успехи, одним словом, братается со мной. Мне это чрезвычайно полюбилось: тогда почитали чин чина и год года; вдруг я повысился десятью годами, увидел в нем товарища, почти ровесника, а потом начал смотреть на него как на шалунишку, и если бы знакомство наше на

некоторое время тогда не прервалось, то скоро стал бы унимать его и журить» (Вигель, «Записки», т. I, М. 1928, стр. 131—133).

Когда, после «Липецких Вод» Шаховского, создан был Арзамас, то в состав его вступил и В. Л. Пушкин. Это произошло весной 1816 года, когда он вместе с Вяземским приехал месяца на два из Москвы в Петербург. Члены Арзамаса задумали устроить шутовскую церемонию приема Пушкина, пародируя масонские обряды и подвергая нового члена утомительным испытаниям. Василий Львович с полной готовностью и видимым удовольствием проделал весь изобретенный Жуковским нелепый церемониал, надолго оставшийся по своей грандиозности и необузданной фантастичности в памяти участников. Сам герой не заметил мистификации. Об этом свидетельствует Вигель, подробно описавший обряд: «Когда после я спросил его, не досадовал ли он, не скучал ли он сими продолжительными испытаниями? Совсем нет, — отвечал, — *s'étaient d'aimables allégories*» (это были милые аллегории). По старшинству лет (а он был лет на пятнадцать старше прочих арзамасцев) он был избран старостой, получил кличку «Вот» и ряд комических преимуществ. Всем этим он остался весьма доволен. После его возвращения в Москву И. И. Дмитриев писал А. И. Тургеневу (16 апреля 1816 года): «Вы приветствуете меня с возвращением В. Л., но надолго ли? Это перелетная птица. Выслуга арзамасского гуся, он теперь еще более вскружен от Петербурга. Только и говорит о скором переселении».

Но Василий Львович никуда не переселился. Он остался жить в Москве, окруженный шутливой опекой своих друзей. Создался особый стиль в разговоре о Василии Львовиче. В письмах Вяземского к Тургеневу мы читаем, как у Пушкина «течет радостная слюна», то сообщается, что он «в поте и подагре», то описываются сценки вроде следующей: «Третьего дня был я у больного Василия Львовича. Встарину хвалился он собою, детьми, а теперь — вольным усатым лакеем, которого призвал при мне и велел ему читать по-латыни. Слушал его с торжественным вниманием и, ликуя, поглядывал на меня. Как ни упал он, а всё еще золото! Этот лакей служил когда-то в аптеке. Уж не он ли подбирает Пушкину его цитаты латинские? Господи, прости мне мое прегрешение, а право я люблю его, как душу».¹ (Остафьевский архив, т. II, стр. 356.)

В это время Пушкин успел в достаточной степени разориться; он постоянно болел подагрой, но зато примирился со всеми и уже

¹ Ср. письмо Вяземского Тургеневу 1 марта 1817 года: «потею над Озеровым».

Дай бог, чтоб этот пот
Принес хороший плод,
А не такой, как тот,
В котором тонет Вот.

Примечание: Василий Львович Пушкин, по слабости лет, одержим неиссякаемым потом» (Остафьевский архив, т. I, стр. 74).

не писал полемических стихов. Последнее его литературное послание было адресовано арзамасцам. После вступления в общество он послал арзамасцам с дороги написанные им мадригал и эпиграмму; произведения эти в духе XVIII века были молодежью забракованы и автор переименован в «Вотрушку». Обиженный Пушкин ответил укоризненным посланием, в котором писал:

Вы вспомните о том, что первый, может быть,
Осмелился глупцам я правду говорить;
Осмелился сказать хорошими стихами,
Что автор без идей, трудясь над словами,
Останется всегда невеждой и глупцом.
Я злого Гашпара убил одним стихом,
И гнева не боясь варягов беспокойных,
В восторге я хвалил писателей достойных!

За эти стихи, одобренные Арзамасом, ему было возвращено почетное прозвище «Вот я вас».

С годами литературные распри, в которых принял участие Василий Львович, утихли, и прежние раздоры были забыты.

Картину примирения Пушкина с Шаховским рисует Вяземский в письме Тургеневу 21 мая 1823 года:

«На днях встречаются в Английском клубе Василий Львович, Дмитриев и Шаховской. — «Кажется, Василий Львович приятель с князем», говорит Дмитриев, «а не он ли сказал:

Я злого Гашпара убил одним стихом».

— «Да я за вас же и за Николая Михайловича вступался», отвечал Пушкин. — Дмитриев: «Как за меня?» — Василий Львович: «Шаховской, скажи правду: помнишь ли, как я от тебя ушел с головною болью и поклялся, что нога моя уже не будет у тебя? Мы спорили об Иване Ивановиче. Ты говорил, что Дмитриев не умел в баснях разнообразить язык и что заяц не говорит у него по-зайчьему, а галка по-галчьему». По несчастью я не был свидетелем этой сцены, но дорого заплатил бы за место» (Остафьевский архив, т. II, стр. 323.)

В 1821 г. Пушкин предпринял издание своих стихотворений. Так как у него не было ни средств ни умения, то за дело издания ввязались Вяземский, Плетнев и Карамзин. Вяземский писал по этому поводу Тургеневу 27 октября 1821 года: «Василий Львович так забавен, готовясь в печать, что страх. Он точно старая..., которая, перебранная всеми руками и на всех перекрестках, краснеет и робеет, выходя под венец. И он, перечитанный, перепечатанный и особливо же пересказанный всем и каждому, поддевается к обстоятельству и глядит...» (Ост. арх., т. II, стр. 222).

Не обошлось дело без цензурных затруднений. Дело шло, конечно, не об «Опасном Соседе». По тому времени и думать было нечего о печатании такого произведения. «Опасный Сосед» получил широкое распространение в рукописных копиях. Цензура не соглашалась пропустить второе послание Дашкову и одну эпиграмму. Карамзин отстоял послание, а эпиграмма была запрещена.

Вяземский напечатал статью об издании в «Сыне Отечества»; книжка вышла в 1822 году, украшенная портретом Пушкина.

Двадцатые годы прошли незаметно. Пушкин мирно доживал среди друзей, из которых ближайшим был князь Шаликов, издатель «Дамского Журнала».

Последним крупным произведением Пушкина была стихотворная повесть в 4-х главах, напечатанная в альманахах 1829 и 1830 гг., «Капитан Храбров». Это — довольно бесформенная пародия на романтические поэмы. Успеха она не имела. В мае 1830 г. собравшиеся в Петербурге арзамасцы А. С. Пушкин, Жуковский, Вяземский и др. вспомнили своего старосту и послали ему стихотворный привет:

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович,
Буянов в старину, а нынешний Храбров;
Меж проповедников Парнасса — Прокопович,
Пленительный толмач и граций и скотов!
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы — печемся здесь о сочном винограде
И соком лоз его пьем здравие твое.

Год этот был особенно тяжел для Василия Львовича. Здоровье его всё ухудшалось. Несколько раз ожидали его смерти. Наконец он слег окончательно и умер 20 августа. А. С. Пушкин писал Плетневу 9 сентября 1830 г.: «Бедный дядя Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи: очнувшись он узнал меня, погоревал, потом, помолчал: «Как скучны статьи Катенина!» и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите *le cri de guerre à la bouche*» (с боевым кличем на устах).

Заданъ месса .

Васили' Пушкинъ

Л. П.: Вотъ Дмитралми колорно
я сдранъ въ Ямеубицахъ.

Годство съ Шидмановымъ
и Кремль потамисовъ.

Шидмановъ, потамисовъ! Ка
не сдранъ о: Васъ!

Признавсь надобно это у
ваша Зла;

У одного, нога арская,
А у друцова, арель погасъ.

* въ Ямеубицахъ, въ камен
потамисовъ Кремль, и безъ
-ский мотъ ету заданъ Дмитралми

Письмо В. Л. Пушкина к А. С. Пушкину от 17 апреля 1816 года.

ОПАСНЫЙ СОСЕД

Ох! дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами запираются?
Я всё перескажу: Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с б...ми, в трактирах с ямщиками,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрёпанный, в пуху, в картузе с козырьком,
Пришел, — и понесло повсюду табаком.
«Сосед», он мне сказал: «что делаешь ты дома?
«Я славных рысаков подтибрил у Пахома;
«На Масляной тебя я лихо прокачу».
Потом, с улыбкою ударив по плечу,
«Мой друг», прибавил он, «послушай: есть находка;
«Не девка, — золото; из всей Москвы красотка.
«Шестнадцать только лет, бровь черная дугой,
«И в ремесло пошла лишь нынешней зимой.
«Ступай со мной; качнем!» К плотскому страсть имея,
Я виноват, друзья, послушался злодея.
Мы сели в обшивни, покрытые ковром,
И пристяжная вмиг свернулася кольцом.
Извозчик ухарский, любуясь рысаками,
«Ну!», свистнул, «соколы, отдёрнем с господами».
Пустился дым густой из пламенных ноздрей,
По улицам, как вихрь, несущихся коней;
Кузнецкий мост, и вал, Арбат и Поварская
Дивились *двоице*, на бег ее взирая.
Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец.
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к чорту ум и вкус! пишите в добрый час!
«Приехали», сказал извозчик, отряхаясь.
Домишка, как тростник, от ветра колыхаясь,
С калиткой на крюку представился очам.

Херы с Покоями сцеплялись по стенам.
«Кто там?» нас спросил охрипый голос грубый.
«Проворней отворяй, не то — ракалью в зубы», —
Буянов закричал, — «готовы кулаки»,
И толк ногою в дверь; слетели все крюки.
Мы сгорбившись вошли в какую-то каморку,
И что ж? С купцом играл дьячок приходский в горку;
Пунш, пиво и табак стояли на столе.
С широкой задницей, с угрями на челе,
Вся провонявшая и чесноком и водкой,
Сидела сводня тут с известною красоткой;
Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй
Смиренно в рамочках висели над софой;
Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И *Стерна Нового* как диво величали.
«Прямой талант везде защитников найдет!»
Но вот кривой лакей им кофе подает;
Безносая стоит кухарка в душегрейке;
Урыльник, самовар и чашки на скамейке.
«Я здесь», — провозгласил Буянов молодец.
Все вздрогнули, дьячок, и сводня, и купец;
Но все, привстав, поклон нам отдали учтивый.
«Ни с места», — продолжал Сосед велеречивый, —
«Ни с места! все равны в б.....е у б....й;
«Не обижать пришли мы честных здесь людей.
«Панкратьевна, садись; — целуй меня, Варюшка;
«Дай пуншу; пей дьячок». — И началась пирушка!
Вдруг шепчет на ухо мне гостья на беду:
«Послушай, я тебя в светлицу поведу;
«Ты мной, жизнёночек, останешься доволен;
«Варюшка молода; — но с нею будешь болен;
«Она охотница подарочки дарить».
Я на нее взглянул. Чорт дернул! — так и быть!
Пошли по лестнице высокой, крючковой;
Кухарка вслед кричит: «Боярин тароватой,
«Дай бедной за труды, всю правду доложу,
«Из *чести* лишь одной я в доме здесь служу».
Сундук засаленный, периною покрытый,
Огарок в черепке, рогожью пол обитый,
Рубашки на шестах, два медные таза,
Кот серый, курица, мне бросились в глаза.

Знакомка новая, обняв меня рукою,
«Дружок», — сказала мне, — «повеселись со мною;
«Ты добрый человек, мне твой приятен вид,
«И верно девушке не сделаешь обид.
«Не бойся ничего; живу я на отчете,
«И скажет вся Москва, что я лиха в работе».
Проклятая! Стыжусь, как падок, слаб ваш друг!
Свет в черепке погас, и близок был сундук...
Но что за шум? Кричат! Несется вопль в светлицу.
Прелестница моя, накинув исподницу,
От страха босиком по лестнице бежит;
Я вслед за ней. Весь дом колеблется, дрожит.
О ужас! мой Сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу спокойно,
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.
«Буянов, бей дьячка, но пощади купца» —
Б...ь толстая кричит сердитому герою.
Но вдруг красавицы все приступают к бою.
Лежали на окне *Бова и Еруслан*,
Несчастный Никанор, чувствительный роман,
Смерть Роллы, *Арфаксад*, *Русалка*, *Дева Солнца*;
Они их с мужеством пускают в ратоборца.
На доблесть храбрых жен я с трепетом ввирал;
Все пали ниц; Сосед победу одержал.
Ужасной битве сей вот было что виною:
Дьячок, купец, Сосед пунш пили за игрою,
Уменье в свете жить желая показать;
Варюшка всем гостям старалась подливать;
Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бахус бедствиям не раз бывал начало.
Забав невинных враг, любитель козней злых,
Не дремлет Сатана при случаях таких.
Купец почувствовал к Варюшке вожделенье,
(А б...ь, в том спору нет, есть общее именье.)
К Аспазии подсев, дьячку он дал толчок;
Буянова толкнул нахмурившись дьячок;
Буянов, не стерпя приветствия такого,

Задел дьячка в лицо, не говоря ни слова;
Дьячок, расхоробрясь, купца ударил в нос;
Купец схватил с стола бутылку и поднос,
В приятелей махнул, — и Сатане потеха!
В юдоли сей, увы! плач вечно близок смеха!
На быстрых крыльях веселие летит,
А горе тут как тут!.. Гнилая дверь скрипит,
И отворяется; спокойствия рачитель,
Брюхастый офицер, полиции служитель,
Вступает с важностью, в мундирном сертуке.
«Потише», — говорит, — «вы здесь не в кабаке;
«Пристойно ль, господа, у барышень вам драться?
«Немедленно со мной извольте расквитаться».
Тарелкою Сосед отвечивал ему.
Я близ дверей стоял, ко счастью моему.
Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья,
Единственно в ногах искал себе спасенья;
В светлице позабыл часы и кошелек;
Через бревна, кирпичи, чрез полный смрада ток
Перескочив, бежал, и сам куда не зная.
Косматых церберов ужаснейшая стая,
Исчадье адово, вдруг стала предо мной,
И всюду раздался псов алчных лай и вой.
Что делать! — Я шинель им отдал на съеденье.
Снег мокрый, сильный ветер. О! страшное мученье!
В тоске, в отчаяньи, промокший до костей,
Я в полночь наконец до хижины моей,
О, милые друзья, калекой дотащился.
Нет! полно! — Я навек с Буяновым простился.
Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет
И в сонмище людей неистовых нейдет;
Кто, веселясь подчас с подругой молодою,
За нежный поцелуй не награжден бедою;
С кем не встречается опасный мой Сосед;
Кто любит и шутить, но только не во вред;
Кто иногда стихи от скуки сочиняет,
И над рецензией славянской засыпает.

А. А. ШАХОВСКОЙ

*А. А. Шаховской,
с гравюры, приложенной к альманаху
«Русская Талия» 1825 года.*

Александр Александрович Шаховской принадлежал к старинному княжескому роду; впрочем род этот давно захирел и лишь воспоминаниями о прошлом отличался от среднего провинциального дворянства. Отец его когда-то служил при польском дворе, но недолго и поселился в своем смоленском поместье Беззаботах. Здесь и родился будущий драматург 24 апреля 1777 года. Семи лет — в 1784 году — он был помещен в Московский благородный пансион, а шестнадцати лет отправился в Петербург. По обычаю того времени отец записал его в Преображенский полк сержантом, когда ему было только десять лет. Он должен был, явившись в Петербург, начать фактическую службу. В Петербурге Шаховской оказался почти без всяких средств. Надежда на богатую и знатную родню не оправдалась. Он сошелся с теми из полковых товарищей, кого недостаток средств заставлял искать развлечения не в разорительной великосветской жизни, а в литературе и театре. Шаховской познакомился с такими театральными деятелями, как балетмейстер Вальберх и актер Дмитриевский. Его поэтические опыты удостоились одобрения поэта Эмина (сына романиста). Он решил выступить в качестве драматурга. Первая его пьеса «Женская Шутка» 1795 года имела некоторый успех. Однако после нее он долго не возвращался к драматическим опытам. Комедия эта открыла ему путь в большой свет. Здесь успех его был решительным. Веселость и остроумие молодого гвардейца делали его желанным гостем. Скучность средств заставляла его охотно принимать приглашения на обеды и ужины. Его кормили за то, что он шутил и развлекал общество. Так Шаховской познакомился с директором театров А. Л. Нарышкиным, а тот пригласил его на службу в качестве члена репертуарного комитета в 1802 году. В том же году он получил длительную командировку в Париж для приглашения актеров французской труппы. Поездка его воспета в шуточной оде «На возвращение князя А. А. Шаховского из Франции в 1802 году», написанной поэтом-остряком С. К. Мариным (1775 — 1813) сослуживцем Шаховского по Преображенскому полку:

Ударил гром! и гор кремнистых
Трепещет сердце и хребет!
В странах полнощных, снежно-льдыстых
Борей, ярьсь, как вепрь ревет,
Колеблет мира основание;
Там зрится северно сиянье,
Стихии в распре меж собой.
В эфире ясный луч сияет,
И эхо громко восклицает:
«Ура! к нам едет Шаховской!»

Описав сонм богов, сопровождающих путешественника, Марин продолжает:

Один лишь Марс отворотился
И Шаховскому не помог:
Давно на князя он сердился,
Что службу он оставить мог.
С ним Марс и в службе не братался:
Он гнать всегда его старался
И, словом, был с ним нехорош:
Не тем командовал князь тоном
И был всегда он с эспонтоном¹
На ярославский герб похож.²

Без Марса боги обошлись,
Чтоб ускорить его приезд:
Скрыпя, рессоры дотряхлись
До славных полуночных мест.
Парнаса пасынок любимый!
Не оставляй страны родимой,
Живи всегда ты меж друзей!
Итак, Москва восколебалась³
Нева двукратно разливалась,
Узнав, что едет сын князей!

Князей ты сын и барин русской!
Прошу теперь нам рассказать,
Что в славной ты стране французской
Изволил нового встречать?
Скажи, как ветренны народы,
Прельстятся тенями свободы,
Устроили спокойству ад;
Скажи, не кроясь личиной,
Поехал ты от нас детиной,
А чем приехал ты назад?

(«Современник» 1856, XI, стр. 46)

В 1804 году, 16 декабря, была поставлена комедия Шаховского «Коварный» (заимствованная из французской комедии Грессе «Le Méchant»). Комедия эта шумно провалилась. Тогда Шаховской решил выступить на попроче литературной сатиры и в 1805 году, 31 мая, поставил новую комедию «Новый Стерн». Это было резкое нападение на сентиментализм. В лице графа Пронского дана была злая карикатура на Карамзина. Это нападение приобрело особый характер вследствие того, что за два года до этого вышло в свет «Рассуждение о старом и новом слоге» Шишкова, являвшееся про-

¹ Эспонтон — короткая пика, вооружение гвардейских офицеров. Отменено ношение эспонтонов в 1807 году.

² На ярославском гербе было изображение медведя.

³ В Москве 14 октября 1802 г. было землетрясение. В том же году в Петербурге было большое наводнение.

граммой борьбы старой партии против Карамзина. Вигель пишет: «Спустя несколько времени другой выстрел последовал со сцены. Князь Шаховской, служивший в театральной дирекции, написал комедию «Новый Стерн», в которой дурачит сентиментальность каких-то небывалых писателей, шепнув всем на ухо, что он метит на Карамзина. В языке Шаховского также никогда славянского ничего не было; но Шишков охотно прощал ему, как сильному и полезному союзнику. На этот второй вызов также не было ответа; разве почитать ответом веселую эпиграмму молоденького тогда Блудова. Вот она:

Хотите ль, господа между певцами
Узнать Карамзина вы записных врагов?
Вот комик Шаховской с плачевными стихами,
И вот бледнеющий над святцами Шишков.
Они умом равны, обоих зависть мучит;
Но одного сушит она, другого пучит».

Начиная с «Нового Стерна» репутация Шаховского как драматурга упрочилась. Его пьесы — главным образом переводы и подражания — не сходят со сцены. В 1806 году идут «Любовная Почта», «Беглец от своей невесты», в 1807 — четвертая часть «Русалки», в 1808 — «Полубарские Затеи», «Клеветники», в 1809 — «Китайский Сирота» (Вольтера), в 1810 — «Дебора», «Ссора или Два соседа».

Между тем его театральная деятельность создала ему много врагов. Обиженные им авторы (напр. Лукницкий), актеры, ссорившиеся с ним в обстановке закулисных дразг, составили дружную партию, распускавшую про него самые неблагоприятные слухи, вроде того, например, что он осмеивает в своих комедиях своего отца, что «Дебору» написал не он, а Невахович и т. п. В это время он сошелся с актрисой Екатериной Ивановной Ежовой, принимавшей деятельное участие в театральных интригах и вовлекавшей в них Шаховского. У него на квартире создается своеобразный салон с Ежовой во главе. Салон этот приобретает особую репутацию благодаря тому, что в нем обязательно присутствуют воспитанницы театрального училища, находившегося в ведении Шаховского. Особенно посещаем этот салон был после 1812 года, когда во главе театров был поставлен Тюфякин. Вигель так характеризует его: «При начальнике, который вечером никогда не бывал в трезвом виде, власть Шаховского должна была умножиться. Его сожительница Ежова каждый вечер принимала у себя актрис, танцовщиц и воспитанниц театральной школы; преимущественно последних, дабы дать им более ловкости в обращении. Несколько пожилых и большая часть молодых людей Петербурга добивались чести быть принятыми в ее салоне. Освещение его и угощение, по крайней мере чашкою чая, сопряжены были с издержками. Какими средствами вознаграждала она себя за них, мне не известно. Из всedневных посетителей сих составились дружины хлопунцов, с которыми автор-хозяин всегда мог быть уверен в победе. Если литературная слава его чрез то несколько увеличивалась, за то честь его жестоко страдала от этого».

Одним из самых упорных обвинений, выдвинутых против Шаховского в эти годы, было утверждение, что он интриговал против Озерова и явился косвенным образом виновником его смерти. Его обвиняли в неудаче «Поликсены» Озерова в 1807 году, в неблагоприятном исходе дела о вознаграждении Озерова за эту пьесу и т. д. Причиной выставляли зависть Шаховского ко всякому театральному успеху. Обвинения были резкие, проникали в печать; сторонники Озерова считали долгом мстить Шаховскому, всячески преследуя его сатирами и эпиграммами.

В 1808 году Шаховской выступил в роли редактора журнала «Драматический Вестник». Это не было издание, служившее определенной литературной группе. Кроме редактора здесь печатались Крылов, Гнедич, Батюшков, и рядом с ними Шишков, Карабанов и другие зубры «славянщины».

Сам Шаховской выступил в этом журнале не только драматургом, но и театральным критиком и историком. В ряде статей он популяризировал взгляды Вольтера и вел борьбу с распространением жанра «мещанской драмы». Кроме того он выступил и в качестве сатирика. Он напечатал в этом журнале две сатиры. Первая появилась в № 18 (апрель). В ней, обращаясь к Мольеру, автор дает ряд сатирических портретов: вестовщика, низкопоклонника, хватата, франта. Последний изображен карикатурным поклонником Запада:

Близь хвата фронт сидит, с премодным воспитаньем,
С ухваткой дамскою, с сорочьим щebetаньем,
Головку искривя, так нежен, так уныл,
И молча говорит: смотрите, как я мил! —
Как милым и не быть? — Легко ли? — Три аббата
На разных языках учили молодца,
И выпуская в свет уверили отца,
Что редкость сын его, что в нем ума палата.
И правда! Затвердил он имена всех книг;
Парижский двор, театр, он вам опишет в миг,
Хотя не ведает, кто был Ермак, Пожарский,
Олег и Ярослав. Да и не хочет знать;
Их шутки никакой нельзя пересказать;
Они же русские; — а он — сынок боярский.

Среди русских чудаков он опять избирает западника:

Тот заходяничал и в деревнях мудрит:•
Из иностранных книг и с образца чужого
Без толку, без пути он сеет русский хлеб;
Да на чужой манер хлеб русский не родится.

Этот стих через 22 года процитировал Пушкин в «Барышне-крестьянке». Очевидно, сатиры Шаховского не были забыты.

Подобная борьба с Западом, очевидно, и была причиной, сближавшей Шаховского с Шишковым.

В № 65 (сентябрь) помещена вторая сатира Шаховского «Разговор цензора и его друга». Эта сатира имеет задачей осмеяние

ненавистного автору литературного направления карамзинистов. Она направлена против баллад, сентиментальных посланий, путешествий:

Вот наши странствия! В них ясно видеть можно,
Где путешественник пил кофе, ел и спал,
Что видел он во сне, кому он вздох послал,
И больше ничего... А мне читать их должно!

В драматургии он нападает на переводчиков Коцебу, называя его «немецким Гарди» (Hardy — 1560—1631, французский драматург, отличавшийся плодovitостью):

Немецкого Гарди бесцетные творенья
Нашлись охотники все гуртом перевесть.
В одном из них жена, забыв и долг и честь,
Всех добродетелью приводит в восхищенье;
В другом забунтовал чувствительный герой
Из сожаления к невинно обольщенной.
Там сын нечаянно невинностью рожденный
Из редкой честности пустился на разбой!
И словом всё, что встарь считалось преступленьем,
В бесчестье и позор, — то новых драм творец
Изволил произвесть в чувствительность сердец,
В стремленье пылких дум, в невинно заблужденье.

В 1811 году основана была Беседа. Как союзника «славян» Шишков пригласил туда Шаховского. В Беседе прочитаны были «Расхищенные Шубы», начатые еще в 1807 году, но начиненные полемическими выпадами, относящимися к 1810—1811 годам. Незадолго до того Шаховской был избран в Российскую Академию.

Наступившие вскоре политические события направили творчество Шаховского по «патриотическому» руслу. Еще до начала войны 1812 года он успел поставить водевиль «Казак-стихотворец», долгое время пользовавшийся популярностью. В 1812 году он сам принял участие в войне, в составе Тверского ополчения. Он вошел во главе первых русских отрядов в оставленную Наполеоном Москву, а затем служил в Риге и в Польше. По возвращении в Петербург поставил две пьесы, угождавшие воинственным настроениям: «Встреча незваных» и «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец». В следующем 1815 году Шаховской поставил комедию, вызвавшую шумные споры и протесты. Это были «Липецкие Воды, или Урок кокеткам». Здесь выведен был один второстепенный персонаж, Фиалкин, являвшийся карикатурой на Жуковского. Он декламировал совершенно явные пародии на переводы Жуковского из Шиллера и фантастические баллады. Комедия вызвала протест со стороны друзей Жуковского. Дашков написал прозаическую сатиру «Видение в какой-то ограде». Здесь изображен Шаховской в бреду. Тень Шишкова обращается к нему со словами: «Чадю второе, приди и внимай мне! И почто смущаешься духом, и почто ужасаешься скудости мыслей, и что плачешь над бесплодием главы твоей? И дух твой не зависит от мыслей, и дар твой питается

чувством единым, живущим вечно в тебе и во мне; и оное чувство и сушит нас и пучит, и грызет нас, и движет, и не престанет возбуждать нас, и мы не престанем писать, доколе будет чужое счастье, доколе будут терзать нас успехи ума; и оным чувством бессмертным умертвил ты гений, создавший в России трагедию, и почто есть другие? О, чадо! Ополчись и успевай, и завидуй, и уязвляй! И напиши нечто и назови сие нечто комедией, и раздели сие нечто на пять тетрадей, и тетрадь назови действием. И хвали ироев русских и усыпи их своими хвалами, и тверди о славе России, и будь для сцены бесславием, и русский язык прославляй стихами не русскими. И подражай Молиеру, и никто не узнает Молиера, и превращай тонкое в грубое, и забавное в сонное, и Селимену в знакомку Буянова; и то не главное в твоей нареченной комедии; но омочи перо твое в желчь твою и возненавидь кроткого юношу, дерзнувшего оскорбить тебя талантами и успехами; и разъярись на него бесплодно яростью, и лягни в него десною рукою твоею и твоей грязью природной обрызгай его и друзей его» и т. д. Действие этого видения происходит в Арзамасе. Сатира Дашкова явилась поводом к созданию Арзамаса, в ритуал которого вошло непрерывное осмеяние Шаховского. На него посыпались эпиграммы, причем особенно плодovit был в этом жанре Вяземский.

Между тем, Шаховской отнюдь не был старовером в литературе. С Шишковым его связала литературная тактика и общность противников. Но отрезав себе путь к сближению с молодежью из кружка карамзинистов, Шаховской особенно сблизился с теми молодыми писателями, которые посещали Беседу и собственно не были чистыми шишковистами: с Катениным и Грибоедовым. Когда же прошла буря, возбужденная «Липецкими Водами», Шаховской через Катенина познакомился с молодым Пушкиным.

В начале деятельности Арзамаса Пушкин горел ненавистью к Шаховскому. Когда-то он писал о нем: «Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель; что же он такое? — Не глупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии».

В послании Жуковскому он писал:

К вам Озерова дух взывает: други! месть!

В письме В. Л. Пушкину он вспоминал, как тот умел осмеять «глухого варварства начала»

И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом.

Через три года отношение изменилось, и Пушкин стал одним из посетителей «чердака» Шаховского. Об этом знакомстве Катенин пишет в своих воспоминаниях о Пушкине:

«В ту же зиму просил Пушкин познакомить его с князем А. А. Шаховским, у которого по вечерам после спектакля съезжалось много хороших людей, наипаче молодежи, и время весело шло.

Кто-то из их общих знакомых уже прочитал Шаховскому несколько отрывков из поэмы Пушкина, и князь, страстный любитель Святой Руси, пришел от них в восторг и также просил меня привести к нему молодого поэта. Радушный прием на первый раз тем приятнее был для гостя, что он за собой знал против Шаховского маленький грешок; когда мы с хозяином простились, и я ночью отвозил товарища до известного угла неподалеку от его квартиры, в санях был разговор и вот от слова до слова: *П.* Savez vous qu'il est très bon homme au fond? jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerow ni à qui que ce soit.—*К.* Vous l'avez cru pourtant; vous l'avez écrit et publié; voilà le mal.—*П.* Heureusement personne'n a lu ce barbouillage d'écolier; pensez vous qu'il en sache quelque chose? —*К.* Non, car il ne m'en a jamais parlé.—*П.* Tant mieux; faisons comme lui, et n'en parlons plus». (*П.* Ведь он в сущности очень добродушный человек; никогда не поверю, чтоб он хотел в самом деле вредить Озерову или кому бы то ни было.—*К.* Но вы верили этому; вы это писали и печатали; вот что плохо.—*П.* Хорошо, что никто не читал этих мараний школьника. А по вашему, знает ли он что-нибудь об этом?—*К.* Нет; он никогда мне не говорил об этом.—*П.* Тем лучше. Поступим по его примеру и не будем больше об этом говорить.)

В «Онегине» Пушкин, описывая театр 1819 года, упомянул и Шаховского:

Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой...

С Грибоедовым Шаховского связывала дружба. В своих путевых записках 1819 года Грибоедов писал: «Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно порадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтение, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериною Ивановной, — не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселяет меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь».

В 1818 году произошло изменение в служебной карьере Шаховского. Он повздорил с директором театров Тюфякиным и в июле вышел в отставку. Причину отставки видели в том, что в комедии, написанной Шаховским вместе с Грибоедовым, — «Своя семья» — был стих: «он до обеда глуп — после обеда шут». Этот стих, по свидетельству Каратыгина, «все тогда признавали явно написанным на Тюфякина».

Близость к Шишкову, патристические пьесы, общеизвестная религиозность Шаховского¹ предполагают весьма реакционные

¹ Каратыгин в своих записках сообщает: «Живучи у него на даче и после часто бывая у него, я имел случай коротко ознакомиться и с его характером и вообще с домашним его бытом. Князь был необыкновенно богомолен: ежедневно целый час он не выходил из своей молельни, где читал молитвы и акафисты и делал обычное число земных поклонов; так что на верхней части лба у него постоянно было темное пятно вроде мазоли. Впрочем это гимнасти-

политические убеждения. Но знакомство и сотрудничество с такими лицами, как Катенин и Грибоедов свидетельствуют как будто об обратном. В обществе репутация Шаховского очевидно никак не связывалась с политическим мракобесием. Об этом свидетельствует следующий факт. В декабре 1818 года Николай Иванович Тургенев задумал создание политического общества и издание политического журнала. Уже в январе начались собрания нового общества и продолжались до октября 1819 года. Характер общества определяется составом его членов. Сюда вошли по большей части члены Союза благоденствия, т. е. представители умеренного крыла тайных обществ декабристов. Это были Никита Муравьев, Федор Глинка, И. Г. Бурцов, П. И. Калошин. Кроме того, среди членов общества были А. П. Куницын, А. С. Пушкин и А. А. Шаховской. Привлечение его в политическую организацию явно оппозиционного характера свидетельствует, что в нем не было шишковской приверженности самодержавию.

После смерти Тюфякина новый директор А. А. Майков пригласил Шаховского обратно на службу. С 1821 года начался этот второй период служебной карьеры Шаховского под покровительством графа Милорадовича. К тому времени совершенно улеглись страсти, возбужденные «Липецкими Водами», да и драматургическое направление Шаховского изменилось. Он стал переделывать в театральные пьесы, попрежнему с дивертисментом и танцами, романтические сюжеты: так, в январе 1824 года он поставил «Судьбу Ниджеля» по Вальтер Скотту, в январе же — «Фингал и Розкрана» по Оссиану. В ноябре шел «Финн» — эпизод из «Руслана и Людмилы», в сентябре 1825 г. «Керим Гирей» из «Бахчисарайского Фонтана». В письме Катенину 17 октября 1824 г. Грибоедов писал: «У Шаховского прежние погрешушки, только имя новое; он вообразил себе, что перешел в романтики, и с тех пор ни одна сказка, ни басня не минует его рук, всё перекраивает в пользу Дюр, Брянского и пр.: на днях, кажется, соорудил трилогию из «Медведя и Пустынника» Крылова. Я у него бываю, от того, что все другие его ругают; это в моих глазах придает ему некоторое достоинство».

Впрочем, романтизм Шаховского не был неожиданным, и в частности для Грибоедова. Катенин и Грибоедов в Беседе занимали особую политическую и литературную позицию. Связанные с тайными обществами, они не разделяли мракобесных взглядов Шишкова; в литературе они сами тяготели к романтизму, но не в французском, а в немецком его варианте, основанном на идее возрождения национальной литературы. Как известно, это обращение к национальным темам, к русской истории и мотивам народного творчества характерно для многих представителей тайных обществ; примером могут служить «Думы» Рылеева.

ческое упражнение было вероятно полезно для здоровья при его тучности и сидячей жизни... Катенин и Грибоедов были тогда большие вольнодумцы и любили подтрунивать над князем насчет его религиозных убеждений; тут он выходил из себя, спорил до слез — и часто выбегал из комнаты, хлопнув дверью» (Каратыгин, «Записки», 1929, стр. 118—120).

Гусевъ, 20 м. 1871, ул. левая. Кат. 2. С. 111.
А. Понд. революцион.

Число. Ду, какъ разосланы, какъ... изъ... и...
разосланы.

№ 12 20.

Ученъ въ...
однажды...
Когда...
и...
и...

Авторграф А. А. Шатовского из его пьесы «Федор Григорьевич Волков или день рождения русского театра» (1827 г.). Собрание ИРЛИ.

В. Кюхельбекер в своем рукописном «Обзрении российской словесности 1824 года» отметил борьбу западников «противу Славян, равно имеющих своих классиков и романтиков: Шишков и Шихматов могут быть причислены к первым; Катенин, Г... (Грибоедов), Шаховской и Кюхельбекер ко вторым». Таким образом Кюхельбекер намечает наличие объединенной литературной группы в среде «славян». Группа эта представляет собой некоторое политическое единство: кроме Шаховского, все прочие причастны к тайным обществам, а Шаховской печатал в это время отрывки своей комедии «Аристофан» в «Полярной Звезде» Рылеева и Бестужева и в «Мнемозине» Кюхельбекера, взявшего его под защиту. В литературном отношении их, между прочим, объединяет ненависть к элегии и интимным «посланиям», а с другой — интерес к фольклору. В последней области необходимо указать на песни Шаховского, помещавшиеся им в его комедии; песни эти печатались и вне текста комедий и пользовались большой популярностью. Есть основания утверждать, что песни Кольцова создавались под непосредственным влиянием песен Шаховского, также как и песни Цыганова.

В это время дом Шаховского, где постоянно бывал Милорадович, приобрел особый характер. Арапов в «Летописи русского театра» пишет: «Граф не любил, чтобы гости Шаховского для него стеснялись и потому, когда он беседовал с людьми серьезными, в кабинете Шаховского, Катер. Иван. Ежова, домоправительница князя, разливала чай в другой комнате и приглашала остальных гостей играть на билиарде; игра эта обыкновенно происходила на счастье то Катеньки, то Надиньки, то Любушки, то Машиньки, самых интересных воспитанниц, от 10 до 25 руб. за партию; проигравший расплачивался тотчас, и Катер. Иван. откладывала денежки для покровительствуемых ею в ларец. Следует заметить, что на вечерах кн. Шаховского приличие соблюдалось во всей строгости и никто не мог себе позволить никакого вольного обращения с воспитанницами». Понятие «строгости» весьма относительно. О строгости вечеров Шаховского свидетельствует письмо Грибоедова Бегичеву 4 января 1825 года: «Долго я жил уединен от всех, вдруг тоска выехала на белый свет; куда, как не к Шаховскому? Там по крайней мере можно гулять смелою рукою по лебяжьему пуху милых грудей etc. В три, четыре вечера Телешева меня с ума свела... И что для меня заманчиво было, что соперником у меня — Милорадович, глуп, хвастлив, идол Шаховского, который ему подличает. Оба скоты!»

Счастливая карьера Шаховского вдруг резко оборвалась. Милорадович был убит на Сенатской площади. При Николае старая театральная дирекция была реорганизована и 23 января Шаховской был уволен, на этот раз навсегда. Быть может в процессе декабристов и докопались до его предосудительного участия в политическом обществе Н. Тургенева.

Выйдя в отставку, Шаховской продолжал драматургическую деятельность и почти ежегодно писал по новой пьесе. С прежними врагами он примирился, в новые театральные и литературные ссоры не мешался, если не считать ссоры с Булгариним. Вот как

описывает он свою встречу с прежними литературными врагами в письме С. Т. Аксакову 8 января 1830 года: «Вчера я провел вечер у Жуковского с Крыловым, Пушкиным, Гнедичем и еще с каким-то молодым человеком, которого не знаю... Во время ужина начались суждения о Булгарине и о новом журнале. «Иван Выжигин» был выжжен единогласно из русской словесности, а сочинитель его объявлен мерзавцем со всеми своими собутыльниками и сидельниками. Его мерзости против меня и еще более восстание на Карамзина вооружили против него всех... Я обещал Пушкину прислать речь Лизецкого из моей пьесы в «Литературную Газету». Кажется по всему писанному, что друзья Вяземского подали мне дружелюбно руку; однако я заметил, что они всё-таки корчили пальцы, чтобы не слишком плотно прижать мою ладонь, которую я, как вы должны заметить, никогда не протираю без искреннего участия сердца моего. Старые дрязги и, может быть, новые сплетни по клевете проглядывали сквозь ласки и приветствия, кроме однако ж Гнедича, который или лучше умеет притворяться, или точно от сердца заключил мир».

Последние годы Шаховской жил то в Москве, то в Петербурге, то в Харькове, где у него поблизости было имение. Умер он в Москве 22 января 1846 года.

Большая часть им написанного осталась неизданной. Даже напечатанные произведения вместе собраны не были. Предполагавшееся собрание его сочинений не состоялось. Быть может отчасти и в этом — причина того незаслуженно полного забвения его литературной деятельности.

РАСХИЩЕННЫЕ ШУБЫ

ИРОИ-КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ПЕСНИ

По мнению многих ученых людей Омир, отец эпопеи, был первым сочинителем шутовой поэмы. Древние предания, подтвержденные многократно в течении двадцати семи веков, несмотря на некоторые противу оных возражения, заставляют верить, что певец Илиады не возгнушался быть творцом Ватрахомиомахии и что лира, даровавшая бессмертие Гектору, Ахиллу и Агамемнону, бряцала войну мышей и лягушек. Но ежели бы сии предания были отвергнуты неоспоримыми доводами, то и тогда шутовые поэмы всё еще заслуживали бы внимание любителей словесности и почетное место между классическими произведениями. Кто может отказать в сем преимуществе стихотворению, которого примеры мы находим на всех языках, прославившихся словесностию. Имена Тассония, Попа, Прейора, Буало, Виланда и Волтера не в силах ли отразить пренебрежение от того рода поэзии, которым они занимались и коему многие из них обязаны своею славою?

Не входя в подробное изложение правил шутовых поэм, я почти-таю обязанностью сказать только нечто о сем роде, которого слабый опыт представляю «Беседе Любителей Русского Слова».

Шутовая или ирои-комическая поэма в отношении к Эпопее кажется есть то же самое, что комедия в сравнении с трагедиею. Счастливое изобретение сказки, сладкозвучие стихов, быстрота и постепенность хода, разительные уподобления, пиитическая чудесность, вероподобие в повествовании и наконец нравственная цель, без которой не может и не должно ничто быть представлено взору читателя, составляют сущность и красоту шутовой поэмы, равно как и самого эпического творения. Они только разнятся или важностию предмета или возвышенностию слога; шутовые поэмы разделяются на два рода: одни представляют в важном виде забавные или малозначащие происшествия, другие шутивным слогом описывают достопамятные или ироические деяния. Примеры сих обоих родов мы находим почти на всех европейских языках. В Италии Боярдо написал древним слогом влюбленного Роланда; шутивный Берни, давший название слогу бернеско, преложил сию поэму в стихи приличные новейшим временам; Фортигверра прославил себя престелными стихами сочиненного им Ричардетта; Лаказа сделал *Capitolo del forno*. Вричиолини приятным слогом осмеивал ложных богов в комической поэме; Корсини сделался известным в ученом свете сочинением «Печальной башни» и Тассони, знаменитый творец «Похищенного ведра», дал первый название *ирои-комической* поэмы сему роду сочинений. На англинском языке Ботлер просла-

Вил забавными стихами Гудибраса; доктор Гарт воспел вражду лекарей и аптекарей, Прейор шутливым слогом писал историю души. Англинские журналы наполнены похвал Филиповой поэме Brillant schilling; глубокомысленный Попе был творцом «Похищения локона», поэмы, об которой говорят сочинители Британской энциклопедии, что в ней более творческого духа, нежели, может быть, во всех прочих творениях сего знаменитого поэта.

Многие немецкие стихотворцы отличили себя в сем же роде. «Похищенный платок» Захариев — подражание Попе, почитается некоторыми германскими писателями наравне с англнскою поэмою. Гете, автор Вертера, переходя от чрезвычайной чувствительности к чрезмерно-плодовитой шутливости, воспел в 12 песнях хитрость лисицы. Виланд развеселил немецкую словесность прекрасною ирои-комическою поэмою: его «Оберон» почитается приятнейшим произведением германской музыки.

Во Франции, в век Людовика XIV, Буало сочинил совершеннейшее, по словам г. Лагарпа, в сем роде творение «Налой» (le Lutrin), поэму названную им, по примеру Тассония, ирои-комическою. После сего превосходного произведения шутливой музыки я нахожу излишним говорить о прочих французских произведениях в сем роде. Волтер, не надеясь сравниться в сатирах с бессмертным Буало и желая может быть унизить славу друга Расинова, восставал противу ирои-комических поэм; но написав в сем роде известную поэму, сам опроверг пристрастные свои суждения.

В нашем языке Василий Иванович Майков сочинил «Елисея», шуточную поэму в 4 песнях. Отличные дарования сего поэта и прекраснейшие стихи, которыми наполнено его сочинение, заслуживают справедливые похвалы всех любителей русского слова; но содержание поэмы, взятое из само престонародных происшествий, и буйственные действия его героя не позволяют причесть сие острое и забавное творение к роду ирои-комических поэм, необходимо требующих благопристойной шутливости.

И так не видя на нашем языке правильной ирои-комической поэмы, я осмелился сделать опыт сочинения в сем роде. Смятение, случившееся некогда в одном из обществ при разборе шуб, перемешанных неосторожностью придверника, показалось мне содержанием столь же приличным для шутливой поэмы, как и ссора настоятеля и уставщика за снятый и поставленный налой, или вражда двух италианских городов за похищенное ведро. Я представляю сочиненную мною первую песнь, которая решит судьбу всей поэмы: или она при самом рождении своем смиренно сокроется во мраке неизвестности, или оживленная улыбкою благосклонных слушателей, будет окончена.

*А. А. Шаховской,
по акварели П. Л. Яковлева в альбоме Е. Измайловой, начала
1820-ых годов (Собрание ИРЛИ).*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою крамолою забавы пресеченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.

О ты, немолчная глашатая вестей!
Чью речь ни ветров шум, ни бурный рев морей,
Ни самый гром небес не заглушали вечно;
Стоустая молва! ты ведаешь, конечно,
Какой геенский дух прервал веселый пир,
Возгнел смятенья огонь, разрушил тихий мир,
Которым тридцать лет в том доме наслаждались,
Куда в воскресны дни для плясок собирались
Трудолюбивые и жены и мужья
И праздновали там, как дружная семья. —
Вещай, молва... но что! не роя ль пчел жужжанье,
Не водопада ль шум, не птиц ли щебетанье
Я слышу вокруг себя? — сто гласов, сто речей
Достигли вдруг моих внимательных ушей.
Сто уст вещают мне и все вещают разню;
Как спорщики в жару бессмысленно, несвязно
Все вдруг кричат, шумят: так, вестница молва,
Схватив, собрав, смешав все вести, все слова,
Мой слух без жалости вдруг ими поражает
И мучит и глушит и быстро отлетает,
Чтобы везде успеть с рассказами вестей.

Ты, муза славная веселостью своей,
Кем строгий Буало в храм славы преселился,
С кем сам отец стихов в час отдыха резвился,
Сойди, сойди ко мне и ум мой просвети,
Чтобы в речах молвы мне истинну найти.

Уж светлая Нева корой оделась льдистой,
С рамен зимы ниспал на землю снег пушистой,

И Феба, на одре покоющая лёнь,
Свет дневный сократя, длит ночи мрачну тень.
Настали вечера народного веселья,
В которы на Руси, от празднична безделья,
Бывало, молодёжь о суженой своей
Гадала у ворот, рядилась в журавлей,
На посиделки свах к невестам засылала,
И в лицах гаэрски потехи представляла.
Хотя у нас теперь обычай стал иной,
Во всем нам нравится и склад и толк чужой;
По иностранному мы в вальсах закружились,
Но не совсем еще с Веселостью простились.
В собольей шапочке, на рысаке лихом,
Веселость чрез Неву летела плясок в дом;
Пред санками ее и Радости и Смехи,
Забавы разные и разные потехи,
Порхали, бегали, катились на коньках,
Гоня с дороги прочь заботу, скуку, страх.
В руках забав огни потешные сияли
И пасмурную ночь в день ясный пременяли:
Но в поднебесье вдруг раздался бурный вой,
На вихрях пламенных несется над Невой
Сын Тартара, Раздор, убийством пресыщенный,
Пронырством, Ябедой, Алчбою окруженный.
Раздор кичливый взгляд низвел на пышный брег;
Узрев Веселости великолепный бег,
Стрелою зависти во сердце уязвился,
Рассвирепел, взревел и долу ниспустился.
Веселость между тем достигла тех дверей,
Где святки праздновать угодно было ей;
Уже ступила в дом, — Раздор крыльца коснулся:
«Остановись» — вскричал и чуть не улыбнулся,
Как обратила ввор Веселость на него;
Злой дух не мог сокрыть смущенья своего,
Слова его в устах дрожащих исчезали;
Меж Игр раздался смех, Утехи всплескали;
Веселость с торжеством в потешный дом вошла
И за собою дверь проворно заперла.

Как жалких драм творец в театре посрамленный,
Шипеньем, шиканьем и свистом оглушенный,

Чтоб вовсе не уныть под игом грустных дум,
Хвалы своих друзей себе приводит в ум;
Дух творческий живет и зрителям в отмщенье
Готовит новое преслезное творенье:
Так, в первый раз еще, осмеянный Раздор,
Чтобы скорей забыть его смутивший взор,
Все подвиги свои на мысль себе приводит;
Но тщетно всё: он в них отрады не находит;
И в след Веселости свирепый брося взгляд,
Клянется Тартаром не возвращаться в ад,
Доколе не отмстит сопернице надменной,
Не превратит во плач пир, ею учрежденный,
В ее потешный дом вражду не вовлечет.
В досаде, в ярости, источник лютых бед,
Мгновенно злобный ков ко мщенью вымышляет,
И Гашпара к сему орудьем назначает.
Переплетатель книг сей Гашпар ремеслом
И первый старшина в веселом доме том,
В который заперты Раздору были двери
Проворною рукой небес любимой дщери.

Поведай, муза, мне, чем Гашпар славен был
И чем внимание Раздора заслужил.

Распорядитель рок, с природою в разладе,
Нам делит жребии нередко ей к досаде;
Нередко тот, кто в свет для пахарства рожден,
Иль в суд, иль ко двору, иль в войске помещен;
А тот, кого на брань назначила природа,
Безвестный кончит век на страже огорода.
Природы мудрью всещедрою рукой
Был Гашпар отличен и телом и душой:
Наморщено чело скрывало ум высокой,
И билося в груди дебелой и широкой
То сердце, в коем гнев, тщеславье и любовь
Палили кофием сгущаемую кровь.
Под бровью мрачною, над пухлою щекою,
Прокрадывался взор отличный быстротою.
Улыбкой хитрою раздвигнуты уста
Зубами бедного, речью обильна рта
Тянулись до ушей и чутких и огромных.

Из сих-то страшных уст, из сих-то уст нескромных
Газетны новости лились как быстрый ток.
Когда, между друзей, на свой пеняя рок,
Который не ему вручил весы Фемиды,
Им Гашпар объяснял дворов различны виды,
Сгущенный вокруг его, как мгла, табашный дым,
Дела царей и царств не сокрывал пред ним:
Он видел всё; и так вращал судьбу вселенной,
Как пуншевый стакан, им трижды осушенный.
Кто б, слыша речь его, кто б, зря его восторг,
Законодателем его почесть не мог!
А злобный рок — увы! — ему повелевает
Быть переплетчиком... и он переплетает! —
Но року вопреки и в низкой доле сей
Известен Гашпар стал прилежностью своей:
Честь делают его искусству и работе
Явившиеся в свет в сафьянном переплете
Преслезных странствий семь, журналов пятьдесят,
Романов множество, сто жалостных баллад,
На нашем языке не наши все писанья,
И подражателям бессчетны подражанья.
Он их украсил всех (в том зла большого нет,
Они лежа в пыли не развращают свет):
Но он же переплел, и тем еще гордился,
Всё то, чем прошлый век как язвой заразился:
Безбожны письма Фернейска мудреца,
Разврата полный плач прежалких драм творца;
Природы мудрствия, системы ложны света
Ласера, Мирабо, Гельвецьа, Кондорсета,
Спинозы, Дидеро и множество других
Для света пагубных, угодных аду книг.
Хоть Гашпар был и добр, и набожен, и честен,
Но вредным сим трудом Раздору стал известен,
Который, зря, что век наш сделался учен,
Что яблоком златым не будет он прельщен,
Что статуи богов, духовно словопренье
Уж в нем не действуют, ввялся за просвещение:
Из ложных мудрецов отборные места
Вселилися в его крамольные уста;
Он ими возгремел, и пагуба восстала,
Восплакал горний мир, вселенна восстенала

И вера!.. скройся вид ужасный от очей,
Веселой музы ты не огорчай моей;
Я с нею пренестись спешу в покой смиренной,
Где Гашпар скромно жил с своей супругой верной.

Раздор, с злым умыслом вступая в сей покой,
И вид, и стан, и взор переменяет свой,
Главу, обвитую шипящими змеями,
Венчает париком с подвитыми кудрями;
Очками тусклыми мрачит тот волчий взгляд,
Из коего в сердца лиется злобы яд;
Перчатки, башмаки скрывают когти львины;
Чешуйчатый хребет и крылья змеины
Смирненно прячутся под вишневою кафтан;
И, словом, рост, лицо, осанку, поступь, стан
Приемлет школьного учителя Залцеда,
Крестьяна Гашпара давно умерша деда.
Под видом чуждым сим он к Гашпару идет,
Да в хитрые его тем сети завлечет.
Представ пред ним как тень, как грозно сновиденье,
Он хочет возбудить в душе его киченье;
В нем зная к новостям и к празднословью страсть,
Его устами мнит свою поведать власть
В том доме, где он зрел Веселость воцаренну
И пред собою дверь с насмешкой затворенну.
Раздор взошел и зрит сквозь борющую мглу
С светильной гаснущей за верстаком в углу
Крестьяна Гашпара, тьмой книг загроможденна
И в креслах дедовских сном крепким отягченна.
Повисшая глава между широких плеч,
Казалось, тяжестью своей могла увлечь
Всё тело тучное в паденье за собою;
Но Гашпар, опершись могучею рукою
На тот верстак, где им была помещена
Причина тайная его волшебна сна,
И крепко увязя свои дебелы чресла,
Для всех в пространные, ему же тесны кресла,
Был тверд, как древний вяз, склоненный над рекой.
«Проснись, гласит Раздор, о внук любезный мой,
«Восстань; познай меня! я прежний твой учитель,
«А ныне в небесах души твоей хранитель;

«Проснись!» и с речью сей Раздора громкий глас
И окна, и верстак, и весь поток потряс —
А Гашпар спит. К нему сын ада приступает,
На книги опершись, вторично восклицает:
«Проснись, мой внук, проснись!» но было то вотще:
Глас слышен за версту, а Гашпар спит еще.
Уж в третий раз уста Раздора растворились,
Но в них зевотою слова остановились;
О чудо! злобный дух скончать не может речь;
Смыкаются глаза, глава катится с плеч,
Его объемлет сон, он преклонился долу,
Согбенны голени уже коснулись полу,
И он бы пал — но ад от сна его воздвиг;
Раздор вспрыгнул и зрит над кипой толстых книг
Вину чудесную волшебна усыпления:
Еженедельные *Глумлинского* творенья.
Раздор сей талисман с рабочего стола
Схватил, метнул в окно и вышиб два стекла.
Тут Гашпар стуком сим внезапно пробужденный
Зрит деда пред собой. Сим видом пораженный
Он вдруг остолбенел. Раздор ему речет:
«Внемли, мой внук, внемли, сюда нисшел твой дед,
«Дабы перед тобой открыть судеб веленье
«И возбудить в тебе вздремавшие к славе рвенье.
«Престань в ничтожности кичиться тем одним,
«Что блеск ты придаешь творениям чужим,
«Что славу чуждую сафьяном украшаешь;
«Не ты ли наизусть все ведомости знаешь,
«От «Северной Пчелы» до Виленских газет?
«Но для слепца вотще сияет солнца свет!
«Ах, внук мой! ты ль не зришь, как дух нововведенья
«Людей без разума, без дара, без ученья
«Влечет со всех сторон газетной славы в храм;
«Их там Фортуна ждет, а ты еще не там!
«Ты, кем тщеславился покойный твой родитель,
«Кого я чудом чтил, я, многих школ учитель;
«И ты, в дому забав избранный старшиной,
«В нем отличился ли какою новизной?
«Какие пременял, какие ввел уставы?
«Узри, се пред тобой врата отверсты славы;
«Дерзай на подвиги! как мочный исполин

«С восходом солнечным, гряди в совет старшин;
«В нем будут предлагать важнейше учрежденье,
«Как при рааборе шуб предупредить смятенье:
«Тут смелой выдумкой сочленов удиви,
«Свое искусство, ум и знание яви.
«В местах, где Эльба в Понт вливает шумны волны,
«Расчетом где главы, карманы златом полны,
«Где множество господ, но слуг излишних нет,
«Премудрый обычай введен от давних лет
«И помещен в число законов неизменных:
«Там в важных обществах, забавам посвященных,
«С пометкой ярлыки хранятся искони,
«На плащ, иль на салоп вздеваются они:
«По них узнает всяк свое без затрудненья,
«Возьмет без робости, наденет без смущенья
«И мирно в дом идет по вальсах опочить.
«Тебе велит судьба здесь то же учредить:
«Поетам подражай и выдай не робя
«Чужое за свое, будь тверд, вещай смелее,
«Твой звонкий, сильный глас и крепка грудь твоя,
«И подвигам твоим присущна тень моя
«Низложит всех старшин. Умолкнут гордый лекарь,
«Танцмейстер дерзостный, нотариус, аптекарь,
«Столетний органист, — сам мастер гробовой!
«И слава дел твоих промчится — за Невой.
«Для победителей хвалами свет не скуден,
«И к знаменитости шаг первый только труден.
«Решись, дерзай раздрать безвестности покров;
«За ним к бессмертью путь уже тебе готов.
«Начало смелое всегда успех венчает.
«К тебе объятии Фортуна простирает;
«Стремися к ней, во всем покорствуя судьбе,
«Твой разум и твой дед поборники тебе.
«Се знак, чтоб ты не счел мое к тебе явленье
«За тщетную мечту, за ложно сновиденье». —
Речь кончив, на окно он перстом указал,
Взревел, мелькнул, исчез. — От страха Гашпар пал
И переплетная вся утварь повалилась.
Супруга верная сим стуком пробудилась,
Вскричала, бросилась, вбежала в тот покой,
Где Гашпар работал... и видит пред собой

Клещи, бумаги, гнёт, верстак ниспроверженны
И кресла дедовски вверх спинкой обращенны,
В которых увязясь стенал ее супруг.
При виде сем она остолбенела вдруг;
Но чувства сильные смиряющее время
Прогнало страх ее; тогда тяжело бремя
С несчастна Гашпара стащилося долой
Супруги верныя трепещущей рукой;
Она лежащего со вздохом подымает
И взором дружеским супруга утешает.
Уж Гашпар встал, отверз поблеклые уста
И слабым голосом едва изрек: — «Мечта!..»
Как вдруг представилось его смущенну взору
Окно разбитое, неверия к укору;
Сей укоритель вид прервал начату речь;
Кровь в жилах Гашпара быстрее стала течь,
Огнем тщеславия внезапно воспаленна.
Судьбина славная, Раздором предреченна,
Очаровала ум, и гордый старшина
Не видит, что пред ним стоит его жена,
Смотряща на него с сердечным умиленьем
И возмущенная тем бедственным паденьем,
Которого вины постигнуть не могла:
Чело ее тогда покрыла скорби мгла,
Когда заметила супруга невниманье;
Но, наконец, прервав столь тягостно молчанье,
Сказала: «О, мой друг! ко мне ли ты суров!
«С Шарлотою своей когда ты был таков?
«Поведай мне вину несчастного паденья,
«Прерви мою тоску, скончай мое мученье!» —
— «Не вопрошай меня, о Лотхен!» Гашпар рек;
Вошел в другой покой и на постель возлег.
От тяжести его перина раздалася
И крепкая кровать со скрипом потряслася.
Супруга ж скромная в уныньи, как могла,
В покое всё опять в порядок привела;
На ложе брачное с прискорбием взглянула,
Легла, задумалась, вздохнула и заснула.
Но Гашпар мог ли спать? Ах, нет! тщеславный ум,
Обуреваемый стремленьем гордых дум,
Во веки не вкушал дремоты томну сладость;

Бегут его покой, любовь, веселья, радость;
В мечтаниях своих он мрачен и тосклив,
Средь славы пасмурен и в счастье несчастлив.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Уже глагол времен, звучащий меди глас
Гражданам возвестил наставший утра час;
По стогнам раздались смешенны вопли, звуки;
Там крики продавцов, колес каретных стуки
Смущают сладость сна: всех дневный свет живит.
Иной спешит трудом снискать свой хлеб насущный,
Другой в прихожие везет свой вид докучный,
Тот в божий храм идет, сей к стряпчим на поклон:
В движеньи город весь; но благотворный сон
Крестьяна Гашпара не осенял зеницы,
Не спящего его застал восход денницы.
В полночь с кровати встав, он, в ожиданьи дня,
У разведенного на очаге огня,
Варя арабский клей, искусною рукою
Готовил ярлыки с насечкой золотою
И в заблужденьи мнил всеюнощным сим трудом
Спокоить деда тень и тот прославить дом,
Где званье старшины его тщеславыю льстило.

Меж тем заря взошла и солнце осветило
Журнальной тягостью разбитое окно,
Которо не было еще заклеено
Посланьем дружеским, творца стихов различных,
К употребленьям сим особенно приличных;
И Гашпар ли в тот час заняться мог окном,
Когда, воспламенен тщеславия огнем,
В восторге видел он сочленов восхищенных,
Старшин униженных, завистников смущенных,
Хулителей своих низверженных во прах:
И даже о себе читал в ведомостях?
Но можно ль описать мечтанья горделивы,
Обворожающи умы честолюбивы
И тех, которых дед из гроба не вставал;
А Гашпар?.. Милый вид восторг его прервал.

С кофейником в руке вошла к нему супруга
Бледна, задумчива: всю ночь без верна друга
На ложе брачном с ней одна была тоска;
Пуховая постель казалась ей жестка
Не вместе с Гашпаром; когда ж во мраке ночи
Дремотой легкою ее смежались очи,
Тогда зловещи сны смущали томный дух.
Сперва приснился ей предвестник слез — жемчуг;
Потом и Гашпар сам в кафтане драгоценном,
Ходящий по лугу, цветами испещренном;
И словом всё, что к злу толкует нам сонник.
Его лишь одного из всех ученых книг
Шарлота нежная читала с прилежаньем
И слепю верила печатным предсказаньям.

О, страсть гадания! Сколь вредоносна ты,
Преобратя для нас в событие мечты!
Ужасней бед самих творишь их ожиданья.
Иль мало в жизни зла, печали и страданья,
Что произвольные ты страхи в нас родишь
И настоящий день днем будущим мрачишь.
Не лучше ль, положась во всем на провиденье,
О будущих бедах оставя попеченье,
Законом времени дарованный нам час
Безвредно для других, в веселии для нас
Провести и смело ждать судьбы определенной.

Ах! Если б мысль сия Шарлоте огорченной
Тогда пришла на ум, как Гашпар ей вещал,
Что подвиг некакий он твердо предпринял
Свершить в тот самый день, когда жемчуг ей снился,
Ее бы нежный дух сей речью не смутился,
По сердцу страстному не разлился бы хлад,
И слезы из очей не выпали как град:
Но философских книг Шарлота не читала,
И только Гашпара любить всем сердцем знала;
А за любезных нам страшимся мы всего.

Намеренье познав супруга своего,
Она рекла ему: «О боле всех любезный!
«О Гашпар! О мой друг, прими совет полезный!»

«Что предприемлешь ты, того не знаю я;
«Но если может жизнь подвергнуться твоя
«Хоть малым бедствиям, отсрочь до дня другого
«Свой подвиг; а в сей день страшись несчастья злого.
«Поверь, недаром мне приснился страшный сон.
«Ах! Если ты умрешь, со мной тогда что будет?
«Во век насчастливая Шарлота не забудет,
«Что, в самой младости оставшись сиротой,
«Из бедности она извлечена тобой;
«Что, матери, отца и бабушки лишенной,
«Ты был ей в мире всё: с тобою ж разлученной,
«Гутуев, Каменный, Крестовский острова,
«Садов Аптекарских столетни дерева
«И сам Катерингоф уж мне не будут милы.
«Воспоминания там ждут меня унылы:
«Как с Гашпаром моим я счастлива была!
«Как с ним гуляла там, как кофей с ним пила,
«Как трубку он курил!..» Тут слезы речь прервали;
Внезапным действием жестокия печали,
Иль силой женщинам дарованных искусств,
Шарлота бледная, почти лишена чувств,
В объятья Гашпара со стоном упадает.

Безмолвствуя супруг на милую взирает.
Мятеся ум его, кипит густая кровь;
Кичливость старшины, супружняя любовь,
И деда грозна тень, и вид Шарлоты милой
Смущают мыслью мысль, сражают силу силой;
Но сей различных чувств, страстей противных спор,
Присущий Гашпару, невидимо Раздор
Прервал, вдохнув в него гордыни адский пламень.
В нем сердце нежное преобразилось в камень;
Мгновенно дух его тщеславьем воспылал,
И с важной твердостью Шарлоте он вещал:
«Ты плачешь?.. Но стыдись быть возмущенна снами:
«Назначен нам предел не сонником, судьбами;
«И рано ль, поздно ли скончается наш век,
«Неустрашимый муж и робкий человек
«Со славой иль стыдом низыдут в гроб безмолвно,
«Оставля милых всех, родных, друзей... Но полно!
«Иди, любезная, в поварне скорбь рассей

«Трудами милых рук». — Доволен речью сей,
Оратор ярлыки собирает с попеченьем
И, завязав в платок, невольным побужденье
Еще единый раз на милую воззрел,
Обтер ее слезу и... серый фрак надел.

Шарлота возражать ему не смела боле,
Смиренно покорясь супруга грозной воле,
Пошла к обеду всё приготавливать в слезах;
Меж тем дверь скрипнула, и Гашпар уж в сенях.

Как Цезарь, в страшный день начавши бедство Рима,
Когда патрициев вражда неукротима
Готовилась прервать его счастливый век,
Смерть презря, что ему Спурины глас прорек,
Не вняв молению супруги уstraшенной,
Спокойно шел в сенат решить судьбу вселенной;
Так Гашпар шествовал в собрание старшин.

Там гордый Каратай присутствовал один.
Сей лекарь-старшина — уж пятой кружкой пива
Со тщанием тушил огонь гнева справедлива
Против коснеющих товарищей своих;
Но из дому забав Веселость видит их.

Се мастер гробовой, Фрейтод, с умильным взором,
С улыбкой радостной, как будто перед мором,
Из желтого возка вступает на крыльцо.

Шинелью завернув премудрое лицо,
Натариус Спондей свое высоко знание,
С ученой важностью, пешком несет в собранье.

Аптекарь Готлиб Курц, примчавшись в санях
И Гашпара толкнув нечаянно в дверях,
Знобит его внизу учтивостями своими.

Танцмейстер Петипа, пропорхнув между ими
И сделав три прыжка, является в совет.

Цингильус органист, под тяжестью лет
Согбенный, свой приход всем кашлем возвещает,
И шагом медленным в собрание вступает,

Им всем собравшимся, дабы начать совет,
Придверник дома Ганц по трубке подает;
Тогда они к свече возжженной устремились,
Сомкнулись в тесный круг, и трубки воскурились.

Узря до потолка всходящий клубом дым,
Веселость чтит сие предвестием благим
И в детской радости от предыдущей славы,
Собрав вокруг себя Утехи и Забавы,
По разным должностям распределяет их,
Оставя семь старшин советовать одних.

Воссели старшины; осмеленный Раздором,
Их Гашпар оглядя высокоумным взором,
Все ярлыки на стол с улыбкой положил
И хриплым голосом речь громку возгласил.
Как в водополь весной потоки с гор бегущи,
С рекою слившись и вместе с ней ревущи,
Избытком шумных вод берега песчаны рвут,
Свергают, ломают всё, крутят, дробят, несут,
Плотины удержать не могут их стремленье;
Так Гашпара из уст обильное теченье
Высокопарных слов, напыщенных речей
Стремится и бежит чем дале, тем сильней.

Цингильус кашляет, аптекарь Курц зевает,
Спондей свистит, Фрейтод стул с скрипом подвигает,
С напевом Петипа твердит свои скачки,
И лекарь Каратай чуть не отбил руки,
Стуча с досады в стол; а Гашпар, без смущенья,
Воззванье окончав, вступает в предложенье.

Но из стенных часов кокушки вещей глас
Тогда, прококовав уныло десять раз,
Дал знак, да к завтраку начнут приготовленья.
Спондей, любитель яств и враг многореченья,
Глаголы Гашпара стремительно пресек
И, трубку преломя, в досаде быстро рек:
«Нам нужны не слова, нам нужно просвещение;
«Слов много затвердить не есть еще ученье.
«Витийство без идей мою волнует кровь;

«Ношу в душе моей к изящному любовь,
«И празднословие всем сердцем ненавижу.
«Я слышу много слов, но толку в них не вижу;
«Кто хочет ясен быть, тот кратче говори».

Предвестник бури, цвет багряныя зари,
Ланиты Гашпара мгновенно покрывает;
Из-под густых бровей взор молнией сверкает.
Спондей в нем зрит уже на речь свою ответ;
Но из среды старшин вития восстает.
То мудрый органист, Цингильус долгодневный,
Первоседалищем в собрании почтенный;
Он в пятилетие двадцатое вступил,
На хорах шестерых пасторов пережил,
И дедов и отцов отправя погребенье,
Брак внуков воспевал, зрел правнучат крещенье.
Сей древний муж простер к собранью тихий глас:
«О други! мой совет да будет благ для вас;
«И прежни старшины, что дом сей основали,
«Для пользы общества, словам моим внимали.
«В дни младости моей Данило Куппар сам
«Склонял свой нежный слух всегда к моим речам;
«Сей муж, которого дотоле не забудут,
«Доколе в мире сем плясать кадрили будут,
«И дружбой связан был и кумовством со мной;
«Я, здесь в девятый раз избранный старшиной,
«Без страха вам могу подать совет нельстивый.
«Спондей, смири свой дух и пылкий и строптивый;
«Хотя эстетикой твой разум озарен,
«Хотя в «Меркурии» романс твой помещен,
«Хоть эпиграммою ты сделался известен,
«Но не забудь того, сколь Гашпар добр и честен,
«Что старше он тебя. Пусть речь его длинна:
«Но, кажется, к добру клонилася она;
«А ты его прервал. Всегда то помнить должно,
«Что, не дослушав речь, понять ее не можно. —
«А ты витийства дар, о Гашпар! вовдержжи,
«Не трать без нужды слов и времем дорожи.
«Увы, не знаешь ты, сколь всякий час бесценен
«Тому, кто дряхлостью болезненной уверен,
«Что мало сих часов ему осталось жить!

«Должны ли время мы враждою коротить?
«Поверьте, мир худой хорошей лучшей брани».
Цингильус кончил речь. Се простирает длани
Спондей к противнику; и мир восстановлен.

Не столько был в тот день восторгом упоен
Смиритель древния Византския гордыни,
Когда, врагов поправ, низринув их твердыни,
В Царьград с хоругвию Российскою вступил,
В ворота повесил щит, мир данью утвердил,
Сколь добрый органист, то видя, восхищался,
Как Гашпар дружески с Спондеем обнимался.

Но скоро прерван был сей радостный восторг;
Злой дух между старшин согласие вновь расторг.
Уж Гашпар, убежден Цингильуса речами,
Представил, сколько мог яснейшими словами,
Что сделал он на то с пометкой ярлыки,
Чтоб ими различить плащи иль сертуки;
И словом, всё сказав, что слышал от Раздора,
Сим Гашпар заключил: «Итак, ни брань, ни ссора
«В передней более не возмутят наш слух,
«И новым средством сим, на место многих слуг,
«Один придверник Ганц с истопником Фадеем
«Услужат всем гостям; а мы чрез то успеем,
«Расходы уменьша, хозяйство сохранить:
«И наконец никто не будет нас винить,
«Чтобы от нашего в прихожей беспорядка
«Родилися насморк, простуда, лихорадка».

Болезней имена услышав, Каратай
Содрогся и вскричал: «Иди, переплетай
«Зевототворные, слезогонящи драмы,
«Волшебны оперы, балетные программы,
«Поэмы шуточные, и весь печатный бред;
«Но медицинский ты не трогай факультет.
«Тогда лишь общества бывает здраво тело,
«Когда всяк член его, свое свершая дело,
«Не трогает других. Тебе что нужды в том,
«Хотя бы из гостей приехавших в сей дом
«Иной нечаянно в прихожей простудился?»

«Не у тебя бы он, а у меня лечился
«И долго б не страдал; но эти ярлыки,
«Произведение искусных руки,
«Расходы общества и твой приход умножат:
«Вот отчего тебя болезни так тревожат.
«Род человеческий душою всей любя,
«Как добрый филантроп, ты любишь и себя». Сказал, и на своих клеветов оглянулся.
Фрейтод кивнул головой, аптекарь улыбнулся;
Но Гашпар гордо рек: «Корысть меня чужда;
«А слава моего возмездие труда.
«Отец стихов моей переплетен рукою
«И для того хожу с возвышенной главою.
«Сафьянны ярлыки я обществу дарю;
«Не лекарь я, за то судьбу благодарю;
«Питаюсь ремеслом хотя не так доходным,
«Не назван я нигде убийцею народным».

Тут, будто в пепле огонь, скрывая в сердце гнев,
Воспрянул Каратай, как разъяренный лев,
Собранию вещал: «Ужель терпеть нам должно,
«Чтоб с первой из наук он ремесло ничтожно
«Без казни смел равнять; — и есть ли хоть один
«Из благомыслящих сидящих здесь старшин,
«Кого б сей дерзкою он речью не обидел,
«Кто б без стыда его своим сочленом видел,
«И признавал еще собрания главою?..»
Вскоча со стульев, Курц и мастер гробовой
Мгновенно к лекарю свои простерли руки
В защиту милой им врачебных науки.
Усердье жаркое сподвижников узря,
Успехом ободрен и яростью горя,
Воскликнул Каратай: «А ты, о дерзновенный,
«Презрелна ремесла ремесленник презренный,
«Толмач бессмысленный бессмысленных газет,
«Едва умеющий на склянку этикет
«В аптеке наклеить! Кого хулить дерзвешь?
«Кого убийцею народным называешь?»
— «Тебя!.. Ты», Гашпар рек, «один убийца сей
«Моих племянников, сестры моей, детей.
«Тобою Петипа с женою разлучился,

«Цингильюс внучат трёх и трёх сынов лишился;
«И кто из сих старшин, которым ты вещал,
«Пред коими меня так нагло порицал,
«Как даже авторы в журналах не бранятся,
«И кто из них, скажи, не должен был остаться
«От первой из наук вдовцом, иль сиротой? —
«Но что я говорю? — Убитых всех тобой
«Когда бы переплесть мне список надлежало,
«То б в городе на то сафьяну не достало!» —

Сей речью дерзкою во сердце уязвлен
Затрясся Каратай и, стулом вооружен,
На переплетчика метнулся разъяренный;
И Гашпар, лекарской рукою пораженный,
Конечно б оправдал супруги страшный сон,
Коль вышней силою не охранился б он.

Веселость, облетев весь дом, в совет впорхнула
В тот самый миг, когда за спинку крепка стула
Схватился Каратай. Вдруг вспомнила она,
Как битва некогда была упрещена
Между царя царей и дивного Ахилла:
«Минерва, с тылу встав, героя ухватила
За блестящи власы, быв зрима одному»,
Веселость, из старшин незрима никому,
Как дочь Зевесова, схватила Каратая
За косу длинную, того не примечая,
Что был на нем парик, который вдруг слетел;
Воскрикнул Каратай, совет весь обомлел!
Веселость и сама сначала испугалась;
Взглянула на старшин; их видя засмеялась,
Взвилася к потолку, сквозь дверь порхнула вмиг,
И с нею полетел восхищенный парик! —

Остались старшины сим чудом пораженны,
Имея страхом рты и очи растворенны.
И кто б из смертных мог с неробкой зреть душой
Парик летающий как птицу над собой?

Всех прежде Петита покоил дух смущенной;
Увидя лекаря с главою обнаженной,

Невольным смехом он прервал внезапный страх
И бодрость возбудил в дрожащих старшинах.
Очнулся весь совет, взглянув на Каратая. —
Но лекарь, и стыдом, и бешенством пылая,
Возводит мрачный взор, и зря, что сам Фрейтод,
Дабы не хохотать, свой закрывает рот,
В аптекаре одном приметя сожаленье,
От лютой ярости приходит в исступленье,
Подмышной шляпой скрыв светящееся чело,
Отмщением кипя и умышляя зло,
Идет и Гашпару победу уступает.

Раздор невидимо его препровождает
В аптеку Курцову; как стаи гончей рев
Услыша, хищный волк бежит между дерев,
Не озираясь, спешит во дебрях скрыться
И всюду встречи пса ужасного страшится,
Так, переулками свой сокрывая путь,
Не смеет Каратай окрест себя взглянуть,
Боясь на стогне быть учтивством принужденну,
Сняв шляпу, обнажить главу, власов лишенну.
Достиг аптеки он, и, в ней кончая бег,
Пять скляниц сокрушил, работника низверг,
Рассыпал, разметал целебные составы,
Полезные врачам, а для больных отравы;
К поставцу Курцову чуть дышущий проник,
Сыскал, схватил, воздел аптекарев парик,
Сокрылся в тайнике запасна смерти дома
И капель гофманских вдруг выпил два приема.

ПЕСНЬ ТРЕТЯЯ

Блажен, кто далеко от городских сует,
Вне общества сокрыт, для пользы его живет,
Кто чужд тщеславия, кого тщеславцы чужды,
Кто кроме рук своих ни в ком не знает нужды,
И доброю семьей и здравием богат,
На помощь ближнему по силе тароват,
Ни суемудрием, ни чванством не страдает
И даже никогда журналов не читает.

Так лекарь Каратай в аптеке рассуждал,
Где Курца ждя, свой гнев оржатоm усмирал,
А грудь его еще волнение являла
И ворот кружевной вздымаясь сотрясала.
Так колыхается по бури синий Дон.

Но вдруг ужасный крик, и вой, и плач, и стон
Смирившаяся врача смутил внезапным страхом;
Двустворчатую дверь одним разверзши махом,
Он зрит... Мсгу ль вещать? — Где жалость? — где любовь?
Где чувства отца?.. Безгласна ль в сердце кровь?..
Нет чадолюбия!.. Там Курц, как лев рыкая,
Десницей тучную природу ужасая,
Рождение свое в главу, в хребет разит;
Моляща вопит дочь, биемый сын кричит;
А Курц... но лекаря возренье то свершило,
В чем чадолюбие успеть бессильно было.

Аптекарь воздержал детобиющу длань
И с горестью вещал, прервав семейну брань:
«Не будешь ты винить мою жестокость к сыну,
«Коль гнева праведна поведаю причину:
«Граф Блескин женится; для графского венца
«Составил я экстракт, живящий тень лица,
«В хрустальну склянку влил и завернул искусно
«Бумагой золотой, да графу, своеуство
«Приветствие сказав, вручу подарок сей;
«Затем спешу домой, вхожу и зрю: злодей!
«Плод крови моя! рукою бедоносной
«Мешает мой экстракт со влагой купоросной
«Чтоб графское лицо пред свадьбой испятнать; —
«Возмог ли, зря сие, я гнев мой воздержать?
«На то ль Карлушу мне, судьба, ты даровала,
«Чтоб им всю честь моя аптека потеряла?
«Затейливость ума, досужество руки
«На то ль ему даны, чтоб с склянниц ярлыки
«Злодейски пременять и преливать лекарства?
«Быть может чрез его безбожные коварства
«Погибли многие...» «Страх тщетный!» прервал врач:
«Лекарства, как и всё, зависят от удач,
«Ошибкой прописав аконитум за хину,

«Жизнь так же можно дать, как ускорить кончину; —
«Я это испытал; в том зла большого нет;
«Но ты вещай, чем наш окончился совет?»

Поведал Курц тогда, смиря души волненьи
Что чудо с париком по долгом словопреньи
К системам вихренным советом причтено;
И вследствие того писать поручено
В Галл, Юрьев и Оксфорд ученому Спондею,
Что Гашпар напыщен победою своею,
Разметку ярлыков в законы поместил;
Собрание к сему танцовщик преклонил,
А Гашпар поддержал танцовщико мненье,
Дабы хранимое дотоль обыкновенье
На святках балами сограждан веселить
Бесчинно в маскарад позорный пременить;
«Увы!» прибавил Курц: «от сей потехи новой
«Без денег буду я, а дочь моя с обновой;
«Но как ни горестно убыток даром несть,
«А горше и того своей аптеки честь
«Зреть в поругании, и чрез кого? чрез сына!..»
— «Нет!» вскрикнул Каратай, «нет! мудрая судьбина
«Карлушу не к стыду на свет произвела,
«Досужство, хитрость, ум она ему дала
«На то, чтоб пред тобой смирить совет кичливой.
«Внемли и выдумке моей дивись счастливой:
«Когда придверник Ганц на шубы, сертуки
«Собравшихся гостей нацепит ярлыки,
«Тогда твой сын, сыскав удобное мгновенье,
«Пометок гнусных сих свершит перецепленье,
«Да при разборе шуб возникнет вдруг вражда,
«Смятенье, даже бой, и вся падет беда
«На возмутителей безумного совета,
«Против тебя, меня и даже факультета».

Раздор, услыша им внушенну хитру речь,
В восторге был готов вселенную возжечь,
Взорвать земную твердь; но Курц не убежденный
И чадолюбия возвратом воспаленный,
Оспоривал врача; влой дух в единый миг
На чувствие отца тщеславие воздвиг:

Против сего врага Курц мог ли защищаться?
Как новый Вавилон, он принужден был сдаться.

Оставляя врачеству готовить бед состав,
Веселость между тем княжит в дому забав,
И, чтоб одушевить приятность маскарада
Стечением личин из всех пределов града,
Дает приказ своим летающим слугам,
Вид Ганца воприав, промчаться по домам
И возвестить везде, что ново учрежденье
Потехи святочны готовит в воскресенье.
Еще не кончила богиня свой приказ,
А слуги уж летят: ни вьюжный ветер, ни мраз,
Ни иней, ни туман их жар не охлаждают,
Несутся в городе, реку перелетают,
И, в Ганцов претворясь, являются в домах.

Известен маскарад уже на островах,
В Заневской стороне, в частях Адмиралтейских,
В Литейной и Сенной, во всех полках гвардейских,
В Коломне, на Песках и даже в Колтовской.

Восстали гильдии, цех вспрынул мастерской
Ряды стеснились, толпится двор Гостиной,
Закопошилось всё, как в куче муравьиной:
Здесь бархат лоснится, газеты там блестят,
Аршины в действии и ножницы стучат;
Клянутся продавцы, покупщики бранятся:
Обман, обвес, обмер во всей их славе зрятся.

Но вящий шум восстал средь Шукина двора:
Там бисер, пояски, пронизки, мишура,
Повязки, поднизи, красы простонародны,
Приманчивы для глаз и для карманов сходны,
Толпы расчетистых граждан туда влекли,
А щеголи серебро в храм моды понесли.
О! Сколько в оный день явилось в свет товаров,
Таможен строгостью изгнанных в мрак анбаров!
И бездоимочно та подать собрана,
Что платит *пришлецам* Российская страна.

Не долго мучились истомой ожиданья
Любители забав: Се день настал собранья!
В огромном здании, взнесенном над Невою
Чудесной в водчестве Захарова рукой, —
Седьмь крат раздался звук, ход времени гласящий,
Отверзся дом забав, избытком свещ блестящий.

Пустилися к нему: купцы на бегунах,
Художники пешком, приказные в санях,
Особы классные в каретах и колясках
И на извозчиках различны лица в масках.

Уж гости многие по лестнице идут,
Одежды верхни сняв, в прихожую несут,
Где вешает их Ганц, разметя ярлыками,
И раздает гостям пометки с номерами.

О муза! зрящая, что было и что есть!
Поведай, кто стяжал первовступленья честь
В святилище утех? Кто муж сей сановитый,
Одеждою волхва халдейского покрытый,
Ведущий за руку альпийску красоту?
Ах, можно ль не признать блаженную чету?
С Шарлотой Гашпар то: наряд им изменяет,
В ней — простодушие, в нем — горду мысль являет.

Готовый к пиршеству увидя дом забав,
Богиня резвостей, цыганки вид прирав,
От горних стран летит, в собрание стремится,
Где с переплетчиком в единый миг дружится;
Небесна гласа звук и райских свет очей
Внушает старшине тьму вежливых речей;
Но вдруг к дверям его вниманье обратила
Личина вшедшая, вздыхательна, уныла,
Суха, томна, скучна. Веселость, зря сие,
Вещала так ему: «Ты ль не познал ее?
«Се Юльхен, Курца дочь, превращена в Аглаю,
«Влечется томно к нам». — «Увы! ее я знаю»,
Рек Гашпар и зевнул. — «Вот, и ее скучней,
«Меркурьем Северным наряженный Спондей»,
Богиня изрекла и Гашпар засмеялся;
Он имя выведасть отгадчицы старался,

Не вытерпел, спросил и внял сие в ответ:
«Незнаема никем, я знаю целый свет,
«И коль желаешь ты провидеть сквозь личины,
«Познать все имена, уведать всех судьбины,
«Воссядь и вопрошай, вещать готова я,
«Познаешь всех и всё, но только не меня».

Как древле, на стенах Троянских восседая,
Царю Пергамскому супруга Менелая
Именовала всех героев и вождей,
Так сидя с Гашпаром на высшей из скамей,
Отколь подножием ему являлась зала,
Богиня в сих словах личины объявляла:
«Ты зришь, где более стесняется толпа,
«Одетый казаком вертится Петипа,
«Как молодцует он! как горд своей личиной!
«Но Пифик пременен не будет кожей львиной:
«Едва в четвертую позицию он стал
«И целый маскарад танцмейстера познал,
«А там стремленья всех и хохота причина
«Аптекарь, втиснутый в одежду Арлекина,
«Сочлен почтенный твой; сей шутский взял наряд
«У театрального портного на прокат,
«И платит за него ромашкой и шалфеем;
«Вот сын его вбежал, одетый Асмодеем».
— «Он в образе своем», с усмешкой Гашпар рек,
«Но, что я зрю? Кто сей чудесный человек,
«В атласном тюнике, распыженном бочками,
«Опутанный кругом поддельными цветами,
«Под пудрой желтою, с подвитою главою,
«С крылами за плечьми?» «То мастер гробовой,
«Вспорхнул как Бубликов, Зефира представляя»,
Богини был ответ; потом и Каратая
Сей речью возвестил ее небесный глас:
«В доспехах фольговых, в латунном шлеме Марс
«Не может от меня скрыть лекарской осанки,
«Ни платье римских жриц вошедшей с ним жеманки,
«Мелькание ее стеклярусна венца,
«Ухватки, дерзкий взгляд, зовущий в бой сердца,
«Вещает, что сие вестальско покрывало,
«Конечно б, в поле слез само не запылало,

«Она...» Тут Петипа удалым казаком
К цыганке подлетел, прыгнул, махнул платком,
Ударили в смычки и, лекарской супруге
Всей чести не воздав, Веселость зрится в круге,
Из коего танцор открыл с ней польским бал;
Все парами пошли, и Марс затанцовал;
Он, гневаясь за то, что не был в паре первой,
Вел тучну маклершу, одетую Минервой;
Весталку подхватил Карлуша Асмодей,
А приседающий под музыку Спондей
Шел в паре с длинною невесткою Фрейтода,
Одетую в наряд Конфуциева рода,
На коем зрелися обрезки галунов,
Остатки блещущи от тлеющих гробов;
Сам мастер гробовой припорхивал за нею,
Избрав дочь Курцову спутницей своею;
С Шарлотой выступал аптекарь Арлекин;
Но Гашпар изво всех присутственных старшин
Единый не вкушал утехи маскарада;
Безмолвен, недвижим, не обращая взгляда,
Цыганки дивныя всезнаньем поражен,
Он зрелся ужасом к скамейке пригвожден.

Уже Орфеевы наследники устали,
Замолкла музыка и польский окончали,
А Гашпар всё еще в окамененьи был.

Но се пирующих приятно удивил
Цингильус, королем бубновым наряженный,
Ходящей выстилкой валетов окруженный,
Которы дам вели подобранных под масть:
То внучат старцовых была оставша часть
От Каратаевой морительной науки.

Фигурам карточным гостей и членов руки
Вовдали плеском честь, очнулся Гашпар сам,
Подъял главу, воззрел, хотел спросить но там,
Где всевозвестница чудесна зрелась прежде,
Три девы в греческой явились одежде;
Бсгиня ж в облаках рядила весь свой двор.
В личины равные и разных стран убор;

Да слуги верные, столпы ее державы,
Прелестны Радости, Утехи и Забавы,
Приявши каждая ей боле сродный вид,
Богини к торжеству, Раздору в вечный стыд,
Пир за полночь продлят в веселии безгрешном.

Меж тем и без нее в дому ее потешном
Все маскарадные затеи начались,
Поддельны голоса по зале раздались,
Различностью одежд собрание пестрится;
Всё движется, спешит, шумит и суетится.
Личины мужески хвалу, приветства, лесть
Бесстыдно раздают личинам женским в честь.
Одни бегут им вслед, влекомы любопытством,
Другие мечутся повсюду волокитством.
Бухгалтер-сбитенщик разносит лимонад,
Конфетчик-секретарь различностью услад
Сокрытым прелестям спешит явить услугу.
А здесь, как мстылек, спустясь к душисту лугу,
Порхает меж цвстов, так носится кругом
Из Юрьева студент, одетый почтарем;
С улыбкой хитрою, с умильною ухваткой
Он вьется меж красот и раздает украдкой
Уютно сложенны на место леденца
Стихи пресладкие пресладкого творца.
Весталка-лекарша, разрозняя с супругом,
Шагает дерзостно с его домовым другом,
Младым учителем всех нравственных наук;
Увенчан лаврами, в руке имущий лук,
Блестящий мишурой аттическа хитона,
Учитель представлял смиренно Аполлона.
Но мог ли правден быть тщеславный Каратай?
Супруги удален, шептал он нечто в тай
Прелестной Ратсгерше, Дианой наряженной,
И от удушья им иль счастьем излеченной.
А Гашпар ум питал беседой трех девиц,
Цветочниц ремеслом, которых сухость лиц
Румяных Аонид личина сокрывает.
Карлуша времени напрасно не теряет
До размещенья шуб, салопов и плащей,
Он щиплет в тесноте и членов и гостей.

Меж тем по отдыхе оркестр, терзая уши,
Но воспоминанием воспламеняя души,
Уже наигрывал Очаковску кадрили,
И вскоре поднялись танцоры, шум и пыль.

Зефир с лапландкою, Марс с кралею бубновой,
С пастушкою казак, с Дианой хлап виновный,
С Минервой Арлекин, с Аглаею Спондей,
Учитель Аполлон с Весталкою своей,
Две крали черные, валетов двое красных,
И множество еще личин в одеждах разных,
С приличной важностью все стали в равный круг,
Схватились, обнялись, пустились в вальс — но вдруг
Танцоры спутались, смешались, с меры сбились,
Меркурий, Арлекин, Аглая повалились;
Подставки, квинты, бас и скрипачны колки
Аккордом лопнули; ломаются смычки;
Скамейка скрипнула, расселась, затрещала
И с грузом Гашпара обрушилась и пала;
Смутился страхом пир, как бурей влажный дол.

О Муза! возвести, кто сих источник зол?
Увы! Раздор вошел в одежде Демокрита,
Хоть сила адская была личиною скрыта;
Но, возвращаяся из западной страны,
Где философией умы просвещены,
Где он переправлял различные творенья,
Там заготовлены для нашего ученья,
Злой дух измучился и, поспеша на бал,
Дыханья пагубна в груди не удержал,
Исторгшись из нее, геенский вихрь промчался,
Всё свергнул, сокрушил, к чему ни прикасался!

Раздор, не торжествуй! спокойся, дом утех!
Как птицы вешние на их родимый брег
Из-за моря летят, поют, щебечут, вьются,
Так, вырядясь, божки на пир шума несутся,
Весь двор Веселости вступает в маскарад.

Но что встречает там богини светлый взгляд?
Не пляски развие — смятенье и тревогу:

Оркестр расстроенный, Зефир, ушибший ногу,
Разломанна скамья, без маски Арлекин,
Аглая на полу, и ужас всех старшин
Представилися ей. Веселость рассмеялась,
Смятенье кончилось, тревога миновалась.

Раздор, быть узанным богинею страшась,
Мелькнул в прихожую, слугою претворясь,
Где Курцов сын его превосходил надежду,
Цепляя ярлыки с одежды на одежду.

В чертоге же празднеств разнесся громкий смех;
Чудесной помощью Игр, Радостей, Утех
Оркестр настроился, раздались скрипок звуки
И кавалерские простерлись к дамам руки.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИГРОК ЛОМБЕРА

Эта шутивная поэма Майкова, появившаяся в 1763 году,¹ не является чистой формой «ирои-комической» поэмы. Но так как чистой поэмы этого жанра в XVIII веке вообще не было, то в восприятии современников она была того же рода, что и «Елисей». Крупный успех поэмы доказывается ее переизданиями. При жизни автора вышло еще второе издание 1765 года и третье — 1774 года.

Оригинальность этой поэмы состоит в том, что она описывает партию игры в ломбер и затем теорию этой игры. Для понимания поэмы необходимо иметь некоторые сведения о правилах ломбера. Термины этой игры разъяснены в прилагаемом словаре, и здесь я ограничусь самым сжатым изложением ее основ. Подробно эта игра описывается во всех карточных руководствах XVIII века и начала XIX.

Игра эта — испанского происхождения. Первоначальное ее название «el hombre» (человек) превратилось во Франции в l'hombre, откуда немецкое *Lomber*.

Игра происходит втроем. Ломберная колода состоит из 40 карт: вынимаются восьмерки, девятки и десятки. Старшинство карт зависит от масти. В черных мастях (пики-вины и трефы-жлуди) достоинство карт обычно; в красных мастях очковые карты расцениваются в обратном порядке, то есть вслед за валетом (хляпом) идет двойка, а младшей картой является семерка. Туз пик считается всегда козырной картой, высшей по достоинству и именуется шпантилей, за ним следует манилья — младшая карта объявленной козырной масти. Третье место занимает баста — туз треф, тоже всегда являющийся козырем. Эти три старшие карты называются матадорами. За ними следуют понта (туз козырей) и прочие козырные карты. Карты сдаются по девять на каждого. Оставшиеся карты откладываются и служат для прикупки. После сдачи карт приступают к игре. Играющие последовательно объявляют козырную масть, в которой они желают играть, и способ игры: волю (с прикупкой), поляка (без заранее объявленного козыря, с тем что козырной будет масть открываемой верхней карты из оставшихся) или санпрандер (игру без прикупки). Объявляющий волю уступает игру объявляющему поляка; санпрандер имеет преимущество перед обоими. «Поляк» — русский вариант игры; во французских руководствах он не указывается. Очевидно во времена Майкова происходили споры, насколько правильна подобная игра, и сторонники чистого французского ломбера игры с поляком не признавали. Майков заявляет себя сторонником поляка.

¹ На экземпляре первого издания, находящегося в Библиотеке Академии Наук, вписаны, повидимому рукой самого В. Майкова, опечатки; в позднейших изданиях эти опечатки исправлены.

Если игрок отказывался от игры, то он пассовал. Если пассовали все трое, то разыгрывалась распасовка по особым правилам; такая игра называлась каска. Задачей объявившего игру было взять большее количество взяток. В таком случае выигравший получал ставки проигравших по особому расчету. Особые ходы считались запрещенными и штрафными. За них играющие вносили штраф, «лабет». Если выигравшим являлся не тот, кто объявлял игру, то он получал весь выигрыш. Это называлось выиграть кодилью.

Майков в поэме становится на точку зрения умеренной кар очной игры, рекомендуя в игре не азарт, а расчет. Естественно, что подобная поэма имела успех в среде игроков.

Популярность поэмы объясняет обычные сатирические намеки против Майкова у его литературных противников, Чулкова и Петрова. В своем сатирическом послании к Екатерине, Петров, соединяя Майкова и Новикова (как автора словаря писателей) говорит:

Ах! обманулся я, то рифменные вои,
Парнасса витязи, из словаря герои;
Какое множество вин, бубен и жлудей!
Не столько под Донским о празднике людей,
Или на трех горах, на ярмонке иль рынке;
Все льнут к моим стихам как мухи с медом к крынке,
Все на готовую слетаются корысть
Без милосердия щипать меня и грызть.

Последним стихом Петров указывал на полемические выпады против него в эпиграммах и «Елисея» Майкова.

ЕЛИСЕЙ ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ

Поэма Майкова появилась в печати в 1771 году, в ноябре. В «Санкт-петербургских Ведомостях» о выходе ее в свет было объявлено впервые 22 ноября: «В Луговой Миллионной у переплетчика Миллера продается вновь напечатанная поэма Елисей Ямщик или Раздраженный Вахх по 50 коп.».

Второе издание «Елисея» вышло уже после смерти автора, в 1788 г.

В некоторых стихах поэмы Чулкова «Плачевное падение стихотворцев» 1769 года усматривают пародию на «Елисея». Отсюда возникло мнение, что в рукописных списках поэма была известна уже в 1769 году. Однако намеки Чулкова не так ясны, чтобы можно было это утверждать категорически.

Сохранилось два рукописных отрывка «Елисея», из них один — в Публичной Библиотеке (см. факсимиле), другой (начало IV песни на обороте «Оды войне») — в архиве ИРЛИ. Первый автограф дает основание отнести начало работы автора над поэмой к октябрю — ноябрю 1770 г.

К читателю (стр. 117)

Предисловие Майкова направлено против Лукина, который издавал свои произведения с огромными предисловиями. Первая фраза пародирует начало предисловия к «Моту, любовию исправленному»

(1763): «При издании в свет сей комедии за необходимость почитаю уведомить всех читателей о причинах, принудивших меня к сочинению оной...» и т. д. «Какой-нибудь почтенный муж» — И. П. Елагин, покровитель Лукина. Ему посвящал Лукин свои сочинения, и в посвящении писал: «Я уповаю, что вы, сделав мне к письмам поощрение, приношения моего не отвергнете».

В. И. Лукин (1737—1794)—драматический писатель. служивший секретарем у Елагина, в 1769—1770 гг. был традиционной мишенью сатирических выпадов в еженедельных журналах. Часто нападали на него в «Трутне» Новикова. Майков был в числе участников этого журнала. Неясны причины, почему Лукин явился излюбленным объектом сатиры в эти годы. Можно предполагать, что у него и раньше отношения с писателями, в том числе и с Майковым, не были дружественны. В 1769 г. Лукин недавно вернулся из Парижа (обычное указание в сатирических журналах); перед этим были поставлены две его переводные комедии «Разумный Вертопрах» и «Тесть и Зять»; хотя эти комедии и высмеиваются в журналах того времени, но повидимому не они являлись причиной нападков на их автора. Может быть поводом служило то, что Лукина считали автором появившегося в Лейпцигском журнале в конце 1768 года «Известия» о русских писателях.¹ Об этом «Известии» Новиков писал в 1772 году: «В 1766 году некто русский путешественник сообщил в Лейпцигский журнал

¹ В пользу принадлежности этого «Известия» (приписываемого Дмитревскому, Домашневу, А. Волкову и др.) именно Лукину (что уже указано Пекарским в «Истории Академии Наук, т. I, стр. 554 и Всеволодским в его книге «Дмитревский», 1923, стр. 233—234) свидетельствует следующее:

1) Лукин был за границей в промежуток времени между 9 февраля 1767 г. и 29 декабря 1768 г. (даты его деловых бумаг, писанных в Петербурге) (В. П. Семенов, Материалы для истории русской литературы, 1915, стр. 64 и 66). При этом выехал повидимому в длительную командировку еще в феврале 1767 г., а вернулся только в 1768 г., так как в сатирических журналах 1769 г. о его возвращении из Парижа говорится как о недавнем.

2) Вероятно, в Париже он был вместе с Дмитревским, бывшим за границей (тоже в Париже) в промежуток времени между 14 февраля и 4 сентября 1768 г. (Всеволодский-Гернгросс, «Дмитревский», 1923, стр. 43). В сатирических журналах поездки Лукина и Дмитревского упоминаются одновременно (см. «Адская Почта», стр. 155—157).

3) Встреча с Вейсе (редактором журнала, где помещено «Известие») вероятна потому, что Елагин, у которого были в подчинении и Лукин, его секретарь, и Дмитревский, актер труппы Придворного театра, был членом Лейпцигского ученого общества словесных наук. Оба были очевидно командированы по театральным делам, и Елагин мог их направить к Вейсе, как известному театральному деятелю. То, что Дмитревский передал Вейсе рукописную историю русского театра, написанную им в Лейпциге, засвидетельствовано Карамзиным со слов самого Вейсе («Письма русского путешественника», письмо 17 июля 1789 г.). Повидимому эта история упоминается

известие о некоторых российских писателях, которое во одном журнале на немецком языке напечатано и принято с великим удовольствием. Но сие известие весьма кратко, а при том инде не весьма справедливо, а в других местах пристрастно написано». Возможно, что поток нападений на Лукина вызван этим «Известием». О Майкове там говорится следующее: «В а с и л и й М а й к о в, напитан гвардии, написал две трагедии, а также много сатирических и других мелких пьес, которые весьма не плохи, и тем более заслуживают похвалы, что автор не знает ни одного языка кроме родного и поэтому вполне оригинален. Ныне живет он, по выходе в отставку, в имении своем под Ярославлем. Ему около сорока лет». Замечание о незнании с языками сделано с целью уязвить Майкова: по мнению автора, знание языков необходимо для писателя. Так, в статье об Аблесимове он пишет: «Но к нему можно и не быть очень строгим, потому что он не знает ни одного языка кроме своего родного, а потому и для образования вкуса представлялось ему не мало затруднений» (Аблесимов, как и Майков, был в числе литературных врагов Лукина).

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон... (стр. 120).

Поль Скаррон (1610 — 1660) — французский поэт, автор «Перелюбованной Энеиды», главный представитель «бюролеска». Родом из чиновничьей семьи, Скаррон был назначен отцом к духовной

в «Известии» в заметке о Ф. Волкове. Очевидно, обе записки переданы одновременно. То, что «Известие» не принадлежит Дмитревскому, доказано Всеволодским («Дмитревский»).

4) Примечание редактора к «Известию» о его авторе вполне соответствует данным о Лукине: «русский дворянин, находящийся здесь проездом», «сам назван здесь (в «Известии») среди лиц, оказавших услуги русскому театру».

5) Лучше всего представлен в «Известии» круг знакомых Лукина: Елагин, Ельчанинов и сам Лукин; сообщается даже про их неизданные произведения.

6) Литературные взгляды автора «Известия» вполне совпадают со взглядами Лукина.

7) Всем данным указания редакции на автора удовлетворяют только три имени: Лукин, Волков и Бибииков (относительно последнего мы не знаем, был ли он в Лейпциге в это время). Но драматургическая система комедий Волкова, подражателя Сумарокова, противоречит взглядам автора «Известия», явного апологета буржуазной «сентиментально-бытовой драмы. Кроме того, Новиков, литературный враг автора «Известия», в своем Словаре дает о Волкове и Бибиикове более благоприятные отзывы, чем в «Известии», и отзывается резко-отрицательно только о Лукине.

Я останавливаюсь на этом вопросе потому, что он осложнен противоречивыми мнениями, высказанными по этому поводу, и потому, что он не маловажен, так как касается личности первого русского историка литературы.

карьеру. В юности он вел весьма рассеянную жизнь, пока неизлечимая болезнь, превратив его в паралитика, равно как нужда в заработке не направили его по литературному пути. Начиная с 1643 г. он печатал свои «бюролесные» стихи. Во время Фронды он написал «Мазаринаду» — резкую сатиру против кардинала-министра Мазарини. За это был лишен пенсии. В 1652 г. женился на Франсуазе Добинье, впоследствии фаворитке Людовика XIV, известной под именем Ментенон. Известны фарсы Скаррона и его «Комический роман», переведенный на русский язык еще в XVIII веке.

Неясно, почему Майков сочетает имя Скаррона с Приапом и «кошунствующей шайкой». Возможно, что здесь он имеет в виду «Мазаринаду», в которой пороки кардинала Мазарини описаны чрезвычайно откровенно. Наиболее резкое место цитировал Вольтер в своей статье о «бюролеске», осуждая подобные грубоности. Майков, кроме «Комического Романа», переведенного на русский язык, ничего из Скаррона не читал и знал о нем по-наслышке.

Против Семеновских слобод последней роты (стр. 120).

Семеновский полк расположен был в Загородной слободе близ Петербурга. Слобода эта была недалеко от Ямской слободы, около того места, где теперь ипподром и Витебский вокзал (между Звенигородской улицей и Международным проспектом). Казармы были расположены вдоль параллельных улиц (*рот*) от первой (ныне Серпуховская ул.) до седьмой (ныне Звенигородская). Ямская слобода находилась в районе Лиговской и Расстанной улиц. Местность эта хорошо была знакома Майкову по службе в Семеновском полку.

Под воздухом простер свой ход веселый чистым... (стр. 124).

Пародия на стихи Петрова из его перевода «Энеиды» Вергилия, песнь I:

Подвластную себе стихию умеряет,
На легких по водам колесах пролетает...

.....
При солнечном простер поевд веселый свете,
И вожжи послаблял коням своим в полете.

Нападки на Петрова встречаются в разных местах «Елисея». В этом поэме также повторяет сатирические выпады журналов 1769 г.

Василий Петров (1736—1799)—сын священника, получил образование в духовной академии Заиконоспасского монастыря в Москве. Называя стихи Петрова «школьным напевом», Майков намекает на его пребывание в академии. В 1766 году Петров написал свою первую оду и вскоре был привлечен Екатериной ко двору и стал официальным одописцем. Стиль Петрова отличался богатством риторических украшений и искусственным пафосом. В журналах Новикова и Эмина лирика Петрова постоянно высмеивалась. Майков, сторонник упрощения слога, нападал на Петрова в эпиграммах.

Петров не оставил Майкова без ответа. В послании «К..... из Лондона» он изобразил Майкова в следующих стихах:

Природа, видит всяк, в дарах к нему скупа;
Он мыслит, голова других людей тупа,
И не сошлась на свет, себя всех выше ставит;
Другой кто стань писать, он к буйству злость прибавит,
Вдруг вышлет на тебя сто надписей, сатир,
Ты смел потрясть его в умах людских кумир.
Даст жалом знать, кто он; он колокол зазвонной,
Гораций он в Морской и Пиндар в Миллионной;
В приказах и в рядах, где Мойка, где Нева,
Неугомонная шумит об нем молва;
Ходя из дома в дом он сам ее сугубит;
Всем чет свои стихи, чужих на смерть не любит.

Далее Петров дает нелестную подробную характеристику стихов Майкова.

Намекая на покровительство, оказывавшееся Майкову З. Чернышевым (который жил на Мойке, у Синего моста), Петров пишет:

Какой-то там живет на Мойке Меценат,
Что пестует твой слог, а ты тому и рад,
И думаешь, что в нем неведь какая сдоба:
Но истинных красот не знаете вы оба...

Указывает Петров и на связь Майкова с Новиковым:

Как так, ты говоришь, я шлюсь на словаря,
Ты имя там мое найдешь без фонаря;
Смотри-тко тамо я как солнышко блистаю,
На самой маковке Парнасса превитаю!
.....
Коль верить словарю, то сколько есть дворов,
Столь много на Руси великих авторов.
.....
Сей первый издал в свет шутивную пиесу
По точным правилам и хохота по весу...

Упоминает Петров Майкова и в послании Екатерине; критика обращается к поэту со словами:

Что ты, гласит, певец, парнасской полон спеси,
Кричишь так пьяного во образе Елеси?

Из песни взят убор... (стр. 128).

Майков имеет в виду популярную песню. В «Собрании разных песен» Чулкова она читается:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать Камышенка река;
Как с собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга;

Она устьицем впадала в Волгу матушку реку;
Что по той ли по быстрине, по Камышенке реке,
Как плывут тут выплывают два снарядные стружка,
Хорошо были стружечки изукрашенные,
Они копиями, знамены будто лесом поросли,
На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, всё Донские казаки,
Да еще же Гребенские, Запорожские,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачом подложены,
Астраханские кушаки полушолковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблукы,
И с зачесами чулочки, да все гарусные...

Гордились, будто бы учились в Спасской школе... (стр. 134).

Снова намек на В. Петрова, окончившего славяно-греко-латинскую академию при московском Заиконоспасском монастыре.

У славного певца тем славы не умалит... (стр. 134).

Подражание заключительным стихам басни Сумарокова «Соловей и кукушка»:

Достойной похвалы невежи не умалят:
И то не похвала, когда невежи хвалят.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

О вы преславные творцы «Венецианка»... (стр. 138).

Здесь имеются в виду следующие произведения, имевшие распространение в рукописных копиях и печатных изданиях: «История о храбром рыцаре Францыле Венециане и о прекрасной королевне Ренцьевене»; «История о славном рыцаре Златых Ключей Петре Прованском и о прекрасной Магелоне»; «Сказка о славном и храбром богатыре Бове королевиче и о прекрасной королевне Дружневне»; «Сказание и похождение о храбрости, от младости и до старости его бытия, младого юноши и прекрасного русского богатыря, зело послушати дивно, Еруслана Лазаревича» (две последние сказки распространялись в разных вариантах под разными названиями). Всё это произведения так называемой лубочной литературы. Насмешки над этой литературой мелких мещан и дворовых часто можно встретить в «высокой» литературе XVIII века. Сумароков в своей «Епистоле о русском языке» приписывает влиянию этих произведений распространение вычурного стиля, так как учителя-подьячие, любители литературы, воспитывали на ней учащихся;

Но лязя ли требовать от нас исправна слога;
Затворена к нему в учении дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра златы ключи,
Подьячий говорит: писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно...

Где речка Черная с Фонтанкою слились... (стр. 138).

Черная речка — ныне Екатерингофка. Около Калинкина моста и деревни Калинкиной, при церкви Екатерины, находился Калинкинский прядильный двор (на углу наб. Фонтанки и нынешнего Либавского пер.). Это был «рабочий дом» (род тюрьмы с принудительными работами) для задержанных проституток. С 1783 г. он был преобразован в «Секретную больницу» (венерическую), находившуюся в ведении Медико-Хирургического Института.

А в Питер перешел я жить из Зимогорья... (стр. 11).

Ям Зимогорье—почтовая станция на дороге Петербург—Москва, рядом с Валдаем. И Валдай и Зимогорье пользовались репутацией центров проституции (для проезжих путешественников). В литературе Зимогорье и Валдай употреблялись как синонимы низкой распущенности, разврата и кутежа. Радищев писал в своем «Путешествии»: «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских развращенных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясавшие девки останавливают и стараются возжаждать в путешественнике любви, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия... Нравы валдайские переселились и в близь лежащий почтовый стан Зимогорье. Тут для путешественника такая же бывает встреча как и в Валдаях. Прежде всего представлят взорам развращенные девки с баранками».

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Премудрость возведу я некогда на трон... (стр. 10).

Речь идет о Екатерине («Премудрость») и об откупной системе питейной торговли. При Екатерине II замечается особенно быстрый рост косвенных налогов, в частности — казенных доходов от продажи питей. С 1764 по 1795 год доходы от торговли водкой возросли в шесть раз. Достигалось это возрастание увеличением цены на водку и усилением сбыта. Наиболее выгодной была признана откупная система. Об этом было объявлено манифестом 1 августа 1765 года. Откупная система была введена повсеместно, кроме Сибири, в 1767 году. Продажа откупа производилась с торгов сроком на 4 года. Завязка «Елисея» построена на увеличении цены на водку. Цена эта росла всё время. В 1762 году цена была 2 рубля 23¹/₂ коп. с ведра. В 1763 г. цена увеличена на 30 коп., а в 1770 доведена до 3 руб.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пошел ко Питеру не улицей, лесами... (стр. 158).

В сороковых годах XVIII века деревня Калинкина была отделена от Ямской слободы лесами (на левом берегу Фонтанки).

Когда о взятках в свет лишь выпущен указ... (стр. 11).

Указ о лихоимстве издан через месяц после вступления Екатерины на престол, 20 июля 1762 года.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Я битву Чесмскую с Херасковым пою... (стр. 168).

По случаю морского сражения при Чесме 26 июня 1770 года Херасков напечатал в 1771 году поэму в пяти песнях «Чесменский бой».

Чрез два дни у Руки кулачный будет бой... (стр. 173).

В эти годы часто организовывались кулачные бои на территории Семеновского полка, между Семеновской и Ямской слободами. Бои происходили при огромном стечении народа. Для прекращения этих боев каждый раз требовалось вмешательство полиции.

«Рука» — харчевня на московской дороге, там, где теперь находится фабрика «Скороход» (у Московской заставы, по Международному проспекту).

СТИХИ НА КАЧЕЛН

Стихи напечатаны в шестнадцатой, семнадцатой и восемнадцатой неделях журнала «И то и сё» (апрель и май 1769). В журнале стихи были без заголовка. Им предшествовало следующее:

«Не родись ни хорош ни пригож, а родись счастлив.

«Хотя и говорят, что счастье людьми играет и нет ничего такого, которое бы было его непостояннее; однако люди не престают домогаться быть счастливыми, из которых может быть я первый. Не нет во мне самолюбия и также некоторого особливового пристрастия к собственной моей особе; но думается мне, что я от всех отличен, и не знаю, что то есть во мне такое, что я каждый час хочу денег; а может быть есть такие люди, которые совсем иметь их не желают. Я из числа желателей денег; того ради и прозою и стихами стараюсь неусыпно доставать оные, однако думаю, что они зареклись ни с востока, ни с запада, ни с севера, ни с юга, и словом не идут ко мне ниоткуда. Прозаиком был я беден, попробую пожить стихотворцем.

«Богатые учатся для того, чтобы науками себя украсить, а бедные, чтобы от оных разбогатеть.»

В восемнадцатой неделе после стихов следовало:

«В заключение сей моей стихословной речи сказываю благосклонному читателю, что оная не везде имеет равную силу по причине независтных моих обстоятельств, которые принуждают меня чаще быть туманным, нежели веселым. Я благополучия не знаю и надежды к оному не имею, что ж касается до соизволения судьбины, о том я не известен, может быть современем буду благополучнейший человек на свете; но правду выговорить, сего мне и во сне не снится; однако со всем тем от природы имею веселый дух и если бы хотя малое нечто польстило моему состоянию, то был бы я втрое я, в чем и не обманываюсь: по свидетельству, *от прибытка уста глаголют.*»

Из этого послесловия видно сатирическое намерение автора. Поэма является журнальной сатирой, продолжающей литературную

полемику. Она полна намеков на литературные факты. Намеки эти были и в свое время туманными. Теперь многие из них вскрыть невозможно. Главным образом Чулков нападает на В. Майкова, сотрудника враждебного ему «Трутня» Новикова.

Стихи на качели с другими его поэмами 1769 года и прозаическим отрывком о масленице из восьмой недели журнала «И то и сё» переизданы были отдельной книжкой без указания года (по указанию Болховитинова в 1775 году).

В Египет не зачем мне ездить для науки... (стр. 194).
Намек на Эмина, жившего в Египте.

И храброго Бову в поему претворю... (стр. 194).

Здесь Чулков дает традиционный перечень «низкой» лубочной литературы, распространявшейся преимущественно в рукописном виде. В десятой неделе журнала он писал, изображая некоего подъячего: «По прекращении приказной службы кормит он голову свою переписыванием разных историй, которые продаются на рынке, как то например: Бову королевича, Петра золотых ключей, Еруслана Лазаревича, о Франце Венецианине, о Герионе, о Евдоне и Берфе, о Арсасе и Размере, о Российском дворянине Фроле Скобееве, о Барбосе разбойнике и прочие весьма полезные истории, и сказывал он мне, что уже сорок раз переписал историю Бовы королевича, ибо на одну бывает больше походу, чем на другие такие драматические сочинения».

Некоторые из этих романов упомянуты в «Елисея» Майкова (см. стр. 139). Другие романы: «История о храбром кавалере Евдоне и о прекрасной принцессе Берфе», рукописный, очень распространенный роман. Издан позднее, в 1787 году, под названием «Постоянная любовь Евдона и Берфы, где также упоминается и о славном разбойнике Барбосе»; «История о верном постоянстве в любви кавалера Арзаса с Размерой фрейлиной»; известны только рукописные копии XVIII века. «Повесть о аглинском милорде Гереоне и маркиграфине Марцымирисе»; роман распространен был в рукописных списках; в 1782 г. его обработка была издана Матвеем Комаровым под названием «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и бранденбургской маркиграфине Фридерике Луизе». Обработка Комарова переиздавалась до наших дней.

И виршами сплету «любовны вертограды»... (стр. 194).

Намек на роман Эмина «Любовный вертоград или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены», перевод с португальского; 1763 г. Упомянув таким образом роман Эмина, Чулков зачислил его в ряд лубочной литературы.

Нептун из пролуби выходит гогольком... (стр. 196).

Это место напоминает стихи из первой песни «Елисея», что заставляло видеть здесь намек на Майкова и предполагать, что в 1769 г. первая песнь уже была известна в рукописи. Однако, сохранившиеся черновики «Елисея» дают основание утверждать, что поэма эта начата только в конце 1770 г. и в данном случае имеется лишь совпадение.

Овидия себе наставником избрал... (стр. 197).

Прямое указание на Майкова: в 1763 году в журнале «Свободные Часы» были напечатаны его переложения «Превращений Овидиевых».

Латынский мне язык и русский неизвестен... (стр. 197).

Намек на то, что Майков не знал языков.

И бубны принимал не ведая за жлуди... (стр. 197).

Указание на поэму Майкова «Игрок Ломбера» 1763 г.

То скажет так, я завтра буду вас кормить... (стр. 198).

Стих этот, как и некоторые другие, нарушает цезуру; за свои нарушения правил стихосложения Чулков подвергся насмешкам со стороны своих журнальных противников.

Во первых я начну в теченьи сей недели

С почтением взирать на круглые качели... (стр. 199).

Дальнейшая часть поэмы посвящена сатирическому изображению уличных развлечений пасхальной недели и праздничного разгула. Очевидно из цензурных соображений не названа пасха (почему в послесловии автор и извинялся в том, что он принужден был писать туманно). Однако, некоторые детали (катание яиц и т. п.) показывают, что речь идет именно о пасхе. Соответствует этому и время появления в свет поэмы. Она начала печататься с 16-й недели (даты Чулков на журнале не ставил, но можно предполагать, что номер этот вышел 28 апреля и являлся сатирической хроникой недели с 21 апреля). Пасха в 1769 году приходилась на 19 апреля. Автор определенно говорит о «празднике». В журнале Чулков помещал прозаические и стихотворные картины городской жизни, всегда приурочивая их к тому или иному времени. Так в соответствующих номерах он описывал масленицу и семик. Пасха, как главный христианский праздник, с точки зрения цензуры того времени не могла изображаться в сатирических тонах, тем более что картина разгула никак не соответствовала официально церковной точке зрения о торжественности праздника.

Который в стирину именовался врач... (стр. 204).

К этому стиху в журнале было сделано примечание: «О именах ручных перстов справиться можно в *Бесстрашном гражданине* (сатирический роман), который в скором времени печататься будет». Обещанный роман не был напечатан, и объяснения, какой именно палец называли щеголихи врачом, Чулков не дал.

Цена сему листу гораздо невелика... (стр. 204).

«И то и сё» продавалось по 2 коп. за номер. В отдельном издании своих поэм Чулков заменил слово «денежки» словом «грибенки».

Взнесись, мой дух, теперь взнесись на небеса... (стр. 204).

Пародируя общие места выпренней лирики, Чулков, вероятно, имел в виду ближайшим образом одописца В. Петрова. В одах Петрова обычны гиперболы, обращение к Пиндару, перечисления

античных имен, описания бурь и катастроф. Петров во всяком случае считал Чулкова в числе своих литературных противников и упомянул его в сатирическом послании Екатерине:

Притом из ничего он делал сѣ и то...

СТИХИ НА СЕМИК

Стихи на семик появились без заголовка в 22-й неделе «И то и сѣ» (неделя с 2 до 9 июня). Семик, народный праздник языческого происхождения, сопровождаемый описываемыми в поэме гуляниями, справлявшийся в четверг на седьмой неделе после пасхи, приходился в 1769 году на 4 июня.

Завыли Лада, Дид, Белбоги и Дашубы... (стр. 210).

Значение всех этих имен Чулков разъясняет в списке древних славянских божеств, помещенном в 38-й и 39-й неделях «И то и сѣ»:

Л а д а, богиня браков, любви и веселия, каждые сочетающиеся приносили ей жертву, надеясь получить счастье в супружестве, и мела она великолепный храм в Киеве.

Д и д или **Д и д о**, бог отращения любовной страсти, сын Ладин.

Б е л б о г или **Б е л ь ц е б у г**, добрый бог, имел кровавый образ, покрытый множеством мух, оные означали его питателем тварей, жертвовали ему играми и радостными пированиями.

Д а ж б о г или **Д а ш у б а**, бог богатства и податель всяких благ, имел храм в Киеве.

Д о г о д а, бог производитель тихого и приятного ветра, также и ясной погоды.

К о л я д а, бог мира, также почитали его богом празднования, в честь его сделаны хари, игрища и всякие безобразия, а праздник его совершался 24 декабря.

К у п а л о, бог плодов, в начале жатвы приносили ему жертвы, в честь сему богу сделаны качели; праздновали ему 24 дня июня, празднества сего еще и поныне в некоторых местах остались следы; и святая Агриппина, коей совершается тогда празднество, от простого народа проименована купальницею.

У с л а д или **О с л а д**, бог пирований и всяких роскошных забав.

Я г а я б а б а, адская богиня, она представлялася весьма безобразною и страшною, сухощавою и сухою на подобие остова; думали, что она разъезжает по свету в железной колеснице и в руках имея железную палицу.

Ч у р, бог меж и покровитель полей и пашен.

П о л к а н, полубог, до половины человек, а другую половину имел коневью.

С е м а р г л или **С и м а е р г л а**. Сии также славенские боги; но об них нет никакого известия.¹

¹ В «Словаре русских суеверий» 1782 г. Чулков дает иное определение: «Семаргл или Симаергла, божество древних славян; коему так как и прочим приносили они жертвы и имели истуканы».

Чернобог или Чернбог, злое божество, приносили ему кровавую жертву и печальное моление, дабы отвратить его гнев и делала притом ужасные заклинания.

Главные божества:

Перун, первый славенский бог, признавали его производителем грома и всех небесных действий, стан его вырезан был из негниющего дерева, голову имел серебряную, уши золотые, ноги железные, в руках держал камень на подобие молнии, огонь горел перед ним беспрестанно, в жертву приносили ему волов, пленников и своих детей, храмы его были в Киеве, в Новгороде и в других.

Волос или Велес, бог скотов, второй по Перуне имел храм в Киеве и в других городах.

Световид или Святovid или Светович, бог солнца и войны, истукан его был огромной величины деревянный и о четырех лицах, был он без бород и с завитыми кудрями, в короткой одежде, на бедре у него был меч, в правой руке держал он рог из металла, а в левой лук; приносили ему каждый год по пенязю все как мужи так и жены, посвящен был ему белый конь.

Во вторники рожусь, а в среды умираю... (стр. 211).

Журнал «И то и сё» появлялся по вторникам.

С Парнасса вниз я одами дышу... (стр. 212).

Дальнейшие стихи имеют сатирическое значение; в них несомненны намеки на современных Чулкову поэтов, но все их вскрыть не представляется возможным. Строки об одах имеют, вероятно, в виду В. Петрова.

ПЛАЧЕВНОЕ ПАДЕНИЕ СТИХОТВОРЦЕВ

Поэма впервые была издана как приложение к журналу «И то и сё». В 41-й неделе (20 октября) было по этому поводу Чулковым напечатано следующее: «Некоторые нынешние господа писатели не пекутся о бессмертной славе; но прикладывают всё свое старание к получению часовой похвалы, которая хотя сама по себе и ничего не значит, но им чрезвычайно мила. Они таскают из многих разных сочинений, и выдавая оные под своим именем, нимаго не страшатся быть уличены в похищении чужого добра. Многие иностранные писатели по смерти своей научились говорить по русски, и не только что чисто говорят нашим языком, но и сочиняют на оном весьма похвальные издания. Впрочем имен своих никогда они не подписывают; но всегда видно, что позволяют подписываться другому, отчего ныне сделалася великая теснота на Парнассе, и думаю скоро дойдет до того, что господа сочинители начнут спихивать друг друга с крутой и высокой той горы, тут то будет плач неутешный и драка неописанная. Я, воображая сие поминутно, и соболезнуя о том целым сердцем, а не половиною, предпринял сочинить поему под именем *плачевное падение стихотворцев* и уже всё к оной изготовил, купил целую дещь доброй бумаги, очинил четыре пера или более, только не достает еще у меня чернил, однако я выпрошу оных в какой-нибудь Коллегии у сторожа, а они

часто ссужают оними нашу братью по причине той, что мы еще чернил делать не научились. За сочиняемую ту мною поему не сомневаюсь я, чтоб господа стихомаратели меня не поблагодарили: ибо покажу я в ней всю мою искренность и усердие и самое истинное и нелицемерное описание, для того, что кто вознамерится описывать стихотворцев, тот непременно стараться должен о многом по причине той, что принимается он за необъятное дело».

Поэма направлена главным образом против Эмина. Полемика Чулкова и Эмина велась еще до появления поэмы. В 28-й неделе «И то и сё» 21 июля 1769 г. появилось письмо, подписанное Д. П., в котором автор нападал на русские сатирические журналы, в том числе на «Трутень» Новикова и «Адскую Почту» Эмина: «Потом попало мне в руки сочинение господина Трутня. Сей человек показался мне, что он объявил себя неприятелем всего рода человеческого. Тут кроме язвительных браней и ругательства, я не нашел ничего доброго; для чего послал я к одному моему приятелю попросить еще несколько листков его же журнала: но что я увидел? тут грубость и злонравие в наивысочайшем блистали совершенстве; его ведомости соплетены были из ругательства и поношения ближним.... Адская почта хотя наименованием своим меня и не устрашает, но как она весьма нова и имеет некоторые еще не вразумительные намерения, почему о ней никакого заключения сделать невозможно; притом же я с самого младенчества к духам адским толикое получил омерзение, что не только переписки с ними, но и получение писем чрез курьера сего рода мне не нравится; и для того ее оставляю».

За этим письмом следовало сатирическое стихотворение, направленное против Эмина. Оно полно намеков на этого писателя. Вот некоторые строки из него:

Кто цифров не учил, но летописи строит
И Волгою берега Санктпетербургски моет,
Дурак.

Кто взялся написать историю без смысла
И ставит тут Неву, где протекает Висла,
Дурак.

Кто об Египтянах нам тщится предлагать,
А сам он о себе не знает как сказать,
Дурак.

Кто умным никогда писателям не верит,
И думает — сама в них правда лицемерит,
Дурак.

Кто взапуски писать примается с Волтером
И думает тому в письме он быть примером,
Дурак.

Кто думает себя хвалою превознести
За то, что он умел романа с три сплести,
Дурак.

Намеки эти легко вскрывались. Эмин, автор популярных романов («Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда», 1763 г. и др.), незадолго до этого выпустил три части «Российской истории».

В этой истории было много ошибок. Упоминание Египта объясняется тем, что, рассказывая свои похождения, Эмин упоминал о своем пребывании в Египте.

Выпад этот против Эмина вызван вероятно коротенькой сатирической заметкой, появившейся в журнале «Смесь», издававшемся тоже Эминым в 15-м листе (8 июля 1769 г.): «Дамон вздумал разбогатеть от своих сочинений, писал лет шесть в досаду муз и Аполлона: но увидя ныне, что нет от того прибыли, осердился на всех хороших писателей. Жалею о нем, что он бесполезно печатает свои жалобы на здравый рассудок и на размножение в России таких людей, коими Музы руководствуют».

Эмин ответил на выпад Чулкова письмом, напечатанным в «Трутне» (лист XIV, июля 28 дня): «Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели; вашему Трутню в прошедший вторник немалое было бомбардирование. Всякая Всячина добрый вытерпела залп, Адскую Почту атаковала какая-то неизвестная партия... Что касается до пасквиля, который был прислан некоторым писателем для напечатания, который ему назад отослан, и который носится по многим рукам, то я оный, если когда-нибудь явится в свет, с прочими сего рода сочинениями, предаю на суд публике, которую я считаю за судью справедливого, потому что читатель обыкновенно меньше бывает пристрастен, нежели писец, уверен, что клевета от истины весьма справедливо будет отделена, и останется при своем хозяине... Я с моей стороны уверяю публику, что не буду впредь оную беспокоить ответами на ругательства, злобою на меня устремляемые, зная, что сего рода писателям чем-нибудь надобно наполнить свои листки; я же с людьми сей шерсти не только перебраниваться, но и какое-нибудь иметь с ними дело почитаю за стыд. Покорный слуга Б. К.».

К этому редактор присоединил от себя: «Господин Б. К. Бомбардирование, сделанное в прошедший вторник моему Трутню, мне не страшно: да уповаю, что и г. Всякой Всячине сделанный залп никакого вреда не причинит: ибо в сию против нас войну ополчилось невежество. В письме господина Д. П., напечатанном в И то и сё, написано, что госпожа Всякая Всячина выжила из ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказал, что гораздо славнее дожившему с пользою и с рассудком до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться без ума. Но сей глубокой древности во Всякой Всячине никто еще не приметил. Что ж касается до моего Трутня, в котором по мнению господина Д. П. ничего нет, кроме язвительных браней, ругательства, и что во оном в наивысочайшей степени блистает невежество, на то скажу: пусть и То и Сё похвалится господином Д. П. и подобными ему; меня это не прельщает потому, что мое желание стремиться заслужить внимание беспристрастных и разумных читателей».

За этим следовало стихотворение:

З а д а ч а

Читатели! прошу решить сию задачу:
Кто дара не имел, а пишет наудачу,
Умен или дурак?

За прародительски страдая кто грехи,
 Марает без стыда прегнусные стихи,
 Умен или дурак?
 Кто в полустиишии речь целую ломает,
 И пишет то, чего и сам не понимает,
 Умен или дурак?
 Кто от роду не быв со музами знаком,
 Дерзает воспевать качели с семиком,
 Умен или дурак?
 Кто ползает весь век, а мнит, что он летает,
 И вздорные стихи без разума сплетает,
 Умен или дурак?
 Кто в прозе и в стихах наставил столько слов,
 Которых не свезут и тысяча ослов,
 Умен или дурак?
 Кто прозу различить с стихами не умеет,
 Пред светом хвалится, что всё он разумеет,
 Умен или дурак?
 Кто в сказках написал сорок нам да ворон
 И вздумал о себе, что будто он Скаррон,
 Умен или дурак?
 Кто хвалит сам себя, а прочих всех ругает,
 И в сем одном свое искусство полагает,
 Умен или дурак?

Р е ш е н и е

Возможно ли, чтоб тот разумно написал,
 Кто вместе с молоком невежество всосал,
 И кто в поэзии аза в глаза не знает,
 Уже поемы вдруг писати начинает.
 По мненью моему писатель сей таков,
 Как вздел бы он кафтан, не вздев сперва чулков;
 И если это так,
 Конечно он дурак.

Поэма вышла в свет впервые как приложение к журналу («к нему принадлежащая») и продавалась по 15 коп.¹ Затем она была перепечатана в составе собрания сатирических поэм Чулкова (1. Плачевное падение. 2. Стихи на качели. 3. Стихи на семик. 4. На масляницу — проза). Это издание не датировано. Затем по какому-то недоразумению весь этот сборник перепечатан в сочинениях Василия Майкова 1809 года. Последний раз этот сборник напечатан в V выпуске «Русской Поэзии» Венгерова 1895 г., причем в VI выпуске помещен комментарий А. Лященко.

¹ Экземпляры этого издания крайне редки. Для настоящего издания я пользовался экземпляром из собраний Института книги, документа и письма Академии Наук (инв. № 2080), происходящим из библиотеки известного библиофила А. Л. Лихачева (1752—1814). Брошюра состоит из 15 нумерованных листков. В конце напечатано: «Продается у переплетчика Веге в Малой Миллионной».

Романов тысяча изрезаны в куски ... (стр. 221).

Намек на многочисленные романы Эмина.

Которых стихачи несмысленны трепещут (стр. 226).

В первом издании:

Которых все враги в подсолнечной трепещут.

И не раскольникы скиты тут занялись... (стр. 227).

В этих стихах изображается картина преследования старообрядцев в петровские и ближайшие к ним годы: сожжение раскольникового скита. Уж при Петре III мероприятия против раскола были смягчены, однако преследования всё же продолжались и сожжения, равно как и самосожжения под влиянием преследований были обычны.

Что в Риме часто был и папу там видал... (стр. 230).

В дальнейших стихах прозрачные намеки на биографию Эмина. Федор Александрович Эмин (1735—1770) — писатель с таинственным прошлым. Известно, что в 1761 году он явился под именем Магомета Емина к русскому послу в Лондоне Голицыну и пожелал принять православие. После крещения он отправился в Россию. Зная много европейских языков и быстро научившись русскому, он поступил на службу сперва учителем в кадетский корпус, а затем переводчиком в иностранную коллегию. С 1763 г. начинается его литературная деятельность. Им напечатано семь оригинальных и переводных романов и ряд исторических и др. сочинений. В прошлом он жил в Константинополе, где повидимому принужден был перейти из христианства в магометанство. В Турции одно время он служил янычаром. Происхождение его неизвестно (вероятно польское); Чулков высказывает предположение, что он был украинцем. Он много путешествовал и побывал в разных странах. Романы его отличались сложностью авантюры и занимательностью фабулы. Они имели успех у низового читателя и в начале XIX века. Характеризуя героиню «Домика в Коломне», Пушкин отмечал:

она

Читала сочиненья Эмина.

Эмин издавал два сатирических журнала, оба в 1769 году: еженедельную «Смесь» и ежемесячную «Адскую Почту».

В неведомой земле — в Холландии родился... (стр. 232).

Намек на предполагаемое украинское происхождение Эмина.

Первоначально стих этот читается:

Из Диевой главы с Минервою родился.

И чем левкаются и натирают лоб (стр. ... 232).

В первом издании:

И в чем на свете сем ложатся дамы в гроб.

Испорчены, кричит, на русском Енеиды (стр. 235).

Чулков имеет в виду письмо, помещенное в журнале «Смесь», лист 24 (9 сентября 1769 г.) за подписью Правосуд. Здесь говорилось: «Вы, господин издатель, может быть, мне не поверите, что я знаю много таких самохвалов: один, переломав Виргилиеву Энеиду и

Испортив прекрасный слог сего писателя, думает, что заслужил бессмертную славу. Другой из нежного Овидия сделал несносного вралю. Третий превратил Анакреонта в глупого украинца. Четвертый видя, что делают пьяные на улицах, воспел сие мерзкими стихами: и равняет себя с Виргилием и Гомером». Четвертый из здесь названных — сам Чулков, автор стихов на качели и на семик. Что касается остальных, то первый, несомненно, Петров, а остальные два точно не устанавливаются. Возможно, что это — Тинков и Рубан.

Хотя и говорит что он с Мосохом жил... (стр. 235).

Этому месту дал истолкование В. П. Семенников: «Почти вся поэма Чулкова имеет целью осмеяние одного писателя Ф. А. Эмина; может показаться странным, как он попал в число стихотворцев, но ниже мы этому дадим объяснение. Эмин был также выведен Сумароковым в его комедии «Ядовитый» (1768 г.) под именем Герострата. В насмешках Сумарокова и Чулкова много общего. Что, в частности, и приведенные выше стихи поэмы Чулкова направлены против Эмина, доказывается упоминанием о Мосохе; Сумароков также касается этого Мосоха, выводя Эмина под именем Герострата. Последний, по словам одного из действующих лиц названной комедии, так ясно и точно рассказывает историю о Мосохе, будто был у него «наперсником» (у Чулкова «гофмейстером»). Почему и Чулков и Сумароков упоминают о Мосохе в связи с именем Эмина мы объясняем следующим: Эмин в своей Российской Истории, следуя летописным известиям, говорит, что славяне произошли от *Мосоха*; теория эта показалась совсем неправдоподобной и дала повод для вышеуказанных насмешек... Не подлежит сомнению, что Эмин и до 1769 года писал разные сатиры как в стихах, так и в прозе. Сумароков вывел Эмина в комедии «Ядовитый» под именем Герострата. Один из героев комедии спрашивает его: «А вы, сударь, не пиит?» Герострат отвечает: «Как же не пиит, когда я автор сатир, комедий и пародий. Комедии мои в кабаках читаются, трагические сцены, представляемые при дворе, я в сквернословие и в ругательство автора превращаю, а сатиры мои прибавляются на заборах». По этой причине и Чулков выводит Эмина как стихотворца» (В. П. Семенников, «Русские сатирические журналы», стр. 30 и 36). Одна из сатир Эмина (против Сумарокова), известная в свое время в рукописи, была напечатана в «Библиографических Записках», 1859 г. № 17.

Желая описать великого Могола... (стр. 237).

Имя великого Могола почему-то связывалось с именем Эмина. Сумароков в комедии «Ядовитый», имея в виду Эмина, писал: «Кто был лейбмедиком у великого Могола, обершталмейстером у Богдыхана и оберкригскомиссаром у Кутухты».

ВИРГИЛИЕВА ЭНЕИДА ВЫВОРОЧЕННАЯ НА ИЗНАНКУ

«Энеида» Виргилия (70—19 до н. э.) — латинская эпопея времен Августа — по своему характеру являлась удобным произведением для подражания и пародий. Написанная в подражание греческим

Поэмам «Илиаде» и «Одиссее», она имела целью создание национального римского эпоса. С целью возвеличить главу Римского государства Августа Virgilius воспевает фантастического предка Августа, благочестивого троянца Энея, бежавшего из Трои после ее разрушения и по указанию богов основавшего в Италии Римское государство. Поэма распадается на две части: первые шесть песен повествуют о странствиях Энея, последние шесть — о войне, которую ему приходится вести в Италии. Эней, внук Венеры, прибывает с своими товарищами в Карфаген, к царице Дидоне. В длинном рассказе Эней сообщает обстоятельства гибели Трои и дальнейших своих скитаний (песни II и III). Четвертая песнь, центральная в первой части, ее романтический узел, рассказывает историю несчастной любви Энея и Дидоны, отъезд Энея и смерть Дидоны. Две следующие песни посвящены дальнейшим странствованиям Энея. Являющийся ему во сне его отец Анхиз проанонсирует пророчество, в котором излагает историю Рима и превозносит Августа и его завоевания. По указанию Анхиза Эней отправляется в царство мертвых. По возвращении оттуда он пускается снова в путь и прибывает в Италию. Здесь он вступает в длительную войну с Турном, из которой выходит победителем, и тем обеспечивает свой брак с Лавинией, невестой Турна, дочерью царя Латина.

Задание поэмы чисто политическое: в ней воспет порядок вещей, установившийся при Августе, в частности завоевательная политика Рима. И хотя «Энеида» является поэмой подражательной, она сама стала источником многочисленных подражаний. Всякий раз как возникал вопрос о создании национально-государственного эпоса, появлялись поэмы, представлявшие собой сколок с «Энеиды». Такова поэма Камоенса «Лузиады», прославляющая колониальное величие Португалии XVI в.; близка к «Энеиде» «Генриада» Вольтера (1723), воспеваящая родоначальника Бурбонов, Генриха IV. Вообще, патетический стиль исторических поэм и их построение по традиции воспроизводили общую схему «Энеиды». Поэма эта была, кроме того, школьным пособием, книгой, по которой изучали классическую латынь. Язык и стих «Энеиды» были объявлены непревзойденными. Особенно культ Virgilius развился в XVIII веке, когда под влиянием идей физиократов и проповеди Руссо о возвращении к природе получили распространение и вызвали подражания другие произведения его («Георгики» — поэма о земледелии, и пастушеские эклоги). К «Энеиде» обращался высокий эпос, воспевавший национальных героев; к ней же, естественно, обратились и поэты-пародисты как к основному произведению, дававшему материал для всякого рода перелицовок.

XVIII век в России был эпохой, когда героический эпос был почти государственным делом, так как этим путем утверждалось в литературном сознании самодержавие и оправдывались завоевательные планы. Несколько попыток создать «Петриаду» (поэму о Петре I) свидетельствуют о спросе на национальную эпопею. Наиболее удовлетворительно эта политико-литературная задача была разрешена «Россиадой» Хераскова (1779).

Поэма Осипова явилась через 12 лет после «Россиады». Являясь по существу поэмой политически нейтральной и даже «благона-

меренной», она, может быть подсознательно, отвечала чаяниям читателей, настроения которых не совпадали с торжественным парадным патриотизмом военных эпопей. В «Енейде» подвергались осмеянию не только приключения Энея, но и самые основы государственной великодержавной эпопеи. Для большинства читателей «Россиада» и «Енейда» являлись резко противостоящими произведениями, не укладывавшимися в одно литературное восприятие. Так, кто читал «Енейду», не мог находить удовольствие в чтении «Россиады».

Поэма Осипова появилась первым изданием: первая и вторая части в 1791 году¹, третья — в 1794, четвертая — в 1796. Второе издание вышло в 1800 г.; от первого оно отличается только опечатками. Третье издание, означенное на титульном листе *вторым*, в меньшем формате вышло в 1801 г., причем на двух первых частях значится: «с разрешения московской цензуры». В этом издании исправлены некоторые ошибки первого издания (нарушения стихотворного размера). Несколько исправлений этого издания принято нами.

В основу своей переработки Энеиды Осипов положил сатирическую поэму Блюмауера (1755—1798) «Virgyl's Aeneis oder Abenteuer des frommen Helden Aeneas» («Виргилиева Энеида или приключения благочестивого героя Энея»), вышедшую в свет в 1784—1788 гг.² Осипов устранил сатирический элемент (Блюмауер высмеивал иезуитов и вообще католицизм) и усилил комическую сторону. Поэма его не является переводом Блюмауера и только в некоторых частях он копировал немецкий оригинал. Некоторые эпизоды принадлежат самому Осипову и являются самостоятельной пародией Виргилия. Тем не менее зависимость от Блюмауера велика.

Потом явится сильно племя... (стр. 279)

Имеется в виду римское духовенство с папой во главе. Здесь Осипов воспроизводит сатирические строфы Блюмауера.

Наигрывает разны песни

С Бутырок, Балчуга и Пресни... (стр. 396)

Москва славилась как центр, из которого распространялись песни. Бутырки, Балчуг и Пресня — окраинные части города.

¹ Это издание имеет на обеих частях разрешительную надпись: «Свидетельствовал и подписал . коллежский советник и отправляющий должность санктпетербургского полицеймейстера Андрей Жандр». Андрей Осипович Жандр (1741—1796), отец известного писателя А. А. Жандра, друга Грибоедова, повидимому был связан с Осиповым личными отношениями; в показаниях книгопродавца Зотова по делу Радищева от 13 июля 1790 г. говорится об Осипове: «Онный же де сочинитель как прозывается, того он, Зотов, не знает, а знает-де про его прозвание полицеймейстер Жандр».

Третью и четвертую части «Енейды» подписал состоявший в той же должности Ефим Чулков.

² В приложенном к изданию списке подписчиков значится под рубрикой St Petersburg — 1 Ungenannter («одно лицо не назвавшее себя»). Может быть это и был Осипов.

Как едки твои не посутчишь... (стр. 405)

Всё это место построено по принципу так называемого «тарбарского» языка: в каждой фразе переставлены корни слов. Так, этот стих есть искажение фразы: «Как сутки трои не поешь». Тарбарский язык имел распространение в закрытых учебных заведениях: бурсе, пансионах и т. п. Место это не имеет соответствия у Блюмаера.

И будь французом без порток (стр. 421)

Так русские остроумцы из дворян переводили французское слово «санкюлот» (*sans culottes* — буквально, без коротких штанов, т. е. таких, какие носили аристократы, в то время как люди «третьего сословия» носили длинные панталоны) и тем иронизировали над кличкой французского революционера. Это место характерно тем, что Осипов механически повторяет политические шутки слоя, социально ему враждебного. И у него и у его подражателей встречаются шутки над Французской революцией в духе официальной русской политической системы.

Со Спасского из лавок мосту... (стр. 425)

В предыдущих строках Осипов перечисляет все московские районы, где продавались лубочные картинки. Но центральным местом книжной и лубочной торговли были лавки у Спасского моста. Спасский мост находился у кремлевской стены на Красной площади у Фроловской башни; он был перекинут через ров, окружавший Кремль. Мост этот просуществовал до 1811 года. Здесь находились лавки, первоначально торговавшие иконами и изображениями религиозного содержания, а впоследствии вообще произведениями печати. (См. ст. Аполлинария Васнецова, «Книжные лавочки на Спасском мосту» в сборнике «Полвека для книги», М. 1916, стр. 143—148.) Далее Осипов довольно точно описывает разные популярные лубки, вероятно, хорошо знакомые читателям «Энеиды».

В одной там небылица в лицах... (стр. 425)

Обычная на лубочных картинах надпись: «Небылица в лицах, найдена в старых светлицах, оберчена в черных тряпицах...»

В другой вся роспись о девицах... (стр. 425)

Лубочная картинка с изображением разных «дам и девиц» и указанием их свойств. Картинка была озаглавлена «Реестр о дамах и о прекрасных девицах». (См. Д. Ровинский, «Русские народные картинки», №№ 141 и 142.)

В иной Савоська с Парамошкой... (стр. 425)

Картинка с подписью «Парамошка с Савоськой в карты играл и Парамошка Савоську обыграл...» и т. д. (Ровинский, № 192.)

В иной кота хоронят крысы... (стр. 425)

Чрезвычайно популярная картинка «Как мыши кота погребают, недруга своего провожают» и т. д. Картинка представляет собой сатирическое изображение смерти и погребения Петра I с точкой

взрений противников реформ Петра. (Ровинский, № 166 и след. О значении этих картинок впервые писал И. Снегирев; см. его «Лубочные картинки». М. 1861, стр. 122 и след.)

В иной прекрасны Мирикрисы... (стр. 426)

Здесь имя Мирикрисы взято как нарицательное. В подлинной сказке о Бове и в лубочных иллюстрациях сказки Милитриса — мать Бовы.

В иной там Семика встречаются... (стр. 426)

Картинка под названием «Сказание о честном семике и о честной маслянице». (Ровинский, №№ 92—95.)

Коза с бородушкою сива... (стр. 426)

Картинка с подписью: «Медведь с козой проклажаются, на мушке своей забавляются, и медведь шапку вздел да в дудку заиграл, а коза сива в сарафане синем с рожками и с колокольчиками и с ложками скачет и в присядку пляшет». (Ровинский, № 177.)

Пришли мы, Серениссиме!.. (стр. 427)

Макароническое смешение русского и латинского языков заимствовано из Блюмауера:

Wir kommen, Serenissimel!
Zu dir, als reichem Prasser!
Verleih' uns, Benegnissime,
Ein Bißchen Luft und Wasser!

Всяк сделался тут патриотом

Похозисе на французску статью... (стр. 455)

Здесь Осипов пытается дать комическое изображение французского революционного войска. Упоминаемые далее клубисты — члены якобинского клуба, т. е. представители партии якобинцев, осуществлявшей революционную диктатуру до термидорианского переворота. Хотя четвертая часть и вышла уже после переворота, в 1796 году, но писалась, вероятно, раньше.

ОКОНЧАНИЕ ЕНЕИДЫ — КОТЕЛЬНИЦКОГО

Продолжение и окончание перелицованной «Энеиды» принадлежит Александру Котельницкому. Часть пятая вышла в 1802 году, часть шестая — в 1808.

Произведение Котельницкого представляет собой самостоятельное комическое изложение латинского оригинала, за которым он следует очень близко. Заметно в немногих случаях знакомство с Скарроном; реже — незначительные совпадения с Блюмауером.

Последние песни «Энеиды» и в латинском оригинале считаются наименее удачными. Это отразилось и на вялости и однообразии русской перелицовки, тем более что отсутствие поэтической фантазии у Котельницкого заставляло его рабски следовать в развитии эпизодов за Вергилием.

Перелицованная Энеида как в части, написанной Осиповым, так и в части, принадлежащей Котельницкому, настолько громоздка и однообразна, что не представлялось возможным привести ее целиком. Здесь даны лишь выдержки, причем соблюдена цельность песен и связность изложения.

ЯСОН, ПОХИТИТЕЛЬ ЗЛАТОГО РУНА

Эта неоконченная поэма была напечатана дважды: первый раз — в Москве (в типографии И. Зеленникова, в 1794 году, 50 стр.), второй раз — в Петербурге (в типографии Воспитательного Дома, в 1821 г., 48 стр.).

Оба раза появилась только первая песнь. Очевидно, дальнейшее не было написано.

Поэма эта любопытна как предельная утрировка принципа выворачивания наизнанку. Всё дело сводится к нанизыванию максимального количества комических эпизодов, причем комизм положений исчерпывается потасовкой. Вся первая песнь — цепь драк, совершенно не мотивированных, не вытекающих из хода действия. Впрочем, действие, сюжет почти совершенно отсутствует в поэме. Автор, очевидно, предполагал написать что-то приближающееся по объему к «Енейде» Осипова, а потому старался всячески придержать развитие действия, замедляя его побочными эпизодами, чтобы сохранить материал для дальнейших песен. В первой песне он почти не сдвинулся с места.

Так как поэма не обладает особыми художественными достоинствами и знакомство с ней необходимо лишь для точного понимания всех этапов русской перелицовки, мы приводим ее в значительно сокращенном виде. В полном ее составе в ней — 91 строфа. Почти безболезненному сокращению помогают бесконечные повторения одного и того же. Все описания драк состоят из накручивания общих мест, по несколько раз повторяющих основное положение.

Второе издание отличается от первого несколькими незначительными стилистическими изменениями. Так как они вообще ослабляют первую редакцию, здесь дается текст 1794 года. Из издания 1821 г. взято лишь то, что можно считать за исправление опечаток и недосмотров.

ПОХИЩЕНИЕ ПРОЗЕРПИНЫ

Поэма Люценки и Котельницкого издана была дважды. Первый раз — в Москве, в 1795 году, в типографии А. Решетникова (95 стр., из них две с книжными объявлениями); вторично — в Петербурге (издание второе, вновь исправленное и дополненное) в театральной типографии в 1805 г. (88 стр.). Издания эти существенно отличаются одно от другого. В первом издании имеется предисловие, отсутствующее во втором. Поэме предшествует французский эпиграф:

Excusez les erreurs de nos jeunes badinages
Ils sont toujours faibles les premiers ramages
Toujours l'enfant begaye, quand il commence à parler.
La Fontaine...¹

Нет стихотворного обращения «К читателям». Поэма начиналась прямо с третьей строфы, которая читалась первоначально так:

Пою красотку Прозерпину,
Девчоночку в пятнадцать лет;
Плутона хватского детину,
Каких не много видел свет.
Подай мне, муза, ковш вина,
Иль добру яндову пива
Для распаления ума.
Припомни, — ты меня знавала,
Почасту молодцом зывала:
Так будь же и теперь кума.

В издании 1805 г. переделана почти каждая строфа и в разных местах добавлено восемь строф. Редакция 1805 г. является несомненным улучшением первой, а потому здесь она и воспроизводится. Из первого издания заимствовано только предисловие «От сочинителей». К сожалению, исключительно небрежная корректура первого издания явилась причиной того, что некоторые места предисловия, видимо, искажены, и восстановить их не представилось возможным.

Предисловие первого издания отражает литературные вкусы авторов. Не совсем ясно, кого они называют «философо-поэтом». Возможно, что здесь они награждают этим титулом Ипполита Богдановича, называя его философом за дидактическую поэму «Сугубое Блаженство» (1765), в которой дается «философское» изображение первобытного человечества и его истории вплоть до возникновения государственной власти. Поэтом Богданович является, конечно, в «Душеньке» (1775), в которой находится много «вольных» (т. е. нескромных) эпизодов.

Называя имена Камоенса (1524—1580), Мильтона (1608—1674) и Самуила Джонсона (1709—1784), авторы имеют в виду то, что главные произведения двух первых поэтов были опубликованы ими в зрелом возрасте: Камоенс напечатал «Лузиады» в 1572 г. в возрасте 48 лет. Милтон еще позднее: его «Потерянный Рай» появился в 1667 г., когда автору было 59 лет. С. Джонсон выступил в качестве газетного корреспондента в 1739 г. тридцати лет от роду, а литературную известность ему доставил его Словарь, над которым он работал в 1747—1755 гг.

Упомянув Тассо (1544—1595), авторы имеют в виду популярный

¹ «Простите ошибки нашей юной болтовни; первые песни всегда слабы, всегда дитя заикается, начиная говорить» Л а ф о н т е н. Ошибки против элементарных правил французского стихосложения избавляют от необходимости искать цитату у Лафонтена. Она, очевидно, выдумана авторами «Похищений».

в литературе эпизод его биографии: Тассо умер во время подготовки триумфального его венчания в римском Капитолии. Увенчан был уже труп поэта.

Миф о похищении Прозерпины неоднократно являлся темой поэтических произведений. Изложен он в пятой книге «Метаморфоз» Овидия. Клавдиан, римский поэт IV века, написал на ту же тему неоконченную поэму (*De raptu Proserpinae*). Послужил этот сюжет и для бюрлескной перелицовки. В 1653 году французский поэт Дассуси выпустил в свет поэму «Похищение Прозерпины» (*Le Ravissement de Proserpine*).

Люценко и Котельницкий отправлялись от Овидия. Об этом автору упомянули в 13-й строфе первой песни. Почти все эпизоды восходят к версии Овидия (с которой сильно расходитя версия Клавдиана). Таким образом текст Овидия может служить комментарием к поэме. В виду его относительной краткости, привожу его полностью в прозаическом переводе В. Алексеева (изменяя транскрипцию некоторых имен):

«Церера первая взрыла землю кривым плугом, первая даровала земле хлеб и нежную пищу, первая дала законы — всё это благоденствия Цереры. Большой остров Тринакрия наброшен на тело гиганта; страшною своею тяжестью давит он Тифея, дерзнувшего посягнуть на царство неба. Не успокаивается гигант: нередко пытается он встать, но правую руку Тифея давит авзонский Пелор, левая рука под тобою, Пахин, Лилибей жмет Тифею ноги, Этна шемит голову. Лежа под Этной, страшный Тифей выбрасывает песок, а ртом своим извергает пламя. Часто силится гигант сбросить с себя тяжелую землю и города на ней, от высоких гор освободить свое тело; оттого-то трясется земля, и сам царь над теньями боится, как бы не разверзлась земля, не открылись бы в ней широкие трещины, не испугал бы робкие тени проникнувший к ним дневной свет. Боясь подобной несчастной случайности, царь вышел из своего мрачного жилища. Мчится он на колеснице, запряженной черными конями, осторожно объезжает берега Сицилии. Когда бог после осмотра вполне убедился, что всё крепко, то успокоился. Сидя на своей горе замечает едущего Плутона царица Эрикаса (Венера). Обняв своего крылатого сына, богиня сказала ему: «Сын мой, Купидон, защитник и помощник мей, возьми свои славные, всепобеждающие стрелы и скорей провни ими сердце того бога, которому по жребию досталось последнее из трех царств. Победоносно смиряешь ты небожителей и самого Юпитера, смиряешь и божества моря, даже и того, кто властвует над ними. Чего ж медлишь ты поразить Плутона, отчего не выразишь материнского и своего могущества — ведь дело идет о получившем третье царство вселенной. Не обращай на меня внимания и на небо, вместе с тем уменьшаются и силы моего Купидона, а всё ж я терплю. Разве ты не замечаешь, что рассорились со мной Паллада и метательница копий Диана? Так же поступит, если мы не обратим внимания, и незамужняя дочь Цереры: ведь и она рассчитывает на то же самое — ты же соедини богиню браком с ее царственным дядей, если ты хоть сколько-нибудь любишь меня». Так сказала Венера Купидону; а

он открыл свой колчан и, исполняя волю матери, выбрал из тысячи стрел одну: ни одной стрелы не было острее, ни одной более меткой, ни одна не шла более к луку. Уперся Купидон коленом, натянул он гибкий лук и в сердце Дию пустил стрелу.

«Недалеко от Геннейских стен есть глубоководное озеро, называемое Перг. Не менее чем на Каистре слышен на его чистых водах крик лебедей. Лес окружает озеро, окаймляя весь его берег, и словно покрывало защищает его своими ветвями от лучей солнца. Ветви дают прохладу, влажная земля — красные цветы. Вечная весна в том месте. Меж тем как Прозерпина играет в том лесу, срывая то фиалки, то белые лилии, меж тем как с ребяческим усердием кладет их в корзинки и в платье и хочет превзойти своих подруг в собирании цветов, — в то время влюбился в Прозерпину и похитил ее, лишь только увидел, Дий — так сильно влюбился он. Испугалась богиня, с воплями зовет она свою мать и подруг, но чаще мать. Когда разорвалась у Прозерпины вся одежда, то выпали у ней цветы из распустившейся туники, и даже эта неприятность заставила опечалиться девушку — так простодушна была Прозерпина из-за своих детских лет. Гонит похититель свою колесницу, понукает он коней, называя каждого из них по имени, хлопает темнокрасного цвета вожжами над конскими шеями и гривами. По глубоким озерам, по издающим выходящий из отверстия в земле серный запах Палицийским болотам несется Плутон, несется он и там, где заложили город меж неравных гаваней Бакхиады, выходцы из лежащего при двух морях Коринфа.

«Между Цианю и пезейской Арегузой есть источник, отовсюду закрытый горами. Здесь жила Циана, красивейшая между сицилийскими нимфами; ее именем назывался и источник. По пояс высунулась из воды Циана и узнала богиню Прозерпину. — «Не пушу я тебя дальше, — говорит Плутону нимфа, — не можешь ты быть зятем Цереры против ее воли: не похищать дочь богини следовало бы тебе, а просить ее руки. Если можно сравнить малое с великим, то и меня любил Анап, но я вышла замуж по своей воле, а не насильно, как Прозерпина». Говоря это, нимфа не пускала Плутона, махая руками в разные стороны. Не стал более сдерживать гнева сын Сатурна: погнал он своих страшных коней и могучею рукою ударил по воде своим витым царским скипетром. От удара открылось в земле отверстие, ведущее в Тартар, и колесница скатилась вниз, в пропасть. Слезами истекает вся Циана, грустит она, что похитили богиню Прозерпину, что не обратили внимания на права ее источника; молчаливо выносит нимфа неутешную скорбь. И в те же воды превращается Циана, которых она была недавно великим божеством. Можно было видеть, как размягчилось тело нимфы, как стали изгибаться ее кости, ногти — терять свою твердость. Прежде всего у Цианы исчезает то, что у нее было самым красивым: черные волосы, руки и ноги. Скоро потом и всё исхудалое тело нимфы превращается в холодные воды: в неглубокий ручей превратилась плечи Цианы, ее спина, бока и ослабевшая грудь; наконец взамен горячей крови вода проникает в изменившиеся жилы нимфы, и ничего не остается от Цианы, что можно было бы удержать в руках,

«Между тем, понапрасну ищет в ужасе мать свою дочь всюду по земле и по всем морям. Не видели пропавшей Прозерпины на своем пути ни влажноровосая Аврора, ни Геспер. Двумя руками зажгла Церера от Этны пламенноносый светильник и без усталости бродила с ним в холодные ночи. Когда благодатный день снова затмевал звезды, богиня начинала искать свою дочь от восхода до захода солнца. Утомившись от тяжелого пути, Церера почувствовала жажду, но нельзя было утолить ее богине. Тогда Церера случайно заметила крытую соломою хижину и постучалась в низенькие двери. Оттуда выходит старуха. Увидя богиню, старуха охотно исполнила ее просьбу: подала Церере питье, которое раньше сварила из поджаренной ячменной крупы. Меж тем как богиня пьет поданный ей напиток, уставился на нее некрасивый и дерзкий мальчишка и назвал Цереру жадной. Оскорбилась богиня и брызнула в говорившего еще не допитою частью разведенного водой ячменного отвара. Пятнами покрылось лицо мальчика, и вместо недавних рук стали у него ноги; и хвост дала Церера измененному телу. Уменьшается тело в длину, чтобы не могло оно наносить большого вреда; много меньше остается в нем силы. Бежит ящерица от удивленной, рыдающей и желающей коснуться чудовища старухи и скрывается в нору. По цвету имеет животное и имя; частыми крапинками испещрено его тело.

«Долго было бы рассказывать, по скольким землям и морям блуждала богиня Церера; не нашла она чего искала на земле. Снова пришла богиня в Сиканию. Рассматривая всё на пути, Церера приходит к Циане. Всё рассказала бы нимфа богине, если бы не была изменена. И хотела бы говорить Циане, но не было у ней ни головы, ни языка, чем могла бы она произнести слово. Но нимфа дала богине ясный знак: указала матери на поверхности воды знакомый той пояс Персефоны, который случайно упал с нее в том месте в священный источник. Лишь только увидела богиня пояс, то тут-то наконец убедились, что Персефону похитили. Стала Церера рвать свои неукрашенные волосы, без усталости бить руками свою грудь. Всё еще не знает богиня, где Прозерпина, и хоть все земли бранит Церера, называя их неблагодарными, недостойными того, чтоб давать им хлеб, однако пуще всех Тринакрию, где богиня нашла следы своего горя. И вот Церера изломала там сильною своей рукою пашущие землю плуги, в гнев ее умертвила поселян и обрабатывающих землю волов, земле велела не произращать посева, семена же богиня сделала негодными для него; падает далеко известное в мире плодородие Сицилии: пропадают молодые хлебные ростки: то от чрезмерного жара погибают они, то от проливного дождя. Вредят хлебу бури и ветры, птицы с жадностью поедают брошенные семена; куколь, чертополох и густая трава замедляют рост пшеницы.

«Высунула тогда супруга элейского Алфея из воды свою голову, за уши прибрала со лба мокрые волосы и сказала: «Мать девушки, которую ищут по всей земле, богиня плодородия, полно тебе так много странствовать, в горе сердиться на верную тебе землю: ничем не виновата земля, — против воли способствовала она похищению твоей дочери. За Сицилию прошу я тебя, хоть чужестранной

пришла я туда, — родина моя Пиза, из Элиды происхожу я, живу же в чужой для меня Сикании, — но эту землю люблю я более, чем все другие, здесь пенаты Аретузы, здесь ее жилище и ты, кроткая, пощади его, а то зачем же сдвинули меня с места и перенесли чрез воды великого океана в Ортигию. Когда кончу я своею временною своим рассказом, то успокойся ты, повеселеют твои взоры. Свободно теку я по земле, скрываюсь в глубоких ее недрах и здесь показываю свое устье, здесь вижу небо, на которое отыскала смотреть. И вот, меж тем как я теку под землею, в области Стикса, своими глазами увидела я там Прозерпину: печальна она, всё еще испуганно выражение ее лица, но Прозерпина царица, повелительница подземного царства, могучая супруга царя теней». Словно камень остолбенела мать, услышав подобные речи; долго походила Церера на пораженную громом; когда же стала она вне себя от тяжкого горя, то поднялась на колеснице в небесные чертоги. Там, с глубоко пасмурным опечаленным лицом, с распущенными волосами стала богиня перед Юпитером и сказала ему: «За свою и твою родственницу пришла я просить тебя, Юпитер; если ты не будешь милостив к матери, то пусть тронет отца дочь, но, прошу тебя, отнесись к дочери не с меньшею заботою, потому что она моя дочь. Долго я искала ее и вот наконец нашла, если, по твоему, найти лучше, чем потерять, или найти значит то, чтобы знать, где она. Снесу я, что Прозерпину похитили, только бы возвратили мне ее, — ведь не похитителя-мужа достойна твоя дочь, если она уже не моя!» — «И для тебя и для меня одинаково мила и дорога наша дочь, — отвечал Церере Юпитер, — но, если рассмотреть дело по правде, то не ради того, чтоб оскорбить нас случилось оно, но из-за любви. Не стыдно будет нам иметь Плутона зятем, лишь бы ты согласилась на это, богиня. Положим, что у Плутона нет ничего другого, то как много значит быть братом Юпитера! Что же будет, если у него нет недостатка ни в чем, если мне уступает он только по положению. Но если ты так сильно хочешь расторгнуть брак, то пусть Прозерпина снова возвратится на небо, только с одним условием, — если она не вкусила там никакой пищи: ведь так предопределено в договоре с Парками».

«Кончил Юпитер. Твердо решила Церера освободить свою дочь, не же судила ей этого судьба, так как проголодалась девушка и в то время, как ничего не подзревая, прогуливалась по прекрасному саду, сорвала с изогнутой яблони румяное яблоко и, достав из его твердой сердцевины семь семечек, съела их. Никто не видел этого, кроме Аскалафа, — которого, говорят, родила некогда в темной пещере от супруга своего Ахерона Орфна, известная между авернскими нимфами, — увидел это бессердечный Аскалаф и своим доносом лишил Персефону возвращения домой. Загоревала царица Эреба, в птицу обратила низкого доносчика, обрызгала ему голову водой Флегетонта, дала клюв, оперение и огромные глаза. Изменяется Аскалаф: темножелтыми перьями покрывается он; увеличивается его голова, загибаются длинные ногти, с трудом, лениво машет Аскалаф своими вновь образовавшимися крыльями, — делается отвратительною птицею, вестником грядущего горя, — ленивым филином, зловещим предзнаменованием для смертных,

«Но Аскалаф заслужил наказание за свой болтливый язык, а с какой стати, дочери Ахелоя, у вас перья и ноги птиц, когда раньше была девичья наружность? Или за то, что вы, мудрые Сирены, были в числе подруг Прозерпины, когда собирали они вешние цветы... Когда понапрасну искали вы Прозерпину по всей земле, то захотели пролететь над морем с крыльями, чтобы и воды видели ваше беспокойство, — на милость богов надеялись вы и увидели, что ваше тело пожелтело внезапно от перьев. Но чтобы не лишить вас известного дара пения, назначенного для того, чтобы нежить слух, чтобы не лишить красивой наружности и дара слова, осталась у вас девичья наружность и голос человека.

«Юпитер, посредник между своим братом и опечаленною сестрою, поровну разделил между ними и текущий год: теперь Прозерпина богиня, божество общее двум царствам, столько же месяцев живет с матерью, сколько и с супругом. Быстро изменяются у богини как наружность, так и настроение духа, потому что веселым делается лицо, которое могло казаться печальным даже Дию-Плутону, веселым словно солнце, победоносно выглянувшее из затмевавших его раньше дождевых туч. Успокоилась благодетельная Церера, когда получила свою дочь».

Характер перелицовки явствует из сличения текстов. Авторы сделали некоторые перестановки (из них самая значительная — описание прогулки Прозерпины в начале поэмы), кое-что сократили (напр. о Сиренах), кое-что прибавили (напр. об основании Сиракуз). Но главное то, что они радикально изменили характер действующих лиц, переработав рассказ Овидия в русскую сельскую идиллию, рассказанную в комических тонах. Источники юмора указаны авторами: в стихах «К читателям» названы Осипов и Майков (Тредиаковский с его «Тилемахидсй» назван, понятно, пародически, как поэт смешной против своего намерения). В 23-й строфе первой песни указано еще имя, несомненно влиявшее на «Похищение Прозерпины»: имя Богдановича и его поэмы «Душеньки». В самом деле, хотя внешние травестийные приемы авторы «Похищения» заимствовали у Осипова, основной тон повествования продиктован поэмой Богдановича. Согласно с традицией поэм наизнанку тон этот приобрел здесь большую грубость.

Несмотря на недостатки стиха и неловкости слога, «Похищение Прозерпины» является наиболее удачной по построению поэмой.

Любопытны вставки, имеющие целью придать поэме актуальность. В 1795 году, когда Французская революция произвела свое впечатление в России, литературный канон требовал выражения «патриотизма» в форме ругательств по адресу Франции. Это и было сделано в строфах 34-й и 35-й третьей песни, где говорится о странствиях Цереры. В 1805 году, при втором издании поэмы, обстановка была снова напряженная: отношения с Францией были чрезвычайно обострены (в 1805 г. произошло Аустерлицкое сражение); это вызывало сложные дипломатические комбинации, в которых Пруссия играла двойственную роль, то заключая дружественные договоры с союзными Россией, Австрией и Англией, то входя в соглашения с Наполеоном. Всё это послужило материалом

для своеобразной стихотворной газеты, какой являются новые строфы путешествия Цереры (конец 35-й, 36-й и 37-й). Такая злободневность материала не имела политического значения: по поводу всех упоминаемых здесь событий в те годы не полагалось иметь мнения, отличающегося от официальной точки зрения. «Патриотизм» авторов «Похищения» говорит скорее об их нейтралитете, а может быть даже и о политическом безразличии.

Вставка нового материала потребовала переработки строф первого издания. В первой редакции авторы изображали Революцию как восстание неимущих классов против политической власти и делали намеки на продовольственные затруднения и спекуляцию, последовавшие после низвержения Робеспьера и вызвавшие восстания в Жерминале и Прериале III года республики (апрель—май 1795 года). Эти даты, очевидно, определяют приблизительно время написания «Прозерпины». В первом издании еще не приходилось говорить о Наполеоне (названном в поэме «Брутом»), и соответствующая строфа читалась иначе:

Сретала и таких народов,
Рожденных Тартаром в свет сей,
Приличнее скажу, уродов,
Которы в слепоте своей
Отечество главы лишают,
В неистовстве везде терзают
Неимущих против их сил.
Как овцы пастыря лишены
Бродят — и сильным притеснены
Не знают, кто б их защитил.

Первоначально это указание на продовольственные трудности начала Директории и служило поводом к изображению наказания, ниспосланного Церерой «таким» людям. В 1805 г. положение Франции было совершенно иным. Тем не менее авторы «Прозерпины» оставили эти строфы, хотя они мало соответствовали действительности.

Во втором издании в переделанных и новых строфах заключаются указания на революционные и наполеоновские войны («полсвета в бешенстве терзают»); диктатуру Наполеона («Брут»). Далее речь идет о папе, причем «Облжником» назван снова Наполеон. Авторы имеют в виду полное почти уничтожение светской власти папы (Пия VII). В следующей строфе говорится, вероятно, о Пруссии и ее неясной политике по отношению к России и к войне Австрии, Англии и России против Франции. В последних стихах строфы, вероятно, авторы имеют в виду Англию и ее колониальную политику («где кучи золота у всех, у диких ими отнятого»).

Тирады против сильных и богатых в общем характеризуют социальные симпатии авторов, но собственные их взгляды сильно затусованы официальной точкой зрения, которая в данных условиях являлась обязательной.

ОПАСНЫЙ СОСЕД

Время создания «Опасного Соседа» определяется из писем Батюшкова к Гнедичу. В апреле 1811 года он писал об этом произведении как о литературной новинке: «В. Л. Пушкин сочинил сатиру, сюжет весьма благороден: бордель; но стихи истинно прекрасны, много силы, живости, выражения». Пересылая поэму Гнедичу 29 мая он писал: «Теперь посылаю тебе Пушкина сатиру... Стихи прекрасны. Вообще ход пиесы и характеры выдержаны от начала до конца.

«Панкратьевна, садись! Целуй меня, Варюшка!
«Дай пуншу! Пей, дьячок!»... и началась пирушка!

«Вот стихи! Какая быстрота! Какое движение! И это написала всякая муза Василия Львовича... Хочешь ли того, что Мармонтель называет в своей поэтике *délicatesse*?

«Свет в черепке погас, и близок был сундук...

«Это прелестно; но всё это не понравится гг. беседчикам, которые отговорят:

«Но к чорту ум и вкус! Пишите в добрый час!»

В ответ на отзыв Гнедича Батюшков писал в июле: «Ты прав: сатира Пушкина есть произведение изящное, оригинальное, а сам он еще оригинальнее своей сатиры. Вяземский, общий наш приятель, говорит про него, что он так глуп, что собственных своих стихов не понимает. Он глуп и остер, зол и добродушен, весел и тяжел, одним словом, Пушкин есть живая антитеза».

Поэма получила широкое распространение в рукописи. В 1815 году она была отлитографирована в Мюнхене Шиллингом (см. дальше предисловие Полторацкого к печатному изданию 1855 году). По этому поводу Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Буянов напечатан? Сила крестная с нами! Ради бога, пришли Буянова».

Это литографированное издание, бывшее редкостью уже в первые годы после выхода, в настоящее время неизвестно ни в одном экземпляре. Впервые поэма была напечатана (типографски) только в 1855 году в Лейпциге С. Полторацким по рукописи автора. Это издание названо «вторым». Долгое время оно было единственным источником текста «Опасного Соседа». С него перепечатаны издания, вышедшие за границей (1859, 1871, 1876) и в России:

1) В издании «Обстоятельное описание редких и замечательных книг» А. Е. Бурцева, том 4-ый, стр. 139—144.

2) Московское издание 1913 года, вышедшее в 75 экземплярах, с вступительной статьей В. Саводника.

3) Издание Врублевского в серии «Библиотека вольного слова» 1917 года.

4) Издание 1918 года с вступительной статьей и примечаниями Бориса Садовского.

К тому же изданию, несомненно, восходит и рукописная копия, сохранившаяся в бумагах Никитина, с которой напечатано издание

1922 года в серии «Трудов Пушкинского Дома» под редакцией и с примечаниями В. И. Чернышева.

Однако уже Вяземский отметил одну ошибку издания, что дало возможность внести в текст поэмы исправление: так издан «Опасный Сосед» со вступительной статьей и примечаниями С. П. Боброва в 1918 году (лучшее издание поэмы).¹

Издание 1855 года было предварено следующим предисловием Полторацкого:

«Не один из русских читателей удивится этому заглавному листку, на котором означено: *второе издание*. Когда же было, — спросит он, — когда и как могло быть *первое издание Опасного Соседа?* — На этот вопрос будет ответом неоспоримое свидетельство Николая Ивановича *Греча*: первое издание *Опасного Соседа* (литографированное) было оттиснуто в Мюнхене, столице Баварии, в 1815 году.

«Приводим здесь вполне известие, сообщенное Н. И. Гречем из Висбадена и напечатанное в *Северной Пчелы*, № 142, от 30 июня 1853 года, на стран. 568, в биографической статье о бароне Павле Львовиче Шиллинг-фон-Канштате (умершем в Петербурге летом 1837 года, около 50 лет отроду):

«В Мюнхене изобретена и усовершенствована литография. По вторичном вступлении союзных войск в Париж (1815 г.), Шиллинг был там, и вместе с другими русскими был приглашен Министерством нашим к содействию в составлении и переписке разных актов на французском языке, которых нельзя было поверить иностранцам. Эти работы занимали значительное число лиц день и ночь. Шиллинг, по природе нетерпеливый и неусидчивый, кричал за письменным столом, и однажды как-то сказал, что этого продолжительного копирования бумаг можно было избежать употреблением литографии, которая в то время едва ли где была известна, исключая Мюнхена. Император Александр, по предстании о том, приказал сделать опыт нового изобретения, и Шиллинг был для того послан в Мюнхен. Следовало налитографировать что-нибудь по-русски. Шиллинг припоминал себе разные стихотворения, выученные им в первом Кадетском Корпусе и в свете, и ни одного не мог вспомнить вполне. Вдруг напал он на карикатурную идилию Василья Львовича Пушкина: *Опасный Сосед*, выгравировал ее, и отправился с нею обратно в главную квартиру. Содержание опыта возбудило общий смех, а исполнение оказалось безукоризненным; при Министерстве Иностранных Дел (в Петербурге) заведена была литография, первая в России, и Шиллинг назначен ее директором».

«В мае месяца 1830 года, перед выездом моим из Москвы в путешествие за границу, виделся я в последний раз с Василием Львовичем *Пушкиным*, в доме его на Басманной. (Он умер в августе 1830 года). На этом вечере были оба братья *Полевые*, издатели

---

¹ По какому-то другому списку Гербель напечатал отрывок в 110 стихов (из полного числа 154) в издании «Русские поэты в биографиях и образцах» 1873 г. В издание Саводника введены варианты по старинным спискам, но варианты эти не авторитетны.

Московского Телеграфа (1825—1834), и многие другие русские литераторы. Находясь в обыкновенном своем веселом расположении духа, Пушкин рассмешил нас всех следующей просьбою, с которою обратился ко мне: «Милый мой, ты вероятно будешь в Берлине, Лейпциге, Париже; там есть русские типографии; потешь меня, пожалуйста; напечатай моего *Опасного Соседа*, лучшее и удачнейшее из моих стихотворений. Оно известно в России только в рукописи, и жаль, если пропадет и не дойдет до потомства. Вот тебе исправный список; тисни его, и тем порадуй меня».

«Мы все захохотали, услышав такое поручение. Я не дал обещания выполнить желание автора, потому что не полагал этого возможным. Узнав же (в бытность мою в Москве, в июле 1853 года) из вышеприведенной статьи Н. И. Греча, напечатанной в *Северной Пчеле*, что это стихотворение Василия Львовича Пушкина было уже литографировано в 1815 году, и роздано многим лицам, находившимся при главной квартире русской армии, исполняю ныне, — по истечении 25 лет, — желание покойного автора, которому, вероятно, не было известно издание, литографированное в Мюнхене, потому что он ничего не упомянул мне об этом, когда давал свое поручение. Первое издание должно быть большою библиографическою редкостью, — да и едва ли сохранилось оно у кого-нибудь».

«Об этом стихотворении в *первый раз* печатно упомянуто в послании Александра Пушкина: *Городок*, которое помещено было в журнале Владимира Измайлова: *Российский Музеум*, Москва, № 7, июль 1815 г.¹

«Александр Пушкин так отзывался о стихотворении своего дяди:

«И ты, замысловатый
«Буянова певец
«В картинах столь богатый
«И вкуса образец.

«Послание Александра Пушкина (1816 года) к Василию Львовичу начинается так:²

«Тебе, о Нестор Арзамаса,
«В боях воспитанный поэт,
«Опасный для певцов сосед
«На страшной высоте Парнасса,
«Защитник вкуса (и проч.).

«Об *Опасном Соседе* есть несколько стихов и в романе А. Пушкина: *Евгений Онегин*.

«Ни по каким литературным заметкам, напечатанным в русских журналах, не видно, в каком именно году эта остроумная и удачная шутка вылилась из-под пера Василия Львовича. Но, по

¹ *Сочинения А. Пушкина*, издание П. В. Анненкова; СПб., том 2, 1855, стран. 39 и 90.

² *Сочинения Пушкина*, 1855, том 2, стран. 126.

Некоторым сведениям, можно определить это время приблизительно. Она написана автором между 1807 и 1815 годами.

«Это стихотворение можно назвать совершенством (*chef-d'œuvre*) в своем роде. Оно отличается живостью и плавностью рассказа, меткими выражениями, замысловатостью шуток и разговоров, живописным описанием *местности*, и вместе с тем, — при всей щекотливости избранного автором предмета, — имеет нравственную цель.

• С. П. »

Издание 1859 года, вышедшее в Берлине, — первое, предназначенное для продажи, — начиналось следующим предисловием:

«Предлагаемое публике издание шуточной поэмы Василья Львовича Пушкина (дяди великого поэта) по счёту *третье*. Первое, как известно, было литографировано, второе издал в Лейпциге в 1855 году известный русский библиограф Полторацкий. Оба эти издания были не для публики. Первое, как опыт литографии, разошлось в русской армии 1815 года; второе было подарком для библиографов и в продаже являлось только по очень высокой цене.

«В. Л. Пушкин по характеру своей поэтической деятельности принадлежал к сентиментально-реторическому направлению двадцатых годов. «Опасный Сосед» не похож ни на одно из его произведений, вялых и бледных в сравнении с ним. Достоинства этой поэмы, хорошенькой картинки в фламандском вкусе из русской жизни, доказываются тем, что все стихи ее автора забыты, а «Опасный Сосед» твердился несколькими поколениями русских людей и теперь у многих в памяти. Сам поэт, умирая, считал его лучшим своим произведением и был прав. Веселая, простодушная шутка, живой, легкий стих, и, несмотря на *натурализм* сцен, нравственно-практическая цель поэмы — всегда найдут ей читателей».

В основу настоящего издания положен экземпляр издания 1855 г., сохранившийся в библиотеке Пушкинского Дома (ныне ИРЛИ Академии Наук), куда он поступил из собрания Б. Л. Модзалевского. Экземпляр этот имеет вместо титула следующую надпись рукой Полторацкого: «Опасный Сосед. Стихотворение Василья Львовича Пушкина, 1770—1830, (дяди поэта 1799—1837). Издание 2-е, Лейпциг, 1855. — 3-ие издание напечат. в Берлине, 1871—1872, в маленьком формате, 20 страниц. Оба издания обезображены опечатками и ошибками. Подобаает тиснуть 4-ое, если поживется, — *без ошибок и опечаток*. С. П. Париж, понедельник 13/1 мая 1878».

На обороте титула его же рукой копия его заметки, сделанной 14/1 марта 1865 года:

«Этот экземпляр 1855 года есть библиографическая *редкость* и остался у меня *единственным*.

Брокгауз в Лейпциге напечатал для меня небольшое число экземпляров, которые *разобраны* были у меня на *расхват* моими приятелями и друзьями, здесь за границую, и потом в Петербурге в Москве.

«Шесть стихов из этого стихотворения: 4 последние на стран. 7 и два первые на стран. 8 (т. е. начиная со стиха «Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец». — Б. Т.) напечатаны в петербургской

газете «Русский Инвалид» № 38, пятн. 19 февр. (3 марта), стран. 4 столб. 3».

В экземпляре этот внесены рукой Полторацкого карандашом исправления. Одно из них совпадает с указанием Вяземского; это заставляет принять исправления Полторацкого, который, видимо, устранил опечатки на основании рукописи В. Л. Пушкина.

С цыганками, с б...ми в трактирах с ямщиками... (стр. 648).

В издании 1855 г. с «плясунами». Вяземский на своем экземпляре «Опасного Соседа» пометил: «В подлиннике: с ямщиками». Так напечатано было Гербелем в «Русских Поэтах». В экземпляре Полторацкого этот стих также исправлен: зачеркнуто «плясунами» и надписано «ямщиками».

Пришел, — и понесло повсюду табаком... (стр. 648).

В изд. 1855 года: «кабаком», что кажется выразительнее. Полторацким это место, однако, исправлено. Не следует забывать, что в начале XIX в. курение табаку не было распространено в такой степени, как впоследствии, и пахнуть табаком было знаком «дурного тона». Таким образом стих этот в 1811 году был более выразителен. Впрочем, возможно, что чтение «кабаком» тоже принадлежит В. Пушкину. Так этот стих читается обычно в рукописных копиях начала XIX в.

Кузнецкий мост и вал, Арбат и Поварская... (стр. 648).

Здесь описан маршрут поездки по Москве из центра города на окраину. «Вал» — нынешние бульвары.

Дивились двоице на бег ее взирая... (стр. 648).

Слово двоица заимствовано из стихов Шихматова, обращенных к Шишкову:

Но кто там мчится в колеснице
На резвой двоице порой.

Вяземский отметил: «Кн. Шихматов в стихотворении на имя Шишкова употребил выражение *двоица коней* вместо *пара*. Каченовский в «Вестнике Европы» сказал, что хорошо, что поэт приехал не на тройке».

Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец... (стр. 648).

Полторацкий почему-то отнес это обращение к Шишкову. Но тот никогда не был «певцом». Очевидно, это обращено к тому, у кого взято слово «двоица», т. е. к Шихматову. Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1785—1837) — мистический поэт, типичный певец «Беседы», конечно, с полным правом мог быть назван «угрюмым певцом». Шишков здесь назван славянофилом. Так он назван Батюшковым в «Видении на брегах Леты»: «Я есмь зело славенофил» (1809 г.).

Херы с покаями сцеплялись по стенам... (стр. 650).

Хер — славянское название буквы Х; покой — буквы П. Автор имеет в виду, очевидно, нескромные надписи на стенах дома.

К этому стиху Вяземский приписал: «Забавно, что это стих Жуковского».

И Стерна Нового как диво величали... (стр. 650).

Этот выпад против «Нового Стерна» Шаховского Пушкин ставил себе в заслугу. В послании к арзамасцам 1816 г. он писал:

Я злого Гашпара убил одним стихом.

В сказке «Кабуд-путешественник» 1817 г. он снова повторил:

На правой стороне брюхастый стиходей
Достойнейших писателей злословил
И пасквили писал на сочиненья их,
А помнил сам в душе один известный стих,
Которым он воспет в поэме был шутовой.

Из чести лишь одной я в доме здесь служу... (стр. 650).

Игра слов заключается здесь в том, что «служить из чести» в просторечии значит работать за чаевые, не получая платы от хозяина.

Лежали на окне Бова и Еруслан... (стр. 651).

В этом стихе и следующих перечисляется низовая литература, читавшаяся мещанами: «Несчастный Никанор», анонимный роман 1775 г., приписывался М. Комарову (опровергнуто В. Шкловским в книге «Матвей Комаров», стр. 262—290); «Смерть Роллы», трагедия А. Коцебу (русский перевод 1802 г.); «Дева Солнца», его же, трагедия, переведенная в 1803 г.; «Арфаксад, халдейская повесть», роман в шести частях Петра Захарьина 1793—1796 гг.; «Днепровская Русалка», опера Н. Красносельского, 1804—1807 гг. Возможно, что Пушкин имеет в виду четвертую часть «Русалки», написанную Шаховским (1807 г.).

Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет... (стр. 652).

Пародия начала первого псалма: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей».

РАСХИЩЕННЫЕ ШУВЫ

Поэма А. Шаховского появилась в издании «Чтение в Беседе любителей русского слова» — песнь первая в кн. 3 (1811 г.), песнь вторая в кн. 7 (1812 г.) и песнь третья в кн. 19 (1815 г.).

Она была перепечатана в изд. Сочинения князя А. А. Шаховского. Спб. Издание А. С. Суворина 1898 (в серии «Дешевая Библиотека» № 207).

Предисловие к первой песни представляет собой традиционное изложение истории и теории комической поэмы. В ней упоминаются:

«Баграхомиомахия» («Война мышей и лягушек»), комическая поэма, неправильно приписывавшаяся Гомеру. В действительности автором ее был Пигрес Кариийский (V век до н. э.). Это небольшая поэма в 294 стиха; она является пародией на «Илиаду». Содержание ее

заключается в том, что сын мышиного царя, приглашенный царем лягушек прокатиться по воде, по несчастью, тонет. В результате мышиный царь, оплакав сына, отправляется войной на лягушек. После ряда сражений мыши побеждают. Боги вмешиваются в защиту лягушек. Однако, сила мышей превышает могущество Юпитера. Брошенная им молния не меняет положения. Тогда Юпитер посылает раков, обращающих мышей в бегство. С заходом солнца кончается война. Полностью поэма переведена Христофоровым («Журнал Министерства народного просвещения» 1886 г. № 8).¹ Защитники мнения, что традиции ирои-комической поэмы восходят к древности, обычно ссылаются на «Батрахомиомахию», хотя это произведение, возникшее в совершенно иных исторических условиях, представляет собой род пародии, резко отличающейся от поэм нового времени. Новая комическая поэма возникла без всякого на нее влияния «Батрахомиомахии».

Боярдо (1434—1494) — итальянский поэт, автор рыцарской поэмы «Влюбленный Роланд» (*Orlando innamorato*). Поэма Ариосто «Неистовый Роланд» является продолжением этого произведения. Берни (1496—1536) переделал поэму Боярдо, придав ей шуточный характер. Эта переделка вызвала много подражаний. Поэма Боярдо переведена на русский язык прозой с французского перевода Я. Булгаковым в 1799 г.

Фортигверра (1674—1735), итальянский поэт, известен шуточной поэмой «Ричардетто» (*il Riciardetto*), являющейся подражанием Ариосто, а по сюжету продолжением «Неистового Роланда». Поэма была переведена на русский язык прозой с французского перевода Н. Осиповым (напечатана после его смерти в 1800—1801 гг.).

Шутливая поэма «*Capitolo del Forno*» (Капитул пекарни; 1538) написана итальянским поэтом Делла Каса (1503—1556). Поэма отключается несерьезностью положений.

Поэма Браччолини (1566—1645) «Шутка богов» (*lo Scherno degli dei*; 1618 г.) представляет собой комическое изображение богов древней мифологии в современной обстановке.

Поэма Тассони (1565—1635) «Похищенное Ведро» (*la Secchia rapita*), напечатанная в 1622 г., но написанная им в юности, считается первой ирои-комической поэмой. Ее сюжетом является война Модены и Болоньи, в которой моденцы похищают из Болоньи колодезное ведро и торжественно вешают его на колокольне своего собора. Описание сражений занимает 12 песен.

Поэма Бетлера (*Butler*, или *Boteler*; 1612—1680) «Гудибрас» (*Hudibras*; 1663—1678) является по существу реакционной сатирой против пуритан и английской республики. Приобрела она известность главным образом потому, что о ней неоднократно писал

---

¹ Старые переводы В. Рубана 1772 г. («Омирова Ватрахомиомахия или Война мышей и лягушек») и А. Огинского 1812 г. («Омиров-браня лягушек и мышей») — оба перевода прозой. Отрывок Жуковского 1831 г. под тем же названием с греческой поэмой не имеет ничего общего.

Вольтер, считавший ее образцовой английской комической поэмой. Он перевел из нее в сильном сокращении отрывок из первой песни (см. *Lettres sur les Anglais*, XXII).

Гарт (Garth; 1672—1719) — автор поэмы в шести песнях «Диспансер» (*The Dispensary*), напечатанной в Лондоне в 1699 г., сатиры против докторов и аптекарей, противившихся открытию амбулатории.

Прайер (Prior; 1664—1721) написал поэму «Альма» (*Alma*, or the *Progress of the Mind*; 1718), в которой высмеивал схоластические теории о местонахождении души и предлагал пародически свою гипотезу, по которой душа у ребенка находится в ногах и, постепенно двигаясь вдоль тела, к старости достигает головы. О двух последних поэмах писал Вольтер.

Филипс (Philips; 1676—1708) напечатал в 1703 году поэму «Блестящий Шиллинг», упоминаемую Вольтером.¹

«Похищенный Локон» (*Rape of the lock*; 1712—1714) — поэма крупнейшего английского поэта классической школы Александра Попа (1688—1744), считалась образцовой английской ироико-комической поэмой. Она была переведена на французский язык Мармонтелем. С французского на русский переведена прозой в 1761 году.

«Похищенный Платок» (*Schnupftuch*; 1754) — одна из нескольких комических поэм, написанных немецким поэтом Захарие (Zachariae; 1726—1777). Поэмы его переводились на французский язык, а одна из них («Кот в аде») переведена в 1791 г. прозой Ф. Туманским.

«Рейнеке-лис» (*Reinekefuchs*; 1794) Гёте собственно перевел, или вернее приспособил с голландского. В свою очередь голландский текст является подражанием старофранцузскому «Роману о лисе» (XIII век).

«Оберон» Виланда (1733—1813), появившийся в печати в 1780 году, представляет собою особый тип шутиливой фантастической поэмы с рыцарским сюжетом, которые в начале XIX века обычно именовались «романтическими». «Оберон» имел совершенно исключительный успех. На русский язык он был переведен М. Чулковым в 1787 г. «Оберон» был в свое время настолько популярен, что всякая сказочная шутиливая поэма ставилась в прямую от него зависимость. Так, когда появилась в 1820 г. поэма Пушкина «Руслан и Людмила», в критических отзывах эту поэму сопоставляли с «Обероном». Вот один из таких отзывов, в котором «Оберону» отдается преимущество перед «Русланом»:

«Романтическая поэма г. Пушкина написана в роде «Роланда» Ариоста и Боярда, «Оберона» Виланда, «Рихардета» Фортигверы и, может быть, «Орлеанской Девы» Вольтера. Далеко стихотворец

---

¹ Шаховской вслед за Вольтером называет автора Филипом, а самую поэму — *Brillant Schilling* (в действительности — *The Splendid Shilling*). Что касается «английских журналов», то имеется в виду, очевидно, мнение, высказанное в журнале «*Tatler*», что это «лучшая бюрлескная поэма на английском языке».

наш отстал от Ариоста... Виланд, уступающий Ариосту пальму первенства в способности изобретения пиитического, превосходит в оной г. Пушкина. Гион, отправляющийся в Багдад, по приказанию Карла Великого, дабы вырвать у калифа — с его позволения — четыре коренных зуба и клок волос из почтенной бороды его, и проч. (что составляет главный и общий интерес поэмы Виланда) несравненно для меня занимательнее Руслана... Прелестная Аманса (в «Обероне»), терзаемая жаждою и гладом на необитаемом острове, привлекает у меня слезы; Людмила, напротив, заключенная в замке волшебника Черномора, часто смешит меня» («Рецензент» 1821, № 5).

Статья Вольтера, на которую ссылается Шаховской, называется «*Bouffon, burlesque (bas comique)*» (Шутовское, бюрлескное — низкий юмор) и включена посмертными изданиями в состав «Философского словаря». Статья представляет собой обзор комических поэм с отрицательными отзывами по адресу бюрлескных поэм. «Подобные произведения не создают известности, а опошляют ее». По поводу «Налоя» Буало Вольтер отзывался умеренно: он не относит его к разряду бюрлескных, находя в нем бюрлескным только сюжет; поэму Гарта об аптекарях он ставит выше «Налоя» по богатству фантазии, разнообразию, простодушию тона.

«Известная поэма» Вольтера — это его «Девственница» (*Pucelle*), появившаяся в 1762 г. и представляющая собой, в форме шутовской истории национальной героини Франции «Орлеанской Девы» Жанны Дарк, жесточайшую сатиру против религии, церкви и политического строя Франции. Смелость мысли и обилие нескромных положений поставили эту поэму в положение «запретной». Сам Вольтер долгое время от нее отрекался. Тем не менее это одно из лучших поэтических произведений XVIII в. Запретный характер поэмы помешал Шаховскому назвать ее.

Перечень Шаховского показывает, что он имел в виду вообще комическую поэму и чрезвычайно расширил границы данного им определения. Список шутовых поэм, данный им, более или менее традиционен. Так, Пушкин писал Рылеву, протестуя против строгих требований, предъявляемых к поэзии Бестужевым: «Ужели хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следовательно должно будет уничтожить и *Orlando furioso*, и *Гудибраса*, и *Pucelle*, и *Вер-Вера*, и *Реникефукс*, и лучшую часть *Душеньки*, и сказки *Лафонтена*, и басни *Крылова* etc. etc. etc. etc... Это немного строго» (письмо 25 января 1825 года).

Поэма Шаховского, появившаяся только в 1811—1815 гг. написана значительно раньше, еще до основания *Беседы*, в «Чтениях» которой она напечатана. В 1807 г. уже существовали две песни. Об этом мы узнаем из дневника Жихарева, в котором он описывает вечер, проведенный им 8 мая 1807 г. у Шаховского: «После Крылова читал князь Шаховской начало комической своей поэмы «*Расхищенные Шубы*». Содержание основано на происшествии, случившемся прошедшею зимою в немецком, так называемом *Шустер-Клубе*: пьяный швейцар во время бала перепугал шубы и салоны приезжих гостей, отчего при разъезде произошел беспорядок — вот и всё тут! Но князь Шаховской умел опозитивировать анекдот: в его

стихотворной путке много мест, достойных Буало, поэме которого (le Lutrin) он, по словам его, подражать хотел. Каково-то будет продолжение, а начало, нечего сказать, прекрасно. Совет старшин клуба описан мастерски, и некоторые из них дышат жизнью:

«Сам мастер гробовой Фрейтодт с умильным взором,
«С улыбкой радостной, как будто перед мором!»

(«Отечественные Записки» 1855, № 9, сентябрь, стр. 164—165, «Дневник чиновника» С. Ж[ихаре]ва.)

Понятно, за четыре года, отделяющие это чтение от появления поэмы в печати, автор подвергал ее переделкам: в ней мы находим намеки на события 1810 года.

Клуб, о котором идет речь в поэме, назван Жихаревым: это Шустер-клуб. Самое событие относится к 1806 году. Шаховской довольно точно описывает этот клуб, указывая на его тридцатилетнее существование, подчеркивая его положение где-то на Неве, неподалеку от Адмиралтейства, ибо в III песне клуб открывается тогда, когда адмиралтейские часы пробили семь.

О возникновении Шустер-клуба Вл. Михневич в своей книге «Петербург весь на ладони» (1874 г.) сообщает следующее: «С одним богатым немцем, по фамилии *Шустер*, случилось несчастье, повергшее его в крайнюю бедность; некоторые из его земляков стали собираться по вечерам к нему на квартиру, для препровождения времени. Обедневший Шустер назначен был гостями распорядителем по хозяйственной части, с тем, чтобы дать ему чрез это способ к существованию. Вскоре число посетителей Шустера начало возрастать, и наконец в 1772 г. был ими начертан устав этого клуба, тогда же названного *Шустер-клубом*. С той поры это название сделалось нарицательным для всякого клуба с *мещанским* пошибом» (стр. 229—230). Позднее этот клуб был переименован в Бюргер-клуб («Мещанский клуб» или «Большой мещанский клуб»).

В «Описании столичного города Санктпетербурга 1794 г.» находится описание клуба, повидимому того самого, который является местом действия «Расхищенных Шуб».

§ 975. *Мещанский клуб* воспринял свое начало в 1776 году учреждением мещан и для оных. Ныне находится оный в Адмиралтейской части близ Адмиралтейства и имеет около 600 членов, весьма различного звания и состояния, начиная от ремесленников до людей подполковничьего чина, то есть 7 класса. Члены платили до 1791 года по 15 рублей при вступлении и ежегодно 6 руб. добавки, в 1791 же году определено было платить за вступление по 20 и ежегодной добавки по 8 рублей. Соучастники могут приходить ежедневно, и читать ведомости, играть в карты, шашки или билиард (но не большую игру), курить табак и хорошо кушать и пить за умеренную цену. Зимой бывают в клубе два, иногда три *бала*, на которые члены с женами и дочерьми приезжают, которые столь убраны, благопристойны и вежливы, что чужие оным удивляются. Мужчины, сколь бы ни смягчались, сохраняют гораздо более свойственного их званию» (часть II, стр. 634).

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Ты, музи славная веселостью своей... (стр. 673).

Здесь имеются в виду названные в предисловии комические поэмы: «Налой» Буало и приписываемая Гомеру («отцу стихов») «Батрахомиомахия».

Настали вечера народного веселья... (стр. 674).

Действие происходит на святках, т. е. в период времени от 25 декабря до 6 января.

Готовит новое преслезное творенье... (стр. 675),

Шаховской, как враг сентиментализма, везде подчеркивает свое отрицательное отношение к «слезным» произведениям.

В частности можно предполагать, что в данном месте разумеется Н. С. Краснопольский, который в 1806 году поставил ряд драм: «Гуситы под Наумбургом» из Коцебу, «Монумент Петра Великого» с немецкого и «Железная Маска». По поводу последней Арапов пишет: «Сначала кн. Шаховской не допускал ее на сцену, усиливаясь доказать, что маркиз Лувуа, выведенный коварным интриганом, не был таковым в действительности» («Летопись русского театра», стр. 175).

Вопрос о драме в эти годы подвергался горячему обсуждению, причем Шаховской выступал против драмы. Его противник Лукницкий, напротив, вступаясь за драму, писал: «Хорошая драма всегда лучше посредственной трагедии, хотя бы она была с хорами и балетами, или комедии с дивертисментом, эволюциями и большим спектаклем, что ныне очень в употреблении» («Северный Меркурий», 1810 года, сентябрь стр. 217). Пьесы, на которые намекает Лукницкий: «Дебора», трагедия с хорами и «Полубарские Затеи», комедия с хорами и балетом.

Свой взгляд на сентиментальную драму Шаховской выразил позднее, в 1822 г., в пьесе «Новости на Парнасе», где изобразил изгоняемых с Парнаса Водевиль, Журнал и Мелодраму.

Преслезных странстей семь... (стр. 676).

Эти стихи направлены против Карамзина и его последователей.

«Преслезные странствия» — намек на «Письма русского путешественника», «жалостные баллады» — на баллады Жуковского. Последнее заставляет отнести это место к 1810 году, так как баллады свои Жуковский начал писать в 1808 г. («Людмила») и, следовательно, в первой редакции «Расхищенных Шуб» 1807 г. этого места не было. Репутация Жуковского как балладника упрочилась после выхода в свет «Двенадцати спящих дев» (1810). Указание на подражательность произведений школы Карамзина основывается на подражании самого Карамзина Стерну и на переводности баллад Жуковского (из Бюргера, Шиллера и др.).

Восставая против журналов, Шаховской имеет в виду ближайшим образом «Цветник» и «Северный Меркурий». Ненависть к журналам была догмой Беседы. Шишков в «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии Священного писания» (1811) говорил: «Лагарп в сочинениях своих выводит ясно, какой вред французской словес-

ности нанесли журналы... Лагарп говорит совершенную правду: мы можем то судить по многим печатаемым в журналах наших сочинениям, в которых, от заблуждения ли ума или от повреждения сердца, столько же иногда не щадится нравственность, сколько и рассудок» (стр. 91—92).

Всё то, чем прошедший век как язвой заразился... (стр. 676).

Шаховской перечисляет произведения XVIII века, подготовившие революционную идеологию: «Безбожны письма Фернейска мудреца» — произведения Вольтера; «Разврата полный плач прежних драм тюрца» — очевидно это направлено против Коцебу. Ср. характеристику его драм в сатире Шаховского (стр. 663). «Природы мудрствия, системы ложны света» — здесь имеются в виду ближайшим образом два произведения: «Code de la nature» (Естественный кодекс), появившийся в 1755 г., написанный Морели и содержащий изложение основ утопического коммунизма, и «Système de la nature» (Система природы) Гольбаха (1770) — изложение материалистической философии. Последняя книга вышла под псевдонимом Мирабо.

Ласер (ум. в 1748 г.) — автор книги, вышедшей под разными заголовками. Впервые она появилась в 1745 г. под заголовком «Examen de la religion, dont on cherche l'éclaircissement de bonne foi, attribué à M. de Saint-Evremond». Trévoux, aux dépens de la Société de Jésus (Рассмотрение религии в искренних поисках ее разъяснения; приписывается Сент-Эвремону. Треву, иждивением Общества иезуитов). В том же году эта книга вышла под названием: «La vraie religion démontrée par l'Écriture Sainte», trad. de l'anglais de Gilbert Burnet. Londres (Истинная религия, обоснованная священным писанием; перевод с английского соч. Джильберта Бернета. Лондон). Указания на авторов, на место печатания и на иезуитов — сделано только для маскировки. Книга представляла собой изложение принципов деизма, близких к полному атеизму. В ней опровергались основные догматы христианской церкви (вера в чудеса, в пророчества, в божественность Иисуса Христа, в догмат троицы, в откровение, в первородный грех и т. д.) и доказывалась социальная бесполезность всякой религии. Книга была сожжена по приговору Парижского парламента. В 1761 году вышло новое издание, а в 1789 году она была включена в собрание посмертных сочинений Фридриха II под заглавием «Pensées sur la religion» (Мысли о религии).

Мирабо вероятно не деятель Революции, а псевдоним Гольбаха. Гельвеций (1715—1771) — автор материалистической книги «О духе» (De l'Esprit, 1758). Кондорсе (1743—1794) — автор вышедшего только после его смерти в 1795 г. «Исторического обзора прогресса человеческого духа». Дидро (1712—1784) — главный руководитель «Энциклопедии». Спиноза (1632—1677) упомянут здесь потому, что на его произведения часто ссылались французские материалисты XVIII века.

Еженедельные Глумлинского творенья... (стр. 678).

«Северный Меркурий», журнал, издававшийся Аристархом Лукницким (1778—1811) с 1809 по 1811 г. Журнал выходил сначала

ежемесячно, а с 1 января 1811 г. еженедельно по воскресеньям. Против этого журнала направлена эпиграмма Батюшкова (август 1809 г.):

«Не годеи ни к чему Глупнического журнал».
Зоилы деракые, вы ль это говорите?
Неблагодарные, я разве не видал,
Когда бывало вы табак со мной курите,
Когда что завернуть понадобится вам,
Журнал Глупнического всегда тут пригодится.
Но я вас накажу: ни нумера не дам
Журнала этого, когда вам не заспится.

У Шаховского были какие-то личные счеты с Лукницким; вражда их началась с театральных недоразумений. Лукницкий был переводчиком с французского многочисленных пьес. Арапов в своей «Летописи русского театра» пишет: «В начале 1806 года кн. Шаховской отдал на сцену оперу в 1 действии *«Любовная Почта»*, для которой капельмейстер Кавос сочинил музыку. Эта опера наделала много шума и навлекла много негодований на кн. Шаховского. Его недоброжелатели, коих тогда было у него довольно, укоряли его в том, что сюжет для этой пьесы он заимствовал из задержанной им комедии *«Деньщик-виртуоз»* соч. Лукницкого. В одном из тогдашних журналов было напечатано предостерегающее известие, что в Торговой улице живет похититель литературной собственности, о коем можно узнать от служителя Макара» (стр. 173).

«Северный Меркурий» отличался резкостью нападений на Шаховского. Так, в сентябрьской книжке 1810 г. была напечатана статья за подписью С*** П*** против Шаховского. Статья предварялась обращением автора к издателю, где, явно намекая на Шаховского и его театральную деятельность, С*** П*** писал: «Вся здешняя публика слишком ясно к несчастью всех любителей Талии и Мельпомены видит совершенный упадок театра в *городе Важном*. «Какой ненависти и презрения достоин тот, кто всё *чужое* попирает ногами, считает маловажным, преграждает единственно из подлой зависти все пути к чести и славе *другим*, для того, чтобы выказать *свое*, кто угнетает чужие таланты, и вовсе скрывает их, чтоб обнаружить мнимые *свои*». Автор обещает впредь еще ряд статей «о теперешнем состоянии театра в *городе Важном*, о пьесах, представленных в нем . . . . . и наконец о всех тех злоупотреблениях, пронырствах и низких поступках подлых и коварных душ, служащих к совершенному упадку некогда бывшего славным театра». В самой статье резко критикуются пьесы Шаховского «Полубарские Затеи», «Беглец от невесты», «Дебора», «Новый Стерн», «Любовная Почта». Упоминание последней сопровождается примечанием: «О сей опере не помню в каком журнале было писано, что она взята из комедии *«Деньщик-виртуоз»*. Я помню, что сочинитель *«Деньщика-виртуоза»* весьма явно изобличил *вора* в похищении» («Северный Меркурий», 1810 г., сентябрь, стр. 219).

В 1811 г. нападки журнала на Шаховского не прекращались. Так, во втором номере появилось объявление, понять которое

нетрудно, если вспомнить, что Шаховской жил на Торговой улице, что он страдал недостатками произношения, что у него был слуга Макар:

«Известный сочинитель *Картавин* выбрав уже из всех французских и русских театральных сочинений все лучшие места, просит покорно знающих прочие, как то англинский, немецкий, италийанский, греческий и другие языки перевести ему достойные внимания их чужестранные пиесы; потому, что он сочиняет новую *комическую* комедию, и трафя главное карикатурное лицо на счет дражайшего своего родителя, ищет пособия и в сей натуральной сцене, в чужом разуме. — Имеющие таковые переводы, могут адресоваться в *Продажной* улице, в каменном угольном доме, к камердинеру его *Макару*».

От «Северной Пчелы» до Виленских газет... (стр. 678).

«Северная Пчела» (не смешивать с газетой Булгарина, основанной в 1825 г.) — журнал, который начал выходить в 1807 г., но прекратился на первой книге. Виленские газеты — издававшаяся с 1805 года Виленским университетом *Gazeta Literacka Wilenska*.

В местах, где Эльба в Понт вливает шумны волны... (стр. 679). В Гамбурге, расположенном в устье Эльбы.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Чтение второй песни в Беседе происходило 23 февраля 1813 года. В прочитанной Шаховским редакции находилось несколько сатирических выпадов, исключенных из печатного текста: пародировались стихи Карамзина, по адресу Д. Н. Блудова направлено было замечание, что он будто бы ничего, кроме журнала «*Mercur de France*», не читает и т. п. Об этом мы узнаем из письма К. Н. Батюшкова П. А. Вяземскому от 27 февраля 1813 года:

«Виноват, мой милый князь, перед тобою! Пропустил удобный случай писать с Пушкиным, который отправился отсюда в роковой день, накануне чтения Шаховского «*Расхищенных шуб*»... Утешь его: скажи ему, что Шаховской читал сам свои «*Шубы*» (а он читает как дьячок), что его «*Шубы*» очень холодны; что в его «*Шубах*» не одному Пушкину досталось, но всем честным людям: Карамзину, Блудову. Признаюсь тебе, любезный друг, что наши питерские чудачки едва ли не смешнее московских. Ты себе вообразить не можешь того, что делается в Беседе! Какое невежество, какая бесстыдность! Всякое лицепрятие в сторону! Как? Коверкать, пародировать стихи Карамзина, единственного писателя, которым может похвалиться и гордиться наше отечество, читать эти глупые насмешки в полном собрании людей почтенных, архиереев, дам и нагло читать самому!.. О, это верх бесстыдства! Я не думаю, чтоб кто-нибудь захотел это извинять. Я же с моей стороны не прощу и при первом удобном случае выведу на живую воду Славян, которые бредят, Славян, которые из зависти к дарованию позволяют себе всё, Славян, которые, оградясь шитом любви к отечеству (за которое я на деле всегда был готов пролить кровь свою, а они чернила), оградясь

невежеством, бесстыдством, упрямством, гонят Озерова, Карамзина, гонят здравый смысл и — что всего непростительнее — заставляют нас зевать в своей Беседе от 8 до 11 часов вечера... Вот сию минуту приехал ко мне Блудов, про которого Шаховской написал в своих «Шубах», что он ничего кроме *Meçure de France* не читает. Дмитрий Николаевич так ему отвечал:

«Парнасский Славянин, отцовский цензор строгой,
«Напрасно твой Гашпар за леность мне пенял!

«Я, правда, мало сочинял,

«Но ах, к несчастью, читал я слишком много:

«Я... и твои стихи читал!»

(Соч. К. Н. Батюшков, т. III СПб. 1886 г. стр. 216—218).

Посланием Дружеским, творца стихов различных.

К употребленьям сим особенно приличных (стр. 681).

Дружеские послания — излюбленный жанр карамзинистов. Здесь вероятно ближайшим образом Шаховской имел в виду Вас. Льв. Пушкина как автора послания к Жуковскому 1810 г.

Нам нужны не слова, нам нужно просвещенье (стр. 685).

Речь Спондея представляет собой цитату из послания В. Л. Пушкина к Жуковскому, причем стихи слегка изменены и расположены в обратном порядке. Вот подлинное окончание послания Пушкина:

В славенском языке и сам я пользу вижу,

Но вкус я варварский гоню и ненавижу.

В душе своей ношу к изящному любовь;

Творенье без идей мою волнует кровь.

Слов много затвердить не есть еще ученье:

Нам нужны не слова, нам нужно просвещенье.

Послание Пушкина появилось в 1810 г. в восьмой части журнала «Цветник». Оно было направлено против Шишкова, и с него началась жестокая война шишковистов и карамзинистов. Шишков ответил на это послание в «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии священного писания» (изд. Российской Академии, 1811 г. Цитируемое ниже Пушкиным место находится в примечании на стр. 106). Шишков не назвал Пушкина, но цитировал следующие стихи послания:

Виргилий и Гомер, Софокл и Еврипид,

Гораций, Ювенал, Саллустий, Фукидид

Знакомы стали нам...

На возражения Шишкова Пушкин ответил посланием к Дашкову, которое вместе с посланием Жуковскому издал в 1811 г. (цензурное разрешение 30 сентября 1811 г.) отдельной брошюрой с «Предупреждением»:

«Первое из сих посланий (к В. А. Ж***) напечатано было в 12-м номере «Цветника» 1810 г. и было причиною происшествия весьма странного в нашей словесности. Всем известна польза,

проистекающая из сего рода дидактических сочинений: древние и новые писатели употребляли оные для исправления пороков, или, переходя от общего к частному, для направления на прямой путь в словесности молодых, неопытных авторов. Важная и благородная цель сочинений сих всегда была достойно уважаема. Кто бы подумал, что в наше просвещенное время будут презирать их, подражания оным называть «модными посланиями» и, что всего хуже, отвечать на них непозволительными личностями? В одном «присовокуплении», читанном, как уверяют, в Академии (в чем, однако ж, я весьма сомневаюсь), г. сочинитель говорит следующее: «Сии судьи и стихотворцы в посланиях своих взывают к Виргилиям, Гомерам, Софоклам, Еврипидам, Горациям, Ювеналам, Саллустиям, Фукидидам, затвердя одни только имена их и, что всего удивительнее, научась благочестию в «Кандиде» и благонравию и знаниям в парижских переулках, с поврежденным сердцем и помраченным умом вопиют против невежества и, обращаясь к теням великих людей, толкуют о науках и просвещении!»

«Risum teneatis, amici?»¹ И я, вместо того, чтобы сердиться на такую нескладницу, хотел бы лучше сам посмеяться ей от доброго сердца; но обвинения относящиеся до нравственности и веры слишком важны. Я должен был опровергнуть оные и, кажется, исполнил это во *втором* послании, к Д. В. Дашкову, равномерно навлекшему на себя учтивою критикою гнев новейших наших Славян».

Таким образом в 1811 году послание В. Л. Пушкина к Жуковскому было в центре внимания в кругах, близких к полемике шишковистов с карамзинистами.

Шаховской цитирует послание Пушкина в редакции отдельного издания. В журнале эти стихи читались иначе:

В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу,
Расин и Лафонтен, Вольтер, Руссо, Ламот
Писали уж не так как писывал Марот.
Слов много затвердить не есть еще ученье,
Нам нужны не слова, нам нужно просвещение.

Это дает возможность приблизительно датировать данное место поэмы Шаховского. Оно могло быть написано после появления брошюры Пушкина, т. е. после сентября 1811 г. и до цензурной даты разрешения седьмой книги «Чтений» Беседы — 11 марта 1812 г.

Хотя в «Меркурии» романс твой помещен... (стр. 686).

Опять намек на «Северный Меркурий» Лукницкого и на его содержание. «Большое мещанское общество» (т. е. Шустер-клуб) выписывало этот журнал (см. список подписчиков в декабрьской книжке 1810 г.).

---

¹ «Возможно ли, друзья, удержаться от смеха» — цитата из «Поэтики» Горация, вошедшая в поговорку.

И для того хожу с возвышенной главою (стр. 688).

Пародия стихов В. Пушкина из его послания к Дашкову:

Виргилий и Гомер беседуют со мною;
Я с возвышенною иду везде главою.

Минерва, с тылу встав, героя ухватила... (стр. 689).

Цитата из первой песни «Илиады» в переводе Е. Кострова:

Минерва с небеси превыспренняя грядет,
Белораменная Юноны вняв совет,
Котора сих вождей любя равно, хранила,
Грядет, и с тылу став, Ахилла ухватила
За блестящи власы, быв зрима одному
И не являясь из прочих никому.

К стр. 690

Вторая песнь первоначально имела следующее окончание:

Но лекарь, и стыдом, и бешенством пылая,
Возводит мрачный взор: узря ж, что сам Фрейтод,
Дабы не хохотать, свой закрывает рот,
Он в лютой ярости собранье оставляет,
Идет и Гашпару победу уступает.

Третья песнь, появившаяся через три года после второй, была предварена предисловием:

«Приступая к чтению третьей песни сей поэмы, кажется нужно напомнить содержание двух первых, уже читанных в собрании, и прочесть вновь сделанное окончание второй песни.

«В первой песни Веселость, желая праздновать святки в одном из наших мещанских клубов, входит в оный, но невпущенный ею Раздор, в бешенстве замышляя прервать мир, избирает своим орудием Крестьяна Гашпара, переплетчика и старшину собрания; злой дух ему является в виде давно умершего деда его и внушает мысль для лучшего устройства и соблюдения хозяйства в обществе, сделать двойные ярлыки с номерами, из коих одни должны быть прицеплены на шубы, плащи, салопы и пр., а другие розданы посетителям, чтобы без всякого замешательства они могли по оным отыскать свою одежду.

«Во второй песни Гашпар с сделанными им ярлыками является в совет, в котором заседают старшины общества: Цынгилиус органист, Каратай лекарь, Спондей нотариус, Курц аптекарь. Петипа танцмейстер и гробовой мастер Фрейтод; предложение Гашпара производит спор между старшин, и ссорит его с лекарем Каратаем, который в бешенстве хватает стул, чтобы его бросить в переплетчика. Веселость в сие время влетает невидимо в собрание и хочет прекратить сию ссору, как в Илиаде Минерва прервала прение Ахилла с Агамемноном; она хватает за волосы вспыльчивого лекаря, не приметив, что на нем был парик, который сорвав в смятиении улетает. Старшины, сперва пораженные ужасом, по малу приходят в себя и тут начинается следующее новое окончание второй песни:

«Но лекарь и стыдом и бешенством пылая

И т. д.»

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

К системам вихренным советом причтено (стр. 692).

Намек на систему Декарта, господствовавшую в физике и астрономии до Ньютона. Строение материи и движение планет Декарт объяснял вихревым движением. Вихри Декарта пользовались большой популярностью среди людей, не знакомых основательно с механикой и астрономией; эта популярность продолжалась и тогда, когда в науке теория вихрей была оставлена.

Как новый Вавилон он принужден был сдаться (стр. 693).

Новый Вавилон — Париж. Сдача Парижа союзным войскам произошла 19 марта 1814 г. Очевидно третья песнь «Расхищенных Шуб» писалась уже после этого.

В Коломне, на Песках и даже в Колтовской (стр. 694).

Перечислив разные районы Петербурга, Шаховской в заключение называет Колтовскую улицу как одну из самых отдаленных (на Петербургской стороне) и захолустных.

В огромном здании, внесенном над Невой

Чудесной в Зодчестве Захарова рукой (стр. 695).

Здание Адмиралтейства, достроенное А. Д. Захаровым (1761—1811). Постройка началась в 1805 году и продолжалась еще долгое время после смерти Захарова. В 1815 г. здание еще строилось, но в основном постройка близилась к концу и главные части здания (напр. знаменитая «адмиралтейская игла») уже существовали. Мещанский клуб, в котором происходил описываемый бал, находился недалеко от Адмиралтейства.

Как древле на стенах Троянских восседая (стр. 695).

Эпизод из третьей песни «Илиады». Елена поднялась на башню, откуда открывался вид на поле, где стояли ахейские войска. По просьбе Приама она указывала и называла вождей и героев среди ахеев.

Вспорхнул как Бубликов, Зефира представляя... (стр. 698).

Бубликов (вернее Тимофей Бубличенко) — первый русский танцовщик, по происхождению украинец. В 1738 г. при Анне Ивановне он в числе двенадцати мальчиков поступил в обучение к балетмейстеру Ланде. До этого он был певчим придворного хора. Как пишет Греч, он «не уступал лучшим иностранным танцовщикам; но его никогда не называли по прозвищу (Бубликовым): он славился под именем Тимошки» («Русская Талия» 1825, стр. 21—22). В 1764 г. он был отправлен для усовершенствования за границу. К 60-м годам относится время его наибольшего успеха. Он танцевал и в 70-х годах и был уволен «за ненадобностью» только в 1785 году.

В печати известны только три песни «Расхищенных Шуб». Третья песня напечатана в последней книжке «Чтений» Беседы, а в другом месте Шаховской очевидно не пытался печатать окончание поэмы. Между тем была написана еще четвертая песнь. Об этом мы узнаем

из следующей заметки, помещенной в «Сыне Отечества» (1815 г. часть 20, № 9, стр. 135):

«22 февраля происходило чтение в Беседе Любителей Русского Слова; в нем читали 1) Выписки из книги: «Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах» и пр. перевод *А. С. Шишкова*, 2) «Письмо к членам Беседы» от неизвестного с приложением перевода рассуждений одного жителя Померании, 3) «Счастливый Меналк», идиллия и 4) Четвертая песнь комической поэмы «Расхищенные шубы» кн. *А. А. Шаховского*».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1) Портрет В. Майкова из собрания ИРЛИ (б. Пушкинский Дом) в Ленинграде.

2) В. Майков. Гравюра И. Розонова. Была сделана для издания Платона Бекетова «Собрание портретов Россиян» (1821—1824), но в издание не вошла.

3) Автограф В. Майкова из собрания Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Первые стихи «Елисея». Черновой набросок, который читается:

Пою стаканов звук, пою того героя,
Который во хмелю беды ужасны строя
Быв Вакхом укреплен, в середине кабаков
Бивал и опивал ярыг и чумаков.

Два последние стиха первоначально были:

Под вакховым щитом в середине кабаков
Бивал и опивал ярыг и чумаков.

На той же странице первоначальные наброски нескольких стихов из второй песни:

Среди побоища, среди кровавой сечи
Скочил Ванюшка наш ко витязю на плечи
Перевознесся тем над всею он ордой
Он начал битвою, а кончил сахардой.

(стихи 289—292)

Начальник наша ямския слободы
Предвидел оныя начало всей беды,
К сраженью ямщиков с дреколием поставил,
Почто я род его сказать теперь оставил
Он не был иудей и не был также грек
Он русский был, и был приказный человек,
Коришневым тогда одеян был мундиром
И стал подъячий вдруг над войском командиром,

(стихи 243—250).

На том же листе наброски, относящиеся, между прочим, к оде на взятие Бендер (происшедшее 26 сентября 1770 г.). Это позволяет датировать работу над первыми двумя песнями «Елисея». Она относится, очевидно, к октябрю или ноябрю 1770 года. Таким образом подвергаются сомнению догадки о том, что «Елисей» мог упоминаться ранее этого времени.

4) Портрет М. Чулкова из собрания Русского Музея в Ленинграде.

5) Автограф Александра Котельницкого заимствован из тетрадки под заглавием: «Меры Горацианских Стихов с назначением как в древности каждый род стихов назывался. Труды Александра Котельницкого». Автограф хранится в составе собрания Я. К. Грота в архиве ИРЛИ (б. Пушкинский Дом) в папке бумаг Ф. П. Львова. Повидимому он относится к 1818 году, хотя и не содержит в себе никаких указаний на время написания.

6) Автограф Люценки — начало второй части «Востолы» по рукописи, принадлежащей Г. А. Гуковскому.

7) Портрет В. Л. Пушкина с гравюры С. Галактионова, приложенной к «Стихотворениям» В. Л. Пушкина изд. 1822 г. Портрет является копией гравюры Кенедэ (Quenedey), изготовленной в Париже, методом «физионотраса» (механическое воспроизведение профиля, предшествовавшее фотографии) в 1803 году.

8) Автограф В. Л. Пушкина — последняя страница письма его А. С. Пушкину. Вот текст всего письма:

«Москва 1816 Апреля 17

«Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мне вспомнил. Письмо твое меня утешило, и точно сделало с праздником. Желания твои сходны с моими, я истинно желаю, чтоб *непокойные* стихотворцы оставили нас в покое. Это случиться может только *после дождика в четверг*. Я хотел было отвечать на твое письмо стихами, но с некоторых пор Муза моя стала очень ленива, и ее тормошить надобно, чтоб вышло что-нибудь путное. Вяземский тебя любит и писать к тебе будет. Николай Михайлович в начале мая отправляется в Сарское Село. Люби его, слушайся и почитай. Советы такого человека послужат к твоему добру, и может быть к пользе нашей словесности. Мы от тебя многого ожидаем. Скажи Ломоносову, что непохвально забывать своих приятелей; он написал к Вяземскому предлинное письмо, а мне и поклона нет. Скажи однако, что хоть я и пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мне в любви моей тебя уверять не должно: ты сын Сергея Львовича, и брат мне по Аполлону. Этого довольно. Прости, друг сердечный. Будь здоров, благополучен и не забывай меня.

«Василий Пушкин.

«П: П: вот эпитафия, которую я сделал в *Яжелбицах*.

«*Сходство с Шихматовым и хромым почтальионом.*

«Шихматов, почтальон! Как не скорбеть о вас.

«Признаться надобно, что участь ваша злая;

«У одного, нога хромая,

«А у другого хром Пегас.

«В Яжелбицах, мы нашли почтальиона хромого, и Вяземский мне эту задал эпитафию».

Письмо это являлось ответом на стихотворное послание Пушкина; на него последовал ответ в прозе и стихах. Приведенная здесь эпиграмма была одним из поводов к переименованию Василия Пушкина в Арзамасе из «Вот я вас» в «Вотрушку».

9) А. А. Шаховской, с гравюры, приложенной к альманаху «Русская Талия», изд. Ф. Булгарина 1825 г.

10) Автограф Шаховского из исторической комедии-водевиля «Федор Григорьевич Волков или день рождения русского театра» (представлено в первый раз в Москве 4 января 1828 г., напечатано в журнале «Репертуар русского театра», 1840 г.):

Ч у л к о в. Да теперь уж почти все гости

А. П о п о в. разошлись.

Ч у л к о в. Да, иные разошлись, иные развелись, а иные и разнеслись.

№ 20.

У нас в питье считаются три класса
Один тогда, зовется пить в красу,
Когда огонь зардеется вокруг глаза
И расцветут пионы на носу.

11) Портрет Шаховского с акварели Павла Яковлева в альбоме Е. Измайловой около 1820 года. Хранится в архиве ИРЛИ Академии Наук (б. Пушкинский Дом).

СЛОВАРЬ К ИРОНИКОМИЧЕСКИМ ПОЭМАМ

А б и е, тотчас, немедленно. Употреблено как устаревшее слово.

А в р о р а (миф.), богиня утренней зари.

А г а м е м н о н, один из главных героев «Илиады», греческий вождь во время Троянской войны, сын царя Атрея, предводитель аргиев.

А г л а я (миф.), младшая из трех Граций, богинь красоты.

А д о н и д, см. **А д о н и с**.

А д о н и с (миф.), молодой красавец, возлюбленный Венеры. Имя его употребляется иронически в значении щеголя, «покорителя сердец».

А к о н и т у м (Aconitum), ядовитое растение из семейства лютиковых; из него готовится сильный яд, применяемый в медицине.

А к т е о н (миф.), 1) «Сильное пристрастие к псовой охоте имел: некогда ходя за охотою пришел к источнику Гаргафии, где увидел моющуюся нагую Диану, которая толь сильно на него озлобилась за причиненный от него ей стыд, что яростными обругав его словами, превратила тотчас в оленя, и отдала собственным его собакам на снадение. Баснь сия не иное что означает как пристрастившихся к псовой охоте дворян, и часто не по мере своего достатка содержащих великое множество собак, которые также как и прочие звери воздухом и ветром питаться не могут, вытьем своим скучают каждый день барскому карману, который приходя день ото дня в изнеможение, гонит наконец своего хозяина к крайнему раззорению» («Храм Древности» — мифологический словарь 1771 г.).

2) Коринфский мальчик, убитый Архием, правителем Коринфа из рода Бакхидов. Архий за свое преступление был изгнан из Коринфа и, прибыв на Сицилию, основал Сиракузы.

А л а г р е к, в греческом стиле. Прическа, в конце XVIII в. модная у мужчин.

А л е к с а н д р, на французских картах XVIII в. — король треф. Ср. **Д а в и д**. Майков подробно описывает изображение, находившееся на этой карте. Главной принадлежностью этой карты был геральдический щит с изображением льва.

А л е к с а н д р Македонский, великий завоеватель древности; покорив Персию, Египет, Индию и основав величайшую по размерам монархию, он предполагал соорудить флот для покорения Аравии, Африки и др. стран, но умер в 323 г. до н. э., не осуществив своего плана.

А л к и н о я, правильнее Алкифоя, мифологическая героиня, превращенная Вакхом в летучую мышь за неуважение к Вакханалиям.

А л к м е н а (миф.), мать Геркулеса, которого она родила от Юпитера, явившегося к ней в образе ее мужа, Амфитриона, царя Фив.

А л ц е с т а, мифологическая героиня, попавшая в ад и выведенная оттуда Геркулесом.

А м б р о з и я (миф.), пища богов, дававшая им вечную молодость и бессмертие.

А м м о н (миф.), египетский бог, отождествлявшийся в Греции и Риме с Юпитером (Зевсом).

А м ф и о н (миф.), музыкант, сын Зевса, своей игрой на лире очаровывал камни.

А м ф и т р и т а (миф.), богиня морей, жена Нептуна.

А н д р о м е д а (миф.), дочь эфиопского царя Кифея и Кассиопы. За гордость матери, хвалившейся, будто она превосходит красотой nereид, была отдана на съедение киту, но спасена Персеем.

А н х и з, отец Энея.

А о н и д ы, то же, что **Музы** (см).

А п о л л о н, или **Феб** (миф.) «Бог света и стихотворства, сын Юпитеров и Латонии; когда представляют его солнцем, тогда изображают окружена солнечными лучами, проезжающего Зодиак в колеснице своей, заложенной четырьмя белыми конями; колчан и стрелы обыкновенные его признаки; также и лира» («И то и сё»). Аполлон — предводитель муз, являлся богом искусств и наук, и в частности поэзии, музыки и врачевания. Ему был посвящен лавр, откуда обряд венчания лавровым венком. К жрецам Аполлона обращались за прорицаниями.

А р а х н а (миф.), искусная пряжа, осмелившаяся вызвать богиню Афины на состязание в этом искусстве. Богиня превратила ее в паука.

А р г и н а, на французских картах XVIII в. — дама треф. Ср. **Д а в и д**. Аргина изображалась с веером.

А р г и с ц ы, или аргивяне, жители Аргоса; см. **А г а м е н о н**.

А р г у с (миф.), всевидящее, стоглазое чудовище. Гера поручила ему следить за возлюбленной Зевса Ио. Когда, по приказанию Зевса, Гермес убил Аргуса, Гера пересадила глаза его на хвост павлина.

А р и а д н а, мифологическая героиня, дочь Миноса, выведшая царя Тезея из лабиринта при помощи клубка ниток, бежавшая с ним и покинутая им на острове Наксосе. Позднее — жена Бахуса.

А р т е м и д а, см. **Д и а н а**.

А с и ч к а, круглая мужская шапка. Здесь в переносном значении — парни: мужчины, носящие асички.

А с м о д е й, библейский злой дух, демон сладострастия, разрушитель браков. В Талмуде именуется князем демонов. Лесаж вывел его как действующее лицо романа «Хромой Дьявол» (1707): он снимает крыши с домов Мадрида и показывает все скрытое. После этого романа имя Асмодея стало употребляться в значении хитрого, лукавого демона, проникающего все тайны.

Аспазия, жена Перикла, вождя афинской демократической партии (V в. до н. э.), знаменитая красотой, мудростью и образованностью. В доме Аспазии и Перикла собирались художники, философы и поэты (Фидий, Сократ, Софокл и др.). В литературе: имя Аспазии, отчасти под влиянием сатирических памфлетов политических противников Перикла, приобрело значение хозяйки модного салона, отличающейся свободой нравов, куртизанки высшего полета.

Аська см. **Асичка**.

Атрид, см. **Агамемнон**.

Афродита, см. **Венера**.

Ахелой (миф.), речной бог, сын Океана. Превратившись в быка, сражался с Геркулесом, который сломал ему рог. Нимфы сделали из его рога — рог изобилия. Ахелоево племя — его три дочери сирены — наполовину женщины наполовину птицы. «Сладостью своего пения всех проезжающих по морю привлекали к себе и принуждали терпеть кораблекрушение с потеряннием жизни» («Храм Древности»). Сирены вступили в состязание в пении с музами, были побеждены и за дерзость лишились перьев.

Ахиллес, или **Ахилл**, главный герой «Илиады», храбрый вождь греков. «Сын Фетиды и Пелея, царя фессалийского. По рождении мать погружала его в Стикс, держа за пятку, которая одна осталась уязвляема. Кентавр Хирон его воспитывал мозгами диких зверей. Под Троею оказал он великую храбрость и убил непобедимого Гектора, влюбился в Поликсену, дочь Приамову, и убит Парисом, братом ее» («И то и сё»).

Ацест, царь Сицилии, к которому в своих странствиях прибыл Эней.

Аяксы, два греческих полководца Троянской войны. Старший Аякс, по Гомеру, самый храбрый из греков, посол Ахиллеса. Убил себя в ярости, что оружие последнего досталось не ему.

Барская барыня, у русских зажиточных дворян: старшая служительница или приживалка, состоявшая при помещице.

Баста, в ломбере — туз треф, имевший всегда значение третьего козыря.

Баханки, вакханки, «Жрицы Вакховы, совершали празднество ему ночью с великим шумом, криком, неистовым бешенством, страшными телодвижениями, на подобие лишенных ума» («Храм Древности»).

Бахарь, краснобай, балагур, рассказчик.

Беллона (миф.), богиня войны у древних римлян.

Битъ, тонкая сплюснутая проволока для золотканной работы.
Близнятки, созвездие Блинецов, знак Зодиака, в который солнце вступает в мае.

Бонки, карточная игра. «Игра сия по большей части играетсЯ без денег и чаще употребляется в училищах, нежели между частными людьми. Но чтоб сделать оную забавнее и веселее, то за поднятого козыря по числу ок бьет каждый столько раз жгутом по руке. В таком случае оставшегося последнего козыря тот, кому должно, с трех приемов должен сухим лбом отделить от стола,

иначе рукою расплатится» (Гр. Комов, «Описание карточных игр», 1778 г.).

Б о р е й, у древних — северный бурный ветер.

Б о р и с, хороводная игра «Бориса женить» состоит в том, что при пении определенных песен парень, принявший роль Бориса, выбирает в хороводе девушку. Игра эта имеет обрядовый характер. Ее приурочивают к «Русальной неделе», к дню «провода русалок» (понедельник после Семика, т. е. в начале июня или в конце мая по ст. ст.).

Б о р о в, Боровичи, ныне районный город Ленинградской обл. (на реке Мсте).

Б р и а р е й (миф.), сторукий, пятидесятиголовый гигант. Сын Неба и Земли.

Б р у т, вождь восстания, в результате которого был изгнан из Рима царь Тарквиний (510 до н. э.) и учреждена республика. Брут был избран консулом. Отдаленная аналогия с судьбой Наполеона дала повод авторам «Похищения Прозерпины» назвать последнего Брутом.

Б у з н и к, торговец бузой — напитком из заквашенной овсяной муки и проса.

Б ы ч о к, крестьянский танец.

В а б и т ь, приманивать на охоте зверей.

В а в и л о н, древняя столица Вавилонии, известная разнузданностью нравов. Новым Вавилоном называли Париж.

В а к х или Бахус (миф.), «сын Юпитера и Семелы, дочери Кадма, царя Фригийского, бог вина и веселостей. По рождении зашил его Юпитер в свою беду и отнес в Ниссу, в Ефиопию, за Египтом лежащую, где он и воспитан. Завоевал Индию войском, состоящим из мужчин и женщин, кои имели вместо оружия виноградные ветви и бубны, и побежденных обучил садить виноград и был столько благодетельный государь, что из благодарности его подданные построили ему много храмов и жертвенников. И когда хотели, чтоб были сохранены их винограды, то приносили ему петухов за жертву. Посвящены ему козлы и рыси, также львы и тигры, дабы изъяснить свирепство происходящее от пьянства; посвящено также и плющевое дерево, для чего Овидий и назвал его Киринойфер, плющенокный» (М. Чулков, «Краткий мифологический словарь»).

В а л а а м, библейский персонаж, маг и прорицатель, привлеченный моавитянами для борьбы против израильтян.

В а л д а й, город на дороге из Петербурга в Москву, в 320 верстах от Петербурга. Пoblзости от Валдая находились ямские станции — Яжелбицы, в 14 верстах к Петербургу, и Зимогорье, в двух верстах к Москве. Обычное место остановки проезжих, Валдай уже в XVIII веке был известен своими притогами для кутежей. Той же славой развращенности нравов пользовались и ближайшие станции. Об этом писали Радищев, Державин и большинство путешественников русских и иностранных XVIII и начала XIX века.

В е н е р а (миф.), «богиня красоты и богиня любви, дочь Неба

и Земли, или Юпитера и Дианы, а по мнению других, родилась из морской пены около Цитеры, мать Граций и Амура. Парис, пред которым явилась она во всем своем сиянии, дал ей яблоко, за преимущество в красоте, о которой Юнона и Паллада с нею спорили. По разным местам, в которых ей поклонялись, разные и имена имела. Греки, думая, что она родилась из морской пены, называли ее Афродитой; другие Кипридой, Кифариею и так далее. От Меркурия родила она Гермафродита, от Анхиза Енея, от Марса Гармонию и Купидона, и от многих других; имея везде храмы» (М. Чулков, «Краткий мифологический словарь»). Ср. Вулкан.

В е р т у м н (миф.), бог осени и созревания плодов, муж Помоны.

В е с т а л к и (миф.), жрицы Весты, богини домашнего очага и целомудрия, девственницы.

В з р а ч н ы й, красивый, привлекательный.

В и з а н т с к и й, византийский, греческий. См. Царьград.

В и н и, вина, в картах то же, что пики.

В и р г и л и й М а р о н (70—19 до н. э.), римский поэт, автор эпикос и поэм «Георгики» (о земледелии) и «Энеиды», национальной эпопеи, послужившей образцом для позднейших эпических поэм.

В о л ж а н ы й, кнут, сделанный из веток волжанки (особого кустарника).

В о л я (французское vole), в ломбере особый способ объявления игры, при котором игрок, объявляя козырную масть, сохраняет за собой право прикупки. Перед волей имеют преимущество поляк и санпрандер.

В у л к а н (миф.). «По общему всех стихотворцев согласию, Вулкан называется богом огня и кузнецом Юпитеровым. Фабрика его по древнему баснословию в горе Этне. За безобразие низвержен с неба и от того падения сделался хромоногим. Жену имел Венеру» («Храм Древности», мифологический словарь 1771 года).

В ы ж и г а, ценный металл (серебро), выжженный из парчевой ткани.

В ы с т у п ц ы, туфли.

В ы т н ы й, взрослый, сильный.

В я х а, удар.

Г а й, шум, крик.

Г а й т а н, шнурок.

Г а л л, немецкий город Галле, известный своим университетом, основанным в 1694 г.

Г а н и м е д (миф.), красивый юноша, любимец Юпитера, поручившего ему разливать богам нектар.

Г а р п и и (миф.), богини вихря, крылатые чудовища с девичьими лицами.

Г е б а (миф.), богиня юности, дочь Зевса, служительница богов, наливающая им нектар. Изображается с кубком.

Г е г е н а, то же, что геенна — ад.

Г е к а т а (миф.), богиня луны и ночи, вызывающая души мертвых из преисподней.

Гекуба, по Гомеру, супруга троянского царя Приама и мать Гектора. После разорения Трои попала в рабство грекам и утопилась, бросившись в море.

Геликон, гора в Греции. На вершине ее была роща, посвященная Аполлону и музам. Слово это употреблялось в значении «поэзия», «литература».

Герийон (миф.), чудовищный царь Гадеса, обладавший тремя туловищами; был убит Геркулесом.

Геркул, см. **Геркулес**.

Геркулес (миф.). «Сын Юпитера и Алкмены, жены Амфитрионовой; он был весьма храбр, и будучи еще в колыбели, перервал пополам двух змий, посланных на него от Юноны. Впрочем приписывают ему двенадцать подвигов весьма славных. Представляют его с булавою и покрытого львиною кожей, которого убил он в немейском лесу. Мужество и силу свою употреблял он в пользу человеческого рода и для того причтен в число богов». («И то и сё»).

Герострат (миф.). Готовый любой ценой приобрести себе славу, Герострат сжег храм Дианы в Эфесе, считавшийся одним из семи чудес света.

Гиганты (миф.), чудовищные великаны, восставшие против олимпийских богов, но побежденные. Некоторые из них были погребены живыми под вулканическими горами: в их движениях древние народы видели причину землетрясений.

Гимен, или Гименей (миф.), бог брака, изображаемый в виде крылатого мальчика с факелом.

Гнет, пресс.

Голбец, чулан или отгородка у печки в избе, со сходом в подполье.

Голи. «В голях» — ни при чем, в нужде; «с голями» — ни с чем, с пустыми руками.

Голубец, крестьянский танец.

Гомер, предполагаемый автор греческих эпических поэм, «Илиады» и «Одиссеи» — об осаде Трои и о странствиях одного из участников Троянской войны, Одиссея.

Горгона, см. **Медуза**.

Горка, «Горка есть одна из известнейших картежных игр, в настоящее время в России употребляемых, и не смотря на то, что состав игры сея, основанной совершенно на счастье, столь завлекателен, что при малейшей горячности, а особливо в случае проигрыша, можно проиграть в нее в несколько часов весьма большую сумму, она имеет множество своих приверженцев, а особливо между людьми среднего состояния, которые занимаются ею чем с большим пристрастием, тем с большим удовольствием» («Новейший русский карточный игрок» 1809 г.).

Гриф, фигура фантастического животного с головою орла и телом льва, употребляемая для украшения зданий.

Гудок, старинный народный струнный инструмент. употреблявшийся скаморохами. В поэтическом языке XVIII в. гудок — символ «низкой» комической поэзии в противоположность лире — символу высокой поэзии.

Г у - к в а н г — иначе **Х у - г у а н**, китайская провинция впоследствии разделенная на две: Ху-нань и Ху-бей. В горных частях этих провинций находятся месторождения горного хрусталя.

Г у л ю ч к и, видоизменение игры в жмурки.

Г у л я ф н а я в о д а, розовая настойка — духи.

Д а в и д, во французских картах XVIII в. — король пик. На картах этого типа (так называемых *cartes au portrait de Paris*) фигуры изображались в виде исторических или библейских персонажей, с обозначением их имен.

Д а н а я (миф.), дочь аргосского царя, который заключил ее в темницу, так как, по предсказанию, он должен был погибнуть от руки сына Данаи. Зевс, плененный красотой узницы, проник к ней в виде золотого дождя. Даная родила от Зевса сына Персея.

Д е д а л (миф.), художник, архитектор, построивший знаменитый Лабиринт, в котором был заключен Минотавр. Способствовал освобождению Тезея, который убив Минотавра, при помощи врученной Дедалом Ариаднени, нашел выход из лабиринта. Чтобы спастись от преследования Миноса, сделал себе и сыну Икару искусственные крылья.

Д е л ь ф и й с к и й х р а м, посвященный Аполлону, в древности славился прорицаниями, приносимыми жрицей храма — пифией.

Д е м о к р и т, греческий философ, живший в IV в. до н. э. Основатель атомистики. Прозван был «смеющимся философом» за высмеивание людей.

Д и а н а, или **А р т е м и д а** (миф.), «богиня непорочности, или чистоты, также охоты, лесов и гор, дочь Юпитера и Латоны. Представляют ее в охотничьем платье с луком и с стрелами; а на голове у нее обыкновенно бывает полумесяц; ей посвящены олени и вепри» («И то и сё»).

Д и в и й, дикий.

Д и й, одно из имен Плутона. В поэмах Чулкова — Юпитер.

Д и о м е д (Диомид), мифологический герой, кормивший своих лошадей человеческим мясом. За это был убит Геркулесом.

Е в в и н о о т р о д ь е, люди (по имени Евы — библейской праматери, жены Адама, первого человека).

Е в р (миф.), восточный ветер.

Е г и д или эгид (миф.), чудесный щит, изготовленный Вулканом для Юпитера. «Под сенью эгида» — под надежной защитой, в полной невредимости.

Е л е н а, героиня «Илиады». Красота ее послужила поводом к Троянской войне, так как Елена была похищена троянцем Парисом у ее мужа Менелая. В «Расхищенных Шубах» (песнь III) упоминается эпизод из третьей песни «Илиады», когда Елена показывает Приаму и троянским старейшинам греческих вождей и называет их по именам.

Е м ь, хватать.

Е о л, см. Э о л,

Е о л и я, см. Эолия.

E r g o, «следовательно». Обычное слово в судебных и научных рассуждениях, которые в средние века приносились полатыни. Слово «ergo» стало признаком педантизма и мнимой учёности.

Е р и д м и я, жена прорицателя Амфиарая. Муж ее, предсказав, что ему суждено погибнуть при осаде Трои, скрылся, но Еридия, прелестная ожерельем, указала где он прятался. По обещанию, данному отцу, сын Еридии Алкмеон отомстил за смерть отца, убив свою мать.

Ё р и т ь — балагурить, озорничать.

Е р и х о н с к а я р о з а, растение с белыми цветами, иначе называемое анастатика.

Е р к у л, см. Геркулес.

Е р м и й, или Гермес, греческое имя бога Меркурия. Сын Юпитера, бог торговли и воровства, посол Олимпийских богов. Его атрибуты — крылатые сандалии и кадуцей (см).

Е р у с л а н, богатырь, герой популярных сказок, распространенных в рукописных списках в XVIII в. Некоторыми деталями сказки о Еруслане Лазаревиче воспользовался Пушкин в поэме «Руслан и Людмила».

Е с к у л а п, см. Эскулап.

Е т н а или Этна, огнедышащая гора в Сицилии.

Ж а р ё х а, порка, драка.

Ж л у д и, в картах то же, что трефы.

З а б о б о н ы, вздор, пустяки, чепуха.

З а с ы к а т ь, засучить рукава.

З е ф и р (миф.), западный легкий ветер.

З и м о г о р ь е, см. Валдай.

З о б а т ь, есть, жадно глотая и набивая рот.

И к а р (миф.), сын Дедала. Вместе с отцом спасаясь от преследования Миноса с помощью искусственных восковых крыльев, занеся слишком высоко и приблизился к солнцу; крылья его растаяли, он упал в море и утонул.

«**И л и а д а**», древнегреческая поэма об осаде Трои — прототип позднейших эпических поэм; приписывается Гомеру.

И л и о н, Троя.

И м а м, магометанский священник.

И н а х (миф.), отец По и Аргуса.

И н в а л и д н ы й д о м, дом призрения для раненых и больных воинов и их семей. Первый И. д. был учрежден при Екатерине II и находился на Каменном острове в Петербурге.

И о (миф.), любимая Юпитером девушка, скрывавшаяся от ревнивой Юноны под видом коровы. Юнона приставила Аргуса следить за ней.

И п о к р е н а (миф.) источник на склоне Геликона, посвященный музам. Вода Ипокрены возбуждала поэтическое вдохновение.

И п п о л и т (миф.), прекрасный юноша, удалявшийся от женщин, сын Тезея, перед которым был оклеветан страстно влюбленной в него мачехой Федрой. Когда Ипполит ехал на колеснице, Нептун, внявший мольбе Тезея, выслал морское чудовище; оно испугало лошадей, которые понесли и расшибли колесницу; при падении Ипполит был убит. Миф о Федре и Ипполите послужил темой многих трагедий, между прочим «Федры» Расина (1677).

И р а к л, Иракий, см. Геркулес.

И р и д а (миф.), богиня радуги, вестница богов, поручения которых она разносит с быстротою ветра. Прислужница Геры.

И р и с а, см. И р и д а.

И о в и ш, то же, что Юпитер (от латинского Iovis через посредство польского Jowisz).

К а д у ц е й (миф.), жезл Меркурия, представляющий собой крылатую палочку, обвитую двумя змеями. Кадуцей символизировал мир и торговлю.

К а р л, в картах французского образца король червей; изображался с мечом. См. Д а в и д.

К а р т у ш, французский вор, предводитель шайки бандитов, знаменитый своими приключениями. Казнен в 1721 г. Имя его было чрезвычайно популярно, и на тему о его приключениях существует целая литература (жизнеописание, драма, поэма).

К а с т а л ь с к и й к л ю ч (миф.), источник, посвященный Аполлону на склоне Парнасса. Возбуждал поэтическое вдохновение.

К а т к а, драка.

К а ч е л и к р у г л ы е, состоят из перекидных сидений, подвешенных к перекладинам, вращающимся вокруг горизонтальной оси; качающийся подымается и опускается, описывая полный круг.

К е н т а в р ы (миф.), фантастический дикий народ Фессалии — полулошади, полулюди.

К л ё к, лучший, отборный.

К л и о (миф.), муза истории и эпоса, одна из девяти муз.

К о в, коварный умысел, злоумышление, козни.

К о д и л ь я или кодиль, исход игры в ломбер, когда выигрывает не тот, кто объявил игру.

К о к л ю ш к и, шутки, вздор (собственно — мелкие брусочки, подвешиваемые к ниткам при плетении кружев).

К о л е т (франц. collet), воротник.

К о л л е ж с к и й а с с е с с о р, см. Чины.

К о р н е т, женский головной убор, чепчик.

К о с н и к, лента или что-нибудь другое, крестьянскими девушками к концу косы приплетаемое для украшения» (Словарь Академии Российской).

К о ш к и, плеть, оканчивающаяся многими хвостами. Кошки применялись как орудие наказания.

К р а л я, в картах то же, что дама.

К р а м а з и н ы й, темнокрасный, малиновый (от французского *cramoisi*).

К р у п ч а т к а, здесь — мельница, круподерка.

К у к а н, привязь, веревка.

К у л а г а, саламата, сложеное тесто, лакомое постное блюдо.

К у п и д о н или **Купидо** (миф.), то же, что Эрос, Амур, бог любви, сын Венеры. В поздних мифах признавалось существование множества купидонов, составлявших свиту Венеры. Купидон изображался крылатым ребенком, иногда с колчаном, луком и факелом.

К у р и л к а, старинная комнатная игра из разряда игр в фанты. Горящую лучинку при пении «жив, жив курилка» передают из рук в руки. У кого она погаснет, тот платит фант.

Л а б е т (франц. la bête — зверь, дурак), штрафной взнос в игре в ломбер, уплачиваемый игроками в определенных случаях, например, когда они сбрасывали карту другой масти и т. п.

Л а з а р я п е т ь. Песня о двух Лазарях, бедном и богатом, на евангельскую тему, обычно распевалась нищими-слепцами; она отличалась однообразным тягучим печальным напевом. Отсюда выражение «петь Лазаря» — униженно и надоедливо выпрашивать, кланяться.

Л а о д а м и я (миф.), дочь Беллерофонта, любовница Юпитера, от которого имела сына Сарпедона, впоследствии союзника троянцев. Лаодамия была убита Дианой.

Л е в и а ф а н, библейское сказочное чудовище в виде огромного крокодила.

Л е в к а с и т ь с я, штукатуриться, в переносном значении — белиться.

Л е д а (миф.). От связи ее с Зевсом, принявшим вид лебедя, родились Елена, виновница Троянской войны, Кастор и Поллукс.

Л ы с т и, колена, ляжки (церковно-славянское слово, употреблявшееся как признак высокого стиля).

Л ю ц и ф е р (по-латыни — светоносный), утренняя звезда, поэтическое название планеты Венеры.

Л я х а, платок.

М а й д а н, в просторечии место, где собираются для азартных игр; в данном случае имеется в виду игра в кости.

М а л ь г е р б, или **М а л е р б** (1555—1628), французский поэт, оды которого считались образцовыми.

М а н á. «Денежка манá» — поговорка, употребляемая в значении: деньги — приманка, соблазн, за деньги все можно сделать.

М а н и л и я, в ломбере вторая козырь; если козырной была красная масть, то манилией была семерка той же масти, если черная масть, то двойка козырной масти.

М а р о н, см. **В и р г и л и й**.

М а т а д о р ы, в ломбере почетные карты: ш п а д и л ь я, м а н и л ь я и б а с т а (см.).

М а т е д о р, см. **М а т а д о р ы**.

М е д е я (миф.), жена **Я з о н а** (см.), дочь колхидского царя, волшебница, причинившая своими чарами много бедствий.

М е д у з а (миф.), одна из голов Горгоны, олицетворяющей ужасы ада. Голова Медузы, отрубленная Персеем, была укреп-

плена на щите Афины, Эгиде. Смотревшие в глаза Медузы превращались в камень.

Менелай (миф.), спартанский царь муж Елены, у которого ее похитил Парис, из-за чего возникла Троянская война.

Ментор (миф.), друг Одиссея и воспитатель его сына Телемаха. Имя Ментора употребляется в значении строгого и педагогического наставника.

Минерва (миф.), она же Афина и Паллада, богиня мудрости и покровительница ремесл. Была искусна в пряже и вышивании. См. **Арахна**.

Миной, см. **Минос**.

Минос (миф.), древний критский царь, законодатель, муж **Пазифаи** (см.). После смерти он в подземном царстве Плутона судит души умерших.

Миркриса, или **Милитриса**, действующее лицо сказки о Бове, красавица. Имя ее — искалеченное латинское слово *Meretrix* — распутница. В русских сказках истинное значение этого имени было забыто.

Могильяк, могильщик.

Мом (миф), см. **Момус**.

Момус (миф.), «сын сна и ночи, бог насмешства; упражнение его состояло в том, чтоб рассматривать дела как богов, так и человек, а после бы над ними насмеяться» (М. Чулков, «Краткий мифологический словарь»).

Морфей (миф.), бог сна и сновидений.

Мосол, большая кость.

Музей, греческий поэт XIV в. до н. э., современник Орфея. Произведения его известны лишь по названиям, а о его жизни сохранились лишь недостоверные известия.

Музы (миф.), богини-покровительницы искусств и наук, дочери Юпитера и Мнемозины. Их насчитывали девять: Клио, муза истории, Мельпомена — трагедии, Талия — комедии, Эвтерпа — музыки, Терпсихора — танца, Эрато — любовной поэзии, Каллиопа — эпической поэзии, Урания — астрономии, Полигимния — лирики. Предводителем муз был Аполлон. По месту особого почитания муз (Аонийские горы в Беотии) их иногда называли Аонидами.

Надворный советник, см. **Чины**.

Назол, доука, тоска, досада (ср. назойливость).

Нарцисс (миф.), был влюблен в собственное свое отражение в воде ручья. Утонул, бросившись в воду, и был превращен в цветок, названный его именем.

Начовка, корыто, ясли.

Нот (миф.), южный бурный ветер, нагоняющий дождевые тучи.

Нума, мифический царь Рима (VII в. до н. э.), отличавшийся благочестием. Его советницей была нимфа Эгерия, вдохновлявшая его на пророчества.

Овидий (43 до н. э. — 17 н. э.), римский поэт, автор лирических стихотворений и нескольких поэм, среди них — «Метаморфозы» («Превращения»): стихотворное изложение мифов.

О г и е р, на французских картах XVIII в. — валет пик (по изображенному на этой карте герою рыцарских романов, товарищу Роланда). Огиер, или Ожье, изображался в сопровождении собаки.

О г н е в и ц а, горячка.

О г у р ь, бездельник, лентяй.

О к с ф о р д, город в Англии, известный своим университетом.

О л и м п, главная вершина гор в Греции. Считалась обитающим богов.

О л о ф е р н, по Библии ассирийский полководец, стоявший во главе войск, посланных на Иудею. Был убит прекрасной еврейской Юдифью, соблаздившей его, чтобы спасти свой народ.

О м ф а л и я, или **О м ф а л а** (миф.). «Царица Лидийская, жена Геркулесова, за то, что соответствовала страсти сего героя, убил он змея, который опустошал земли оной государыни подле реки Сангары. Геркулес был столько влюблен в Омфалу, что оставил свое оружие, в угодность ее брал прялку и прядл вместе с женщинами» (М. Чулков, «Краткий мифологический словарь»).

О п с (миф.), то же, что **Р е я**, жена Сатурна, мать Зевса, Нептуна и Плутона. Здесь «Опиным сыном» назван Нептун.

О р е с т (миф.), сын Агамемнона, героя Троянской войны, убитого своей женой Клитемнестрой. Орест отмыл за смерть отца убийством матери. Его постигло безумие, и он не находил себе места, преследуемый фуриями. Единственным его утешителем был неразлучный с ним друг Пилад. Миф об Оресте послужил сюжетом многих трагедий.

О р ф е й (миф.), поэт. Потеряв любимую жену Эвридику, спустился за ней в ад. Прельстив Плутона своей замечательной игрой, он получил разрешение вывести Эвридику из ада при условии, что он ни разу до выхода оттуда на нее не взглянет. Нарушив обещание, он потерял Эвридику навсегда.

О р ш а д (правильнее оржат: франц. orgeat), прохладительный напиток, приготовляемый из солода или из миндаля.

П а в л о в с к и й з а м о к, замок сделанный в селе Павлове Нижегородской губ.; в XVII в. Павлово славилось своими кузницами, на которых выделывались главным образом замки. В XVIII в. замки эти делались на заводе, построенном гр. Шереметевым.

П а з и ф а я, жена Миноса. Чтобы наказать Миноса, скрывшего жертвенного быка, Нептун вселил в Пазифаю противоземную страсть к этому быку. От этой связи родился Минотавр — полубык, получеловек.

П а з и о ч и т ь, отрезать задние лапы у зверей.

П а л я, удар линейкой по пальцам.

П а н г л о с с, одно из главных действующих лиц в романе Вольтера «Кандид» (1759), доктор Панглосс, воспитатель Кандида, убежденный оптимист, несмотря на различные переживаемые им бедствия; среди них тяжелая болезнь, в результате которой он лишился носа.

П а р и д, см. **П а р и с**.

П а р и с (миф.), герой «Илиады». Спор трех богинь — о том, которая из них прекраснее, — решил в пользу Афродиты, которая

за то покровительствовала ему в похищении Елены (см.). Гера (Юнона) мстила ему в течение всей Троянской войны.

П а р н а с с (миф.), гора в Греции, местопребывание Аполлона и муз.

П а ф о с, город в Греции, знаменитый культом богини Венеры.

П а ш о в а т ь, в карточной игре то же, что пасовать: отказываться от объявления игры.

П е н т е й (миф.), властитель Фив, стремившийся воспрепятствовать неистовым празднествам в честь Диониса (Вакханалиям). Был растерзан своею матерью и тетками.

П е р г а м с к и й ц а р ь, Приам, отец Париса. Пергам — Троя (в «Похищении Прозерпины» этим именем неправильно названо озеро Перг—Pergus).

П е р е б ь я к а, потасовка, побои.

П е р с е й, мифологический герой, отрубивший голову Медузе, муж Андромеды, спасенной им от смерти.

П е р у к, парик.

П е т и м е т р, щеголь, вертопрах. «Моя наука, рассуждает петиметр, состоит в том, чтоб уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трюгающие безделки, вздыхать кстати, хохотать громко, сидеть разбросану, иметь приятный вид, пленяющую походку, быть совсем развязну, словом дойти до того, чтобы называли шалуном те люди, которых мы дураками называем. В беседе со щеголихами бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости» («Живописец» 1772 г.).

П и л ь н о в а т ь, подстергать, стараться.

П и н д а р (521—441 до н. э.), древнегреческий поэт, известный своими одами.

П и р о п, драгоценный камень, карбункул.

П и ф и к, по-церковно-славянски — обезьяна, мартышка.

П и ф о н, чудовищный змей, убитый Аполлоном на Парнассе.

П л у т о н (миф.), брат Юпитера, бог подземного царства мертвых, похитивший Прозерпину и взявший ее в жены.

П о д к л е т ь, нижняя часть избы, иногда жилая, иногда служащая кладовой или хлевом.

П о л и ц а, полка.

П о л ь я к, в ломбере особый способ объявления игры, при котором козырная масть определялась верхней картой колоды, а не объявлялась игроком. Поляк имел преимущество перед в о л е й, (см.), но уступал с а н п р а н д е р у (см.).

П о м о н а (миф.), «богиня садов и плодов, представляется она в венке из виноградных гроздьев и листьев, а в руках держит рог изобилия или корзину, наполненную плодами» («И то и сё»).

П о н т, море (греческое слово, бывшее в употреблении в поэзии XVIII в.).

П о н т а, в ломбере туз козырной масти (в случае, если козыри были черви или бубны).

П р а д о н (1632—1698), второстепенный франц. трагик, известный соперничеством с Расином. Когда тот готовил к постановке «Федру» (см.), Прадон наспех изготовил трагедию на тот же сюжет, более соответствовавшую вкусам общества. Пьеса Прадона,

несмотря на свои литературные недостатки, получила предпочтение у публики. Друзья Расина преследовали Пракона сатирами и эпиграммами, вследствие чего имя его стало употребляться в значении бездарного поэта. По этому поводу В. Майков писал в оде Сумарокову:

Прадон предпочитаем ложно
Расину «Федрой» был своей;
Но что? Прадонов вкус скончался,
Расин победой увенчался.

Преферанс, в игре в ломбер «преферансами называется та масть, в которой в козырях самая первая игра сыграна была. Сия масть то имеет преимущество, что игрок в простых игроку в преферансах, равную игру с ним играющему, завсегда уступать должен. За игру в преферансах платится вдвое, равномерно и ма-тадоры имеют двойную цену» («Новейший русский карточный игрок», ч. II, 1809 г., стр. 136).

Приам, троянский царь, отец Гектора и Париса.

Приап (миф.), бог плодородия, садов и полей. Символом плодородия являлось изображение мужского полового органа. Уже в древности Приапу посвящали нескромные стихотворения. В XVIII в. пользовалась известностью порнографическая ода Приапу Пирона (в переводах Баркова и Елагина); отсюда связь имен Приапа с порнографической литературой, представителем которой Майков, повидимому, считал Скаррона.

Припись, «с приписью подъячей. Приказный письмоводитель в судебном месте, за секретаря или дьяка должность от-правляющий. В малых или приписных городах при воеводах на-ходились с приписью подъячие» («Словарь Академии Российской»).

Прокриса (миф.), афинская царица, жена Цефала, не-чаянно убившего ее на охоте и бросившегося в море со скалы Лев-када.

Променада, прогулка.

Пронизка, стеклярус.

Протей (миф.), морской бог, обладавший способностью ме-нять облик. Авторы «Похищения Прозерпины» неправильно на-зывали его богом садов, смешивая его с Приапом.

Пря, спор, драка.

Пудреман, накидка или халат, надевавшиеся в то время, когда пудрили на себе парик.

Пул, или пуло, старинная русская мелкая монета. Ни пула — то же, что: ни гроша, ничего.

Пышки, перья, пух.

Рация, довод, резон (от латинского ratio).

Ремиз, в ломбере такой исход игры, когда объявивший игру берет столько же взяток, сколько и один из его противников (по четыре взятки). Тройной ремиз — когда все трое играющих берут по три взятки. В обоих случаях это засчитывается объяви-вшему игру как проигрыш, и он оплачивает лабет.

Роба, платье (франц. robe).

Р о б р о н, или робронда (франц. robe ronde — круглое платье), аристократический дамский туалет XVIII века, состоявший из широкой юбки, надевавшейся на каркас (кринолин).

Р у к а, кабак на перекрестке двух дорог, выходивших на Московскую дорогу: нынешнего Международного проспекта, шедшего мимо Семеновской слободы, и Лиговки, проходившей через Ямскую слободу; теперь на этом месте находится фабрика Скороход (у Московских триумфальных ворот).

Р я д а, условие, договор.

С а в с к а я ц а р и ц а, упоминаемая в Библии легендарная могущественная царица, посетившая Соломона.

С а л м о н е й (миф.), сын Эола, царь Элиды. Возомнив себя равным богам, разрезал в колеснице по высоко сооруженному бронзовому мосту, за гордость низвергнут Юпитером в ад.

С а м о с, остров в Архипелаге. Здесь находился храм Геры-Юноны, считавшейся покровительницей острова.

С а м с о н, самый большой из петергофских фонтанов; сделан в виде статуи библейского силача Самсона, раздирающего пасть льва, откуда вырывается мощная струя воды.

С а н п р а н д е р (франц. sans prendre — не беря), в ломбере такое объявление игры, при котором игрок, называя козырную масть, отказывался от прикупки. Санпрандер имел преимущество перед **в о л е й** (см.) и **п о л я к о м** (см.) и давал наибольший выигрыш.

С а р п е д о н (миф.), герой Троянской войны, сын Юпитера и Лаодамии; убит Патроком.

С а т у р н (миф.), бог посева и жатвы, отец Юпитера.

С а ф о, знаменитая греческая поэтесса VII в. до н. э. В своих произведениях воспевала любовь. По преданию, безнадежно влюбившись в прекрасного юношу Раона, бросилась в море с Левкадской скалы.

С б о р н и к, род крестьянского женского головного убора; повязка или чепчик, покрывающие волосы.

С в и р е л к а, в поэтическом языке XVIII века символ пастушеской поэзии — идиллий и пасторалей; в более широком значении символизирует элегию.

С г о н о ш и т ь, смастерить, сделать.

С е м е л а (миф.). «Дочь Кадма, царя Фригийского, желала увидеть, как Юпитер мечет гром, и от сего блистания превратилась в пепел родивши Бахуса. Но другие говорят, что Кадм положил ее в корзину, бросил в реку» (М. Чулков, «Краткий мифологический словарь»).

С и л е н (миф.), «старший сатир, сын Меркурия или Пана и некоторой Нимфы; он воспитывал Бахуса и упражнялся всегда в пьянстве» (М. Чулков, «Краткий мифологический словарь»).

С к а з к а, буквальный перевод латинского fabula; в современном значении фабула — предмет повествования, основное содержание литературного произведения.

С к о с ы р ь, надменный, наглый человек.

С л о в о, прежде типографская литера, буква.

С м у р ы й, темного цвета, буровато-серый.

С о р о ч и н ы, поминки в сороковой день после смерти.

С п а с с к а я ш к о л а, духовная академия при Заиконоспасском монастыре в Москве. Здесь учился поэт Василий Петров.

С п у р и н н а, по преданию прорицатель, предсказавший Цезарю несчастье в мартовские иды. Действительно, в этот день Цезарь был убит.

С т а т с к и й с о в е т н и к, см. **Ч и н ы**.

С у, частица, употреблявшаяся в разговорной речи в знак вежливого обращения (сокращение слов «сударь», «сударыня»).

С у к и, разновидность игры в рюхи или городки: суки (чурки) выбиваются палками из лунок.

С ъ е з ж а я, арестантское помещение при полицейской части.

С ы р н а я н е д е л я, масленица, последняя неделя перед великим постом, время, когда происходят гулянья и едят блины.

С ы р т ь, крупная рыба, иначе рыбец.

Т а в л и н ц ы, дагестанские горы.

Т а й, в т а й, тайком, потихоньку.

Т а н т а л (миф.), за преступления наказанный вечной жаждой и голодом. Он стоит в реке, около дерева с плодами, но едва пытается напиться или сорвать плод, вода и ветви убегают.

Т а р л а т а н, ткань, род тонкой кисеи.

Т а р т а р и я, или **Т а р т а р**, подземное царство Плутона, ад, местопребывание душ умерших.

Т а т ь, вор.

Т е з е й (миф.), герой древнегреческих сказаний, победитель Минотавра в Критском лабиринте (см. **Д е д а л**), муж **Ф е д р ы** (см.).

Т е л е м а х (миф.), сын Одиссея и Пенелопы. Разыскав своего отца, странствовавшего после Троянской войны, он помог ему истребить назойливых женихов Пенелопы, рассчитывавших на смерть Одиссея. Странствиям Телемаха, сопровождаемого его наставником Ментором, посвящен прозаический французский роман Фенелона (1699), переведенный на русский язык тяжелыми стихами В. Тредьяковского («Тилемахида» 1766 года).

Т и з и ф о н а (миф.), одна из Эриний, богинь возмездия, преследовавших и казнивших виновных.

Т и л и м а х, см. **Т е л е м а х**.

Т и т е й или **Т и т и й**, «сын Юпитеров от Эллары Орхоменовой дочери. Сей некогда пришедши к Латоне начал делать ей любовные откровения и как увидел, что она на его слова не сдается, то вздумал несколько употребить и силы; но Юпитер увидя его бесстыдство низверг громовым ударом в ад, где каждый месяц приходит змей и сдает внутренние его части, которые паки вместе с луной вырастают» («Храм Древности»). Осипов в описании казни Тития следует Вергилию.

Т и т у л я р н ы й с о в е т н и к, см. **Ч и н ы**.

Т о м а с (1732—1785), французский писатель, автор академических «похвальных слов» и нескольких од, пользовавшихся известностью.

Т р е у х, 1) Род чепчика; женская шляпка, 2) оплеуха.

Т р и т о н ы (миф.), морские божества, составлявшие свиту Нептуна. Изображались трубящими в раковины.

Т р о я, в древности город в Малой Азии. Предания о борьбе греков с троянцами, возникшей из-за похищения троянцем Парисом Елены, жены спартанского царя Менелая, и о разрушении Трои (XII в. до н. э.) разработаны в эпических поэмах «Илиада» и «Одиссея», послуживших образцом для позднейших эпических поэм.

Т р у б а, в поэтическом языке XVIII века символизирует героический эпос.

Т р у д, правильное трут, легко воспламеняющееся вещество. До изобретения спичек огонь добывали высекая кремнем искры на трут.

Т у л у м б а с, собственно-турецкий барабан; переносно — увесистый удар, тумак.

Т у п е (франц. toupet), в мужской прическе (XVIII—XIX в.) высоко зачесанная спереди прядь волос.

У г а р, удалец.

У д к а, удочка.

У л и с с, или **О д и с с е й**, грек, царь Итаки, участник Троянской войны. Его странствия после окончания Троянской войны описаны в «Одиссее».

У р а з и н а, или **о р я с и н а**, большая палка, дубина.

У с т е р с ы, устрицы.

У с т ю ж н а, город на Мологе, Новгородской губернии. Там производились железные изделия.

У с ы н я - б о г а т ы р ь, сказочный богатырь с огромными усами. О нем рассказывается в народной сказке «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри». Изображения его встречаются в старинных лубочных картинках: «Сильный, славный богатырь Усыня Горыныч» (Д. Ровинский, «Русские народные картины». кн. I, № 49).

Ф а е т о н т, или **Ф а э т о н** (миф.), сын бога солнца Аполлона; по его просьбе Аполлон позволил ему совершить дневной путь на огненной колеснице (солнце), но слабый Фаэтон не справился с конями, колесница приблизилась к земле, возник нестерпимый зной и пожары, и Зевс, чтобы восстановить порядок и спасти землю от гибели, убил Фаэтона.

Ф а м а (миф.), римская богиня славы, изображалась в виде крылатой женщины, разносившей повсюду известия.

Ф а у н или **Ф а в н** (миф.), лесное божество у древних римлян.

Ф е б (миф.), см. **А п о л л о н**.

Ф е д р а (миф.), дочь Миноса и Пазифаи, жена Тезея. Она влюбилась в своего пасынка Ипполита, но любовь ее была отвергнута, и она оклеветала его перед мужем. Разгневанный Тезей призвал в качестве мстителя Нептуна, и Ипполит погиб. Федра в порыве раскаяния удавилась. Миф о Федре послужил сюжетом многочисленных трагедий древности и нового времени. Во Франции на эту тему написал трагедию Расин (1677). Хотя трагедия эта является

одним из лучших его произведений, она в свое время успеха не имела, тогда как одновременно поставленная, посредственная пьеса Прадона («Федра и Ипполит») получила у современников высокую оценку.

Фемида (миф.), богиня правосудия, изображавшаяся с повязкой на глазах и весами в руках (как символ справедливости и нелицеприятия).

Фетида (миф.), морское божество, главная из nereид. От брака ее с Пелеем родился Ахилл.

Финифть, эмаль.

Фортуна (миф.), богиня случая и счастья. Изображается в виде женщины с рогом изобилия и крыльями в знак непостоянства.

Фузея, ружье.

Фуро, женское платье особого покроя (без кринолина), бывшее в моде в 80-х гг. XVIII в.

Харя — маска.

Химера (миф.), чудовище, имеющее голову льва, туловище козы и хвост дракона.

Хинский, китайский.

Хлап, в картах то же, что валет.

Хода, ровная поступь, походка.

Царьград, русское имя Константинополя, или Византии, (ныне Стамбул), столицы Римской и Восточно-Римской (Греческой) империи с IV по XV в. Здесь имеется в виду летописное сказание о походе Олега на греков в 907 г., когда Олег, победив греков, обложил город данью и в знак победы повесил свой щит на городских воротах.

Цесарь, на французских картах XVIII в. — бубновый король. Ср. **Давид**.

Цефал — см. **Прокриса**.

Цибела (миф.), богиня луны и плодородия; культ ее носил характер оргий.

Циклопы (миф), чудовищные одноглазые великаны, работавшие в качестве кузнецов у Вулкана в Этне.

Цирцея (миф.), волшебница, владелица острова, к которому пристал во время своих странствований Одиссей. Она заманивала путешественников и превращала их в животных.

Цитера, или **Кифера**, остров в Архипелаге, место особого культа Венеры-Афродиты; там находился храм ей посвященный. Отсюда употребление этого имени в значении «остров Венеры». Цитерская щеголиха — Венера.

Цицерон, знаменитый римский оратор, живший во II в. до н. э.

Чины. По закону, изданному Петром I в 1722 г. с целью создания прочного служилого сословия и уничтожения исключительных привилегий поместного родового дворянства, все находившиеся на государственной службе распределялись по чинам,

разделявшимся по степеням старшинства на 14 классов. Некоторые из этих классов вскоре отпали. Гражданским чином соответствовали военные. Младший чин — 14-го класса — коллежский регистратор. 12 класс — губернский секретарь (в военной службе — подпоручик). 10 класс — коллежский секретарь (поручик). 9 класс — титулярный советник (штабс-капитан). 8 класс — коллежский ассессор (капитан). 7 класс — надворный советник (подполковник). 6 класс — коллежский советник (полковник). 5 класс — статский советник (бригадир). 4 класс — действительный статский советник (генерал-майор). 3 класс — тайный советник (генерал-лейтенант). 2 класс — действительный тайный советник (генерал). Младшие чины давали право на личное, старшие — на потомственное дворянство. Это вызывало антагонизм чиновного дворянства с поместным родовым, фактически терявшим свои прежние привилегии. Борьба особенно обострилась в 60-х и 70-х годах, когда на политическую арену выступила буржуазия. Кадры чиновного дворянства пополнялись из среды крупной и средней торгово-промышленной буржуазии, из старых приказных и семинаристов и из безземельных («худых») дворян. Получение чинов было главным путем к овладению гражданскими и экономическими правами (напр. правом поместного землевладения).

Чудская свинья, порода длинноухих крупных свиней.

Чумак, «в питейных домах: прислужник целовальнику, который разносит напитки пьющим, наблюдает чистоту, обирает пустую посуду, и проч.» («Словарь Академии Российской»).

Шабала, лохмотья, рваные висящие лоскутья; переносно — вздор, болтовня, балагурство.

Шаль, шальной.

Шашечка, девушка, за которой ухаживают, подруга, любовница (фабрично-заводское выражение).

Шмелой, детская игра: бег взапуски на корточках.

Шнипер, хирургический инструмент, нож для кровопускания.

Шпадилля, или шпадиль, в ломбере туз пик, имевший всегда значение первого козыря.

Шумиха, сусальное золото.

Шурмовать, бушевать, буйствовать.

Щетиться, отказываться, отрекаться.

Щунять, бранить, журить, усовещевать.

Эбеновый, сделанный из черного дерева.

Эол (миф.), бог ветров.

Эолия, Греция. Произошло от имени мифического родоначальника греческого народа Эола.

Эскулап (миф.), бог врачебного искусства.

Юдифа (Юдифь), на французских картах XVIII в. — дама червей. Ср. **Давид**. Названа так по изображенной на карте библейской героине Юдифи, убившей вождя вражеских войск Олоферна.

Юнона (миф.), «Сатурнова дочь от Опы, богиня царств, чести и богатства, сестра и жена Юпитерова, с которым редко в согласии жила по причине ревности своей» («Храм Древности»).

Юпитер (**Зевс**), верховное божество греко-римского мира. Бог света и неба. Повелитель богов.

Юрьев (**Дерпт**), город, ныне входящий в состав Эстонии; известен университетом, основанным в 1802 г.

Яжелбицы, почтовая станция на дороге Петербург — Москва. См. **Валдай**.

Язон (**Ясон**), герой сказаний об аргонавтах, похититель золотого руна. Обладал несокрушимой силой и ловкостью благодаря чарам **Медее** (см.).

Янус (миф.), бог войны у римлян. Изображался двуликим, с лицами, обращенными в разные стороны. Храм его был открыт во время войны и закрыт во время мира.

Ярыга, пьяница.

Ясон. см. **Язон**.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора</i>	7
Предисловие проф. В. А. Десницкого	9
Ирои-комическая поэма	75
в. п. майков	89
Игрок ломбера, поэма в трех песнях	101
Елисей или раздраженный Вакх	117
м. д. чулков	179
Стихи на качели	194
Стихи на семик	210
Плачевное падение стихотворцев	217
Поэзия на изнанку	239
н. п. осипов	261
Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку	267
а. котельницкий	467
Окончание Енейды	471
иван наумов	537
Янсон, похититель золотого руна, во вкусе нового Енея, российское сочинение	543
е. люценок	563
Похищение Прозерпины	574
Комическая поэма в начале XIX в.	627
в. л. пушкин	635
Опасный сосед	649
а. а. шаховский	653
Расхищенные шубы	669
<i>Примечания</i>	701
<i>К иллюстрациям</i>	752
<i>Словарь</i>	755